Вечный путь.

Книга 4.

Глава 1.

Долгожданное путешествие к Ярославу. Деревня старца Леонида.

Незатейливые лучики солнечной улыбки озорно забегали на горизонте, столь знакомый и уже родной пейзаж радовал сердце пробуждением нового дня. Свежий летний воздух заполнил собой всю комнату, окружая легкой теплой свежестью, придавая сил к предстоящему путешествию.
Полюбовавшись красотой природы, начал собираться в поход, решая внутри себя задачу «как это мероприятие перенесет Кирилл?» Предположив, что ему будет несколько волнительно совершать первое в жизни путешествие в тайгу, вышел из комнаты и направился на крыльцо, где меня уже ждали две «новости»: первая в виде старца Григория, очевидно собравшегося с нами в поход; вторая в виде солнечного князя, одарившего меня приветливой улыбкой.
- Как хороша сегодня погода для путешествия, - начал я, - Однако, для полноты картины не хватает кое-кого.
- Погода в самом деле хороша, - Михаил выдержал паузу, как бы наслаждаясь этим чудесным утром, - Настя помогает Кириллу собраться с вещами и с мыслями в его первый поход.
Внутри, было, мелькнула мысль, что это мне следовало бы сейчас помогать другу собираться, уже было мелькнула мысль о новых гранях такта, над которыми стоит поработать, как наши приготовленцы показались на крыльце.
Мы обменялись дружественными приветствиями, на лице Кирилла читалось довольно серьезное волнение, словно он шел совершать гражданский, а может и военный подвиг, за который он будет отчитываться перед народом всей страны. На деле же он совершал все тот же подвиг, вот только отчет собирался держать перед самим собой.
Когда мы подошли к границе между городом и лесом, волнение юноши начало перерастать в открытые сомнения, в этот момент к нему подошел Григорий. Настя о чем-то говорила с князем, не решившись нарушать их беседу, я примкнул к старцу и юноше, стараясь поддержать друга своей, без преувеличения, бушующей Радостью.
- Как первые впечатления? Не устал от ноши? – интересовался старец, по-доброму хитро улыбаясь.
Кирилл понял, что его внутренний вулканчик раскрыт, тяжело выдохнул и сказал:
- Впечатления прекрасные, а ноша давит лишь та, что в мыслях вертится с утра.
- О чем же мысли?
- Да разные, вот например одна «а вдруг устану раньше, чем дойдем, друзьям придется ждать», а из нее, и ей подобных врываются другие в сердце мне, что слаб, что недостоин и прочей ереси мешок. И знаю сам, что этот вздор так низок, что недостоин взоров и волнений, однако, он во мне и до сих пор не побежден.
- Должен заметить, что данный «вздор» рождает в тебе поэта, - пошутил я, друзья улыбнулись, Григорий решил подыграть Кириллу.
- Не слушай комплиментов «вздорной» пробы, в тебе поэт, и это не от «вздора». Едва Душа твоя коснулась леса края, в ней ожили в творенье Любви звенящий Свет. И лепестки от лотоса на сердце раскрылись в рвении Творить. Однако, омраченный бурей мыслей вредоносных, ты пал к стопам минувших бед. Воспрянь, и устреми свой взор к вершинам, к вершинам Духа, что в тебе. А коль уж доведется нам присесть, и время на привал переменить, так будет то отрадно всем. Не только немощь косит ноги, но так же Красота,

Любовь и жажда знаний.
Теперь мне в пору было бы либо ответить в такт новоявленным поэтам, либо сострить.
- Весьма польщен и очень рад, что близь меня столь мудрые поэты, прошу прощенья за свой вздор о «вздорном» наваждении.
Откровенный комизм ситуации разогнал все тучи на лице Кирилла, и теперь он улыбался как счастливое дитя, вспоминая короткими смешками отдельные моменты из «дуэли поэтов».
Тем временем мы подходили к хорошо знакомым мне березкам, которые вновь манили вглубь тайги, в гости к Ярославу, чей чудный образ тут же пронесся перед глазами.
Хоть эти места и были мне хорошо знакомы, каждый раз они раскрывали внутри моего сердца что-то новое, словно воплощали в жизнь весь тот опыт слияния с Природой, который я приобрел за минувший год. Прошло совсем немного времени, а мое сознание уже, казалось, растворилось в окружающей природной красоте, я будто бы летал по всей тайге, заглядывая в знакомые места, к знакомым людям, окончательно отрываясь от земли…
И если бы не заботливая рука Насти, потревожившая мою мечтательность, я бы верно один отправился бы к Ярославу, потому как вся наша компания остановилась на привал. Михаил доставал что-то съестное из мешка, который он заботливо прихватил с собой, Кирилл с аппетитом поглощал продовольствие ураганными темпами. Однако, ни вид еды, ни аппетит друга не пробудили во мне ровно никакого желания к еде, мое сознание все еще находилось где-то высоко и далеко отсюда, и никак не хотело влезать в плотную физическую оболочку.
Неугасимый голод Кирилла, по мере насыщения, переходил в новую форму – форму голода информационного, который он принялся утолять при помощи вопросов к Григорию. Всеведающий старец ловко, весело и образно рассказывал юноше о жизни местных животных, растений, о влиянии погодных условий на жизнь тайги в целом…
Сытый, довольный, с горящими глазами, Кирилл, выслушав интереснейший рассказ, поблагодарил Григория, и мы двинулись в путь. По правде сказать, лекция была крайне интересна и мне, потому, поблагодарив старца, весь оставшийся путь я провел в обществе Григория и Кирилла, который все норовил выспросить чего-нибудь поинтересней.
Довольно скоро мы добрались до чудного участка Ярослава, от одного только вида которого во мне просыпалось какое-то детское чувство «дома», будто бы именно здесь прошли самые яркие годы детства, и именно отсюда я уехал познавать большой мир.
Сердца Насти и двух мудрецов были сокрыты от моего взора, а вот сердце юного друга Кирилла разворачивалось передо мной как хорошо знакомая книга: юношу все еще терзали волнения перед новым знакомством, он размышлял чего стоит, а чего не стоит делать при этом, еще не известном ему, человеке, его мысли больше крутились о том, как бы повыгоднее создать собственный образ в глазах незнакомого человека.
Григорий покинул нашу мужскую компанию и присоединился к князю с Настей, очевидно желая о чем-то сообщить Михаилу. Воспользовавшись столь удачным уединением я обратился к другу:
- Причудливая живая изгородь наверняка уже удостоилась твоего внимания, то с какой заботой она высажена, как соблюдены нужные хозяину геометрические пропорции и вместе с тем как гармонично эта изгородь сочетается с природой вокруг. Совершить такое, должно быть, мог лишь гармоничный в душе человек, или гений, тот земной гений, что входит в состояние равновесия с миром, когда творит. Хозяин этого уголка вселенной, как мне чувствуется с первых минут знакомства с ним, слился в своем гении с потоком Жизни уже очень давно и запросто мог бы соперничать с Григорием в умении читать людские сердца и мысли. Он не строит внутри себя образ человека, который ему, уверен, часто мечтали подать многие люди, желая осветить поярче одну сторону своей души и скрыть поглубже другую, он видит человека целиком. Но взор его лишен какого бы то ни было осуждения человеку, и только сам человек своей внутренней жизнью приближает

себя к нему или отдаляет.
Мысли юноши завертелись в совершенно другой плоскости, пересматривая свои недавние «приготовления к встрече».
- Верно… ты верно попал в мои волнения, и я постараюсь запомнить эти слова, но мне, право, до сих пор немного не по себе от того, что другой человек вот так запросто может проникнуть в мои мысли.
- Поверь, мне было столь же неловко поначалу, откровенно говоря, я, то и дело, ощущал себя потрепанным справочником, который листали ежедневно все вокруг. Однако, мы уже у входа, пора бы направить внимание на другие цели.
Прозорливец Ярослав узнал о нашем путешествии, казалось еще задолго до его начала, посему успел приготовить не только мелкие дела по хозяйству, но и сотворить очередной кулинарный шедевр, о чем я догадался по чудному запаху блюда. Старец уже спускался с крыльца, приветствуя нас, раскрыв руки для объятий.
Не знаю, куда девался весь мой такт, и вообще не помню как ноги понесли меня к старцу, да только через мгновение я уже грелся в объятиях этого дивного человека. Вскоре в объятиях оказалась и Настя.
Кирилл более напоминал вкопанную жердину, нежели юношу – столь сильно было его удивление. Григорий с Михаилом смеялись, выражая надежду, что столь талантливый дедушка воспитает своих «внучат» в плане такта, раз они оба в этом не преуспели.
Я сделал глаза провинившегося котенка и стыдливо посмотрел на князя, чем еще больше всех насмешил.
- Ух и избаловали вы моих внучат, - продолжал смеяться Ярослав, - а уж фокусам каким их научили – Диме теперь в пору сдавать экзамен на профессионального хитреца.
Князь, смеясь, подошел к все еще остолбеневшему Кириллу, легко обнял его за плечо и повел к Ярославу со словами:
- Уж за кого нам не следует стыдить свои воспитательские таланты, так это за сего прекрасного юношу, почетно ожидавшему своей череды знакомства. Смею тебя заверить, дорогой друг, этот юноша подарит всем нам еще много приятных сюрпризов, используя силу своего львиного сердца. И, как подобает истинному льву, он скромен, и едва ли раскрыл бы перед тобой природу своего сердца.
Довольно странные вещи творились с Кириллом по ходу слов князя: в одни моменты он становился нашим старым знакомым «красным помидором», в иные какая-то сила, казалось, пробуждалась в нем, желая вырваться наружу, и пробуждалась она именно в сердце. Михаил и Ярослав обменялись уже совсем не шуточными взглядами, старец словно принимал от Учителя четкое мысленное указание о том, как и до каких границ следует развивать вверенного ему человека. Проникнуть в суть этих указаний я не смог, но во мне прочно закрепилась уверенность в том, что завтра же утром князь, а может и Григорий, уйдут по неведомым нам делам дальше в тайгу, а мы останемся здесь под водительством дедушки, пока не получим дальнейших указаний к путешествию.
Ярослав положил руки на плечи юноше, внимательно посмотрел ему в глаза и сказал уже тихим мягким голосом:
- А ведь ты и вправду носишь царственное сердце в груди, если пойдешь свой путь и дальше с таким же рвением, то достигнешь и царственной силы, - такие простые и привычные, особенно в обществе князей, слова словно перевернули что-то внутри юноши.
Еще немного пожурив над тем, что царственную силу лучше бы подкрепить чем-нибудь вкусным и существенным, мы двинулись в дом.
За трапезой тек легкий разговор о многих и многих вещах, что-то из этого я знал, но в большинстве своем пребывал в полном неведении тех вещей и событий, о которых шла речь, посему в моем распоряжении было несколько свободных минут для размышлений. В эти минуты я размышлял о том, как князь с Ярославом ловко использовали стресс Кирилла, чтобы повернуть какую-то «деталь» его души в сторону развития и раскрепощения силы. Не нужно быть гением, чтобы понять, что Мастер Искусства Мира

через систему тренировок вскроет новый аспект Силы в данном ему ученике, о природе этой силы я мог предположить лишь два слова «львиная» и «царственная». В какой-то момент мое сознание составило образ Кирилла и эти два слова, преобразовав их в Кирилла в доспехах, на коне, с мужественным и бесстрашным лицом, сражающимся на поле боя с дюжиной противников и побеждающим их…
- Право не знаю, откуда я сейчас сниму сего богатыря: или с коня, или из царских палат, а может даже украду из самой Африки, - шутил Михаил, юморно поглядывая в мою сторону, - однако, мне придется это сделать, потому как нас не так уж много осталось за столом.
И тут я опомнился – за столом сидели князь, Григорий и я, все остальные уже вышли к открытому небу. Очевидно князь знаком попросил людей не отрывать меня от мыслей, договорил о чем-то со старцем, в этом я был уверен, так как их говор я четко слышал сквозь пелену собственных мыслей, а теперь и мои мысли перешли в разряд фантазий и их разговор подошел к концу.
Ответив на фразу Учителя кивком, я, было, собрался присоединиться к молодым участникам похода, но Михаил меня задержал:
- Как ты уже верно догадался, Ярослав вскроет в нашем юном друге новые грани его Духа, которые он будет воспринимать как грани собственной личной силы. В этом есть множество опасных моментов: агрессия, гордость, несоразмерное использование сил в жизненных обстоятельствах. Ярослав обо всем этом прекрасно знает и приложит весь свой талант, чтобы уберечь Кирилла от этих ям, сложность в том, что юноша будет воспринимать нашего мудрого друга как недосягаемую величину Духовной Мощи, потому будет стесняться его и не сможет быть полностью искренним и с Ярославом и с самим собой в его присутствии. Тебя же попрошу о внимательном уходе за Кириллом. Больше об этом тебе скажет Настя, она получила от меня подробные указания по пути сюда. И… еще одно, я четко читаю один вопрос в твоих глазах, думаю тебе следует задать его.
- Как всегда, Учитель, твоя проницательность проникает в мысли еще в зачатке их развития. Мой вопрос довольно прост – от чего нельзя было раскрыть эти грани Духа в Кирилле, когда он был в имении, под присмотром не только тебя, но всех нас?
- Дело в том, что город, общение с разнообразными людьми, дают довольно много поводов для развития и укрепления внутри сердца тех душевных заноз, о которых я сказал. Потом ты на себе ощущаешь, насколько разнится атмосфера города и этого чудного уголка тайги. Здесь, не смотря на мой и Григория скорый уход, Кирилла поджидает куда меньше соблазнов и опасностей, можно сказать и так, что мы ждали целый год, чтобы раскрыть в Кирилле его внутреннюю силу в качественно новом свете, не опасаясь губительных последствий.
Эти слова перевернули что-то и в моей душе, я осознал насколько мало был внимателен к людям в собственном самом близком окружении, ведь целый год прошел, год активного ожидания, и вместе с тем год напряженного обучения… А я не то чтобы не догадался – даже не задумался о том, почему князья не подарят Кириллу знание о той Силе, которую я сам познал… И тут меня словно молнией сразило – что сам не внимателен к окружающим, да я не сознавал, от чего во мне эту силу раскрывал именно Ярослав, от чего я ждал летнего путешествия к этому милому старцу. Теперь мне стало куда более ясно, от чего в момент одной из тренировок с Ярославом, он и Настя веселились от моей мысли, «Да он превосходит мастерством обоих князей сразу». За какие-то короткие две-три минуты во мне перевернулось если не все, то большая часть моего мировоззрения. Перемены так сильно кипели во мне, что, не решившись разрывать своим котлом перемен мирную атмосферу друзей, я решил прогуляться по дивному саду и поразмыслить, еще и еще раз поразмыслить о Жизни вообще и о моем месте в ней в частности.
Сам не знаю, как сквозь пелену жужжащих мыслей я пришел к своему излюбленному дубу, бессознательно уселся под ним, продолжая укладывать в сознании все новые и

новые потоки мыслей. По мере переосмысления минувших лет в душе поднималось уже знакомое, и в то же время новое чувство зрелости, чувство наново понятой ответственности и необходимости острого внимания.
Укрепив в себе этот новый аспект души, я отправился к друзьям, которых столь бестактно покинул.
Друзья времени не теряли: под чутким руководством Ярослава Кирилл «крутил каты», Настя выполняла те же самые движения, князь с Григорием стояли чуть в стороне. Плюс моего положения заключался в том, что подходил я к тренировочной площадке так, что Кирилл и Настя меня не видели, и мог сделать видимость усердной тренировки, вроде бы никуда я и не отлучался.
Михаил четко уловил эту мою мысль, улыбнулся, поднес палец к губам и жестом указал место, где бы мне следовало начать свою «почти полную» тренировку.
Не знаю, что именно развивали в себе сейчас ребята, я направил все внутренние силы на укрепление наново понятой цельности и зрелости характера.
- Теперь мы плавно переходим к отработке различных приемов, в этом нам поможет, разумеется, богатырь-Дима, - сказал Ярослав, хитро прикрыв правый глаз, как бы сообщая мне, что он одобрил мой «лодырнический» маневр с тренировкой.
К удивлению Кирилла, глаза которого не замедлили округлиться от моего неожиданного появления, я преспокойно подошел к старцу. Далее Ярослав несколько раз показал один и тот же прием с удержанием в конце, затем попросил меня присоединиться к ребятам, а сам наблюдал, как наша тройка отрабатывает данный маневр.
Нам с Настей прием был хорошо знаком, потому у нас сложностей с выполнением не возникало, Кириллу же пришлось изрядно потренировать свое восприятие, прежде чем ему удалось выполнить все действия «чисто». Еще несколько приемов показал нам дедушка, которые мы отрабатывали так же втроем, затем мы перешли к освоению передвижения. Ярослав попросил меня нападать на него всеми возможными способами, а его задача сводилась к уходу с линии атаки. Как я только не старался, попасть в Мастера так и не получилось, а вот ему то и дело удавалось забраться ко мне за спину, как-то хитро дернуть за краешек уха, чтобы я завалился на траву.
Не знаю как это смотрелось со стороны, но для моего восприятия, как человека находящегося внутри событий, Ярослав если не телепортировался, то уж верно метался как молния. После очередного моего падения, случившегося благодаря подсечке Ярослава и моей невнимательности, Мастер окончил демонстрацию передвижений, и протянул мне руку помогая подняться.
Первое, что я увидел после светящегося лица Ярослава, было удивленное, растерянное и даже, как мне показалось, немного испуганное лицо Кирилла. Видимо, в его сознании только что начал рушиться барьер убеждений относительно скорости передвижения человека, а вслед за ним и убеждения о возможностях человека в целом.
Ярослав направил меня тренировать передвижения с Настей, а сам подошел к Кириллу, что-то ему сказал, затем отвел немного в сторону и стал показывать самые простые движения из разряда уклонений: нырки, уклоны, отшаги, положения и работа ног. Опять в голове мелькнула мысль, что это состояние стресса Ярослав вызвал не случайно, и теперь использует его для обострения восприятия юноши. Однако, думать было некогда, я уже получил несколько сногсшибательных, в прямом смысле этого слова, маневров от Насти, и решил полностью переключить внимание на то дело, которым занимаюсь в данный момент. Справедливости ради надо сказать, что это помогло мне в тренировке.
Вот так мы потренировались до ужина, который наступил весьма неожиданно для меня и Кирилла. Окончив тренировку, я начал искать глазами князя и Григория, но их нигде не было, мы немного погуляли по саду, чтобы не загружать желудки сразу после физической активности, и пошли в дом. В доме князя и старца тоже не было, зато был ужин на столе, приготовленный, судя по всему, именно этими двумя.
Распределение комнат на ночлег не составило труда – мы с Настей заняли привычные

места, Кириллу тоже нашлось удобное ложе, которым он не замедлил воспользоваться, вскоре в сон погрузился весь дом.
Утро выдалось теплым, приятным, и по-настоящему летним. Ярослав попросил меня с Кириллом сходить за водой, оснастив наш малочисленный отряд ведрами. Недолго думая, мы отправились в путь, обмениваясь по дороге впечатлениями о вчерашней тренировке.
- Какой чудесный старец этот Ярослав, - начал Кирилл, - я поначалу и не подумал бы, что в этаком хрупком теле может скрываться такая сила, скорость и ловкость, единственное, что мое сердце поняло сразу – так это всеобъемлющую Доброту этого человека. Он, как бы это сказать, из той же высоты, что и князья, только если князья – адмиралы, то он – капитан, если сравнивать с военной сферой. Знаю, я выразился довольно путано, но, думаю, ты меня понял.
- Верно, понял, - ответил я, невольно рисуя в голове образ Михаила-адмирала, - вот только кем ты видишь в этой иерархии себя?
- Себя, не могу сказать точно, кем-нибудь из самых младших. Хоть и помню, как мне про эти отмежевания говорил князь, а все равно внутри выстраивается именно иерархия, со всеми вытекающими разделениями на высших и низших.
- Раз так, то по какому признаку ты расставляешь людей в этой иерархии? Как ты знаешь, что вот он – адмирал, а он – так себе, матрос?
- Я уже думал об этом, но так ни к чему не пришел. Что-то внутри меня словно само собой решает этот вопрос, а мне остается лишь готовый ответ. Думаю, если максимально упростить этот загадочный внутренний процесс, то он, скорее всего, оценивает человека по его Силе, именно Силе с большой буквы, а не простому физическому развитию.
- А что есть Сила для тебя?
- Для меня это количество возможностей по взаимодействию с миром, потому как чем больше Силы, тем больше человек может совершить, следовательно, тем больше у него возможностей по взаимодействию с миром.
- На счет Силы… Еще со вчерашнего дня в тебе четко прослеживается большая перемена в этом плане, Сила словно заняла пьедестал в твоем сердце, стала идеалом и смыслом жизни.
Кирилл на мгновение остановился, сраженный этими словами.
- Как точно ты вновь заглядываешь в мое сердце, уж не раскрыл ли тебе Учитель сей тайны? – спросил юноша, стараясь перевести свое удивление в шутку.
- Раскрыл, но в этом нет никакой тайны, это все – лишь внимание.
- Внимание…- как зачарованный, повторил Кирилл, - а вот эти молниеносные перемещения Ярослава – это тоже внимание?
- И в этом без внимания никуда. Видишь в чем дело – человеку Гармоничному невозможно развиваться однобоко. Невозможно развить в себе волю, Силу и прочие вещи, но позабыть про внимание. Когда человек действует, старайся видеть в нем не только внешнюю форму, а прежде всего огонь его Вечного, весь конгломерат его индивидуальности, тогда твоему взору откроется куда больше, чем простым физическим органам чувств.
- Ты говоришь очень высокие вещи, да только вот думаю, что принести их в свою жизнь как действие, а не как мертвое «знание» - крайне сложная задача. Вот как я к примеру – вроде бы понял, что людей делить на классы и иерархии не следует, а все равно делаю это… И вот еще одно наблюдение, которое только что пришло мне в голову – с тобой, со всеми нашими друзьями можно говорить о чем угодно, рассказать о любой своей промашке, и быть уверенным, что тебя даже в мыслях никто не осудит, не то чтобы в лицо, или, того хуже, за спиной. Кажется, я только сейчас понял насколько это важно – чтобы осуждения не было не только в словах и жестах, но прежде всего в мыслях. Тогда любой собеседник расскажет тебе даже сокровенные тайны совершенно спокойно. Но, как не печально, и как я часто видел у своих родителей, чем люди ближе общаются, не в смысле духовного общения, а в смысле бытовом, тем более они несут осуждение друг

другу. В общем спасибо вам, что вы есть, - закончил Кирилл, едва сдерживая слезу на глазах, очевидно, он только что вскрыл в душе какую-то старую рану.
Быстрая оценка ситуации подсказала мне, что в данном случае следует проявить мужественность характера и воззвать к идеалу друга – к Силе, иначе слезы сорвутся с глаз, а это очень опасно для человека, что решил посвятить себя Силе, хотя бы в ближайший месяц-два.
- И тебе спасибо, друг, - начал я, крепко пожимая его руку, - я искренне рад, что рядом со мной человек, поставивший своим идеалом Силу с большой буквы, Силу – как развитие души, - на этих словах в сердце Кирилла снова поднялось нечто львиное, на слезы не стало и намека, - и я буду вдвойне рад, если твое развитие будет идти столь же быстрыми, или даже более быстрыми темпами, чем оно проходило весь минувший год.
Вскоре мы добрались до речки, набрали воды, немного посидели на берегу, понаблюдали величие Красоты Природы, и двинулись в обратную дорогу.
- За минувшие годы жизни в имении князей я стал свидетелем многих сцен раскрытия человеческой природы, иногда самых нелицеприятных ее сторон, и хочу сказать кое-что о Силе в людях. На пути развития Силы, особенно в его начале, человека подстерегает такая вещь, как гордость и сопутствующая ей агрессия. По сравнению с большинством людей из своего окружения, человек, сознательно взращивающий Силу всего своего существа, становится заметно могущественней, влиятельней. В мыслях начинают мелькать ниточки возвышения себя и унижения других, вокруг такого человека появляются люди-прихвостни – особый вид морального извращения среди людской массы, которые с великим мастерством закрепощают несчастного «силача» в оковы гордыни. Проходит немного времени, и человек уже не в состоянии сколь-нибудь объективно оценивать окружающий мир, его основной реакцией на неприятные ему вещи становится агрессия. С этого момента человек практически неминуемо движется к краху своего положения в обществе и краху взглядов на самого себя. Однажды, рано или поздно, сила этого человека окажется слабее силы встречных обстоятельств и он сломается. Жизнь надрежет кожу его эгоизма, и выдавит гной гордыни, когда же гной и лишняя кожа будут удалены, человек с ужасом осознает истинное положение вещей, понимает, что разменял свою Силу духа, на силу плоти и эгоизма, которая при умножении на временную составляющую равна нулю, - подметив удивленные глаза Кирилла, я решил, что этот момент следует пояснить более подробно, - Время – это довольно относительная величина, я бы даже сказал иллюзорная. Время и временные вещи существуют лишь в скоротечном материальном и схожих с ним мирах. Чем выше мерность пространства, тем слабее на него действует «временная материя». Вот например, ты написал книгу, вложил в нее бумагу, чернила, обложку, свои эмоции, переживания, мысли, эманацию своей души… Прошло лет пятьдесят – книга поистрепалась и стала непригодной к использованию, но эмоции, заложенные в нее все еще живут в людях. Им даже не обязательно было читать эту книгу – эти эмоциональные подъемы или падения они могли перенять от своих родителей и прародителей, что восхищались и переживали твою книгу. Прошло еще какое-то время, почти изгладились эмоции, но остались основные идеи твоей книги, они живут в «крылатых фразах», в других книгах, в головах людей. Когда же и это канет в лету, то в вечном останется акт твоей души, что через книгу соединилась с читателями, с их Божественной искрой. О более высоких вещах я бы хотел сказать, да просто не умею подобрать к ним слов. Но даже этих слов довольно, чтобы твердо понять – единиться с людьми следует на Любви, на всем лучшем, что есть в тебе сейчас, иначе пострадают как люди, так и ты сам, так и весь мир, так как ты – неотъемлемая часть этого мира.
Кирилл шел молча, видимо, он был потрясен сказанными словами, я решил, что сейчас продолжать речь не имеет смысла, вспомнил про меру вещей, улыбнулся и зашагал молча до самого дома.
- А вот и наши братья-философы, - обратился к нам Ярослав со своей несравненной

улыбкой, - судя по вашему внешнему виду, Кирилл только что защитился на доктора наук по невероятно сложной дисциплине.
- Ты прав, Ярослав, от этой прогулки я так повзрослел и набрался знаний, словно стал доктором науки Жизни.
- Что ж, в компании доктора и философа тренировка превращается в сплошное удовольствие, но сперва – легкий завтрак и прогулка.
Продолжая шутить с Ярославом, мы двинулись к дому, окутанные ореолом философии и научными познаниями Жизни. Однако, все наши ореолы разлетелись как стая испуганных голубей, едва мы увидели Настю – сегодня она была особенно лучезарна, олицетворяла собой Мудрость, что заключается в простоте. Между тем это неземное существо совершенно спокойно сервировало стол, словно она только этим всю жизнь и занималась. Завтрак был довольно легким, чтобы тяжесть в животе не мешала тренировке, да и есть с утра, откровенно говоря, не сильно хотелось. Мы окончили трапезу и вышли на прогулку.
- Кирилл, вот уже год как ты живешь вдали от родителей, как твои ощущения по этому поводу? Не скучаешь ли? Быть может мысли какие-нибудь приходят в моменты уединения?
- По правде сказать, я уверен, что ты знаешь ответы на все эти вопросы, а спросил для того, чтобы этот аспект жизни пробудился в моей голове. За этот год разлуки с родителями я приобрел все то, о чем мечтал, живя рядом с ними, поначалу мне думалось, что это будет очень тяжелым испытанием, но чем больше времени проходило, тем легче мне становилось, тем больше моих сокровенных надежд обретало материальные очертания. Сам не знаю, как и когда случилось так, что князья стали мне столь же родными, как родной отец, а княгиня и вовсе вывела мое понимание материнской Любви на столь высокий уровень, о котором я даже не имел мечтаний. Скука настигала меня довольно редко и давно, в основном это была скука по отцу, когда я его вспоминал, то чувствовал какую-то поддержку, понимание, искреннее желание помочь мне, а когда размышлял о матери, то ощущал раздражение, злобу на князей, неуверенность, ревность, все сразу, мне не нравились эти ощущения и я старался меньше размышлять о матери. Не так давно я понял, что эти ощущения – не плод моей фантазии, а чувства родителей, переданных мне через расстояние. Здесь, вдали от родного дома, я смог со стороны посмотреть на родителей, на их жизнь, и многое понять, многое увидеть в совершенно новом свете. Быть может это не правильный подход, но я мысленно отгородил себя от матери, чтобы не впитывать эманации ее бунта.
- На тот момент подобная «отгородка» была необходима тебе, но если теперь ты чувствуешь в себе силы, способные перебороть бунт матери и внести в ее душу свой мир, то перегородка должна быть убрана. Родители – это не только два существа, что привели тебя в этот мир через себя, это и твоя связь с родом, а если точнее, то с двумя родами – родом матери и родом отца. Если немного углубиться мыслью в этот вопрос, то легко можно прийти к результату, что все люди друг другу родственники, но я сейчас немного о другом – в тебе, в твоих генах, в твоих потаенных уголках сознания и подсознания есть информация о родословной твоих родителей, о знаниях и опыте твоих предков. И если, при помощи Любви и Благодарности, связаться с информационным полем рода, то можно овладеть этими знаниями, развить в себе Силу, Любовь в тех аспектах, в которых она уже была развита кем-либо в твоем роду. Но как бы это заманчиво не звучало, в большинстве случаев, люди не пользуются знаниями рода, потому как не умеют построить прочного моста с родителями, а родители в свою очередь не умеют передать эти знания, а чаще всего даже не подозревают о такой своей возможности. Старший в роду является проводником знаний из общего информационного поля рода в плотный мир. Если у человека более нет родителей в этом мире, то он становится у черты Вечности и передает Силу и Знания потомкам. Вижу, тебя терзает вопрос, задай его.
- Как же тогда знать что есть «твой» род, а что «не твой» род, ведь в итоге все равно все люди – родственники и значит все в одном роду?

- Верно. Возможности человека к получению опыта рода напрямую зависят от широты его сердца, если человек чувствует истинное родство с каждым живым человеком, как с кровным братом, то и знания он может получить со всего рода людского, а если чувствует родство лишь с отцом, матерью и ближайшими родственниками, то и знания сможет получить соответствующие. Чем шире сердце, чем сильнее Любовь в тебе, тем дальше Душа может проникнуть. К сожалению, большинство людей не дошло до осознания одной простой вещи – все люди – одна семья, одно целое. Когда я говорю «осознание», то понимаю именно духовное знание, а не умозаключения эгоистичной логики со своими вечными «должен» и «подай». Семья – это не значит расшибиться в лепешку, исполняя капризы лентяя, или утирая сопли жалобника, семья – это значит единение, развитие лучшего, взаимопонимание, терпение, обучение труду, а не выполнение труда «вместо» кого-то. В мировом порядке вещей нет таких законов, которые бы удовлетворяли одним только земным представлениям о «справедливости», «долгах» и «обязанностях» кого-то, перед кем-то. Род не обязан давать человеку знания, а человек не должен расплачиваться за них кровью, жизнью, счастьем и прочими вещами, как того требуют многие колдовские ордена. Человек может взять все, что ему необходимо, у своего рода, но если он хочет развить, усовершенствовать эти знания, то он трудится в этой области, развивает, например, Силу в себе, вносит ее в качестве информации в родовой «банк данных», откуда в последующем потомки смогут продолжить его труд. Однако, я вижу, что для первого раза сказано достаточно, посему предлагаю немного погулять молча, насладиться тишиной природы, а потом со свежими силами взяться за тренировку.

Пока мы наслаждались тишиной, я размышлял о том, как же все-таки похожи семьи моя и Кирилла: раздраженная мать, кремень-отец… В это же время я понял, что несознательно брал Силу из того самого родового «банка», о котором говорил Ярослав. Где-то в глубине, как тонкий луч света в царстве тьмы, в душе родилось дивное чувство родства, я словно ощущал свой род далеко за дедов и прадедов, проникая в древность времен…

Сколько прошло времени сказать не возьмусь, потому как мысли и чувства рода затмили его, однако, мы вышли на тренировочную полянку, Ярослав объяснил нам с чего следует начать сегодня, и мы приступили к тренировке.

После отработки бросков, захватов и удержаний, Мастер предложил нам перейти на ударную технику. С некоторыми элементами ударов я уже был знаком, но вплотную ими не занимался, потому мало чем отличался от Кирилла в этой области. Между тем, Ярослав принес некие подобия мешков, наполненных чем-то мягким, возможно песком, но, судя по весу, чем-то более легким, специальные перчатки, попросил Настю и Кирилла надеть их, а меня – держать мешки, надев специальные ремешки, закрепленные на них, на руку. Не то, чтобы я был удивлен увидев Настю в этих «ударных» перчатках, ведь мне довелось три года фехтовать с ней, но все-таки женщина и вдруг удары руками… В общем во мне проснулось или еще одно предубеждение или сыграла новизна ощущения и образа.

Из мира мыслей меня выдернул Ярослав, подойдя вплотную и поправляя мешки на моих руках, затем попросил держать их под определенным углом, чтобы было удобно наносить прямой удар. Затем он последовательно объяснил и показал, как вес, сила и инерция всего тела может быть вложена в один удар, упомянул о технике безопасности при нанесении ударов, подробно объяснил мне, как следует держать мешки, как следует «набрасывать» их на удар и… ударил правый прямой.

Этот человек не перестает меня удивлять, по правде сказать, я не ожидал, что с такой силой можно ударить пустой рукой. В момент соприкосновения кулака и мешка, как мне показалось, внутри несчастной тряпичной жертвы что-то взорвалось, перераспределяя содержимое мешка ближе к краям, оставляя центр пустым, как после взрыва. Рука сильно отдернулась назад, повлекла за собой плечо, однако на ногах я устоял.

Далее тренировка заключалась в том, что либо я, либо Кирилл держали мешки, а остальные двое тренировали только что показанный удар. Вот где было раздолье для веселья. Неведомо откуда Настя умела бить, и на фоне ее навыка мы смотрелись, мягко

говоря, не к месту. Хотя в моей голове все еще не укладывалось, как это так, чтобы женщина била руками, факты, в виде ее нежных, но сильных рук говорили о том, что это вполне возможно. У нас же с Кириллом не обошлось без маленьких травм – небольшие растяжения кисти из-за неверного движения, ссадины на руках, от которых не смогли защитить перчатки. Еще одну особенность я подметил – удары Ярослава и Насти напоминали по своей природе взрыв, были быстрыми, точными и «беспощадными», мы же больше не били, а толкали мешки кулаками. Старец уверял нас, что это явление временное, и что довольно скоро к нам придет такой же взрывной характер ударов.
Окончив тренировку, мы убрали инвентарь и пошли прогуляться перед обедом. Снимая перчатки, мы с Кириллом обнаружили, что кулаки сбиты до крови, и оба с болью в душе наблюдали за тем, как снимает перчатки Настя. Однако, к нашему удивлению и искренней радости, ее руки остались все теми же нежными и прекрасными, правда, с покрасневшей ударной поверхностью.
Прогулка выдалась довольно интересной – Настя ответила на наш немой вопрос, рассказав, где и как ее учили ударной технике. Внимательно следя за ее рассказом, я подметил новые ощущения в руках – словно в них раскрылись какие-то новые каналы для передачи энергии, да и чувствовать руки я стал лучше.
Тренировочный процесс череды последующих дней был в основном направлен на ударную технику, прогрессируя в которой я твердо осознал, что любой удар наносится телом, при том начало импульса задают ноги, а начало и сам процесс выхода силы дает центр тела. Так же несколько слов следует сказать о таких параметрах удара, как хлесткость, сила и скорость. Каждый их этих параметров дополняет друг друга, но и по отдельности может быть рассмотрен, итак: сила удара – это, собственно, количество энергии, вложенной в движение, сюда же идет инерция, масса тела, размер бьющей поверхности, чем больше энергии человек сумел сконцентрировать в одном ударе, тем сильнее он получился; скорость – тут тоже все просто, это время, затраченное на осуществление движения, чем оно меньше, тем человек быстрее; и наконец, хлесткость – вот с этим делом я имел больше всего трудностей, потому что с трудом мог реализовать то, что говорил Ярослав: «Тело должно быть расслаблено, рука идет как плеть, и лишь за мгновение до соприкосновения с объектом ее следует напрягать». Звучит довольно просто: вот ты расслабленный, вот идет удар, и вот в самый-самый момент ты напрягаешь руку… Звучит может и просто, но сделать это поначалу было крайне сложно – получалось либо нежное поглаживание мешка, либо грубый толчок, без «взрыва» внутри цели удара. Ярослав уверял, что этот навык приходит с количеством повторений, другими словами, чем больше бьешь – тем лучше.
Сильно сбивать руки он нам не давал, уверяя, что во всем нужна мера, и даже если нами движет искреннее желание тренировки, то это еще не повод калечить тело.
Кое-что следует сказать и о стойке, которой мы отдали предпочтение. Хоть сам Ярослав и владел разными стойками с высочайшим мастерством, нас он учил бить вначале в одной стойке, которая нам ближе к сердцу. Мне ближе к сердцу оказалась левосторонняя стойка, то есть положение, при котором левая рука и нога находятся немного впереди, и правая рука и нога – сзади, таким образом, самый сильный разящий удар наносится правой рукой, так как у нее больше замаха, да и чувствовал я ее гораздо лучше, а левая рука наносит быстрые шокирующие удары, но уступающие своей силой правой руке.
Отдельного рассказа заслуживают те моменты, когда Ярослав сам надевал мешки на руки, и тренировал нас, если можно так сказать, «от первого лица». В такие моменты следовало быть предельно внимательным, иначе, если я или Кирилл, наносили удар, скажем, правой рукой, а левая тем временем опускалась к бедру для замаха, тем самым раскрывая лицо, то мы тут же получали свободным мешком в челюсть или по голове. Таким вот способом Мастер учил нас не раскрываться во время нанесения удара. Справедливости ради надо сказать, что способ был действенный, потому что получать мешком в челюсть не хотелось никому. И вот настало время нам тренироваться в спаррингах…

Одним чудесным летним утром мы с Кириллом, как обычно, сходили за водой, позавтракали нашей дружной компанией и двинулись к тренировочной полянке. Как и раньше мы принесли инвентарь, вот только перчатки Ярослав нес другие, более массивные и более мягкие. В ответ на наши вопрошающие глаза он ответил:
- Сегодня вы будете учиться в процессе спарринга, потому и перчатки более мягкие, но это еще не значит, что можно бить друг дружку со всей силы, - улыбнулся старец, - рассчитывайте силу своих ударов, следите за внутренним состоянием, если чувствуете, что ярость одолевает вас – то лучше прерваться на какое-то время и продолжить с уже холодной головой, чем в порыве ярости нанести травму своему партнеру. Перед тем как надеть перчатки и приступить к тренировке – хорошенько разомните нос, брови, уши, губы и челюсть. Начинайте тренировку в медленном темпе, поставьте в голове главной целью не нанесение повреждений сопернику, а защиту самого себя от ударов. Медленный темп позволит вам экспериментировать с маневрированием, блоками и комбинациями ударов.
Первый спарринг был у меня с Кириллом, мы размяли голову, руки, все тело, надели перчатки, встали друг напротив друга. Обладая уже некоторым опытом в физических конфликтах, я почувствовал свое моральное превосходство над другом, которое проявилось с первых же движений боя: мой спарринг-партнер отступал, редко контратаковал, а при давлении на него серией ударов – поворачивался спиной и ретировался на безопасную дистанцию.
- Этакой тактикой можно победить противника, разве что, измотав его выносливость, и, когда он устанет преследовать тебя – добить победным ударом, - шутил Ярослав, - Но есть и другие способы ведения боя – нападать и контратаковать, попробуй и их тоже, Кирилл, ведь Дима бьет не сильно, и попасть под его удар в тренировочном бою – не страшно.
Друг кивнул головой в ответ на замечание, поднял руки в боевое положение и вновь встал напротив меня.
После слов о тактике, Кирилл в самом деле изменил структуру поведения: он начал больше атаковать, стараться отвечать на удары, нырять, уклоняться. По правде сказать, получалось у него довольно хорошо для первого раза, но в целом он пропускал много ударов. И довольно странную особенность заметил я в его существе в момент принятия удара – в его глазах словно зажигалось что-то, что-то очень близкое с агрессией, чем больше он получал, тем больше распалялся, тем меньше думал о защите и откровенно мечтал попасть в меня.
- Довольно с вас, - сказал Ярослав, - Кирилл, передохни немного, остуди голову, а перчатки отдай мне, мы с Димой немного поработаем.
Со стороны казалось, что юноша слабо понимал смысл сказанных слов, и более походил на рассвирепевшего зверя, однако перчатки отдал и устроился на траву, к нему тут же подошла Настя, судя по всему, она стремилась помочь его самообладанию вернуться в норму.
«Теперь за друга можно не волноваться, а вот волноваться за себя – самое время» - подумал я в шутку. Ярослав встал напротив меня, поднял руки, кивком головы скомандовал начало спарринга. Что тут сказать – теперь я получал удары, настигавшие мое тело под самыми разными углами, а вот попасть в шустрого старца мне так и не удалось. На удары я реагировал спокойно, как на увесистые уроки Жизни, красноречиво указывающие мне на пробелы в защите и скорости реакции. Единственное, после удара, пропущенного в голову, ориентация в пространстве на мгновение терялась, поэтому приходилось приводить себя в равновесие, Ярослав об этом прекрасно знал, и умело пользовался сей особенностью человеческого организма – едва я оправлялся от удара, как с удивлением обнаруживал, что Мастер уже стоял где-нибудь за спиной, готовя очередной сюрприз. Измотав меня окончательно, Ярослав окончил спарринг. Сказав, что после моего отдыха, мы будем развивать навык маневрирования.
- А теперь твоя очередь, Кирилл, - позвал он юношу.

Хорошо наблюдая за нашим «сражением», Кирилл шел на спарринг, мягко говоря, с опасением, посмотрев на меня прощальным извиняющимся взглядом, будто перед смертью просил прощения за все свои проступки, чем насмешил нас с Настей.
- Будь спокоен, друг, мы с Ярославом давние друзья, потому я и имею честь брать у него столь интенсивные уроки борьбы.
- Дима прав, - сказал Ярослав, с улыбкой, но очень серьезно посмотрев на меня, - мы с ним – очень давние друзья.
Особенное ударение он сделал на слово «давние», что, в совокупности с его взглядом, пробудило во мне какое-то давнее-давнее чувство-воспоминание, будто бы знаю я этого человека уже очень давно, далеко не первую и не вторую сотню лет, но где и когда случилось наше знакомство – этого я не знал.
Спарринг Кирилла и Ярослава носил следующий характер: Мастер провоцировал юношу на атаки, сам, по большей части, защищался, лишь изредка контратакуя, чтобы Кирилл не забывал про собственную защиту и не распалялся на атаках.
Следующая очередь была Настина, к моему удивлению она не одевала перчаток, поданных ей, и передала их мне, Ярослав тоже снял перчатки, они приблизились друг к другу и приготовились к спаррингу, только стойки у них были какие-то особенные, не те, которым нас учил Мастер. Во мне колоколом раздавался вопрос: «как же они будут бить друг друга голыми руками?», но разрешения сей загадки последовало быстрее, чем я успел ее озвучить – они бились без физического контакта вообще, лишь обозначали удары, маневрировали, со стороны это могло показаться танцем.
В какой-то момент Ярослав сделал резкий нырок, очутился с боку Насти, сделал несколько пассов руками, и девушка упала на землю, словно к ней применили бросок. Не то чтобы я не предполагал таких возможностей в Ярославе, но этот случай перевернул что-то в моем мировоззрении. Видимо, во мне все еще жила так разновидность «веры», что сродни большинству обывателей, которые «верят» в Бога, чудесные исцеления и необходимость занятий, но истинная вера приходит к ним лишь когда «чудо» случить с ними. Хотя, в особенных случаях, даже такое стечение обстоятельств не пробуждает в людях веры в силы, что выше силы пищеварения.
Получив столь ценный опыт самоанализа, я отложил его в сознании с пометкой «рассмотреть в ближайшем времени» и продолжил наблюдать бой. А наблюдать было за чем: Ярослав с Настей распространяли вокруг себя столь сильную атмосферу чего-то могущественного и в то же время духовного, что мы с Кириллом невольно залюбовались и превратились в очарованных зрителей.
Окончив спарринг с Настей, Мастер немного пошутил над нашим завороженным состоянием и попросил нас вновь встать друг против друга в легком тренировочном бою.
Не знаю, как чувствовал себя Кирилл, я чувствовал себя, словно только что вышел из театра, или послушал сильнейшее музыкальное произведение, впечатления от которого следовало бы еще раз пережить в воображении и сохранить в сознании, как ценнейший опыт. Как бы то ни было, сейчас я был на тренировке, потому отложил эти переживания в хранилище подсознания, где они детально обработаются и примут законченный вид и будут дожидаться моего обращения. Короткая мысль благодарности мелькнула в голове, говоря спасибо князьям за предоставленное учение Раджа-йоги в самом начале моего пути.
И вот мы, снарядившись перчатками, стоим друг напротив друга, в ожидании знака Ярослава, через пару мгновений старец дал знак к началу боя и мы начали свой «поединок». Все еще пребывая в возвышенном состоянии, я словно чувствовал намерения Кирилла, знал куда и когда он хочет ударить, посему легко уходил от атак и успешно контратаковал, оппонент, очевидно, не располагал такими же интуитивными знаниями, потому много пропускал. Но, не смотря на это обстоятельство, он более не злился, принимая удар. Атаки из нескольких ударов все еще доставляли сильное неудобство Кириллу, поэтому он «пережидал» их, уходя в глухую оборону.

- На этот раз достаточно, - сказал Ярослав, - теперь предлагаю перейти к броскам, захватам и маневрированию, а завершить тренировку можно и фехтованием.
Фехтование уже стало частью моей жизни, моим ежедневным спутником и формой общения, посему эта последняя новость отдалась какой-то особой Радостью в глубине сердца.
Тренировка прошла по оглашенному Ярославом сценарию, после мы отправились на прогулку перед обедом. Гуляя в тени деревьев, мы настроились на философский лад, и мудрец-старец, поддержал это настроение речью:
- Основная вещь, которую следует запомнить, упражняясь в Искусстве Мира, это сам Мир сердца. Каждый прием, каждый удар – все должно исходить из центра ваших сил, из центра ваших Душ. Истинное Искусство рождается в Единении, а Единение – это ни что иное как Гармония Души со всем Мирозданием, или, на худой конец, с какой-то его частью. Гармония достигается через Любовь, а Любовь немыслима для того сердца, что окутано страхом, ненавистью и гордыней. Человек может слышать об этих вещах, понимать их теоретически, но не победить в себе элементарного страха по отношению к другим людям. Довольно значительное количество людей, упражняющихся в боевых искусствах, так или иначе, умеют победить страх перед сражением, но не умеют совладать с агрессией, в итоге каждый человек, встретившийся им в жизни, даже простой прохожий, сперва получает в свое энергетическое тело большую порцию агрессии, даже если он просто шел мимо сего «бойца». Не мир вокруг таких людей агрессивный, а они к миру настроены агрессивно. Истинное мастерство заключается в Миролюбии, потому-то Мастер крайне редко попадает в конфликтные ситуации. Совершенствование ударной техники ведет к развитию агрессии – это факт для большинства тренирующихся. Так происходит от того, что ударная техника многими понимается, прежде всего, как нанесение повреждений сопернику, как средство уничтожения, если же конечной целью поставить себе усмирение и перенаправление силы противника в позитивное русло, то внутри вместо агрессии будет расти другое качество. Это, и другие подобные заблуждения основываются на том утверждении, что сражение физических тел – это нечто особенное, требующее от человека молниеносной жестокости и всепоглощающей ярости к сопернику, выводя сражение в особый разряд деятельности. Однако, сражение – это, всего лишь, еще одна форма общения, помогающая убрать множество мыслительных зацепок и тренирующая гибкость мышления. Так или иначе, человек сражается ежедневно на протяжении всего воплощения: сражается со своими желаниями, мыслями, поступками, сражается со своими друзьями, родными и близкими, доказывая что-то, с чем-то споря, старается изменить себя или других, сражается с недоброжелателями, сражается с вирусами и бактериями. Следует четко уяснить для себя, что сражение – это процесс созидания, процесс взращивания более совершенных плодов на основе старых результатов. Начиная от элементарной драки на улице, защищая свой кошелек и честь, заканчивая полномасштабными военными действиями – все это может быть процессом созидания, как бы чудовищно это не звучало на первый взгляд, если только человек, вовлеченный в этот процесс, сознает все его детали и имеет внутри себя истинное понимание вещей. Разумеется, я не агитирую вас вступать в драки так часто, как это возможно или, тем более, развязывать войну, ведь лучше всех та битва, что не пролила крови. К сожалению, большинство людей продолжает смотреть на сражение, как на акт разрушения, и, вступая в бой, преследуют именно эту цель. Но, если бы только им постичь созидательную природу сражения, то и войн не было бы, любые недоразумения возможно было бы решить разговором.
- Я чувствую, что ты сказал что-то важное, - начал Кирилл, - что-то из этого я понял, но, чувствую, что далеко не все. Вот например: человек переменил в себе отношение к сражению на созидательное и вдруг случается ситуация физического конфликта, от которого невозможно уклониться. Человек наносит все те же удары, использует все те же приемы, которые он бы применял со старой моделью мышления. Какая тогда разница о

чем он думает?
- Разница есть, и заключается она в конечной цели этого человека. Если принять как данность все указанные факторы, кроме самого рисунка боя, то получается следующая картина: человек может обездвижить соперника, может воздействовать болевыми приемами, показать сопернику бесперспективность дальнейших атак, если же человеком будет двигать цель уничтожения, то и результат, в виде покалеченного, а не смиренного, соперника, будет другой. Да, бывает и так, что оппонент не желает усмиряться, и единственное средство его успокоить – выключить ему на время сознание себя в плотном теле.
Мы как раз подошли к дому, Ярослав предложил продолжить разговор в следующий раз, а сейчас приступить к обеду, мы с радостью согласились. Приготовив нехитрый обед, мы, как следует, подкрепились. После чего старец отправился на прогулку с Кириллом, а мы с Настей пошли гулять сами по себе.
Сейчас я особенно четко сознавал, какое нежное, ни на что не похожее чувство Любви испытывает мое сердце к этому человеку, и, как я был уверен, сердце этого человека испытывает схожее чувство ко мне. Мы шли вдвоем по тропинке, а ощущалось, что идет одно существо, будто мы – это единый человек, только в двух разных телах. Говорить не хотелось, мы наслаждались великолепным переживанием…
Не знаю, сколько прошло времени, казалось будто миг всего, и нам послышались голоса юного и не очень философов. Судя по долетавшим фразам, они беседовали о самообладании во время ведения боя.
- Умом то я понимаю, что следует сохранять трезвость сознания, но после первых пропущенных ударов внутри будто что-то пробудилось, что-то злое, животное. Захотелось ответить, обязательно ответить. Сам не знаю, что на меня нашло тогда, до сих пор немного стыдно перед Димой.
- Будь спокоен, Дима давно уж простил тебе этот случай, а верней всего даже и не обижался. Гораздо важнее другое – чувство мести, притаившееся в глубине твоего сердца, расшевелившееся под ударами. Это чувство базируется на элементарном земном понимании справедливости «зуб за зуб». Ведь в тебе в это время не было мысли о том, что пропущенный удар – это недоработка твоего внимания и твоей техники, посему удар обрушился совершенно справедливо. Дима сознательно бил довольно слабо, ни в коем случае не помышлял травмировать тебя, а вот злость, и звериная ярость могли бы довести до травмы, если бы ваш бой продолжился, - на этом моменте мы с Настей вышли на тропинку философов и присоединились к их компании, - Самообладание в бою – дело довольно трудоемкое, потому как физическое столкновение означает потенциальную опасность, а во время опасности организм выбрасывает в кровь много естественных «ускорителей», сюда же сверхъестественная сила, невосприимчивость к боли, и прочие вещи, сознание человека входит в особое состояние и он действует, в основном, импульсами. Учебный бой не грозит опасными последствиями, но приближает ситуацию к боевой, в учебном бою и можно развить в себе выдержку и спокойствие. Так же следует с величайшим вниманием развивать навык управления порывами Души, он пригодится не только в бою, но и в любых других формах общения и жизни. Учитывая, что бой пробуждает в Душе все сокровенное, все то, что человек, быть может, пытался скрыть за разными масками, и выливает это сокровенное наружу, можно быстро и точно понять Душу человека. Если Душа мелочна и суетна – такой же будет и рисунок боя, если агрессивна и напориста – это отразится в бою, если велика, Светла и Мудра – и это покажет бой. Все потому, что в момент боя, как я уже говорил, действуют импульсы души, отключаются все маски и лицемерие. При этом совершенно не важно – владеет человек техникой боя или не владеет, путь даже он не сумеет попасть в противника ни разу, но его сущность будет видна. Однако, у людей, овладевших спокойствием по отношению к сражениям, Душа не «кипит» во время боя, поэтому их понять сложнее по этому фактору. Боевые искусства и духовное совершенствование издавна шли рядом, и в

тех местах, где они пересекались – рождалось Искусство Мира. Почему я так разделяю вещи, кажущиеся почти идентичными? Потому что слепое наращивание собственной мощи без нравственности, без Гармонии и Любви, ведет, по большому счету, лишь к одной цели – истреблению, истреблению более слабых, истреблению неугодных, истреблению бесполезных, в то время как Искусство Мира нацелено на мирное сосуществование со всей Вселенной, на развитие и совершенствование Души и тела, на помощь себе и другим. Внешняя форма может быть похожей, но лишь грубо материальный человек, которого в известных учениях называют глупцом, не в состоянии понять, что скрывается под этой внешней формой. Иначе говоря: не всякая блестящая вещь является золотой, не всякое искусство сражения является разрушительным. Внешняя форма вещей – это лишь верхушка айсберга, его крохотная часть, в то время как духовное начало видимых вещей – подводная часть айсберга. Сама по себе внешняя форма, сами по себе удары и броски – не значат ничего, они не хороши и не плохи, не зло и не добро, они – лишь орудие, как скальпель, как лопата, как кухонный нож, истинное значение имеет то, с какой Душой их применяют и для каких целей. И в то же время внешняя форма важна, чем более совершенна форма, тем более широка сфера ее применения, тем больше аспектов Души можно явить в этот мир через форму. Упражняясь в форме боевых искусств, следует четко понимать, что внутри своего сердца ты развиваешь в данный момент, с какими мыслями и чувствами совершаешь движения. Это особенно важно в начале пути, потому как победить зародыш порока гораздо проще, чем укоренившееся дерево порока.

- Думаю, всем нам очень интересно и приятно слушать твои речи, Ярослав, - обратился к старцу Кирилл, - Потому я попрошу продолжить эту беседу ответом вот на какой вопрос: о чем же следует думать бойцу во время сражения?

- Сражение – это течение Жизни, одна из форм Ее, мысли человека, ставшего на путь Мира, во время боя должны напоминать водную гладь тихого озера, обеспечивая чистоту сознания и гибкость реакции. Иными словами, мыслей в форме слов и предложений, а именно такую форму мышления довольно большое число людей считает единственной, быть не должно. Человек работает не с вторичной информацией сознания, которая уже приобрела форму слов и предложений, а с первичной – которая только что поступила в сознание и не подвергалась никакой обработке. Это состояние еще называют состоянием «не мыслия». Человек способен воспринять гораздо больше первичной информации, и, если он научится ей пользоваться, то сможет угадать следующий ход оппонента. Человек мыслит, но на более высоком уровне, ему уже не нужны слова, чтобы выразить этот образ мысли, да и сделать это словами – крайне сложная задача.

- Да, все верно, но как тогда понять твои слова, что человек во время боя действует от импульсов Души, он тоже входит в состояние «не мыслия» что ли?

- Совершенно не обязательно. Человек, не владеющий мыслью, во время боя, хоть и следует импульсам, все же допускает в сознание ворох мыслей-слов, таких как «сейчас!», «бить!», «больно», разные ругательства и тому подобное. Как ты заметил, это даже не связанное логическое предложение, это – обрывки мыслей, порожденные «кипением» Души. Другое дело, что человек может не помнить собственных мыслей после боя. Но если сознание Мастера похоже на водную гладь озера, то сознание подобного «кипящего» человека во время боя похоже на шторм, ураган, волны мыслей накатываются одна на другую, создавая хаос.

Еще какое-то время мы погуляли по тихим тропинкам, а затем отправились на тренировку. На этот раз Кирилл в спарринге держал себя довольно спокойно, когда же в его сердце просыпалось что-либо агрессивное, то он поднимал раскрытые руки до уровня глаз, давая понять, что ему нужно какое-то время, чтобы «остыть». В остальном же тренировка прошла очень гладко и продуктивно.

После тренировки Ярослав с Настей пошли в дом изобретать очередной кулинарный шедевр, а нас отправили погулять по саду. Воспользовавшись минутами уединения, я

спросил Кирилла:
- Как ты себя чувствуешь после такого, насыщенного учебными боями, дня?
- Да, как тебе сказать, состояние здоровья тела весьма хорошее, а вот внутри… Ощущение, как будто ты всю жизнь жил в воде и вдруг тебя вытащили на воздух. Передо мной открылся новый мир, вернее новый способ воспринимать мир наиболее полно. Многое сегодня я увидел в себе самом, и не скажу, что мне понравилось то, что я увидел. Оказалось, что во мне, в человеке, который долгое время был привязан к костылям, глубоко засел яд агрессии, деструктивной силы, свидетелем и жертвой которых явился ты, за что мне до сих пор стыдно, хоть Ярослав и сказал, что ты не только простил мне все, но даже и не обижался. Разумеется, я верю словам этого дивного человека, но все же должен лично попросить прощенья, - сказал Кирилл, и молящими глазами посмотрел на меня.
- Друг, Ярослав все верно сказал, я и не думал обижаться за проявление этих качеств в тебе, потому как сам хорошо знаю, что значит впервые браться за бой. Но если ты все еще чувствуешь себя виноватым, то я с радостью прощаю тебе все то, чем ты стесняешь свое сердце, пусть оно теперь освободиться от этого груза и живет свободно.
От этих слов молящий взгляд Кирилла сменился веселым легким и благодарным.
- Спасибо тебе, с моего сердца и правда словно пудовая гиря упала. И теперь, если ты не против, я продолжу рассказ о своих ощущениях связанных с тренировками.
- Пожалуйста, внимательно слушаю.
- Пока мы тренировались бить по мешкам – все было куда проще, я мог легко сфокусироваться на технике выполнения удара, единственной задачей было – отработать как можно лучше данное движение. Но когда мне впервые пришлось встать лицом к лицу с человеком, то лишь от одной мысли, что сейчас мне следует ударить тебя, путь даже слабо, в лицо, мне стало не по себе. При том удивительная вещь – фехтовать против человека я могу легко, ничто внутри не останавливает меня так, как это было сегодня во время спарринга. По твоим глазам я понял, что в тебе такого якоря сомнений нет, и что ты легко, как и на тренировках с мечами, будешь вести бой, наносить удары. Поэтому первой тактикой я избрал защиту и отступление – просто не мог себя заставить ударить человека в лицо, когда же Ярослав посоветовал вести бой более активно, когда я начал стараться наносить удары и пропустил парочку хороших встречных, во мне проснулось нечто злое, не связанное никакими нормами морали и позабывшее про Любовь. Хоть и с неприязнью, но я раз за разом все возвращаюсь мыслями к этому состоянию, еще раз обдумываю его. Единственное, с чем мне удалось найти сходства этого состояния, так это с одержимостью. Казалось еще немного, и я окончательно потеряю контроль над собой, но слова Ярослава вовремя остановили эту ярость. По правде сказать, я, а вернее, зверь, что пробудился во мне, и не думал подчиняться словам старца, но от него шла такая Сила, такая непоколебимая Мощь, что этот зверь был вынужден отступить. Сегодня для меня был день откровений.
- Насколько я знаю, многие люди испытывают трудности, схожие с твоими: не могут ударить человека в лицо. Разумеется, это не плохо, и я не пропагандирую решать жизненные конфликты таким методом, просто такое явление есть среди людей. В тебе этот момент уже пройден, и помог пройти его именно тот свирепый зверь. Бой, как говорил Ярослав, показывает Душу человека, его характер, а характер и образ мышления очень тесно связаны. Если в прошлом в тебе жили мысли об агрессии, о том как «нужно» вести бой, для чего он предназначен, если мыслями ты заложил в сознание модель поведения в бою, пусть даже не сознательно, то она тоже выйдет во время спарринга. То, что эти качества Души показали себя здесь, в столь прекрасном уединенном месте – должно быть большой Радостью для тебя, ведь здесь лучше всего можно исправить эти вещи. Возможно, до сегодняшнего дня ты и не предполагал о наличии подобных качеств в себе, но раз уж они показали себя, то их следует обуздать, а не сокрушаться об их наличии. В этом, уверен, тебе поможет Ярослав, и я постараюсь приложить к этому усилия. Гораздо опасней было бы, если бы эти качества пробудились в городе, в шумной

толпе, где подобных пороков людских сердец много, где один порок усиливает другой и так далее. В то же время этот зверь показал, что в тебе пробудилась весьма могучая сила, теперь же следует научиться ей управлять. На счет сравнения фехтования и боя голыми руками – прекрасно понимаю тебя: фехтование, в моем сознании, более похоже на искусство, какую-то музыкальную композицию, может быть это еще и потому, что мы сражаемся без непосредственного контакта стали с телом спарринг-партнера. Фехтование – это как танец, это не противоборство двух сил, это борьба двух искусств, двух талантов. В то время как бой голыми руками больше рисуется в моем сознании как нечто приземленное, как грубое состязание силы и скорости. Может быть, такая позиция сформировалась благодаря памяти Души из прошлого, может потому, что в бою голыми руками нужно наносить удары по другому человеку, в то время как меч может закончить бой без травм как для тебя, так и для противника. Хотя… когда сражались Ярослав с Настей, я замер от восторга, это было искусство, это танец, симфония Мощи и Мастерства, я буквально не мог оторвать глаз.
- И я, я тоже! Мне даже было немного жаль, что их бой окончился, мне хотелось продолжения, как хочется продолжения понравившейся сказки, или представления. О фехтовании ты сказал – словно вычитал в моем сердце. И, если ты столь искусный чтец людских сердец, ты наверняка подсмотрел в нем мое отношение к Ярославу, - сказал юноша, хитро прищурив правый глаз, ожидая от меня очередного «чуда» чтения мыслей.
- К Ярославу ты относишься как к недостижимой высоте, как Величайшему Учителю Искусства Мира. Но в этой моей догадке нет никакой тайны, никакого чуда – об этом ты сам рассказал мне, когда мы шли за водой. Еще я знаю, что в обществе Ярослава ты чувствуешь себя легко, сильно, спокойно, но, все же, Душа сковывается представлениями о Величии этого человека, ты словно пытаешься утаить какие-то уголки своей Души от него, хоть и знаешь, что не преуспеешь в этом. И в этом нет чуда, внимательный человек легко бы заметил все это в твоих глазах, жестах, голосе, поведении, для этого не обязательно читать мысли.
- Все верно. Признаюсь, я спросил не только чтобы еще раз увидеть в действии твою дивную способность, а больше для того, чтобы самому лучше понять свое отношение к этому человеку. Я так и не могу точно определить, какое место в сердце занимает Ярослав, он – словно Солнце, затмевает собой все вокруг, и ты не можешь знать, где он, а где его сияние. И, может быть, как раз это стесняет меня в его присутствии. С тобой я чувствую себя легко, меня ни что не давит, хоть ты и проявил блестящее владение навыком чтения мыслей. Мне не стыдно, что ты ведаешь мое сердце, но Ярослав… Сердце словно сжимается, когда он иной раз заглядывает в глаза, оно трепещет перед его Мощью, и я не знаю, что с этим сделать.
- Сжимается сердце от того, что в нем еще живут многие серенькие и темненькие уголки эгоизма, но не просто живут, а действуют, сковывая сердце своими паутинами. Когда же эти внутренние паразиты встречаются с Мощью такого существа, как Ярослав, они начинают трепетать от ужаса, цепляться за любые неровности Души, лишь бы остаться внутри своего носителя-донора. Мне это хорошо известно на собственном опыте, меня сковывало почти до паралича общество даже не князей, а Насти. А общество князей, кого мое сердце давно и прочно считает Великими Учителями, не подавляет меня, а в прошлом подавляло слабее, чем общество Насти. Мне еще не ведомы их пути и их Души, потому я могу лишь предположить, что развитые до Божественной Чистоты, их сердца обладают столь великой силой такта, которая стирает, на сколько это возможно, грани между ними и людьми… Вот, я снова поделил людей на высших и низших, прости меня, мой друг.
- Нечего прощать, ведь я сам страдаю тем же проступком, потому хорошо тебя понимаю. Иной раз очень сложно признать, что все люди равны перед Жизнью, что никто не забыт в этом дивном мире. Пусть я еще не знаю, за какие такие «заслуги», если вообще можно так сказать, я попал в это дивное место, в компанию чудесных людей, обрел друзей и здоровье, но я искренне Благодарю Жизнь за это.

Неожиданно перед моим мысленным взором пронесся образ Насти, зовущей нас, и я понял, что кулинарный шедевр скоро будет готов, и что нам пора отправляться к дому.
- Думаю, нам пора пойти в обратную сторону, иначе мы рискуем наслаждаться холодным ужином.
- Как странно, я только что почувствовал, как будто нас только что позвали вернуться в дом. Раз схожие ощущения испытал и ты, уверен, нам следует прислушаться к этому знаку.
Мы повернули к дому.
- Видимо ряд ассоциаций со словом дом или еще что-то подействовало не меня, - начал Кирилл, - но я четко вспомнил, что мое время пребывания в этом дивном месте, в обществе князей и вас – моих друзей, подходит к концу, что мои родители заберут меня в августе. И от одной этой мысли становится горько на сердце, но что-то из глубины Души подсказывает, что это еще не окончательный вариант, что я, может быть, останусь еще на какое-то время.
- Столь знакомое ощущение расставания… Михаил всегда говорил, что расставания не существует для тех, кто раскрыл свое сердце в Любви и живет жизнью не одной земли, но жизнью как неба, так и земли, соединяя в себе их в одну Радостную Силу Жить. Не знаю, смогу ли я сейчас понять это до конца и, расставаясь с князьями в жизни земли, быть с ними рядом в жизни неба. Уверен, что Жизнь предоставит тебе выбор в данном вопросе и все обратит в наилучшую сторону.
- Да, надеюсь, что так оно и будет.
Еще немного побеседовав, мы дошли до дома, отведали чудесный ужин, поблагодарили наших мастеров поварского дела, погуляли по саду и отправились спать.
Следующая неделя выдалась богатой на тренировки, Ярослав уделял много внимания спаррингам в перчатках, рассказывал о стойкости и спокойствии Души во время сражения. Мы совершенствовали свою технику боя, много гуляли, разговаривали, шутили. Ближе к завершению недели Ярослав сказал, что в конце июня нам следует отправиться в деревню Леонида. Мы с Настей восприняли эту новость весьма Радостно, вспоминая милого старца и его дивные сказки, Кирилл разделился между двух чувств: с одной стороны он уже привязался к Ярославу, с другой – очень хотел увидеть Михаила.
- Мой друг, - начал старец, - от того, что твое тело будет находиться от моего на расстоянии в несколько километров, а не метров, ничего не изменится – мы будем так же близки Душой друг к другу, а может и еще ближе, если найдем возможности развить в себе Гармонию еще сильней. Ты не сможешь прикоснуться ко мне рукой, но твои мысли смогут прикоснуться к моим мыслям. Не думай лишь о том, где бы в этом мире найти место, с наилучшими возможностями развития для самого себя. Размышляй так же и даже в большей степени о том, где бы твои силы могли быть наиболее полезны для всех людей на Земле. Размышляй, но не фантазируй на тему своего героического труда среди бездействующей людской массы, учись трезво оценивать собственные силы и место во Вселенной, слушай слова Учителя, потому как его глаза видят яснее и дальше твоих. Ступай по жизни легко, носи в сердце все Светлое, что знаешь в этой Жизни, и освещай этим Светом жизнь другим людям. Крепко стой в своей Духовной Чистоте перед Жизнью, ширь сердце, и мы с тобой не расстанемся. Кроме того, в той деревне, куда вам надлежит отправиться, есть один очень словобойкий старец, послушав речи которого ты можешь и позабыть про меня, - закончил Ярослав шуткой, широко улыбаясь.
- Уж не ревнуешь ли ты мое внимание к этому старцу? – ответил Кирилл в той же шуточной форме.
- Нет, нет, я всего лишь предполагаю возможный исход событий. Однако, мне интересно, кто это выучил тебя столь остро подмечать и задавать вопросы? – продолжал шутить старец, хитро поглядывая на меня, - Уж не Дмитрий ли? Не мой ли старый друг?
- Сказать бы «нет» сейчас, пошло бы в пору, но знаю, как читаешь ты в сердцах, и по сему, что сделать, скажу правду – да, все это он, но не беда, он не хотел дурного, лишь

глубину внимания и силу мысли он во мне тренировал. А посему, ты не суди сурово, ведь Дмитрий – друг наш общий.
- Да будет так, помилую на первый раз, но вот вопрос, ответа ждет, скажи мне друг, откуда вдруг, ты рифмы эти взял с небес?
- Об этом знает Дмитрий-друг, сему таланту научил, и слово молвить поручил, мудрец-Григорий – слуга небес и мыслей жнец.
Весь этот спектакль сопровождался столь выразительными гримасами с обеих сторон, что я не выдержал, и залился хохотом, следом засмеялась Настя, а затем и весь дружный коллектив.
Еще немного пошутив, мы отправились тренироваться. Надо сказать, что эта неделя во многом поменяла внутренний мир Кирилла относительно боя: его «зверь» не подавал признаков жизни, его рисунок боя обогатился довольно хорошей защитой и контратаками, и вообще он стал чувствовать себя уверенней в процессе спарринга. Интересные наблюдения я сделал и над собственными изменениями: теперь мысль отдавалась в теле как огненный поток. Если я, например, мысленно представлял удар в корпус, то этот мыслительный процесс перетекал огнем в руку, и даже если сама рука не двигалась, сознание могло точно просчитать траекторию удара и передать ощущения, словно движение было выполнено. Что именно дало такой эффект я не знал, может быть то, что ударная техника развила силу концентрации и способность собирать всю энергию в одной точке для лучшего удара, а может просто подсознание меня разыгрывало.
На следующей неделе Ярослав уделил больше внимания тренировке внутреннего сосредоточения: мы занимали одну из указанных стоек и совершали медленные плавные движения, перенося силу своей энергии и мыслей по всему телу, сохраняя при этом полное равновесие. Надо сказать, что хуже всего мне давались стойки на одной ноге – равновесие то и дело сбивалось, приходилось опираться на другую ногу, таким же «недугом» страдал и Кирилл, Настя лишь едва покачивалась, время от времени, но не падала, а вот Ярослав стоял на одной ноге, словно его вкопали в землю. После такой утренней тренировки мы по обыкновению отправились на прогулку.
- Очень важно уметь работать со своим центром массы тела, - начал старец, - перемещая его в нужном направлении можно достичь многих вещей, например, добавить силы ударам, уверенности броскам, стойкости ногам. Овладение этим центром позволяет обрести стабильность не только в материальном, но и эмоциональном и мыслительном плане. Прежде всего, следует научиться чувствовать этот центр, - как я понял, эта речь в основном предназначалась для Кирилла, потому как мы с Настей все это уже знали на практике, - затем черпать силы из него…
Слова Ярослава становились все более адресными, обращенными к Кириллу, поэтому мы с Настей немного отпустили беседующих вперед, переводя внимание друг на друга. Когда мы встретились взглядом, я понял, что вновь тону в этих дивных голубых озерах, взяв ее за руку, почувствовал сильнейший прилив теплой энергии. Мое сердце словно «размякло», расширилось, разница была столь заметной, будто бы до сего момента сердце было ни чем иным, как черным угольком, и только теперь ожило. Вновь пришло ощущение, словно мы – единое существо, но теперь я сознавал единение не только с Настей и ближайшей природой, но со всем Миром, со всеми существами во всевозможных местах и временах этой дивной Вселенной, по крайней мере так говорило мне сердце. Переживания этой прогулки выходят далеко за рамки привычной логики и словесных мыслей…
Через какое-то время, счет которому я окончательно потерял, нас нагнала пара философов-стихословов, не знаю, что они увидели в наших глазах, но перемены с ними произошли заметные: Кирилл залюбовался, словно смотрел на икону со Святыми, а Ярослав будто благословлял нас. Когда мы подошли ближе, старец обнял нас, и огромное облако тончайшего, но в то же время ослепительного Света охватило нас троих, заливая собой все вокруг. Мое сознание на какое-то время покинуло физическую оболочку,

пронеслось своей облегченной формой по многим и многим загадочным мирам и вернулось обратно.
Первое, что я ощутил – собственное расслабленное тело, поддерживаемое Настей и Ярославом, мы все так же стояли втроем в объятиях, только Мастер и Наставница не бросали своих тел, и заодно поддерживали мою обмякшую оболочку. Едва мысли стали собираться в сознательную силу, я ощутил какой-то небывалый подъем, словно что-то новое, что-то непомерно Сильное развернулось из глубин Духа и вошло в мою обыденную жизнь. Что это было – я не знаю, знаю только, что теперь чувствовал себя гораздо ближе и проще с Ярославом, будто бы моя Душа подтянулась к его Душе.
Насколько сильно чувствовал я себя сейчас, настолько же слабым выглядел Кирилл: на щеках юноши высыхали ручейки слез, сам он был бледен, еле стоял на ногах, глаза, казалось, ничего не видели, ни на что не реагировали. Мы поспешили к нему и едва успели подхватить падающее тело.
Обморок Кирилла.
- Все-таки, мне это пока сложно понять, прочувствовать Душой: как так, чтобы Любовь сочеталась с ударами и повреждениями человеку. Конечно, я могу себе это представить и понять во время тренировки, когда нет необходимости наносить удары в полную силу, в этих условиях я умею Любить своего оппонента, потому что он – мой друг, и сражаемся мы не по-настоящему. Может быть это – недостаток опыта именно в не тренировочных драках, но, по правде сказать, мне бы не хотелось применять эти знания против живого человека, - сказал Кирилл Ярославу, прогуливаясь по саду.
- Это от того, что ты еще не натренировал себя видеть в человеке, прежде всего, его Божественную Искру, его Дух. Когда же это случится, ты сможешь увидеть, где материальные обстоятельства и порочные сети схоронили под собой Дух человека, и едва ли не единственный способ помочь ему, его истинному Я освободиться – это разрушить эти материальные оковы, к которым он привык, которым платит дань в виде своей жизненной силы, своего времени, уж не говоря о дани материальными ценностями. Сейчас соберись, мы скоро встретим Диму с Настей, и ты многое сможешь понять через них.
Юноша собрал свое внимание, но откровенно не понимал, что он может понять от одного только взгляда на друзей, ведь он видел их много раз. Кирилл думал, что друзья еще далеко, потому как слышал лишь свои шаги – Ярослав ходил бесшумно, словно легкий ветер, а вот богатырскую поступь Димы он бы услышал. Но все же что-то было в воздухе, что-то приближалось, что-то большое и Светлое, Кирилл не умел увидеть Свет, но всей Душой знал, что он есть, и он приближается.
Они с Ярославом резко свернули, вышли на соседнюю тропинку и Кирилл увидел… Увидел не просто Свет, увидел своих друзей, облаченных в тонкие, сотканные из лучиков Солнца, одеяния, ему казалось, он видел Самого Бога, только проявленного в двух людях. В голову вступила волна теплой, колющей энергии. Ощущение времени уплыло от юноши, он словно стоял у черты Вечности и давал слово верности этим двум Святым. В какой-то момент Ярослав двинулся к друзьям, и число Святых в голове юноши увеличилось до трех – Ярослав, этот милый старец, с которым он только что говорил, сейчас был окутан чем-то вроде утреннего тумана, в центре которого светило яркое Солнце.
Солнце-Ярослав подошел к Диме и Насте, обнял их и свет стал еще ярче, невыносимо ярким, но слишком прекрасным и завораживающим, чтобы отвести глаза. Через несколько мгновений на Кирилла накатились две волны: одна от друзей, и окутала его приятной теплой легкостью, а вторая из глубины Души, холодная, вязкая, мерзкая, активно сопротивлялась вторжению Божественного Света во все уголки Души Кирилла. Чувства, как в калейдоскопе, сменяли друг друга: то сердце взмывало к высотам Духа и Божественных откровений, то падало к самосожалению, отрицанию всего в этом мире. Мысли вели себя похожим образом, колеблясь, словно маятник, по самой широкой

амплитуде, рисуя перед мысленным взором картины из прошлого, пробуждая страх, сомнения, и в то же время вознося, рисуя неописуемо красивые места и лица…
По щекам юноши текли ручейки слез, но он не замечал их, внутренняя борьба была столь сильной, что для Кирилла исчезло все, не только окружающий мир, но даже время и пространство, он будто находился внутри себя и за пределами привычного ему мира, вдруг он увидел своего отца, стоящего как был над ним, в один момент отец выбросил руку навстречу Кириллу, указал на него пальцем и громогласно сказал: «Виновен!» После чего юноша уже не видел Божественные фигуры, он начал падать в бездонную пропасть…
- Ну, что, очнулся? – спросил кто-то ехидным голосом, - теперь век тебе здесь сидеть!
Раздался противный смех, послышались шаги, звук становился все дальше и дальше, но Кириллу было страшно открыть глаза, он силился понять, где же он, ведь только что перед ним были друзья, было лето, был сад и трава, а тут сыро, холодно и явно не дружественно.
Юноша открыл глаза, его худшие догадки оправдались – он сидел в темнице, за решеткой, в каком-то подвале, в углу маленькой комнатки стояла прохудившаяся койка, единственный источник света – фонарь в коридоре, по углам сидело две или три крысы. Кирилл машинально подошел к решетке, взялся за прутья, заметил, по грязным, порванным, серым рукавам тряпья, что он одет в самую подранную рванину, какую только он видел в своей жизни. Совершенно точно – он заперт в этой камере, ноги чувствуют холод, руки ощущают железные прутья, тусклый свет от фонаря, писк крыс…
«Как же я сюда попал, - размышлял юноша, грузно опускаясь на лежанку, - так хорошо, вспомню, что было последнее, так… Да что ж такое, ведь только что помнил! Так, спокойно, главное сейчас – спокойно все оценить, и придумать путь к спасенью. Ага! Вот! Мы с Ярославом гуляли по саду, разговаривали, да, именно так! А потом? Что потом? Потом мы вышли на Диму с Настей. Нет, это были не они, это были два Святых, а потом Ярослав куда-то пропал и появился еще один Святой. Так? Нет, разве может так быть? Все-таки это были Дима с Настей, а потом их обняло Солнце. Нет! Разве может Солнце обнять кого-то, ведь непременно все сгорит! Так, стоп. Дима с Настей, Дима с Настей, а потом… Потом их обнял Ярослав и не Ярослав, вернее Ярослав, но только Ярослав-Бог, а не Ярослав-Человек. Ага, точно. Потом, что было потом? Ах! Моя голова! – юноша схватился за затылок, тихонько завывая от боли и отчаяния, через пару минут он совладал с собой и продолжил, - Так, потом. Потом ко мне приехал отец. Нет, стоп, как отец мог приехать в такую глушь? Да и дороги он не знал, а никого рядом с ним не было, чтобы показать дорогу, потом было множество ликов Святых, они пронеслись мимо меня, словно летели на крыльях, потом что-то жуткое, смерть, мученья людей, потом… Так, что потом? Ах да, отец, но только суровый, грозный, признающий меня виновным в чем-то. Потом? Потом я ничего не помню, словно бы я падал куда-то и… вот я здесь. Итак, что мы имеем? Неужели так начинается сумасшествие у людей? Может это вообще сон? Может, меня хватил солнечный удар, мне это все привиделось, и я теперь, на самом деле, сплю? – юноша со всей силы себя ущипнул и сам же вскрикнул от боли, - Так, на сон не похоже. Но где же я тогда? Колдовство какое-то – не иначе. Хорошо, может быть, я не силен во всяких там колдунствах, но хоть как-то понять эту ситуацию надо, поэтому решу так: это место – создано сильнейшим гипнозом темных сил, разгневавшихся на меня за то, что мои друзья покончили с кознями Теодора, да, точно, теперь я вспомнил! Теодор – это темный маг, наверняка это его слуги мстят за него. Хорошо, раз это козни темных колдунов, значит, они должны пасть перед Силой Света и Любви!»
Решив таким образом, Кирилл с новыми силами поднялся на ноги, подошел к решетке, еще раз осмотрелся – все ближайшие камеры, в которые он мог заглянуть, были пустыми, он был совершенно один.
«Опять одиночество, - подумал юноша, - опять, как в детстве дома, вот только я не прикован к постели и костылям» И тут на Кирилла нахлынули воспоминания из детства, он ясно вспомнил, как маленький, совсем ребенок, оставался дома, с грустью смотрел в

окно, знал, что там, в «большом мире» - как он обыкновенно называл мир за окном, - гуляют другие дети, по крайней мере так ему рассказывал отец, там светит Солнце, дует ветер, там – свобода, а дома – тюрьма. Именно так размышлял юный Кирилл, но тогда у него были больные ноги, а теперь его ноги сильны, руки крепки, а он опять в тюрьме. «Минутку! Я уже не ребенок, и все с моим телом в порядке! Почему я должен сидеть в тюрьме?! Так, прежде всего надо отогнать от себя уныние, собраться с силами. Так, помню тут надо мной кто-то насмехался, попробую позвать его, говорить то он умеет, может чего и скажет».

- Эй! Есть тут кто?! Выпустите меня!

Где-то вдалеке раздались зловещие шаги, тяжелой, шаркающей походкой к камере юноши приближался кто-то.

- Эк ты раскричался, сказано тебе, век здесь сидеть будешь!

Наконец, неприветливый стражник показался на глаза, и тут Кирилла словно молнией прошибло – он четко вспомнил это существо, вспомнил, что когда он оставался один дома, к нему, совсем еще маленькому, приходил вот этот вот уродец, в такой же подранной длинной мантии, с расправленной грязной рубахой, из-под которой торчал клочок волосатого живота, в подранных, воняющих плесенью штанах, стоптанных башмаках, с такой же вытянутой, зеленоватой мордой, большими ушами, длинным загнутым носом, почти лысый, изрезанный морщинами, усыпанный бородавками, с длинными, холодными, цепкими пальцами. Да, это именно тот уродец, что мучил его каждый раз, когда Кирилл оставался один: он душил ребенка, отбирал игрушки, ломал их и раскидывал по комнате. Каждый раз, когда родители оставляли его одного, появлялся этот уродливый карлик, но в то время он казался очень большим, каждый раз его издевательства доводили мальчика до слез, отчаяния, подавляли волю.

Все эти воспоминания вихрем понеслись в голове Кирилла, в сердце уже готов был подняться страх, а воля – подчиниться старому мучителю, но юноша, все же, совладал с собой, нашел силу в своей Душе и потребовал:

- Отопри дверь и выпусти меня, ты мне больше не страшен!

- О, какие мы смелые, а что если открою? А что если войду и изобью тебя? Раньше-то я тебя жалел, а теперь ты вон какой, глядишь и снесешь побои, - смеялся карлик.

Страх опять было чуть не овладел сердцем юноши, но в решающий момент перед его взором мелькнуло лицо Ярослава, но не милого старца, а Ярослава-Бога, Ярослава Всепобеждающего, влив в юношу Великую Силу этого человека. Вмиг лицо Кирилла стало спокойным и даже суровым, Душа перестала метаться между страхом и сомнительным спокойствием, он жестко сказал:

- Отпирай!

Уродец отпер дверь, достал из-за спины палку и уже замахнулся, чтобы ударить Кирилла в живот. Не ожидав такого поворота событий, Кирилл пропустил удар, согнулся, и рухнул на пол, сгибаясь от боли. Но боль была секундной, в следующий миг он уже был готов, готов ко всему. И вовремя, потому как следующий удар уже летел ему в висок, где он был бы смертелен.

Юноша увернулся, перекатился в угол камеры, поднялся на ноги, встал в стойку. С лица карлика сошла наглая улыбка, ее сменило бешенство, непомерная злоба не только на Кирилла, но на весь мир.

- Ах ты, подлый щенок! Как ты смел убрать голову?! – прорычал уродец и кинулся на юношу, занося руку над головой.

В мозгу Кирилла, будто молния, мелькнул Ярослав, тренировки, и прием, как раз такой, что учит защищаться от подобного удара палкой. Мысль мелькнула, вошла в тело, больше мыслей не было. Юноша резко шагнул вперед, перехватил руку, выверенным движением развернул таз, надавил на локоть обидчика, вдавливая в землю и… воткнул уродца головой прямо в стену, выхватил палку из рук. Пока уродец поднимался, Кирилл, сам не ведая зачем, со всей силы ударил его ногой в живот, а район печени. Карлик взвыл от

боли, скорчился на полу, схватился за живот.
- Что ты за гадость? – спросил Кирилл, впервые чувствуя победу в настоящем бою.
Уродец только выл от боли, выплевывал какие-то ругательства.
Между тем вкус победы вскружил голову юноше, в его Душе уже поднялась гидра гордыни, готовая вцепиться в его сердце всеми своими ртами, но тут, как лучик света, мелькнул образ Димы, разговор во время похода на реку, речь Димы про гордость бойцов… Кирилл во время отогнал от себя эту змею, потому как уродец уже встал на ноги и собирался продолжить бой.
Карлик кинулся на юношу, целя ударить руками в живот, но тут же получил прямой удар в челюсть левой рукой, а затем удар с боку в челюсть правой. Эта комбинация дезориентировала стражника на пару мгновений, которых хватило Кириллу, чтобы ударить его ногой в голову.
Карлик валялся на полу, истекая багровой, почти черной кровью.
- Итак, я спрошу еще раз, что ты такое?
Уродец злобно оскалился, старался показать все свое презрение к юноше.
- А ты так и не понял, собачий обрубок? Я – это ты, я – это концентрированная твоя тоска, твоя досада на свою болезнь, я – это все твои детские разочарования и обиды. Не я мучил тебя в детстве, ты сам создал меня, ты сам мучил себя. Ты, это все ты! Ты питал меня своей злостью, ненавистью, безысходностью и обидами. Потом, когда тебе наняли свору сиделок, я сокрылся, спрятался в твоем сердце, выжидая удобного случая, и вот он настал!
Карлик резко вскочил на ноги, схватил койку, и из последних сил швырнул ее в Кирилла, юноша нырнул в сторону, и это спасло его, кровать лишь оцарапала левое плечо.
Стражник, пользуясь моментом, схватил свою палку и бросился в атаку, готовя заветный удар в живот, но на этот раз Кирилл был готов: он схватил руку противника, протянул ее чуть в сторону, отводя удар, сам нанес левым локтем удар в челюсть, пользуясь моментом, перехватил кисть карлика, выдавил из нее палку, и со всей силы надавил на кисть, заворачивая ее вовнутрь к своему животу и вжимая в направлении земли, с легким вращением таза в сторону. Кисть хрустнула, затем локоть, а потом и плечо – рука повисла плетью. Карлик громко закричал.
- Раз ты – это часть моего детства, часть моих страданий, то ты мне больше не нужен. Ты – паразитирующая мыслеформа, никчемный эгрегор детских страхов, рассейся в прах, и верни миру всю ту энергию, что хранишь в себе в форме негативных эмоций. Я не прошу, я приказываю тебе!
Уродец лежал на спине, схватившись за руку, и внимал речи Кирилла, в его глазах отразился ужас, по лицу текла кровь. Когда же юноша окончил речь, стражник издал пронзительный вопль и распался на части, будто каждая клеточка его тела стала самостоятельной единицей этого мира, на пол рухнули ключи.
Кирилл поднял связку, вышел из камеры и двинулся по коридору к выходу. Как он и предполагал, все остальные камеры были пусты. Уходя от своей камеры, юноша чувствовал, будто хоронит свое детство, все свои детские страхи.
«Итак, если этот тюремщик мне не наврал, то я, скорее всего, не под влиянием гипноза, это больше похоже на меня самого, только изнутри, будто я нахожусь внутри собственного сердца, в тех его уголках, куда в сознательной жизни я предпочитал не заглядывать. Не знаю, что меня ждет за дверью, но следует быть готовым ко всему, видимо я к себе отношусь крайне враждебно, - улыбнулся Кирилл, - А если отставить шутки в сторону, то я до сих пор не понимаю, как я мог попасть сюда, вернее войти в такое состояние. Как странно, ведь я только что убил этого несчастного карлика, и ничто, ни малейшей жилки в Душе не шевельнулось. Что же со мной? Во мне проснулся зверь? Нет, определенно нет – я мыслю, способен оценивать ситуацию, не чувствую ярости, что же со мной? Быть может, когда уничтожаешь часть себя, свои негативные переживания, не испытываешь ничего дурного, а напротив – легкость, какую сейчас испытываю я. Может быть и так. Однако, я уже подошел к двери, ага, вот сторожка того карлика, так,

какой же ключ открывает дверь?»
Немного повозившись с ключами, Кирилл подобрал верный, открыл дверь, на всякий случай взял ключи в левую руку, а правую поднял к подбородку, чтобы, в случае чего, сразу дать отпор недоброжелателям. Приняв такую позицию, он толкнул ногой дверь и шагнул.
Что-то мелькнуло перед глазами, какая-то вспышка, и вот он уже стоит в роскошном зале какого-то дворца, в разгаре балл, играет музыка.
- Кирилл Романович! Милейший друг, ну, где вы пропадаете? – окликнул юношу голос сзади, - к чему вы стоите у двери в винный погреб? Закройте ее поскорей и пройдите к своей даме, она скучает без вас.
Кирилл обернулся и увидел, что к нему идет мужчина лет тридцати, довольно худощавый, с широкой улыбкой на лице, раскинутыми для объятий руками, одетый в элегантный костюм. Юноша чуть было машинально не ударил своего визави в лицо заготовленной рукой, силой воли остановил начавшееся движение и опустил руку.
- Мой друг! – начал возмущенно и в то же время с юмором мужчина, - Как эти шутки вам не к лицу. Что вы все стоите, словно на карауле, отдайте мне ключи, я сам закрою дверь и передам ключ прислуге.
Пока незнакомец вынимал ключи и возился с дверью, Кирилл успел его как следует разглядеть: худощавая фигура, маленький хитрый нос, миниатюрные ушки, беспокойные глаза, потные руки, неловкие движения, мимолетный, но хищный оскал зуб, во время неудачи с подбором ключей – он напоминал какое-то склизкое, злобное существо, с человеческим обличием, зачем-то вправленным в этот замечательный костюм.
- Ну, вот и готово это дело, - сказал незнакомец, сунув ключ в карман, - Теперь нам следует поспешить, скоро будет любимый танец вашей дамы, будет катастрофа, если вы тотчас же не пригласите ее.
- Извините, но кто вы? Я вижу вас впервые, и у меня нет никакой дамы. Тем более что танцевать я не умею, да и одет не по форме.
Удивление незнакомца сменилось злым сарказмом на лице.
- А вы, мой друг, большой шутник. Теперь я знаю, зачем вы спускались в винный погреб. Пьянство когда-нибудь погубит вас, мой друг, осторожней с этим. Я понимаю, что желание – есть желание, но можно ведь было себя сдержать хотя бы на балу. Танцуете вы шедеврально, а ваша скромность относительно «формы» и вовсе неуместна – на вас костюм, который стоит целое состояние, более того, во всем этом зале вряд ли найдется второй такой. Однако, нам надо спешить, у нас нет времени на шутки.
Кирилл пошел за своим таинственным сопровождающим, попутно разглядывая зал – это в самом деле был дворец, или какой-нибудь замок первого богача, столь богато здесь все было. Вживую ни разу не видев ни дворцов ни балов, Кирилл именно такими представлял их себе, фантазируя после маминых рассказов о балах, до которых она была большой охотницей. Люди подобрались богатые, но высокомерие, напыщенность, гордыня сквозили почти в каждом лице, не сложно было догадаться, что в этом обществе есть только одна ценность, за которую покупается и продается все – это материальное богатство. Не припоминая за собой тягу серебру и злату, Кирилл силился понять, в какой уголок своей Души он попал теперь.
- Вот мы и пришли. Мадмуазель, - незнакомец отдал поклон весьма красивой молодой особе, - ваш кавалер доставлен из винного погреба прямо под вашу власть. Предостерегаю вас, сей сударь провел время в погребе не зря, и теперь с трудом узнает своих друзей и вообще туго мыслит.
Кирилл уже было хотел окончить начатый у двери прямой в челюсть, чтобы поставить наглеца на место, но общество, люди вокруг, прекрасная дама – сковали его. Он на какое-то время забыл, где находится, и в самом деле поверил, что он на балу, что перед ним дама его сердца. Неведомо откуда взятые, идеальные черты женщины, как их представлял себе Кирилл, слились в этом дивном существе: и милая улыбка, и стройная фигура,

нежные руки, красивый наряд… Единственное, что отталкивало в ней – глаза, синие, бездонные, но «грязные» глаза, создававшие ощущение болота.
- Мой друг, Филипп, если бы вы были более проницательным, то не попались бы на мои детские уловки, тем не менее, нам пора исполнить танец, а вы, будьте так любезны, верните ключ от винного погреба слугам, а вот с пьянством вам следует завязывать, оно вас погубит, - сказал Кирилл едким, циничным голосом, откуда-то вспомнив имя этого мужчины.
Какое-то чувство, вроде совести, начало подниматься в Душе юноши, пробуждая раскаяние за столь дерзкую клевету на этого, пусть неприятного, но человека, по крайней мере так Кирилл воспринимал его в это мгновение. Но юноша, едва его руки коснулась рука дамы, тут же позабыл об этом чувстве, зато почувствовал дерзость, почувствовал в себе опытного самца, охотящегося за дичью, в данном случае «дичью» была его девушка.
Едва они вышли в зал и зазвучала музыка, ноги сами понесли Кирилла по ритмам танца. Впервые в жизни он чувствовал себя столь дерзко, столь раскованно, столь бесстыдно. В какой-то момент все остальные пары расступились, и с восхищением смотрели на Кирилла со спутницей. Окончание танца было отмечено громкими аплодисментами, под которые, раскланявшись, пара покинула зал.
- Кирилл, будьте так любезны, проводите меня на второй этаж в мои покои, неожиданно мне стало дурно, кружится голова. Возможно, в следующий раз вам следует меня пощадить, и не задавать такой темп танца, - попросила вкрадчивым, мягким голосом девушка.
Юноша, осторожно поддерживая спутницу, повел ее вверх по лестнице, откуда-то зная, где находится ее комната. Путешествие было недолгим, пара вошла в роскошные апартаменты, Кирилл довел девушку до кровати, она, всеми силами показывая свои страдания, устроилась на мягком ложе.
Кирилла продолжала одолевать небывалая дерзость, к которой прибавилось еще и влечение к этой особе. Словно чуя желание юноши, юная дама провела рукой по шее, «случайно» задев наряд, оголяя плечо.
- Мне жарко, Кирилл, вы не откроете окно, очень вас прошу.
Фраза еще не была окончена, как юноша сорвался с места выполнять просьбу своей дамы, сам не сознавая того, как втягивается в сферу ее сознания и превращается в послушного раба ее воли.
Когда он повернулся к девушке, она, соблазнительно извиваясь, делала попытки ослабить завязки платья на спине.
- Вы мне не поможете? Это платье сдавило мне всю грудь. Мне тяжело дышать.
Сознание Кирилла лишь созерцало, как тело послушно выполняет команду своей госпожи. Несколько мгновений, и платье брошено в сторону, на девушке лишь самое интимное белье, она за ворот рубашки повалила юношу с собой в кровать, прижимаясь всем телом.
- Наконец-то мы одни, никто нам не мешает.
«Теперь Дима будет завидовать мне!» - пронеслось в голове юноши, и… Как молния «Дима, Настя, Ярослав, князья… Что со мной, мое сознание будто спало во время танца, пока мы шли по лестнице, здесь – все как в тумане, но теперь, теперь я все помню! Это – не бал, и это – не девушка, это нечто внутри меня самого, нечто развратное, злое, нечистое. Что я делаю? Если бы не мысль, если бы не образ моего друга – я бы пропал тотчас же».
- О чем ты задумался, мой милый рыцарь?
Кирилл отодвинул девушку от себя, встал с кровати, поправил костюм.
- Что не так? – спрашивала спутница в недоумении, усаживаясь на кровать.
- Все так, все именно так, как и должно быть. А теперь – что ты такое?
- Видимо Филипп был прав на счет винного погреба. Ты и вправду странный сегодня.
Сознание юноши боролось изо всех сил: с одной стороны ему хотелось поверить, что это

все – реальность, все происходит не в глубинах сердца, а в широком мире, с другой стороны он четко помнил карлика, его страшную смерть. В какой-то момент он уже был готов сдаться, отпустить свое тело в объятия этого существа, как вдруг в его голове возник все тот же грозный образ отца и слово «Виновен!»
«Да, теперь я точно знаю, где я. Спасибо, отец».
- Нет никакого Филиппа, нет винного погреба. Я уничтожил карлика, мучителя моего детства, ты рискуешь отправиться вслед за ним. А теперь отвечай, что ты такое?
- Это переходит всякие границы! – выкрикнула девушка, спешно одеваясь, - Ты все испортил, настроение, вечер, мои чувства – все! В иные момент ты похож на зверя, что на тебя находит?
- Итак, я повторяю вопрос…
Поняв, что комедия не удалась, девушка пронзительно закричала, поднимая лицо к потолку, выгибаясь в струну, когда же она окончила свою сольную программу, перед Кириллом предстало ее истинное обличие – багрово-красная, покрытая струпьями, какими-то ороговевшими наростами, с кривыми черными зубами, узловатыми руками - это была натуральная ведьма.
- Теперь все ясно, ты – испытание моей страсти к женщинам. Теперь я знаю, как выглядит страсть, потому что ты – и есть страсть. Держать такое отвратительное существо в своем сердце я не желаю. Ты только забираешь мою энергию, отравляешь мне жизнь, ты – еще один паразит, от которого следует избавиться. Пошла вон из моего сердца, верни всю силу, что взяла у меня, в мир, пусть она преобразуется во что-нибудь прекрасное и естественное.
Ведьму постигла та же участь, что и карлика, а Кирилл, глядя, как разлетаются частички энергии, хоронил свою страсть, ощущая прилив силы невероятных размеров.
«Что же это? Неужели в моей Душе скопилось столько пакостей? Видимо, да. Теперь понятно, почему сердце сжималось от одного только взгляда Ярослава, этого Святого человека. Однако, мне пора покинуть это место.»
Едва Кирилл переступил порог комнаты, как его окликнул мужской строгий голос:
- Августин, а ты почему без меча, почему не в строю? Спасибо хоть доспехи одел.
- Что опять такое? – спросил юноша, поворачиваясь.
Перед ним стоял типичный военный: суровое выражение лица, сильные руки, широкие плечи, орлиный нос, уверенный взгляд, в котором читались десятки сражений, тяжелые сверкающие латы, огромный шит, простой, но крепкий меч.
- Что значит «опять»? Ты с какой звезды упал? Ладно, не время. Раз ты свой меч забыл… Погоди, а что это у тебя в ногах валяется? Так это же меч, как раз твой, вон и звездочка твоя на нем, и зарубки, что ты после битв ставил. Ты вот что, давай дурака тут не валяй, а поднимай меч и в бой, за Родину!
«Чтоб вам всем пусто было» - подумал Кирилл, поднимая меч, одевая щит.
- Вот, теперь – орел! За мной!
Юноша только теперь как следует огляделся – это был все тот же дворец, только людей в нем больше не было, балом и не пахло, никаких роскошных вещей, даже ковров и занавесок не было.
Следуя за своим поводырем, Кирилл четко сознавал, что это – какая-то часть его внутреннего мира, которую ему следует разрешить.
Они быстро покинули дворец, оказавшийся все же средневековым замком. Юноша удивлялся, с какой легкостью его ноги несут не только его самого, но все эти доспехи, меч и щит, словно все это ничего не весит, словно родился он уже в доспехах.
- Скорей на лошадей, глядишь, догоним наших! – крикнул рыцарь, указывая на пару лошадей, привязанных к стойлу.
Опять неведомо откуда в Кирилле обнаружился навык езды на лошадях, он легко влетел в седло и они помчались догонять «наших».
Пока лошади были заняты процессом, Кирилл размышлял: «Итак, где же я теперь? Каких

еще собственных тараканов следует победить? Может быть зависть, ведь если я сказал, что теперь Дима мне будет завидовать, значит, как то ни прискорбно, я завидую ему. Да, может быть, что именно это. Но вот что странно – до этого, все встречные носили на лице отражение какого-нибудь порока, который забрал их в свои сети столь прочно, что выбраться им нет никакой возможности, а тут рядом со мной красивый, сильный, полный мужества и чести военный, скорее всего рыцарь. В его лице, конечно, не читается Святость, но и закоренелых пороков в нем тоже нет, и мне он, почему-то, кажется знакомым… Надо бы разобраться с этим».
- О чем задумался, друг? – спросил незнакомец.
- Ты не поверишь, я напрочь позабыл кто ты, кто я и куда мы сейчас едем. Это не шутка, абсолютно серьезно.
- Хоть мне и не верится, что ты не шутишь, я, все же, расскажу: ты – Августин, рыцарь нашего ордена Праведных Клинков, я – Себастьян, тоже рыцарь, мы сейчас догоняем наших воинов, отправившихся к границам наших владений, потому как на наши приграничные деревни несколько дней назад напал враг, разграбил и сжег их. Ты поведешь отряд конных воинов, прозванный «быстроногими» в твою честь, потому как ноги у тебя – самые быстрые, поэтому тебя и зовут Августин-Ураган.
Этот ответ побудил в юноше старые, давно позабытые воспоминания: его былое служение в ордене, старых друзей, Себастьян – его лучший друг в те времена и его непосредственный командующий на поле боя. Он словно уже был здесь, мчался на коне, сражался в этой битве, выносил тело Себастьяна… Это последнее воспоминание молнией пронзило сознание Кирилла.
- Себастьян, послушай меня, мы победим в этом сражении, но враг заберется к нам в тыл, как раз туда, где будешь ты руководить наступлением нашего фланга, я знаю, что так будет. Поступи мудро – пошли людей на стражу на этот путь к нашему тылу.
- Как странно ты ведешь себя сегодня: то ты не помнишь кто и где, то вдруг пророчишь нам обход врага.
- Послушай меня, я знаю, что будет именно так.
- Откуда?
- Мне… мне было видение, откровение с небес.
- Мой друг, раз есть на то у Бога план, так пусть погибну я. Ради праведного дела мне жизни не жаль. Мужайся, собирай все силы, мы подъезжаем, твои орлы уж ждут тебя.
Сказав это, Себастьян резко повернул в сторону, поспешив к своей боевой позиции. Кирилл, по памяти, знал, где стоят его воины, и поспешил туда.
Конница, в самом деле, была в сборе. «Как странно, - подумал про себя юноша, - все эти лица мне знакомы, и каждого я знаю как зовут, о каждом знаю что-то: кем был он в прошлом, чем жил, кто есть сейчас. Не знаю, где сейчас я, и что за грех свой покрываю, но боль в Душе, немая правда, мне говорит, что это быль, пусть быль давно минувших лет, но быль, реальность. Быть может это – память прошлых жизней? И раз уж так – пора, пора мне речь сказать и в бой вести».
Конница Кирилла с ожиданием смотрела на своего вожака, ожидая слов, ведущих в бой, к победе.
- О чем вы размышляли, други, - начал Кирилл речь, сам не сознавая, откуда берет слова, - чем наполняли свет последних дней? Кто был вам мил, а кто противен, с кем ссорились, кого любили? Где это все? Где есть нектар от жизни вашей? В домах, что греют печи за спиной? Быть может в тех сердцах, что вы любили? И там и здесь, скажу я вам, вы здесь, сильны, стройны, могучи, но мысли ваши там, где сердцу быть милей всего. Однако, здесь мы собрались сегодня, покинув сердцу милые края, а все зачем? Да чтобы Родину спасти, чтоб было нам, куда вернуться, что детям нашим вольно жить. И знаю я, никто из вас не струсит, никто не побежит трясясь. Все потому, что некуда бежать, все потому, что Родину топтать врагу мы не дадим, все потому, что смелости всем нам не занимать! Вперед, идем мы в бой! Вопрос попутно разрешая, кому из нас Великий Бог решил

оставить жизни еще немного лет, а кто уже готов, чтобы вернуться в рай отцов! За мной! За смерть, за жизнь, за Бога, за детей! – Кирилл выхватил меч и ножен, поднял его к небу и громко крикнул, его крик подхватила конница, в это же время раздались кличи других отрядов, войска двинулись вперед.

Юноша повел своих людей в атаку, ему не нужно было осматривать расположения своих и вражеских войск – он их уже знал, даже слишком хорошо знал. Местом сражения было выбрано поле, обрамленное редким лесом по краям. Кирилл мчал свою конницу по правому флангу, довольно близко к лесу, таким образом было задумано прорваться к лучникам врага.

В какой-то момент сознание Кирилла отключилось, предоставляя телу полную свободу действий, и тело не подвело. Пока сознание смотрело «спектакль» прошлых лет из «первого ряда», тело приосанилось в седле, поскакало быстрее.

Навстречу выдвинулись вражеские конница и копейщики, явно помышляющие остановить отряд Кирилла. Пешие воины копья, разумеется, отстали от конных, потому первое столкновение было именно с всадниками противника. Юноша созерцал, что делает его тело, и не верил своим глазам: Такой ловкости и удалой прыти он никак не ожидал от самого себя, тем не менее, дело обстояло именно так: он мчался сквозь врагов, разил мечом, выбивал людей из седла щитом, защищался и вновь атаковал, его примеру следовал и отряд, деморализуя и громя врагов. Вот уже от чуждой конницы осталось всего пара-тройка воинов, трусливо бегущих с поля боя, и отважный отряд, почти полным составом, помчался к заветной цели – лучникам.

Копейщики, выстроившись в защитную форму, видели скорую расправу над своими товарищами, но не дрогнули, не сбежали, потому предстояло прорваться и через них. Ворваться сквозь точащие копья удалось многим, но Кирилла сбили с лошади, и он продолжил бой пешим воином.

Вот тут-то сознание юноши полностью поняло, за что его когда-то прозвали Ураганом: его ноги несли его по полю столь быстро, что враги не успевали среагировать на такую скорость. Он, в самом деле, словно ураган, прорубался сквозь ряды врага, сея смерть мечом и щитом. Удары копьями, да и в целом движения копейщиков казались замедленными, будто бы они не спали трое суток, так видел это Кирилл поначалу, но потом заметил, что все вокруг движется медленнее, чем обычно, и тут сознание юноши осознало, что в те далекие времена он искусно владел навыком вхождения в измененные состояния сознания, обостряя восприятие, увеличивая силу и скорость.

Расправившись и с этим врагом, Кирилл вскочил на своего коня, заботливо приведенного ему одним из сослуживцев, и наступление продолжилось.

Несложно было понять, что лучники, осознав полную утрату своих защитников, перенаправили свои луки на отряд Кирилла, и выпустили первый град стрел. Отряд поднял щиты к небу, защищая себя от смерти, продолжая наступать на врага. Первая волна стрел с грохотом врезалась в щиты, убила несколько лошадей, тем самым спешив нескольких воинов. Вторая волна прошла примерно с таким же успехом, а третьей волны уже не было – конница достигла своей цели и молниеносно ее ликвидировала.

Победа сопутствовала и другим отрядам ордена, разгромленный враг бежал, бросив оружие, раненых и убитых. Вкус победы уже готов был ударить в голову Кириллу, как вдруг – «Себастьян!» словно молния мелькнула в голове мысль. Юноша устремил свой взор к тем местам, где должен был быть его старый друг и увидел там то же, что и много лет назад – мертвые тела, следы побоища.

Словно туман окутал сознание Кирилла, никого не слушая, ни на что не реагируя, он помчал коня к другу, сознавая, что уже слишком поздно что-то изменить. Так оно и было – прискакав на место он увидел лишь «ковер смерти», сотканный из тел падших воинов. Кирилл спрыгнул с коня, забегал глазами по лицам, выискивая друга, через какое-то время нашел: Себастьян был еще жив, но при смерти.

- Ты был прав, Августин, - с трудом вымолвили разбитые губы, попытался слегка

улыбнуться, - по крайней мере, десяток этих гадов я утащу с собой на тот свет, - рыцарь тяжело закашлялся, сплюнул кровь на землю, - хочу… хочу, чтобы ты знал, лучшего друга чем ты я и не желал, ты был мне как брат.
- Я и есть – брат тебе, брат по Духу, брат по Жизни, - сказал Кирилл, еле сдерживая слезы.
- Брат… прими мою последнюю просьбу – воспитай моего сына честным и благородным воином.
- Даю слово.
- Хорошо… - Себастьян сделал последний вдох, и, испуская Дух, вымолвил последнее – прощай.
Кириллу показалось, будто бы он почувствовал прикосновение Души своего старинного друга, почувствовал всю ту Любовь, которую друг не умел обнаружить в грубом мире, и которой щедро осыпал Кирилла теперь.
- Прощай, мой друг, - сказал юноша, и слезы полились ручьями из мужественного воина, еще недавно столь бесстрашно играющего со смертью, громившего врагов.
Кирилл поднял лицо к небу и, что было сил, выкрикнул «Себастьян!», будто желая дотянуться до друга всеми теми чувствами Благодарности и Любви, что он носил в себе к этому человеку, и до последней минуты не умел выразить их. Сердце словно опустело, вкус победы развеялся, как утренний туман, оставив после себя лишь слезы на траве.
По пути домой, юноша снова и снова, раз за разом все размышлял о смерти, о друге, о понятиях долга, чести, Родины… Казалось, только сейчас в него входит истинное понимание этих вещей. Он отказывался от еды, стал неразговорчив, соратники понимали горечь его утраты, потому старались не докучать.
«Так вот от чего меня прозвали Ураган, - размышлял юноша, - быстрые ноги, реакция, сила… Все это я пропитал такой субстанцией гордости, настолько превозносил этим себя над другими, что и получил паралич ног в нынешней жизни. Если бы только мне усвоить одну мысль – что я, даже столь быстроногий, такой же человек, как все вокруг, такая же единица Вселенной, то не было бы паралича, не было бы болезней. Одна лишь мысль, подумать только. А я, до сего дня, разбрасывался мыслями, словно это были никчемные побрякушки. Теперь я лучше понимаю слова друзей о том, что каждая мысль влияет на всю жизнь человека…»
Кирилл не успел окончить своих мыслей, подул сильный ветер, в глазах потемнело и он… оказался словно в черной пустоте. Вдруг вдали послышался голос, принадлежал он весьма старому человеку:
- Как ты мыслишь об этом? Что верней всего следует укреплять в государстве?
Юноша открыл глаза, беглый взгляд по сторонам четко дал понять, что теперь он во дворце, при том, скорее всего, в китайском, а перед ним или император или Мудрец – столь значительным был вид сидящего напротив человека, и даже не сияющие одежды говорили об этом, хотя одежда была столь богата, что ее стоимости хватило бы, чтобы прокормить целый город, а сам человек – его лицо источало такой плотный золотистый свет, что даже глаза немного уставали, глаза, словно ночное небо, утягивали в бескрайний мир Знания и тайн.
- В государстве… думаю военное ремесло, - сказал Кирилл, еще не отойдя от прошлых событий на поле боя.
Мудрец неодобрительно покачал головой, но в то же время выражал чистейшую Любовь и уважение к Кириллу.
- Научи меня, Мастер, - вымолвил юноша, сам слабо понимая, что он говорит, где он сейчас находится, и что это за воспоминание его Души.
- Военная мощь хороша лишь короткое время, время завоеваний или защиты своего государства, гораздо важнее Души людей, которые живут в государстве. Если враг хитер и желает погубить тебя, то он притвориться другом, и, под всевозможными предлогами, будет насаждать в твоих землях нравственное, моральное, культурное, духовное разложение. Внедрять идеи, формировать образ жизни твоих людей. Поразмысли сам, к

чему воевать с тобой мечом и луком, если можно разрушить семьи в стране врага, насадить угнетающие обычаи, травмирующие людей еще в детстве? Запомни и соблюдай всего одно правило, чтобы держать государство в здравии – не допускай до людей, в периоды кризиса их сознания, в период становления личности, никаких проповедников, хороших или плохих, веришь ты им или нет – не допускай. Дай детям и подросткам сформировать свое мировоззрение, учитывающее и почитающее род, почитающее простые человеческие ценности в виде дружбы, взаимовыручки и благодарности. Будь внимателен к…

Сознание Кирилла вновь провалилось в неведомую «яму», очнулся он на койке, вокруг были каменные стены, массивная деревянная дверь заперта, вокруг – тишина.

«Так, ну и где я сейчас? По правде сказать, мне это уже порядком надоело: то пороки, то воспоминания, то Китай, от такого калейдоскопа голова кругом пойти может, а теперь – и того лучше, я снова заточен и даже не знаю где. Надо бы осмотреться.»

Юноша встал, посмотрел по сторонам – каменные стены, высокий потолок, маленькое окно без решетки, запертая дверь, довольно приличная, чистая одежда, приемлемая лежанка, стол и стул у окна, сгоревшая наполовину свеча. Кирилл забрался на стол и выглянул в окно – оказалось, он заточен в башне, потому окно и без решетки, из окна виднелся весьма живописный ландшафт: зеленые кроны лиственного леса изредка перемежались острыми конусами хвойных, волнистый, из-за гор, горизонт озарил дивный закат, других частей башни или замка видно не было.

«Ну, теперь хоть окошко есть, - шутил про себя Кирилл, - уже хорошо, и столик со свечкой, шикуем!.. Да… ладно, делать нечего, попробую позвать кого-нибудь».

Юноша подошел к двери, на всякий случай попробовал открыть – не удалось, принялся звать, в надежде увидеть хоть кого-нибудь живого. Никто не откликнулся.

«Вот тебе и на, что прикажете делать? – подумал Кирилл, опускаясь на койку, - дверь выломать нечем, в окно прыгать – тоже не вариант, вдобавок еще никого нет рядом. Что ж, буду ждать, в конце концов, я ведь внутри себя, или нет? Или все-таки это какое-то колдовство?..»

Решая этот и другие вопросы, юноша провалялся в койке довольно долго. Спустилась ночь, мрак окутал комнату, тишина. Вдруг раздались чьи-то шаги, сперва еле слышные, затем все звучней и звучней, юноша встал с койки и подошел к двери. Вскоре он услышал не только шаги, но даже потрескивание огня, из чего понял, что визитер с факелом. И вот еще пара мгновений, звякнули ключи, захрустел замок и в комнату вошел стражник, одетый в кожаный легкий доспех с факелом в левой руке.

- Пойдем, твой противник уже ждет тебя.

- Да неужели? И кто сказал, что я пойду? – Кирилла вся эта комедия начинала порядком раздражать.

- Кирилл, или ты пойдешь сейчас сам, или я загоню тебя на ринг кнутом! – крикнул охранник, вынимая кнут.

Самонадеянность этого человека, высокомерный тон, приказы, угрозы – все это довело юношу до высшей точки раздражения. Кирилл зло улыбнулся, ничего не ответил, а через секунду уже бросился на стражника, поразил его челюсть крепким ударом справа, доработал ногой в живот, затем в голову, поднял с пола кнут, намотал его на шею несчастному и принялся душить. На звуки борьбы в комнату влетели еще два стражника, вооруженных короткими мечами. Юноша потянул за кнут, поставил первого визитера перед собой, защищаясь от лезвия мечей.

- Отпусти его! – крикнул один из вошедших.

Этот приказ лишь подлил масло в огонь – теперь в недрах Кирилла пробудился зверь, тот самый зверь, которому неведомы жалость, сомнения и вообще человечность. Он с силой толкнул пленника в одного из стражников, тем самым сбив его с ног, и накинулся на второго.

Волны ярости, выбрасываемые зверем, парализовали оставшегося на ногах стражника, он

лишь успел уловить, как бешеный человек выкручивает его руку с мечом и наносит удар локтем в лицо.
Между тем пленник силился снять кнут с шеи, а вооруженный стражник – встать с пола, неожиданно он почувствовал, что его руку с оружием с силой, словно это был удар кувалдой, прибили чем-то тяжелым к полу, очевидно, сломав что-то из костей.
Кирилл уже замахнулся, чтобы вонзить меч в спину своему первому пленнику, но вдруг «Виновен!» раздалось в его голове, тут же возник образ отца, затем суровое лицо Ярослава-Бога… Юноша опустил руку с оружием, тяжело опустился на койку.
Стражники поднялись с пола, тот несчастный, что получил удар локтем – так и лежал на полу. Испуганные до последней степени, стражи не знали, что им делать, они бы рады были сбежать подальше от страшного человека, но, очевидно, их пугал еще больших страх перед тем, кто послал их за Кириллом. Они, было, начали приближаться к узнику…
- Стоять на месте, - прорычал юноша, стражники замерли, с ужасом поглядывая на меч в руке дикаря.
- Кирилл, нам нет дела до тебя, мы не питаем к тебе злобы, не имеем личных претензий, но если ты не пойдешь – с нас снимут голову, а тебя все равно убьют, рано или поздно, днем или когда ты спишь, трое или сотня солдат. А так у тебя есть шанс попасть в любимцы нашего правителя, обрести свободу.
Юноша зло усмехнулся, продолжая перебирать внутри себя воспоминания о Ярославе и отце.
- Не ты ли грозил мне кнутом? Где же твоя смелость сейчас? Вы – жалкие недоучки, слабовольные псы, вы сами выбрали свою судьбу – служить столь злому хозяину, от чего мне жалеть вас? Не от того ли, что вы минуту назад хотели скрутить меня и против воли утащить на какой-то глупый бой? В вас нет даже капли самоуважения, - кидал Кирилл фразы, совершенно не заботясь о чувствах этих людей, не сковывая себя рамками приличия и такта.
Вдруг, перед ним показался Ярослав во весь рост, прожигая его своими ярилами-глазами, и тут зверь отпустил сердце юноши, он вспомнил, что это все – его собственный внутренний мир, что если кто и виноват здесь в чем-то, то это он сам, он вспомнил строгий голос отца, тяжело выдохнул и сказал, бросив меч на пол:
- Ведите.
Стражники смотрели на него с опаской, но как на благодетеля, злого, свирепого, но благодетеля. Они проводили его в низ башни, вывели к коридору, ведущему в замок.
Совладав с внутренним зверем, Кирилл спросил:
- И с кем мне предстоит драться?
- Его зовут Лирик, говорят, будто он свирепее самого дьявола, но я думаю, что твою свирепость ему ни за что не одолеть, - старался шутить стражник, и в то же время сказать комплимент.
Как больно было слышать этот «комплимент» сердцу Кирилла – ведь он всеми силами старался победить в себе злобу, победить зверя, а теперь его признают свирепейшим бойцом, пусть и загадочные мыслеформы его внутреннего мира, но признают справедливо. Ничего не ответив, юноша задал следующий вопрос:
- Каковы условия боя? Это ведь бой со ставками? Кто и сколько ставит? Кто гостит сегодня здесь, чтобы посмотреть зрелище?
- Условия очень просты: на ринг входят двое, выходит один. Оружие не дается, других особых правил нет. Ставят в этом бою на твоего соперника, но наш правитель поставил на тебя – это добрый знак. Сегодня здесь гостит почти весь цвет этой провинции. А теперь, пожалуйста, тихо, мы должны быть стражниками, а ты – узником, нам не положено разговаривать.
Юноша со «свитой» прошел через огромные деревянные двери, немного проследовал далее по коридору, затем стражники свернули резко в сторону, подвели Кирилла к узенькой, неприглядной лесенке, ведущей вниз.

- Тебе туда, удачи. Забудем все, что было сегодня, мы будем болеть за тебя.
Ничего не ответив, Кирилл кивнул головой и начал спускаться вниз, за ним захлопнулась тяжелая дверь, завертелись ключи в замке.
«Итак, мне предстоит побыть гладиатором, видимо в этом мире сбываются все мои «мечты», все сильные эмоции. Что ж поделать, сыграю и эту свою «мечту». Теперь самое время вспомнить все, чему меня учили весь прошлый год, все, что я знаю из прошлых жизней…»
Мало обращая внимания к окружению, юноша вошел в комнату, где бойцам полагалось ожидать своего эффектного выхода, где им предоставлялась возможность потренироваться, примерить на себя какой-нибудь пугающий наряд, например, из шкур хищных зверей.
«Итак, по правилам этого турнира мне положено убить своего врага. Как уже это все надоело: смерти, убийства, войны, жестокость… зачем? Кому от этого становится легче? Я уже вспомнил, как убивал на поле боя, как убивали моих друзей. К чему все это? Что я должен понять сейчас? Постараюсь подумать… Так, мне известно имя врага, известно, что он отличается свирепостью, а сам я недавно отличился этим же качеством, известно, что делаются ставки, что это гладиаторские бои, что это – моя давняя мечта – стать гладиатором. Только я мечтал о Колизее, о котором читал, а это мало похоже на него, видимо моя мечта уродливо искривилась, или я в глубине Души мечтал именно об этом месте. Кроме того, что я вспомнил о мечте, я... Ничего не понял, единственное, что приходит на ум – усмирение внутреннего зверя, окончательное усмирение. На этом и решим».
Едва юноша пришел к этой мысли, как двери открылись, пора было устроить «спектакль» для самого себя. Какой-то громогласный ведущий с энтузиазмом и большим мастерством накалял атмосферу среди зрителей до предела.
Кирилл скучно зашагал по коридору, всматриваясь в фигуру оппонента, уже выбежавшего на арену: широкие плечи, крепкие ноги, резкие движения, лицо… «да это же я! – подумал юноша, - но как такое может быть? Так, еще раз, противник свиреп, его зовут Лирик… Лирик! Понятно, это Кирилл наоборот! Нет, нет, нет, это не могу быть я, откуда в глазах столько злости, столько ярости?»
Кирилл вышел из коридора, стальные ворота захлопнулись за спиной. Враг впился в него кипящими неудержимой яростью глазами, немного согнул ноги, словно готовясь к прыжку, как дикий зверь.
«Неужели вот так уродуется моя внешность, когда ярость берет верх надо мной? – думал юноша, - Такая сила ненависти, такая злость… я видел ее лишь среди оккультистов, с которыми сражались князья… Князья! – в голове завертелись образы дивных Учителей, по всему телу пробежала волна теплой энергии, придавая сил и ясность рассудку, - Помню, теперь помню! Как же говорил Михаил? А, вот! «Человек может быть свободным от стальных оков, но быть рабом своих желаний, и последнее куда хуже первого. Нет хуже того рабства, когда раб считает себя свободным, не чувствуя оков». Да, именно это! И вот теперь щедрая Жизнь…» - Кирилл не успел окончить эту мысль, противник ринулся в бой, атакуя смирно стоящего человека.
Отработанным движением, Кирилл шагнул в сторону, перехватил бьющую руку противника, добавил к ней немного усилий – и дикарь, со всей скоростью, которую набрал, врезался в стальные ворота. Зрители взвыли от удовольствия.
«Щедрая Жизнь дала мне уникальный шанс – заглянуть внутрь самого себя, без лицемерия, без самообмана, увидеть свою изнанку, всю правду о себе. Мне следует быть безмерно благодарным за это».
Враг оправился от удара, повернулся лицом к Кириллу и вновь, с криком, бросился в атаку. На этот раз он мечтал вцепиться обеими руками в горло Кириллу, но, к великому разочарованию, юноша схватил правую руку, немного подсел, резко наклонился вперед и дикарь отправился в краткосрочное воздушное путешествие.

«Он, вроде, желает моей смерти, но это вздор, он не может победить меня, он – это лишь часть меня. Даже пусть он, как отражение в зеркале похож на мое тело, он – не я, он не обладает тем же внутренним миром, каким обладаю я. Он – воплощение моей злобы, внутреннего зверя. Он – наглядный урок того, как мне более не следует делать. Бедный Дима, и ему пришлось видеть меня в таком состоянии. Прости меня, друг».
Враг поднялся на ноги и приготовился к атаке.
- Чего ты хочешь?
Дикарь не ответил, и кинулся вновь. На этот раз Кирилл был жестче: сильно ударил врага ногой в низ живота, а когда тот согнулся от боли – добавил коленом в лицо. Враг упал, схватившись за лицо. Как то ни странно, Кирилл не чувствовал ничего агрессивного внутри себя, ни единой мысли, ему было искренне жаль это несчастное существо, живущее лишь злобой, он не обращал внимание на публику, на окружение, впервые Кирилла охватил покой во время боя, истинный покой.
- Зачем ты нападаешь?
Дикарь поднялся, свирепо глядел на юношу, но атаковать не смел.
- Понятно, ты, кроме ненависти, более ни на что не способен. Ты – воплощение одного из качеств моего существа, но ты более не нужен мне, посему я приказываю – рассейся в прах, отдай всю энергию, что взял из мира, обратно в мир.
Кирилл стоял и наблюдал, как этот дикарь, а вслед за ним и весь замок, распадаются на мельчайшие частицы. В какой-то момент его озарила яркая вспышка…
- О, величайший, всесильный Мудрец! – услышал Кирилл чей-то голос рядом с собой, открыл глаза и увидел, что окружен толпой страждущих людей, - мы пришли просить твоей всеведающей Мудрости.
Вместо действий, Кирилл уселся на землю, сложил ноги в сиддхасану и закрыл глаза. Глубокий вдох, задержка, плавный выдох со словами «не я». Страждущие исчезли, появилось другое место и другие люди, юноша повторил процедуру. Еще много раз приходилось ему дышать подобным способом. Наконец, он перестал открывать глаза после каждого выдоха, потерял всякое чувство времени и пространства, отделяя от своего истинного Я все ложное и наконец… «Я!!!» - пронеслось в Душе Кирилла, он обрел свою истинную природу.
Открыв глаза он увидел, что сидит на краю скал, перед ним море, вокруг никого. Затем все вокруг залил белый свет, когда он подумал, что ярче света уже не бывает – вспыхнул новый источник света, яркостью своей, затмивший все предыдущее. Кирилл в это мгновение перестал существовать как человек, как что-то отдельное от Вселенной, он обрел свое Я, теперь он обрел Гармонию. Из Света показался Михаил, широко улыбнулся и подал юноше руку, рядом с Михаилом стоял отец, тоже приветствовал сына улыбкой, едва Кирилл коснулся руки князя, «Прощен!» прогремел громом в его голове голос отца.
«Пробудись!»
Первое, что почувствовал юноша – нежные женские руки на своих висках, потом что-то сняли с его лба и приложили нечто мокрое и прохладное. Он открыл глаза и, не сориентировавшись сразу, сказал:
- Ангел, где я? Что случилось?
- Все хорошо, Кирилл, - раздался знакомый мелодичный голос, - ты у Ярослава, меня зовут Настя, пожалуйста, полежи спокойно еще немного.
- Ах, да, верно, теперь я все помню: я пришел сюда с вами учиться у Мастера Ярослава, ты – Настя, с нами был еще Дима, мы гуляли по саду с Ярославом, потом встретили двух Ангелов, потом… потом меня навестил отец с князем… потом я оказался здесь.
- Спокойно, постарайся расслабиться, сильное напряжение сознания сейчас – не лучший вариант.
Кирилл послушался Насти, постарался расслабиться, попутно восстанавливая картину мира. Все довольно быстро встало на свои места, он вспомнил точно, где и с кем он, как сюда попал, чему здесь учился, единственное, что выпадало из памяти – как он попал в

постель, да еще с компрессом на лбу. Не решаясь напрягать сознание, как ему и советовали, юноша закрыл глаза и дал сознанию отдых в тишине. Впервые он так явно ощущал тишину мыслей – то состояние, в котором словесных форм мышления просто нет.
- А вот и наш друг, - услышал Кирилл голос Ярослава и открыл глаза, - тебе еще нельзя вставать, но компрессы более не нужны. Как только ты поправишься, я отвечу на твои вопросы, а сейчас отдыхай, вечером мы тебя проведаем.
Кирилл остался один и вскоре уснул крепким здоровым сном.
- Что все-таки с ним было, Ярослав? – спросил я.
- Он воочию увидел все потаенные уголки своего сердца – довольно опасная процедура, истощающая силы человека и грозящая даже безумием. В случае с Кириллом все обошлось лишь потерей сил. Уже сегодня вечером ему можно будет подняться на ноги. Он будет весьма голоден, поэтому нам следует постараться на славу и приготовить много-много вкусных и полезных блюд. Все-таки, два дня пробыть в таком состоянии – серьезное испытание. Он, вернее всего, позабудет все, что видел в этом состоянии, может только обрывки всплывут в памяти сейчас, но те огромные перемены, что он завоевал внутри себя, останутся с ним на всю дальнейшую жизнь. А теперь нам пора возобновить тренировки, но сперва ты, а затем Настя должны искупаться в горной речке, где набираете воду, чтобы очистить себя от тех нечистот, что приняли на себя, пока сидели у постели больного.
Так мы и сделали: первым сходил я, а как только вернулся – Настя пошла к речке. Тренировка была легкой, без спаррингов, без мечей – мы развивали внутренние ощущения Силы, уверенности, легкости, Гармонии. Затем легко перекусили и принялись готовить «царский» ужин.
К своему стыду следует сказать, что повар из меня неважный, хоть друзья шутили и подбадривали своего незатейливого помощника, я четко осознал, что едва ли гожусь в «поварята», посему решил с двойным усердием следить за умелыми друзьями. Довольно примечательно было то – с каким отношением друзьям относились с самому процессу приготовления пищи, для них это было нечто воде священного ритуала, казалось, будто они вкладывают все лучшее, что имеют внутри, в пищу.
- Друзья, я уважаю ваш труд, но прошу раскрыть от чего вы, при приготовлении пищи, столь сосредоточены, будто молитесь?
- Это все от того, - начала Настя, устраиваясь рядом со мной на стул, - что пища, как и любой другой предмет, впитывает в себя эманации человека, его мысли, его эмоции, особенно это касается воды. Вода обладает почти бесконечной памятью, вода способна запоминать и хранить информацию длительное время, а так как человеческое тело обладает в основном водной природой, то не сложно представить, как информация, хранящаяся в воде, с помощью которой готовили, например, суп, записывается в человека. Поэтому мы столь трепетно относимся к процессу приготовления пищи. С таким же Радостным настроем следует и принимать пищу. Не обязательно сидеть, вытянувшись в струну, и фокусироваться на положительных вещах, но сохранять Радостность – крайне желательно.
Наставница продолжила помогать Ярославу, а я, вооруженный их «секретом» приготовления вкусностей, постарался вложить все лучшее в то, что мне поручили делать. Вскоре ужин был готов, теперь нужно было навестить Кирилла. Эту почетную миссию взяли на себя мы с Ярославом, оставив Настю накрывать на стол.
Мы тихо подошли к заветной комнате, легко отворили дверь, Кирилл уже не спал, казалось, он ожидал нас уже некоторое время.
- Как себя чувствуешь? – спросил старец, подходя к постели юноши.
- Чувствую, будто выспался на неделю вперед, а теперь готов проглотить быка, - бойко отвечал Кирилл.
- К сожалению, с быком мы не угадали, но хороший ужин гарантируем, но прежде тебе следует окатиться свежей водой и сменить одежду, в этом тебе поможет Дима, потом мы

вместе поужинаем, а затем я поступлю в распоряжение твоей любознательности. Дима, у входа в дом стоят два ведра, вода в них должна была нагреться от Солнца, этой водой и искупай друга, а я пока схожу за свежей одеждой и вынесу ее вам на свежий воздух.
Ярослав отправился за одеждой, я протянул руку другу, помогая подняться, в дальнейшем передвижении моя помощь не потребовалась. Мы вышли на крыльцо, нашли ведра, отошли поближе к саду, Кирилл избавился от «больной» одежды, встал лицом к Солнцу, закрыл глаза, как бы давая понять, что он готов к обливаниям. Взяв одно ведро обеими руками, я окатил друга водой, наблюдая, как жидкость уносит с собой какую-то старую, отмершую грязь. Окатив водой из второго ведра, заметил, как огромная Жизненная Сила вспыхнула внутри Кирилла.
- Как ты себя чувствуешь теперь? – спросил я.
- Словно заново родился, или впервые родился к осознанной жизни.
- В таком случае – с днем рожденья, - шутил Ярослав, незаметно подобравшийся к нам, - вот тебе новая одежда, а старая одежда свой срок отслужила и ее надлежит предать огню, чем я сейчас и займусь. А вы пока идите в дом, приступайте к ужину, я скоро буду.
Кирилл одел новые вещи и, казалось, засиял еще больше, чем вызвал во мне новую волну Радости за друга. Мы отправились в дом.
- Не представляю, что со мной случилось во время болезни, но ощущение, будто я повзрослел на несколько жизней и, в то же время, помолодел Душой – настолько легко теперь на сердце. Подумать только, я и представить не мог, что так хорошо бывает, когда на сердце легко. Я помню, что Ярослав обещал поведать мне обо всем лично, потому не спрашиваю тебя ни о чем. Как странно, мне стало гораздо проще держать себя рядом с Ярославом, даже за те короткие минуты, что вижу его после болезни – чувствую значительную разницу.
- Очень рад за тебя, друг, что такое облегчение и вместе с тем внутренний опыт пробудились в тебе от этой болезни. Надеюсь, что в самое короткое время Ярослав позволит тебе тренироваться вместе с нами, а пока нам следует умыть руки и приготовить свои мысли к принятию пищи. Настя мне сегодня сказала, что настрой человека во время принятия и приготовления пищи очень важен, если коротко, то это звучит так «что испускаешь во вне, то примешь внутрь», поэтому давай войдем в столовую в состоянии высочайшей Радости, на какую только способны, чтобы еда была полезна не только нам, но всем нашим друзьям.
Кирилл улыбнулся и охотно согласился. В особенно положительном настроении мы вошли в столовую, где нас радушно встретила Настя, мы расположились за столом, приступили к трапезе. Как и предсказывал Ярослав, который, к слову сказать, вскоре появился, Кирилл поглощал пищу за семерых и такими темпами вполне мог бы съесть быка, мы же насытились теми объемами, которые потребляли с момента прибытия в этот дом.
После ужина Кирилл поблагодарил поваров, с некоторым удивлением узнал, что я тоже принимал в приготовлении сего пиршества некоторое участие, а затем отправился с Ярославом на прогулку. Мы с Настей тоже пошли прогуляться по саду, но в противоположную сторону, чтобы не мешать беседе друзей.
- Ярослав сказал мне, что состояние, в котором пробыл Кирилл эти два дня, очень опасно, и может даже грозить человеку катастрофой. С трудом себе представляя, что пережил наш друг внутри самого себя, я, все же, задаюсь вопросом – как Ярослав решился на столь сильный, но опасный шаг?
- А он и не решился, вернее не только он, уверена, старец имел случай переговорить об этом с Михаилом, он же дал Ярославу все инструкции. По поводу состояния и возможной катастрофы Ярослав полностью прав – я не раз чувствовала, как Кириллу приходилось напрягать душевные силы до предела, чтобы пройти какой-то рубикон внутри. Это состояние - что-то вроде вынужденной правды, то есть, как бы человек не вертелся, он смотрит на себя истинного, и никакие мысленные ширмы ему не помогут. Это очень

полезно в иные моменты, как это было для Кирилла, но в большинстве случаев для большинства людей это – прямая дорога к безумию: они будут разрываться между лживым миром, что сотворили себе из иллюзий, и миром своего истинного сердца, для которого у них не хватает сил и смелости, чтобы исправить. Повстречать истинного себя – это серьезное испытание, но еще большее испытание – когда тебе некуда спрятаться от самого себя. Испытание Кирилла относилось ко второму виду, и он выдержал.
- Уверен, что друг был на высоте сил, но для меня по-прежнему остается тайной, как он попал в это состояние?
- Та же волна энергии, что унесла нас ввысь, что показала нам разнообразные уголки Мироздания, пробудила в нем внутреннюю волну протеста. Все темное, все, что давило его сердце, в один миг собрало все силы и попыталось не пустить Божественный Свет в сердце Кирилла. Полагаю, он ощущал это, как две борющиеся волны: одна волна исходила от нас, другая – из глубин сердца. Образно выражаясь, он оказался у черты выбора между Светом и мраком, его нынешнее состояние показывает, что он выбрал Свет. Ты, верно, уже заметил, что Кирилл обрел новую Силу, стал прямее смотреть в глаза Ярославу, легче держит себя с нами, больше охватывает сознанием.
- Верно, заметил. Недавно я своим зрением наблюдал, как в сердце друга пробудилась новая звездочка Света, словно связывающая его с Природой по-новому, с новой Мощью вплетающая его в труд всего Мироздания. У меня еще не было достаточно времени, чтобы обдумать и понять это преобразование в человеке, но все, что подсказывает мне сердце, сводится к одному – когда в сердце человека становится меньше заслонок и перегородок о самого себя, в это же время в человеке открываются новые пути для действия Великой Жизни. Жизнь не ждет, не избирает себе любимчиков, она готова открыться всем и везде, лишь бы человек был открыт для нее, ведь чтобы пустить желанного гостя в дом, надо сперва отворить дверь.
- И именно эта Сила дает человеку природную проницательность, например, в процессы жизнедеятельности растений и животных: ему довольно посмотреть на зверя и ощущения подскажут, как животное чувствует себя. Чем шире в человеке раскрыт спектр Жизненной Силы, тем проще ему единиться с другими людьми, обладающими собственным, уникальным спектром сил.
Далее мы затронули вопросы, касающиеся переживаний, относящихся к тем моментам, когда мы прогуливаемся в уединении, посему на этом повествование прерывается.
Солнце уже готово было опуститься за край земли, озаряя небосвод своим прощальным шедевром красок, мы довольно долго беседовали, и, сами того не замечая, вышли на тренировочную поляну, где, к моему удивлению, Ярослав тренировал Кирилла. Заметив нас, старец улыбнулся, жестом предложил присоединиться.
- Сейчас Солнце отдает особый спектр энергии, нам было бы полезно с ними поработать, займите ту же позицию, что и Кирилл, - юноша стоял, расставив ноги чуть шире плеч, немного согнув их в коленях, спина прямая, лицо устремлено к Солнцу, руки на уровне солнечного сплетения повернуты ладонями к небу, дыхание глубокое, - активируйте свой солнечный центр и поупражняйтесь с энергией светила.
Окончив речь, Ярослав занял точно такую же позицию, и, казалось, полностью «улетел к Солнцу», мы последовали его примеру. Чистота этого места, дивная компания людей, закат Солнца – все действовало волшебно на меня, создавая ощущение сказки. Окончив тренировку вместе с закатом, мы отправились в дом на ночлег.
Все оставшееся до нашего путешествия к Леониду время мы уделяли тренировкам, беседам, шуткам и маленьким каламбурам. Кирилл заметно окреп, как физически, так и Душой, теперь спарринги с ним были куда более интересны. Мы с Настей понимали друг друга практически без слов, однако любили поговорить о Высоком при помощи речи. Индивидуальный подход Ярослава к каждому из нас позволил раскрыться в каждом новому букету Силы и Красоты. И вот настал день нашего путешествия в деревню. Июльское утро встречало нас солнечными лучами, теплом и легким ветром, словно

благословляя наш путь. Настя и я легко простились с Ярославом, прочно удерживая образ дивного старца в сердцах, чуть тяжелее прощание проходило у Кирилла, в его прощальных объятиях он выразил всю благодарность перед старцем за столь щедрые дары его таланта, раскрывшие новую Силу, новое понимание Жизни в юноше. Мужественно выдержав последнее испытание, Кирилл подошел к нам, мы помахали Ярославу на прощанье, получили такой же ответный жест и двинулись в путь. Пробуждающаяся ото сна тайга больше походила на какой-нибудь сказочный сюжет: смелые животные, не опасающиеся людей, легкая дымка, лучики света, прорывающиеся сквозь листву, тихая игра ветра в зеленых кронах, замысловатое расположение деревьев, создающих каждый раз уникальный рисунок местности и мы – три путешественника. Дорогу мы с Настей знали хорошо, потому могли позволить себе расслабиться и поговорить о чем-нибудь интересном, однако, Кирилл выглядел весьма задумчивым.

- Друг, о чем твои мысли? – поинтересовался я.

- Я думаю о Ярославе, об этом милом старце, столь много сделавшем для всех нас и даже не помышляющем о награде. Все что он делает – делает легко, просто, будто бы любое дело освоено им и является самым естественным для него. Уникальная система прудов, склонов, садов и растений снабжает его всем необходимым и в то же время он не уделяет возделыванию земель сколь-нибудь значительное время. Сам я мало смыслю в выращивании урожая, но в книгах читал, что люди тратят на это довольно много времени. Он – Мудрец и Мастер, начиная от своих владений и заканчивая познаниями человеческой Души. Пусть я не помню всего того, что было со мной в те два дня, но я твердо знаю одно – образ Ярослава спасал меня от катастрофы не единожды, это я знаю наверняка, хотя сам он мне не сказал об этом. Перед самым пробуждением я видел Михаила и отца, они вдохнули в меня Свет и Жизнь, но если он вдохнули их в меня, как в сосуд, то Ярослав уж точно подготовил этот «сосуд». И, конечно же, вы – мои друзья, без вас у меня не было бы сейчас ничего, я бы уехал из дома князей, не будь там вас. Подумать только, кажется, только сейчас я по-настоящему оценил размеры той помощи, того бескрайнего Милосердия, что расточала мне Жизнь в лице окружающих. Только теперь я начинаю сознавать, что все вокруг, вся Вселенная – единый организм, и не может быть так, чтобы организм не попытался исцелить больного своего органа, больной клетки. Каждый человек находится ровно в тех условиях, которые выковал своими же действиями. Разумеется, теперь я понимаю, что каждый человек может расти только по собственной воле, что лень никуда его не продвинет, но в атмосфере таких высоких людей как князья, княгиня, Ярослав, вы, человек растет еще быстрее и вернее приходит к Свету, если только он открыт для него. Я задумался о том, сколько же благодарности родилось в сердце ко всем вам, и через вас к Самой Жизни.

Я был глубоко тронут речью друга, мы с Настей обняли его в знак ответной благодарности и заверили, что через него Жизнь дала нам много полезных уроков и удивительных открытий.

Пребывая в столь сближающем возвышенном состоянии, мы добрались до знакомого мостика, где повстречали Тимура, который, очевидно, только что закончил работу и собирал инструмент.

- Тимур, друг! – крикнул я, мужчина обернулся, увидев нас, засиял улыбкой.

- Вот так удача встретить вас! Откуда вы в наши края? И кто ваш новый друг?

- Кирилл, - сказал юноша, потягивая руку великану, - просто Кирилл.

- В таком случае, Тимур, - шутил великан, отвечая рукопожатием, - рад нашему знакомству.

- Мы от Ярослава, - пояснила Настя, едва Тимур услышал заветное имя, так весь засиял какой-то трепетной Радостью, - он сказал, что нам следует погостить в вашей дивной деревне какое-то время.

- Раз так, то можете остановиться в нашем доме, уверен, Дарья будет только рада гостям, особенно таким желанным.

- Огромное спасибо за предложение, мы им охотно воспользуемся, если только у отца Радомира не будет для нас другого дела, - сказал я.
- Отец Радомир, - словно молитву, произносил Тимур это имя, - с его приходом деревня просто сияет. Старец Григорий, - мы начали медленно шагать в сторону деревни, - что прибыл вместе с отцом, с таким жаром взялся за наше физическое воспитание, что даже у самых развалённых стариков появились силы и гибкость. Может быть я – большой эгоист, но я упросил его тренироваться со мной по вечерам, когда у него есть время. Надо сказать, я не ждал такой прыти от человека в столь преклонном возрасте, разумеется, не считая Ярослава и нашего Леонида. Пытаться побороть его – бесполезное занятие, это знаю наверняка. Теодор – немой мужчина, которого прислал к нам отец, довольно строптивого нрава, но силы в нем много, как говорит Леонид, «ее надо только направить». Живет он немного особняком, так Леонид велел построить дом для него. По правде сказать, я сердцем знаю, что он был очень зол в Душе, но что-то его изменило, теперь он, как умеет, старается помогать людям, усердно осваивает работу по дереву, а так как в этом ремесле я – мастер, то много времени проводит со мной. Вот мы и пришли.

Глава 2.

Старец Леонид. Изменения Теодора. Вездесущий отец Радомир. Сказки.

- По правде сказать, я немного удивлен, что Теодор живет у вас, - сказал я, - Разумеется, я не стану рассказывать о нем, того, что знаю о его прошлой жизни. Раз отец Радомир так решил, значит, так будет лучше для всех. Кстати, где бы нам его сыскать?
- О, это довольно просто сделать – идите на звуки молотков и пил, не промахнетесь. Они со старцами замыслили построить школу, где бы каждый мог научиться чему пожелал бы, вернее тому, что умеют наши жители, включая Леонида и Григория: здесь будет и художественное искусство, и перо, и музыка, и театр, о простой грамотности я уже и не говорю.
Эта новость поразила меня сильнее новости о Теодоре, мы пообещались прийти к Тимуру в гости в любом случае, еще раз сказали друг другу, что рады встрече и пошли к строящемуся зданию.
- Друзья, позвольте узнать, кто такой отец Радомир? – поинтересовался Кирилл.
- Это долгая история, если коротко, то здесь так зовут князя Михаила.
- Но зачем брать себе еще одно имя? Ведь можно было бы сразу представиться здесь князем Михаилом, - недоумевал юноша.
- Видишь ли в чем дело, я уверен, что имя Радомир князь носит гораздо раньше, чем имя Михаил и сам титул князя.
- Подожди, Дима, я окончательно запутался. Радомир раньше, чем Михаил, раньше, чем титул, где же он тогда родился? Кто же он? Да… Князь умеет загадывать загадки, но самой сложной загадкой оказался он сам.
- Если к тому будет необходимость, то Михаил, уверен, сам тебе все расскажет, или же это сделает Леонид с разрешения князя, он любит рассказывать сказки с участием Учителя.
- Сказки? Если ты имеешь ввиду не вновь придуманные истории, а сказания о давних временах, которые вошли в культуру этого маленького поселения, то я теряюсь в догадках, сколько ему лет.
- Откровенно говоря, я тоже. Однако, мы уже подходим.
Мы приближались к строящемуся двухэтажному дому, казалось, большинство мужского населения деревни задействовано здесь. Здесь же была и бабушка Клавдия, она любовалась будущей школой, в голове уже представляя, как люди в деревне будут заниматься новой прекрасной деятельностью. Едва заметив нам, бабушка тут же отвлеклась от мечтаний, оставила ведра с водой, которые, очевидно, несла домой, и побежала к нам. При том побежала в прямом смысле этого слова, не знаю, как их тут закаляет Григорий, но Клавдия в самом деле прибавила здоровья.
- Мои родненькие вернулись! Как же я рада вас видеть!
Радостные восклицания бабушки обратили на нас внимание всей деревни, а так как нас все хорошо знали, то со всех сторон посыпались возгласы приветствия.
- И мы рады видеть тебя, бабушка Клавдия. Хотя, после столь шустрого бега я и не уверен в слове «бабушка», - шутил я, обнимая бабушку, - вот познакомься – это наш друг Кирилл, славный юноша и большой философ, - Клавдия обняла его ровно так же, как и нас, словно записывая в категорию своих любимых «внучат».
- Это ты прав, Григорий, как рукой, снял с меня лет этак двадцать своими упражнениями, и теперь ноги вновь полны сил. И, раз уж вы пришли в нашу деревню, а силы мне прибавилось, то приглашаю остановиться у меня дома.
- Так вот от чего вся работа встала, - раздался со второго этажа дивный голос Учителя, вскоре показалась из окна его огромная фигура, притягивая всеобщее внимание, - Неужто сила философской энергии Ярослава столь сильно заразила вас, что теперь вы в состоянии ввести целую деревню в глубочайшую задумчивость? – продолжал шутить князь.

- Сила Ярослава поистине колоссальна, но мы нисколько не желали применять ее таким образом, - отвечал я, - мы шли с целью найти тебя и, как видишь, достигли задуманного.
- И вы как раз вовремя, поднимитесь ко мне.
- Клавдия, мы бы с радостью остановились у тебя, но мы уже получили приглашение от Тимура и обещались к нему в гости сегодня, а потом Радомир может иметь для нас некие специфические задачи и разместит в доме по своему усмотрению, - сказала Настя, и мы зашагали к входу в строящееся здание.
Школа выходила славной: прочный фундамент, крепкие стены, большие отверстия для окон, высокие потолки, резная лестница, дверей еще не было. Первый этаж был практически закончен, оставалось лишь «навести лоск» и вставить окна с дверьми, затем внести мебель и можно приступать к занятиям. Поднявшись на второй этаж по резной лестнице мы попали в совершенно другой мир – крыша кое-где была не достроена, в некоторых местах не доложены стены, повсюду множество инструментов и людей. Михаил руководил процессом, но и за инструмент взяться не стеснялся.
- Как вы уже верно догадались, - начал князь, подходя к нам, - на ваш счет у меня совершенно особенные планы, но об этом позже, ночлег ваш будет в доме Леонида, в этом же доме живу я и Григорий. Как вы видите, мы затеяли построить школу, в этом вы – юные богатыри – нам очень пригодитесь, - мы вошли в доделанную и посему пустую комнату, Михаил наклонился к нам и, гораздо более тихим голосом продолжил, - Вашей основной задачей здесь будет Теодор, жителям деревни все еще тяжело сходиться с его грузными эманациями гнева, хоть он и старается изменить это в себе. В постройке школы ваши силы понадобятся, в основном, для сооружения крыши, остальное мы закончим сами. Сейчас отправляйтесь к Леониду, вы найдете его у дома Теодора, думаю, вы найдете этот дом без труда, здесь не так много домов, стоящих особняком, - сказав это, Михаил подошел к Кириллу, взял его руки в свои, заглянул в глаза, - ты хорошо начал, мой друг, у тебя отважное сердце, однажды ты вспомнишь все, что пережил в период болезни, просто знай, когда придет время, ты вспомнишь, будь уверен в этом и не трать время на подбирание ключей к закрытым, пока что, от тебя воспоминаниям.
Слова князя, казалось, оказали сильнейшее влияние на юношу, затрагивая самое сокровенное в Душе, и, мне так чувствовалось, что Михаил глазами сказал ему гораздо больше, чем словами, но что он сказал – я понять не мог.
Пожелав князю и всем рабочим успешного и легкого дня, мы вышли на улицу и двинулись к дому, стоящему особняком, поближе к лесу, вскоре мы увидели, как из леса выходят Леонид и Теодор, о чем-то беседуя. Активное участие в разговоре Теодора было очевидным, хоть и изъяснялся он лишь жестами.
- Мне видны изменения в тебе, но также я вижу и то, что ты помышляешь. Нет смысла называть все эти мысли, достаточно лишь сказать, что уже не единожды ты помышлял о побеге, даже об убийстве, и первой жертвой в твоих мыслях должен был стать я. Используя вещи из моего дома, ты планировал вернуть себе голос, склонить Тимура на сторону тьмы и продолжить свое падение. Ты помнишь, что тебя остановило той ночью? Вижу, что помнишь – это был отец Радомир, больше известный тебе как князь Михаил, его образ встал между тобой и топором. Посему, как видишь, нет никакой возможности снять с тебя ни один из запретов. Живи мирно, скапливай доброту в сердце и, если Милосердие отца найдет тебя достойным, то запреты могут быть сняты раньше срока. И еще раз тебе говорю – прекращай свою привычку скверномыслия, если для тебя жить в подобной скверне нормально, то для других жителей деревни это – сущая проказа. Научись думать не только о себе, а о других.
Видно было, что Теодор желает возразить, поспорить, доказать что-то, но язык его нем, мысли мечутся как молнии, руки вторят им, выписывая отрицающие жесты.
- Уймись! – сказал старец весьма сурово, даже меня пронял холод.
От этой фразы руки строптивца бессильно повисли, голова опустилась, он облокотился на стену дома.

- А вот и наши друзья! – воскликнул Леонид своим привычным теплым голосом, - Дайте я вас как следует поприветствую! – сказал дедушка и обнял каждого из нашей молодой компании, - Простите, что заставил вас быть свидетелями столь неприятной сцены.
Словно пробудившись ото сна, Теодор поднял голову, постарался улыбнуться нам, заключил руки в «замок» и потряс ими в воздухе, выражая свое приветствие, мы поздоровались в ответ. Мужчина забегал по двору и вскоре всех нас усадил на прочные, но очень уж громоздкие скамейки, которые он, очевидно, смастерил сам и переносил без особого труда. Мы втроем устроились на одной скамье рядом с домом, напротив нас расположился Леонид, Теодор стоял рядом, судя по всему, размышляя как бы еще угодить гостям и показать свои хорошие качества перед старцем.
- Садись рядом, Теодор, после поупражняешься в гостеприимстве, - по-доброму сказал Леонид, указывая на место рядом с собой, мужчина сел и принялся с интересом рассматривать нас, - Думаю, ты узнаешь этих людей, по крайней мере Диму с Настей, рядом с ними сидит Кирилл, - на этих словах Кирилл немного напрягся, задавая немой вопрос «откуда? Откуда Леонид знает про меня? Ведь в этой суматохе нас и не представили», но, вспомнив, что в обществе князей такая проницательность – обычное дело – успокоился, - Михаил велел мне подготовить тебя к их приходу, да видимо я не достаточно преуспел в этом. Теперь они из недавних врагов превратятся в твоих самых близких друзей: в моей атмосфере тебе тяжело дышать, общество князя вообще разрушает твой организм, для жителей деревни ты опасен, за исключением разве что Тимура, от природы обладающего богатырской силой тела и Духа, а вот эти люди легко снесут твои эманации, и тебе будет легче общаться с ними, учись у них обращению с людьми, сам учи тому, что умеешь делать хорошо – привыкай жить в мире с людьми. Если же попытаешься предпринять нечто гнусное – помни, Радомир это заметит. А вы, друзья, поживёте пока у меня, когда ваша помощь будет менее необходима в постройке школы, вы вплотную займетесь воспитанием такта Теодора. Человек он расчетливый, обладает сильным логическим мышлением, довольно хорошо владеет разными видами борьбы, в том числе и вашим любимым фехтованием. За вашим общением будем следить все мы: Михаил, Григорий и я, но, раз уж Григорий занялся физическим воспитанием деревни и преуспевает в этом куда лучше меня, то мне остается следить за переживаниями в Душах подопечных людей, а раз так вышло, что Теодор попал в эту деревню, то и за переживаниями в его Душе. Сейчас мы пройдем в ваш новый дом, там вас ожидает обед, затем вы поможете на стройке, а Настя найдет занятие по своему усмотрению. А ты, - обратился старец к Теодору, - продолжай начатую работу и она откроет в сердце новые грани Красоты.
Мы поднялись со скамеек, попрощались с хозяином дома и двинулись за Леонидом.
Ах, какими теплыми воспоминаниями повеяло, едва мы вошли в дом: сказки, дивное лицо старца, наново понятые вещи, глубокие переживания… Между тем нас разместили в разных комнатах, дом у Леонида был довольно большой, видимо, как на случай большого числа гостей. Мы немного перекусили, так как предстояла тяжелая работа, какое-то время дали пище уложиться, и отправились к стройке, Настя сказала, что навестит бабушку Клавдию, бабушку Марфу, договорится с Тимуром о вечерних гостях.
Довольно скоро мы добрались до стройки, как раз недавно у строителей был обед, и теперь они принялись за работу с новой силой. Поднявшись на второй этаж, мы легко сыскали Михаила, совмещающего в себе как руководителя, так и труженика.
- Вы как раз вовремя, скоро мы продолжим делать крышу, на этот раз уже до конца, пока приготовьте одежду, чтобы ничего не мешало в процессе стройки, защитите руки перчатками, помогите поднять доски сюда.
Итак, работа началась. Уже имея опыт в работе с деревом с прошлого года, я старался рассчитывать силы так, чтобы не выдохнуться к середине трудового дня, об этом же советовал Кириллу, старающемуся утащить побольше тяжестей. Быстро разъяснив ему всю нерациональность такого подхода, продолжил работать с ним в паре.

Вездесущий и всеведающий князь успевал, оказалось, не только руководить стройкой и трудиться руками, но и чутко следить за всей деревней, это не было явно видно, но это ощущалось всей Душой, в иные моменты можно было заметить, как его мысль фокусировалась на Леониде, Григории, Насте, других людях, и от чего-то я уверен, что его мысли были услышаны. Бывало, он подсказывал подобным образом и мне, правда больше по вопросам стройки, например, захватить заодно с деревом и некоторый инструмент, который, и в самом деле, требовался в том месте, куда мы планировали доставить дерево. Вообще, работа вместе с князем над одним делом дала мне большой опыт, опыт того, как один человек может управлять своей мыслью, как умеет все предвидеть и везде помочь, я искренне восхищался этим Мастером, все больше влюбляясь в него, как в некое Божество.

Особенное место в сердце занимала Настя, вернее не место, а все сердце целиком, она как бы стала частью меня, а я – частью ее. По ощущениям я мог предполагать, когда она гостила у Клавдии, когда у Марфы, а когда у Тимура с Дарьей.

Тем не менее, время подходило к ужину и, одновременно, к концу трудового дня, мы закончили текущие мелкие дела, сложили инструмент и отправились в дом к Леониду, чтобы смыть с себя грязь и переодеться, покончив с этим, отправились к Тимуру. Именно там я планировал найти Настю, и был прав – она прогуливалась с Тимуром и Дарьей рядом с домом, о чем-то беседуя. Меня немного занимала мысль о том, что делал Тимур весь день, ведь он – настоящий мастер работы по дереву, и уж ему в первую очередь следует быть на стройке, но задать его я пока не решался, потому как впереди было знакомство с женой нашего друга.

Нас представили друг другу, мы обменялись несколькими общими фразами и вошли во двор дома. Тут я понял, чем занимался Тимур – он делал мебель для школы, как всегда, его труд отличался большим вкусом и красотой, но мой глаз все же разглядел на мебели некоторые недоработки, неточные и неуверенные линии, но и эта загадка вскоре разрешилась.

- А вот здесь мы с Теодором трудимся над новой мебелью для школы, Радомир велел никому из деревни до открытия школы эту мебель не показывать, но вы ведь не из деревни.

- Теперь я куда лучше понимаю природу некоторых неточных линий на предметах. Но, должен признать, Теодор поразил меня своим искусством, - сказал я.

- Он, в самом деле, хорошо трудится, и пробует уже изготовить вещь от начала и до конца самостоятельно, однако, помогать все же приходится.

Настя с Дарьей немного отошли в сторону, очевидно желая обсудить нечто нас не касающееся, заметив это, я решил занять Тимура вот какими мыслями:

- Скорее всего, после того как наша помощь будет не нужна на стройке, мы будем много общаться с Теодором, так нас попросил Леонид, и, если он все еще будет занят трудом над мебелью вместе с тобой, то, не откажешься ли ты, если и мы примем в этом участие?

- О, что ты, я буду только рад этому! Иметь столько талантливых помощников в своем распоряжении – это большая удача. А то, что вы – талантливы, я не сомневаюсь. Женщины смогут заняться тем, что будут покрывать мебель специальным раствором, защищающим от сырости. Таким двум затворникам как я и Теодор веселая компания будет только полезна. Но это надо еще обсудить с отцом.

- Мы обсудим, но я внутренне уверен, что он согласится.

- Вот и славно! В свою очередь я тоже попрошу Радомира об этом.

- Да я вижу, тут куется заговор, - раздался громовой голос Михаила, - Что ж, против столь прочной коалиции у меня нет другого выбора, кроме как подчиниться требованиям, - продолжал шутить князь.

- Так значит, ты дозволяешь ребятам работать вместе со мной и Теодором? – обрадовано воскликнул Тимур.

- Разумеется, - Михаил не успел договорить, потому как мужчина, позабыв время и место,

вернулся в юность и по-ребячески шустро подпрыгнул и обнял князя за шею. Этот маневр довольно резко показал различия в росте и мощи эти двух мужчин: Тимур – великан среди даже крупных людей, казался едва сформировавшимся подростком, по сравнению с Мощью Радомира, - разумеется я дозволяю, - сказал князь, легко прижав к себе Тимура, затем поставив его на землю, - более того, уверен, что этот труд будет полезен всем вам. Вот только Дарью лучше до обработки мебели не допускай.
- Конечно, я выполню твое слово, но позволь узнать почему?
Михаил хитро посмотрел на мужчину и тихо, с особой теплотой в голосе сказал:
- Пройдемся, - и увел Тимура на некоторое расстояние, чтобы их разговор не был слышен.
Совершенно не трудно было догадаться по речи князя, что Дарья беременна, хотя этого еще и не видно на ней. Поняв это, я повернулся к Кириллу и увидел в его глазах, что он тоже до всего догадался.
Чтобы не терять времени, мы принялись осматривать образцы мебели, чтобы лучше представить себе, что нам предстоит делать. Через некоторое время к нам вернулся сияющий Тимур и сообщил, что отец велит ему продолжать работу во дворе Теодора, но научиться разделять внимание, отрываться от работы и проводить побольше времени с женой. Мы согласились, стараясь не обнаруживать свою догадливость.
Вскоре Михаил привел Настю с Дарьей, очевидно, князь заканчивал свою речь об особом режиме питания. С лица женщины ушло волнение, оттенки которого она старалась скрыть от нас при встрече.
- А теперь мы вынуждены покинуть ваш дивный дом, - сказал Михаил, - нас ожидает Леонид, заслуженный ужин и отдых, и если с последним можно было бы повременить, то заставлять ждать такого чудесного человека – непозволительно.
Мы попрощались и отправились к дому старца, ставшему на какое-то время и нашим домом. Леонид и Григорий уже ожидали нас, поужинав дружной компанией, мы разделились: Настя, Кирилл и я остались с Леонидом в ожидании сказки, а Михаил с Григорием разошлись по своим комнатам. Такое разделение компании не оставило никакого негативного осадка, мы предполагали, что князь со старцем эти сказки знают, потому употребят время на более полезные дела. Между тем, сказка начиналась:
«- Однажды, когда реки текли совсем в других берегах, а Солнце светило совсем на другие деревья, была, среди полей и лесов, деревня, и жили там трудолюбивые и добрые люди. И, так уж случилось, жили вокруг этой деревни, укрывшись в лесах, шестеро чародеев, и все было мирно, пока чародеи не решили собраться на свет.
А случилось это так: одним теплым сентябрьским вечером шестеро чародеев отправились из своих жилищ, а жили они в высоких башнях, чтобы обозревать все вокруг, к условленному месту – к огромному плоскому камню, лежащему на небольшой полянке в гуще леса. Тропинки они знали хорошо, собирались они по разу в год, потому добрались быстро и без трудностей. Дождавшись всех, шестеро чародеев приступили к привычной, ежегодной беседе.
- За этот год я изучил жизнь медведей и нескольких деревьев весьма подробно, и теперь умею понимать их язык и передавать им свои слова, кроме того, эти знания уже оформлены для общего восприятия, потому я с радостью передаю их в общую сферу опыта, - чародей прикоснулся обеими руками к плоскому камню, застыл, словно статуя, его сознание, казалось, полностью перешло в камень и оставило там частичку себя, затем вернулось в тело.
- Благодарим за твой вклад, друг Грен, уверен эти знания будут востребованными и полезными всем нам и тем, кто придет после нас. Теперь твоя очередь, Дерок, поведать нам о минувшем годе, - говорил Тонамир, выступающий в роли старейшины совета.
- Год прошел с огромной пользой, я осваивал влияние мысли на воду и теперь с уверенностью могу сказать, что мысль влияет на состояние воды даже на огромных расстояниях. Этим знанием я делюсь с вами, - сказав это, чародей проделал ту же процедуру, что и предыдущий.

- Это поистине великий труд, овладев этим знанием, мы сможем гораздо лучше общаться друг с другом через расстояние. Разумеется, оно пригодно и для много другого. Благодарим тебя, Дерок, за это открытие.
Так же докладывали о своих успехах и другие чародеи: Ленор поведал о взаимодействии с жизненной силой огня, Фармит рассказал об управлении ветрами, Вассиян удивил всех мастерским умением управлять центром тяжести тела, Тонамир обрадовал друзей установлением тонких связей между мыслями, чувствами и характером.
Затем участники сего собрания единовременно прикоснулись к камню и, таким образом, каждый получил знания всех шестерых. Такой обмен знаниями чародеи совершали каждый год, и этот не был исключением. Чародеи уже было собрались разойтись по своим жилищам, как вдруг, совершенно неожиданно, появился человек, одетый в черную мантию, расшитую золотом, с загадочными красными рисунками по всей одежде.
- Доброго вам дня, магистры, - раздался спокойный, тихий голос.
Смертью повеяло на чародеев, впервые за долгое время они испугались, между тем незнакомец медленно подходил к камню, лицо его было бледно, руки худы и костлявы, цвет глаз можно было описать лишь как черный или темно-багровый, хотя таких глаз чародеи еще не видели среди людей, непередаваемое ощущение огромной силы буквально подавляло всех шестерых.
- Мне довелось услышать, что шесть самых выдающихся мастеров этих земель собираются здесь именно в этот день ежегодно, потому я решил посетить вас и поделиться своими знаниями, быть может, они вам будут полезны, - продолжал незнакомец свою речь, словно не замечая, какое влияние оказывает на людей, - Мои знания простираются в области переходных фаз существования людей и иных живых существ. Овладев этой силой, вы сможете продлять свою жизнь в данном теле сколь угодно долго, или же менять тело, как одежду, вы сможете скапливать огромную мощь в своих руках и совершать поистине потрясающие вещи! И если мы всемером приложим наши силы к этой науке, то нам покорятся все тайны мироздания. Позвольте я, как заведено у вас, передам эти знания в общую сферу информации.
Сказал незнакомец и занес руки над камнем, Тонамир, было, хотел возразить, но чужак столь пронзительно выстрелил в него глазами, что тот потерял дар речи на какое-то время. Незнакомец приложил руки к камню, закрыл глаза, передал какую-то информацию, но просмотрел все те знания, что были накоплены за прошлые столетия поколениями чародеев. Когда же он отнял руки, на камне остались темные следы, словно въевшаяся грязь.
- Теперь вы можете получить мои знания в свое распоряжение, - сказал чужак, приглашая чародеев к камню.
Все послушно выполнили этот приказ, исключением был лишь Тонамир, его сердце сразу поняло, что видит злую силу, мрачную тьму могильной сырости, но силы в нем были не те, чтобы совладать с этой силой. Тонамир подошел к камню, но не клал рук на него, а лишь коснулся уголками рукавов.
Тем временем незнакомец и оставшиеся пять чародеев прикоснулись к камню и… произошло нечто невообразимое, нечто такое, чего Тонамир позабыть не сможет: во всех его друзей от незнакомца вошла вначале зеленая, потом темно-бардовая, затем черная и наконец могильно-серая струя в виде извивающейся змеи. По мере поступления этих змей в тела друзей, их лица и одежды принимали соответствующий цвет и в итоге пятеро чародеев цветом лица и одеждой стали похожи на своего нового повелителя. Тонамир посмотрел на свои рукава – они изменили свой цвет, так же, как и у других чародеев, однако большая часть одежды осталась нетронутой и руки были нормального цвета.
- Смотрите! Он изменник! Он предал наше великое общество! – кричал странник, указывая на Тонамира.
Пятеро бывших друзей без колебаний схватили несчастного и поставили на колени перед новым хозяином.

- За свое ослушание понесешь страшную кару, я превращу тебя в полуживое существо, не знающее ни сна, ни покоя, заточу в гроб и схороню на людском кладбище. Люди с завидным рвением выполняют навязанный им ритуал похорон, с сопровождающими его слезами, стенаниями и потоками негатива. Сквозь эту завесу тебе ни за что не пробиться своей светлой мыслью до кого бы то ни было. Но ты будешь слышать, видеть и знать, во что превращается деревня под моим влиянием. Твоя башня отныне станет моей, твои учения о Добре и Любви, посеянные в людских сердцах, будут осмеяны, опровергнуты и откинуты, как никчемная тряпка. Ты не умрешь, ты будешь вечно жить в гниющем теле и мучится от своего и людского горя, которое, на кладбище, ты примешь в себя в изобилии. Уложить его на камень, натянуть конечности таким образом, чтобы получилась звезда, живо!
Новоиспеченные подданные поспешили исполнить приказ.
- Твой план обречен, темная сила не держится долго, она подобно паразиту, всегда нуждается в новой подпитке, она не способна жить самостоятельно.
- В самом деле? Если ты столько знаешь о природе темной силы, - незнакомец зло улыбнулся, - то ты, верно, знаешь имя Ингред и знаешь, сколько веков я уже живу. По твоим глазам я вижу, удивление и страх, вижу, что ты знаешь мое имя. Теперь скажи, держусь ли я долго или нет? Потому что я – часть великой темной силы, как ты ее называешь, а я считаю, что не являюсь темным, но лишь использую свои знания так, как мне выгоднее, не стесняя себя глупой моралью, которую навешивают на себя глупцы, называющие себя светлыми. Вот ты много лет бился за какое-то иллюзорное просветление среди людей и что? Ты многого достиг? Твой хваленый свет оказался легко бит моей силой, свободной от предрассудков. Твои друзья осознали это, и теперь будут служить у меня, а ты отверг мое щедрое предложение, так получи же расплату!
- Безумный некромант, даже если ты преобразуешь это тело, ты никогда не перевернешь мне Душу!
Но некромант уже не слушал слов: высоко подняв руки, он шептал какие-то слова, вторгался в информационные поля жертвы, постепенно превращая тело человека в тело полуживого существа…
- Отпустите его, - скомандовал ледяной голос, Ингред после ритуала, казалось, стал еще мрачнее и холоднее.
Послушники отпустили бывшего друга, расступились в стороны.
- И что ты скажешь теперь, великий воин света? – издевался некромант, - Где же та великая сила, что есть в каждом человеке, что не дает плохому подступить к человеку? Может за тебя заступится твой Ангел-Хранитель? Может Великие Учителя? Кто? Нет никого, все это вздор, выдумки для слабоумных идиотов. Вот ты, вот я, и я сильнее тебя, потому я и победил тебя. Ну, что ж ты молчишь? Возрази мне!
Тонамир попытался сказать что-то в ответ, но его язык словно окоченел, из горла вырвался лишь истошный хрип.
- А, кажется, я догадался, ваша мудрость в молчании, не так ли светлый маг? Не это ли – воплощение ваших мечтаний? Теперь ты полностью соответствуешь своему ущербному мировоззрению. Ночью мы отведем тебя на кладбище, а сейчас твои друзья сходят в деревню и убедят кого-нибудь выкопать могилу для внезапно почившего Тонамира. Уверен, оплакивать тебя придет вся деревня, наложив вековую печать скорби на твой Дух, который уже не сможет покинуть этого уродливого тела. А вы, - обратился некромант к подданным, - поясните людям, что хоронить такого великого светлого, как Тонамир нужно непременно в полночь, чтобы Дух его, в момент смены суток скорее нашел путь в высший мир, так же скажите, что никого не должно быть рядом из людей, ибо мощная сила чародея, выходя из тела, может погубить непосвященного.
Пятеро мужчин отправились исполнять задание, оставив господина один на один с полуживым существом.
- Теперь, когда твои дружки ушли, я доставлю тебе истинное удовольствие болью и

поведаю о том, что их ждет: сперва я выжму из них всю душевную теплоту, чтобы даже искорка сострадания или благодарности не могла проникнуть в их сердца, когда же они станут холодными, словно нож, когда же они окончательно будут продолжением моей воли, я перегружу всю ответственность за содеянное с деревней на них, и сам же их умерщвлю, испив из чаши их сил в последний раз, затем окончательно завладею деревней, превратив ее в орудие для воспитания проповедников нужной мне веры, нужных мне обрядов. Твои друзья лягут рядом с тобой в землю, и, так же как и ты, не умрут до конца, а будут вечно страдать, при этом люто ненавидеть тебя. Ах, да, я совсем забыл, ты, верно, хочешь узнать, как нынче выглядит твое тело, это мы быстро поправим: гниющее, смердящее тело холодное до синевы большей частью, но иногда встречаются и зеленые участки гниющей плоти, от твоей шикарной шевелюры остались лишь редкие волоски, уши словно погрызаны, одной ноздри нет, а другая будто вмята в лицо, да… не часто на меня находит такое вдохновение!

После небольшой паузы Ингред продолжил:

- А сейчас мы посидим здесь и подождем, когда вернуться твои друзья с извещением о выполненном деле, потом мы дождемся ночи и захороним тебя. Это большая удача – наблюдать свои похороны из первого ряда, так что радуйся, пока еще можешь.

Так все и случилось: дело в деревне было оговорено как того желал некромант, в полночь на кладбище не было никого, рвущегося изо всех сил Тонамира уложили в гроб, опустили в землю, положили сверху какой-то амулет сделанный в форме странного геометрического знака, засыпали землей, водрузили сверху плиту и разошлись по жилищам.

На следующий день к могиле пришло огромное число людей – почти вся деревня – оплакивать внезапно усопшего чародея и «просто хорошего человека», как звали Тонамира в народе. В этот же день некромант связался с подчиненными и каждому последовательно приказал: Грену – возмутить животных, чтобы звери возненавидели людей и нападали на них в лесу; Дероку – положить в воды горной реки, из которой жители берут питье, особый символ, высеченный на металле, тем самым сделать людей безумными, то есть забывшими о Боге; Ленор – должен был напустить на людские дома пожары, особенное внимание следовало уделить амбарам с запасами, чтобы люди познали нужду, голод, зависть и злость друг на друга; Фармит – сгонит тяжелые тучи и обрушит ливень на деревню; Вассиян – будет ходить по деревне, проповедуя то, что велит ему господин.

Так все и случилось: бедствия, злость людская, агрессия зверей возымели свое действие, и последний аккорд в виде проповедей имел широкое признание у населения. Вассиян собирал людей по воскресным дням, когда на площади, а когда в зале для собраний и проповедовал:

- Настали нынче времена смуты, планета наша вошла в новую эру на пути совершенствования, и это время будут порушены многие старые устои жизни, потому как это – эра разрушения. Земля, как и весь мир, движется в своем пути волнообразно: период гармонии и созидания, затем период смерти и разрушения, потом опять созидание, потом снова разрушение и так все время. Сравнить это можно со сменой дня и ночи, ведь ночь всегда следует за днем, а вслед за ней всегда наступает день. И день и ночь – это ведь хорошо для нас и для природы: днем мы трудимся, а ночью отдыхаем. Но каждый раз земля поднимается на один виток выше по спирали развития, потому нам не о чем удивляться, теперь нам самое время разработать такой фундамент в себе, чтобы никакие космические потрясения нас не погубили. А где мы найдем такой фундамент? Что в мире самое вечное и постоянное? Это Бог. И потому наш долг – серьезно задуматься о том, как мы общаемся с ним, какие дары приносим и приносим ли вообще, любим ли мы бога больше или себя, или соседа. В это тяжелое время нам следует обосноваться на самом прочном, и чем скорее и мудрее мы это совершим – тем лучше для нас. К сожалению, с нами нет Тонамира, но может быть случилось так, что своей смертью он дал нам знамение

о грядущих переменах, чтобы мы смогли подготовить себя. Уверен, что это так, - Вассиян сложил руки на груди, посмотрел в небо и, словно обращаясь к Тонамиру на небо, сказал, - друг, спасибо тебе за предупреждение! Ты не пожалел себя, чтобы предупредить всех нас, ты – истинный пример самоотвержения и любви к людям. Уверен, люди построят памятник в твою честь, как первому пророку, предупредившему людей, - люди ответили одобрительными возгласами на эту просьбу, - Мы долго думали, как лучше пережить это тяжелое время и вот наш план: мы построим специальное место для поклонения богу, чертежи у меня с собой, это здание будет иметь фундаментом пятиконечную звезду с тремя перечеркнутыми концами, так мы покажем богу, что любим его даже сильнее чем все звезды на небосводе, первый этаж будет… - и Вассиян продолжил повествовать о «великом спасении» деревни, подробно расписывая архитектуру здания, затем плавно перешел к жертвоприношениям, - Чтобы бог видел, что мы не голословно прославляем его, а в самом деле любим – мы должны отдавать ему, время от времени, самое дорогое, что имеем сами, так он увидит, что любим его больше всего на свете.

Вассиян продолжал говорить, люди внимательно слушали и, словно попадая под действие гипноза, соглашались со всеми его словами, единственным исключением был мужчина в возрасте сорока лет, однако поседевший полностью, потому как потерял в одну из страшных ночей при пожаре всю семью и все имущество, сам он спасся лишь потому, что в ту ночь охотился в лесу. Мужчина не знал умом, что правда, а что ложь в словах проповедника, да только на Душе у него становилось все мрачней и мрачней, внутренне он чувствовал обман, потому после проповеди не остался вместе со всеми жителями, для обсуждения будущей стройки, а взял узелок со скромными пожитками, лук, стрелы и вышел вон.

Несчастие от утраченного, тяжесть от услышанного, неопределенность будущего – все смешалось в сердце мужчины в одно тягучее болото горя. И это горе давило на голову, лишало способности четко мыслить, потому мужчина шел, не разбирая дороги, вскоре вышел в лес, там долго петлял по знакомым и незнакомым тропинкам и в итоге заблудился окончательно.

Осознанность начала приходить к мужчине лишь на закате: опускающееся за горизонт Солнце вызвало внутри мысль о ночлеге, а эта мысль, в свою очередь, вернула весь процесс мышления из иллюзорных картин горя, к осознанию окружающего мира.

«Как я сюда попал? Все незнакомое вокруг. И где я буду спать? Как теперь выживать, как добраться до людей?» - так размышлял человек, оказавшийся один на один с природой здешних лесов.

Для ночлега было выбрано дерево с богатой системой веток, на которых можно было устроиться на ночь и не опасаться холода от земли и нападения диких зверей. Немного провианта было в узелке, источник с водой был недалеко, далее пищу можно будет добывать охотой.

Немного подкрепившись, путник забрался на «ветвистое ложе» и мгновенно уснул, обессиленный тяжелыми переживаниями. Во сне ему привиделось, будто множество змей окружило деревню, не выпуская никого сквозь ядовитое кольцо, затем мужчина увидел себя, погруженного в горе настолько глубоко, что змеи приняли его за своего и пропустили. Далее он видел, как слова, произносимые Вассияном, становились маленькими червячками и попадали прямо в сердца людям, там червячки обживались, кусали людей за сердце, обкручивались вокруг кровеносных сосудов и сжимали их. Затем он видел, как вода, текущая с гор рекой в деревню, в определенном месте становилась мутной, черной, противной и непригодной для питья, видел, что тучи над деревней держатся многими ветрами, скованными багровыми оковами. Видел он, как пятеро чародеев напускают на людей эти бедствия, видел, что ими управляет могущественный некромант. Но когда мужчина увидел лицо некроманта, он протянул ледяную цепкую руку к шее и начал душить.

- Теперь ты в моей власти, - слышал мужчина пронизывающий голос колдуна.

Изо всех сил рванул он руку, отстранил ее от шеи и тут же проснулся с криком ужаса, обливаясь холодным потом, следующее мгновение – и он схватил лук, натянул тетиву. Осмотрелся по сторонам – никого, лишь ночь, лишь ветер усыпляет деревья нежными прикосновениями.
- Ну, и дурацкий же сон, - прошептал мужчина в пустоту ночи, и тут же по спине пробежала мелкая дрожь, будто кто-то с ненавистью глядел ему в затылок.
Он резко обернулся, целясь стрелой в черный мрак.
- Кто здесь?
Ответа не было.
«Видимо, у меня окончательно сдают нервы. Но сон был так реален, что я бы посчитал его правдой, вот только эти змеи, червяки, злой колдун, черная вода… Странно все это. Да и не видел я такого наяву… Присниться же такой вздор. Ладно, пора спать».
Мужчина уже было хотел вновь устроиться на ветках, как его окликнули:
- Доброй ночи тебе, Мирон, - это был теплый, приветливый голос старца.
Мужчина резко вскочил, натянул лук, прицелился на голос и увидел, что внизу стоит дедушка с печатью такой Доброты на лице, что стрелы, верно, упадут рядом, потому как негоже убивать Святого.
- Сомневаюсь, дедушка, что ночь добрая. Но почему ты здесь один? Ведь в лесу полно зверей, у тебя нет ни провианта, ни оружия с собой. Кто ты?
- Ночь добра для тех, кто в Душе Добр. Об остальном потом, сейчас нам следует поспешить, чтобы слуги некроманта не настигли нас.
- Так значит сон – это правда.
- Да, но обо всем потом.
Мирон начал собираться, в его голове даже не мелькнуло вопроса, откуда дедушка знает его имя, его сны и планы некроманта, он слишком устал, чтобы четко думать, и слишком очарован Добротой, чтобы не доверять старцу.
Путь был не близкий, они шли почти всю ночь. Мирон шел молча, экономил силы, позади себя он постоянно чувствовал чей-то взгляд, преследование, злое давление, а впереди себя видел старца, буквально светящегося Добротой, и этот свет поддерживал мужчину, давал сил для продолжения пути.
Ближе к рассвету они достигли маленького поселения людей в глубине леса, чувство преследования пропало, Мирон отметил, что люди здесь живут совершенно иначе, чем в их деревне, они словно сливаются с природой в единое целое. Это последнее, что удержало сознание мужчины, потому что в следующее мгновение он, обессиленный, упал на землю.
- Где я? – прошептал мужчина, с трудом отдавая себе отчет о минувших событиях.
- Ты у меня в доме, я – Григорий, четыре дня назад мы ночью пришли сюда, спасаясь от темного преследования. Сейчас ты лежишь в постели, потому что обессилел в конце нашего пути и теперь выздоравливаешь. Еще два дня тебе нельзя вставать на ноги, но разговаривать, есть и пить – даже необходимо, но с одним условием – ты не будешь нервничать, сильно о чем-то сожалеть, переживать, или ненавидеть кого-либо, твоему сердцу необходимы Радостные «ванны», потому старайся Радоваться как можно чаще. Вижу, ты многое хочешь спросить, но вначале пообедай.
Старец протянул миску с едой, подал небольшой деревянный столик, устанавливающийся на кровать, и несколько столовых приборов. Мужчина пообедал с огромным удовольствием, в шутку пожалел немного, что добавки не предвидится, и начал беседу:
- Огромное спасибо за заботу да за кушанье, сколько жил, нигде так вкусно не обедал. И все же, где я? Что это за селение? И что за силы, от которых мы спасались?
- Ты в безопасности, в деревне людей, поставивших себе целью укрепление Добра на Земле. Разумеется, Добро можно понимать по-разному, мы понимаем его как помощь человеку в целом, а не только его телу, эгоизму, желаниям. Эту деревню основал наш Учитель Мирослав, в скором времени он должен вернуться из дальнего путешествия – это

будет великая Радость для нас.
Мужчина вспомнил свою семью, свою деревню, и опечалился.
- Прогони печаль, мой друг, рядом с Учителем все расцветает, даже столь много терпевшее сердце, как твое. Мне еще не дано ведать планы столь могучих людей, но я уверен, что Мирослав подарит праздник и в родной тебе деревне.
- Хорошо бы, если бы так все случилось, но ведь ему для этого придется сражаться с этими загадочными силами, что преследовали нас.
- Верно. Эти силы – суть прокозни некроманта, прибывшего сюда недавно. Он завладел пятью чародеями, а с шестым, с Тонамиром, сотворил нечто бесчеловечное, но от меня сокрыто, что именно.
- Я знаю, что с ним сотворили – его убили, а затем провели публичные похороны, а теперь хотят поставить памятник в честь Тонамира.
- Памятник… Интересно, а как ты это узнал?
- Так нам это все Вассиян проповедовал, от его проповеди мне плохо стало, от его слов я и ушел из города, потому что сердцем чуял, что он лжет и губит людей, но где именно ложь – я сказать не могу…»
Леонид прервал рассказ, сказал, что продолжение последует завтра, а сейчас нам следует набраться сил для трудового дня. По правде сказать, мне бы хотелось дослушать сразу всю сказку, от начала и до конца, но время было уже позднее, отдых телу тоже давать нужно, да и Леонид дурного советовать не будет. Мы отправились по спальным местам и вскоре уснули.
На утро я обнаружил, что мое подсознание активно обдумывает услышанный отрывок сказки, наполняя ее персонажей ощущениями вполне живых людей, особенной родственной энергией повеяло на меня от Мирона, но от чего так происходило, я понял не сразу.
Мы легко позавтракали, вышли во двор, первыми добрались до стройки, князь объяснил нам план работ, где наша помощь была бы наиболее ценна. Кирилл и я забрались на последний этаж, который в будущем превратится в чердак, и принимали доски для строительства, которые нам подавал Михаил, и я еще раз подивился силе этого человека: совершенно легко, словно поднимает чайную ложку, князь подавал нам огромные доски, с которыми мы могли сладить лишь вдвоем. К тому времени, когда на стройку пришла основная масса трудовой силы, весь необходимый материал уже лежал на чердаке и оставалось лишь составлять из него крышу. Изумленные люди дивились на нас, и шутили, что, если бы мы прибыли в деревню вместе с князем, то школа, верно, уже была бы готова, мы в свою очередь, как могли, обличали главного «виновника» этого «чуда». А между тем сам «виновник» поспевал везде: строил, руководил, рассчитывал, подсказывал, время от времени выглядывал в окно и, как я предполагал, мчал свои мысли в самые разные уголки Земли.
Трудились мы довольно напряженно, но с интересом, поэтому обед подкрался незаметно. Не желая забивать желудки, мы ограничились легкой пищей, немного посидели на крыше, полюбовались видами природы и продолжили работу. Вечером, после ужина, Кирилл, Настя и я заглянули к Теодору. Они с Тимуром как раз закончили работу над еще одной партией мебели, сидели на скамье, смотрели вдаль и молчали, но это молчание было столь красноречивым, что заменило бы и сотню слов: Теодор испытывал чувство благодарности к Тимуру, это отражалось на его лице, это тлело еле заметной искрой в его сердце, это отражалось в его глазах, Тимур, в свою очередь, был искренне рад поработать на благо деревни и на пользу бывшему оккультисту.
Мы поприветствовали мужчин, устроились рядом на лавочке. Теодор с интересом смотрел на нас, вспоминая картины давно минувших событий, других молодых людей, как он запутывал их в сети, топил в паутине иллюзий. Но ни сожаления ни раскаяния не вызывали в нем эти картины, лишь улыбку, ту самую улыбку, какой улыбаются своим маленьким шалостям.

- Сегодня мы славно потрудились, не так ли Теодор? – спросил Тимур, похлопав напарника по плечу, тот значительно кивнул в ответ.
- Мы тоже не бездельничали сегодня, - ответил я.
- Таким образом, мы все – большие молодцы! – шутил великан.
- Это верно, но ты будешь еще больший молодец, если поспешишь к Дарье, она уже сготовила ужин и с нетерпением дожидается возвращения мужа, - подметила Настя с улыбкой.
Весь философский и юморной настрой исчез из Тимура, зато разгорелась искра Любви, тут же нахлынул стыд за собственную несобранность, затем решение молниеносно действовать. Через пару мгновений Тимур скрылся за калиткой, пообещавшись прийти, как только сможет обратно в нашу компанию.
Теодор еще раз с интересом посмотрел на нас, теперь его занимал вопрос – умеем ли мы понимать его мысли или нет. Увидев это, я мысленно ответил ему утвердительно, далее у нас состоялся «разговор», использующий образы, мыслеформы и эмоции, на слова его можно переложить следующим образом:
- И давно вы находитесь на обучении у князей?
- Наверное, всю свою жизнь, потому что мне тяжело назвать полноценной жизнью то, что было до встречи с ними. А давно ли ты погрузился в оккультизм?
- Давно, очень давно, сколько себя помню: вначале деревенские колдуны меня натаскивали, обменивая свои знания на грязную работу, потом обучение в Индии, вступление в орден, продвижение по внутренней иерархии. Деньги всегда были в достатке, но, в то же время, всегда казалось, что их недостаточно. Дома, развлечения, власть и положение в обществе – все давалось легко. Добиться этого можно было пролив лишь немного чужой крови. В ордене поощрялось агрессивное получение богатства, основная характеристика человека, по которой его оценивали, была сила. Слабых или совестливых, желающих уйти, случайно заглянувших – всех их ждала одна участь, своими предсмертными муками показать всем оставшимся, что бывает за ослушание. Орден имел свой кодекс законов, и один из них – любой, покинувший орден, по любой причине, считается отступником и приговаривается к особому ритуалу умерщвления.
- То есть его просто убивали с особой жестокостью?
- Если бы все так «просто». Его не просто убивали, умерщвляли его тело, а Душу, погрязшую в грехе, заставляли работать на цели ордена. Вот теперь и меня ждет та же участь.
- Но от чего тогда вы не убили Горто? Он ведь ушел из ордена.
- Потому и не убили, что князь его нашел прежде, что мы были разбиты, что мы занимались другими делами. Мы планировали покончить с ним сразу после того, как покончим с князьями. Мы забрали все его имущество, вышвырнули на улицу, и, выждав время, когда его Дух окончательно сломается, обессилит, потеряет возможность сопротивляться, мы бы нашли его и заставили его Душу служить нашим интересам. А теперь видишь оно как, охочусь не я, охотятся за мной. А я что? Я нем, лишен власти, мои силы поколебались, вот я и хотел бежать, да, Леонид, конечно, прав, я хотел бежать не только из-за этого, но было одной из причин – что меня здесь легко могут найти.
- Более того, я уверен, что твои вчерашние друзья знают, где ты сейчас, но они не сунутся сюда.
- Почему?
- Михаил в прошлом году тут такое устроил, что теперь сюда ни одна темная нога не ступит, кроме как с его ведома.
- Так вот оно что. А я-то думал, что это мне ноги жжет, когда только пришел сюда.
- Ну, положим, не только поэтому, здесь и люди живут добрые, радостные.
- Добрые, радостные… Да подавить их волю – пара пустяков, нужно лишь подставное лицо среди деревенских, чтобы был ход темной мысли через него, а там знай да верти людьми.

- И кто же будет этим деревенским? Кроме тебя некому. А ты и сам этого делать не будешь, потому как деревенские жители и сама деревня – твоя единственная защита.
Едва я окончил мысль, как Тимур уже присоединился к нашей компании. Мы немного поговорили, посмотрели результат их работы, похвалили мастеров за труд, попрощались и пошли в дом к Леониду, где нас ждало продолжение сказки:
«- А ты перескажи мне его слова, - попросил дедушка, и мужчина пересказал проповедь Вассияна так точно, как только сумел.
- Теперь все ясно. Видишь ли в чем дело – я уверен, что Тонамир жив, вернее полужив, его как бы подвесили в состоянии между жизнью и смертью. Публичное захоронение, памятники, скорбь по ушедшему пророку – все это делается для того, чтобы отрицательные переживания всей деревни обрушивались на этого человека. А вот храм…
- Григорий, извини что перебил, пожалуйста, поясни подробнее, как это «отрицательные переживания обрушаться на человека»? Я верю, что ты говоришь правду и прекрасно в этом разбираешься, но я так же хочу и сам в этом разбираться, хотя бы чуть-чуть.
- Верно, Мирон, не подумал я об этом, прости. Подробнее: массовые похороны нужны для того, чтобы разовым выплеском горя приковать человека к земле, не дать Душе покинуть плотные материи. Это происходит потому, что негативные переживания тяжелы, вроде тумана, да ты и сам знаешь, что на сердце тяжело, когда что-то плохое переживаешь, а раз людей много, они все испытывают горе и отождествляют горе с умершим, то, следовательно, по направлению их мысли, течет и их энергия, а значит и тяжесть. Вот и получается, что тяжесть горя всей деревни приковала Тонамира к земле. Затем, кладбище – это место, где люди испытывают отрицательные чувства и мысли, поэтому сама атмосфера места способствует «запечатыванию» Души. Следующий шаг – памятник. Это означает, что люди, случись у них что плохое, а раз некромант начал править деревней, то худого они узнают много, люди тут же вспоминают пророка, с просьбами «защити, подай, помилуй…» Таким образом достигается эффект постоянного поливания человека своими переживаниями.
- Теперь намного яснее, спасибо, так что там про храм?
- Храм выполняет особенную цель – цель отвлечения людей от Бога.
- Как так?
- Очень просто. Люди, вместо того, чтобы любить Бога Живого в себе и в других, будут любить бога нарисованного на дощечках. Разумеется, Бог есть не только в людях, но и во всей Природе, но до этого знания нужно еще дойти, поэтому большинство людей не смогут отличить, что они любят: Бога или иллюзию в своих головах, иллюзию, изображенную на дощечках. Отсюда пойдут и правила поклонения, и жертвоприношения, и наказания «неверных». Будто бы, от того, что человек кланяется не так, как все, то в нем меньше Бога стало. Слова Вассияна о том, что следует жертвовать самое дорогое – прямое указание на то, что в идеальном варианте, будут жертвоприношения детей. К сожалению, в жертвах на алтаре и целях некроманта я разбираюсь довольно скудно. Сейчас нам не следует выходить на открытый бой с ним, иначе и мы проиграем и надежду у людей отнимем, и доступ в деревню будет нам закрыт кольцом змей. А пока ты – житель той деревни – здесь, пока хоть один человек из угнетаемого общества видит обман и желает его разрешить, мы сможем действовать.
- Но не можем же мы сидеть сложа руки.
- Мы и не будем сидеть, мы будем тренироваться, закалять свой Дух. И, вот что я скажу, если в тебе будет ненависть, злоба, жажда мщения – колдуны тебя одолеют, потому как все черное, что есть у людей в сердцах – это открытые двери влияния на человека для них.
- Как это открытые двери? Ведь я могу не слушать их слова. Как тогда они на меня повлияют?
- Например, если ты зол, или даже в ярости, то ведь тебя просто «подцепить» парой метких фраз, чтобы ярость полностью овладела тобой, и в порыве этой ярости ты можешь совершить такой поступок, о котором будешь сожалеть всю последующую жизнь.

Примерно такой же принцип заложен и во влиянии через другие человеческие пороки: в человеке подмечаются пороки, на человека оказывается информационное воздействие, притом не обязательно словами, часто достаточно мысли, далее искусственные интересы насильно вытесняют естественные – и вот человек полностью во власти темной воли. Ты ведь хорошо помнишь, как некромант схватил тебя за шею через сон, разве это не один из способов влияния?
- Да, верно. Но ты предлагаешь мне стать Святым, но, думаю, у меня это едва ли получится.
- От чего ж ты так считаешь? Тем более, никто не ждет, что ты сию минуту станешь идеалом святости, но ты можешь каждую минуту стремиться к идеалу, каждую минуту становиться на миллиметр ближе. Развитие – это не достижение цели, после которой наступает покой. Развитие – это постоянное движение.
- Хорошо, хорошо, но с чего мне начать?
- Чувствуй Жизнь.
- Как это?
- Это тебе следует постичь самому. Вечером я еще зайду к тебе, а сейчас отдыхай, набирайся сил, - старец положил руку на лоб Мирону, словно благословляя, заглянул в глаза, улыбнулся и вышел.
Последующие два дня они много беседовали, а когда Григорий уходил, мужчина старался решить поставленную задачу, стремился почувствовать Жизнь, и с каждым разом у него получалось все лучше и лучше, пусть и не на много. Так же Мирон часто вспоминал свою деревню, семью, старался крепиться, но слеза, то и дело прорывалась на щеку. Еще он думал о Тонамире, о похоронах, о том, что ему рассказал Григорий – он думал об этом, и не понимал, как столько зла может покоиться в одном человеке, пусть и некроманте. Не понимал, как можно пожертвовать целой деревней ради эгоистичных целей, как вообще можно жить, как можно смотреть на мир после таких злодеяний. Григорий велел, прежде всего, стремиться понять человека, Мирон стремился, но понять не мог. Понимание поведения пяти чародеев к мужчине с трудом, но пришло. Еще несколько вещей Мирон решительно не мог понять: как старец узнал о месте его ночлега еще за день до того, как он сам туда попал, притом попал потому, что брел по лесу, не разбирая дороги; кто должен быть тот Учитель, перед которым даже такой Святой человек, как Григорий, преклоняется, словно перед Богом.
- Ну, вот и вышло время лежать, настало время вставать, - сказал старец на утро третьего дня, подавая мужчине руку для опоры.
- Мне казалось, я ждал этого полжизни, - ответил Мирон, опираясь на руку.
С помощью Григория, мужчина выбрался из дома, вдохнул свежего воздуха, посмотрел на рассвет и… заплакал.
- О чем же ты плачешь, друг?
- Прости, я не могу сдержаться, я плачу, потому что впервые вижу! Вижу Солнце, вижу лес, вижу мир!
Когда же слезы от радости прозрения окончились, Григорий спросил:
- А что же, раньше ты не видел?
- Как будто бы видел, но на деле – нет. Я настолько привык к этим вещам, что перестал их замечать, и больше занимался созерцанием каких-то идей, мимолетных мыслей, желаний, чувств… И где теперь эти чувства, мысли, желания? А Солнце и лес – вот они, рядом, они всегда были рядом, а я был слишком занят собой, чтобы видеть их. А еще я начал мыслить, по-настоящему. За эти два дня я передумал много всего, и именно эти мысли дали мне большую часть внутреннего богатства, которым владею теперь, а те мысли, что я развивал сорок лет жизни дали довольно скупые дары, но множество хлопот. Вообще ценить саму мысль я начал, кажется, только сейчас. Мысль – как полновесный предмет, как богатство. Не знаю, что именно на меня так повлияло: эта деревня, твоя непомерная Доброта или что-то еще, но это влияние сильно изменило меня. Внутри такое странное

чувство, будто что-то готово «родиться», принять окончательную форму, что-то очень тонкое и очень важное, но что это – я пока не знаю.
- Это Душа твоя, выбираясь из старых оков эгоизма, которые стали тесны ей, распускается, как цветок в саду. Все, что ты сейчас сказал, свидетельствует о том, что ты начал более целостно смотреть на мир, что сознание расширило горизонты. Однако, нам пора сходить к горной речке.
- Зачем? – спросил мужчина, подстраиваясь под шаг старца.
- Чтобы смыть с тебя прежнюю грязь.
Далее они шли молча, Мирон размышлял о новом восприятии мира, о расширении сознания, об изменениях. Теперь все прошлые обиды, тревоги и горести казались ему ребяческими вымыслами, не имеющими ничего общего с истинной ценностью вещей. Лишь на середине пути он заметил, что идет босиком, и при этом не испытывает никаких неудобств, и даже наоборот – ему нравится прикасаться к земле стопами. Птицы, деревья, земля – все радовало Мирона.
- Вот мы и пришли, - сказал Григорий, указывая на быструю горную речку, - Будь внимателен, когда окунаешься – вода очень холодная и течет быстро. Постарайся принять холод воды с душевным теплом, тогда и вода тебя не обморозит и грязь уйдет.
- Постараюсь.
Мужчина снял одежду, подошел к берегу реки, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, широко улыбнулся и стремительно вбежал в несущийся поток холодной воды. Первые ощущения, пришедшие в мозг от тела, свидетельствовали о невыносимом холоде, но Мирон не повернул назад, в воде его удерживала воля, стремление сделать то, зачем сюда пришел. Он разглядел на дне два довольно больших, крепко сидящих камня, быстро нырнул, схватился за них руками. В этот момент в его голове мелькнула мысль о тепло-сердечном принятии природы воды, так он и сделал. На пару мгновений ему показалось, что старая кожа, как поношенная одежда, слезает с тела, в это же время холод перестал влиять на него. Когда же вся старая грязь, которую Мирон воспринимал, как старую кожу, слезла, мужчина вышел из речки, растерся полотенцем, особенно тщательно растер ступни ног, потому как они успели замерзнуть больше всего.
Необычайная легкость окутала Мирона, словно не грязь он смыл, а лет пятнадцать возраста: он вновь почувствовал вихревую силу молодости, гибкость по всему телу, свободное движение энергии, бьющей теперь ключом из мужчины.
- Ты прям волшебник, Григорий!
- Разве это я? Это ты. Ты сам все сделал, сам переродил себя, сам очистился. Это Мудрая Природа так распорядилась, чтобы в каждом было все.
Мирон, окрыленный новой Радостью, оделся в свежую одежду, поданную старцем, и они двинулись в обратный путь к деревне.
- Когда же приедет Учитель? Мне уже не терпится с ним повидаться, сейчас во мне проснулись такие силы, будто я могу усвоить все, что бы он не сказал.
- Вижу, в тебе разыгралось стремление к обучению, это хорошо, сегодня тебе будет чему поучиться. Мирослав прибудет, думаю, не раньше чем через месяц. Вижу, как в твоих глаза висит вопрос «разве он не знает о нашествии на деревню злой силы?», и потому отвечу сразу: он знает, но может быть и так, что сейчас его помощь нужнее в другом месте.
- Да, верно, я об этом как-то не подумал. Ведь если он знает, что происходит здесь, значит, может оценить, где ему быть нужнее. Хоть мне еще и не понятны такие феномены восприятия, но я искренне верю в их существование… - мужчина выдержал паузу, - Итак, в чем мы будем сегодня тренироваться?
- В устойчивости внимания. Для этого мы, ближе к вечеру, заберемся на небольшой холм вон там, - Григорий указал рукой, - там есть хорошая полянка, на которой обычно тренируются жители нашей деревни, какая-то часть из них и сейчас там, но для первых попыток лучше бы остаться без посторонних глаз. А пока что мы займемся тем, что

познакомим тебя с жителями деревни.
- Согласен.
Далее Григорий знакомил Мирона со своими подопечными, сводил мужчину на холм, где и вправду тренировались люди, затем старец отлучился по делам, скопившимся у деревенских жителей и ожидающих его совета, а Мирон принялся помогать, выполняя физическую работу. Впервые в жизни, труд приносил ему столько Радости, ведь теперь он чувствовал себя молодым и был готов пролить эту силу на пользу людям. Так минуло время до вечера.
- Нам пора, - сказал старец мужчине.
- Верно, уж закат скоро.
Они двинулись на холм, как и ожидал дедушка, там никого не было.
- Упражнение довольно простое: развернись лицом к Солнцу, встань вот так, - старец слегка согнул колени, слегка вытянул руки вперед перед солнечным сплетением, - закрой глаза. Твоя задача ощущать движение энергии в себе, начинать может с чего угодно: с земли, с Солнца, с воздуха… Главное, осознать ту связь, ту мимолетную ниточку, что связывает тебя со всем миром. Осознай ее, ухватись за нее, усиль ее в себе, фокусируйся на ней. Отбрось мышление словами, мысли первоисточником, не заковывай мир в слова, не вешай ярлыки, воспринимай мир таким, какой он есть, без каких-либо искажений.
Речь Григорий поразила мужчину, пусть она и была маленькой, но очень образной, пробуждающей какие-то древние пласты в Душе. Мирон принял указанную позицию, закрыл глаза, сфокусировался на силе Солнца и почувствовал жар впереди себя, почувствовал, как тело начинает прогреваться. Затем он переключил внимание на землю и ощутил в себе прочность скалы и приятную прохладу. Далее он работал с ветром, с водой, со всеми живыми существами на земле, стараясь ощутить Жизнь, и, наконец, его сознание выкинуло в бескрайние просторы космоса…
Сколько прошло времени, он не знал, вернее сказать его не было на Земле как такового, на Земле было лишь его тело и частичка сознания, поддерживающее тело в вертикальном положении. Когда же он вернулся, была глубокая ночь, месяц весело улыбался с небес, Григорий выполнял какие-то упражнения с посохом, очень напоминавшие боевые приемы.
- Вот ты и вернулся, наш юный путешественник.
И старец попал в точку этой фразой, именно юным и именно путешественником ощущал себя Мирон в данное мгновение.
- Это поразительно и ровным счетом ни на что не похоже, я словно осознал, что живу не только на Земле, но во всем Мироздании, и потому не имею права считать себя жителем лишь одной планеты, отгородившись от всего остального мира, и уж тем более, не имею права считать себя жителем отдельной деревни, семьи, дома… Весь мир – как единая семья, вот что открылось мне.
- Молодец, ты делаешь потрясающие успехи, словно ты и был рожден, чтобы… - старец задумался на мгновение.
- Что?
- Нет, об этом пусть тебе скажет Мирослав, я не вправе говорить столь значимые вещи.
- Хорошо, я подожду, но ты ведь только подогреешь во мне нетерпение увидеть Учителя.
- Пусть будет так.
Не сложно было построить несколько догадок по поводу слов старца и даже вывести наиболее приемлемую, но Мирон, удивляясь самому себе, даже не погрузился в размышления об этом вопросе. Время, словно, приобрело для него другую природу, более иллюзорную, прозрачную, непостоянную, ему довольно было знать, что Учитель, рано или поздно, прибудет и скажет ему об этом.
Шли дни, недели, Мирон тренировался с Григорием, а затем и вместе со всеми жителями деревни. Раскрытие его Души шло столь быстрыми темпами, что даже настоятель деревни удивлялся на него, как на чудо. Казалось, мужчина потерял всякие привязки к

материальному миру и потому с головой погружался в исследования Духа.
И вот, одним теплым октябрьским вечером, Мирон, как и обычно, тренировался на холме вместе с Григорием: они стояли рядом друг к другу, созерцали Солнце, упражнялись в освоении сознания и управлении энергиями. Когда же они закончили тренировку, выпрямились, переглянулись и собрались, было, домой, дивный, но, в то же время, мощный, как гром, голос окликнул их:
- Добрый вечер, юные путешественники.
Мирон, словно зачарованный, повернулся к говорившему, и застыл в изумлении: перед ними стоял истинный великан, облаченный в расшитую белую рубаху, серые штаны, босыми ногами, тростью в руках и непокрытой головой. Зеленые глаза незнакомца, казалось, проникали до самых потаенных уголков сердца, черные волосы свободно лежали на голове, иногда поигрывая с ветром. Необычайная Мощь этого существа приковала Мирона к месту.
- И тебе добрый вечер, Учитель, - ответил Григорий, - Мы рады видеть тебя. Это – Мирон, он столь сильно жаждал встречи с тобой, что теперь и сам не верит своему счастью.
Мирослав подошел к мужчине, пожал его руку, со словами:
- Здравствуй, Мирон, не узнаешь ли ты меня?
От рукопожатия мужчина очнулся, в него словно влилась новая сила, пробивающая мелкими молниями все тело. Такого рукопожатия мужчина еще не знал в этой жизни, но он четко знал, что когда-то уже держал эту руку в своих руках, еще немного, и, словно удар грома, его поразили картины прошлого. Он четко вспомнил, что уже не раз встречал Учителя, только в прошлом, в других воплощениях.
- Деро, Учитель, здравствуй! – закричал мужчина и кинулся на шею к великану.
- Здравствуй, здравствуй, друг старинный.
Григорий вопросительно смотрел на Мирослава, очевидно, слабо понимая происходящее. Мужчина разжал объятия, встал рядом с Учителем.
- Друг Григорий, это тот самый Наставник, что был схоронен под грудой мирского. О нем я тебе заповедовал. Ты верно вспомнил мои слова, и верно не стал говорить об этом сам. Мы с Мироном не так давно разработали план: он воплощается в деревне, что по соседству с твоей, когда же произойдет нападение некроманта, он, следуя заложенной еще до воплощения программе, уйдет из деревни, далее его встречаешь ты, подготавливаешь, пробуждаешь те силы, что в нем временно уснули. Теперь же мы готовы, чтобы вернуть деревне мирные дни, а некроманту предоставить выбор Света или продолжительного мрака. Этот посох, что видишь в моих руках, предназначен тебе, возьми его, и ты оценишь значимость подарка.
Удивленный Григорий принял посох из рук Учителя и в тот же момент засиял не хуже Солнца.
Друзья двинулись к деревне, где Мирослав сказал длинную речь жителям, затем, вместе с Мироном и Григорием, отправились на ночлег в дом настоятеля. Поутру друзья отправились на прогулку по лесу.
- За месяц Ингред успел построить желанный храм для жертвоприношений. Так же, я уверен, он не замедлил воспользоваться недавно почившими людьми, вернее их телами, чтобы поднять полуживых слуг себе. Потому первое, что нам следует сделать – проникнуть в деревню ночью и извлечь из под земли Тонамира. Думаю, месяц под землей без движения был не самым приятным времяпрепровождением, особенно для такой творческой мысли, как у него. Затем мы доставим его сюда, желательно это сделать до пробуждения жителей, потому что вид его тела может быть неприятен. Следующий наш шаг – очищение водного источника. Далее мы навестим Дерока, а потом и всех остальных чародеев.
Еще долго гуляли друзья, оговаривая детали плана и свои роли в нем, затем вернулись в деревню, приготовили необходимый инвентарь для извлечения Тонамира из земляного плена, Григорий предупредил жителей деревни, что его не будет какое-то время,

попросил старца Никодима последить за поселением, и все трое отправились в путь. Ближе к закату они добрались до того самого места, где еще недавно Мирон остановился на ночлег. Это же дерево послужило и сейчас ночлегом. Но какую разницу ощущал Мирон в ту страшную ночь и сейчас: совершенно ничего не колебало его сознания, он четко сознавал, что они вошли в полосу влияния некроманта, но если раньше эта сила его устрашала, то теперь она больше походила на маленькую злую собачку, которая, сама трясясь от страха, лает на всех вокруг.

Друзья устроились на ночлег и вскоре уснули, и Мирону привиделся сон, будто бы он стоит посреди деревьев в лесу, а к нему приближается Ингред, но это вовсе не тревожит мужчину, он интуитивно знает, что опасности нет. Вдруг, в нескольких шагах от цели, некромант замирает с занесенной для удара рукой с ножом.

- Вам не отобрать мою деревню, - прошипел ледяным голосом оккультист.

- Давно ли она стала твоей? И от чего ты считаешь, что вправе использовать жизни людей для своих целей?

- Ты, несчастный трус, прячущийся за своим Учителем, что ты вообще понимаешь в устройстве этого мира? Может ты веришь, что мир – это Любовь, а может справедливость, что Бог Любит тебя и ты Любишь Бога? Все это – полная чушь! Ежедневно в этом мире люди умирают от голода, болезней, оружия, ежедневно одни люди эксплуатируют других. Раскрой глаза – в этом мире нет ни Любви, ни справедливости, одна только Сила, и тот живет лучше, кто сильнее. Люди воображают, будто после смерти они попадут в какой-то иной мир, более светлый, чистый, правдивый – бред. В этом «ином» мире все происходит точно так же, только на более высоком уровне. Ты не был в том мире, а я был и вернулся.

- Мне жаль тебя, искренне жаль, что ты не ведаешь Любви, не знаешь Бога и видишь вокруг себя одну лишь власть Силы. Ты зря стараешься впустить в меня зацепы гордости, сомнений и страха, зря стараешься склонить на свою сторону. Я верю Учителю, верю старцу и верю себе, своим ощущениям. Может ты удивишься, но я был в «том» мире и не нашел там ничего такого, о чем ты сказал сейчас. Возможно, ты не лжешь, возможно, для тебя и тот мир рисуется таким же, каким является твое сознание – искривленным.

Некромант сделал несколько шагов назад, по его лицу пробежало едва заметное удивление, затем оно сменилось злобой.

- Что ж, посмотрим чья правда, вам никогда не совладать со мной! – после этих слов Ингред растворился в воздухе, а затем Мирону приснилась его семья…

Рассветные лучики Солнца устремились с востока к кронам деревьев, пробуждая природу и друзей. Аромат утреннего леса особенно приятно бодрил, придавал сил, настраивал на Радостный день.

Три путника пробудились, поприветствовали новый день, немного перекусили и продолжили движение.

- Мирослав, сегодня ночью я видел странный сон, будто некромант хотел убить меня, но не мог, затем он сказал мне… - и Мирон пересказал весь сон Учителю.

- Однажды, когда еще этой деревни и на свете не было, Ингред был совсем другим: он постигал науку, язык животных, изучал действие стихий, носил в себе большое доброе сердце, где бы он не появлялся – люди приветствовали его, любили его, и он отвечал взаимностью. Все пело внутри этого человека, все вело его к Свету… До тех пор, пока он не повстречал старого оккультиста. Будучи почти при смерти, тот поведал юному Ингреду свой взгляд на мир, запутал юношу в сети лжи, обмана, мрака и недоверия. И пока Ингред думал, что обретает истинные знания, оккультист питался его молодой силой, восстанавливая свое здоровье. Кульминационным моментом стало вот что: старик заманил юношу в подвал своего дома, там оглушил его ударом по голове, провел мерзкий ритуал, о котором и рассказывать не стоит, после чего получил молодость и силу, какие имел раньше, а еле живого юношу оставил умирать в подвале, заперев дверь. Но Ингред выжил, старик просчитался, недооценив силу Души этого человека. Питаясь чем придется и что попадется в сыром подвале, юноша окончательно утратил веру в людей, в

справедливость, в Бога, в Любовь, он нашел себе новую цель – Силу. Старик ожидал, что на третий день юноша окончательно угаснет, и тело можно будет выбросить, как никчемный мусор, но он ошибся. Приготовив ночью телегу для перевозки тела, он отправился в подвал. Ингред догадывался о его планах, потому спрятался у входа, сжимая заметно постаревшими руками черенок от лопаты. Далее все произошло быстро – удар, приглушенный крик, тело на полу. Теперь Ингред провел ритуал, вернув свою силу и молодость, а затем, безо всякой жалости, оборвал жизнь старика, погрузил тело в телегу и вывез из деревни. Потом он поселился в доме оккультиста, заверив жителей, что он – внук покойного, что он несказанно рад, что сумел повидаться с дедушкой перед смертью. В доме у старика было много книг по колдовству, различных предметов, порошков, настоев… это все казалось истинным богатством для юного Ингреда, он приступил к изучению этих вещей. Первыми его жертвами стали жители деревни, далее он проделал долгий путь и вот наконец прибыл сюда.

- Какая печальная история, какое поучительное знание о силе выбора своего пути. Мне жаль, что он выбрал путь во тьму, и теперь, когда ты раскрыл мне историю его жизни – из сердца ушло непонимание и презрение к этому человеку, но пришли сострадание и желание помочь.

- Сострадание и помощь хороши тогда, когда идут из глубины Души, когда это чистый порыв. Но помимо этого порыва у тебя должны быть ясно видящие очи, чтобы четко видеть свою меру. Иначе, следуя порывам, возьмешь на себя слишком много нош и обязанностей, да не сумеешь донести и одну.

Еще много о чем поговорили друзья за день пути, ближе к вечеру добрались до города, но не показывались людям, а наблюдали за жизнью из леса. Всего месяц не было Мирона в деревне, а как она изменилась: те грустные лица, что он видел в последний день перед уходом в лес, по сравнению с нынешними масками отчаяния и опустошенности, выглядели просто образцами радости. В тех лицах еще была жизнь, еще были видны мысли, насущные заботы, в этих же, в каждом из лиц, был животный страх, не было мыслей, словно стальная рука темной воли сковала людей.

- Что с ними?

- Они умирают.

- Как? Ведь большинство еще довольно молоды, им далеко до смерти.

- Умереть телом – это было бы счастьем для них. Они умирают Душой, все теплое и Светлое, что было в их Душах, меркнет, меркнут их мысли, их чувства, они – марионетки. И, по сигналу своего повелителя, они, не колеблясь, нападут на нас.

- Поразительно, как всего за один месяц деревня могла так упасть?

- Этот процесс начался вовсе не месяц назад, а гораздо раньше. Людей потихоньку приучали к особым ритуалам поклонения мертвым, замаскировав это под уважение к предкам, людей приучили к суевериям, к эгоизму и зависти, хотя внешне все выглядело довольно спокойно и приветливо. Те шестеро чародеев, что жили недалеко от деревни, погрузились в исследования, с целью наращивания личной силы, все, кроме одного, и теперь этому чародею воздвигнут памятник… Мы подождем, пока не сядет Солнце, потом вы увидите кое-что интересное.»

На этом Леонид прервал рассказ, мы разошлись по комнатам. Ночью мне приснился Мирослав, только почему то он был вылитый Гавриил: и речь, и походка, и глаза… все. Мы беседовали с ним о Жизни, о путях, которыми идет человек на этой планете, о давних временах, о чародеях и некроманте.

Утром, легко позавтракав, мы отправились на стройку, трудились весь день, а вечером навестили Теодора с Тимуром. На этот раз мужчина, едва увидел нас – сразу сорвался к Дарье, а мы остались в компании бывшего оккультиста и продолжили нашу мысленную беседу.

- Вчера я долго вспоминал то, о чем мы размышляли, возможно, твои мысли имеют под собой почву. Но для меня большую ценность составили не они, и даже не осознание

собственной безопасности, большая ценность была в самом обмене мыслями, в том, что я, наконец-то, смог быть откровенным хоть с кем-то, не до конца, но откровенным – это большое достижение для меня.
Было не сложно понять, какие чувства сейчас переполняют человека, но, в данном случае эта гордость и хвастовство оправданы, потому что человек, в самом деле, совершил огромный прорыв для себя. Кроме того, помимо этих чувств, Теодор испытывал искреннюю благодарность со всей силой, на какую было способно его сердце.
- Мы рады, что сумели быть полезными для тебя, но мы можем обогатить друг друга еще больше – ты поведаешь нам о быте темного ордена и его деятельности, облегчишь сердце, а мы вольем в него новое понимание жизни, потому как оно будет иметь в себе наши Светлые чувства, - отозвалась Настя.
Бедолага Кирилл, не владевший навыком чтения мыслей, прекрасно понимал, что мы общаемся именно мысленно, потому изо всех сил старался уловить столь тонкую для него материю мысли.
- Эх, Настя, знала бы ты, что со мной сделали бы за это в ордене… Ну, да ладно, теперь я здесь, орден желает моей смерти, единственный способ избежать ее – подготовить моих защитников к козням ордена.
- Тогда передай картину ордена, как набирают людей, в общем все.
- Орден – это огромная разветвленная организация, имеющая своих людей в самых разных органах власти, судейства, торговли и так далее. Орден чутко следит за людьми с самых юных лет, благо система образования скорее способствует, чем препятствует доступу к детям. Орден не берет в свои ряды глупых, ущербных, бездарных людей – такие не нужны никому, основные критерии: острый ум, богатая одаренность, широкие связи с людьми. Из деревней берут тех, кто прошел школу местных оккультистов, как правило низкого ранга, так было и со мной. После того, как я прошел тест на сообразительность, проявив способности, меня приняли в орден. Вначале я выполнял мелкую работу, нарабатывал опыт запутывания людей. В этом я, кстати, здорово преуспел. Вот, например, вы… - и Теодор обрисовал те аспекты наших Душ, где мы уязвимы для темной воли, - Если бы не князья, город давно бы уже был наш…
Теодор все еще хранил надежду, или, вернее сказать, мечту, что ему когда-нибудь удастся вернуть свое могущество и положение в обществе, но эта мечта представлялась совершенно невозможной для его разума, потому он старался убрать ее подальше из мыслей.
Еще немного побыв в компании оккультиста, мы отправились в дом Леонида, ожидая продолжения сказки:
«Широкий, красивейший закат недолго поиграл светом на горизонте, затем передал землю во власть ночи. Странное дело – чем темнее становилось на улице, тем больше людей запиралось в домах, запиралось в прямом смысле этого слова – они подпирали двери тяжелыми предметами, закрывали шторы, гасили свет, замолкали. Деревня все больше походила на вымершую.
«Да что же здесь происходит? – размышлял Мирон, - И почему все жители запираются, словно ждут приведения?»
Ответы на эти вопросы мужчина вскоре получил… Медленно волоча ноги, с полуоткрытым ртом, испуская смрадный запах, в подранных одеждах, через которую виднелась гниющая плоть, в город вступили полуживые существа. Ведомые чуждой волей, лишенные мыслей, наделенные лишь инстинктами, эти существа заставили бы дрогнуть и отважное сердце воина. Шествие этих существ продолжалось недолго – в одном из домов раздался шум, словно упал кувшин, или другая посуда, существа повернулись к этому дому, и, все тем же медленным, мертвящим шагом направились туда. Через какое-то время они уже были у двери, было их четверо, двое принялись ломать дверь, двое – ломать окно.
«Странно, они с такой силой бьют руками об дверь, будто не чувствуют боли»

- Да, Мирон, они не чувствуют боли, но они чувствуют волю хозяина, теперь же пора им почувствовать кое-что еще. Держитесь рядом со мной, - сказал Учитель и поспешил к осаждаемому дому.
Мирон и Григорий отправились за ним, переглянувшись между собой, поняли, что удивлены увиденным одинаково сильно. Между тем в доме начался переполох: зажегся свет, раздался женский крик, красноречиво сообщающий о том, что человек не владеет собой от ужаса, зазвенело что-то металлическое, возможно это мужчина готовился к последнему бою.
Приблизившись довольно близко к дому, Учитель, неожиданно для друзей, засветился столь ярким Светом, что их глаза едва ли выдерживали такое зрелище.
- Стой на месте! – прогремел голос, словно множество громов ударило разом, не ожидавшие такой Мощи, Григорий и Мирон перестали чувствовать ноги и свалились наземь.
На мгновение в деревне воцарилась тишина, затем истошный рык существ, их попытка сдвинуться с места, окончившаяся неудачей, еще один рык, произнесенный уже лежа на земле.
- А теперь, пошел прочь из сих несчастных!
После этих слов тела существ сильно выгнулись в позвоночнике, они издали оглушительный крик и, в единое мгновение, обрушились на землю бездыханными, совершенно мертвыми телами.
- Угрозы больше нет, можете отпереть дверь.
- О нет! – раздалось из-за двери, - откуда мне знать, что ты не лжешь? Может ты в сговоре с этими тварями, и они набросятся на нас, едва я открою дверь.
Голос говорившего показался знакомым Мирону, еще мгновение, и он четко вспомнил его обладателя.
- Степан, ты узнаешь меня? Это я – Мирон, твой друг, мы еще на охоту вместе ходили. Ты всегда был приветлив, не откажи и сейчас старому другу. Угрозы нет – об этом могу сказать точно.
Мужчина сперва приоткрыл дверь, выглянул в щель – никто не напал, он рискнул открыть дверь еще шире, по прежнему сжимая в руке топор, и тут атаки не было, наконец, он полностью открыл дверь, увидел великана, сразившего существ, потер глаза, словно не веря им, затем, как зачарованный, выпустил топор из рук, следом и сам рухнул на колени, бормоча какие-то благословения.
- Нет, Степан, я – не ангел, которого послал бог, которому ты собирался отдать своего младшего сына в скором времени. Тот бог, о котором вам так усердно рассказывают – лишь идол, - великан подошел к мужчине, поднял его с колен, прижал к своей груди, - И никогда больше не кланяйся мне в землю.
- Как странно, передо мной словно завеса спала, я вижу мир по-другому, понимаю все по-другому, теперь я твердо знаю, где есть Бог и истина, а где ложь и идолы. Прошу, не отнимай от меня своих рук, ты ведь Ангел, не иначе, только сошедший от настоящего Бога к нам.
- Нет, мой друг, я – человек, зовут меня Мирослав, и, если ты позволишь, мы войдем в твой дом, побеседуем, немного отдохнем.
Мужчина по-прежнему считал великана Ангелом, это было видно в его глазах, в одно мгновение Степан превратился в того гостеприимного хозяина, каким его помнил Мирон. Между тем, люди выглядывали из окон, наблюдая за происходящим, особо смелые даже вышли на улицу. Друзья вошли в дом.
Дом заметно обеднел и побледнел: пропала посуда из серебра, расписные блюда, отцовский меч с топазами, пропали яркие цвета и улыбки с лиц домочадцев. Мирон хоть и ожидал увидеть нечто подобное, все же никак не мог поверить, что этот всегда приветливый и веселый дом столь сильно изменила общая напасть. Мирослав и Григорий познакомились с семейством, затем хозяин угостил их, чем сумел. Детям, особенно

меньшому Алешке, сильно полюбился старец Григорий, они называли его дедушкой, просились на руки, поиграли с посохом, рассказывали свои мысли и переживания. Степан, было, хотел усмирить ватагу юных оккупантов и отправить их спать, но Григорий сказал, что сам уложит ребятишек и даже расскажет им историю, если они будут вести себя тихо. Дети вмиг присмирели, прошли в свою комнату, разобрались по кроватям, старец закрыл дверь, потушил свет и начал мягким мелодичным голосом свой рассказ. Убедившись, что дети заняты, Мирослав начал разговор со Степаном. Много было сказано тогда, на многое мужчина посмотрел с совершенно другой стороны.

- Чувствую, всем сердцем чувствую, что ты говоришь правду, чувствую, что движут тобой Светлые намерения, но как мы – целая деревня – могли не распознать обман всего одного чародея? Ведь я еще на самом первом его выступлении чувствовал, что он лжет, знал в Душе, что нам грозит беда, но логика не смогла найти упущений в его словах, потому я подавил в себе это чувство надвигающейся угрозы и последовал за ним.

- Более того, так чувствовало и большинство людей в деревне, но ничего не сделали. Вас околдовали формой предмета, скрыв ядовитую суть. В любых словах, в любом действии есть форма, а есть суть. Мудрецы видят суть и форму вещей, в то время как узкосознающие видят только форму, более того, принимают форму за суть. Вам подали отраву, налив ее в золотой бокал, и вы очаровались бокалом и испили яд. Но не стоит винить человека в том, что он сознает менее широкий спектр информации, чем ты, этим ты едва ли достигнешь успеха, но запросто можешь разозлить, засмущать, убить всякую инициативу развития в этом направлении. Вместо укора гораздо полезней помочь человеку обогатиться знаниями, помочь воспринимать информацию более полно. Так и ты, осознав нечто большее, чем жители деревни, не спеши укорить их в близорукости сознания, но спеши показать им новый взгляд на вещи. Эти знания, прекрасные в своей сути, преподнеси людям в столь же прекрасной форме. Мудрецы способны распознавать суть вещей, большинство людей к этой категории пока еще не относятся, поэтому Мудрецы способны не только распознавать суть, но и подавать ее людям в той форме, которую они поймут и примут. Итак, тебе предстоит примерить на свои плечи мантию Мудреца и подать людям знания в приемлемой форме.

Григорий вышел из комнаты, дети мирно спали, будто и не было нападения несколько часов назад.

- Нам пора, еще многое предстоит сделать, - сказал Мирослав, вставая из-за стола.

- Скажи лишь одно, - начал Степан, с мольбой глядя на Учителя, - увижу ли я тебя еще хоть раз?

- Увидишь, и не раз. Мир тебе и твоей семье.

- Мир пришел к нам с тобой, - сказал мужчина, провожая гостей, еле сдерживая слезы.

Оказавшись на улице, друзья отправились к кладбищу. Проходя мимо главной деревенской площади, увидели статую Тонамира, высеченную из дерева. Чародей был изображен в полный рост, с выражением непоколебимой решительности на лице, с мечом в правой руке и цветами в левой. Очевидно, мастер очень любил этого человека, потому вложил в работу все самое прекрасное, что имел в сердце. Через какое-то время друзья дошли до кладбища, отыскали нужную могилу, усыпанную всевозможными цветами, как свежими, так и давнишними.

- Теперь нам следует достать страдальца из земляного плена.

Мирон, разумеется, знал, зачем они идут к могиле, зачем несут инструмент, но внутри что-то все равно протестовало, какое-то старое убеждение, протест против осквернения могилы. По этим ощущениям он понял, как глубоко могут забраться в человека ложные убеждения и пороки.

Отвалив каменную плиту, друзья выкопали довольно глубокую яму перед тем как добрались до гроба. Мирон постучал лопатой по дереву, в ответ раздался ответный стук. Затем гроб был благополучно изъят из ямы, вскрыта крышка… Первое, что ощутили друзья – мерзкий запах. Когда обоняние попривыкло, Мирон решился заглянуть в сам

гроб, Григорий и Мирослав уже стояли рядом. Едва увидев искореженное тело чародея, мужчина с трудом сдержал головокружение, ему на миг стало плохо.
Мирослав замер, пристально глядя в глаза полуживому существу, в какой-то момент поток ярчайшего Света ударил из Учителя в тело чародея. Тонамир пронзительно зарычал, выгнулся в спине, у него сильно захрустели руки, ноги, все тело, принимая более человеческие очертания.
- Тонамир, мое имя Мирослав, сейчас ты встанешь, и мы отправимся в путь, туда, где тебя не достигнет темная сила. Твои руки и ноги вновь подчинены тебе, твой язык способен говорить, но, все же, ты еще - полуживое существо. Если бы я сейчас же вернул тебе всю нервную деятельность, то ты, верно, свалился бы от утомления, голода, жажды и смрадного запаха, а в таком виде ты способен передвигаться на большие расстояния практически без отдыха.
Чародей поднялся, вид его по-прежнему был отвратен.
- Благодарю тебя, Мирослав, повстречав некроманта, я удивился его темной силе и усомнился в Мощи Света, теперь моим колебаниям пришел конец, я иду, куда бы ты не сказал.
- Тогда следуй за мной, - сказал Учитель, начиная медленно шагать в сторону леса, - Пока что мы пойдем медленно, чтобы ты попривык к ходьбе при столь низкой нервной активности. Твое тело не чувствует боли, поэтому будь предельно осторожен и внимателен, береги кости и сухожилия, их можно легко повредить, не рассчитав силу движений.
Путешественники прошли немного в медленном темпе, затем Тонамир сообщил, что привык к новым ощущениям, и темп ходьбы ускорился. Друзья шли всю ночь и весь последующий день, добравшись до деревни к следующей ночи. Этот поход оставил Мирона совершенно без сил, он едва переставлял ноги, немного шатался и плохо различал окружающие предметы. Мирослав с Григорием напротив – были полны сил и, казалось, готовы пройти еще день без отдыха.
- Мирон, возьми Григория за руку, он отведет тебя в дом, там выпей немного воды, прими пищу, что тебе подадут, и ложись отдыхать.
Мужчина так и сделал, после легкой трапезы он уснул, едва тело коснулось кровати. А тем временем Мирослав привел Тонамира к горной речке.
- Слушай очень внимательно, сейчас сюда прибудет Григорий, принесет одежду, питье, еду и носилки. Мы вернем тебе человеческий облик, но эта операция очень рискованная и может окончательно умертвить тело. Все что будет зависеть от нас – будет исполнено, на твою же долю остается внутренняя подготовка и дисциплина. Ты почувствуешь резкую боль в позвоночнике, переходящую в ломоту по всему телу, затем будет сильное жжение в животе, в солнечном сплетении, потом в груди и в голове, тебе будет казаться, что кожа сваливается с тебя, в глаза резко ударят мягкие краски окружающего мира, уши станут слышать больше и яснее. Все это вызовет сильную перегрузку нервной системы. Но, как бы тебе ни было тяжело – удержи сознание в теле. Если ты не примешь той воды и еды, что принесет настоятель – ты не вернешься в тело. Все запомнил.
- Да… Да, я запомнил, теперь, когда я встретил тебя, хоть и мало знаю кто ты, мне есть зачем жить, твой образ удержит меня в этом теле.
- Вот и славно, а пока мы ждем Григория – присядь возле реки и вспомни как это прекрасно – жить полной жизнью.
Довольно скоро пришел старец, чародей обернулся к нему.
- Тонамир, ты готов?
- Да.
- Тогда ложись на спину, расставь руки и ноги. Мы встанем с обеих сторон и наступим тебе на кисти, чтобы, в порыве бесконтрольной ярости ты не выцарапал себе глаза или не разорвал кожу. Так же прижми язык вот этой палочкой, - Мирослав подал чародею вытянутую овальную палочку с резинкой, прикрепленной к двум ее краям, в целом

палочка напоминала кляп, - так ты обезопасишь язык и зубы. Подстели под ноги траву, выбери такое место, где бы не было камней, корней и других твердых предметов.
Тонамир выполнил все в точности, его руки прижали к земле. Мирослав взял посох настоятеля и прикоснулся им ко лбу несчастного, Григорий тоже взялся за посох. Какое-то время они стояли тихо, словно уснули, но вот обе фигуры засветились, вокруг поднялся сильный ветер, воздух наполнился совершенно новыми ароматами, сравнить которые можно лишь со свежестью горной вершины. Сила обоих сливалась в посохе, преобразовывалась в нем и мощным потоком входила в лоб чародея.
Вначале он терпел, не издавал ни звука, но когда тело начало хрустеть, восстанавливая прежние формы, Тонамир закричал столь громко и пронзительно, что его можно было спутать с раненым зверем. Руки не раз пробовали оторваться от земли, но твердые ступни друзей не позволяли им этого, ноги бешено бились об землю, выписывая немыслимые пируэты в воздухе. Когда же ощущение жжения дошло до мозга, чародей сильно уперся головой в землю, выгнув все тело в позвоночнике, расслабился и вновь выгнулся, и так еще несколько раз, затем все было кончено. Тело Тонамира приняло прежний человеческий вид.
- Тонамир, ты меня слышишь?
- Да, - раздался еле слышный ответ.
Мирослав взял флягу с жидкостью, приподнял голову мужчины, дал ему сделать несколько глотков, затем поднес к губам хлеб, пропитанный каким-то веществом. Чародей, казалось, собирал все силы, чтобы пережевать пищу, но чем больше он ел, тем сильнее себя чувствовал. Процесс приема пищи занял около пятнадцати минут, за это время мужчина заметно окреп, даже сумел сесть без помощи.
- Теперь последнее – мы погрузим твое тело на несколько мгновений в эту горную речку, что окончательно очистить его, затем уложим на носилки и доставим в деревню.
Тонамир молча кивнул, Мирослав с Григорием закатали штаны, взяли мужчину за руки и под плечи, зашли в речку и окунули чародея в ледяной поток воды. Тонамир ясно ощущал, как с него слезает внутренняя грязь, похожая на тонкую паутинку, покрывавшую все тело, когда же паутина ушла, его вынули из воды, уложили на носилки и понесли.
Необычайный, ни с чем несравнимый покой воцарился в Душе чародея, он лежал на спине, смотрел в ночное небо, улыбался звездам, по-новому осмысляя всю свою жизнь, недавние события, размышляя о неописуемой Духовной высоте этих двух людей, спасших его из власти некроманта, разрушившие его темные чары. Он вспомнил, как еще недавно считал свое сердце исполненным Любви и бесстрашия, а когда дошло время до дела – мало что смог противопоставить противнику. Тонамир хорошо знал обо всех кознях, что чинились в деревне, четко сознавал, что, будь он в человеческом облике и на воле, он бы ни за что не пошел бы в такое проклятое место даже за другом, а эти люди спасли его, хотя и не были с ним знакомы…
- Любовь, прежде всего, соединяет Души людей, их суть, а не форму. Ты думаешь, что не пошел бы спасать друга, а мы спасли тебя, даже не встречавшись в этой жизни, и в этом видишь великую Высоту Духа. Но в этом не столько той неописуемой высоты, о которой ты думаешь, сколько простое знание, перешедшее в твердую основу жизни – Жизнь есть везде, в каждом человеке, Жизнь соединяет всех и все, невозможно быть истинно счастливым, когда вокруг тебя несчастье. Мы спасли тебя не потому, что ты «заслужил» это своими личными качествами, не потому что ты лучше или хуже других, а потому, что ты, как и мы, как и все люди, Живешь, ты – часть Жизни. Но мы Рады, что обрели нового друга в форме столь дивной личности как ты. Очень хорошо, что ты сам сумел заглянуть в свою Душу и увидеть ошибки прошлого, заблуждения и скрытую трусость. Честное, беспристрастное отношение к самому себе – залог развития.
Поначалу Тонамир немного опечалился, в глубине его сердца все еще жила надежда, что поводом к спасению послужили именно его личные качества. Однако, слова Мирослава четко дали ему понять, что это не так, что на него смотрят, прежде всего, как на Душу,

частичку всеобщей Жизни. Размышляя дальше, мужчина пришел к выводу, что качества сердец этих людей не являются качествами личными, но перешли уже в разряд качеств Самой Жизни. Он осознал, что эти два человека, что так спокойно несут его обмякшее тело в ночной тиши, и есть те Силы, к которым он стремился, которые старался развить в себе. Они – проводники Сил Жизни, а личность лишь служит им для передачи этих сил людям. Эти мысли – последнее, что запомнил Тонамир в эту ночь.
Мирослав с Григорием принесли мужчину в дом к старцу Никодиму, он уже был предупрежден настоятелем о больном, что ему доставят ночью, потому был готов оказать всю требуемую помощь. Мирослав остался в доме старца, отправил Григория в его дом отдыхать до утра.
Утром, предупредив Никодима о возможных последствиях исцеления Тонамира и как с ними справляться, Мирослав покинул больного, встретился с друзьями, вместе они позавтракали и отправились к месту осквернения воды в реке. Путь был недолгим, занял всего пару часов. Мирон прекрасно выспался, чувствовал себя бодро и охотно интересовался о здоровье Тонамира.
- Его жизнь вне опасности, но здоровье еще шатко, он пролежит три дня в доме Никодима, затем два дня ему потребуются, чтобы попривыкнуть к обновленной нервной системе, заново освоить некоторые функции тела. А мы эти пять дней используем для бесед с оставшимися чародеями, на шестой день пойдем к Ингреду, в этом походе к нам присоединится Тонамир.
Вскоре друзья достигли цели, Мирон, насколько позволяло ему зрение, видел, как вода становится грязной в одном месте реки и спускается вниз к деревне. Григорий нашел прутик, поддел амулет, достал его со дна реки. Кстати сказать, сделать это было не так уж просто – он был придавлен камнем, чтобы его не унесло течением. Далее Мирослав положил вещицу на острый камень, придержал одной ногой, а второй, резким ударом, разломил на несколько частей.
- Теперь это колдовство никому не причинит вреда, - сказал он, отряхивая с ног остатки амулета, - А сейчас самое время навестить Дерока.
И друзья отправились в путь. Прошагав пол дня, они успели поговорить о многом, многое передумать, полюбоваться красотой природы, перекусить… в общем все то, что и подобает прилежным путникам. Наконец, перед ними оказалась высокая башня древней архитектуры.
- Вот мы и пришли, - сказал Мирослав, - осталось только постучать.
Он подошел к двери, легко постучал – тишина, постучал громче – нет реакции.
- Дерок, почему ты не хочешь впустить нас, - спросил Учитель, - Ты сейчас находишься в рабочем кабинете, в твоих руках книга, но ты не читаешь, в тебе борются сразу несколько чувств: страх, ненависть, зависть и стыд. Но подумай, разве это твои чувства? Нет. Их внушил тебе Ингред, чтобы сохранить свою власть над тобой. Ты боишься, но чего? Что ты видишь страшного в нас? Не более ли тебе следует бояться себя – отравителя вод? Ты ненавидишь, но за что? Что мы совершили против тебя? Ты завидуешь тому, что Тонамир, а не ты, выступил против тьмы тогда, что он теперь спасен, что Душа его чиста перед Жизнью, но зависть лишь закапывает тебя еще глубже, в глубине сердца ты знаешь, что еще есть возможность все исправить. Ты стыдишься самого себя? Своего внешнего вида, ты стыдишься того, что превратился в хладный полуживой ходячий труп? Этого ли тебе стоит стыдиться? Да и есть ли смысл скрывать стыд, если нам известно о тебе гораздо больше, чем тебе самому?
- Убирайтесь прочь! Я не желаю с вами разговаривать, - раздался холодный злой голос.
- Вопрос не в том, хочешь ты или нет, а в том, можешь ли ты позволить себе не разговаривать с нами? Не будешь ли сожалеть всю жизнь об этом решении?
- Как же ты мне надоел, дай хоть взгляну в твои бестыжие глаза, как ты вообще посмел отвлекать чародея от исследований… - бормотания Дерока больше походили на негодования старого строптивого старика.

Дверь отворилась, на пороге стоял бледный, неестественно худой мужчина в черной одежде с красным узором, глаза его поблекли, в них отражалась лишь злоба и страх. Он встретился взглядом с Мирославом, не выдержав и пары мгновений этой «дуэли», он закрыл глаза руками и попятился обратно в башню.
- Вы специально так подгадали время, чтобы Солнце светило мне прямо в глаза! Вы издеваетесь надо мной.
- Если бы это было так, Дерок, то все было бы гораздо проще, - сказал Учитель, заходя внутрь, Мирон с Григорием последовали за ним, - Не Солнца ты испугался, правды ты не выносишь. Мне известна суть твоих поступков, как нынешних, так и прошлых, и это знание, живущее во мне, подавляет в тебе всякую силу, берущую свое начало во зле, лжи и эгоизме.
- Да кем ты себя возомнил?! – кричал Дерок, по-прежнему закрывая глаза руками, - Ничего, сейчас я тебя проучу!
Он схватил флакон с жидкостью со стола, замахнулся, приоткрыл глаза, чтобы прицелится, но, едва встретил взгляд Мирослава, вскрикнул, выпустил флакон, тот разбился у самых ног чародея. Как ошпаренный, он отскочил от разбитого флакона, нервно отряхивая с себя жидкость.
- Что ты наделал?! Теперь мои ноги онемеют!
- Разве это я бросил отраву тебе под ноги? Опомнись же! Ты уже сам не сознаешь, что совершаешь, теряешь всякий контроль над телом. Твои ноги немеют лишь потому, что эта жидкость – оружие зла и ненависти, а значит и работает оно на злых и ненавидящих. Изменись, раскрой сердце, и тьма будет не властна над тобой. Посмотри же на меня!
Чародей перестал прятать глаза, посмотрел в глаза Мирославу. Бедного мужчину начало немного трясти, он тяжело задышал, грудь с силой расширялась и сжималась, издавая длительный хрип, словно какой-то паразит вылезал из сердца. В глазах мужчины скопилась вся злость, на какую он только был способен, но, в какой-то момент злость ушла, грудь резко сжалась, Дерок вскрикнул и упал на спину».
Старец окончил рассказ, заглянул каждому из нас в глаза, словно передавая нам свой внутренний Мир, пожелал покойной ночи, и мы разошлись на ночлег. Этой ночью мне снова привиделся Мирослав, все столь же зеркально схожий с Гавриилом, приснился Мирон, не являющийся точной копией кого бы то ни было, но по ощущениям родной мне человек. Мы гуляли по лесу, о чем-то беседовали, потом была яркая вспышка и… я проснулся.
Утро и день прошли как и предыдущие: труд на стройке, обед, снова стройка, ужин. Надо сказать, чем больше я трудился под присмотром Михаила, тем больше мне это нравилось. Мне не надо было думать о тысяче вещей, необходимых для стройки, князь просчитывал все наперед, точно знал, что где и когда понадобиться, умело распределял тружеников, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как вложить все сердце в совершаемый труд. Кирилл старался не отставать, приобретал сноровку, окончательно потерял страх высоты, который на проверку оказался лишь неуверенностью в собственной координации. Он быстро влился в коллектив, обзавелся друзьями и знакомыми в деревне, а приближенность к, обожаемому в деревне, отцу Радомиру, сделало его кем-то вроде «секретаря при Божестве», впрочем, как и всех нас. Настя занималась с Григорием, помогала женщинам в деревне осваивать диковинные для них науки дыхания, движения, сосредоточения и многое другое.
Вечером мы отправились к «мастерам древесного дела», как мы их в шутку называли. Тимур дождался нас, мы обменялись несколькими общими фразами, мужчина высказал надежду, что в самое ближайшее время мы перейдем из разряда строителей в разряд создателей мебели, попрощался и ушел, мы устроились на скамейках рядом с Теодором. Не теряя времени, мужчина раскрыл сферу мыслей, и мы вступили в своеобразный диалог.
- Вчера я показал вам кое-что про орден, сегодня я продолжу. Но сперва предупрежу, во

мне все еще живут старые привычки, мысли, стремления, потому я могу даже неосознанно стараться завладеть вашим сознанием. Поэтому, как бы увлекательно я не рассказывал, ни на минуту не теряйте бдительности, - мужчина выдал эту мысль и сжался как чернослив, очевидно, ему было очень сложно сказать это, было ясно видно, что он теперь не может доверять самому себе, своим мыслям и действиям, потому теперь он вынужден выполнять роль дрессировщика, усмирять зверя, что бунтует внутри, - Вот даже сейчас, мы обмениваемся мыслями, вокруг тихо, мирно, вы пришли с добром, а внутри все равно бурлит дикое желание не менее дикой расправы над вами, без причин, без обоснования, даже не для побега, просто ради самого процесса, просто потому, что ваши чистые Души противны моему внутреннему миру.
- Это одна из причин, по которой тебе не желательно общаться с жителями деревни – они просто не вынесут такой бури ярости. Ты растил этого зверя внутри себя долгое время, - отвечала ему Настя, - не удивительно, что старая привычка столь сильна. Это все равно, что научиться застегивать пуговицы правой рукой, а потом попробовать застегнуть левой – дискомфорт будет велик. Эти дикие порывы нам видны и, если бы хоть один из нас испугался, ты бы не удержал себя в руках, но это была бы расправа не над нами, а над самим собой, как над телом, так и над Душой. Но, эта же ситуация говорит о том, что в тебе образовалась мощная светлая сила, способная удерживать этого зверя.
- Верно. Но ты имеешь ввиду, когда думаешь, что во мне появилась мощная сила? Волей я держу этого зверя.
- Да, сейчас ты держишь его могучей волей, но эту самую волю направляет что-то, и это что-то и есть та сила, о которой я думаю.
- Интересная идея, ее следует прочувствовать, но этим я займусь позже. А сейчас я поведаю о том, зачем ордену нужны столь молодые, неопытные, без гроша в кармане, люди, имею ввиду кандидатов, начиная с рождения и до завершения образования. Дело в том, что юному неокрепшему сознанию гораздо легче внушить что угодно, сознания подавляющего большинства молодых людей похожи на мягкую глину, стоит только подобрать правильные ключи к черным качествам их сердец, вплести в сознание определенным образом составленную ложь, чтобы, при попытке ее анализа, человек просто бегал по кругу, ничего не получая. Хорошая вещь – убедить человека в его греховности, или, наоборот – в том, что ему дозволено все, а с последствиями можно справиться, в основном за счет силы. Несмотря на то, что внешне эти позиции кажутся противоположными – корень у них один, и корень этот – природная страстность людской природы. Человек, вместо того, чтобы естественным путем заглянуть в глаза страсти, изучить ее и перешагнуть как пройденный этап, делает ее частью своей жизни, в некотором смысле даже целью жизни, только в первом случае человек всю жизнь будет считать, что он борется со страстью, а во втором – что наслаждается, но на самом деле в обоих случаях он лишь питает ее своими мыслями, и сам себя связывает по рукам и ногам. Помню, поначалу даже сомневался, заметят люди этот подвох или нет, ведь это так очевидно, что тебя сманивают просто разными фантиками, а конфету подают одну и ту же, и что вы думаете? Никто не раскусил этой хитрости, никто из тех, кого мы втягивали в орден. По правде сказать, люди, попавшие в орден с такими внутренними установками, высоко не поднимались, их основная роль – отвлечение общественного внимания, охрана господ ордена, мелкая грязная работа, не требующая большого ума. По факту эти две группы грехоборцев и грехосладцев частенько сталкивались друг с другом по воле нашего магистра, при том одна группа даже не подозревала, что враждует с людьми, находящимися в этом же ордене, только с другой лживой идеей в голове. Зачем мы это делали? Все просто! Эти грешники постоянно заняты делом и им некогда разбираться в истоках своей религии, они закупаются инвентарем у наших же людей, они привлекают людей в эту религию, а фактически в орден, но самое главное, за всей этой возней никто не может различить хозяина театра – орден. А всем, по большому счету, плевать, кто управляет социальными процессами, почему произошел бунт в таком-то районе, от чего

вымерла вся деревня… Всем интересно смотреть этот театр маскарадных костюмов. Подумайте сами, сколько лет уже князья сражаются за благополучие города? Жителям уже в пору бы князей на руках носить, а нет! Приезжает следующий наш управляющий, и снова сознание большинства людей в нашей власти, снова люди начинают думать, что князья – враги отечества. Вернее не так, люди думать не начинают, они лишь повторяют то, что вложено в их головы. И вот тут встает вопрос молодежи, если взрослый человек более подвержен порокам, более в них засел, он все равно имеет окостенелое, слабогнущееся сознание, с ним надо еще работать, убеждать, гипнотизировать, а молодые сознания легко подбирают все, что угодно, лишь бы звучало как правда и обладало шаткой логикой. Из талантливых детей делают управляющие кадры, именно такие, выращенные с малых лет в традициях ордена и становятся в последующем господами, чаще всего, это – дети господ, но иногда везет и таким как я… Однако, вижу, время позднее, вы обычно покидаете меня в этот час, что ж, не буду вас задерживать.
Мы поблагодарили Теодора за рассказ и удалились. По пути к дому Леонида я спросил у Кирилла:
- Друг, тебя не смущает, что мы вот так без слов общаемся с ним?
- Меня это смутило в первый раз, но я подумал, что смущением мало чего выиграю, потому начал прилагать усилия для того, чтобы научиться, так же как и вы, читать мысли. Должен сказать, что делаю успехи, например, сегодня вы общались о школьниках и религиях, я прав?
- Верно! Ты – молодец!
Искренне порадовавшись достижениям друга, мы вернулись в дом, где нас уже ожидал старец и сказка:
«Григорий принялся поднимать чародея, Мирон ему помогал, общими усилиями мужчину усадили в кресло, напротив него сел Учитель.
- Дерок, ты меня слышишь?
- Что? Где я нахожусь? Ты кто?
- Мое имя Мирослав, ты у себя дома, мы пришли к тебе, чтобы прервать влияние некроманта на твое сознание.
Глаза мужчины бешено бегали по комнате, очевидно, что он сразу не ухватил суть вести.
- Дома, Мирослав, некромант… ах! – мужчина схватился за голову, словно ему в затылок воткнули штырь, - Да, теперь я помню, у нас было собрание, потом пришел он, с ледяным лицом и жуткими глазами, потом все как во сне, я будто потерял всякую волю над собой. А потом… Потом Тонамир возразил его и за это мы… Не может быть! Неужели мы – его друзья, предали его, помогли превратить его в это чудовище?! – разочарование мужчины было столь великим, что слезы покатились из глаз.
- Успокойся, Дерок, мы помогли твоему другу, вернули ему человеческий вид, и сейчас он поправляется, постигает новое в мире.
- Спасибо вам! Вы исправили наши ошибки, мои ошибки. Но кто вы трое, кто ты, Мирослав? Ты, верно, могущественный чародей, но я никогда не слышал о тебе.
- Мы помогли твоему другу, но исправить ваши ошибки мы не в силах, у вас еще будет возможность вернуть другу свои долги, искупить ошибки. Мы – такие же люди, как и ты, разница лишь в том, насколько сильно звучит в каждом из нас Сила Гармонии с Вселенной. Вот сейчас ты чувствуешь, что Любовь из моего сердца входит в твое, и тебе становится легко, свободно, в мыслях появилась ясность, ты испытываешь давно забытую радость жизни, ты видишь этот процесс как взаимообмен энергиями между нами. Но если ты усовершенствуешь силы ясновидения и прозрения, то осознаешь, что это не лично я передаю лично тебе частичку личной силы, но это Сама Жизнь действует через меня, чтобы так Искра Бога, что есть в тебе, скинула с себя оковы эгоизма и засияла Радостной Гармонией с Жизнью. Не воображай, что Жизнь дает озарения, Любовь и Мудрость только через посредников, она может пробудить все это в тебе самом. Нет такого человека, который не хранил бы в себе всю Вселенную. Ты рад, что повстречал нас, и

сожалеешь, что не можешь поделиться этой радостью с другом, но на самом деле ты можешь. Ведь ты изучал влияние мысли на воду, сам пробовал передавать мысли другим людям на расстоянии, так от чего же не передать радость своему другу? Попробуй, просто пожелай и почувствуй это, и тогда твоя радость личная перерастет в Радость Жизни, потому, что это будет не лично твое переживание, а всеобщее достояние, это будет та Сила Жизни, что течет через тебя к другим. Помоги своему другу сейчас, будь спокоен, сила некроманта ничего не стоит против чистой Радости, он не в силах помешать твоим Светлым намерениям. Держи образ друга в голове и в то же время будь активен. Мы собираемся нанести визит Грену, твое участие было бы полезным, поэтому, если ты хочешь присоединиться к нам – сожги эту испорченную одежду, приготовь вещи в дорогу, мы выходим завтра на рассвете, а сегодня поговорим с тобой о многом.
- Мне и в голову не приходило смотреть на вещи с такой стороны… Конечно, я с радостью присоединюсь к вам и навещу Грена… Но все же, то что ты сейчас сказал, это очень похоже на слова Тонамира. Да, верно, он много раз говорил об этом, даже записывал эти знания в наш алтарь информации, и мы считывали эти знания, но почему мы не сумели их использовать?
- Потому что они лежали в вашем сознании мертвым грузом, как прочитанная книга, чтобы информация превратилась в знание, ее надо научиться применять на практике. Тем более знания, касающиеся ощущения Жизни во всем Мироздании, его невозможно «записать» куда-либо как информацию, потому что Жизнь – это вечное движение, ее можно понять лишь через себя. Развитие человека, да и любого существа – это постоянное движение, нет в пути такого места, где бы человек сказал, что совершил многое и теперь ему следует отдохнуть. Остановилось твое движение, ты выпал из движения Жизни, потому что Жизнь движется постоянно, и Она не станет ждать от того, что эгоизм одного существа решил отдохнуть.
Дерок проговорил с гостями до полуночи, нередко ему было удивительно слышать те или иные вещи, или новый взгляд на привычные вещи, многое он переосмыслил. В свою очередь он поведал о влиянии информации на воду, и о том, где это можно применить.
Утром путешественники собрали необходимые вещи и двинулись в дорогу. Путь занимал примерно полдня, идти было легко, сложных участков рельефа не было, погода стояла солнечная, но довольно ветренная. Дерок был весел, казалось, он живет только текущим моментом, не сложно было угадать, что он посылает свои благословения друзьям, попавшим в сети некроманта. О прошлых ошибках он размышлял так, будто их совершил прежний Дерок, не имеющий ничего общего с Дероком нынешним. Разговаривать этим утром не хотелось, потому путники погрузились каждый в свои думы.
Ближе к полудню друзья подошли к дому-башне Грена, рядом с входом расположился медведь, очевидно, выполнявший функцию стража. Заприметив гостей, медведь поднялся на лапы, повернулся мордой к людям, оскалил зубы, как бы давая понять гостям, что их не ждут.
- Успокойся, здесь нет врагов, - сказал Мирослав, подходя к зверю.
Медведь продолжал скалиться, но не нападал. Мирослав приближался, и чем меньше становилось расстояние между человеком и зверем, тем меньше злости оставалось в последнем, наконец, человек погладил зверя по шерсти, медведь окончательно присмирел, отошел в сторону от двери и тихонько рыкнул, как бы извиняясь за столь неприветливое поведение.
Дверь была открыта, видимо Грен настолько был уверен в своем страже, что не запирал замок.
- Грен, друг, ты здесь? – спросил Дерок.
В ответ молчание. Чувствовалось, что чародей услышал обращение, но, возможно, удивление, что кто-то вообще сумел проникнуть внутрь, лишило его дара речи на время.
- Как это ты – предатель, сумел пройти мимо моего стража? Ты, верно, отравил его своими заклятыми водами?! Ингред предупредил, что ты предал всех нас и спутался с

врагами.
Эти слова столь сильно поразили Дерока, что он не сразу нашелся что сказать.
- Друг, что случилось с тобой? Как ты можешь думать, что я отравлю зверя? Может… - мужчине не дали закончить фразы.
- О, выискался Святой! Тоже мне. А кто целую деревню отравил? Уж не ты ли? – Грен все не спускался на первый этаж, ведя беседу заочно.
- Да, это сделал я, но не по своей воле, на это меня понудил некромант. И если я и являюсь предателем, то по отношению к Тонамиру в первую очередь.
- Точно, теперь самое время списать все свои грехи на мастера, хорош же ты – «благодарный» ученик. Тонамира еще вспомнил, этого еретика.
- Что же с тобой стало, мой друг? Ты даже не выходишь встретить гостя. Совсем не то, что было раньше.
- Ага, нашел дурака, чтобы я спустился, а ты меня окатил своей отравой с ног до головы, нет уж, коли говоришь, что с миром пришел, так поднимись сам.
Дерок вопросительно посмотрел на Мирослава, тот утвердительно кивнул. Друзья медленно поднялись по винтовой лестнице на второй этаж, вошли в комнату. Грен сидел за столом, в противоположной от входа части комнаты.
- Вот так дела! Ты с собой еще и прихвостней приволок.
- Мы вовсе не «прихвостни», как вы изволили выразиться, мы – хорошие знакомые Тонамира и Дерока, - начал Учитель, - Мое имя – Мирослав, это Григорий и Мирон. Мы пришли бы сюда в любом случае, даже если бы Дерок отказался идти с нами. Цель нашего визита предельно проста и понятна – исключить влияние некроманта на ваше сознание.
- Чудак! Да кто ты такой, чтобы так разговаривать со мной? Если Дрену я, по старой дружбе, спускал его дерзости, то уж тебе не спущу! – мужчина встал из-за стола, принял довольно свирепый вид, хоть он и оставался внешне человеком, но вся его внутренняя природа согласовалась с природой волка.
- Посмотри в кого ты превращаешься. Разве это к лицу человеку? Ты хочешь броситься на меня, но опасаешься Дерока не потому, что помнишь дружбу, а потому, что боишься его, полагаешь, что он прячет в рукаве флакон с отравой. Разве мог возникнуть в тебе страх перед другом в старые добрые времена, до появления некроманта? Помышлял ли ты натравливать зверей на людей? Ты обвинил друга в том, что он испортил речку, а где был ты? Почему ты не помешал другу, почему не вразумил советом? Ведь ты прекрасно знал, что Дероку было приказано, но бездействовал. Теперь ты хочешь прогнать нас всеми возможными способами, потому что тебе противно одно только наше присутствие. Внутренне ты чувствуешь, что нам известны твои стремления, действия прошлого, и это ощущение, как кнут, хлещет тебя, пробуждает голос совести. Сейчас ты хочешь броситься, но не можешь сдвинуться с места и удивляешься, от чего так происходит. Это от того, что я приказал тебе стоять на месте, чтобы ты не наделал еще больших глупостей. Ты зря полагаешь, что медведь мертв, он жив и здоров, сидит там, где ты ему наказал, нас же он впустил потому, что он, пусть и зверь, понимает Любовь, но понимаешь ли ее ты?
- Какие красноречивые обвинения, - с сарказмом начал мужчина, - А сам ты много понимаешь в Любви? Приковал меня к месту, загипнотизировал моего друга, невесть что сотворил с медведем – и это, по-твоему, Любовь? Ты упрекаешь меня в повиновении некроманту, так я скажу тебе, от чего так поступаю – я увидел, что его знания много превосходят мои, увидел его силу, и посему не мне судить его, не мне обсуждать его приказы. Потом, ты полагаешь, что это совесть поднимается во мне? Вздор! Во мне лишь злость от столь низкого предательства моего друга.
- Разумеется, я – далеко не эталон Любви, но и тех знаний, что мне даны, хватает, чтобы увидеть суть ситуации, в которую ты попал. Знания Ингреда в самом деле выше твоих, но это еще не повод полностью подчинить ему свою волю. Но в глубине сердца ты знаешь, что подчинился его приказам не из уважения к знаниям – это было придумано тобой позже, чтобы заглушить голос совести – а потому, что ты боялся его до мелкой дрожи,

твое тело и мысли буквально впадали в оцепенение от ужаса, едва он заглядывал в твои глаза. Вспомни, как сложно было тебе выполнить первый приказ Ингреда – натравить стаю волков на грибников, вспомни, как совесть терзала тебя, ты физически ощущал, как сердце обволакивается «нравственной смолой» превращаясь в черный огрызок. С каждым следующим разом становилось все легче и легче и вот ты там, где ты сейчас – без движения, в муках совести, злой и лживый, пытаешься сохранить черное сердце. Но зачем оно тебе? Разве стало легче жить, совершая зверства? От чего ты мрачен каждый день, от чего тебе иногда хочется разорвать грудь и выбросить сердце? Ты по-прежнему собираешься выкручиваться или скажешь правду?
Эта речь подействовала на чародея, едва в его сердце засветился маленький огонек – он громко заплакал, рухнув на пол, из него словно выливалась вся та грязь, которую он вобрал в себя за месяц послушания у некроманта. Дерок бросился к другу, поднял его с пола, прижал к груди, Грен бормотал что-то невнятное, просил прощенья, сыпал обвинения в адрес Ингреда. Лишь общими усилиями чародея удалось успокоить.
Остаток дня друзья провели в беседах с Греном и друг с другом, на ночлег остались у чародея, а на утро двинулись в путь уже впятером. Следующий визит следовало нанести Ленору.
Это путешествие было несколько дольше, чем два предыдущих и заняло весь день, ближе к вечеру друзья достигли башни колдуна. Примечательно, что вокруг этого строения все было выжжено в радиусе метров двадцати, поблизости не было зверей, стоял острый запах гари.
- Вот таким образом Ленор использовал свою силу – выжег все вокруг, сделал барьер из огня от непрошеных гостей, - сказал Мирослав.
- Но я не вижу никакого барьера, лишь выжженную землю, - Мирон вопросительно посмотрел на Учителя.
- Этот барьер не виден невооруженным глазом, нужно в себе иметь знания о стихии огня, чтобы увидеть его. Держитесь за меня, и огонь вас не тронет.
Спутники взялись за руки Мирослава по два человека на каждую руку, и таким образом продолжили движение к башне. Хоть во вне ничего не происходило, каждый ощутил на себе жгучий жар, будто находишься рядом с открытым пламенем.
Перейдя «огненную пустыню», друзья оказались у двери, она оказалась не заперта, путники вошли в башню. Внутри вырисовывалась довольно мрачная картина: запах гари дополняла копоть, предельно мало вещей из дерева, какие-то котлы и, как ни странно, кузница.
- Я ждал вас, мастер сказал, что наши ряды поубавились, потому как двое предателей поддались на речи заблудшего проповедника, - из темноты донесся голос, вскоре стали видны очертания Ленора, сидевшего в кресле, - правда, я полагал, что проповедник будет помоложе и не возьмет с собой громилу и, видимо, писаря, - упражнялся в сарказме чародей, - Что ж, и мне допустимо ошибаться. Но, перед тем, как я испепелю всех вас, скажите, как вам удалось пройти к башне и не сгореть? Полагаю, это Дерок со своей водой постарался?
- Твоя ловушка пала перед Силой Гармонии, огнем можно не только повелевать, с ним можно слиться в гармонии, как с частью Вселенной, и тогда он не причинит вреда, потому что часть природы твоей Души – есть огонь, - начал Мирослав, - Вот сейчас ты стараешься незаметно поджечь мои волосы и недоумеваешь, от чего замысел не работает. Все потому же – Гармония.
- Ладно, пару фокусов ты выучил хорошо, - перебил его Ленор, - Но почему я вообще должен разговаривать с тобой? Дай своему наставнику слово сказать, - чародей кивнул на Григория, - Не желаю говорить с разменной монетой, облаченной в груду мышц.
- Коль не желаешь говорить, так значит стой и слушай молча, - тихо, но властно сказал Учитель, - Мы пришли сюда не фокусы показывать, не забавлять тебя отгадыванием возрастов и ролей, мы освобождаем деревню от влияния некроманта, а раз ты – его

орудие, то и от твоего влияния. Очевидно, он подал тебе некоторые знания о стихии огня, но не объяснил даже простейших принципов этикета и безопасности, потому сейчас твое тело высушено, словно один скелет обтянут кожей. Ингред знал твою неуемную страсть к огню и власти, потому дал тебе иллюзию власти и крохотные знания стихии. Будто обезумев, ты жег все, что только мог поджечь, устраивал пожары, тебе не было дело до людей в их домах, тебя волновала лишь собственная власть и сила. Поступая таким образом, ты загубил множество жизней и окончательно разрушил гармонию своего тела. Человек – не только огненное существо, и если же кто-либо решает отбросить все вокруг, все внутри, оставив лишь один огонь, то вскоре сгорит и сам. Ты сам нередко размышлял, от чего в теле произошла такая перемена – и вот ответ, но ведь ты знал его и сам, но власть, иллюзия всесилия пленяет тебя больше, чем собственное тело, жизнь в Гармонии, Любовь, чем Жизнь Сама. Огонь не плох и не хорош, он просто есть, в Душе у каждого немного, но если вдруг захочешь ты, ничуть с Природой не считаясь, в глубинах сердца пьедестал поставить, на нем огонь и ты в огне, то знай, придется потеснить все остальное. Ты был ученый – стал фанат, ты был мудрец – а стал безумец, ты был красив – а нынче сух, тому виной один мотив – иллюзия всевластья. Что скажешь ты теперь?
- Скажу… Гипнотизер ты несчастный. Каждый смел, когда впятером на одного наваливаются. Вы, скорее всего, соединили силы, чтобы сковать мои действия. Ты ловко говоришь, да только вот не знаю, как ложь не отсушила твой язык. Власть – не иллюзия, власть – это сила. А ты – завидуешь, - чародей постарался сделать надменный вид, - а зависть – это ведь порок, но если ты захочешь стать учеником, услужишь мне, как подобает, тогда, быть может, научу тебя я нескольким приемам.
- Верно, для тебя власть – не иллюзия, а смертельная болезнь. Ты предлагаешь мне учебу, чему же можешь научить? Ты скован, немощен, на грани смерти твое тело. И если так, то ценен ты, лишь как мировоззренье, как сил душевных единенье, как уникальное явленье, которыми пестрит весь мир. Я Рад, что говорю с тобой и постигаю то, как может в человеке быть столь интересное собранье мыслей, его сознанье, мотивы действий. Но, я помню, недавно ты желал испепелить всех нас, а нынче вдруг ты подобрел, учебой манишь, в чем же дело?
- Потому что вижу в тебе талант, а талантливый ученик – настоящая находка. Научить я могу тебя многому, просто ты, по молодости своей, не видишь этого во мне. Спроси лучше у своего Учителя, он знает, он скажет.
- Учитель мой всегда со мной, но здесь Его совет не нужен. Ты сам ослеп и возраст меришь лишь сединой, морщинами и горбом, а возраст – есть кое-что иное. Скажи, ведь ты уже заметил, как бодрость появляется в тебе, как свежестью омылось сердце, ты чувствуешь Души полет, высокий смех сознанья, рассвет в глазах твоих назрел, скажи, ведь ты…
- Я – человек! – выкрикнул Ленор, схватился за грудь, словно боялся, что сердце выпрыгнет, - заплакал бы, да влаги слез в глазах не стало, давно уж соки все из тела вышли прочь, увидел я, от слов твоих увидел, как ошибался весь этот месяц удалой. Друзья, простите мне обиды, простите все, что натворил, людей прощенья я уж не увижу, людей, что поглотил пожар, но больше всех, хочу просить у друга, что устоял, не сдался колдуну, за что был схвачен, в миг обезображен и брошен в землю под плитой.
Чародеи обняли давнего друга, успокаивая его страдания, заверяя, что все уже давно ему простили.
- Тонамир жив, извлечен из плена земли и теперь восстанавливает силы в безопасном месте, - пояснил Мирослав, - Но это еще не конец нашего дела, нам еще предстоит отправиться к Фармиту. Если позволишь, мы остановимся у тебя на ночь, а утром выйдем в путь, если желаешь – можешь пойти с нами.
До ночи проговорили друзья друг с другом, о многом поведали Ленору, который, необъяснимым усилием укротил страсть к огню и власти, и тут же начал поправляться. На утро, составом уже в шесть человек, путешественники отправились к Фармиту. Дорога

заняла бы около половины дня, если бы не сильный ветер, разбушевавшийся так неожиданно. Путники прекрасно понимали причину этого ветра, но не понимали, почему вокруг их шествия ветер стихал, словно натыкался на невидимую стену. Мирон посмотрел на Учителя, увидел его сосредоточение и этот вопрос нашел свой ответ. Через некоторое время ветер утих, Мирослав вновь стал весел, с лица пропала былая сосредоточенность.
- Спасибо, - тихо сказал Мирон, подойдя к Учителю, - Уверен, это ты не допустил ураган к нам, - Мирослав улыбнулся, - Насколько я понял, Ингред действительно могущественный волшебник, но от чего он не созовет оставшихся чародеев к себе, чтобы вместе с ними противостоять нам.
- Потому что за месяц он не успел окончательно потопить их сердца в ледяной пучине тьмы. А призывать к себе столь ненадежных помощников – большой риск. В его случае гораздо проще воевать одному, даже если мы придем к нему со всеми чародеями. Так он будет четко знать, кто есть враг. Если бы он призвал чародеев к себе, то, раскрыв сердце для Любви одному, мы бы смогли влиять на всех, как на элементы одной системы.
Спустя несколько часов друзья достигли цели, без труда открыли дверь, вошли внутрь и обнаружили ничего не подозревавшего Фармита за чтением книги в кресле. Удивление чародея длилось недолго, через мгновение он захлопнул книгу, встал с кресла, довольно странно расставил руки, словно собирался бороться.
- Итак, уже три моих друга стали предателями, что ж, это ваш выбор, но почему? Скажите, почему?
- Мы предали друг друга не сегодня и не вчера, мы совершили это, когда попали под влияние некроманта, когда превратили Тонамира в полуживое существо, - начал Дерок, - ты видишь на нас одежды прежних ярких цветов, какими они были все время, до прихода Ингреда, а после стали черными, как твои. Ты ведь больше всех любил общество Тонамира, твоей легкой природе были гармоничны его речи о Любви, Радости, Духе… Неужели тебе его не жаль?
Целая буря пронеслась по лицу чародея, отражая, как в воде, все его чувства, наконец, в лице застыла боль, он повернулся боком, опустил руки, тихо сказал:
- Замолчи. Знал бы ты, сколько мне стоило пережить этот день, я все бы отдал, чтобы вернуть Тонамира. Сейчас бы устремился к его могиле и откопал бы голыми руками, если бы не воля проклятого некроманта. Он силен, но он не знает моей природы – я быстро подхватываю новые идеи, но столь же быстро их теряю. Меня больше не манят его идеи, а вот слова друга звучат во мне колоколом каждый день. И вот, вы передо мной, в красочных одеждах, с великаном, старцем и мужиком, пришли о чем-то просить, стыдите меня Тонамиром, а сами что вы сделали для него?
- К сожалению, друг, мы ничего не сделали, чтобы облегчить его участь, но вот эти три человека сделали – они высвободили его из под земли, отвели в безопасное место, вернули человеческий вид.
- Разве я могу им верить, я вижу их впервые, как и некроманта тогда.
- Вера – понятие интересное, - начал Мирослав, - Некоторые люди под верой понимают конгломерат логических выводов, опираясь на которые можно, с большей степенью вероятность утверждать какой-либо факт. Другие под верой понимают какие-либо внутренние ощущения, не удостаивая их сколь-нибудь мизерному анализу. Первое часто встречается в ученой среде, второе – в религиозно-фанатичной. Но ни то, ни другое и близко не подходит к истинной Вере. Вера – это прежде всего знания, в которых не может быть сомнений, а сомнения полностью исчезают лишь тогда, когда существо входит в полосу чистой Гармонии, когда его логика гармонично сочетается с творчеством, Душа с телом, совесть с жизнью, стихии друг с другом. В данном случае у тебя нет логической картины с обоснованиями, в тебе нет слепого ощущения непонятных явлений, но в тебе есть искра именно той Веры, о которой я только что сказал. Ты чувствуешь, что друзья сказали тебе правду, что Тонамир в безопасности, что мы пришли помочь, ты чувствуешь, что дышать стало легче, что ноги вновь налились силой и тебе хочется пробежаться по

лесу, как ты это делал раньше, даже сейчас, ты смотришь на меня, а сам вспоминаешь отца и просишь его совета, потому что сердце твое уже сделало выбор, осталось лишь сказать его словами.
- Все верно…
Чародей застыл на мгновение, свечение его энергии немного потемнело, потом еще немного, и вдруг – словно взрыв света – в его груди загорелся огонь. Мужчина подпрыгнул, будто проверяя старую привычку озорных ног, легко, как весенний ветер, посмотрел на друзей, и крикнул:
- Он ушел! Я свободен!»
Леонид окончил рассказ на сегодня, мы отправились отдыхать от трудового дня. Этой ночью мне приснился некромант, но не как темный повелитель смерти, как обычный рыбак, глава семейства, немного тощий, единственное, что осталось в нем от былой жизни – прожигающие глаза. Он стоял в лодке и мирно вытаскивал сеть, а я как бы висел в воздухе рядом и наблюдал. Мысли этого рыбака крутились вокруг двух вещей: рыбы и смерти, и если с рыбой было все понятно, то вот собственные мысли о смерти пугали рыбака, он не помнил их источника, потому в глубине Души считал себя большим философом, от природы одаренным богатым языком и умелыми рассуждениями о жизни и смерти. Затем я увидел его в доме: самый обычный дом-лачуга бедного рыбака, жена, двое ребятишек. По изрезанным сетью рукам, изможденному лицу и сгорбленной спине я понял, что этому человеку тяжело достается хлеб, что он с утра до ночи трудится, но, что удивительно, в нем нет бунта против своей бедноты и труда, как это часто бывает среди подобных людей, напротив, что-то внутри подсказывает ему, что это – его спасенье, его самая лучшая участь на данный момент. Время высшего озарения этого существа наступали во время молитвы Богу, он не соблюдал положенных обрядов местной религии, он молился Богу так, как подсказывало ему сердце, так, как он однажды заложил туда, и теперь эта молитва выносит его Дух в Миры Света…
И в самом деле, первое, что я увидел, проснувшись – свет, пора было вставать, завтракать и трудиться. Князь сказал, что это наш последний день на стройке, и с завтрашнего дня мы «заступаем на службу» к Тимуру, чему мы были весьма рады. День мелькнул незаметно, крыша близилась к завершению, трудовой коллектив нас оценил как незаменимых сотрудников и не желал отпускать, но, доверяя слову Радомира, знал, что нам найдется занятие не меньшей важности.
Прибыв к дому Теодора, мы встретили Тимура у калитки, сообщили ему, что завтра мы полным мужским составом вливаемся в его замечательную компанию «мастеров древесного дела», а Настя будет проводить время с Дарьей, чему мужчина был крайне рад – наша тройка утонула в его объятьях. Сияя не хуже Солнца, Тимур попрощался с нами и отправился домой.
Мы вошли во двор, Теодор уже сидел на привычном месте и ожидал нас, едва его глаза коснулись нас – на хмуром лице показалась улыбка, это была первая дружеская улыбка, которую я видел на этом лице, так улыбаются люди именно тогда, когда видят дорогого друга. Ответив ему потоком благодарности, приветливой улыбкой и открытым сердцем, мы устроились рядом. Вскоре рассказ оккультиста продолжился.
- Довольно больших высот орден добился в научном обосновании малодушия – это наша великая победа. Если раньше было так, что вино и табак – губят человека, то теперь мы внедряем идею, что в малых дозах это даже полезно. Понимаю кощунственность мысли, но вы оцените размах творчества! – мужчина все еще не мог укрепить в сознании, что он теперь не часть ордена, что это более не его победа, мы это понимали, думаю, понимал и он, но привычка была сильнее, - В «малых дозах» и «полезен» - убийственная комбинация. На любые наркотики большинство людей садят именно так – «чуть-чуть» и «для пользы». Нет никаких «чуть-чуть», нет никакой «пользы» - один вред и одурманивание сознания. Любой наркотик убивает творчество в человеке, потому как творчество ведет к Богу, но чтобы творчество шевельнулось в тебе, нужно иметь чистое

светлое сознание, иначе ты не творец, ты фокусник, жалкий шарлатан, воспевающий не Божественное в тленном, а наоборот, пытаешься просунуть тленность в Божество. Потому покажу вам так – прежде чем увлекаться творчеством того или иного человека, кто бы он ни был, как бы про него не говорили, вначале посмотрите на него, узнайте его отношение к табаку, выпивке, другим наркотикам. Наркоман никогда не выведет вас в соприкосновение с Божественным, никакие новые грани Духа вы не вскроете, максимум, что вам может стать доступно – высокий полет мысли, а чаще всего – буйный вихрь эмоций, внешний блеск и пустота внутри. Эта весть о «малых» и «полезных» дозах нашла столь широкий отклик у населения потому, что люди редко бывают в ладах с совестью, а наркотики заглушают голос совести, учитывая это мы и всунули людям убеждение умещающееся в словах «выпить с горя». Ведь горе у человека не может быть из-за материального мира, просто не может такого быть. Горе наступает тогда, когда человек теряет то, к чему привязан, он теряет привычный канал, по которому текли его мысли. Вот, например, было у двух разных людей по монете, допустим, нашли они по монете в одно и то же время, один ее тут же сменял на еду и насытился, а второй решил «это монета удачи! Положу-ка я ее в кошель да буду всюду с собой носить, чтобы удача была». И что вы думаете, если украсть у него эту монету, он расстроится? Еще как! Ведь он сам привязался к ней. Это совершенно примитивный пример, но механизм тот же самый и для больших особняков, и для владения людьми, для власти всех калибров, для любых грубых и более тонких вещей. Горе наступает лишь когда у человека отнимают привязки, привычный ход его мыслей, что в свою очередь свидетельствует о закостенелом сознании. Вы только людям так не говорите – вас никто не поймет, ведь если у богатого отнять дом и поставить в условия обычного рабочего – он горюет, а если нищего поставить на позицию обычного рабочего – он ликует, и никто из них не ведает, от чего такие чувства рождаются в сердце. Я хорошо это прочувствовал, потому как потерял все, что у меня было, а было у меня немало, ой как немало, хотя мне хотелось все больше и больше. А когда человека постигает горе, когда отнимается привязка, в человеке высвобождается мыслительная энергия, она может поднять совесть, может начать философские мысли, в конечном счете может сделать человека гораздо сильнее и лучше, гораздо богаче Душой. Так оно и должно происходить в жизни, для этого Жизнь и задумала такие меры, как лишение привязок. И вот тут на сцене появляется наше убеждение «выпить с горя», и человек пьет, глушит совесть, убивает всякие движения Души к Свету, и все – раб готов. Притом, в чем злая гениальность ситуации, человек становится рабом не собственной страсти, а навязанной ему общественным убеждением. Заглушив совесть, человек глушит в себе и возможность общаться в Божественных сферах, при этом он может обладать острым умом, сильными чувствами, прекрасным телом, и огромным талантом по меркам людей. Мало того, что мы лишили людей сознательности через наркотики, мы заставили их травить самих себя за их же деньги, ведь мы не отдаем им это одурманивание, мы продаем им наркотики, притом за большую цену, и люди готовы платить, и люди платят. Кроме того, наркотиками можно убивать целые страны, народы, прикрывая это «малой дозой» и «для пользы». Когда же человек окончательно стал зависим, наши ученые говорят – это болезнь, ее надо лечить, изучать, познавать… Делать все что угодно, только не убирать наркотики с рынка. Разумеется, ученые, сердце которых истинно борется за благо народа, выкладывали реальные данные по табаку, алкоголю и прочей наркотической отраве, да только кто их слушал? Кому надо встречаться с собственной совестью, когда можно стакан в горло влить, дым пустить и жить как жил.

Мы поблагодарили Теодора за интересный рассказ, попрощались и удалились. Надо сказать, я был поражен размахом деятельности ордена, интересы этой организации охватывали весь мир, и лишь часть, мизерную часть войны против ордена я видел. Процессы, которые раньше мне казались неконтролируемым, теперь приобрели окрас сознательных, кем-то умело направленных, спланированных. Так же меня поражало, с какой простотой об этом всем рассказывает Теодор, словно это – самое простое и рядовое

дело. Пусть он и оккультист, пусть убийца и ловец людских жизней, но он еще и умнейший человек, за что его нельзя было не уважать.
Вскоре мы пришли в дом, устроились вокруг Леонида, приготовились слушать продолжение сказки:
«И в самом деле, влияние Ингреда ушло из него. Этот вечер был, пожалуй, самым веселым и шутливым из всех предыдущих четырех вечеров у чародеев. На утро, по пути к Вассияну, Фармит прыгал по лесу не хуже, чем раньше, хотя прыжками это сложно назвать – он будто парил в воздухе, лишь едва отталкиваясь от корней, стволов и веток. Очевидно, до прихода некроманта, Фармит был самым веселым из чародеев и нередко развлекал их акробатическими трюками.
Ближе к обеду путники прибыли к пятой башне, на пороге их уже встречал чародей, всячески демонстрируя свое уважение и радость, но ощущение от него оставалось как от ядовитой змеи.
- Добрый день, дорогие гости, а я вас как раз жду, прошу, пожалуйте к столу, у меня уже все готово: и еда и питье и все, что пожелаете, угощайтесь.
Друзья вошли в башню, но за стол садиться не стали и к еде не притронулись.
- От чего же вы отказываетесь? Неужто, с дороги не охота отдохнуть?
- От того мы не принимаем эти угощения, Вассиян – обратился Мирослав, - что ты в них добавил не самые лучшие ингредиенты: как, например, яд. Вон в той корзинке, что в углу стоит, лежат две ядовитые змеи, их яд был использован, колба для сбора яда хранится в шкафчике над ними. Приказ отравить нас ты получил от Ингреда за два дня до нашего прихода, но не успел убрать все улики, указывающие на этот дерзкий замысел. Твое лицо покрылось потом, ты побледнел, а теперь ты красен – ты выдал себя сам. Теперь скажи, зачем решил нас отравить? И как ты мог решиться травить не только нас – людей тебе мало знакомых – но даже ближайших из друзей?
- Ты проницателен, а потому скажи мне сам, как мог я отказаться? Сказал бы некроманту «нет» - и тут же получил удар, скорей всего смертельный. Друзьями быть они мне перестали, когда увидел я всю суть их Душ, мне Ингред все раскрыл. Они завидовали мне, что избран я для проповедей среди людей, а не они. И зависть эта так пленила их, что даже в гости мы более не ходим друг ко другу. И разве это дружба? Ну, нет, пусть лучше будут ядом умерщвлены «друзья» такие, пусть будем мы вдвоем с наставником моим, вдвоем познаем тайны Мирозданья.
- И много ль ты познал за это время? Похоронил Тонамира, убедил людей строить гадкий храм для жертв и крови, ввел деревню в состояние страха и повиновения. Твой центр тела, которым ты не так давно мог многое свершить, теперь наполнен теплым ядом, черной мутью зла и слез. Твой мастер подсказал тебе, что будто это хорошо – сигнал развития, уплотнения энергии, увеличения силы. Но где же сила? Не можешь ты сейчас того, что мог еще дней шестьдесят назад легко. И сам ты замечал все это, и тихо злился на Ингреда, не ведая, что злостью этой связал ты сам себе ошейник, которым нынче душит он тебя, едва ты слово скажешь поперек. Познал ты много: страх, бесстыдство, убийство, ложь, паденье, предательство… всего нам и не счесть. Но мы здесь совсем не для того, чтобы судить тебя, ты сам все знаешь про себя, мы здесь затем, чтобы помочь, сорвать с тебя ошейник злой, - мужчина как бы подался вперед, но что-то невидимое, и в то же время сильное, сдавило его шею, - Вот видишь, и сейчас, хотел ты сделать шаг, а он не дал. И после этой сцены ты продолжаешь верить, что он разделит на двоих те тайны Мирозданья, которые вы открывать хотели? Он будет управлять тобой, как управляют куклами в театре. Твой выбор?
Чародей схватился за шею, было видно, как напрягается его лицо, все тело, наконец, он пересилил ошейник и сказал:
- Согласен, только убери его!
Мирослав направил руку в область шеи мужчины и через мгновение боль отпустила Вассияна. Чародей жадно глотал воздух, но в этих глотках была не только жадность, что

бывает после удушения, а еще и та жадность, что бывает после долгого нахождения в зловонном месте, когда ты привык и не замечаешь вони и тяжести воздуха, но тут же понимаешь где ты жил, едва глотнешь свежего воздуха.
- Вассиян, слушай меня очень внимательно, если хочешь сохранить жизнь – иди с нами, к вечеру мы прибываем в одну замечательную деревню, там вы встречаетесь с Тонамиром. Если ты останешься, то слуги некроманта настигнут тебя, едва наступит ночь. Он уже знает о твоем провале и весьма разгневан этим. Если ты решил идти – одевай свой прежний наряд, возьми самое необходимое и в путь.
Судя по скорости, с которой собирался чародей, можно было понять, что слуг некроманта он боится очень сильно. По пути в деревню друзья много говорили с чародеем, поначалу пытающимся изворачиваться, цепляться к словам и заниматься прочими мелкими пакостями, но через час присмиревшим. Чем больше он находился в обществе друзей и новых знакомых, тем большая уверенность пробуждалась в нем, к концу пути он даже выразил убеждение, что Ингред не имеет ни единого шанса на победу.
Прибыв в деревню, чародеи, первым делом, начали искать Тонамира, Григорий же первым делом отправился к Никодиму справляться о делах в деревне. Мирослав позвал чародеев, позвал Мирона и вместе они отправились на холм для тренировок, там и нашли Тонамира, провожающего закат Солнца.
- Подождите немного, - сказал Учитель, - когда Солнце сядет, а его лучи будут выглядывать из-за горизонта, ваш друг откроет глаза, повернется к нам, и вот тогда вы устроите ему сюрприз.
Чародеи послушались слова Мирослава, очевидно, больше всех не терпелось Фармиту, он то и дело переминался с ноги на ногу, заглядывал в глаза к друзьям, словно выглядывая там такой же запал Радости, что бушевала в нем.
Наконец, Солнце село, Тонамир повернулся и… первым, что он увидел, как на него летит Фармит, опешивший чародей машинально поймал друга, не сразу сообразив суть происходящего, вскоре он был окружен друзьями, и, в прямом смысле слова, заключен в объятия.
Друзья наперебой спешили высказать ему свои самые теплые чувства, попросить прощенья, о чем-то рассказать…
- Дадим им время попраздновать воссоединение, - сказал Учитель, предлагая Мирону прогуляться, - ведь они так давно не общались по-человечески.
- Давно – ты имеешь ввиду месяц?
- О нет, много раньше. Они ведь «чародеи», потому напустили на себя выдуманную важность, придумали что можно, а чего нельзя говорить «чародеям», сковали себя тысячей мелких условностей, переросших в одну большую условную комедию, мешающую истинным чувствам Души литься просто, весело и светло. В народе магами и чародеями считают тех людей, что чувствуют тоньше, чем большинство, эти качества колдунов запечатлены в памяти народов как «ясновидение», «телекинез», «путешествия вне тела» и многое, многое другое. На деле же этого могут достичь все, и в этом нет никакой «магии». Истинное же «чудо», - Мирослав улыбнулся, - совершается в человеке, когда его самые простые и светлые порывы Души текут ровной спокойной рекой, со временем преобразуясь в поток Света. Ты видел, какими силами обладали эти чародеи, ты еще увидишь, сколь силен Ингред, и при всем их могуществе, они не были счастливы, потому что, поставив во главу угла личное, индивидуальное могущество себя, как отдельного от всего остального мира существа, они пошли против собственной природы, против Божественности. Люди, пусть даже обладающие огромной силой и выдающимися способностями, если только им надо что-то «еще» для счастья, еще одна способность, еще один дом, еще один золотой перстень, еще, еще, еще… будь уверен, они не знают Счастья, они знают лишь мимолетные мгновения ослабления собственных страстей. По большому счету не важно, какой «фокус» ты можешь выкинуть перед публикой или наедине, важно как твое сердце умеет единить людей в Любви и Радости, если ты приходишь в общество,

и лица людей мрачнеют, знай – ты ни кто иной, как их мучитель, и пусть даже ты умеешь взлетать к Солнцу и обратно, сдвигать горы и ходить по воде, ты не умеешь главного – Жить. А Жизнь – это прежде всего движение, постоянный поток Душ, соединенных между собой всем Светлым, что в них есть. Жизнь без единения немыслима. И это очень важный момент – едва кто-либо, какая-нибудь группа людей, возводит себя в ранг особенных, не важно, ставят они себя выше или ниже остального мира – все, отсоединение свершилось, они выключились из потока Жизни. Посмотри теперь на наших чародеев, где их напыщенность? Где «правильные манеры чародеев»? Их нет, есть люди, чистые, прямые потоки Душевной теплоты – это и есть истинная «магия», - Мирослав вновь улыбнулся, на этот раз слову «магия».
Прогуляв до полуночи с Мироном, Мирослав подошел к компании старых друзей, устроившихся кругом и травивших разные байки прошлого.
- Друзья, как бы мне не хотелось прерывать ваших бесед, но в эту ночь вам следует выспаться, потому что завтра для каждого будет тяжелый день.
Чародеи тут же смолкли, почти хором сказали «да, Учитель» и стали собираться.
- Если ваши сердца назвали меня Учителем – пусть будет так. Но относитесь ко мне, как к равному, как к человеку.
В деревне чародеев встретил Григорий, распределив каждого в отдельный дом. Мирослав с Мироном же отправились в уже облюбованные места ночлега.
Проснувшись рано утром, Мирослав поднял Мирона, сказал Григорию несколько фраз касательно его предстоящей отлучки и того, что следует сделать Никодиму, чтобы избежать неприятных нашествий полуживых существ. Затем собрал чародеев, велел им снарядится в дорогу, сам прихватил несколько вещей и вскоре дружная компания из девяти человек двинулась в путь. Вышло так, что башня Тонамира находится как раз между деревней Григория и деревней Мирона, может быть именно влияние полей деревни Григория сделали Тонамира тем, кем он стал – исследователем человеческих сердец. Путь занимал чуть меньше чем полдня, но что это был за путь… Мирон, Мирослав и Григорий шли легко, словно ничего вокруг и не происходило, зато чародеи, каждый на свой лад, страдали от эманаций некроманта, их нервы еще не успели забыть тот ужас, который напустил на них Ингред, потому сейчас они так тяжело воспринимали его энергию. Каждый из них вспоминал что-то свое, проступки, слабость перед некромантом, боль, былые дни, страдания людей в деревне…
- Друзья, о печальном ли сейчас думать вам? Вспоминать ли боль да ошибки? Ободритесь, с такими кислыми минами мы едва ли одолеем некроманта. Откровенно говоря, ему только того и надо, чтобы вы погрузились поглубже в отрицательные воспоминания, в темные мысли, в боль и страх. Ободритесь! Разве не прекрасна природа вокруг? Разве вы не вместе, как и раньше? Вспомните лучше, как вы Радовались вчера, именно такими Радостными вам следует идти на битву сегодня. Что было – то минуло, что будет – вы не ведаете, но у вас всегда есть настоящее, и это настоящее – ваша Вечность. Так сделайте же эту Вечность Радостной, каждое мгновение, что вы провели в печали – вы украли у Жизни, каждый миг, что вы Радовались – вы подарили всей Вселенной. Держитесь поближе к нам, и вам тут же станет легко.
Чародеи подошли поближе, Фармит отпустил первую шутку, остальные поддержали, завязалась веселая беседа, и вскоре от их печали не осталось и следа. Вот так, с шутками, весельем и новыми силами подошли друзья к башне Тонамира, где сейчас находился некромант.
Дверь была заперта, на зов никто не откликался.
- Быть может я влезу в окно? Меня только надо будет подсадить, - предложил Фармит.
- Впустить такой ураган в жилище Тонамира? И кто потом ответит за битую посуду? – отшутился Мирослав, - Тем более, там могут быть некоторые существа, которым все равно в кого вонзить клыки – в человека или в животное. Отойдите немного от двери, сейчас будет маленький фокус.

Друзья разошлись, Мирослав прицелился, немного отошел от двери, затем в один миг ударил по двери ногой с разбега. Дверь захрустела, что-то за ней повалилось на пол, очевидно, дверь была подперта.
- Вот, теперь можно заходить, Тонамир, ты уж прости за дверь, она теперь требует ремонта.
- Не стоит забот, все равно, после выдворения некроманта, я собирался повыкидывать большую часть вещей.
Учитель вошел первым и тут же раздался его строгий голос-гром:
- Стой на месте!
Друзья были настолько не готовы к столь резкой перемене, что даже присели от такой фразы, и в таком сгорбленном состоянии вошли внутрь. Едва глаза попривыкли к полутьме, чародеи различили очертания полуживых существ, источавших невыносимое зловоние. Вид этих существ напоминал человеческий, но был столь ужасен, что у впечатлительного Дерока закружилась голова. Мало того, что эти существа давно потеряли нормальный цвет кожи, глаз, волос и всего остального, мало того, что их тела разлагались в тех или иных местах, их тела свидетельствовали о том, что некромант ставил над ними бесчеловечные эксперименты.
- Друзья, самое время вам отыскать в своих походных сумках флакончик, похожий на воду с медом, он и пахнет медом, отыщите и выпейте.
Чародеи начали искать флаконы, Григорию и Мирону Мирослав сказал повременить с этим средством. В самые короткие сроки жидкость была выпита всеми чародеями.
- А теперь коснитесь меня и не отпускайте, что бы не происходило.
Когда и это было выполнено, Учитель вспыхнул ярчайшим Светом, Мирону и Григорию выпало счастье стоять впереди и держать его за ладони, потому они четко видели, как из прекрасного великана Учитель превращается в Богочеловека, сколько Мощи струится от его фигуры, сколько непобедимой Силы раскрыто в нем. Еще немного, и друзья не могли разглядеть фигуры Учителя, лишь чистый Свет. И этот Свет испускал лучи в каждого из полуживых, опрокидывая их на пол и прекращая их муки.
- Вот, теперь можно подниматься к самому некроманту, - сказал Мирослав, окончив страдания последнего полуживого, убавляя Свечение.
Оказалось, Ингред обосновался на самом верхнем этаже башни, потому восхождение несколько затянулось. Подходя к заветной двери, Мирослав предупредил спутников:
- Что бы ни случилось, не отходите от меня, даже если вам будет казаться, что это убережет вас от неминуемой гибели.
Друзья молча кивнули, ощущая каждым своим нервом опасность ситуации, подошли поближе к великану и таким образом пошли в убежище некроманта. Ингред ожидал гостей, нисколько не пытался бежать, в руках у него были посох и какой-то камень, он стоял лицом к двери и, когда недруги, наконец-то, вошли в комнату, сказал:
- Что ж, вот мы и свиделись снова, мои «верные» ученики. Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что люди годны лишь на материал для опытов, сколь-нибудь приличных друзей или знакомых из них никогда не выходит. Когда я расправлюсь с вами, то тебя, Тонамир, я заточу так глубоко под землей, что даже сами мысли о Солнце не достигнут этих глубин. Ты, Мирон – заблудший охотник, тебе бы следовало сгореть вместе с семьей, тогда ты бы не попал в деревню к этому старику и сюда не смог бы войти ты – Деро. О, да, я слышал о тебе, много слышал. Ты – безумный маг, надо признать, величайший из себе подобных, чего ты добиваешься? Мечтаешь о царстве Добра и Света? Желаешь поднять людей с колен невежества к Мудрости Вечности? Зачем ты загородил собой весь этот сброд, который бы не выдержал ни одной из моих атак?
Слова некромант говорил довольно простые и ожидаемые, но они, словно самый злой яд, медленно втягивались в сердца чародеев, пытались проникнуть в сердце Мирона, но натыкались на стену непоколебимой решительности.
- У тебя интересные понятия о дружбе и ученичестве, Ингред, - начал Мирослав, - Разве

ты учил этих людей сколь-нибудь полезным знаниям? Ты закрепощал их в страстях, скидывая, как крошки со стола, огрызки давно додуманных тобой мыслей, ты не давал им полной картины знания, не давал ключей к расширению сознания, ты планомерно превращал их в своих рабов. А раб не может быть другом, друг – это тот человек, с которым ты можешь поделиться сокровенными сокровищами сердца, раскрыть заветные мысли, хорошо поговорить, провести приятно время. Ты зря стараешься шевельнуть во мне иллюзию собственного величия – я знаю свое место во Вселенной, так же тщетны твои потуги пошатнуть мою уверенность в Доброте и Свете. Ты слышал обо мне лишь то, что говорят людские языки, мне же известна вся твоя жизнь. Известно, кем ты был до встречи со старым оккультистом, как это предательство изрезало тебе сердце, что случилось потом.

- Да что ты знаешь о предательстве? – зашипел Ингред, на миг потерявший спокойствие, но быстро совладавший с собой, - Уж не думаешь ли ты, что этими жалкими фокусами пробудишь во мне удивление, или, того интересней, совесть, стыд, раскаяние? Я ничуть не жалею, что отправил этого старика в мир смерти, из которого его черная Душа еще не скоро выберется. А ты… чудак, в самом деле, чудак, неужто ты веришь, что эти люди, - некромант показал вначале на чародеев, а затем в сторону деревни, - способны совершенствовать себя? Способны постигать глубокие мысли, развивать мировоззрение? Да они не способны даже на ежедневную пробежку, единственный двигатель их труда – желание поесть повкуснее да побольше. Или, может ты веришь, что они умеют анализировать информацию, отличать ложь от правды, слабохарактерность от такта, Любовь от страсти, героизм от безрассудства, черное от белого? Проснись, безумный маг, игра в Свет совершенно ослепила твой разум, столь прекрасно тренированный разум. Ты думаешь, будто я уничтожаю их? О, нет, я спасаю их от их же глупости, от их же заблуждений и самообмана, я показываю им, какие они внутри, но делаю это более натурально, чем кто бы то ни было. Если они лживы внутри, значит я дам им ложь вокруг, пусть вокруг себя увидят то, что носят в себе, если они агрессивны – они получат агрессию. Для этого я и напустил своих стражей на деревню, чтобы пугать жителей по ночам, чтобы они увидели, насколько «прекрасна» их агрессия, ничем не обузданная. Если бы в деревне нашелся хоть один отважный человек – он бы без труда разделался с этими ходячими куклами, и что? Был там хоть один отважный? Нет! Их прикончил ты, а не жители деревни! В этом вся суть человеческого существа – они всегда надеются, что большая Сила Света их спасет из зловонной ямы, а сами готовы сносить любые пинки под зад, лишь бы ничего не делать, лишь бы не бороться самим. И после этого ты веришь в всеобщее прозрение?

- Душа этого несчастного старика, в самом деле, выберется не скоро, но, знаешь что, он ждет тебя, с нетерпением, мечтает о мести. Люди способны постигать глубокие мысли, тому примером тебе Мирон, тому примером еще множество и множество людей. Вопрос не в том, верю ли я, вопрос в том, почему ты не позволяешь людям пройти все этапы их жизненного цикла на Земле? Или ты полагаешь, что любой человек сразу обязан появляться в этот мир идеальным ученым, постигшим все таланты и вскрывший все Силы Духа? Ты прекрасно знаешь, что как и почему происходит внутри человека. Ты судишь людей за близорукость, лень, агрессию... Но ведь этими же качествами, в такой же степени, обладал и ты когда-то. Ты помнишь то, о чем я говорю. Как бы не старался ты оправдать свои действия «ущербностью» людей, ты прекрасно знаешь мотивы своих действий, знаешь, что движет твоим сердцем. Ты знаешь, что позволять тебе и дальше творить беспредел я не стану, в итоге у тебя будет несложный выбор: или отправиться на свидание со своим первым учителем тьмы или заново начать дорогу к Свету.

- Не слишком ли большие слова для того, кто привел с собой стадо овец? – Ингред отставил руку с шаром чуть назад, сам повернулся боком, выставил посох вперед, вершину направил на Мирослава, - Это вы сейчас отправитесь в рабство, в мои руки. Чародеи не верили своим глазам, им казалось, что некромант превратился в огромного

дракона, готового изрыгнуть пламя, страх овладел некоторыми из них, когда же дракон начал дышать пламенем, Дерок и Вассиян отпрыгнули в стороны, чтобы спасти свои жизни, в следующее мгновение они изгибались на полу от боли. Мирослав сконцентрировался на одной мысли и вскоре в него словно вошла еще одна светящаяся фигура, необычайно высокая, источавшая невыразимую Силу, с волосами, лицом и одеждой сотканными из самых тонких лоскутков Света. Те, кто стоял рядом с Учителем, ощутили на себе жжение, словно сгорают как снаружи, так и изнутри, через мгновение они упали на пол, не в силах более стоять на ногах.
Камень разлетелся на куски в руках Ингреда, посох превратился в пепел, согнулся он под давлением неумолимого Огня.
- Вот тебе мое слово, - раздался голос, словно вся Мощь Мира влилась в него, - шагни в Свет и переродись, или же останься во тьме. Решай!
- Мне нечего решать, - раздался голос некроманта, на удивление мягкий, добрый, верно таким он был когда-то, до встречи с оккультистом, - я иду за Тобой… - это были последние слова Ингреда, сказав которые он расстался с телом.
Дивное виденье окончилось, Огонь ушел, друзья начали приходить в себя, Мирону и Григорию это удалось довольно скоро, чародеи же не имели возможности подняться с пола.
- Мирон, Григорий, теперь самое время использовать ваши флаконы с целебной водой, отыщите их, ваши емкости будут гораздо больше тех, что были у чародеев, разделите жидкость на всех шестерых, вам она не потребуется.
Напоив чародеев, друзья принялись приводить их в чувство, сложнее всего было с Дероком и Вассияном, этим двум до сих пор мерещился дракон и ангел, сражающийся с ним.
Остаток дня дружная компания наводила порядок в башне, придало праху тело Ингреда, составило план дальнейших действий. В самое ближайшее будущее планировалось посетить деревню, переговорить с жителями, постараться искупить те бедствия, что приняли люди от рук чародеев. Мирослав пробыл в тех краях еще два месяца, а затем ушел, взяв и Мирона в свои странствия…
Конец.»
Сказка кончилась, а ее персонажи все не покидали меня, перед глазами так и стоял великан Мирослав, по ощущениям в точности походивший на Гавриила. Про Григория и говорить нечего – ведь вот он, живет в этом же доме. То, что это он, я был уверен абсолютно, а вот Мирон так и остался для меня загадкой с родственным ощущением.
Мы разошлись по комнатам и вскоре весь дом спал.
Утром мы проснулись немного раньше обычного, позавтракали и отправились в дом к Тимуру. Друг проснулся совсем недавно, поэтому нам пришлось подождать. Он спешил как мог, еще больше его подстегивало то, что в самый первый день нашей совместной работы, он допустил такую оплошность. Несмотря на наши успокаивающие речи, он все старался делать быстро, единственное, что он делал размеренно и с высшей сосредоточенностью – общался с Дарьей.
В самые кратчайшие сроки он был одет, сыт легким завтраком и готов к труду, Настя осталась в доме Тимура, а мы двинулись к дому оккультиста. Теодор знал о нашем приближении, потому заранее приготовил инструмент и трудовые места. Мы весело поприветствовали друг друга и принялись за работу. Тимур являл колоссальный талант – он не только четко выполнял свою работу, но и успевал следить за всеми нами, вовремя указывая на ошибки и неточности. Мы, в свою очередь, были благодарны, что такой большой мастер работы по дереву вот так просто передает нам свои навыки. После обеда пошел дождь, мы с Кириллом искренне порадовались, что успели закончить крышу в школе, теперь же, чтобы не намокла работа, мы занесли мебель в просторный сарай рядом с домом Теодора. Тимур поспешил к жене, Настя вернулась в нашу компанию.
Устроившись на веранде дома с чашками чая в руках, мы продолжили общение с

оккультистом.
- Так же в планы ордена входило осуществление гениальнейшей из идей – введение банковской сети по всему миру.
- И что в этом столь гениального?
- Эх, Дима, далек ты от денег, следи за мыслью – банк предоставляет людям деньги в долг, люди совершают покупки, строят предприятия на эти деньги, а потом возвращают. Хитрость кроется в том, что за пользование деньгами банк требует определенный процент. Это очень важно. Мало того, что человек находится под постоянным гнетом долга, что заставляет его нервничать, частично или полностью лишает трезвости сознания, это еще и обесценивает деньги. Происходит это довольно просто: деньги любой страны должны быть обеспечены товарами, услугами, ресурсами и так далее, в общем, материальными ценностями. В идеальном виде количество денег тождественно количеству этих ценностей, не увеличивается и не уменьшается без соответствующего изменения богатства страны. А теперь смотри: допустим, ты построил предприятие не сумму Х, взятую в банке, но вернуть тебе надо не только Х денег, которые ты взял, которые потратил, но и У проценты, которые банк берет в качестве платы. Вот и получается, что Х обеспечен тем материальным предприятием, что ты построил, а вот У не обеспечен ничем. Что возникает? Возникает разница между реальным богатством страны и количеством денег в обращении. Почему? Да потому что ты отдал за предприятие на У денег больше, чем оно стоит, а где взять эти деньги? Правильно - напечатать. Казалось бы, и что с того, вот мы напечатали сумму денег, равную У, и снова все живут счастливо! Ан, нет! Представьте, что тысячи людей за один год взяли деньги в банке и вернули их затем с процентами. Представили? Значение У будет весьма значительным, и эту сумму должно напечатать правительство или тот орган, которому это поручено. Теперь, что же получается? Товар, или богатство, у нас равен величине Х, а вот деньги равны сумме У и Х, следовательно, чтобы деньги снова стали равны богатству, нужно увеличить цены на это самое богатство, то есть за большие деньги ты купишь тот же самый товар. А теперь представь, что ты копил деньги двадцать лет, мечтал купить себе дом, а тут вдруг на тебе – повышение цен, притом ежегодное, потому что банковская система, рано или поздно, втянет весь мир в свою сеть. Ты плюнул на все, взял в банке, сколько тебе недостает, купил дом и теперь ты счастлив, какое-то время. По своей сути природа процентных банков паразитическая, они не производят товар, банки лишь делают деньги из денег. Но главная хитрость в том, что рано или поздно люди погрязнут в долгах настолько, что будут покорно, сами работать на орден, как послушные рабы, их не нужно будет заставлять, направлять на них пушку, угрожать ножом, они будут думать, что сами взяли деньги в долг и теперь обязаны их вернуть, а этого никогда, по большому счету, не случится. Вернее случится, если рухнет вся банковская система. Таким образом, люди возвращают долг, обеспечивая ордену бесконечный приток денег.
- Но ведь найдутся люди, которые раскроют этот обман.
- А ты сам быстро его раскрыл? Скорее всего, ты даже не задумывался о том, как образовались банки, куда идут деньги и о десятках других вопросов, ты просто принял банки, как еще одно явление мира, само по себе образовавшееся. Вот исторически так сложилось, да?
- Да.
Вот именно, что случайно и само собой ничего не происходит, так может казаться лишь ослепленному разуму. Так и большинство людей – просто примут банки, как данность, как естественное развитие человечества. Более того, появятся ученые, изучающие банковскую сферу, доказывающие ее необходимость и несомненную пользу. Ведь им проще описать то, что они видят на поверхности, то, что им положили в головы. Разумеется, есть и те люди, что видят природу этого обмана, но, по сравнению с массой одурманенных ученых, защищающих банки, они будут в ничтожном меньшинстве. Этот проект практически беспроигрышный, потому что поощряет страсти людей, а страсти

всегда кричат «хочу еще! хочу сейчас!», вот человек и получает деньги сейчас, а возвращает потом с процентами. Так же это позволит оторвать людей от природы, от размышлений о Жизни, целиком погрузить их в зарабатывание денег, потому что цены растут, долг надо отдавать, вокруг все злые, почему я должен быть другим?
- Это бесчеловечно.
- Разумеется, зато прибыльно. Понимаете ли в чем дело, орден, по большому счету, управляет людьми через пороки, истинным спасительным пороком для ордена является лень – людям просто лень думать о чем-то, от чего не зависит напрямую их благополучие. Лень, конечно же, не единственный рычаг влияния, еще есть гордыня, с системой сертификатов-фантиков, «подтверждающих» достижения человека в той или иной области. Поразительное дело, люди, ради того, чтобы получить сертификат с надписью «ты лучше других» и подписью некоего авторитета, готовы на самые подлые вещи. Ведь в сути сертификат ничего не меняет, не добавляет и не убавляет знания Души, в нем не содержится полезной информации, он – просто красивый фантик, но он оказался так нужен людям. Внутри ордена существует мощная философская база, повествующая о том, что орден помогает людям увидеть их пороки, используя вот такие бесчеловечные методы. В этой философской базе столько умных слов, логических ответвлений, научных выкладок и прочей чепухи, что даже большой ум не сразу способен ухватить суть. Основная хитрость в том, что почти никто достоверно не знает, что было сперва: падение людей, или появление ордена, который помог людям упасть.
- Неужто, и эту хитрость никто не разгадал?
- Разгадали, но не многие. Тут ведь видите как, даже умного человека, даже, как это у вас принято называть, эзотерика можно запутать. Например, взять, да подменить ему в голове понятие Доброты понятием причинно-следственной справедливости – вот вам готово бессердечное существо, не способное элементарно с теплотой поздороваться. Такое существо будет выискивать причину и следствие людских пороков, осуждать, возвеличивать себя, и при этом считать себя Добрым. Или взять да заменить понятие лени понятием измененного состояния сознания, медитациями и прочей чепухой. Человек ведь не знает, что медитация – это огромный труд сознания, освоить который может лишь острый ум. А тут вдруг ты говоришь, что лежать час на кровати с расставленными руками – это медитация, и все, человек «медитирует», слово он модное знает теперь, а то, что он таким образом лень развивает – это он не догадывается, да ему и не надо, ведь он так сладко спит. Однако, должен сказать, нас – господ – учат именно медитациям, учат владеть сознанием, поэтому я хорошо знаю, о чем показываю. Но куда больше веселья приносит создание разных эзотерических течений и их стравливание друг с другом. Делается это так: разным группам людей дается разная лживая логическая модель, по которой человеку обещается просветление, развитие, все земные и неземные блага. Правдивая модель не дается никому, чтобы обезумевшая секта вдруг не начала думать самостоятельно. Занимаясь по этим лживым моделям, человек получает кое-какие результаты, у него обостряется чувствительность, он овладевает телекинезом, внетелесным опытом, прочими побрякушками, но чем он никогда не овладеет в этих моделях – это знанием Духа и Бога, никогда. Потому что ни одна логическая, тем более лживая, модель не может выразить суть Любви. В этом вопросе, надо признать, я – чистый теоретик, потому что сам не занимался постижением Любви. Итак, мы поделили людей на секты, теперь самое время столкнуть их между собой: одним мы говорим, что истина в астрале, другим – на небесах, третьим – в «медитациях», четвертым – в видениях после приема наркотиков и так далее. Все, дело сделано, теперь они будут открыто и скрыто между собой воевать. А пока секты заняты войной, у них нет времени опомниться. И так этот процесс становится цикличным. Разумеется, для простых зрителей мы меняем названия сект, меняем фантики, оставляя ту же суть процесса. Самый простейший принцип управления стадом слабомыслящих – «Разделяй и властвуй», вот это мы и делаем. Сейчас в мире огромная масса различных белых, серых, черных, темных, светлых,

праведных, ведущих, просветленных и так далее, а по сути все они – серая масса поголовья людей. Разделение на Светлых и темных пошло не от того, что кто-то стал считать себя тем или иным, а от того, что Душа у него была Светла или темна.
- Как же так? Неужели никто из ордена не испытывал Любви?
- Разумеется, испытывали. Только ваша Любовь отличается от нашей. Если коротко, то можно сказать так: Любовь Светлого существа – это стремление объять собой всю Вселенную, расширить себя до ее бесконечности, а любовь ордена – это присоединение чего бы то ни было к своим богатствам.
- Когда же орден насытится, наконец?
- Никогда, этот процесс бесконечен, покорив эту планету, орден устремит свои интересы в космическое пространство. Все просто: Светлое существо бесконечно развивает себя, а орден бесконечно порабощает, два бесконечных процесса, противоположных друг другу. Если бы не такие люди, как князья, мы бы давно уже владели всей планетой безраздельно, они же, как светящиеся утесы посреди черного океана, поднимают на свои плечи людей и уберегают их от бурь океана, закаляют людей, превращая в подобные себе утесы. Если бы только мне удалось одолеть князей, я бы уже занимал одно из высочайших положений в ордене… - мужчина на минуту замечтался, представляя, сколько почестей, богатства и славы он бы обрел в результате победы, - Но я не одолел. Школа жизни, что поделать. Кстати, о школах. Вы себе не представляете, что за хитрость мы придумали в системе образования! Мы подменили там основное понятие – развитие. Ведь образование, по идее, должно развивать человека, но если понятие развития подменить на заучивание, то на выходе мы получаем армию покорных рабов. Почему рабов? Потому что люди будут учить совершенно не нужные им тексты, потом пересказывать их учителю, потом забывать эти же тексты, учить новые и так далее на протяжении всего процесса обучения. Основное, что человек впитывает – обрывки информации о великих открытиях, сделанных когда-то, неизменный навык подчиняться воле учителя. Далее, если знать, где надавить, то во многих людях можно вызвать синдром ученика и управлять им так, как тебе нужно. Редки, истинно редки те случаи, когда человек сам желает учиться, тогда взять его на синдром ученика гораздо сложнее. Почему так происходит? Да потому что эти «учителя» не могут самого элементарного – заинтересовать учеников в получении знаний, более того, они сами не владеют знаниями, им доступна лишь мертвая теория, которую отвергает Душа еще живых детей, но давлением системы мы заставляем их заучивать несусветную дурь под видом великой истины. Вот, например, вам в школе говорили, что человек произошел от обезьяны? А кто из вас знает историю России до ее крещения? Или может вам преподавали закономерности социальных процессов? Даже литература разбавлена мнениями всевозможных критиков, и в итоге ученик общается не с мыслями автора, а пытается выработать в себе мнение, как у известного или полюбившегося учителю критика. Затем, образовательный процесс построен так, чтобы готовить узконаправленное мышление в человеческой голове. Подготовленный таким образом ученик не владеет методологической базой для самостоятельного постижения окружающего мира, для критического мышления, для вообще самостоятельного мышления, он приучается верить учебникам, книгам, авторитетам… Надо сказать, мы хорошо постарались, чтобы здравомыслящих людей не было, а если вдруг появятся, то их осмеет большинство, подверженное стадному рефлексу. Для меня до сих пор загадка, как князьям удается вырывать из ваших голов те капканы, что вы поймали через систему общественных институтов. Да, я по-прежнему отношусь к князьям, как к врагам, не то чтобы сознательно, это скорее привычка, притом очень сильная. Но, не смотря на нее, я безгранично уважаю их. Они слишком умны, чтобы не знать о мощи ордена, и все равно не сдаются, все равно ведут войну с орденом. Если вам когда-нибудь будет нужен пример высшей Отваги и Мужества – вспомните князей.
- Ты так показываешь, будто весь мир уже в руках ордена, неужели людей так уж просто подчинить своей воле?

- А что в этом сложного, вот смотрите… - и Теодор поведал нам о принципах, способах и приемах подчинения людей, - Как видите, ничего особенно сложного нет.
Надо сказать, я был поражен – настолько просто и доступно об этом говорил оккультист, что складывалось мнение, будто подчинить себе волю другого может и ребенок, если он вооружен такими знаниями. Теперь я хорошо осознал, отчего Теодор так высоко продвинулся в иерархии ордена, и еще раз по-новому понял необходимость самосовершенствования.
- Видимо, дождь прекращаться не собирается, - выпустил мысль я, глядя в глаза мужчине, он легко разгадал мой скрытый намек и ответил.
- Верно, работы сегодня уже не будет, но если вы никуда не спешите, то я бы с удовольствием еще пообщался с вами.
Общение с нами доставляло Теодору особое, новое удовольствие, в нем пробуждались чувства, которые сродни отцовским, он словно воспитывал нас, вкладывал свои знания, чтобы подготовить нас к жизни в большом мире. Разумеется, о чем-либо истинно Божественном он не знал, потому как не имел опыта в этом, но он прекрасно владел мыслью, знал механизмы ее функционирования как у отдельного человека, так и у масс людей, более того, в этом он имел огромный опыт, потому был невероятно интересным собеседником. Мы согласились погостить у него до вечера, ужин было решено провести в его же доме, поэтому мы переместились в кухню, приступили к приготовлению кушанья. Теодора мы отстранили от процесса приготовления пищи, пообещав ему сюрприз, если он не коснется ничего из еды, а просто покажет нам что-нибудь еще.
- Также важной частью работы ордена является внедрение всевозможных обрядов в жизнь людей. Например: погребение с последующими переживаниями, поминками и прочим, свечи на здоровье, алкогольная свадьба, всевозможные религиозные обряды, да много всего. Как это работает, покажу на примере свечи: вы покупаете свечу, мысленно проецируете на нее здоровье вашего близкого, потом ставите ее на специальное место и поджигаете. Что в этом случае горит? Свеча? Нет! Горит здоровье того человека, на которого вы сделали этот обряд. Мы сознательно дали крошки со стола знаний всяким деревенским бабкам-гадалкам и дедам-ведунам. Зачем? Очень просто – они, совершенно не сознавая что и зачем, творят беспредел в местном масштабе: наговаривают воду, подсыпают могильной земли на порог, проклинают, привораживают… И люди думают, что они и есть те самые темные маги, хотя до истинных господ им за всю жизнь не подняться. В городах же, где людей путает иллюзия многообразия и богатого выбора, молодые колдуньи и колдуны промышляют довольно примитивным способом управления людьми противоположного пола. Суть метода заключается вот в чем - в человека засаживается две основных программы: что он лучше тебя никого не найдет, и кого бы он не нашел, его обязательно что-то будет катастрофически не устраивать. В итоге, человек не живет с тобой, потому что ты его сам отбрасываешь, он, разумеется, уходит, ищет себе еще кого-то, находит, пытается строить с ним отношения месяц-другой, потом не выдерживает, прибегает к тебе, будучи абсолютно уверен, что ты – лучший, тратит на тебя все свое время и деньги, когда он «выжат», его можно опять отбрасывать, и так по кругу. Все эти мелкие горе-колдуны снимают с нас всякие подозрения, вызывают в обществе осуждение и страх. Поэтому никто из широких масс не может и подумать, что какой-нибудь лорд, князь, герцог, другой уважаемый человек на самом деле один из господ ордена, и запросто «заколдует» любую деревенскую бабку. Разумеется, господа не всегда богаты деньгами, но это не от того, что у них нет возможности заработать, у них просто другие цели. Скорее всего, так же оно и у Светлых существ. Кстати, они до сих пор удивляют меня – или они совершенно потеряли голову и не видят сложившейся ситуации, или они просто не могут действовать по-другому, или мы совершенно не осведомлены о их возможностях и планах. Ведь сколько мы не пытались – не выходит разбить их оборону, вера этих существ настолько непоколебима, а уверенность в победе столь сильна, что невольно начинаешь задумываться, кто кого обыгрывает, кто кем управляет?

Мы всем человечеством, или они нами? У меня нет ответа. Вообще, мне непонятны многие их принципы: почему, например, в опасную минуту они соединяют свои ряды в едино нерушимое целое, почему не разбегаются в страхе перед лицом смерти, почему для них течение Жизни Мира важнее, чем собственное существование? В ордене все привыкли к предательству, доносам, мести, в ордене порядок и власть держится на страхе перед более сильным существом, а на чем держится содружество Света – я не знаю.
- Это очень просто, Теодор, содружество держится на Любви. Когда сердце человека настолько освобождается от уз личных страстей, когда он начинает видеть мир не через призму своего эгоизма, а через сердце, тогда он видит, что Жизнь – во всем: во мне, в тебе, в Земле, в звездах, в животных, во всей Вселенной, и эта Жизнь едина для всех, ты можешь отличаться от людей формой тела, остротой ума, чертами характера, но в самой сути ты – такой же, как все – человек, носящий Искру Бога. Это просто понять, когда ты освобождаешься от давления эго, - пояснила Настя.
- Кажется, я понял, о чем ты: у нас принято так, что эго, используя могучую волю, заставляет Душу выполнять то, что ему надо, а у вас наоборот – Душа сливается с Божественным и повелевает низшими телами.
- Да, но разве возможно, чтобы эго подавляло Душу, - поинтересовался я.
- Еще как возможно. Разумеется, мы знаем, что Душа – более высокая субстанция, нежели эго, но в эгоизме столько логики, здравых рассуждений и прибыли, а в людях с раскрытой Душой столько спонтанной глупости, необъяснимых порывов, что нам казалось проще задержать сознание на эгоизме, развить его, и уже с его помощью покорять свое существо. Мне стало искренне жаль этого умнейшего человека, посвятившего жизнь утехам страстей и не ведающим Радости поющего сердца, с этим чувством я посмотрел Теодору в глаза.
- Вот! Именно этот взгляд я часто ловил от людей со Светлой природой, покажи, что ты сейчас почувствовал?
- Мне стало жаль, искренне жаль тебя. Ты обладаешь великолепным умом, могучим телом, прекрасными возможностями, сильной личностью, и вместе с этим не испытывал широкого полета Души, Радости Свободы от страстей, мне бы так хотелось передать тебе все это, но, к сожалению, до этого человек доходит только сам.
- Еще год назад я бы посмеялся над тобой, а теперь у меня совсем другие мысли. Но ведь если я их испытаю, предположим, стану Светлым существом и опережу тебя по развитию, то ведь ты будешь завидовать, стремиться меня перегнать, подставить подножку?
- Глупости, конечно же - нет! Зачем мне портить жизнь другому человеку, особенно, если он прошел дальше меня по пути совершенствования? Наоборот, я пожелаю ему удачи, тепла, Любви, еще большей Мудрости и более скорого развития, ведь чем больше людей обретают Светлую природу, тем Светлее становится Мир в целом. Что за дело до личных амбиций, когда Сама Жизнь находит новый проводник среди людей?
- Да… этого мне пока не понять. Вернее, я понимаю, что так надо, теоретически, в книгах даже читал, но вот чтобы иметь такой опыт – это нет. Ведь, если появляется существо сильнее тебя, значит, оно имеет больше власти, больше возможностей, и вообще теснит тебя по всем параметрам, если ты был первый – станешь вторым. Кому это надо?
- Видимо, верно мне однажды сказали: «Человек находит путь к Свету лишь тогда, если умеет испытывать Радость, когда людям вокруг него хорошо, и человек опускается во тьму, когда радуется неудачам других».
- Чудные вы ребята, никакой жизненной логики. Ладно, сам знаю, что сейчас мне вас не понять, а вам – меня. Потому, сменим тему, - Теодор посмотрел на правую руку, потрогал то место, где еще недавно был мизинец, вздохнул и продолжил, - например, боевые искусства. В ордене существует особое сословие людей, занимающихся исключительно боевыми искусствами. Господа не обязаны проходить у них обучение, но так уж сложилось, что все руководители владеют мечом и своим телом. Это нечто вроде «хорошего тона». В моем случае исключения не было, я тоже проходил обучение,

осваивал фехтование, бой голыми руками, надо сказать, делал заметные успехи, учителя даже говорили, что у меня талант. Судя по тому, как вы повели себя в ту самую ночь, когда я потерял палец, я с уверенностью могу сказать, что не иначе как сами князья учили вас держать меч в руках. О князьях в этих краях говорят много и по-разному, но все сходятся в одном, они – мастера меча. Их техника, а, следовательно, и ваша, заметно отличается от той, которую преподавали нам. Вот, например, вы сохраняете спокойствие во время боя, может быть, даже входите в состояние безмыслия, чистого разума, называть можно как угодно, а нас учили впадать в состояние холодного бешенства. Вы, верно, слышали о берсерках – людях без брони и щитов, небольшой отряд которых мог победить войско. В этом состоянии человек не чувствует боли, его мышцы работают эффективнее, он заметно прибавляет в скорости и выносливости. Вот этому учили и нас. Мы тренировались вызывать в себе жгучую ярость, доходящую до бешенства, и при этом «не терять голову». В итоге получается, что тело выбрасывает в кровь все те вещества, что и при экстремальной ситуации, в голове всего одна-две мысли, что несут тебя по полю боя, ты становишься похож на разящий, острый клинок: мыслей мало и они остры, эмоции сфокусированы на одном, ярость направлена на врага, вся целиком. Редкий человек способен не испугаться от одного только вида бойца-берсерка, не то чтобы сразиться с ним. Нас учили вкладывать в удар ярость, гнев, ненависть – все то, что испытываешь к врагу. Даже неподготовленный человек, доведенный до ярости, может ломать доски голыми руками, поднимать тяжести и развивать высокую скорость, все дело в силе той энергии, что он пробудил в себе. Минус такого состояния в том, что ярость забирает много сил.

- А чтобы набраться сил, нужно как следует подкрепиться, - выразила мысль Настя, подавая на стол ужин.

Блюда были несложными, но запах шел вкусный, я совершенно неожиданно обнаружил, что голоден, взял свою порцию и, словно сам только что впадал в состояние ярости, начал набираться сил, к трапезе приступили и друзья. Теодор же долго рассматривал содержимое ложки, прищуривал глаза, принюхивался, что-то соображал, и вот наконец отправил еду по назначению, затем еще ложку, еще и еще… в итоге он управился с порцией быстрее всех нас и потянулся за добавкой, мы поощряли аппетит мужчины, искренне радуясь, что ему понравилось.

После ужина мы вышли на крыльцо, дождь немного ослаб, но прекращаться еще не думал, мы устроились на прежние места. Возможно, мое зрение обострилось в этот момент, и я четко увидел, как пища, в желудке Теодора, разлагаясь на полезные вещества, излучает приятный свет, и этот свет пробивается к сердцу мужчины. Когда же этот свет достиг цели, Теодор резко вдохнул, замер на мгновение, из глаз упали две слезинки, он тяжело выдохнул, словно выпуская изо рта нечто грязное, давно ненужное ему, но только сейчас отставшее от сердца.

- Знаете, кажется, сегодня я попробовал Любовь на вкус, - улыбнулся мужчина, - Не знаю, что со мной произошло, но дышать, двигаться и жить стало легче.

- Это ушли ороговевшие наросты с сердца, переживания былых дней, если ты изменишь образ мыслей, то они более не придут к тебе, и ты всегда будешь чувствовать себя так же, как сейчас, - пояснила Настя.

- Да, вот так сюрприз вы мне приготовили, я бы предложил вам взять что-нибудь в качестве благодарности, но вы ведь скажете, что сделали это не ради награды.

- Ты верно догадался, не ради награды, ради тебя. И потом, ты столько нам передаешь, что лучшей награды и не придумать.

Мы еще немного погостили у Теодора, затем попрощались, вернулись в дом к Леониду, где нас ждала очередная увлекательная история. Вообще складывалось ощущение, что старец при помощи сказок пытается вложить в нас нечто большее, чем просто красивую легенду. Ощущалось это так, словно ты становишься больше, расширяешься не только в пространстве, но и во времени, приобретаешь возможность заглядывать в прошлое в

будущее. Мне не удавалось четко описать это словами, но прочувствовать сердцем удалось.
На протяжении всего месяца наши дни текли по схожему графику: пробуждение, труд под надзором Тимура, беседы с Теодором, рассказы Леонида. Михаил руководил постройкой школы, участвовал в жизни деревни, и, как мне часто казалось, мчал свои мысли еще к сотням и тысячам людей, о которых я ничего не знал. За весь месяц ни разу мне не доводилось видеть князя уставшим, суетящимся, тяготившимся своим трудом, напротив, в любое время дня, в любую погоду он был примером бодрости, решительности и трудолюбия. За месяц Теодор еще оттаял сердцем, окончательно привязался к нам и всячески сожалел, что нам скоро предстоит обратный путь в город. Слабым, но все же утешением оккультисту был Тимур – единственный житель деревни, не считая Леонида, который не страшился буйной энергии Теодора. Григорий совершил маленькую революцию в области здоровья, пробудив скрытые силы даже в стариках.
Ближе к концу месяца школа была готова. В ночь перед открытием школы, Михаил собрал самых крепких мужчин деревни, меня с Кириллом, и мы двинулись к дому Теодора, чтобы забрать ту мебель, что мы успели изготовить под руководством Тимура. Как я понял, князь хотел сделать приятный сюрприз жителям деревни. Теодор, как обычно, знал, кто и зачем к нему идет, потому все подготовил для выноса мебели, а сам скрылся в глубине дома. Михаил указал, с какой мебели начинать, сказал, что в школе нас будет ждать Григорий, который укажет, что и куда ставить, а сам вошел в дом к оккультисту.
Мы приступили к работе, перенести нужно было немало разной мебели, поэтому использовались телеги и лошади. Наша трудовая бригада оперативно разделилась на две части: первая грузила мебель в телеги, вторая следила за сохранностью груза по пути и размещала его в школе. Мы с Кириллом попали в первую группу, потому включились в работу тут же, загрузили две телеги, отправили их со второй группой в путь. Решив не терять времени даром, мы вытащили вторую партию мебели из сарая, готовя ее к транспортировке. Вскоре к нам прибыл транспорт с двумя «пассажирами», эти люди должны были следить за тем, чтобы по дороге мебель не побилась. Довольно быстро мы загрузили вторую партию, затем третью, четвертую… Трудиться пришлось тяжело, руки и ноги начинали ныть от усталости, но, вспоминая самоотверженный труд князя, я изо всех сил фокусировал сознание на работе, стараясь позабыть про усталость и это удавалось. Вскоре на крыльце показался князь вместе с Теодором, Михаил – образ вечной Радости, вливал свежие силы в наш коллектив, вскоре он и сам приступил к погрузке мебели, Теодор же напротив, стал похож на привидение. Нет, разумеется, он не похудел за эти часы до критического состояния, не шатался, не был похож на больного, но все же он сейчас был привидением. Ощущение было такое, словно какая-то, доселе основополагающая часть его сердца умерла, на ее месте образовалась пустота. Его больше не трясло в обществе князя, теперь он мог смело и широко открытыми глазами смотреть на Михаила, он сбросил с себя пудовые оковы эгоизма, какую-то их часть, что тут же отразилось на его сердце, на характере его свечения. Сам не сознавая зачем, я улыбнулся ему, как улыбаются старым друзьям, но я никак не ожидал, что это простое действие произведет в нем такую перемену – мужчина сперва смотрел на меня с удивлением, будто видит впервые, затем он словно что-то вспомнил, что-то решил внутри себя, а потом улыбнулся и сам, улыбнулся широко, открыто, как говорят в деревнях «нарастопашку», и я понял, что теперь стал для Теодора первым и самым близким другом, другом, через которого он постиг нечто бесценное для себя. Оккультист стоял на крыльце, следил за нашей работой, улыбался, постигая то новое, что открылось в нем, но помогать не спешил, очевидно, прозорливец князь запретил ему помогать в этом труде, сберегая силы для этого внутреннего переживания, которое его захватило сейчас. Мне было отрадно, что бывший господин ордена, бывший убийца и душегуб, теперь становится хорошим человеком, постигает такие вещи как дружба, взаимопомощь и любовь. Эти мысли так

воодушевили меня, так зарядили энергией, что я позабыл про усталость, мышцы стали поднимать тяжести с таким азартом, словно и не работали перед этим несколько часов, а соратникам по труду оставалось только дивиться на мою вновь обретенную силу.
С князем дело пошло гораздо проще и быстрее, его могучее тело будто вообще не ведало ни усталости, ни предела нагрузки. Приезжающим князь велел как можно скорее разгружать мебель, а затем уже, по возможности разносить ее по кабинетам, что он скоро прибудет к ним и поможет в этом, пока первая группа будет перебираться к дому Тимура и готовить к отправке второй караван мебели.
Надо сказать, эта новость была для меня удивительной поначалу, но совершенно логичной в следующее мгновение, ведь Теодор работал с Тимуром в его дворе прежде чем мы вернулись от Ярослава, да и мебель мы сами там видели, следовательно, и ее надо бы вывезти, и как я только мог сразу об этом не подумать? Но дивиться собственной невнимательности было некогда, закончив грузить мебель здесь, мы отправились к Тимуру, а князь – к школе. По дороге я размышлял, что жители деревни наверняка услышат разгрузку мебели возле школы, ведь она стоит вовсе не на окраине, как дома Тимура и Теодора. Какой же из этого сюрприз? К этому времени я еще не подозревал, какими тихими могут быть люди, когда хотят сделать своим родным и близким приятный сюрприз.
Довольно интересную смену ощущений я подметил, когда коснулся мебели, сделанной Тимуром – от нее так и веяло искусством, сердечным теплом. Видимо, его мастерство работы по дереву достигло такой высоты, когда все технические приемы раскрыты, все навыки обретены и рождается поток чистого творчества, которому уже ничего не мешает, в то время как наша работа выглядела пусть и аккуратно, но все же без искры таланта, без «печати мастера». Мысленно поблагодарив Тимура за столь дивные работы, что он дарит миру, я принялся грузить мебель с гораздо большей аккуратностью, чем это делал еще недавно. Произведений искусства в сарае Тимура было меньше, чем у Теодора, поэтому мы управились быстрее. Отправив последнюю партию, мы пошли к школе, и я снова ощутил разницу атмосфер, примерно такой же контраст, что был между нашими работами и работой Тимура, был и здесь: люди трудились быстро, напряженно, но предельно тихо, присутствие всеобщего идола отца Радомира делало эту тишину священной для каждого из трудившихся с ним. Мы проникли этой атмосферой, перешли на шепот, принялись помогать, стараясь сохранять столь же торжественную тишину, что было не так-то просто сделать, ведь мебель для школы не сводилась к элементарным партам и доскам, здесь были и мольберты, и приспособления для спортивных кружков, и шкафы… в общем все, что могло пригодиться людям в первые месяцы работы школы.
Окончили мы труд глубокой ночью, князь поблагодарил всех за напряженную работу, напомнил, что открытие школы намечено на обед, и распустил людей отдыхать.
- Наша задача в школе еще не окончена, утром мы проникнем внутрь, украсим окна занавесками, классы – праздничными лентами, наведем окончательный порядок и в таком виде представим ее на «суд людской», - сказал Михаил, - потому сейчас примите тот отвар, что для вас приготовил Леонид, и укладывайтесь спать, утром я вас разбужу.
Мы так и сделали, надо сказать, что после отвара в сон потянуло с великой силой, едва голова коснулась подушки, как я провалился в сон.
Разбудил меня дивный голос князя, к удивлению, я чувствовал, что полон сил, что прекрасно отдохнул, будто и не грузил мебель половину ночи. Михаил, Григорий, Леонид, Настя, я и Кирилл легко перекусили, вышли на крыльцо, но двинулись не в сторону школы, а, мне было трудно поверить, к Теодору. Удивление было столь велико, ведь самой очевидной догадкой было то, что бывший оккультист примет прямое участие в украшении здания, что я задал прямой вопрос князю:
- Неужели Теодор будет нам помогать? И если да, то отчего не вернуть ему речь, ведь он изменился.
- Он будет нам помогать в украшении школы, сейчас это не нанесет ни ему ни школе

никакого урона, напротив, даже будет полезно. Речь же возвращать ему еще очень рано, он изменяется, но эти изменения, как вспышки света, сияют лишь мгновенье, чтобы человек вышел из мрака, иногда нужны десятки и сотни лет, а иногда и гораздо больше. Но Жизнь Мудра, и если он в этом теле проявит себя с лучшей стороны, если его вспышки сердечной теплоты станут постоянным состоянием его существа, то он сможет обрести речь. Тогда не я верну ему речь, а он сам восстановит ее своими делами и мыслями, потому как Жизнь откроет ему уста для благих слов.
Мы подошли к дому, где нас уже ожидал хозяин, держащий в руках какие-то цветные ленточки, крепления для занавесок и прочую мелочь. Мы тоже прихватили с собой нечто подобное. Он лишь переглянулся с Михаилом, поприветствовал нас рукопожатием, и мы двинулись к школе.
Как и ожидал князь, в школе никого не было, рядом – тоже, потому мы проникли внутрь незамеченными. Настя с Леонидом отправились украшать зал художников, Кирилл с Григорием – музыкальный зал, а мы принялись за мастерскую для работы по дереву. Теодор попытался прикрепить несколько ленточек, но, к сожалению, как бы он ни старался, все время выходило, мягко говоря, не очень. Но мужчина не отчаялся, улыбнулся своей неприспособленности и передал ленты мне, князь, улыбаясь, закреплял занавески и смотрел на нас. Мы восприняли это как «вызов», не сговариваясь, Теодор усадил меня к себе на плечи, поднял в воздух и вот мы уже в образе четырехрукого человека украшаем помещение: Теодор подает материал, я закрепляю. Михаил посмеялся, сказал, что с нашим взаимопониманием и ловкостью, нам самое место среди артистов, и продолжил работу.
Кропотливая, но приятная работа по украшению мастерской вскоре была завершена, мы остались довольны своим творчеством и, желая полюбоваться результатами друзей, направились было в их залы, но князь прервал эту нашу затею, сказав, что посостязаться талантами у нас еще будет время, а вот до обеда остается все меньше и меньше свободных минут, в то время как большая часть школы еще не украшена. Мы весело побежали за Михаилом на второй этаж. Теодор, некогда гневный, властный и могучий оккультист сейчас превратился в большого ребенка, не уступая мне ни в юной прыти, ни в озорстве. Он был искренне рад, насколько это было возможно его сердцу, что он совершает доброе дело, что у него есть настоящий друг, коим он считал прежде всего меня, с которым можно поделиться всеми своими мыслями и не быть осужденным или осмеянным, получить поддержку и посильную помощь. Такие простые человеческие радости вызывали в нем целую бурю эмоций, и, на его примере, я еще и еще раз понял, что значит ценить жизнь, глубже понял искреннюю Радость. Большинство людей ведь попросту не замечают этих маленьких радостей, он стали частью их жизни, а между тем эти радости всегда рядом, всегда готовы поднять настроение, нужно всего-то заметить, обратить внимание. Теодор ценил эти радости, как самые драгоценные жемчужины, он хорошо знал цену опыту, хорошо ведал людские сердца, потому и ведал цену таким минутам.
Мы вплотную занялись вторым этажом, оставив первый полностью на друзей. Озорство из нас с Теодором било фонтаном, во мне оно открывало новое понимание Радости, а в нем еще и отодвигало в сторону нечто темное и буйное. Михаил, вместо того, чтобы порядочно нас выбранить, применил другую тактику – он умело направлял нашу неуемную энергию на пользу дела, поэтому, когда друзья решили подняться и помочь нам – были весьма удивлены, что мы почти окончили работу.
- Экие, ты, Радомир, чудеса творишь! – сказал Леонид.
- Так разве это я? Это вот они – сорванцы, их за одну парту садить нельзя, - шутил князь, - Их силами и ураган остановить можно, не то, что школу украсить.
Когда еще я учился в школе, то демонстрировал весьма спокойный нрав, поэтому впервые оказался в роли школьного озорника, Теодор же напротив, давно привык к разного рода хулиганствам, потому и сейчас не растерялся: опустил голову, сложил руки за спиной, оперся на левую ногу, а правой начал легко водить по полу, изображая стеснение,

учитывая громадную фигуру мужчины, это выглядело настолько комично, что рассмеялись все.
Вдоволь посмеявшись, мы успокоились, князь попросил нас украсить крыльцо, а сам остался с Теодором для разговора. Что-то мне подсказывало, что прозорливец Михаил разглядел малую трагедию этого человека, трагедию от потери друга, первого настоящего друга, и именно об этом будет их разговор.
Мы уложились даже раньше, чем к обеду, но и жители деревни начали собираться у порога школы гораздо раньше, чем в обед, поэтому все было как раз. Жители радовались новой постройке, радовались, что у них, наконец, будет такая чудесная школа, где можно научиться всему, испытывали легкое недоумение от появившихся занавескок, выражали самые теплые чувства, глядя на нашу работу по украшению крыльца. Они бы с радостью помогли нам, но школа, как я понял настроение их сердец, ассоциировалась с отцом Радомиром, если можно так сказать, с храмом в честь его заветов, поэтому жители не решались вступить в священные для них помещенья.
К всеобщей Радости вскоре вышел Михаил, а к всеобщему удивлению следом за ним вышел Теодор, сияющий широкой улыбкой, смело смотрящий на людей. Радость и удивление перемешались в народе, но князь не дал этой смеси долго бродить и начал речь:
- Мои дорогие друзья и помощники, вот уже не одно десятилетие ваша деревня служит прочным утесом Мира, среди бушующих перемен, поколения сменяли друг друга и вот сейчас лишь один человек – ваш настоятель – помнит мой первый визит в вашу деревню, с тех пор прошло много времени, в мире многое изменилось, но среди вас есть то неизменное, что было в ваших предках в тот час, когда мы встретились с ними впервые – это трудолюбие и жизнерадостность. Любое дело, за какое бы вы не взялись, вы делаете легко, но не только от того, что среди вас много видных мастеров различных ремесел, а потому, что начинаете вы дело в Радости и заканчиваете ею. Так поступали ваши предки, так поступаете вы, так же накажите поступать вашим потомкам. Еще одно качество отличает ваш маленький народ – это бесстрашие. Даже в трудные минуты вы не бежали от врага, вы учились держать меч, учились защищать свой дом, своих родных, в минуты мира вы легко согласились строить эту замечательную школу, не имея на руках ни плана, ни представления о подобных заведениях. Что же есть ваше бесстрашие? Слепое безрассудство? Неспособность сопоставлять силы и задачи? Нет. Ваше бесстрашие – это Вера, веря мне, вы принялись за дело, Веря в Бога, вы решили дать бой недругам в ту страшную ночь. Ваше бесстрашие – это нравственная чистота, воспитавшая в вас людей, видящих и понимающих ближнего. Ваше бесстрашие – это Любовь к Природе и к дому. Так пусть же эта школа будет вам символом тех Светлых качеств, что вы унаследовали от предков, пусть будет она напоминанием вашим потомкам, пусть станет она не просто школой, а кузницей Духа, где сердца людей закаляются в Красоте, Гармонии и Любви, достигайте целей и тут же ставьте новые – так и поступайте все время, потому как Жизнь – непрерывное движение. Вы всегда были радушны и с охотой принимали гостей. Примите же в свое общество и Теодора – вот этого умнейшего и мастеровитого человека. Сперва вы не сошлись с ним, потому что его былая сфера жизни не совпадала с вашей, единственное спасение от одиночества он находил у Леонида и Тимура. Сейчас вы смотрите на него и корите себя за черствость сердца, но этим вы мало поможете и себе и ему, теперь же Теодор будет преподавать в мастерской, посвященной работе по дереву, вместе с Тимуром, поэтому теперь каждый из вас сможет вылить ему все те теплые чувства, что не сумел вылить за все время его пребывания здесь. Живите легко, помните, что Любовь без следа не исчезает. Везде и во всем ищите новые пути, новые возможности, как это сделал Григорий, указав вам новый путь совершенствования тела, результаты которого вы так благодарно оценили. Нет предела совершенству человеческого Духа, нет предела творчеству, а, следовательно, нет предела Радости, всегда новой, всегда свежей. Радость не должна меркнуть ни в каких условиях жизни, даже перед лицом смерти или расставания, потому как ни того ни другого не существует. Человек – это не только

мышцы и кости, не только тело, но и мысли, и Дух. И если тело вашего друга может быть далеко от вас, то остальные два «компонента» всегда доступны вам. Как вы верно догадались, мы скоро отправимся в обратный путь, но это не значит, что наши мысли и наш Дух покинет вас. Тем более с вами остается Григорий, столь полюбившийся вам, заслуживший звание настоятеля. Это вовсе не убавило ваше уважение к Леониду, и не убавило Любви к нему, просто Любви в вас стало больше, запомните эту перемену в себе и всегда твердо знайте, что Любовь – бесконечна. А теперь, прошу всех пройти внутрь и осмотреть школу-кузницу.

Люди, было, начали движение, как их остановил голос из толпы:

- Отец Радомир, не только мысли и Дух останутся с нами, с нами останешься и ты сам, - говоривший был высокого роста, худощав, вся его внешность говорила о художественной натуре, - вот, посмотри на эти картины, и, если позволишь, они поселятся в стенах этой школы.

Мужчина и несколько его друзей-заговорщиков подошли к Учителю, предоставили работу для «суда», мы тоже подошли поближе. На картинах был изображен Михаил в разных местах, в разных положениях: вот он подает балку, вот отдает указания, вот размышляет у окна, вот машет рукой, вот играет на лютне… ощущение было такое, словно художник запечатлел каждое значимое событие по сооружению школы с участием князя, даже мы с Кириллом попали на одну из картин.

Михаил внимательно просмотрел работы, улыбнулся, поднял глаза на художников, ожидавших его слова как приговора, рассмеялся и сказал, что уж теперь, имея столько своих глаз в этой школе, он сможет следить за каждым шагом любого озорника. Радости людей не было предела, художники тут же стали всеобщими любимцами.

Далее Михаил ввел людей в школу, показывая помещения и поясняя их предназначение, люди немало дивились, откуда же в школе взялась мебель, да еще столь искусно выполненная, радовались украшениям и обещали не снимать их, по крайней мере, первый месяц. В каждом зале князь определял местного учителя, так Григорий угодил в учителя физической культуры и, по совместительству, музыки, художники, разумеется, были назначены в зале с мольбертами, и так далее.

Впоследствии люди разгадали загадку происхождения мебели, чем весьма засмущали Тимура. В этот же день жители определились, у кого и чему будут обучаться, сформировались в группы, сговорились о времени занятий. Вообще князь стремился установить в школе максимум свободы и минимум несносной бюрократии, относительно небольшое население деревни позволяло согласовать время проведения занятий так, как удобно каждому, кроме того, школа не закрывалась, поэтому каждый желающий мог, например, взять холст, прийти и порисовать в любое время. Систему оценок Михаил упразднил на корню, большинство деревенских жителей едва ли слышали о этой системе, а нам он пояснил, что оценки – лишняя иллюзия, обозначающая нормативную пригодность человека к тем критериям, которые кто-то установил для усреднения общей массы. В результате большинство учеников учатся не ради знаний, а ради оценок, что являет собой весьма порочную систему, убивается творчество, остается усредненный уровень и его производная в виде оценок. Человек считает, что ему незачем знать больше того, что преподают, за что ставят нужную ему оценку. Устранив усреднение и оценки люди избавятся от многих школьных иллюзий, как например от той, что за «плохую» работу ты получишь «плохую» оценку и строгий взгляд «судьи-учителя», вместо того, чтобы получить помощь и в следующий раз совершить работу гораздо лучше. Нет «плохой» и «хорошей» работы в школе, не получится так, чтобы все люди сразу были одинаково одарены, потому в этой школе не будет «обязательных» занятий, будут те занятия, что западут в сердце человеку. Не стоит страшиться, что благодаря такой свободе люди не выучатся считать и писать. В этом обществе практически нет глупых или ленивых, посему жителям будет интересно почитать книги, позабавлять сознание цифрами. Притом, в большинстве случаев не человек сам по себе ленив и не желает учить

цифры и буквы в обычных школах, а учитель не обладает достаточным терпением и тактом, чтобы заинтересовать человека в этом. Чаще всего этот процесс сводится к принуждению против воли путем плохих отметок, через родителей, через давление на личность маленького человека, нанося ему глубокие психологические раны, сказывающиеся на всей дальнейшей жизни. В данной школе не будет пути через давление, унижение и оценивание твоих работ, будет путь через понимание, помощь, заботу и индивидуальный подход. Так же здесь будет принята такая форма обучения как «от ученика к ученику»: если несколько учеников быстрее в чем-то прогрессируют, то они вполне могут поделиться секретами своих успехов с остальными. Видение учителя может быть широким и проницательным, но оно может не суметь охватить те ракурсы сознания, с которых смотрят на науку все его ученики, поэтому послушать взгляды ученика на какой-либо предмет будет интересно и учителю. А это значит, что в школе не будет однонаправленного, понятого или не понятого лишь одним человеком материала, будет самый живой обмен знаниями.

Михаил в таких красках рассказал об этой школе, что мне самому захотелось учиться в такой, но один вопрос все же тревожил меня – откуда в этакой деревне возьмутся книги, да еще и для столь просторной школьной библиотеки. Как раз в этот момент мы подошли к ее дверям, князь пояснил, что здесь все желающие смогут взять полюбившиеся книги и изучить их, но для этого им сперва придется поучиться литературе, а это направление возглавляет Леонид.

Воодушевленные жители готовы были учиться у Леонида чему угодно, из одной лишь Любви к этому старцу, но повременили с решением, потому что слабо себе представляли книги, и что с ними нужно делать. После короткой лекции князя о книгах и литературе буквально все население деревни записалось к Леониду. Разумеется, сразу всех уместить в одну группу не удалось, поэтому людей поделили на несколько групп.

Еще несколько часов люди ходили по школе, но уже не под предводительством Радомира, а сами, осматривая помещения, как это обычно делают в музеях. Едва наша компания выбралась на улицу, я задал вопрос:

- Удивительно, как сюда могло попасть столько книг?

- В этом нет ничего удивительного, - улыбнулся князь, - вы целыми днями работали вместе с Тимуром и Теодором, ночью слушали истории, вы редко бывали в самой школе, поэтому вы и не заметили караван с книгами, переправленный сюда из города Гавриилом, чего нельзя сказать о скрытнице Насте, знающей о книгах.

- Мне хотелось сделать сюрприз ребятам, тем более они были так заняты работой, что я не рискнула отвлекать их мысли от дела.

- Но ведь о книгах знали и Леонид и Григорий, и, разумеется, ты, - сказал я.

- Конечно, но раз сегодня день сюрпризов и новых открытий, то пусть он будет и для вас, как и для всех жителей деревни.

Надо сказать, я решительно не понимал, зачем было скрывать это от нас, потом понял, что от этой информации мало чего изменилось бы, что делает эти знания малозначительными, но указывает на мою невнимательность, пропустившую целый караван мимо. В итоге мне стало ясно, что ни князь, ни кто-либо еще не желал таким образом указать на мою невнимательность, это сделал я сам, а так же, что этот случай, в самом деле, делает нас ближе с жителями деревни.

Утром мы должны были покинуть деревню, поэтому вечером было общее собрание, где Михаил сказал прощальную речь, поговорил с жителями, стараясь уделить время каждому. Мы не дождались конца этой встречи и отправились к Теодору, чтобы попрощаться с ним. Он, как всегда, знал, что к нему идут гости, подготовил чай, стулья, маленький столик, словом все то, что нужно для хорошей беседы.

Мы устроились в привычных уже стульях, устроились рядом с хозяином дома и завели еще одну, на этот раз прощальную, беседу-обмен мыслями.

- Завтра по утру вы уйдете, я знаю. Самому сложно в это поверить, но я привязался к вам,

и теперь жаль вас отпускать. Но что поделать, ваши дела ведут вас в города, а мои дела приковали меня здесь надолго. Помню, князь сказал, что я не смогу разговаривать до конца своих дней, недавно он пояснил смысл этих слов – конец наступит не обязательно вместе со смертью тела, он может наступить и раньше. Если во мне окончательно умрет старый Теодор, оккультист и убийца, то я смогу говорить еще будучи в этом теле. Не знаю, когда это произойдет, надеюсь что прежде смерти тела. Так же он прочел во мне все те искорки, что вы раздули внутри этого черного сердца. Прочел и сказал, что дружба – это, прежде всего, Доверие и Любовь, а не стремление держать рядом приятного человека. Вообще он многое пояснил мне, и теперь я не страшусь его общества. Он сказал, что Григорий сможет поговорить со мной и помочь в трудной ситуации. Едва ли он имел ввиду трудности внешнего характера. Знаю, я знаю, что вас надо опустить легко, пожелать легкой дороги и успехов в труде. Знаю, желаю, но вот легко отпустить не могу. Вы трое перевернули всю картину моего мировоззрения, показали на своем примере то, о чем я читал, над чем смеялся. Мне грустно расставаться, потому заранее прошу простить меня за то, что эта грусть будет сопровождать вас весь обратный путь. Подумать только, что за чудо, сердце душегуба вдруг стало сентиментальным, - мужчина улыбнулся, - Напоследок я расскажу вам то, чего вам советую не делать. Расскажу вам об убийствах. Первый раз я совершил это, когда мне было примерно столько же, сколько и вам, хорошо помню, тогда шел снег, сильный пронизывающий ветер, темный подъезд жилого дома, острый отравленный кинжал. Тот несчастный даже не понял, что случилось, несколько мгновений - и он лежал в луже собственной крови. А я, я стоял как дурак над ним, смотрел на окровавленные руки и не верил, что это совершил я. Та пытка совести, что терзала меня до убийства была лишь прелюдией к тому, что мне довелось испытать после, хотя в то время я уже был изрядным негодяем. Что было дальше? Пришел в себя я только в лесу близь города, нож лежал в кармане, платок в крови, видимо, стирал им кровь с себя. Кое-как собравшись с мыслями, решил избавиться от улик – закопал нож в лесу, попытался сжечь платок, не получалось, от спички он загораться не хотел, а ветки были сырые, да и снег с ветром. Пришлось закапывать и платок. Возвращаться в город не хотелось, домой не хотелось, и больше всего не хотелось смотреться в зеркало, даже лед я обходил стороной. Я ходил по лесу и судорожно пытался отчистить руки. Хоть они и были чистыми, мне все время казалось, что на них осталась кровь. Ветра, снега и холода я не замечал, мысли путались, перед глазами то и дело вставал убитый мужчина, в какой-то момент мне начало казаться, что всего этого не было, что я просто вышел на прогулку, ведь ножа и платка с кровью со мной нет, что это все – происки моего больного воображения или же кто из ордена подшутил надо мной гипнозом. Мысли были готовы поверить в любую чушь, лишь бы не сознавать, что я – убийца. Далее мне захотелось повесится, но не было ни веревки ни подходящего ремня, утопиться в замерзшем водоеме тоже не получится, отыскать место, где был закопан нож, не давал снег. Домой я вернулся далеко за полночь, промерзший до костей, без сил и желания что-либо делать. На утро стало полегче, я выпил кофе, одел свежий костюм, внутри появилась хоть какая-то сила, но подходить к зеркалу все еще боялся. Наконец, убедив себя, что вчера я просто долго гулял, что надо мной подшутили в ордене, я решился подойти к зеркалу, чтобы поправить костюм. Сперва в отражении не было видно ничего нового, я даже улыбнулся себе, как бы говоря «и привидится же такая ерунда», но потом я случайно уловил свирепый огонек в глазах отражения, затем еще и еще раз и вот снова перед глазами вспыхнул образ жертвы, я поднял руки, чтобы убедиться, что они не в крови, на моих руках крови не было, а вот на руках отражения – была, при этом отражение так ехидно улыбалось, будто оно знает все, что твориться в моем сердце, словно ему это нравится. Как ошпаренный, я отпрыгнул от зеркала, схватил стул, хотел разбить его, но, все же, совладал с собой, поставил стул на место. Идти в орден, да и вообще куда-либо идти не хотелось, я снял костюм и обессиленный рухнул на кровать, казалось, поднялась температура, кружилась голова, мысли безнадежно запутались. Ближе к обеду ко мне пришел надсмотрщик из ордена, он

уверял, что стучал минут пять, прежде чем взломал замок и вошел внутрь, верить или не верить ему – я не знаю, скорее всего так и было, потому что я слабо воспринимал окружающий мир, меня давила внутренняя рана. Он уверяет, что я бредил, а очнулся лишь после доброй пощечины. Я уверил его, что дело сделано, улики уничтожены, а в постели я потому, что простыл вчера на морозе, в пользу этой версии выступила поднявшаяся температура. Он сделал вид, что верит мне, хотя на самом деле прекрасно знал причину моей болезни. Довольно скоро он привел ко мне нашего врача, тот дал мне каких-то капель и я уснул. Все отягчалось тем, что человек, убитый мной, просто мешал ордену, вот как князья мешают, только он был гораздо меньше калибром. Через какое-то время, силами доктора, я снова стал в строй ордена, получив признание и уважение, вернее меня просто стали больше бояться, за это убийство. Следующий приказ не заставил себя долго ждать, второй раз мне пришлось убивать человека, бежавшего из ордена. Он хорошо знал, как мы работаем, поэтому был готов к покушению. На этот раз муки совести нахлынули полной силой перед убийством, но доктора ордена прекрасно знали, что и когда случается с человеком, вставшим на кровавую дорожку, поэтому вовремя кормили меня разными препаратами, усыпляющими все совестливые чувства. И все же, второй раз было гораздо сложнее убить, чем в первый, ведь я знал все те муки, через которые прошел после первого раза, знал, и все равно сделал. На этот раз я не бродил по лесу, не носил с собой нож и платок, сознание не отказывало, но осознание того, что я осознанно, зная весь ад, всю подноготную этого дела, все же, взялся за кровопролитие вновь, просто убивало меня изнутри. Оно, как огонь, выжигало все то светлое, что еще теплилось в сердце, теперь я не бредил, не боялся зеркала и собственной зверской ухмылки, я просто выгорал, умирал как человек, рождался как зверь. В третий раз было гораздо легче, потому что я переставал чувствовать себя человеком, потом к убийствам пришло отношение как к работе, к повседневной суете. Теперь я чувствую, физически чувствую кровь на руках, мне хочется, очень хочется ее отмыть, но мыло и вода тут не помогут. Мне нужно умереть, вновь умереть, но на этот раз умрет зверь, а возродится человек. И если вы когда-нибудь увидите меня разговаривающим, знайте – я отмыл руки.

Теодор показывал эти картины с такой болью, будто вынимал из себя тернистую лозу, и в то же время чувствовалось, что он старается всеми силами оградить нас от тех ужасов, что испытал сам.

- Будь спокоен, - начал я, - если ты сохранишь верность избранному пути, то мы с тобой еще не раз встретимся и, как знать, может наша дружба станет еще крепче и перерастет в сотрудничество. Мы покидаем тебя только телом, мысли же наши будут доступны тебе, как и твои нам. Потом у тебя здесь будет Григорий и Леонид, понимающие твой внутренний мир.

- Это все так, Дима, но здесь со мной будет лишь Григорий, Леониду скоро надлежит уйти.

- Куда уйти?

- Из воплощения, конечно же, а вы разве не знали? А.., теперь понимаю, князь не хотел омрачать ваше прощание со старцем оттенком скорби о его скором уходе, чтобы его путь в высшие сферы был легче. Ну, раз уж я оплошал в прозорливости на этот раз, то уж расскажу и дальше. Леонид отведет свои уроки литературы, подготовит себе достойную замену в школе, замену себе как наставнику он уже давно нашел в Григории. Когда же все будет сделано, он просто уйдет из деревни, зайдет вглубь тайги и оставит тело. Затем Григорий зачитает последнюю волю прежнего настоятеля, я уже представляю, что там будет написано. Затем он переродится в… - мужчина немного придержал мысль, - у достойных родителей. Григорий – опытный руководитель, под его началом деревня испытает новый рассвет.

Эта новость меня сразила, в том, что Теодор сейчас показал правду, я был уверен, но в этом случае хотелось, чтобы он солгал. Передо мной встал образ старца, благословляющий в дальнюю дорогу, с неизменно Добрыми глазами, легкой улыбкой и

раскрытым сердцем. Для него не существовало смерти, как конца пути, для него это лишь переход в другое состояние труда. Осознав это, я понял, насколько сам еще далек от столь глубокого понимания процессов Жизни. Теперь уже мне впору было вспомнить собственные мысли о том, что он уходит лишь телом, что мысли и Дух Леонида будут с нами. Посмотрев на друзей, я понял, что они поражены не меньше моего.
- Простите, что сообщил вам столь неприятную весть, но, все же, вам лучше научиться воспринимать подобные вести спокойно или, как у вас в идеальном варианте принято – с Радостью, потому что смертей вы еще повидаете немало. В этом можете мне поверить, я слишком долго общался с ее величеством смертью, чтобы ошибаться в таких вопросах.
Мы еще немного пообщались, попрощались с Теодором, пожелали ему скорейшего перерождения и всевозможных успехов в жизни, и пошли в дом. У калитки нас встретил князь, Григорий и Леонид, видимо, уже отдыхали. Он не мог не заметить в наших глазах немой вопрос о Леониде, потому ответил на него без вводных фраз:
- Этот дивный человек вернул свой долг этому маленькому народу, сдержал обещание передо мной, оставил вместо себя преемника. Теперь Труд Великой Жизни ведет его в другие края, в другом теле, к другим людям. Было бы эгоистично требовать от человека бросить все свои дела только ради того, чтобы украсить тебе досуг, чтобы иметь приятного собеседника «под рукой». Леонид не сумел полностью подчинить себе все процессы организма, и потому ему со временем все сложнее и сложнее поддерживать тело в бодрости, но он, не смотря ни на что, отодвигал час смерти силой своего могучего Духа, теперь же, когда все исполнено для этого места, он может уйти. Вернее, перейти на новый виток развития своих психических сил. Еще около полугода он будет с жителями деревни, передаст им все то, что знает в литературе, благодарные ученики запишут за ним сказки, превратив их в наследие для потомков, от Григория он узнает тайны контроля над собственным телом. Зимой он покинет деревню, дойдет до Ярослава, и, ведя прощальную беседу, они отправятся туда, откуда он уже не вернется в прежнем обличии. Так пусть наше прощанье с этим старцем будет самым теплым и Светлым, на какое только способны наши сердца, пусть именно такими запомнит нас Леонид. Прощаясь с человеком, не обязательно перед его уходом из мира, а даже при расставании, прежде всего, держите в голове и сердце его путь, его цели и задачи, а не мысли о том, как же вы теперь будете идти без него. Мысленно поддерживая человека, вы становитесь подобными Солнцу, освещающему путь, согревающему теплом, размышляя лишь о своей выгоде, вы превращаетесь в болото, в котором вязнет и мертвеет все живое, куда не проникает Свет. Так будьте же солнечными, согрейте и осветите Леониду дальнейший путь, ведь труд его далеко не окончен, и поэтому любая теплая дружеская мысль будет приятна и полезна ему. Не смотрите на смерть, как на расставание, как на утрату, безвозвратный уход человека, смотрите на нее, как на смену фазового состояния. Например: вы ведь не считаете, что вода умирает, когда, под лучами Солнца, она превращается в пар. Вы хорошо знаете, что вода поднимется к небу, возьмет от него силу и упадет дождем там и так, как того требует Жизнь на Земле. Если же поместить воду в герметичное хранилище, лишенное тепла, света и движения, то, со временем, вода станет мертвой, уж не говоря о том, что она исключена из кругооборота Жизни. Так же и тут, обновив временную форму, Леонид придет в этот мир с новыми силами, новыми идеям, которые, подобно дождю, дадут жизнь всему жаждущему вокруг.
В словах Михаила, вроде бы, не было ничего нового, но во мне они по-новому осветили смерть, как будто опыт князя, в какой-то степени, передался мне. Общаясь с мыслями Теодора о смерти, я просто успокаивался, воспринимал ее, как неотъемлемое явление жизненного процесса, а потому не заслуживающее страданий, слова Михаила показывали, как можно воспринимать смерть с позиции Радости. Теперь у нас была только одна ночь на то, чтобы переработать эти знания в себе и воплотить в опыт жизни. Так закончился этот насыщенный день.

Глава 3.

Прощанье со старцем. Возвращение в город. Кирилл и его родители.

Мы проснулись довольно рано, погода обещала быть чудесной, жители деревни еще мирно спали, не спали только обитатели одного дома. С первого взгляда в глаза Леонида, я понял, что он знает о нашей осведомленности о его скором уходе, и его это ничуть не смущает. Он занимался все теми же бытовыми вещами с той же легкостью, как и всегда, единственное, что изменилось в нем – это отношение к нам, он не стеснялся своего ухода, он всей своей мягкостью пытался поддержать нас перед расставанием с ним, и делал это столь искренне и с такой теплотой, что я невольно задумался о величии Духа этого человека, который даже перед лицом смерти думает не о том, как облегчить себе путь, а о трудностях пути других людей. К сожалению, пришлось признать, что во мне еще нет такой Силы Духа.
Легко позавтракав, мы отправились в путь, с Григорием мы простились в доме, а Леонид решил проводить нас до моста. Мы шли медленно, разговаривали о разных мелочах, говорили о школе, как с ее помощью направить творчество людей, говорили обо всем, кроме скорого ухода Леонида. Наконец, мы добрались до моста, остановились, чтобы попрощаться. Князь обнял старца, заглянул ему в глаза и с особой Добротой сказал «до скорой встречи», затем старец подошел к нам, что-то шепнул на ухо Кириллу, обнял меня и Настю и сказал:
- Скоро мы вновь свидимся. Идите по жизни легко, держите в сердце образы близких вам людей, трудитесь вместе с Жизнью, как начали, так и продолжайте.
- Счастливого путешествия, - сказал я, слабо понимая почему.
Мы двинулись в путь. По правде сказать, мне плохо удавалось провести это прощанье в Радости: да, я желал Леониду всяческих благ в мыслях, да, испытывал к нему самые теплые чувства, но в сердце, словно маленькая царапина, ныла мысль о том, что я больше не увижу старца Леонида. Во мне не было ни капли сомнения относительно слов Леонида, обещающих нам новую встречу с этим дивным человеком, но это будет уже другая форма, другое тело, другое лицо. Логическим умом я сознавал, что это – ни что иное, как привязанность к временному, что это – не ясное видение человека, что я, все еще, подвластен этим плотным материям, но не мог совладать с сердцем. С другой стороны мне было совершенно ясно, что печаль была бы куда сильнее, если бы я знал, что более не встречу этого человека вообще, в любой форме. Таким образом, я еще и еще раз убедился, насколько непрочно и иллюзорно мое понимание природы вещей. В моменты озарения мне кажется, будто тот или иной вопрос решен для меня окончательно и в нем не может быть компромиссов, но заканчивается период озарения, приходит время действовать, и я вновь натыкаюсь на ложь собственных логических убеждений, оказывающихся не прочнее мыльного пузыря. Что ж, делать было нечего – нужно было заново решать данный вопрос в себе, постигать его новые грани.
- Что, друг, одолевают тебя мыльные пузыри? – улыбаясь, спросил князь.
- Это верно. Оказывается, я – большой любитель подурачить себя иллюзиями могущества собственного Духа.
- Это вовсе не иллюзии, это элементарная неопытность. Ты еще не научился соизмерять собственные силы по делам дня. Простой пример: поразмысли, для скольки человек ты можешь, например, эффективно прочесть лекцию? Можешь указать точное число? Два или пять человек тебе кажутся вполне посильной ношей, а вот сотня или больше – уже не оставляют сомнений в собственном бессилии. Так?
- Да.
- И в этом нет ничего постыдного, удивительного или плохого, единственное, что тут есть – недостаток опыта. С опытом ты, если посвятишь свою жизнь лекциям, сумеешь точно

определить оптимальный для себя объем аудитории. Так же и с твоими «мыльными пузырями» - в момент озарения, когда твой Дух жил, большей частью, в Высших Сферах, тебе казалось все по плечу, многое казалось ясным и навсегда решенным, но проходит время, твой Дух входит в привычное русло жизни, и его силы распределяются уже совершенно по-другому, мысль вовсе не столь быстра, какой была в момент озарения, и тебе кажется, что ты сам себя дуришь. На самом деле ты просто не научился улавливать разницу между этими двумя состояниями. То есть ты чувствуешь, что разница есть, но вот какова она – ты не знаешь. Все, чего ты достиг в состояниях озарения, как сундук с сокровищами, лежит у тебя в сердце, и ждет того часа, когда твои повседневные вибрации достигнут тех высот, которые сейчас ты покоряешь лишь используя специальные техники концентрации и медитации. Натыкаясь в себе на такие несоответствия, ты стараешься быть полностью честным с собой, и это хорошо. Но быть честным, и ругать себя – две разные вещи. Ты можешь обругать себя за проступок, признать себя эгоистом и лжецом, но так и не узнать истинной причины такого своего поведения. В таком случае польза от этих «руганий» ничуть не больше, чем польза от горделивого самовосхваления. Во всем старайся добраться до сути, не размениваясь перед самим собой или перед людьми на яркие фразы, красочные сцены раскаяния и прочий «театр». Не спеши думать «я – эгоист» или «я слаб Духом», не ищи сравнить силы своего Духа с силами других людей, чтобы ощутить свое превосходство или же свою никчемность, ни первое ни второе не приведет тебя к постижению Силы, Любви и Божественной Природы Духа. Вместо сравнения, вместо скорбных масок, внешних или внутренних, занимайся неустанным трудом, находи не въедливые фразы и образы, а причины и следствия собственного поведения. Самым тщательным образом исследуй мир сердца и беспощадно выдворяй оттуда вросшие мысли-сорняки. Воспрянь же, оглянись по сторонам, прими всю ту Красоту, что окружает нас, наполни ей свое сердце и пошли самые лучшие чувства к сердцу Леонида.

С совершенно новой стороны Михаил осветил вопрос самоанализа для меня, не то, чтобы я этого не «знал», разумеется, теоретических знаний в этом вопросе хватало, катастрофически не хватало практического навыка. Но выработкой навыка я займусь чуть позже, а сейчас, как верно подметил князь, пора включится в общий поток Жизни и поделиться этой Радостью с другом.

Основную часть пути мы преодолели молча, лишь изредка перебрасываясь незначительными фразами друг с другом. Думаю, буду прав, если скажу, что всех нас захватила красота природы, сквозь которую проступала Красота Жизни. В какой-то момент я вспомнил Мирона из сказки Леонида, вспомнил, как он впервые увидел окружающий его мир и был подавлен сквозящей отовсюду Красотой, наверное, сейчас я чувствовал себя так же, как и он, потому что новые грани природы открывались перед взором.

Ближе к вечеру мы добрались до города. Прежде, чем увидеть его очертания, мы четко ощутили изменение атмосферы: в воздухе появились свойственные городской жизни обман, агрессия, мелочность, интриги, чувствовались и высокие порывы человеческих Душ, но их было несоизмеримо меньше по отношению к низким. Это приближение к городу дало мне новое понимание городской жизни, жизни, подобной театральной постановке. Люди суетятся, бегают наперегонки за иллюзиями власти, богатства, счастья, пытаются выстроить очередной мыльный замок, а в итоге… в итоге им нечего вспомнить в конце воплощения, им жаль прожитые годы, жаль, что они разменяли самое ценное, что у них было, разменяли свою жизнь на пустяки. Лишь немногие, уходя из воплощения, не стыдятся заглянуть своей совести в глаза. Уверен, Леониду будет не стыдно, ровно как и Тимуру, и доброму большинству жителей дивной деревни, ведь они живут не чтобы «поглотить» богатства жизни, а чтобы принести в этот мир новое понимание Искусства, Красоты и Любви.

Теперь, когда я знал, что многие обычаи, принятые в обществе, навязаны ему орденом, куда они ведут, на чем основаны, мне становилось искренне жаль тех, кто и не пытался

задумываться о нынешнем укладе жизни, мне становилось понятным, с чем борются князья.
- Мой друг-философ, - обратился ко мне Михаил, - как бы тебе не было жаль этих «театральных актеров», тебе не подобает награждать их столь хмурым выражением лица и преумножать в их жизни хмурость и озлобленность. Это вовсе не призыв к лицемерию, вернее, это мог бы быть он, если бы ты был законченным эгоистом и помышлял так, будто подобной кислой миной ты показываешь всю правду, что лежит у тебя на сердце. Это было бы лицемерием, если бы ты сейчас одной лишь силой воли надел на лицо маску беззаботной веселости. В твоем же случае следует «переключить» сознание в более высокие сферы бытия, перестать размышлять о низости и людских пороках, но начать искать способ сделать существование вокруг себя лучше. Ты погрузился в серые мысли из-за резкого контраста между атмосферами деревни, тайги и города, из-за чего твое сознание пошатнулось. Вступай в город не с мыслями о подвиге света среди грешников, а с мыслями о ближних людях, со стремлением понять встречного, по возможности подать ему то, что его сердце так долго ждало – искренности и Доброты. А теперь соберись, мы скоро войдем в город. Крепко запомни – любое дело начинай и заканчивай в Радости.
Слова князя меня встряхнули, пропало желание выискивать в людях пороки, появилось стремление Радовать все вокруг. Едва в сердце разгорелось это стремление, тут же спало ощущение тяжести от атмосферы города. Весь оставшийся путь дался легко, даже угрюмые лица прохожих, и те светлели и улыбались, встречая наш «караван» Света.
В самом имении нас уже ожидали Гавриил с княгиней, озорник Давид и, к моему великому удивлению, Федор и Алексей. Тепло поприветствовав друг друга мы дружной компанией вошли в дом, где уже был подан ужин.
Радость от встречи с обитателями дома переполняла меня, старец Федор и Алексей пробудили внутри воспоминания о первом годе жизни у князей. Признаться, эти двое занимали мое внимание практически целиком: старец внешне был ровно тот же, что и три года назад, но внутри, чувствовалось, он переживал серьезные изменения, Леша напротив, заметно стеснялся в нашем обществе, пытался скрыть это за внешней активностью, но внутри существовал без особых сердечных катаклизмов.
После ужина мы оставили Федора с князьями, не нужно было быть гением, чтобы понять, что им необходимо переговорить, а сами, молодой компанией, отправились на прогулку к озеру.
- Как же давно я вас не видел, ребята, - начал Алексей, - Только вернувшись сюда, я в полной мере отдал себе отчет во времени. Как вы жили здесь все это время?
- Рассказать – не поверишь, - ответил я, - столько всего случилось за это время: были и сражения, и напряженная учеба, много-много тренировок и одна большая Радость жить здесь. Чем больше я живу здесь, тем больше пропитываюсь уважением к князьям. Теперь, если мне нужен пример неиссякаемой Силы Духа, то я просто вспоминаю кого-нибудь из них. А как шла твоя жизнь в деревне?
- Как… Внешне довольно однообразно: простые житейские заботы, которые, надо сказать, научили меня выращивать и собирать урожай, работать по дереву, управляться с животными. Совсем другое было внутри – во мне шумела настоящая буря, а может даже и маленький ураган: все те убеждения моего мировоззрения, что я считал незыблемыми, пошатнулись, стали походить на трясину. Если бы не Федор, даже не знаю, что бы со мной стало. Однако, он был рядом, поддерживал советом и своей могучей энергией в трудную минуту. Неоценимую помощь оказывали визиты Гавриила, каждое его появление было истинным праздником не только для меня, но и для всей деревни, - в этот момент меня, словно стрела, пронзил вопрос «Когда Гавриил успевал побывать в этой деревне?», и этот вопрос я тут же задал Леше, - Каждый раз по-разному, вот этим летом был, в течении года наведывался на день, на пол денька.
Этот ответ еще раз поставил меня перед фактом, что мне далеко не известна и сотая частью деятельности князей. Усвоив эту мысль, послав князьям поклон благодарности, я

продолжил беседу. Мы проговорили дотемна, условились, что завтра Алексей потренируется вместе с нами, и разошлись на ночлег. Последняя мысль, которую я запомнил, перед тем как уснуть, была такая: «Как же все-таки хорошо чувствовать себя дома».
Утром я вспомнил эту мысль и задумался над тем, что означает «дом», и вообще, что это за переживание «чувствовать себя дома»? Поразмыслив над этим во время утренних приготовлений, решил, что почувствовал себя «дома» здесь от того, что эта комната пропитана моими мыслями, моей энергией, моей Душой.
Легко позавтракав, мы, как и договаривались, отправились на тренировку, принесли к озеру необходимый инвентарь, решили немного погулять, чтобы еда улеглась и не мешала в спаррингах.
Вскоре нашу молодую компанию посетил Федор, следом за ним подошли князья, прихватив с собой одноручные тренировочные мечи. Старец подошел к Алексею, с отеческим чувством заглянул ему в глаза и сказал:
- Ну, внучек, теперь ты пойдешь под рукой Гавриила. Он устроит тебя в университет, уверен, экзамены не станут для тебя преградой. Завтра я уже покину этот дивный дом, а вы завтра пойдете улаживать дела с твоим поступлением.
Сложно было сказать, чего больше сейчас в сердце Леши: радости от того, что он остается у князей или горести от расставания с человеком, через которого он столь многое постиг в себе. На его глазах то были готовы навернуться слезы, то они зажигались огнем решимости. Настя подошла к юноше, сжала его руку, заглянула в глаза и сказала:
- Тебе сейчас вовсе не надо выбирать между Гавриилом и Федором, в твоей жизни не случилось ничего трагичного, твой Мудрый наставник всегда будет с тобой, стоит лишь заглянуть в свое сердце. Федор хорошо подготовил тебя к дальнейшему совершенствованию, далее князья помогут тебе стать настоящим титаном, чтобы нести своими руками помощь этому миру. Но твои мысли, твоя Любовь всегда достигнут, всегда будут приняты сердцем этого замечательного старца. Не выбирать тебе сейчас следует, от чего оторваться и к чему примкнуть, но расшириться, влить в свое сердце столько Мира, чтобы его хватило не только на Федора и Гавриила, но и на каждого человека, что встретишь в жизни.
Федор широко улыбнулся, погладил Настю по плечу, благодаря за сказанные слова. Алексей прогнал скорбные тучи со своего лица, улыбнулся, и уже вовсе как родной внук, обнял своего «дедушку».
Мне доводилось видеть много объятий, и каждое из них что-нибудь да выражало: начиная от пустых, навязанных обществом, объятий, выражающих лишь дань традиции, до горячих объятий, где сердца двух людей говорят друг другу то, о чем не в силах сказать язык. Это объятие было как раз из последних: юноша и старец на мгновение ощущались как люди одного возраста, одного положения, одних взглядов, стирая все границы между друг другом, их фигуры излучали мягкий теплый свет. Когда же они разомкнули объятие, каждый из них сиял ярче, а в Душе каждый уносил вечную память и благодарности другого.
Мы немного побродили у озера, предоставляя Леше время прийти в привычное состояние. Друг понял причину задержки тренировки, улыбнулся нам, сказал, что он в порядке и готов приступить к обучению.
Четко сознавая, что Алексей не упражнялся в фехтовании, я подобрал ему хороший одноручный клинок, взял себе похожий, объяснил основные элементы передвижения и нападения. Тренировка началась с того, что Леша наступал и атаковал, а я защищался и маневрировал. Когда он, раззадоренный тем, что его не атакуют, стал переходить границы безопасности, я добавил к маневрам и легкие атаки – это заметно осадило пыл юноши. Как бы то ни было, через пять минут он окончательно устал, присел на траву, положил меч рядом, тяжело выдохнул и сказал:
- Да, должен признать, твой богатырский вид соответствует твоей силе и ловкости.

- Жизнь рядом с князьями преображает любого человека, в этом я уже убедился, а что касается моей силы и ловкости, то… конечно, приятно слышать комплимент, сказанный искренне, но мне доводилось встречать таких людей, по сравнению с которыми моя сила и ловкость – лишь жалкие тени их Могущества. И говорю я сейчас не о князьях, а о человеке, внешний вид которого больше напоминает старца, нежели богатыря.
- Как всегда скромен, - улыбнулся Леша, - тогда хоть скажи, как зовут этого гиганта?
- Ярослав.
- Не слышал о таком. Конечно, в деревне были люди с именем «Ярослав», но они не подходят под твое описание.
- Судя по доброй улыбке Федора, я понимаю, что он прекрасно знает, о ком мы сейчас говорим, - сказал я, шутливо глядя на старца.
- Прав, Дима, прав, я знаю Ярослава, не раз был у него, а Леше не рассказывал, потому как силы его Духа нужны были для другой внутренней работы. Иначе он бы загорелся Искусством Мира, отвлекся от той работы сознания, что была ему необходима, и в итоге не достиг успеха бы нигде. Но теперь у него есть прекрасная возможность посетить этого дивного человека, думаю, даже вместе с вами. Однако, мы засиделись, тренировка идет, а коли так, коли мы вспомнили про бойких старцев, значит и мне пора показать былую прыть, - Федор поднялся с травы, взял у меня меч, жестом позвал Алексея на спарринг, - сейчас мы посмотрим, что еще умеют эти руки.
Откровенно говоря, я был готов, что внутри этого мирного дедушки сидит старый, видавший не одно сражение воин, однако, к этому не был готов юноша, потому несколько раз ронял меч, не выдерживая мощных ударов, путался в ногах, руках и мыслях, не понимая откуда в старце такая сила удара, такая ловкость и прыть.
Хорошенько погоняв «внучка» по поляне, Федор подошел ко мне, сияя не хуже Солнца, насколько я мог понять его чувства – он заново пробудил в себе всю ту боевую удаль, что когда-то била в нем неиссякаемым ключом. Бедолага Алексей, не ожидавший такого шквала от своего мирного наставника, выглядел изрядно уставшим, опускаясь на траву рядом со мной он сказал:
- Теперь я полностью верю твоим словам о загадочном Мастере Ярославе, если даже его старинный ученик задал мне такого жару, хоть я и гораздо моложе.
- Леша, тут дело не только в возрасте, сколько в мастерстве. Вот ты, например, пытаешься наносить удары лишь силой руки, а Федор использует для этого все тело, потому его удары и получаются столь быстрыми и сильными. Ты скоро обучишься этому, укрепишь мышцы и будешь получать истинное удовольствие от спаррингов.
- Вижу, вы совсем загоняли моего подопечного, - раздался шутливый голос Гавриила, - этак можно довести его до изможденья. Как вы желаете, чтобы Алексей предстал перед Всеволодом? Тебя, юный заговорщик, уже ожидает Михаил, мечтая обучить новым движениям, а мы пока поговорим о тренировках Леши.
Михаил и правда ждал меня, дал в свободную руку еще один меч, сам взял два одноручных, и мы начали спарринг. Он, казалось, стоял на месте, на самом деле сдвигался на несколько сантиметров в ту или другую сторону, но все мои удары пролетали мимо: какие-то скатывались по касательной с его мечей, какие-то просто рассекали пустой воздух, некоторые были жестко заблокированы. Честно стараясь понять, как князь это делает, я продолжал атаковать, через некоторое время Михаил добавил легкие атаки к своим движениям, и тут я понял, что почти каждое мое движение закончилось бы плачевно для меня, если бы мы бились по-настоящему. Князь не делал лишних движений, все четко и выверено.
Этот спарринг дал мне не столько новые движения, сколько осознание того, каким должен быть бой – четким, быстрым, выверенным, без лишних энергозатрат, с максимальным результатом. Окончив бой, я поблагодарил Михаила за предоставленный урок и присел на траву, чтобы его обдумать. Между тем друзья активно тренировались: Настя играючи сражалась с Кириллом, Гавриил медленно и размерено обучал Алексея основам.

- Присмотрись повнимательнее к Леше, - обратился ко мне Михаил, - видишь, его передняя нога повернута таким образом, чтобы в любой момент можно было развернуться и убежать с «поля боя», его рука держит меч так, словно готова его бросить на землю. Федор немного не рассчитал силы юноши, и теперь в Леше есть зерно сомнения перед фехтованием, он полагает, что ему будет трудно достичь того уровня, какой он увидел в старце и в тебе. Гавриил сейчас возрождает в нем уверенность в своих силах в деле фехтования. Пусть это событие будет тебе вечной памятью о том, как, всего раз позабыв о Душе другого человека, хоть раз увлекшись собственным могуществом, можно посеять в сердце человека рану неуверенности, которая в будущем обязательно прилепится к чувству страха, тем самым сделав страх еще более сильным. Наблюдай внимательно, Алексей атакует и защищается, да, он делает это медленно, использует самые элементарные приемы, но, что очень важно, он практически не устает. Почему? Потому что он чувствует себя гораздо спокойнее в обществе Гавриила, он не чувствует давления, не чувствует состязания силой и мастерством, он чувствует Доброжелательство и простой дух тренировки. Теперь обрати внимание на Федора, он понял свою ошибку, но не корит себя за нее, он занят тем, что исправляет ее в себе, развивает те качества Души, которые бы искоренили подобное его поведение. Он не угрюм, не обижен, не воспринимает замечание как личный выпад, но воспринимает как новую область для труда. Сегодня я показал тебе тот уровень сражения, какой ты еще не испытывал на себе, этот уровень указал на многие твои ошибки, но ты не воспринял их как укор своему мастерству, но понял их как новое поля для труда и уже начал трудиться в этом поле своей мыслью. Поступай же так не только в спаррингах, но и во всем в жизни: вместо самобичевания – саморазвитие.

Эта дивная способность князей – проникать в самые сокровенные уголки сердца и приносить туда Мир и Свет всегда поражала меня, вот и сейчас Учитель так просто сел рядом, обратил мое внимание на какие-то детали, мелкие штрихи, потом, уверенным движением подвел черту и – картина готова, осталось только принять ее в свое мировоззрение.

Благодаря этим словам, я много о чем поразмыслил, вскрыл в себе новое понимание процесса развития, затем встал, взял в руки мечи и уже совершенно с другим настроем принялся спарринговать с Михаилом. Не скажу, что это добавило мне непобедимости или особого мастерства, но это дало мне новое ощущение, осветило новые грани дивного кристалла под названием «обучение».

Примерно через полчаса тренировка закончилась, мы собрали инвентарь и понесли его в дом. Князья остались поговорить с Федором, а к нам примкнул Давид.

- Давид, дружище, как прошло твое начало лета? – поинтересовался я.

- Исключительно положительно, - ответил мужчина, настроение у него было откровенно веселое, - Правда, вынужден вас расстроить, вы пропустили ежегодный спектакль с приглашением страждущих на встречу с князьями. В этот год эти встречи проводил Гавриил и я. Поразительное дело – смотришь на людей, а узнаешь себя, и становиться очень стыдно за всю ту чепуху, что городил в прошлом. А вы как прожили эти дни?

- Мы, конечно, не застали столь масштабный спектакль, но побывали у Ярослава, на стройке школы в деревне Леонида, пообщались с Теодором.

- Дивно, дивно, - вид мужчины вдруг стал серьезным, - только про Теодора в городе, особенно на людях, лучше не упоминать. Это может обернуться серьезными последствиями, притом не только самому Теодору, но и всей деревне.

По правде сказать, я не до конца понял, как это может сказаться на оккультисте и деревне, но совет к вниманию принял.

- Понял, о нем ни слова. Тогда скажу о другом – Ярослав учил нас рукопашному бою.

- Да вы теперь – опасные люди, - шутил Давид, делая вид, будто испугался этой вести, - спиной не поворачивайся, за триста метров обходи?

- А то как же! Взглядом шнурки развяжем, рубаху распахнем, ветер наколдуем, и что

будешь делать?
- Ой, в землю закопаюсь, ушами обиваться буду, - мужчина ярко изобразил, как он собирается это делать, чем всех нас насмешил, когда же веселье поутихло, Давид предложил, - а не сходить ли нам к университету, заодно и прогуляемся и Алексею его будущее пристанище покажем.
Мы с радостью согласились. На улицах было непривычно много людей, может быть, я так воспринимал из-за контраста с деревней Леонида, а может быть, их и в самом деле было больше обычного. Вечно веселый Давид не переставал шутить, Алексей испытывал некоторый трепет перед завтрашним днем, Кирилл охотно отвечал на остроты Давида, а мы с Настей просто были Счастливы.
Время мелькнуло незаметно, и вот мы уже на пороге университета, студентов в здании было немного, потому что летом каждый порядочный студент обязан отдыхать, поэтому мы решили войти внутрь. Меня и Настю узнавали некоторые «заблудившиеся» в библиотеке или на консультациях студенты, а я, к собственному стыду, не узнал никого, лишь что-то отдаленное подсказывало мне иногда «да, точно, где-то я видел это лицо» или «да, он мне кажется знакомым», но больше ничего не вспоминалось. Обозначив это свое упущение, я, по примеру Федора, тут же принялся его исправлять путем развития памяти и внимания.
Алексей ходил по университету, словно по музею, впитывая в себя атмосферу этого заведения, в его глазах легко читались мысли, а думал он о том, что в этом здании ему предстоит напряженный труд на благо науки и собственного образования. Мы долго бродили по университету, предоставляя Алексею возможность свыкнуться с атмосферой этого здания.
К величайшему стыду, мою голову не посещали мысли о труде на благо науки, но посещали мысли о том, как же мне повезло, что это заведение обошло меня стороной. Не знаю почему, но мысли, одна за другой, рисовали в голове бесперспективную картину будущей жизни, если бы я поступил в университет, и, что самое интересное, совесть не подавала признаков протеста.
Давид, напротив обычного, ходил по зданию серьезным, глубоко задумчивым. Он был настолько сосредоточен и погружен в себя, что с него в пору было писать картину Мудреца, или, на худой конец, профессора.
Когда мы вышли из университета и направились к имению, я поинтересовался у Давида о столь глубокой сосредоточенности.
- Я размышлял, Дима, размышлял о поворотах жизни. Подумать только, сколько раз передо мной стоял выбор, определяющий весь дальнейший ход существования, и если бы хоть в одном месте я бы выбрал другое, нежели выбрал теперь, то не свиделся бы ни с вами, ни с князьями, жил бы в других местах, имел бы другие интересы… Но ведь я не выбрал, ведь все случилось именно так, как случилось. И вот вопрос – мог ли я выбрать другое в эти моменты, или нет? У всего в жизни есть свои причины и следствия, даже если мы их не видим. Если я принял в то время именно такие решения, значит, у этого была причина – какой-нибудь невероятный конгломерат внешних и внутренних факторов, оказавших на меня решающее влияние. Если смотреть на вещи так, то у человека, фактически, нет выбора. Вернее выбор, сам по себе, есть, вот только человек, почти гарантированно, поступит так, как он сам заложил в себе прошлыми деяниями. Например, у меня сейчас есть возможность бросить камень в птичек, в окно, на дорогу, побежать что есть сил, крикнуть на всю улицу и еще множество всего, но я этого делать не буду. Почему? Да потому что это я, так я сложен внутри, и мое поведение является следствием прошлого опыта. В университете я вдруг понял, что жизнь человека похожа на скатывающийся со скалы камень. Сам он может и не знать, куда он катится, может даже не видеть и ближайший метр своего пути, а вот стороннему наблюдателю может быть открыта вся картина целиком, и ему не составит труда подгадать, как будет катиться камень и где он остановится. В это же самое время, камень, как бы он не хотел

затормозить, свернуть в сторону, сила инерции и собственная масса не дадут ему этого сделать.
- Подожди, Давид, - начала Настя, - разве все так фатально? Разве, когда ты катился в пропасть, князья не помогли тебе, не направили в другую сторону?
- Да, но…
- Но тебя продолжало тянуть к прошлому, к привычкам, в тебе еще оставалась та самая сила инерции, о которой ты говоришь. Князья тянули тебя наверх, а ты, всеми прошлыми предопределенностями, устремлялся вниз. И ты видишь, кто победил. Разве это не является примером того, как «спуск камня со скалы» может пойти по нескольким сценариям благодаря выбору камня, не смотря на инерцию?
- Может и так, а может мне и следовало свернуть именно там и так, где и как мне указали князья. Как бы то ни было, по модели «падающего валуна» живет большинство людей, и, как то не прискорбно, они не желают менять этого.
Друзья продолжали беседовать, а я погрузился в мысли о том, куда же мчит мой «камень жизни»? Да, я был уверен, что князья знают то, что произойдет со мной в будущем, видят весь маршрут моего «камня», а я, не смотря на то, что это моя жизнь и мне выбирать как действовать, не в состоянии заглянуть даже на год, да что там на год, на месяц вперед. В этот момент я четко осознал, что еще многие и многие вещи не доступны мне. Но это переживание не пробудило во мне чувство собственной ничтожности, как это часто случалось раньше, теперь же я старался понять, какое именно знание дает такую силу ясновидения, что следует усовершенствовать в себе, чтобы приблизиться к этой Мудрости. Мои мысли были напряжены, тело бодро шагало рядом с друзьями, сердце было в покое, как вдруг, что-то пробудилось во мне, разлилось в груди приятным покалывающим теплом, начало медленно распространяться по всему телу, и когда эта приятная теплота дошла до головы – меня всего будто прошибло током, затем стихли мысли, стали похожи на бескрайний спокойный океан, не ведающий порывов ветра, тело растворилось в окружающем мире, стало совершенно невесомым, неощущаемым, Душа так широко распахнулась навстречу Жизни, что сознание едва успевало фиксировать новые, ни на что не похожие ощущения. Разумеется, я и раньше достигал возвышенных состояний сознания, но большей частью они удавались во время медитаций, во время душевного общения с моими Великими Друзьями, но чтобы вот так, во время простой прогулки – это было впервые.
Бросив мимолетный взгляд на прохожего, я уже знал всю его прошедшую жизнь, с большой долей вероятности предполагал чем он продолжит жить, что он чувствует сейчас… в общем, я знал если не все, то очень многое об этом человеке. Следующий мой взгляд упал на дерево, и я увидел, как внутри у него перемещаются жизненная энергия, как оно источает свою уникальную силу в окружающий мир. Все виделось совершенно новым, ни на что не похожим, и я, позабыв все земные условности, жил одними наблюдениями, наверное, такие же ощущения должен испытывать человек, когда он впервые приходит в неизведанный мир.
Когда мы достигли имения, князь Михаил уже ожидал нас на скамье.
- А вот и наши друзья-философы! – князь поднялся со скамейки и устремился в нашу сторону, - И что вы решили? Куда катятся ваши «камни»?
- Ты, как всегда, проницателен, Михаил, - ответил Давид, - мы пришли к тому, что сам человек управляет своей судьбой. А то, что его можно легко предсказать, лишь обличает недостаточный размах сознания этого человека. Настя помогла мне разобраться в этом вопросе, за что ей душевное спасибо, - Давид закончил и мельком посмотрел в мою сторону, князь уловил этот мимолетный, но слегка обеспокоенный взгляд.
- Давид, это вовсе не стоит волнения, пока вы мирно вершили судьбы своих судеб, - Михаил улыбнулся, - этот богатырь посчитал, что самое время переходить от слов к делу и распахнул свое сердце настолько широко, что, сам того не ожидая, попал в другой мир. Вот и сейчас, он неотрывно смотрит на меня, заприметив что-то новое.

И князь был прав, я был совершенно не в состоянии оторвать взгляд от Учителя – столько Света и Красоты источала его фигура, знания этого человека, хотя в том, что он – человек, я уже был не уверен, вливались в меня целым потоком, вливались от одной Души к другой, минуя все условности, в том числе и такую условность, как обмен мыслями. В этот момент я на практике осознал одну простую истину, что ничего в мире не скрыто от человека, нет никаких тайн, есть только внутренние причины, мешающие человеку обрести те сокровища, что Жизнь готова предоставить каждому. Подумать только, князь с первых минут нашего знакомства источал этот неиссякаемый фонтан Света, а я лишь сейчас сумел коснуться его без условностей, Душа к Душе. Как же забавно устроена жизнь – сегодня ты думаешь, что решил какой-то вопрос окончательно, что истина открылась тебе через него, а завтра… завтра ты понимаешь, как сыры и преждевременны были твои выводы, насколько более глубок этот вопрос, понимаешь, что вчера ты постиг лишь мельчайшую крупицу истины, сегодня еще одну, а завтра, как знать, может этот же вопрос раскроет тебе еще одну загадку бытия. Все дело в том, что Истина не порвана на миллионы лоскутков, она одна, единая и неделимая, и если мы воспринимаем лишь отблески ее сияния, то в том всецело вина нашего ограниченного восприятия. Таким образом, добравшись до Истины в одном вопросе, можно исполниться ею по всем вопросам, видеть истинное положение дел всюду, где бы не останавливалась твоя мысль.
- Дима, спускайся потихоньку с небес философии, самое время заняться вполне земными делами – как например, отобедать с друзьями.
И то верно, мое возвышенное состояние постепенно сменялось привычным, оставляя после себя воз новых знаний и легкую усталость.
- Это предложение как нельзя кстати, Михаил, потому что всего мгновение назад я осознал, что голоден, и готов соперничать аппетитом даже с дюжиной мужчин.
- Подобными заявлениями вы способны ввести в заблуждение добрую половину ваших друзей, господин дюжинный аппетит, - шутил князь, приглашая всех нас к столу.
После трапезы мы вышли погулять по тенистым аллеям имения, Алексей подробно пересказывал свою жизнь в деревне, мы, в свою очередь продолжили рассказывать те события, на которых остановились вчера ночью. Юноше все еще тяжело было приучить себя к мысли, что он снова в имении, что теперь ему придется плотно общаться с Гавриилом, учиться в университете, словом, полностью менять уклад собственной жизни. Мы, как смогли, постарались помочь другу, смирить его волнение и настроиться на новый поворот жизни. Проговорив до ужина, мы далеко не исчерпали всех своих ярких историй, которыми полнилась жизнь каждого из нас за время разлуки. На этот раз мы не стали засиживаться допоздна, потому как завтра утром Леше надлежало быть свежим и полным сил, и вместе с князем явиться к Всеволоду.
Всеволод, как впрочем мы и ожидали, был рад принять в свой университет столь способного ученика, да еще и рекомендованного Гавриилом, однако, было бы совершенно невозможным зачислить Алексея безо всяких экзаменов, поэтому радушный дедушка, желая облегчить участь юноши, предложил ему самому выбирать те предметы, которые ему ближе всего. На удивление Всеволода и Леши, выбранные им предметы в точности совпали с общепринятыми экзаменами на выбранную им специальность.
С этого дня наша юная компания редко видела Алексея, усердно готовившегося к экзаменам, в помощь будущему студенту была предоставлена вся библиотека князей. Леша выбирался из ученого мира в мир материи лишь на трапезу, на тренировки, иногда на прогулки после обеда, и всегда на прогулки вечером.
Наша же юная компания, в которую, вопреки возрасту своего тела, прочно вписался Давид - этот дивный человек мастерски умел сочетать свои обязанности в гостинице с общением в нашей компании – вовсе не унывала, напротив, Михаил измыслил для нас тренировки рукопашного боя в промежуток между обедом и ужином. Откровенно говоря, логикой я не мог понять, зачем мы столько времени уделяем совершенствованию боя голыми руками, в сердце чувствовал, что это может вскоре пригодиться, а в целом был

уверен, что князь понапрасну время тратить не будет, потому полностью положился на его провидение.
К слову сказать, перчатки и прочий инвентарь у князей был гораздо современней, чем у Ярослава, потому позволял работать в более жестком контакте. На тренировках, среди нас, особым мастерством тут же отличились Давид и Настя. В итоге мы с Кириллом оказались в «группе отстающих», потому гораздо чаще других спарринговали с Михаилом. Пытаться попасть в князя было, поистине, бесполезным занятием. Навыки обороны и маневрирования этого человека вызывали восхищенье, о навыках нападения мне должно быть стыдно говорить, потому как Михаил, я был уверен, еще ни разу не атаковал меня по-настоящему. Об этом говорят хотя бы те факты, что в спаррингах с князем мой нос гарантированно оставался цел, а атаки князя состояли из одного, редко двух ударов, в то время как Кирилл несколько раз разбивал мне нос в кровь, а атаковал сериями, иногда довольно длительными и, если можно так сказать, яростными.
Мы отрабатывали самые разные ситуации и стили боя: один на один, один против нескольких, группа против группы – вернее сказать двое на двое, потому что князь в этом участия не принимал, не желая давать никому из нас столь значительный перевес в силах – борьба стоя, борьба сидя, борьба лежа, только ударная техника, смешанный стиль, работа против ножа, дубины, другого оружия. Все эти упражнения, казалось, «впитывались в кровь», или во мне что-то изменилось, или Михаил настолько гениально выстроил процесс обучения, но знания ложились, словно свежий рисунок на чистый лист.
В напряженных тренировках прошли ближайшие две недели, Алексей готовился к очередному экзамену, но клятвенно обещал, что, как только он освободится от учебы – тут же поступит в распоряжение нашего обожаемого сенсея и непременно наверстает пропущенные занятия.
И вот, одним прекрасным августовским утром, мы, как обычно, упражнялись в фехтовании у озера, Михаил показывал нам несколько новых нюансов в технике передвижения, затем мы разбились на пары и начали тренировку. Почему-то опаздывал Гавриил, как он сказал еще утром, его ожидает деловая встреча, но уверил, что нам расслабляться не следует, потому как он нагрянет в самый неожиданный момент и «справедливо наградит верных и накажет неверных».
Между тем на пригорке, рядом с домом показались три фигуры: одна – Гавриила, другие две – мужчина и женщина.
- По поводу этого дела мы решили, Роман Никифорович, осталось лишь перенести его на бумагу и скрепить.
- Да, предложенный вами план полностью удовлетворяет моим ожиданиям, более того, он их превосходит, в то же время этот план удовлетворяет и вашим интересам, уверен, иметь такого делового партнера как вы – истинное счастье, и еще большее счастье – знать вас как друга. Но, как вы, полагаю, догадываетесь, более всего в этом визите меня заботили дела не мирские, а отцовские. Прошу, пройдемте к Кириллу, он верно еще в помещении.
- От чего же вашему сыну быть в помещении?
- Он ведь болен, - мужчина насторожился, - тем более дома он никогда столь рано не вставал.
- Мой добрый друг, вы увезли с собой год назад образ больного, измученного ребенка и, за неимением новой информации, продолжаете носить в себе эту отжившую картину. Однако, мне прискорбно слышать, что вы не поверили в лекарский талант моего брата, ведь мы уверили вас, что болезнь сгинет.
- Вы правы, князь, но что я мог поставить против терзаний отцовского сердца?
- Ваши глаза, мой друг, ваши глаза, мы уже несколько минут мнем ногами этот пригорок, с которого открывается дивный вид не только на озеро и сад, но и на занятия фехтованием под руководством известного вам князя Михаила. Если бы вы допустили в себя мысль о чудесном, как оно верно казалось вам, выздоровлении сына, то без труда разглядели бы его вон в том юноше, бойко сражающимся с Давидом – заведующим нашей гостиницей.

Мужчина побледнел, начал усердно вглядываться в здорового, крепкого юношу, искусно владеющего мечем, и с трудом узнавал в нем собственного сына, наконец отцовское сердце сказало свое решительное «о Бог мой, это он», и Роман повалился на землю, будучи не в силах устоять на ногах. Оказавшись на земле, мужчина тяжело задышал, автоматическим движением руки стирал платком пот со лба, по его щекам покатились слезы. Людмилу же охватил нешуточный ступор: ее лицо так и застыло, выражая недоверие и потаенную злобу, руки беспомощно висели вдоль тела, ее глаза отчетливо видели сына, ее мозг и сердце понимали, что это он, точно он, но ее эго активно изобретало обвинения в сторону князей, ведь это было, пусть и потаенной, но главной целью визита к князьям – безжалостное и дерзкое обвинение Михаила в его некомпетентности, затем едкие укоры мужу, поддавшемуся на уговоры «шарлатанов», и в финале скандал и отбытие на свою малую родину вместе с сыном-инвалидом. По правде сказать, эта женщина уже не могла себе представить Кирилла здоровым, ей нужно было рядом живое и беспомощное существо, о котором нужно заботиться, а потом жаловаться друзьям о своей тяжелой доле – вокруг этого вертелась ее жизнь, теперь же этого стержня просто не было. Словно молния, ее пронзила мысль, что Кирилл теперь – самостоятельный человек, взрослый и здоровый мужчина. Людмила не понимала всех гнусных порывов своего эго, но безусловно им повиновалась, считая, что так ей подсказывает женское чутье, а раз она не сознавала всего этого, то она и не могла знать, от чего мысль о выздоровлении сына так пугает и злит ее.

- Роман, встаньте с земли, вот, держитесь за руку, я помогу вам, - обратился Гавриил.

- Что мне стоит подняться с земли, а вам – помочь мне, когда вы безногих делаете быстроногими, трусов – смельчаками, несчастных – счастливейшими?! Сколько лет я уже веду дела с вами, но до сего дня не ведал, что за силой наградил вас Всевышний.

- Полно вам, поднимайтесь, уверяю вас, Всевышний никого не обошел стороной.

- О, нет, - сказал Роман, поднимаясь на ноги при помощи Гавриила, - мне довелось повидать великое множество людей в самых разных уголках света, но нигде я не встречал людей, подобных вам.

- Как знать, как знать, вы ведь до сего дня и не предполагали наличия тех способностей во мне, о которых сейчас говорите. А теперь, приведите себя в порядок, думаю, скоро наш наблюдательный пост будет замечен господами тренирующимися.

Мужчина отряхнул брюки, поправил одежду, и только потом заметил, что его жена, в лучшем случае – живой музейный экспонат, покрытый мелом.

Роман и Гавриил подошли к Людмиле, женщина лишь улыбнулась мужу и начала заваливаться назад, от падения ее спасли сильные руки кавалеров. Женщина быстро пришла в себя, встала на ноги, оправилась, оперлась на плечо мужа.

- Кирилл, - обратился к юноше Михаил, - обрати внимание вон на тот пригорок, думаю, тебя там уже заждались.

Кирилл только что закончил спарринговать с Давидом и положил меч на траву, но, услышав слова князя, забыл и думать о заслуженном отдыхе, и ветром помчался на пригорок, улыбаясь широкой улыбкой, приветствуя родителей поднятой рукой.

Та быстроногая прыть, с которой бежал Кирилл, удивила и его самого, уж не говоря о родителях, которые окончательно разрыдались, от этого зрелища.

Юноша недолго думал, кого обнимать первым – он обнял обоих родителей, в его глазах сверкала Радость, из его тела ключом било здоровье и сила, было ясно видно, что он и думать забыл о недомогании ног, которое было, казалось, целую вечность назад.

- Как ты окреп, повзрослел здесь, как славно и легко ты управляешься со своими ногами, - начал Роман.

- Ногами, - на секунду замешкался Кирилл, а в следующий миг вспомнил, что родители оставили его здесь безнадежно больным инвалидом, а теперь впервые видят его здоровым, - отец, о чем ты? Я уже и думать забыл про ту болезнь, как впрочем, и про все остальные недуги тела, теперь я – здоров, свеж и полон сил. Но если бы ты пожелал отблагодарить

кого-либо за мое возрождение, то тебе, пожалуй, придется обойти всех обитателей этого дивного дома, а в первую очередь пожать руку князю Михаилу.
Роман слушал четкий, уверенный голос сына, и сердце его пело, он едва ли улавливал смысл всех слов, он словно впитывал в себя образ нового сына – крепкого и уверенного мужчины.
- Сынок, я готов хоть сию минуту обнять каждого в этом имении, а особенно - твоего целителя, позволь сперва налюбоваться тобой.
- Тогда, сию минуту слезы прочь с лица – ведь мой отец всегда был сильным человеком, - шутил Кирилл.
- Ты прав, ты прав, слеза не украшает мужчину, но та радость, которую ты подарил нам сейчас, пересиливает всякое мужское самообладание.
Мы приостановили тренировку и с интересом смотрели на Кирилла и его родителей.
- Вот такими слезами выходят из человека иллюзии, не покинувшие его своевременно. Как говорят люди, есть слезы радости, и есть слезы печали. Отличие между ними лишь в том, что слезы радости текут тогда, когда действительность оказывается более выгодна для человека, чем он ожидал, а слезы печали, когда происходит наоборот. Суть же одна – крушение иллюзий.
Гавриил, а вместе с ним и семейство Тарновых начали спускаться с пригорка, приближаясь к нам. Мое внимание привлекла мать Кирилла: с одной стороны она выражала все внешние признаки радости, с другой, внутренней, яростно ненавидела Михаила, притом сама слабо понимала за что.
Первым нас поприветствовал Роман, пожав руки мужчинам, элегантно поклонившись Насте, дольше всего он задержал руку Михаила, с невыразимым восторгом глядя в глаза князя, осыпая его комплиментами и благодарностями, выражая всяческое расположение, высказывая надежды на дружбу, а так же заверения, что любая просьба Михаила будет удовлетворена, если ему случиться просить о чем-либо Романа. Михаил ответил не менее дружелюбными словами, принимая дружбу мужчины и его стремление помочь.
Следом к князю подошла Людмила.
- Князь, позвольте и мне поблагодарить вас за чудесное исцеление Кирилла. Уж и не знаю, что бы помогло ему, если бы не вы. И, раз уж болезнь в прошлом, не могли бы вы позволить мне ознакомиться с историей болезни сына, пока он был у вас?
- Уверяю вас, если в исцелении Кирилла и произошло чудо, то совершил его он сам, а я – лишь скромный человек, выполняющий все то, чего требовала от меня ситуация. К сожалению, предоставить вам историю болезни не видится возможным, - эти слова Михаила вызвали улыбку почти у всей нашей молодой компании, ведь мы-то знали, что случилось с теми бумагами, что Людмила привезла с собой в прошлом году, - по той простой причине, что я не вел ее.
- Вы не вели?! – откровенно удивилась женщина, - Но как же тогда вы могли наблюдать больного?
- А я и не терял Кирилла из поля зрения.
- Право, странные методы, но отдайте хотя бы те сведения, что я предоставила вам в прошлом году.
- Не желаю вас расстраивать, но эти сведения уничтожены.
- Как! – женщина начинала терять контроль над собой, - Как вы могли уничтожить эту информацию, а что если болезнь вернется, а если они еще зачем-нибудь понадобятся?
- Людмила Григорьевна, вы словно прибыли сюда не за сыном, а за его болезнью и ее историей. Скажите, зачем вам эти сведения? Ваш сын здоров, болеть он не собирается, разве что его может ждать недуг от вашего неизменного стремления иметь больного сына подле себя.
- Да что вы такое говорите?! А! Теперь я все поняла, вы, да вы, вы не отдаете себе никакого отчета в действиях! Подумать только, вы заставили сражаться на мечах и эту хрупкую девушку! Не знаю, как вы исцелили Кирилла, за это вам, конечно, огромное

спасибо, но мы завтра же покидаем этот город!
- Позвольте, но это вы покрылись багровыми пятнами, перестали контролировать слюноотделение, принялись активно жестикулировать и кричать, по крайней мере в данной ситуации я выгляжу более сознательным человеком, нежели вы. Примите же человеческий вид, вы позорите не только себя, но и свою семью. Вы правы, вы не знаете, какими методами Кирилл исцелился, но это скорее счастье для вас, нежели печаль, потому как знание этих методов меняет мировоззрение человека полностью, и, как знать, что бы случилось с вами, познай вы то, чем теперь владеет ваш сын. Сейчас вы полны ненависти ко мне, весь минувший год, а особенно время путешествия в наш дивный город, вы ковали такие мысли, вынашивали такие планы, о которых я бы не стал говорить в присутствии посторонних вам людей, и тем более близких. Вы знаете, о чем я говорю, это видно по переменам в вашем лице. Вы не покинете город завтра, а проведете в нашем обществе неделю, как и было запланировано вами с мужем еще перед путешествием, за это время, думаю, вы сумеете по-другому взглянуть на вещи.
Женщина хотела сказать что-то в ответ, но к ней подошел Роман, положил руку на плечо и пронзительно посмотрел в глаза, Людмила стихла.
- Прошу прощенья, господа, что вам пришлось пережить столь неприятную сцену, Людмила весь год сильно переживала за сына, вспоминала его ежедневно и, не мудрено, что сердце матери не совладало с эмоциями.
- Дорогой друг, уверен, никто из здесь присутствующих не скопил обиды по этому инциденту. Однако, чтобы уравновесить нервную систему, я советую вам прогулку в саду, где, в скором времени, я примкну к вам.
Гости послушно выполнили совет князя, а мы продолжили тренировку. Что тут сказать, мне часто приходилось видеть сцены человеческой агрессии, причины и последствия этой вспышки были видны мне очень ясно, потому были приняты спокойно, без осуждения, с пожеланиями тепла и Мира бунтующему существу. Чего нельзя было сказать о Кирилле – бедный юноша не знал, куда ему деться от стыда.
- О чем ты так стыдишься, Кирилл? – спросил Михаил, уводя юношу чуть в сторону, - Ты не в ответе за поступки своей матери, своего отца, кого-либо еще, сейчас ты отвечаешь только за себя. Очевидно, ты считаешь, что Людмила поступила безнравственно, потеряла всякое человеческое лицо, не совладала с собой, но в этом есть и большой плюс – она не стала держать весь этот яд в себе. Иногда гораздо лучше бывает для человека, чтобы выдавить весь гной из раны, а потом уже исцелить ее, так же и тут: сейчас Людмила без сил, власть эгоизма над ней значительно ослабла в данный момент, и если с умом использовать это время, то можно успеть насадить в ее сознании те зерна морали, что, прорастая, достигают Души человека. Она рассвирепела, но она не подавила это лицемерием – часто это куда лучше, чем лицемерное подавление своих истинных чувств. Поразмысли на досуге о том, что лучше: скрывать свои пороки лицемерием или вовсе не скрывать их? Разумеется, тут нет однозначно правильного ответа, все зависит от ситуаций жизни, прими и это в свои размышления, - Михаил подвел юношу к «тренировочной площадке», - Тренируйтесь, меня не ждите, инвентарь вы знаете куда убрать.
Мы так и сделали. За обедом Михаила тоже не было, появился он, в сопровождении гостей, лишь ко времени тренировки рукопашному бою. Родители Кирилла шли вместе, но как разнились эти две фигуры: все в Романе, начиная от походки и заканчивая блеском в глазах излучало самый искренний восторг, Людмила же напротив, была грустна и задумчива, но агрессии в ней уже не было.
- Роман, ты уверен? – спросил князь, очевидно, они уже успели перейти на «ты».
- Да, мой друг, я еще никогда не был так уверен, как сейчас.
- Что ж, хорошо. Ну, Кирилл, - Михаил повернулся к юноше, - теперь тебе предстоит довольно интересный экзамен – показать отцу, чего ты достиг в навыке рукопашного боя, притом, показать лично, в учебном спарринге.
- Но, как же я могу поднять руку на отца?

- Точно так же, как и во всех прочих сражениях, более того, на этом спарринге настоял именно Роман, так что, поднимая руку, ты идешь не против, а по воле отца. Сражайся честно, не поддавайся и не дави, ведь это – только тренировка.
- Рома, может не стоит? – спросила мужчину Людмила.
- Не стоит? Верно, этой тренировке не будет цены. Жизнь научила меня, что мужчина должен уметь постоять за себя, а кому следует научить сына сражаться, если не отцу? Пока Кирилл был болен, я и не помышлял о тренировках, но теперь… Да, момент упущен, обучение начал не я, но я, хотя бы, приложу к этому руку. Может быть, тебе сейчас не ясна моя позиция, но, поверь, для меня это очень важно, это что-то вроде мечты всей жизни – когда отец и сын заняты общим делом, развиваются вместе в одном направлении.
- Вижу, отговорить тебя не получится? – спросил князь.
- Нет, друг, не стоит и пытаться.
- Тогда – вот твои перчатки, давай, я подержу лишнюю одежду.
Кирилл уже был готов к бою, Роман немного провозился с рубашкой, затем одел перчатки, поднял руки, улыбнулся и шагнул вперед, мы, разумеется, моментально перешли в разряд зрителей.
Еще когда они сходились, я успел заглянуть в глаза Кирилла – в них не было жалости к отцу, вернее он не смотрел на Романа как на отца в эту минуту, он полностью был готов к бою, не знаю почему, но я увидел его в доспехах на коне, мчащимся сквозь ряды неприятеля, но в следующее мгновение видение пропало.
Кирилл начал прощупывать оборону отца прямым левым ударом, по себе знаю, насколько быстро Кирилл умеет наносить этот удар, поэтому не мудрено, что Роман пропустил парочку в челюсть. Мужчина же, как было отчетливо видно из манеры передвижения и взмахам рук, привык работать в средней и ближней дистанции, потому был легкой мишенью для «расстрела» с дальней, тем более, что у Кирилла рост, а соответственно и руки были длиннее. Наконец Роман удачно нырнул под правый боковой, тут же ударил в пресс сыну, а выпрямляясь точно поразил челюсть левым с боку. Кирилла это встряхнуло, он понял, что легкого боя не будет, собрался с силами, теперь в его глазах загорелся тот азарт, который я часто видел в наших с ним спаррингах. Юноша начал давить мужчину, беря верх за счет скорости и длинны рук, но Роман был не из тех, что трусливо бегут, почувствовав давление соперника: он сгруппировался, принял оборонительную тактику, но в самые неожиданные моменты взрывался сериями ударов, не редко достигавшими цели. В итоге же Роман налетел на встречный прямой удар, разбивший ему нос в кровь, на этом спарринг закончился. Кирилл быстро скинул перчатки и бросился к отцу, однако, Роман не дал ему вытирать кровь, но крепко пожал руку юноше, взял за плечи, посмотрел в глаза и с величайшим чувством родительской гордости сказал:
- Молодец, сын! Вот так и в жизни бей всякого обидчика. Разбитый нос – это ерунда. Главное, теперь я знаю, что ты – настоящий мужчина, я уже тысячу раз благословил тот день, когда оставил тебя в имении князей, теперь же я благословляю этот день еще столько же раз. По правде сказать, мы с матерью хотели забрать тебя на этот раз, но князь Михаил уверил нас, что еще два года, проведенные под их чутким надзором окончательно подготовят тебя к самостоятельной жизни, тем более что через два год сюда, скорее всего, прибудет Николай Строганов, и мне было бы приятно повидать старинного друга в столь мирной обстановке. Что скажешь? Желаешь ли ты остаться или поехать домой?
Те чувства, что пронеслись по лицу юноши, надо было видеть: такого калейдоскопа эмоций я не видывал уже давно, венцом же этому всему была искренняя Радость.
- Я остаюсь, отец. Ты сам видишь, сколь благотворно на меня влияет общество князей и мои друзья. А раз князь сказал, что сумеет подготовить меня к самостоятельности, то, будь уверен, так оно и случится. За год жизни в обществе этих дивных людей я понял, что их слову следует доверять полностью, даже если все логические выводы говорят противоположное. Я остаюсь, но не потому, что не желаю видеть дом или вас, напротив, я бы с радостью посетил родной дом и провел время с родителями, но что-то внутри

подсказывает, что здесь я смогу получить нечто такое, что сохранится во мне на все времена, что-то поистине бесценное.
- Да будет так, сын, - тихим, любящим голосом сказал Роман.
- Да будет так, - сказала Людмила, и обняла сына.
Чудотворец Михаил сотворил чудо и на этот раз – преобразив ядовитую женщину в кроткое, чувственное, но, правда, грустное, а вернее, задумчивое существо.
- Однако, довольно разговоров! – сказал Роман, широко улыбаясь, кровотечение уж давно закончилось, - Вы оскорбили мою честь, сударь! Защищайтесь, - шутил мужчина, поднимая руки, готовясь к очередному бою.
Этот бой мы созерцать не стали и принялись за тренировку. Надо сказать, эта ситуация с Кириллом вызвала во мне множество мыслей, благодаря которым я частенько пропускал удары.
Когда же тренировка закончилась, уставший телом, но сияющий Душой, Роман обнял сына, не в силах удержать восторг. Эта сцена своей искренней трогательностью раскрывала мне новую грань в таком явлении, как человеческое счастье. Да, именно человеческое, доступное каждому человеку на Земле, но в этом счастье были все задатки, звучали все отголоски Счастья Божественного, и если сейчас в едином труде слились отец и сын земные, то в Божественном Счастье сливаются сын-Душа и Отец-Бог в едином порыве творения.
Людмила не могла полностью понять всю радость Романа, потому что это была радость истинного воина, но она всем сердцем ощущала те Светлые чувства, что родились в сердцах отца и сына, и радовалась вместе с ними, примкнув к объятиям мужа. А мы все радовались вместе с другом, наконец-то нашедшим гармонию в семье.
Убрав инвентарь, мы отправились гулять по саду, Роман теперь смотрел на Кирилла, как на абсолютно равного себе, взрослого и смелого мужчину. «Вот, оказывается, что нужно сделать, чтобы вырасти в глазах отца, - подумал я в шутку, - Да, теперь мне предстоит тренироваться в три раза усерднее, если я желаю вырасти в глазах своего отца».
- Что, юный заговорщик, уже планируешь расправу над отцом? – шутил князь.
- О, нет, да разве я могу помыслить о таком? Всего лишь желаю оказаться достойным чести носить его фамилию, быть его сыном.
- Ой, хитрец, хитрец, с твоим талантом оправдываться самое место в политике, или в делах судебных. Неужто, ты желаешь добиться чести через разбитый нос?
- Зачем же нос? Можно нанести удар и в другое место, - продолжал шутить я, откровенно улыбаясь.
- С завтрашнего дня мы начнем активно постигать искусство боя ногами, - уже серьезно сказал Михаил, - в этом деле следует быть особенно внимательным, потому как ногой можно травмировать гораздо тяжелее, а контролировать ее, поначалу, труднее.
- Михаил, я полностью доверяю твоему выбору, потому с радостью развиваюсь в том направлении, в котором ты указываешь, но мне интересно, зачем мне пригодится это искусство? Разве мне следует в будущем много драться?
- Драться тебе предстоит каждый день, вся жизнь – битва. Но драк в общепринятом понимании у тебя будет не так уж много. А нужно это вовсе не для того, чтобы красиво отправлять в нокаут любого задиру, но для того, чтобы постичь Духовную суть воинского искусства, и тогда оно превратится для тебя из боевого искусства и Искусство Мира. Научившись сражаться телом, ты научишься сражаться Духом, а научившись сражаться Духом, ты постигнешь любые вершины мира. В мои и Ярослава планы вовсе не входит сделать из вас просто хороших бойцов, в наши планы входит сделать из вас Великих Воинов. Ты и сам заметил, что, при осознанном подходе к тренировкам, ты гораздо лучше учишься владеть мыслью, эмоциями и телом, все твое существо сливается в единое целое. Ключевой момент во всем этом – осознанность. Любая тренировка становится в десятки и даже сотни раз полезней, если в нее вкладывается все существо человека.
- Разве не существует другого способа достигнуть той высоты Великих Воинов?

- Сражение – это один из основных этапов жизни человека, меняются лишь его формы. Кто-то сражается руками, кто-то словами, кто-то мыслями, кто-то эмоциями, одни люди дерутся с внешними врагами, другие – с внутренними, но сражается каждый. Если человек перестает сражаться – он начинает «загнивать», переходить в амебообразное состояние. В твоем случае бой руками и мечами наиболее приемлем, потому что эти тренировки вызывают в тебе гораздо больше чистой Радости, нежели словесные поединки и уж тем более чем эмоциональные перепалки. А там, где человек берется за дело с Радостью, его ждет неминуемый успех.
После прогулки мы отправились ужинать, затем еще немного погуляли, как обычно в это время к нам примкнул Алексей, а после разошлись на ночлег. Родители Кирилла ночевали в гостинице, и я хорошо понимал такое решение князей.
Утро началось типично: завтрак, прогулка, тренировка. Но за кажущейся внешней типичностью каждое утро несло нечто новое: неиссякаемый талант князей изобретал все новые и новые формы тренировки, отрабатывались самые разные ситуации, шлифовались самые мельчайшие детали. Надо сказать, вчерашние слова Михаила как-то особенно повлияли на меня, и теперь, едва началась тренировка, я словно полностью выпадал из общественной жизни и с головой уходил в постижение огромной науки под названием «сражение».
Роман и тут желал поспарринговать с сыном, но Гавриил его остановил, сказав, что столь резко бросаться всеми силами в тяжелые нагрузки не самое полезное занятие для его организма. Мужчине хотелось, очень хотелось провести хоть один бой с сыном, но против слова князя он пойти не мог, потому взял меч и встал в пару с Гавриилом. Князь, в свою очередь, вел бой очень медленно, учитывая состояние гостя. Лишь под конец тренировки Гавриил дозволил Роману скрестить мечи с Кириллом, чему тот несказанно обрадовался. Этот бой был весьма коротким – Кирилл без особого труда поймал отца на выпаде. Но, казалось, чем чаще Роман проигрывал сыну, тем счастливее он становился. Сомнений в том, что он бился, не поддаваясь, не было.
- Князь, держу пари, что если вы откроете школу боевых искусств, то к вам потянутся люди со всех уголков Земли! – восторженно сказал Роман.
- Роман, мы уже давно знакомы с вами, вчера вы сделались другом моему брату, так будем же и мы с вами на «ты»?
- Что ж, я только рад.
- Подобная мысль посещала и меня, однако, Вячеслав Григорьевич уже открыл в нашем городе школу фехтования, и мне было бы стыдно отбивать у него клиентов.
- Который Вячеслав? Тот самый?! Прославленный мастер меча?
- Да, ты верно догадался.
- О, знал бы ты, как я мечтал взять у него хотя бы один урок…
- Зачем вам я, когда перед вами истинные Мастера? – раздался голос Вячеслава, неизвестно откуда взявшегося.
Его появление несколько смутило всех нас, лишь князья стояли, улыбаясь широкими и хитрыми улыбками. Роман повернулся на голос и тот час узнал того человека, которого боготворил.
- Это честь для меня, встретить такого человека, как вы, - Роман немного склонил голову, затем протянул руку для приветствия, - Роман Никифорович Тарнов, это моя жена – Людмила Григорьевна, а это наш сын – Кирилл Романович.
- Рад нашему знакомству. С Кириллом мы уже знакомы. И, пожалуйста, не склоняйте передо мной головы, если вы искали Мастера, то вы нашли его, даже двоих, но я, к сожалению, в это число не вхожу.
- При всем уважении, я, все же, продолжу считать вас – мастером меча. И, может быть я покажусь бестактным, но как вы оказались здесь?
- О, это дивная история, а началась она прошлым летом, если желаете, я расскажу ее вам.
- Сочту за честь, уверен, это очень интересная история, но сперва скажите, что привело

вас сюда именно сегодня, именно в эту минуту? Мне нужен скорейший ответ, иначе, от обилия чудес в этом доме у меня скоро закружится голова.
- Все просто, вчера вечером я получил записку от князя Михаила с просьбой посетить это дивное имение сегодня в известное вам время.
Роман вопросительно, и в тоже время с богоговейным страхом смотрел на князя, думаю, так бы смотрели в средневековье простолюдины на великого чародея. В ответ Михаил лишь улыбнулся, как бы говоря этим жестом, что он здесь совершенно ни при чем.
Роман прищурил глаза, и хитрым голосом спросил:
- Мой дорогой друг, скажите правду, кто вы: ангел или дьявол?
- Столь малый выбор предоставили вы мне, будто человеком быть уже негоже?
- Какой же человек умеет время так подгадать? Да что там время, мысли видеть человека, при том, не только те, что думает человек сию минуту, а даже те, что будет думать завтра.
- Знания, мой друг, это все – знания, мы еще найдем время для беседы об этом, а пока – возьми свою мечту, получай урок фехтования от Вячеслава.
Что тут сказать, Роман был просто счастлив, казалось, в этом имении сбывались все его мечты. Мне было хорошо известно это ощущение, поэтому я радовался вместе с ним, радовался тому, что Жизнь подарила этому человеку столь чудесных друзей.
Вячеслав улыбнулся, хитро-хитро подмигнул Михаилу, взял меч, встал напротив Романа, принялся объяснять ему, каким должно быть исходное положение тела. Мы не стали вмешиваться в мечту мужчины и продолжили тренировку.
В этот день закончили упражняться несколько позже обычного: ненасытный Роман, казалось, впитывает всей Душой указания Вячеслава. Интересно было замечать, как к человеку возвращается молодость по мере исполнения его давних заветных желаний, словно старый и надоевший груз сваливается с плеч.
После тренировки мы, по обыкновению, отправились гулять по саду, Роман, Михаил, Людмила и Вячеслав отделились маленькую группу и пошли немного в сторону от нас, думаю, им было о чем поговорить. Гавриил решил зайти к Алексею, Давид поспешил по делам гостиницы, а мы, вновь оставшись втроем, продолжили путь среди природной красоты.
- Кирилл, как чувствуешь себя теперь? Ведь ты остаешься еще на год в этом дивном месте, - спросил я.
- Сложные ощущения. С одной стороны я искренне рад, что еще целый год проведу здесь, в таком прекрасном обществе, а с другой… Даже не знаю как описать, наверное, мне хочется посмотреть на родной дом новыми глазами, привезти в него все то новое, что постиг здесь. Видимо, мне придется отдать «часть себя» родителям, чтобы в мою комнату вернулись хотя бы мысли обо мне нынешнем, обо мне здоровом. Родители привезли мне не только радость свидания, но и память о моей былой жизни. И, когда я вспоминаю ее, мне кажется, будто это был кошмарный сон, а теперь я проснулся, я здоров, и мне хочется верить, что я всегда был таким, - юноша улыбнулся, - иногда очень приятно жить текущим моментом.
- А что скажешь про отца? Он так радуется за тебя, что, кажется, скоро соберет все звезды с неба и подарит тебе, - спросила Настя.
- Отец стал настоящим открытием для меня, иногда возникает ощущение, что я и не знал его до вчерашнего дня. Вечером я размышлял, как, должно быть, тяжело иметь мечту совместных с сыном тренировок, иметь цель – сделать из сына уверенного в себе мужчину, и не иметь возможности воплотить ее. Думаю, эта мечта жила в нем все это время, и вот, наконец, он увидел ее воплощение. Теперь, только теперь я начинаю постигать смысл слов Ярослава о силе рода, о Гармонии с семьей, о передачи знаний от родителей к детям. Вообще, я рад, что отец сумел выбраться сюда на неделю, отдохнуть от дел, воплотить в жизнь заветные мечты. Сколько себя помню, отец всегда хотел заниматься боевыми искусствами, вроде бы, даже занимался в молодости, а потом дела, семья, да еще и ребенок родился нездоровым, в общем, это стремление так и осталось на

уровне мечты. Не знаю точно, когда он познакомился с князьями, кажется, при помощи твоего отца, Дима. Про Вячеслава отец много читал, много слышал, сам часто рассказывал о нем, как о величайшем мастере и мечтал повидаться с ним, но случалось так, что или отца не было в городе, или Вячеслав дает уроки мастерства в других городах нашей необъятной Родины.
- Теперь уж он своего не упустит, - шутил я, - хотя, как знать, столько счастья и все на одну голову, да за неделю, тут можно стать привередливым и выбирать из «счастьев» самые вкусные куски.
- Зная аппетиты отца, могу сказать, что он скорее попросит добавки, нежели станет церемониться. Тем более, что счастья много не бывает.
- Кстати, а как ты понимаешь счастье?
- Понимаю это так, что человек соединяется со своим истинным Я, а значит и с Богом. Вот например, была у человека мечта в этом мире, и пока он ее не исполнит, она его не отпустит, значит, когда мечта исполняется, в человеке становится меньше мирских интересов и он может еще одну часть Души посветить Богу. Правда это лишь в том случае, если на смену не придет еще одна мечта. Мечты, желания, переживания – это все тяготит человека, прижимает к земле и, следовательно, чем меньше он нагружен земными вещами, тем ближе он к Богу.
Для себя я формулировал понимание счастья по-другому, но различия между моей формулировкой и формулировкой Кирилла были лишь словесные, суть оставалась той же. Однако, его слова показали мне что-то новое в понимании счастья, за что я был благодарен другу.
Мы прогуляли до обеда, вернувшись в имение, обнаружили там Алексея и Гавриила, Михаил, Вячеслав, Роман и Людмила, очевидно, остались на обед в гостинице. Обед был, как всегда, великолепен, проголодались мы изрядно, потому и аппетиты утоляли с двойной силой.
После обеда мы отправились к озеру, где нашли Тарновых и князя, Вячеслав уже покинул их общество. Роман расцветал на глазах, а вслед за ним хорошела и Людмила, видимо, если семья существует столь длительное время, то люди постепенно сливаются в некое единое информационное поле, разумеется, если люди живут между собой в согласии. Михаил беседовал с женщиной, а сияющий радостью Роман счел необходимым поделиться с нами переполнявшими его переживаниями.
Слушая его, меня не отпускало ощущение, будто бы он нам сверстник, разница в возрасте не ощущалась совершенно, ни с моей стороны, ни, казалось, со стороны мужчины. Он рассказывал нам обо всем: как еще с детства мечтал о героическом подвиге, как это желание с возрастом переросло в тягу к фехтованию, как он мечтал познакомиться с Вячеславом, как он, втайне от домочадцев, оборудовал в подвале дома маленький спортивный зал, куда уходил, чтобы получить хорошее настроение и встряску. С великим удовольствием поведал, что, хоть он дрался в жизни и мало, но еще никогда не проигрывал. Наконец, Роман рассказал, как счастлив, что познакомился с князьями, что приехал сюда, как он сказал: «Думал, что еду за сыном, а приехал за собой».
Вскоре князь с Людмилой присоединились к нам, и мы дружной компанией отправились на прогулку.
Время текло незаметно, Роман принимал самое активное участие в тренировках, испытывая верх наслаждения от спаррингов с сыном. Эти спарринги, казалось, снова и снова убеждали его в том, что Кирилл теперь – настоящий мужчина, и умеет постоять за себя. Алексей успешно сдал все экзамены и теперь ожидал результатов, разумеется, ожидал не пассивно, а, как и обещал, наверстывал упущенное в тренировках. По правде сказать, поначалу мы с Кириллом здорово его лупили, не со зла, конечно, а просто потому, что движения и удары уже отработаны, да и сам Леша просил «поддаваться ему не так явно», как мы это делали в самых первых спаррингах. Людмила сошлась с княгиней и, под ее влиянием, обретала все черты мудрой женщины-красавицы. Давид – вечно

веселый человек – творил невероятные вещи, когда мы перешли к изучению ударной техники ногами. Его мастерство уступало лишь Михаилу, все остальные же казались медлительными и неповоротливыми ленивцами, по сравнению с этими двумя «мастерами быстрой ноги», как я их в шутку окрестил. И в самом деле, чтобы нанести удар ногой с боку в живот, мне нужно было затратить значительное время, разве что слепой и глухой инвалид не успеет увернуться от такого удара, в то время как Давид делал это настолько быстро, что иногда даже предчувствуя удар, не всегда можешь его избежать.
Как и предсказывал князь, с началом этих тренировок начались и травмы, пока, правда, легкие. Кости ног были не «набиты», потому любое соприкосновение в ударе со сторонним твердым объектом вызывало боль, чаще всего этим объектом была нога соперника. С проникающими и восходящими ударами было еще сложнее – с непривычки терялось равновесие, а вместе с ним и сила удара. За то эти тренировки доставляли двойную радость Алексею, наконец-то чувствующему себя наравне с нами.
И, казалось, совершенно неожиданно для Романа, подошла к концу неделя визита, настало время возвращаться домой. Во время вечерней прогулки мы разговорились с ним о проведенной неделе.
- Да, быстро же течет время, казалось, еще вчера мы приехали сюда, увидели Кирилла здоровым и полным сил, а уже пора уезжать.
- Уверен, вы имеете все основания, чтобы быть счастливым человеком, от чего же вы выглядите печальным? – спросил я.
- Я догадываюсь, о чем ты подумал – о том, что я буду скучать по сыну? – по правде сказать, я подумал не об этом, но перебивать мужчину не стал, - Да, буду, еще как буду, особенно теперь, когда я знаю, что он может стать мне помощником во всем, что мне будет кому оставить дело своей жизни. Но, как то ни странно, я больше сожалею о расставании с князьями, с этим местом. Имение князей стало для меня чем-то вроде сказочной страны, переступив порог которой тебе следует держать ухо востро, чтобы приметить воплощение своих самых сокровенных мечтаний и, в то же время, здесь будто исчезает все то низкое и мерзкое, что жило в тебе все эти годы, ты обретаешь новое рождение, стряхиваешь ненужный груз в виде старых желаний, никчемных мыслей и гадкого характера. Да, да, Дима, не смотри на меня так, все люди носят в себе частичку черноты, низших животных инстинктов, даже князья признают, что весьма далеки от совершенства, а я – и подавно. Учитывая особенности моей деятельности, приходится вести себя агрессивно с людьми, ставить жесткие рамки, добиваться своих целей силой, порой абсолютно забывая про человечность. Мы имели не одну беседу об этом и с Михаилом и с Гавриилом. По правде сказать, я был удивлен, что такой жесткий руководитель как Гавриил умело сочетает в себе как жесткость, напористость, силу, так и такт, размеренность, доброту. Мое удивление перешло в восхищение, когда я начал понимать, как это совместить в себе. Ты спрашиваешь, от чего я печален, как же тут не печалится, если ты покидаешь место, явившее тебе столько откровений?
- Как я вас понимаю, правда, судьба наградила меня пятью годами непрерывного общения с этими дивными людьми. Первый год явил столько нового и необычного, что я, то и дело, замирал, раскрыв рот. Познакомившись с обитателями имения, я не представлял, как смогу прожить следующий день, если не увижу их. Однако, со временем, князья помогли мне понять, что расставания, как такового, не существует для человека, если он живет не одной землей, а еще и живым небом. Где бы ты ни был, ты сможешь соприкоснуться с теми людьми и теми силами, что встречал однажды. Подобным образом я часто обращался к отцу и всегда получал ответ. Таким образом, я понял, что никто не покинут мной до тех пор, пока его образ хранится в сердце.
- Быть может, если бы я провел здесь столько же времени, то тоже бы научился соединяться с людьми лишь посредством силы Духа и сердца, но, увы, мой друг, я еще большей частью человек, а не волшебник, и посему мне присущи все человеческие переживания – в том числе и грусть от расставаний. Но, в этом есть и своя прелесть –

радость при встрече.
- Вы абсолютно правы, во всем следует искать, прежде всего, хорошее. Вы, безусловно, имеете радость встречи, но, поверьте мне, гораздо большей является Радость Единения. Ее не нужно ждать, она не зависит от времени и места, она каждый раз новая, неповторимая, как сама Жизнь.
- Но, если ты постоянно испытываешь Радость, то, со временем, ты привыкнешь к ней.
- Это произойдет лишь в том случае, когда радость лишена новизны, как например, радость принятия пищи, отдыха, сна – эти формы радости переживаются преимущественно органами чувств, эмоциями, мыслями, а то, о чем я пытаюсь сказать, переживается непосредственно Духом, к сожалению, это невозможно описать словами, но можно постичь… Нет, не так – необходимо постичь. Необходимо каждому без исключения.
- Как интересно, раньше я бы сказал, что человек просто не владеет словом, или сам не знает о чем говорит, если бы услышал подобный рассказ, но теперь… Теперь я, кажется, понимаю, что это – правда, что есть вещи, недоступные для слов, и даже для мыслей, - мужчина улыбнулся, - По правде сказать, я не привык вести столь философские беседы с такими юными людьми, но в этом дивном имении, очевидно, каждый человек – как бесценный алмаз, полон знаний, тайн и духовных истин.
- Полно вам, Роман, вы для меня – такой же загадочный и исполненный знания человек, для меня по-прежнему является большой тайной, как следует вести свое дело, как налаживать деловые связи, что делать с товаром и так далее. Может быть, во мне раскрылись некие силы, что еще дремлют в вас, но зато во мне напрочь отсутствует представление о том, как достигается материальное благополучие. И, если бы Жизнь вкинула меня в гущу городской суеты, то я едва ли стал бы таким же успешным, как мой отец, скорее всего я бы жил очень скромно, получая мизерную плату за труды.
- За это я бы, на твоем месте, был спокоен: Николай – прекрасный человек, успешный делец, он живо научит тебя всему тому, что не успеют передать князья, и, глядишь, через год его школы мы с тобой уже будем вести совместные дела… - мужчина задумался, - Верно! Прекрасная идея! Как только мы с Николаем заберем тебя и Кирилла через два года, мы поручим вам какие-нибудь малозначительные дела для тренировки, и вы, уже, будучи крепкими друзьями, будете трудиться друг с другом и со своими отцами.
- Замечательная мысль, я полностью согласен.
Мы продолжили беседу, вскоре соединились с друзьями и уже вместе продолжили прогулку. Роман хотел насладиться обществом каждого из нас перед отъездом, потому он много общался и со всеми сразу и с каждым в отдельности, более всего он уделил времени князьям и, конечно же, сыну. В этот прощальный вечер мы вообще очень много общались, и разошлись по комнатам ближе к полуночи.
Утром Гавриил, Кирилл и я отправились провожать Романа и Людмилу. Быть может, я виноват перед этой женщиной, что не уделял ей столь же пристальное внимание, каким одарил Романа, но это происходило лишь потому, что она много времени проводила с княгиней, а когда появлялась среди нашей компании, то всегда носила отпечаток глубоких размышлений, и я не решался их нарушать. Уверен, эта женщина пережила здесь если не второе рождение, то значительную встряску сознания точно. Насколько я могу судить, она сбросила около пяти-семи килограмм за эту неделю, немного помолодела внешне и, как бы это странно не звучало, вновь влюбилась в своего мужа.
Поезд отходил рано утром, мы успели лишь легко позавтракать в имении и отправились в дорогу. Стоя на перроне, обмениваясь прощальными пожеланиями, Роман сказал:
- Развивайся и расти так же стремительно, как начал год назад, сын. Мне должно быть стыдно, что я не сумел поправить твое здоровье за все эти годы и самостоятельно воспитать в тебе мужчину. Может быть, в этом отношении я был тебе плохим отцом, отдавшим самое дорогое – собственного сына – на поруки бесчисленных врачей. Но, что же теперь сокрушаться прошлым. Теперь я знаю, что князья гораздо искуснее меня в этом,

что они умеют совершать чудеса над людьми, воспитывать и тело и Дух человека. Потому мой родительский завет будет таким – во всем слушай слова твоих воспитателей, если сомневаешься в чем-то, обязательно советуйся, и тренируйся, постоянно и во всем совершенствуйся. Пусть через два года я приеду сюда и встречусь глазами с крепким, былинным богатырем, пусть этот богатырь кладет меня на обе лопатки, как рукой, так и словом – я буду искренне рад, рад всем сердцем, потому что это будет мой сын. Гавриил, - мужчина обратился к князю, - я не знаю, как благодарить тебя, как благодарить Михаила и всех-всех, кто живет в твоем дивном доме. Вы совершаете великие чудеса, и делаете это так легко, словно это – повседневная затея. Пусть будет благословенен тот день, когда я впервые познакомился с тобой, и дважды благословенен тот, когда Кирилл остался у тебя. Знаю, ты считаешь, что чудес на свете не бывает, что все – только знание, возможно, так оно и есть, но пока человек не владеет столь обширными знаниями, чтобы это утверждать, для него живут чудеса. Так пусть в твоей жизни становится больше знания, сияние которого видно даже невооруженным глазом. Дима, - Роман обратился ко мне, - на твоем примере я понял, что такое настоящая дружба, а еще я понял, что слишком легкомысленно относился к молодым людям, считая их неспособными на цельную мысль. В скором времени мне предстоит визит к твоему отцу, уверен, он будет рад услышать, каким ты стал. Передавайте всем в имении мои прощальные пожелания Мира, Любви и успехов. Тарновы обняли сына, Людмила пожелала ему удачи, поблагодарила князя, попрощалась со мной, и супруги вошли в вагон поезда. Кирилл держался молодцом: хоть внутри у него и щемило сердце от расставания, он сумел найти силы, чтобы улыбнуться родителям, пожелать им счастливой дороги, проводить взглядом поезд, улыбнуться нам и намекнуть, что пора бы как следует позавтракать.

Глава 4.

Алексей поступает в университет. Сыщик или ясновидец. Запутанное дело.

Через пару минут мы уже катили обратно в имение, Кирилл был молчалив, его мысли неотступно следовали за родителями, посылая им нежные слова прощанья и сердечное тепло, мысли Гавриила были недоступны мне, мою же голову занимали мысли о собственных родителях. В торжественном молчании мы въехали на территорию имения, Гавриил, очевидно, окончил размышления и обратился к нам:
- Что, господа, как вы себя чувствуете? Дорога помогла вам нагулять аппетит?
- Дорога помогла, но, думаю, что и без ее помощи аппетит был бы внушительным, - отшутился Кирилл.
Мы выбрались из экипажа, переглянувшись с Гавриилом, я понял, что он прекрасно знает истинную причину необычайно вспыхнувшего аппетита Кирилла, а, судя по улыбке, понял, что и я верно догадался об этой причине.
После завтрака, за которым мы с Гавриилом съели лишь символический объем пищи, а Кирилл – полноценный обед, мы отправились к озеру, где нас уже ожидали друзья и тренировка. Тренироваться мы начали, разумеется, не сразу, дав еде время улечься, Кирилл не тренировался вовсе.
Алексей набирался опыта, стал гораздо увереннее держать меч и маневрировать, но скорости ему явно не хватало. Когда же он начинал увлекаться боем, то частенько попадался в ловушку инерционности собственного оружия: разогнав меч посильнее, он не успевал его перенаправить вслед за передвижением партнера. А еще в нем ясно прослеживалось волнение по поводу экзаменов, хотя он и старался его скрыть. Ждать оставалось недолго, уже через два дня будут известны результаты и оглашены списки поступивших. В том, что Алексей поступит, не сомневался никто, кроме самого «виновника торжества».
Через два дня Настя, Кирилл и я отправились вместе с Алексеем к университету, мы были не прочь погулять, тем более, что Леша сам настаивал на этой прогулке, уверяя, что в столь значимый для него момент рядом должны быть друзья. Конечно же, пришли осведомиться результатами далеко не мы одни, поэтому проникнуть внутрь было не так-то просто. Все же преодолев возникшие трудности, мы добрались до списков, когда же Алексей отыскал себя в рядах зачисленных, его радости не было предела. Окрыленный, Леша вернулся в имение, поделился радостью, прежде всего, с Гавриилом, а потом со всеми обитателями имения.
Остаток лета прошел по схожему графику: завтрак, тренировка, обед, тренировка, ужин, прогулка, сон. Возможно, кому-то он покажется скучным, лишенным творчества и свободы, но мне сложно припомнить более веселые и интересные дни. Казалось, будто я вошел в особое состояние сознания, в котором тренировка становилась смыслом жизни, развитие Духа через тренировку – рядовым явлением, а укрепление тела, мысли и эмоций – полезным побочным эффектом. Каждый вечер я мечтал о следующем утре, потому что утром вновь зазвенит сталь и начнется время новых откровений.
И вот – сентябрь, осенний ветер, печальная пора. После завтрака я сидел на лавочке, что недалеко от входа в имение, и созерцал начало осени, это были первые числа сентября. Алексей начал постигать науки в университете, Кирилл, вняв советам отца, летит по лестнице развития, словно оседлал пегаса, Настя не переставала пленять меня Красотой и Мудростью.
- Что, дружище, печальная пора навеяла тоску на сердце? – спросил Давид, усаживаясь рядом.
- Не то, чтобы тоску, но что-то схожее. Как думаешь, от чего осень ассоциируется с печалью?

- Для меня это очень просто – осенью много смертей, много приготовлений к неизбежным холодам. Осень – это как маленький закат жизни, закат, сменяющийся ночью, то есть зимой, а затем переходящий в рассвет, то есть в весну. Осень вызывает печаль во многих людях, но эта печаль не должна быть грустной, опустошающей Душу, она должна ломать все старое, отжившее, негодное и освобождать силы для нового, свежего, необходимого. Человеку печально, что в нем умирает что-то, что когда-то было ему нужно, а теперь бесполезно, но эта печаль Радостна по своей природе, потому что человек знает, что в это же время в нем вскрывается Сила для нового. Хотя, бывает и так, что человек не сознает, что ему следует расстаться с отжившими иллюзиями сердца, начинает тянуть их назад, возрождать к жизни, и тогда печаль осени становится негативной, разрушительной, закрепощающей. Каждое явление хорошо на своем месте, каждым явлением нужно уметь пользоваться.
- Как у тебя просто все выходит.
- А к чему мудрить?
- Верно, незачем.
- Вот и я думаю, а вообще, я люблю осень, осенью, особенно ранней, такие приятные ветры, я зову их «ветры перемен».
Мы еще немного поговорили с Давидом, потом к нам подошел Михаил вместе с Настей и Кириллом.
- Как себя чувствуешь, Дима? – спросил князь.
- Замечательно, просто задумался, а Давид разогнал мой вопрос простым и ясным ответом.
- Что ж, если вопрос прояснен, не откажешь составить нам компанию?
- Конечно, а куда мы направляемся?
- Расскажу по пути, сейчас нам лучше поспешить, экипаж уже ждет.
Мы устроились в экипаже, Михаил назвал какой-то адрес, и кони помчали нас по городским улицам.
- Мы направляемся в дом к господину Шальнову Виктору Анатольевичу, сегодня утром он был убит в подвале собственного дома. Сейчас там трудятся сыщики, с одним из них, самым выдающимся в городе, я вас познакомлю, более того, вы, если пожелаете, будете работать вместе с ним, получать официальное жалование, следить за порядком в городе, познакомитесь с жизнью людей-преступников изнутри. Этот труд, конечно, таит в себе и опасности, и интриги, и загадки, но, уверен, для вас он таит в себе, прежде всего, интерес, расширение сознания и новые пути самосовершенствования.
- Михаил, - начал я, хитро прищурив глаза, - я, конечно же, согласен, думаю, согласны и друзья, но вот вопрос, ты ведь уже знаешь, кто убийца?
- Разумеется.
- Тогда зачем же оттягивать его поимку?
- Затем, что я знаю не только это, а еще и то, что убийца настолько убежден в собственной безнаказанности, что никуда и не пытается убежать. Более того, это мероприятие принесло ему такую выгоду, что в следующую авантюру он пустится не скоро. Зато этот случай как нельзя лучше подходит для вашей, если можно так сказать, тренировки.
Мы подъехали к дому, у входа дежурил представитель власти. Дом оказался огромным двухэтажным особняком, великолепно организованным снаружи и, наверняка, так же дивно внутри. Михаил переговорил с полицейским, и тот пропустил нас. Спустившись в подвал, мы обнаружили еще трех человек: двое были в форме, как и страж крыльца, а вот третий был одет в элегантный дорогой костюм, носил коротко остриженные черные волосы, обладал пронзительным взглядом серо-зеленых глаз, телосложением был худощав, но строен и довольно высок, на вид ему лет сорок или чуть больше.
- Ваша Светлость, - обратился мужчина к князю, - вот так приятная встреча! Правда, обстановка не располагает к дружеской беседе.
- Приятно видеть вас снова, Федор Яковлевич, - Михаил пожал протянутую руку, - судя

по всему, вы по-прежнему в строю. Что ж, тогда я спокоен за судьбу города.
- Полно вам, князь, уж мне ли не знать, кто кому обязан спокойствием в Душе и в городе. Однако, как бы мне ни было приятно видеть вас снова, я обязан спросить, что привело вас в этот дом, да еще с сопровождающими?
- Об этом я бы с удовольствием поведал вам, но с глазу на глаз.
- Что ж, если это дело столь секретно, то, - мужчина посмотрел в сторону полицейских, те догадливо удалились, мы последовали вслед за ними.
После пятнадцатиминутного ожидания, Михаил пригласил нас спуститься в подвал.
- Доброго здравия, господа, Орлов Федор Яковлевич к вашим услугам, - мужчина немного пригнул голову в знак признательности, мы, в свою очередь, назвали себя и ответили похожим жестом.
- Ну-с, юные сыщики, вы, должно быть, безмерно рады, что имеете такого влиятельного покровителя. Завтра утром, ровно в девять часов, жду вас с документами в городском ведомстве правопорядка. Спросите господина Орлова Федора Яковлевича, вам укажут, как меня найти, будем оформлять вновь прибывшие кадры. Жалование князь назначил, - мужчина улыбнулся, - хорошее, - видя наше непонимание, пояснил, - назначил, разумеется, я, но под влиянием его Светлости. Жалование вы будете получать лично от меня в первых числах месяца. График работы – еще одна заслуга вашего покровителя – у вас свободный, вы избавлены от бумажной волокиты, способны передвигаться в любых направлениях, что покажутся вам необходимыми для раскрытия дела, так же вы «награждаетесь» отличительным значком сыщика, что позволит вам действовать от имени закона и правопорядка. Вам будут доступны улики по делам, заключения экспертов, опросы свидетелей и подозреваемых. Единственная фиксированная обязанность, помимо морального долга в выполнении порученного дела, - вы будете должны минимум раз в неделю отчитываться о проделанной работе лично мне. Разумеется, вы можете работать и вместе со мной, что было бы желательно, особенно в первое время. Простите, что я так сразу бросаю вас в самую гущу работы, видимо это от того, что я до сих пор не верю в вас так, как верит князь. Итак, прошу за мной.
Мы проследовали за мужчиной, он продвинулся дальше вглубь подвала, подошел к винному хранилищу, указал на тело на полу.
- Как вы думаете, каким образом господин Шальнов, он перед вами, нашел свою смерть?
В этом помещении было весьма слабое освещение, но это не мешало нам чувствовать это место, знать мысли, что наполняли его. Застыв, словно статуя, я внимательно смотрел на тело убитого, постепенно мысли складывались в единую картину: мужчина входит в свой винный погреб, но входит не один, за ним идет еще кто-то, они проходят, затем в погреб заходит еще несколько человек, завязывается драка, мужчину бьют в спину, потом тело оттаскивают сюда, потом, что-то происходит потом, поднимается паника среди нападавших, они спешно покидают дом.
- Он был убит ударом в спину, били кинжалом, скорее всего, господин Шальнов сам впустил убийцу в свой дом, - сказала Настя.
- Интересно, как же вы узнали, что это был кинжал, что убийцу впустили?
- Так подсказывает интуиция, тем более что рана имеет особый вид, присущий этому типу оружия. А впустил сам, потому как прислуга ничего об этом не знает, более того, они мирно спали, пока повар не спустилась в погреб за вином к завтраку для хозяина.
- Как же вы смогли разглядеть рану, ведь тут довольно темно, а прислуга может и обманывать, быть в сговоре с преступниками.
- Это предстоит выяснить полицейским сыщикам, но я уверена, что именно так все и было.
- Что ж, увидим, - мужчина улыбался, он смотрел на нас, как на наивных детей, - что же еще подсказывает вам ваша интуиция?
- Вы зря так относитесь к интуиции и знаниям, полученным данным путем, интуиция мне подсказывает, что в доме напротив совершено еще одно злодеяние.

- Как, еще одно? И что же случилось там?
- Думаю, то же, что и здесь, с тем лишь исключением, что убитый там человек беден и каким-то образом связан с господином Шальновым.
Орлов, было, хотел сказать что-то шутливое, но его намерения были перебиты зовом полицейского, судя по голосу, он был весьма взволнован.
- Федор Яковлевич, Федор Яковлевич, а, вот вы где, - сказал мужчина, тяжело дыша, - в доме напротив, на четвертом этаже, совершено еще одно убийство, вполне возможно, это дело рук одного и того же человека.
Бедняга Орлов чуть было не сел на пол от удивления, вмиг побледнел, с опасением посмотрел в сторону Насти и тихим голосом ответил:
- Ступай, разузнай все, я скоро буду.
- Слушаюсь! – и мужчина умчался.
- Как вы это сделали? Как узнали?
- Если бы вы относились к интуитивным знаниям менее скептически, то не задали бы этого вопроса.
- Что ж, я виноват перед вами, прошу простить старого невежду. Мне уже не впору поспевать за новыми дуновениями знаний, теперь я больше полагаюсь на факты, на логику, хотя когда-то вполне бы смог тягаться с вами в догадливости. Обещаю впредь не повторять столь язвительных шуток сомнения в ваших возможностях. Вы будете смеяться, но их Светлость сказали, что вы, извиняюсь, утрете мне нос за десять минут, и знаете, что я сделал? Рассмеялся. А вот итог.
- Вы прощены. Но с вас я вынуждена взять еще одно слово.
- Какое?
- Что вы будете доверять словам князя Михаила много больше с этого момента.
- Я с радостью дам вам это слово, потому как уже дал его себе. А я – человек такой, если дам слово, то держу. Теперь я понимаю, зачем вам нужен свободный график работы, почему вы заслуживаете такого жалования и вообще всего того, о чем сказал князь. Кстати, где он?
- Ушел.
- Как ушел, он ведь только что был здесь.
- Он – самый искусный мастер исчезновения, какого я только знаю, - ответил я, - несмотря на свои размеры, он может подкрасться со спины, словно ветер, бесшумно, и так же бесследно раствориться в любой миг.
- Что ж, будет мне еще одним уроком. Пойдемте, осмотрим второе тело, а здесь пусть поработают сыщики, я велю им опечатать помещение, приставлю охрану и в ближайшие, минимум, три дня, сюда никто не сможет войти без особого разрешения.
Пока мы шли ко второму несчастному, Федор поведал нам несколько историй касательно князей.
- Князья – феноменальные люди. Сколько раз уже подмечал, они людей словно насквозь видят, при том не только их моральный облик, но и все их прошлое и даже будущее. Право, я знаю, как они это делают, какая логика работает, какая интуиция, да только все значительные преступники попадают к нам в сети непременно с их помощью. Правда, бывало и так, что они уводили преступника из-под удара законного наказания, так ведь понимаете какое дело – после этого преступник человеком становится, безобразничать перестает, хотя… иногда я их все равно не понимаю, особенно в плане «перерождения» человека. Да, при желании можно доказать, что князья, время от времени, занимаются самоуправством, калечат людей, возможно даже насовсем калечат, но… у меня ни рука ни мысль не поднимается обвинить этих людей, особенно если знать, каких негодяев они, так сказать, «воспитали». Может быть, вы думаете, почему я так спокойно вам об этом рассказываю и не опасаюсь, что вы используете эту информацию против меня? Отвечу: первое – вы прибыли с князем Михаилом, он хорошо о вас отзывался, вы глубоко уважаете его, следовательно, не станете ставить его под удар, второе – вы, как люди с

высоко развитой моралью и честью, сами бы поступили точно так же, уж в чем, а в моральных качествах людей я разбираюсь. А теперь соберитесь, мы подходим.
Мы и в самом деле уже забрались по лестнице на четвертый этаж, именно там проживал несчастный, прошли по коридору, и подошли к, посещавшему нас в подвале, полицейскому.
- Докладывай.
- Соседи утверждают, что рано утром, ориентировочно через пять-десять минут после убийства господина Шальнова, они услышали шум, топот, будто по коридору бежала свора мужчин, крики с призывом о помощи. Сосед из квартиры номер двадцать шесть, господин Захаров Михаил Афанасьевич сообщает, что он, услышав шум и крики, встал с постели, одел старые туфли, накинул рубашку, взял кочергу и вышел в коридор. Увидев, что дверь соседа открыта, вошел внутрь, но застал лишь мертвое тело господина Трапенко Петра Мироновича. Услышав шум в спальной убитого, прошел туда и заметил, как некий господин, ориентировочно убийца, скрылся через окно. Предположительно, преступник хорошо подготовлен физически и упражняется в акробатике, раз сумел спуститься вниз, используя лишь архитектуру здания. Далее господин Захаров уверяет, что поспешил на балкон и запомнил одежду беглеца: коричневая рубаха-косоворотка, черные штаны, черная обувь, на груди золотая цепочка и крест, лицо было закрыто тканью, цвет волос – черный.
Федор задумался, перебрал несколько раз пальцами в воздухе, затем постучал по стене перстнем с изумрудом, который он носил на мизинце правой руки и сказал нам:
- За мной.
Мы вошли в квартиру. В зале на диване уже расположился Михаил Афанасьевич, рядом с ним полицейский – фиксировал показания на бумаге, около двери в спальную лежало тело Трапенко, рядом с ним валялся стул. Захаров - престарелый мужчина, седой, немного сгорбленный, среднего роста, с родимым пятном на левой щеке, голубыми глазами вызывал только положительные чувства, хотя сам он был сконфужен окончательно данным происшествием. Квартира была обставлена весьма бедно, судя по всему, этот человек жил от получки до получки и едва сводил концы с концами.
Орлов вращал глазами так, словно мечтал раз и навсегда запомнить обстановку этой комнаты, мы тоже решили помочь делу и, в свою очередь, начали проверять более тонкие составляющие этой квартиры. Наконец, Федор закончил осмотр и обратился к нам:
- Что ж, юные сыщики, теперь мой черед тряхнуть стариной, мне рисуется такая картина происшествия: господин Трапенко заметил своих преследователей еще на улице, судя по всему, он был окружен, или же просто растерялся, раз единственным спасением для себя нашел собственную квартиру. Хотя преступников и было несколько, по лестнице до квартиры его гнал один человек, предположительно тот самый, что убил господина Шальнова. Далее, Петр Миронович успевает проникнуть внутрь своего жилища и закрыть дверь на засов, но преступника это не остановило, несколько верных ударов и дверь открыта. Трапенко в панике, он хватает стул и пытается защититься им от нападающего, он зовет на помощь. В какой-то момент несчастный решает нанести удар противнику и совершает выпад, преступник правой рукой хватает за стул и резко дергает вниз вправо, Трапенко, не ожидавший такого поворота событий, подается вперед вслед за стулом и тут же получает смертельное режущее ранение в область шеи. Затем, преступник слышит как открывается дверь Михаила Афанасьевича, пробирается в спальную, не найдя подходящего места для того чтобы спрятаться – выбирается через окно. Сам же господин Трапенко, - сказал Федор, перебирая какие-то бумаги на столе убитого, - был азартным картежником и вполне определившимся пьяницей, очевидно, азарт – единственное, что сопутствовало ему в игре, потому что удача явно обошла его стороной, он часто проигрывал, брал в долг, чтобы расплатиться и снова проигрывал. Он иногда подрабатывал переводом текстов с английского на русский и наоборот, еще владел немецким и французским, жил один, возможно имел даму сердца, о свадьбе с которой

мечтал, но… увы. Наш преступник – мужчина крепкий, среднего роста, левша, не против хорошо выпить, скорее всего, черные волосы покрывают не только его голову, но и обильно украшают грудь, а еще... еще у него дырявые ботинки, более того, в пылу погони он наступил в лужу. Что можете добавить, господа?
- Готов добавить, что вы ловко все расставили по местам, мы придерживаемся подобного мнения, но расскажите, как вы все это узнали?
- Наблюдение, Дмитрий Николаевич, наблюдение… Посмотрите вон туда, - мужчина указал рукой на пол, - видите, это валяется засов, от вылетел после мощного удара ногой в дверь, стул и тело расположены так, что другого сценария быть не может, специально перекладывать что-либо нет необходимости, да и времени у преступника не было, потертые карты, дневник с пометками о долгах, скомканное любовное письмо некой Тимофеевой Анне Клавдиевне, ворох текстов на русском и их перевод на английский и наоборот говорят о том, что я рассказал вам перед этим. Наш преступник левша потому, что в момент удара он держал кинжал в левой руке, в этой же руке он держал его, когда бил господина Шальнова, об этом свидетельствуют характеры обоих ран. Ботинки дырявые потому, что он наследил в квартире грязью, посмотрите на этот след, он мог стать возможным, только если в ботинке есть прореха, носки намокли и, при надавливании увлажняют пол под собой. А теперь вы, порадуйте меня, не каждый день приходится иметь подле себя такой талант.
- Мне особо нечего добавить, единственное, что можно заключить точно из мыслей убийцы – он собирался укрываться в нижней части города.
- Да… это, конечно, правда, но это нам особенно не поможет, большинство преступников скрываются именно там. А как насчет мотива?
- Думаю, господин Трапенко стал нежеланным свидетелем расправы над своим богатым соседом. Преступники решили избавиться от него таким способом.
- Да, но зачем он пошел в такую рань к Виктору Анатольевичу? Почему не постучал в дверь, как положено? Зачем вообще было убивать его, если преступники, скорее всего, скрывали свои лица тканью?
- Видимо, один из них не скрывал лица, и именно его пустил в дом господин Шальнов, приняв за своего, может быть это был его старинный друг, или знакомый.
- Вы меня поражаете, по правде сказать, я бы мог ожидать такого сыщика, но не от юноши. Впрочем, не стоит забывать, кто ваш поручитель. Что ж, позвольте я проясню то, о чем вы не были осведомлены. Господин Шальнов – ростовщик, как вы могли убедиться, побывав в его доме, он сколотил состояние потому, что давал деньги как богатым и надежным, так и бедным и скользким людям, имел сильную команду законников, готовых отсудить у бедняка последнюю рубашку, лишь бы тот уплатил долг сполна, а так же располагал связями в, так сказать, теневых кругах и, при необходимости, просил эти круги освежить память должникам. Мы знали о его деятельности, но не могли вынести официальное обвинение, нам не хватало улик против этого человека. В последнее время он занялся распространением алкогольной продукции – открыл трактир в нижней части города, называется «Мир грез», это гадкое, невыносимое место, в котором собирается такой народец, о котором без вводных слов говорить сложно. Уверен, господин Трапенко шел к господину Шальнову чтобы переговорить по поводу долга, может даже вернуть часть суммы, ну-ка проверим… - мужчина наклонился к телу несчастного, осторожно перевернул его, проверил карманы и, точно, нашел довольно крупную, для столь бедного человека, сумму денег, приподнял деньги немного вверх, обращая наше внимание, - это – вещественное доказательство, теперь эти деньги будут относиться к делу об этих убийствах, а потому лишаются свойств обычно им приписываемых, - мы кивнули в знак согласия.
- Значит, господина Шальнова могли убить из-за долга, а могли из-за трактира, - сказал Кирилл.
- А могли еще из-за сотни вещей, нам не известных, хотя мне нравится ход ваших мыслей,

юноша, на данный момент именно эти два варианта у нас есть. Теперь следует выяснить, кто и сколько был должен Виктору Анатольевичу, с кем он общался в последнее время, как проходило открытие трактира. И, разумеется, утешить вдову – Шальнову Лидию Вячеславовну.
- Сколько может стоить убийство такого человека, как господин Шальнов? Надо полагать, кто брался за это дело, ввязывался в серьезный риск, в том числе риск повстречаться с теми теневыми личностями, что помогали ростовщику и, конечно же, имели с этого доход.
- Стоит это внушительных денег, поэтому круг подозреваемых сужен, мы ищем человека, которому было проще заплатить эти деньги, нежели вернуть долг, или же получить иную прибыль от убийства. Однако, существует вариант, что это сделала хорошо организованная банда в своих интересах, тогда размер платы за казнь роли не играет.
- Что ж, дело приобретает более-менее ясные очертания.
- О нет, Кирилл Романович, далеко нет, мы лишь наткнулись на спутанный клубок, теперь же будем его распутывать.
Наконец, полицейский закончил записывать показания Захарова, и мы переместились к нему. Орлов попросил полицейского заняться описанием квартиры, улик и прочими подобными делами, а сам устроился для разговора со стариком.
- Михаил Афанасьевич, прежде всего, хочу сказать вам спасибо, спасибо, что среди нас еще есть смелые люди, готовые сражаться с преступностью в любое время суток, любыми средствами, не каждый бы откликнулся на зов о помощи, как это сделали вы. Меня зовут Орлов Федор Яковлевич, если позволите, лучший сыщик в городе, я лично буду расследовать это дело, господа, которых вы видите возле меня – талантливые ассистенты, хоть и молодые. А теперь, если вас не затруднит, помогите нам уточнить детали. Давно ли вы знакомы с несчастным?
- Он переселился сюда года три назад, что-то у него случилось в семье, он не любил говорить об этом, а я и не выспрашивал.
- Не знаете ли вы, в каких заведениях проводил время ваш сосед?
- Как не знать, знаю, бывало часто идет он домой, еле ноги держат, а я у него и спрашиваю: «Что же ты, Петька, опять нарезался?» А он и говорит, мол, нынче в «Клюве» угощали, друзья мол. «Клюв» - это трактир такой, в нижней части города. Раньше он назывался «Клюв павлина», да вот «павлина» какие-то хулиганы оторвали, так и остался «клюв». А еще он куда-то в карты играть ходил, куда – не знаю, никому не говорил, тайна какая великая прям.
- Когда вы видели преступника, не заметили ли каких-нибудь особенных отметин? Может быть, у него не было пальца на руке, или рисунок на коже?
- К сожалению, нет, не заметил, хотя четко помню, как он карабкался вниз по зданию, почти уверен, что пальцы у него все на месте, а что до рисунков – не припоминаю.
- Часто ли в этой квартире собирались друзья несчастного?
- В последнее время нет, он ведь деньги занимал, да до того дозанимался, что и друзей последних растерял, остались разве что «друзья» из Клюва. Раз или два я видел как его, буквально, доносили до дома двое мужчин, может это и были те самые «друзья» из Клюва.
- Вы бы смогли их описать?
- Так, дайте минутку припомнить… Так… Была зима… да, снег лежал. Кажется, это было в новогодние праздники. Одеты они были в тулупы – самые обычные, местами порванные тулупы, головные уборы и прочая одежда так же оставляли желать лучшего. Судя по одежде – это были бедняки-выпивохи из нижнего района. Деталей лиц их я уже не вспомню, не врезалось мне в память тогда, помню, что они были пьяны и, как следствие, с темно-красными, почти земельными лицами. Они что-то громко обсуждали, время от времени обращались к Петьке, а он что – повис на них и ногами едва перебирает, куда ему в разговор вникать, буркнет чего-то и дальше едет на «друзьях».

- А родственники? Были ли у него родственники, или он об этом тоже не говорил?
- К сожалению, нет. Не говорил.
Федор задал еще несколько вопросов Захарову, поблагодарил его за ценную информацию, отдал распоряжения подчиненным, после мы направились к вдове Шальновой. Лидия Вячеславовна, как и ожидалось, была разбита горем, потому мы застали ее со слезами на глазах и с платком в руках.
- Скажите мне, что вы найдете того, кто это сделал, - это было первое, что мы услышали, войдя в комнату, женщина совершенно позабыла о манерах, внешнем виде и прочих наслоениях социума – она вцепилась руками в костюм Орлова, - Как же можно вот так, жил-жил себе человек, никому не мешал, и вдруг…
Мы потратили немало усилий, чтобы привести Лидию хоть в какое-то равновесие.
- Лидия Вячеславовна, мы все глубоко сочувствуем вашему горю, но если вы хотите помочь поимке негодяев – ответьте на несколько вопросов.
Женщина нервно вздрогнула и, кажется, разозлилась, хотя и старалась это скрыть.
- Ваш сотрудник битый час задавал мне вопросы и конспектировал ответы, неужели необходимо допрашивать человека дважды, особенно когда случается такое горе? – Лидия снова заплакала.
Орлов налил стакан воды, подошел к креслу, в которое мы усадили Лидию, подал воду женщине, та сделала несколько глотков и поставила стакан рядом на столик, Федор опустился на одно колено, взял руку женщины в свои руки, заглянул ей в глаза и тихо-тихо сказал:
- Мы понимаем ваше горе, но поймите и вы, сегодня эти же негодяи убили еще одного человека, можно сказать вашего соседа, - эти слова ошарашили женщину, она заметно побледнела, - поэтому, к сожалению, я не мог немедленно сам побеседовать с вами, а оставил для записи показаний своего юного помощника, я обязательно прочту все, что он записал с ваших слов, но он мог не уточнить необходимые детали, мог задать не те вопросы, а подчас самая мелкая деталь является ключом к разгадке, казалось бы, неподъемного дела. Мы вовсе не стремимся истязать вас расспросами в день горя, но, поверьте моему опыту, лучше выдавить гной из раны сразу и дать ей спокойно зарастать, чем вскрывать огрубевшую кожу вновь и вновь, чтобы по капле очищаться. Скажите нам сейчас все то, чем мы бы смогли оперировать, ради чего нам бы не пришлось бередить вашу рану через день, неделю или больше.
Уже совершенно спокойным, слегка дрожащим голосом женщина ответила:
- Да, я понимаю, задавайте свои вопросы.
Орлов устроился в кресло рядом.
- В последнее время кто-нибудь из ваших знакомых или знакомых мужа захаживал к вам в гости чаще обычного? Может быть, у Виктора Анатольевича были враги, завистники?
- К нам, по обыкновению, приходило много людей, больше по делам Виктора, были и богатые уважаемые гости, были гости и из низших слоев общества. Ох, уж мне этот народец, говорила же ему, говорила, что не доведет этот народец его до добра. Может это они и были – нищие попрошайки – вечно им надо чего-то, а как долг отдавать, так их и след простыл, иди ищи. Может кому из них и позавидовалось, что мы так славно живем.
Федор сосредоточено слушал, его глаза остановились на какой-то точке в полу, его правая рука бессознательно перебирала пальцами в воздухе, затем он легко постучал перстнем по рукоятке стула и спросил:
- Вы сказали, что были богатые уважаемые гости, а кто именно?
Женщину пробрала мелкая дрожь.
- Лидия Вячеславовна, вам плохо? Может быть, воды или что-нибудь еще?
- Да, пожалуйста, - еще слышно ответила она.
Пока наш сыщик наполнял стакан, женщина постаралась хоть как-то собраться с мыслями, когда же вода была ей подана, Лидия старалась изобразить улыбку, прикладывая руку к голове, как бы давая понять, что ее одолевает головная боль.

- Вы очень любезны, Федор Яковлевич. Итак, раз этого требует закон, - женщина пыталась пошутить, сделав особое ударение на слове «закон», - у нас в гостях из уважаемых людей были: Федор Афанасьевич Мирнов – замечательный человек, успешный предприниматель, однако, весьма оригинальных взглядов на жизнь, Аркадий Юрьевич Гритков – еще один успешный человек, занимается драгоценными камнями и металлами, Роман Алексеевич Смельцов – приятный человек, с ним можно проговорить хоть весь день. И, пожалуй, все, может кого и забыла, но вы уж простите, эти люди гостили у нас примерно в промежуток две недели до сегодняшнего дня. Однако, я не вижу смысла подозревать кого бы то ни было из состоятельных людей, лучше бы потрясти этих нищих оборванцев из нижней части города, это верно кто-нибудь из них.
Орлов был сосредоточен, он ничего не сказал на совет Лидии, лишь многозначительно кивнул головой.
- Так значит, все было как всегда? Виктор Анатольевич не был ничем серьезно озабочен?
- Нет, не то чтобы совсем, он ведь, все-таки, деловой человек, а, следовательно, всегда в делах, но ничего особенного не происходило.
- Позвольте личный вопрос, у вас есть дети?
- О, не смущайтесь, прошу, мне нечего скрывать своих очаровательных принцесс: Ирину и Оксану. К счастью, их не было сегодня дома и не будет до зимы. Мы отправили их в Европу, там у нас есть родственники, там они смогут получить достойное образование. С вашей стороны очень любезно было проявить заботу о малютках, не беспокойтесь, кто как не мать сумеет объяснить детям, что в семью пришло горе, - женщина вновь заплакала.
Успокоив Лидию, Федор задал ей еще несколько вопросов, пообещал задействовать лучших людей для разгадки этого дела, и мы откланялись. Уже на улице Орлов обратился к нам:
- Итак, друзья, что вы можете мне сказать?
- Думаю, - начал я, помогая Насте подняться в экипаж, - что эта женщина многого не договаривает. Вообще, в ее поведении, во всех деталях, была какая-то неестественная натянутость, словно она боялась, что нечто ненужное для нее и необходимое для нас вырвется наружу.
- В полицейское управление, - крикнул сыщик кучеру, далее ответил мне, - а вы не думаете, что она вела себя так из-за стресса? Все-таки смерть мужа…
- Нет, определенно нет.
- Я тоже.
- А вы почему?
- За свои долгие сорок четыре года я научился отличать, когда человек пьет воду, чтобы утолить жажду, а когда – чтобы измыслить ложь покрасивее. Мне еще неизвестно, зачем она лгала, скорее всего, она скрыла кого-то из богатых гостей этого дома. Так же ее поразило убийство господина Трапенко, но поразило не как сам факт человеческой бессердечности, а как нарушение какого-то договора. Ощущение такое, будто она знала о заговоре, но заговорщики не предупредили ее о том, что жертв может быть больше, чем одна. В любом случае ее показания зафиксировал один из наших людей, а, значит, на них можно будет опереться, чтобы сдвинуть госпожу Шальнову в сторону правды и сотрудничества. Сегодня вечером я поработаю с бумагами по этому делу и еще раз воссоздам всю картину преступления, завтра утром, одновременно с вашим почетным зачислением на службу, я посвящу вас в детали своих мыслей. Кстати о деталях, вы – мои юные соратники – раскрыли свое знакомство с господином Мирновым Федором Афанасьевичем, вы не желаете посветить меня в детали этой стороны своей жизни?
- Вы проницательны, Федор Яковлевич, но в одной существенной детали вы ошиблись, - начала Настя, - мы имели честь знать Валентина Федоровича Мирнова, сына Федора Афанасьевича, довольно своеобразный человек, особенно в плане выбора друзей.
- А, теперь все понятно, это тот мальчишка, который чуть было не проморгал имение отца, это в его доме скрывался этот преступник Теодор, - мужчина начал перебирать

пальцами, как он это любил делать во время размышлений, только сейчас он делал это гораздо быстрее, - Уверен, дважды уверен, что мы могли бы его взять тогда, но…
- Что?
- У его Светлости спросите, - в голосе сыщика мелькнула старая обида, - нет, я, конечно, понимаю, что без князей мы бы еще месяца два, а то и три собирали бы доказательства против этой шайки, но чтобы вверить нам в руки всю банду, а душегуба сокрыть в тайге для, как они изволили выразиться, «перерождения», это, простите, я не в силах понять.
- Федор Яковлевич, при всем уважении к вам, вынуждена напомнить, вы сказали, что с сего дня доверяете словам князя Михаила, полагаю, вы столь же высокого мнения и о его брате.
- Все верно, я держу свое слово, но этот случай был много раньше, чем сегодня.
- Да, однако, если вы сегодня убедились в прозорливости князя, то, прошу вас, спроецируйте ее и в прошлое.
- Хорошо, я постараюсь, но лишь в том случае, если вы раскроете мне, хотя бы частично, что же это за «перерождение» такое? Я уже не прошу назвать место сокрытия преступника, хотя откуда вам знать.
- За ответом на столь глубокий вопрос вам, лучше всего, обратиться к самим князьям, я же, в силу своих скромных знаний могу сказать лишь то, что в результате этого «перерождения» человек кардинально меняется изнутри, если раньше он был вором и убийцей, то теперь не смеет даже лгать и язвить.
- Человеку что, проводят сеанс гипноза?
- Нет, ему на личном примере показывают, насколько Доброта сильнее и гармоничнее, чем эгоистичная ярость.
- Наверное, долгий процесс.
- Думаю – да, но необходимый, а для таких, как Теодор – единственный шанс на спасенье.
- Спасенье, разумеется, Души?
- Прежде всего, но если получится, то и всего остального.
- К сожалению, я не разделяю взгляды религиозных людей касательно Души и разных там «царствий» небесных и подземных, всяких перерождений и прочей подобной, извините, несуразицы.
- Быть может вас это порадует, но мы не придерживаемся ни одной из религий, однако, вы меня заинтересовали, расскажите, пожалуйста, как вы решаете для себя вопрос энергии мысли, силы эмоций, порывов сердца, откуда это все берется, по-вашему?
- Видите ли, я считаю, что в природе все взаимосвязано, когда существо умирает, то его тело распадается на простейшие элементы и служит материалом для появления на свет новых форм жизни. Но я не настолько наивен, чтобы полагать, будто материя мозга производит из себя мысли, а материя сердца – эмоции, о нет, я считаю, что человек – это нечто более сложное, наделенное разными степенями, или, если желаете, слоями материальных тел. Но все эти тела, рано или поздно, распадутся на первоэлементы, и человек полностью растворится в природе.
Откровенно говоря, я был поражен – никак не ожидал услышать от сыщика, от человека, который с таким пренебрежением говорит о Душе и возможности «перерождения» человека, такую глубокую мысль касательно строения человеческого существа.
- Но, раз вы признаете существование тела мысли и тела чувств, то как вы можете отрицать существование Души?
- Потому что я не знаю ее. Я прекрасно чувствую и различаю эмоции в себе, смею надеяться, что владею мыслью, даже умею взвешивать ее, но Душа… Когда я сумею, так сказать, «пощупать» ее, подвергнуть логическому анализу, управлять ее, вот тогда признаю ее существование. Знаете ли, я привык полагаться на факты, на то, что можно ощутить, с чем сложно спорить.
- Хорошо, а Любовь или же Радость? Как вы понимаете эти переживания?
- Ох, Анастасия Владимировна, вижу, вы не оставите меня в покое, - улыбнулся мужчина,

- что ж, я отвечу вам. Любовь мне доводилось испытывать лишь в юности, тогда я был слишком легкомысленен, чтобы задавать себе глубокие вопросы, а радость – это продукт удовлетворения наших желаний, а значит радость бывает от удовлетворения телесных, эмоциональных и умственных потребностей. Знаю, знаю, что вы сейчас скажите, мол, а как же радость от единения с природой, религиозный человек спросил бы про молитву. Отвечу и на это – в случае с природой человек испытывает радость, потому что попадает в более чистую среду, так сказать в первозданную среду обитания; в каждом человеке сохранилась память о природе, как о самом первом и родном доме, а на счет молитвы – человек сам создал себе потребность в молитве, отвел для этого определенное время, сам решил, что в процессе молитвы с ним случиться нечто необъяснимое – и вот вам, пожалуйста. Все это – все, что происходит с человеком в результате поклонения разным божествам, не важно каким: природе, идолу и небу, - все имеет свое начало в самом человеке. Но человек еще не умеет владеть собой, потому приписывает изменения своего состояния разным божествам. Нет, конечно же, я не отрицаю существования Святых – уверен они есть, потому что время разложения мысли гораздо больше, нежели время разложения тела, а если учесть, что Святые были могучими философами-мыслителями, то их мысль еще не скоро исчезнет с горизонта. Но все это никоим образом не убеждает меня в существовании Души.
- Вы говорите, что умеете управлять эмоциями и мыслями, а кто тот самый вы, который управляет всем этим? И, если вы говорите, что все, рано или поздно, должно распасться на первочастицы, то попытайтесь, ради эксперимента, представить себя окончательно мертвым. Уверяю вас, ничего не получится, все равно будет нечто, какая-то частичка вас, которая наблюдает за смертью всего остального со стороны.
- Что ж, на первый вопрос я готов ответить вам хоть сию минуту, а вот эксперимент я проведу сегодня вечером. Так вот, управляет человеком, всеми его мыслями и действиями мировоззрение, которое сформировывалось в человеке, начиная с рождения. Это – некий идейно-мыслительный оазис-каркас, где хранятся те убеждения человека, которые он считает истинными, которых он придерживается. Все остальные мысли, прежде всего, проходят через этот каркас, а уже потом находят или не находят свое воплощение в жизни этого человека… А вот и полицейское управление, если позволите, мы продолжим наш разговор в другой раз, а завтра я жду вас у себя утром.
Мы попрощались, Орлов рассчитался с извозчиком, и велел ему доставить нас к имению князей.
- Ну-с, друзья, как вам наш новый знакомый? – поинтересовался я, - По мне так хороший человек, правда иногда резковат, зато имеет интереснейшую жизненную позицию.
- Да, человек мне тоже понравился, - отозвался Кирилл, - но сейчас меня больше заботит вопрос убийства.
- А я думаю, что его жесткость – лишь последствие какой-то старой драмы. Вы обратили внимание – он совершенно ничего не сказал о Любви, кроме того, что испытывал ее лишь в юности. Думаю, у него попросту нет детей, иначе он бы хорошо знал, что такое Любовь, уверена, что такой человек не может быть плохим, не Любящим отцом. Но во мне есть ощущение, что на тему семьи его спрашивать не стоит, во всяком случае, пока. А теперь, предлагаю более детально обсудить порученное дело.
- Знаете друзья, в квартире Трапенко, когда мы анализировали помещение, я почувствовал, будто Петр боялся не незнакомого человека, а кого-то, о ком он знал, может даже был лично знаком. А еще я думаю, что Мирнов сможет подсказать нам верное направление, если он имел честь посещать дом Шальнова, то, верно, осведомлен о делах этого человека. В чести Мирнова сомнений у меня нет, ведь он является другом князьям, - сказал я.
- А мне весьма странным показалось первое убийство, - начал Кирилл, - Если предположить, что вся прислуга спала или была занята поручениями хозяев, если учесть, что Шальнов сам открыл дверь убийцам, потому что следов взлома нет, то можно

предположить, что он знал одного из преступников, а следовательно, можно предположить, что его знала и Лидия. Вообще это утреннее происшествие очень напоминает запланированную встречу. Я имею ввиду, что Шальнов сам условился с убийцей о встрече, иначе, зачем ему самому спешить открывать дверь, пусть бы это делали слуги. Об этом знал и убийца. Но вот что интересно, неужели он ни слова не сказал жене об этой утренней встрече, раз она была заранее оговорена и, судя по всему, важна? И тут же есть другой вопрос: от чего Трапенко пошел в этот дом именно сегодня утром? Есть, конечно, смешное предположение, будто он боялся Шальнова и желал передать сверток кому-нибудь из слуг, чтобы те потом передали хозяину от его имени.
- А мне интересно другое, - сказала Настя, - отчего убийц было несколько, в моем восприятии ясно встают четыре фигуры: одна – знакомый покойного и трое – исполнители. И, если их было несколько, почему никто из них не остался у входа в дом и не предупредил остальных о приближении нежелательного свидетеля? Потом, из дома не пропало ничего ценного, во всяком случае, Лидия об этом ничего не сказала, хотя на нее полагаться нельзя. Пока что все мысли, что появляются по этому делу, ведут в одно место – в «Клюв».
Мы продолжили обсуждение дела, очнулись лишь когда извозчик доставил нас к имению князей. Оказалось, за наше «путешествие» заплатил Орлов, поэтому мы просто попрощались с исполнительным и честным кучером, и направились в дом. На крыльце нас уже поджидал Михаил, до обеда оставалось минут пятнадцать, поэтому мы решили поделиться первыми впечатлениями с ним.
Князь выслушал наши мысли, одобрительно покачал головой, сказал, что это дело целиком наше, а он если и вмешается, то в случае крайней необходимости. Затем мы отправились трапезничать, а после – гулять по саду.
Во время прогулки я спросил у князя:
- Мы немного теряемся в догадках по поводу одного вопроса…
- От чего Федор столь туманно отозвался о Душе и Любви? – улыбнулся Михаил.
- Да.
- То, что я вам сейчас скажу, не должно тревожить более ничьих мыслей, - мы немного отдалились от Гавриила и Алексея, - «Лет пятнадцать назад у Федора была жена, трехлетний сын, он был младшим сыщиком, весьма перспективным и честным сотрудником. Его соратникам казалось, будто он – волшебник, потому что Федор сердцем знал, как распутать любое дело, где скрывается преступник, когда его лучше взять, чем доказать вину и так далее. Он был лучшим сыщиком в городе, его продвижение к вершине полицейской карьеры было лишь вопросом времени. И вот однажды он напал на след одного преступника – влиятельного в то время человека, богача, представителя знати. Он собрал доказательства, обличавшие связь этого человека с преступным миром, с такими злодеяниями, о которых лучше и не говорить. Дело близилось к развязке, в середине ноября должен был состояться суд, главный обвинитель – разумеется, Орлов. Ему угрожали, пытались запугать, но он должен был довести дело до конца. Тогда мы предлагали ему свою помощь в этом деле, предлагали временно поселиться на территории нашего поместья, но… - в моем сознании нарисовалась картина темной ночи, сильного дождя и сверкающей яркой молнии, - Да, Дима, все верно. То был дождливый день, ноябрьский мороз и ветер пробирал до костей любого легко одетого человека. Орлов отправился в полицейское управление, ему нужно было подготовить документы, чтобы завтра выступить с обвинением, в его доме дежурило двое полицейских, чтобы предотвратить возможное покушение на членов семьи. Федор просидел за бумагами до позднего вечера, затем сложил их в кожаный саквояж, взял зонт, попрощался с оставшимися на ночную службу коллегами и отправился домой. Погода еще ухудшилась, сыщик нанял извозчика, назвал адрес дома и решил немного расслабиться: откинулся на сиденье и закрыл глаза. Однако, довольно скоро он сообразил, что едут они совсем не туда, крикнул извозчику, тот не ответил, а только прибавил скорости. Мужчина тут же

понял в чем дело, оставил саквояж на сиденье, сам открыл дверь и попытался добраться до негодяя. Первое, что он увидел – яркая вспышка молнии, потом полосы дождя резко ударили в лицо вместе с сильным ветром, через мгновение он разобрал, что мчали они в нижний квартал города, скорее всего в какое-нибудь глухое место для того, чтобы прервать существование столь любопытного сыщика. Извозчик был готов к такому повороту событий, поэтому следил за дверцей экипажа, и когда Орлов попытался выбраться наружу – с силой ударил его дубиной в лицо. Не ожидавший такого порота событий и получивший серьезный удар, Федор ввалился обратно в экипаж с разбитым носом и правой бровью, кровь заливала ему глаза, но больше всего сейчас его отвлекала острая боль, ноги стали «ватными», руки тряслись и плохо слушались. К сожалению, Орлов не имел тогда привычки носить с собой ни огнестрельного, ни холодного оружия. Сдаваться он не собирался, но повторять попытку не стал. Выпрыгивать с экипажа – тоже не способ спастись, ведь преступник запросто может это заметить, остановиться и довершить начатое дело. Надеяться на прохожих и вообще какую-либо помощь со стороны посторонних было бесполезно – погода всех загнала в дома. Федор решил притвориться, будто бы он потерял сознание, а в самый кульминационный момент ударить обидчика ногой и переломить ход сражения. Через открытую дверь он видел, что экипаж едет в самую нижнюю часть города, к домам земледельцев и рабочего народа. В этом районе могут убить, похоронить и никто ничего не узнает.

Наконец, экипаж остановился почти на самой окраине города, рядом стояли какие-то дома, обнесенные деревянными заборами. Извозчик спустился на землю, держа дубину наготове подошел к двери, увидел Федора лежащим без движения, расслабился, опустил дубину подошел поближе и попытался вытащить сыщика, в этот самый момент он получил тяжелый удар ногой в лицо. Преступник схватился руками за лицо, отшатнулся от экипажа, Федор быстро поднялся, выскочил из экипажа, чтобы добить оглушенного, но, к его несчастью, вокруг экипажа стояло еще трое мужчин.

- Эй, да он хочет поиграть в героя, - сказал один из нападавших.

Один из преступников достал нож, другие два – деревянные дубины. «Дело плохо», - решил Федор, нащупывая оброненную извозчиком дубину. Трое начали медленно приближаться к сыщику. В этот момент Орлов впервые понял, что значит страх и паника, нет, он не собирался опускать руки и отказываться от боя, он просто понял, что шансы критически малы.

Дождь все разрезал воздух мокрыми полосами, ветер все свирепствовал, грозя сорвать одежду следующим порывом, молния время от времени озаряла поле действий. Преступник, стоявший по левую руку от Федора, напал первым, нанося рубящий удар дубиной, сыщик подставил свою дубину под удар, отвел руку нападавшего, схватил его за шею левой рукой и вдруг – почувствовал резкую боль в районе спины, в глазах потемнело – это легла на спину дубина второго нападавшего, затем резкая боль в районе подбородка – это был удар локтем, затем сразу несколько острых вспышек боли в разных частях тела, и Федор повалился на землю.

- Ну что, умник, допрыгался? Тебе же говорили – не лезь ты в это дело.

Федор получил мощный удар ногой в живот, теряя с ним последнюю возможность подняться, но вдруг… Раздался испуганный крик одного из нападавших, затем тяжелое приземление падающего тела, потом глухой удар и падение второго тела.

- Умри, … - тут преступник употребил весьма нецензурное слово и бросился на неизвестного.

Взмах руки с ножом, промах, хруст суставов, острый крик, тяжелый удар, почти в это же время звук удара дубиной и еще одно тело падает на землю, затем еще два удара руками, один тяжелый, скорее всего ногой и четвертое тело падает без сознания.

Федор решил перевернуться, чтобы увидеть того, кто избавил его от неминуемой гибели. Едва он смог различать фигуры – застыл в оцепенении – над ним стоял высоченный, необычайно широкоплечий мужчина со светлой бородой, одетый по-крестьянски.

- Пойдем сынок, они тебя больше не обидят, - раздался мягкий, добрый голос, которого невозможно было ожидать от столь внушительного человека.
Великан поднял Федора на руки и отнес в избу, последнее, что запомнил мужчина – как его укладывают на кровать. Наутро он очнулся в простом крестьянском доме, убранство этого жилища было простым и незатейливым, но было расставлено с таким вкусом, что создавало ощущение богатства и умиротворения. Федор попытался приподняться, но не смог этого сделать из-за резкой боли в спине, издал протяжный стон. Вскоре вошел в комнату великан.
- Лежи, сынок, еще немного и сможешь подняться.
При свете солнца сыщик сумел получше разглядеть ночного спасителя: это был истинный великан, настоящий русский богатырь, светлая борода, белая косоворотка, подпоясанная кушаком, голубые глаза и длинные волосы окончательно завершали картину.
- Я весьма признателен вам за спасение моей жизни, а также должен сказать, что еще не видел столь крепко сложенных людей, за исключением князей. Мое имя – Федор, а как мне обращаться к спасителю?
- Илья, - мужчина выждал паузу, пристально вглядываясь в глаза сыщику, потом улыбнулся и сказал, - Нет, не Муромец. Так вы говорите, что знакомы с князьями?
- О, я был бы счастлив сказать это, но… я лишь имел честь вести беседу с одним из них на вполне неприятную тему… - тут у Федора округлились глаза, вихрь мыслей пронесся в голове, - Скорей, прошу вас, скорее! Скорее помогите мне встать, мне нужно добраться до, - мужчина назвал адрес своего дома.
- Куда вам сейчас? Вы едва сможете самостоятельно подняться с кровати.
- Да, да, я все понимаю, но поймите и вы: я ехал домой с саквояжем, в нем были улики против одного из богатых и влиятельных преступников этого города, извозчик оказался подкупленным преступником и привез меня не домой, а куда-то на окраину города, чтобы спокойно со мной разделаться, но в доме осталась жена и ребенок, я должен убедиться, что с ними все в порядке.
Богатырь замер, медленно провел глазами справа налево, промчав перед собой не один десяток мыслей, а затем твердо сказал:
- Три минуты, и вы на ногах, - после чего вышел из комнаты.
Орлова переполняла тревога, он готов был хоть сейчас, хоть ползком, но следовать к дому, даже три минуты казались слишком долгим сроком. Правда, Илья вернулся гораздо раньше, нежели через три минуты, подошел к больному.
- Терпите, сейчас будет больно, но зато вы сможете держаться вертикально.
Федор ничего не ответил, лишь стиснул зубы поплотнее и уверено кивнул головой. Богатырь взял мужчину за плечи, усадил на кровать, сыщик сквозь зубы взвыл от боли, Илья накинул ему на спину нечто вроде корсета, продел ткань под подмышками.
- Закрой глаза и приготовься.
Сыщик вновь кивнул и закрыл глаза. Великан, с присущей ему могучей силой, стянул корсет. В какой-то момент Федор решил, что ему совершенно нечем дышать, столь сильным было первое ощущение, все это сопровождалось острой болью в спине, отдававшей колющими ударами по всей нервной системе.
Очнулся он все в том же экипаже, лежа на сиденье, на полу стоял саквояж, на улице было раннее утро, несмотря на мороз, сыщику не было холодно, вскоре он сообразил почему – заботливый великан завернул его в теплое одеяло. Едва Федор попытался встать – услышал голос Ильи:
- Лежите, не двигаясь, мы скоро доедем, там я сам поставлю вас на ноги.
Сыщик оставил попытки подняться, но его мысли оставались неспокойны – все его существо рвалось поскорее в дом, поскорее узнать судьбу близких. Он знал, что лошади мчат что есть силы, и в любой другой день он бы приказал извозчику сбавить пыл, потому как сам не любил быструю езду, но сегодня… Сегодня ему казалось, что лошади – слишком медленные существа.

Наконец экипаж остановился у дома Орлова, Илья быстро спрыгнул на землю, открыл дверцу, словно перышко вынул сыщика, вручил ему саквояж, сам же предоставил ему руку для опоры.
Вокруг дома уже кружила пара полицейских, начали скапливаться прохожие. В этот момент в сердце Федора словно лопнула струна – самая Радостная и звонкая струна. Он, израненный, перевязанный, с закрытым одним глазом и с опорой на великана, поспешил, что было сил, к полицейским. Соратники сразу же узнали его, несмотря на внешний вид.
- Федор Яковлевич! Слава небесам, вы живы! Мы с самого утра ищем вас, - сказал один из полицейских.
- Что с моей семьей?!
Полицейские опустили глаза, не имея сил сообщить трагичную новость, глядя прямо в лицо человеку.
- Худшее, что могло произойти.
Орлов более ничего не сказал, он рванулся к дому с такой силой и решимостью, что позабыл про опору, про все свои боли и травмы. Он влетел в дом, увидел стоявшего посреди прихожей полицейского, заглянул ему в глаза. В тот момент в Душе Федора поднялось столько злости, неукротимой решимости и прочих бескомпромиссных вещей, что юный соратник побледнел и лишь дрожащим пальцем смог ответить на немой вопрос сыщика, указывая на лестницу на второй этаж.
Сыщик влетел на второй этаж, вошел в гостиную и увидел то, чего никому не пожелаешь увидеть – страшная участь постигла не только жену и ребенка, но и двух полицейских-охранников…
Из дома вышел уже совсем другой Орлов, в его глазах уже не было и намека на радость, мягкосердие и снисходительность. Это был человек, которому в сердце, вместо лопнувшей струны Радости вставили стальной прут несгибаемой воли.
Тем временем Илья объяснял двум полицейским, что случилось этой ночью, и что у него в сарае сейчас находятся связанными те самые четверо злодеев, осмелившихся напасть на Федора. Полицейские с неохотой и недоверием относились к богатырю, считая его рассказ больше выдумкой, чем правдой.
- Что встали?! Вам сказано – четыре преступника обезврежены и ждут справедливого суда, а вам и шаг лень сделать! Так, один быстро в управление, другой – с этим великим человеком к месту преступления!
Ошарашенные такими словами, тоном речи и грозным видом Орлова, полицейские только и нашлись, что ответить «будет сделано» и разбежаться по поручениям.
Федор сознавал, что у него повреждена спина, что он, скорее всего, получил серьезную травму головы, но он также знал, что суд уже начался, и если он не придет – преступник будет ликовать, ему все сойдет с рук. Стальной прут воли задавил любые ощущения боли, сам он нанял извозчика, приказал гнать, что есть силы, в суд.
По дороге он проверил, все ли документы на месте – все. Он словно в один миг забыл всю прошлую жизнь, все радости, семью, друзей, в его глазах была одна цель – справедливое возмездие.
Расплатившись с извозчиком, от твердо зашагал в суд, заседание уже началось, и адвокат уже вовсю изворачивался перед людьми, лишь бы показать господина Молоканова в выгодном свете. Неожиданно для него, как впрочем и для всех присутствующих, двери резко открылись и вошел человек, голова его была перевязана, правый глаз закрыт повязкой, пальто было одето поверх какого-то странного белого корсета, левая нога прихрамывала, в руках у него был саквояж.
В зале суда повисла пауза, преступник, едва разобрав, кто же все-таки почтил заседание своим присутствием, стал белее извести, схватился за сердце, вышел из-за стола и попятился назад. Первым нарушил молчание судья:
- Как вы смеете врываться в зал суда? Да еще в таком виде? Назовите себя!
К удивлению судьи, охрана не тронулась с места, он еще не знал, что охранники узнали в

этом человеке известного на весь город сыщика.
- Как смею? О да, я расскажу вам, как смею! Я – Орлов Федор Яковлевич, я должен был явиться сюда сегодня утром для обвинения вот этого негодяя! – сыщик указал пальцем на тучную фигуру Молоканова, пытающегося спрятаться за адвокатом.
Такая новость поразила судью.
- Но что с вами случилось?
И Орлов рассказал, все в деталях, что случилось и с ним, и с семьей, и с двумя полицейскими, и про богатыря Илью, и, конечно же, продемонстрировал содержимое своего саквояжа. В итоге Молоканова посадили, Орлов заработал уважение всего полицейского управления, получил повышение, стал известным человеком в городе, но надолго потерял всякую Радость и Любовь в жизни, заменив их преданной службой-борьбой против всего мерзкого и преступного».
Слова князя раскрыли передо мной всю бездну того горя, что настигло этого замечательного сыщика, картины были настолько яркими и полными, что я нередко ловил себя на мысли, будто наблюдаю это своими глазами, а не слушаю рассказ. Надо сказать, я был поражен этой историей, проникся великим уважением и состраданием к Федору.
На тренировке наша юная тройка сыщиков была молчалива, подозреваю, что Настя и Кирилл думали о том же, о чем и я, но не смели нарушить запрета Михаила, и ни с кем не обсуждали услышанную историю.
Вечером, после ужина, мы собрались втроем у озера, чтобы поразмыслить о наших дальнейших действиях для разрешения порученного дела.
- Первым делом предлагаю посетить Мирнова, думаю, он сумеет навести нас на верный след, - сказал я.
- А может быть, лучше посетим «Клюв»? Ознакомимся с, так сказать, возможным кругом подозреваемых, - сказал Кирилл.
- Даже если мы и посетим «Клюв», то мы не будем знать, кого искать, думаю, людей с внешностью, описанной Захаровым в этом заведении будет предостаточно. Тем более, едва ли преступники будут сейчас посещать людные заведения, они ведь понимают, что их будут искать, что они непростительно наследили в местах преступлений. Уверена, завтра утром Федор ознакомит нас с планом своих действий и интуиция подсказывает, что он предложит весьма дельный рисунок действий, - сказала Настя.
- Друзья, не поймите меня неправильно, но нам бы не помешало обзавестись чем-нибудь пригодным для самообороны, - предложил я, - потому что дело мне видится довольно сложным, уверен, в нем замешаны силы, куда более большие, нежели уличные хулиганы, а во мне все еще жива известная нам троим история.
- Насколько я мог заметить, - начал Кирилл, - нравы этого города таковы, что люди не ходят по улицам с оружием на боку или за спиной, поэтому наше вооружение мечами было бы социально нежелательно. Но я полностью согласен с тем, что оружие нужно, вот только не знаю какое бы подошло.
- Можно обзавестись шпагами, если они будут выглядеть красиво, то люди решат, что мы носим их для того, чтобы подчеркнуть свой статус. Еще можно сделать так, как сделал Федор.
- А как он сделал? – спросили мы с Кириллом в один голос.
- Разве вы не заметили? Он носит в рукавах метательные ножи, а на левом боку у него закреплен небольшой кинжал.
- Да, возможно, но я и, думаю, Кирилл, совершенно не владеем метательным оружием, а с кинжалом за пазухой будет весьма некомфортно, я больше склоняюсь к шпаге, хоть мы и не учились сражениям на шпагах, все равно это оружие ближе к мечу, нежели метательный нож.
- Согласен с вариантом про шпаги, - сказал Кирилл.
Мы проговорили еще несколько часов, затем отправились на покой, а утром уже мчали в полицейское управление.

Это пятиэтажное здание видимо должно было внушать силу и спокойствие каждому, кто смотрел на него – столь основательно и, если можно так сказать, с мощью оно было построено. Мы вошли внутрь, сказали то, что велел нам Орлов, нас проводили к нему. Федор уже ожидал нас в своем кабинете – надо сказать просторнейшей комнате с окнами на одну из главных улиц города и великолепно обставленной.
- А вот и мои юные друзья, доброе утро, - приветствовал нас мужчина, жестом прося нашего проводника удалиться, - ну, как ваше настроение сегодня?
Мы поприветствовали сыщика, уверили, что настроение самое что ни на есть чудесное.
- Вот и славно, давайте ваши бумаги, будем оформлять. Кстати, хоть вы только что заступили, но уже получаете половину жалования – не могу же я позволить, чтобы мои люди использовали личные средства для поимки злостных преступников, - Орлов улыбнулся.
Федор перенес данные из наших документов в договора, поставил внизу свою подпись под всеми тремя бумагами.
- Ну-с, теперь вы, извольте оставить роспись, - мужчина повернул договоры к нам и протянул перо.
Исполнение этого дела не заняло много времени.
- Замечательно, с бумажными делами покончено, а теперь, с чего вы планируете начать?
- Мы решили сперва нанести визиты знакомым Шальнова. А что решили вы?
- А мы решили так, - шуточным тоном начал мужчина, далее серьезным голосом, - за домами Шальнова и Трапенко установлена слежка, полицейские планомерно опрашивают всех, кто мог что-либо видеть. Врачи уже осмотрели раны покойных и сделали свои заключения, вот они на столе, при желании вы можете с ними ознакомиться. Сейчас я как раз планировал предложить вам проехать к господину Мирнову, надеюсь застать его дома, далее опросить оставшихся гостей покойного господина Шальнова, следующий наш шаг будет сопоставление сведений, завтра мы ближе к вечеру отправимся в «Клюв».
- И, еще один вопрос, - сказал я.
- Слушаю.
- Не посоветуете ли вы, чем нам можно вооружиться для самообороны? Раз мы ввязываемся в столь опасную авантюру.
- Вот, вот! Слышу голос разума, я бы сам предложил вам взять что-нибудь с собой, если вы не сказали об этом первыми. Но, я также знаю, что каждый человек имеет свои предпочтения в оружии, какие предпочтения у вас?
- Мы все любим мечи, но на улицах города это может вызвать ненужное внимание, поэтому мы сбавили свой пыл до шпаг, ведь если шпага будет не только острой, но и красивой, ее сочтут за часть гардероба.
Орлов рассмеялся.
- Мне нравится ход ваших мыслей, уверен, вы уже решили купить себе шпаги на полученные половину жалования?
- Да, - почти в один голос ответили мы, чем еще больше рассмешили сыщика.
- В таком случае здесь я вас опередил, - мужчина повел нас к одному из деревянных шкафов, открыл его дверцы и перед нами засияли всеми цветами радуги стальные клинки разного калибра и цены, - Вот, выбирайте, уверен, тут найдется шпага каждому из вас. Конечно, я не берусь соперничать с князьями в коллекции оружия, и уж тем более в цене. У их Светлостей есть такие экземпляры, за которые на ночных улицах этого города могут запросто лишить жизни. Кстати, о ваших покровителях, вы не откроете мне секрет?
- Какой?
- Как им удается оставаться молодыми? Я имею ввиду, что и двадцать лет назад они были все так же свежи и полны сил, я интересовался – никто в городе не может точно сказать, сколько им лет, даже старожилы помнят князей лишь в таком качестве. Когда задаешь эти вопросы, люди удивляются, мол, и правда, как это я раньше не подумал, что князья словно застыли во времени, а потом погружаются в свои заботы и забывают о том, что рядом с

ними живет истинное чудо природы, долгожители, счет лет которых давно потерялся в памяти людей.
- Видимо, Жизнь дарует долголетие хорошим людям, - ответил я.
В голове мужчины вихрем пронеслись воспоминания о той страшной ночи пятнадцать лет назад, об убитой жене и ребенке, он погрустнел, склонил голову и сказал:
- Да, видимо… Выбирайте, это – подарок от меня, - сказал Федор отвернулся и отошел.
Настя и Кирилл посмотрели на меня, увидели, что я и сам понял свою ошибку, и направили теплые лучи своих сердец к сыщику, я примкнул к ним.
Однако, надо было выбирать оружие, я выбрал шпагу, рукоять которой венчал дивный золотой дракон, Настя подобрала себе шпагу украшенную узорами из цветов, Кирилл решил взять себе шпагу, украшенную образом льва.
- Мы готовы.
- Замечательно, - мужчина повернулся к нам, осмотрел оружие, - Прекрасный выбор, закрепляйте оружие и поспешим.
Уже через пару минут мы вчетвером были на улице и искали извозчика. С этим мы справились быстро. По пути Федор поделился некоторыми мыслями:
- Вы знаете, а я ведь попробовал вчера ваш эксперимент, вынужден признать, что вы были правы – я не могу вообразить себя мертвым, какая-то часть меня все равно представляется живой. Поначалу я думал, что это мое мыслительное тело наблюдает за всем происходящим, но, вскоре, мне удалось представить мертвым и его, поэтому я путаюсь в догадках. Мне сложно представить, что человек владеет неким аспектом бытия, который находится за пределами досягаемости мысли, но другого объяснения я не нашел.
- Вы правы, - начала Настя, - этот «некий аспект» в самом деле выше мысли, это и есть суть человека, то, что не распадается со временем. Видите ли, мы убеждены, что время, ровно как и пространство – параметры весьма непостоянные, а посему все, что основывается на них, рано или поздно исчезнет, превратиться в первоэлементы, а потом соединиться во что-то новое. Хитрость в том, что любой человек имеет в себе бессмертную частицу, и именно ее невозможно представить мертвой, как вы не старались.
Орлов молча слушал, его правая рука перебирала пальцами в воздухе, теперь я догадывался, откуда у него эта привычка – если в руку сыщика мысленно вложить метательный нож – все становится предельно понятно.
- Вы говорите интересные вещи, Анастасия Владимировна, но не ждите, что я так просто сдамся, я подвергну всесторонней проверке эти слова, и, если не найду рационального объяснения – буду вынужден согласиться с вами.
После небольшой паузы я обратился к мужчине:
- Если вам интересно, могу рассказать кое-что из своих наблюдений.
- Прошу вас.
- Дело в том, что страх в квартире господина Трапенко носит весьма особый характер. Петр боялся убийцы так, словно знал о жестоком нраве этого человека, может даже был знаком с ним лично.
- Ох, Дмитрий Николаевич, как вы напоминаете мне меня в молодости. Хоть логических и фактических подтверждений вашим словам нет, я верю вашему чутью. Эта деталь значительно облегчает нам поиски злодеев и еще раз указывает на «Клюв».
- Еще довольно интересная ситуация выходит с Лидией Вячеславовной, - начал Кирилл.
Далее мы подробно изложили Федору свои точки зрения по текущему делу, он все внимательно выслушал, а в завершении сказал:
- Вы хорошо потрудились, только опыта вам немного не хватает, но в этом я вам помогу. Думаю, все проще, чем может показаться на первый взгляд. В «Клюве» нам следует выждать момент, подговорить одного из завсегдатаев устроить массовый праздник, дать ему денег на выпивку, чтобы он угостил всех в трактире. Потом просто проследить, кто из гостей будет поднимать рюмку левой рукой. С вашим чутьем и моим опытом, думаю, мы погадаем как раз тот момент, когда наш убийца будет в помещении, а потом уже дело

техники. Госпожу Шальнову мы навестим после того, как раскроем личность того гостя, которого она скрыла от нас. И еще один момент – показывайте полицейский значок лишь в случае крайней необходимости. Будьте готовы, мы подъезжаем.
И в самом деле, мы были уже близко. Меня не переставала радовать та сила искусства, с которой был построен этот дом – величественный, источающий мощь, и, в то же время, милосердный, дарующий успокоение.
Мы поднялись по лестнице, постучали в дверь и уже через несколько минут расположились в гостиной с горячим чаем или кофе в руках, беседуя с радушным хозяином.
Федор Афанасьевич был лет пятидесяти, фигурой слегка полноват, но полон сил, кое-где уже начинала пробиваться седина, основной цвет волос - темно-русый, глаза зеленые, или, если можно так сказать о глазах, изумрудные. Сам он был человеком честным, очень внимательным и волевым.
- Если я вас правильно понял, имеет место двойное убийство, одно было запланированным, другое – вынужденным. Из дома Шальновых ценные вещи не пропали, документы тоже, хотя в этом твердой уверенности нет, - начал Мирнов, - Так, дайте подумать… - мужчина замолчал на минуту, - Вас правильно проинформировали, я был в гостях у Шальновых и довольно долго разговаривал с Виктором по поводу его новой задумки – трактира. Видите ли в чем дело, в этом городе ситуация сложилась так, что весь трактирный оборот поделен между влиятельными людьми, и они не собираются делиться с кем бы то ни было своей прибылью. Хочешь открыть ресторан в верхней или средней части города – пожалуйста, но вот в нижнюю часть с открытием трактира не лезь. Сперва может показаться, что ресторан принесет гораздо больше дохода, но, на самом деле, это совершенно не так. Я бывал во многих города и странах, поэтому с уверенностью могу сказать, что обирать беднейшее сословие – самое прибыльное дело. Человек постепенно становится зависимым от алкоголя, табака и прочей отравы, но и это еще не все, в большинстве трактиров, которые я посещал из любопытства, в какой бы точке мира они не находились, предлагают услуги противозаконного характера, думаю, вы меня понимаете. Так вот, Виктор знал все это, знал, как именно поделен город в плане трактиров, но все равно решил попробовать свои силы в этом деле. Уважаемый Федор Яковлевич, я уже некоторое время ясно читаю в ваших глазах один единственный вопрос – кому принадлежала территория, на которой хотел обосноваться Шальнов? – сыщик улыбнулся и кивнул, было видно, что он получает истинное удовольствие от общения с умным и внимательным человеком, - Этого человека зовут Немеров Григорий Евлампиевич, вы сможете найти его вот по этому адресу, - мужчина написал адрес на бумаге и протянул ее сыщику, - Немного о нем – богат, влиятелен, не раз был замечен в компаниях с, так скажем, оригинальными моральными принципами, хитер, бывает резок и груб. Надо сказать, у Виктора была еще одна причина, помимо денежной, для того, чтобы открыть трактир именно на территории Григория, дело в том, что господин Немеров имеет очень длинный и острый язык и, так уж случилось, что господин Шальнов не сходит с этого языка вот уже как год, или около того. Думаю, у этих господ были все основания ненавидеть друг друга, но эта ненависть носила странный характер. Дело в том, что Григорий частенько заходил в гости к Шальновым. Вы спросите – от чего же Виктор не выставил его за порог, раз ненавидел? А я отвечу – к нему была весьма благосклонна Лидия Вячеславовна.
- Кстати о госпоже Шальновой, что вы можете сказать про нее?
- О, это совершенно особенный случай. Не могу сказать, что она не умеет держать себя в руках, скорее наоборот – с нее можно брать пример хороших манер, но общаться с ней я бы не стал, мне она кажется крайне ненадежной особой, способной на ложные заверения и предательства. Такие выводы я сделал, опираясь исключительно на свои внутренние ощущения, поэтому не могу гарантировать объективность этих сведений.
Далее наша беседа ушла от вопроса убийства, мы поговорили о князьях, о сыне Федора, о

ситуации в городе и вообще о многом, затем попрощались и выбрались на улицу. Наняли извозчика, Федор назвал ему адрес, и мы поехали.
- Куда мы сейчас? – поинтересовался я.
- К господину Смельцову Роману Алексеевичу.
- Разве мы не проверим Немерова?
- Разумеется, проверим, но если он – заказчик, то к нему следует идти вооруженными чем-нибудь весомым – доказательствами его вины, например. Мы можем посетить его под тем предлогом, что он имел общие дела с господином Шальновым, а мы интересуемся всеми возможными деталями. Если же он поймет, что мы его подозреваем, то легкого расследования не ждите, да и искать его по всей стране – занятие не из приятных.
- Что ж, звучит убедительно. Кстати, если вам будет интересно, я уверен, что Романа Алексеевича мы дома не застанем.
- От чего вы так решили?
- Интуиция, - улыбнулся я.
- Верно, его нет дома, думаю, что он либо в ресторане, либо отправился поиграть в бильярд к одному из своих многочисленных друзей.
- А вы от чего так решили?
- Опыт, - в свою очередь улыбнулся сыщик.
- Тогда зачем мы едем к его дому?
- Узнать у прислуги местонахождение хозяина.
- Федор Яковлевич, - обратилась Настя, - не хотелось бы рушить ваши планы, но во мне живет такое чувство, будто сегодня мы повстречаем не только господина Смельцова, но и Гриткова с Немеровым.
- Что ж, если так случится, то мы даже выиграем время и сведения.
- Каким образом?
- Увидите, когда мы повстречаем этих господ. А теперь, пока у нас есть время, не согласитесь ли вы ответить на еще один мой вопрос?
- Смотря каким будет этот вопрос.
- Вопрос касательно князей.
- Слушаю.
- Мне известно, что князь Гавриил, впрочем, как и его брат, пару раз за год гарантированно попадают в ситуации, когда им приходится сражаться сразу с несколькими противниками. И за все время моей службы, я еще ни разу, вы понимаете, ни разу не видел, чтобы их хоть заноза задела в этих передрягах, а вот те несчастные, что осмелились совершить нападение, пребывая в больнице, рассказывают такие чудесные вещи про этих двоих, что и поверить сложно. Потому вопрос – как им удается так ловко справляться с численным превосходством противника? – и, после небольшой паузы, - Вы не подумайте, что я через вас собираю компромат на этих уважаемых людей, но мне это интересно как ценителю боевых искусств.
- Ответ на ваш вопрос довольно прост, и заключается он в ежедневных тренировках князей, а если прибавить сюда исполинские размеры и невероятную силу этих людей, то и вовсе не удивительно, от чего им удается побеждать в схватках.
- Истинный мастер тренируется даже во сне, - отрешенным голосом сказал сыщик, скорее всего, он где-то прочел эту фразу, и решил, что сейчас она будет к месту.
- Вы сказали, что являетесь ценителем боевых искусств. Не скажете, что именно вас привлекает в этих искусствах?
- Не совсем понял вопрос, вы хотите, чтобы я назвал направление, которым занимаюсь?
- Да, но основной вопрос в том, что боевые искусства дают вам для внутреннего мира?
- Что ж, я отвечу. Было время, когда я плотно занимался боксом, пробовал свои силы в фехтовании, но истинное удовольствие мне всегда доставляли упражнения с метательными ножами, - Федор немного наклонился вперед, приосанился, засверкал глазами, было видно, что эти упражнения занимают важную часть в его жизни, - Был

период, когда в моем рабочем кабинете висела мишень. Тренировки занимали почти все свободное время, все свободные мысли были о ножах, и теперь я с уверенностью могу сказать, что одинаково метко метаю ножи как левой, так и правой рукой… - мужчина задумался, потом улыбнулся и продолжил, - Только не сочтите меня за сумасшедшего – я знаю, что волевое усилие может изменить траекторию полета ножа даже в тот момент, когда он покинул руку.
- Не вижу в этом ничего, что бы говорило о сумасшествии, думаю, рано или поздно такие ситуации настигают всех мастеров своего дела, - сказал я.
- Возможно… возможно воля – нечто большее, чем я знаю о ней на данный момент. Тем не менее, я еще не ответил на поставленный вопрос. Вы хотели узнать, что мне дают боевые искусства? Они перевернули мое мировоззрение: метая ножи и размышляя, я научился быть точным, быстрым и уверенным в своих силах, научился концентрировать внимание на каком-либо одном деле так, что весь остальной мир как бы перестает существовать. В конечном счете, я по-новому понял саму жизнь человека. Как и нож, человек мчится на протяжении всей жизни к какой-то цели, но разница в том, что нож не управляет собой, а человек управляет, и только от него зависит, достигнет он цели, попадет рядом или же упадет на пол, не достигнув цели.
- Но разве каждый человек, по вашему мнению, четко знает свою цель в жизни?
- Да, знает, но большинство забывают ее, или подавляют мысли о ней. А все потому, что представление о счастье в обществе навязывает серьезные ограничения на стремления человека, а эти представления очень часто расходятся с теми целями, которые человек наметил себе на жизнь.
- Значит ли это, что вы верите в возможность человека прожить несколько жизней, совершать так называемые перевоплощения?
- Да, я уверен в этом.
- Но как это сочетается с вашей теорией о распаде человеческого существа на первоэлементы?
- Очень просто – в то мгновение, когда мыслительное тело создается, в него закладывается природой некий потенциал, какова его величина – я не знаю, даже и не спрашивайте. И пока человек не исчерпает его – он будет иметь возможность перерождаться. Упрощенно это можно представить в виде бильярдных шаров: если выстроить их в ряд, взять один и ударить по одному из крайних, то всему какому-то числу шаров передастся определенная сила инерции, а уж сколько из них сдвинется с места – зависит от начального усилия.
- Хорошо, а кто придает это начальное усилие?
- Объективные силы природы, думаю, тут работает какой-то закон Вселенной, о котором мы попросту не осведомлены, - мужчина хитро посмотрел на меня, - Знаю, вы хотите подвести меня к мысли, что всем управляет Бог? Сразу скажу, мне все равно, как вы это называете, я называю это – естественными законами Вселенной, поэтому нет большой разницы между Богом и законами природы для меня.
- Очень приятно, что вы с таким пониманием относитесь к чужой точке зрения, это встречается поистине редко, однако, я хотел подвести вас к иной мысли – если кто-то или что-то придает человеческому существу некий импульс, благодаря которому человек существует, то откуда это существо или этот закон сам берет энергию? Что для него является источником силы?
- Сам закон обусловлен природой данного мира. Вот, например: огонь греет – такова его природа, вода смачивает и так далее.
- Все верно, но сами эти процессы: греет и смачивает – являются некими механизмами, как например, колесо у этого экипажа. Само по себе оно никогда катиться не будет, но, под воздействием силы тяги, будучи закрепленным в особом положении, смазанным, имея определенную форму и так далее – оно крутится, перемещая нас по городу. Так же огонь не мог бы существовать без необходимых и достаточных для него условий. А то, что мы

не видим в деталях тот механизм, благодаря которому огонь греет – то это лишь наше невежество. Так же и законы Вселенной, взять хотя бы закон притяжения частиц – он стал возможен лишь потому, что частицы мира обладают массой, зарядами, непрерывно движутся и так далее, то есть данный закон является следствием частиц этого мира, как вы верно сказали, но откуда взялись сами частицы, и почему вдруг они должны притягиваться, греть и увлажнять?
- К сожалению, Дмитрий, у меня нет ответа на этот вопрос, но я надеюсь, что наука, в будущем, раскроет и эту тайну Мироздания. Однако, ваша речь дала мне гораздо больше, нежели просто информацию о вашем мировоззрении: вы с таким пылом Души старались мне показать мир под другим углом, что, невольно, а может и умышленно, шевельнули во мне те чувства, которые я не могу отнести ни к эмоциям ни к мыслям. Сейчас я готов согласиться с древними философами, утверждавшими, что Душу невозможно описать словами – ее можно только знать. Но это не означает, что я вот так просто сдамся, может быть, я найду этому некое рациональное объяснение. Но, если вы столь усердно подводите меня к мысли о Душе, то будьте любезны ответить, отчего люди, в большинстве своем, отождествляют себя с телом, реже с эмоциями и мыслями, но не с Душой?
- Все дело в том, что человеческое сознание, как и все в этом мире, способно развиваться и совершенствоваться. Если сознание человека примитивно, то оно не в состоянии одновременно сознавать себя нескольких аспектах Мироздания, да это ему, по большому счету, и не нужно. Человек данной категории развития познает возможности физического тела, его свойства и потребности. Думаю, это является необходимой ступенью в эволюции человека. Далее человек переходит на ступень осознания эмоций, затем мыслей, а потом Души.
- А где же находится Душа человека в тот момент, когда он считает себя лишь физическим телом?
- Душа на месте, вопрос лишь в том – в каком состоянии Душа, весьма условно можно сказать, что она спит. Сонное состояние выражается в узости самосознания.
- Что ж, хорошо, мне будет над чем подумать вечером. Однако, должен заметить, что вы занимаете довольно категоричную позицию в данном вопросе.
- Прошу прощенья, если я где-то бы нетерпим к вам, видимо, мне тоже будет над чем подумать этим вечером.
Вскоре мы подъехали к дому Смельцова, как и ожидалось, его не было дома, разузнав, что он решил навестить одного из своих друзей – мы направились по указанному адресу.
- Готов поспорить, что господин Смельцов направился к своему другу вовсе не потому, что соскучился, думаю, мы застанем в этом доме сразу несколько богатых и предприимчивых людей этого города. Их основной темой для разговоров будет смерть господина Шальнова и изменение расстановки сил в городе в связи с этим, - объяснил Федор, задумался ненадолго, посмотрел в пол, по очереди загнул пальцы правой руки, бросил мимолетный взгляд в окно, затем повернулся ко мне, - Однако, вы, ребята, меня поражаете, что такого должно было случиться в вашей жизни, чтобы взрастить в вас столь твердую жизненную позицию в таком юном возрасте?
- Федор Яковлевич, если мы вас поражаем, то что нам следует сказать о вас? Мы почерпнули уже сформулированные знания от князей, притом поданы эти знания были так и тогда, когда и как они были нужны каждому из нас. Вы же достигли таких высот в осознании себя, метании ножей и профессии сыщика сами, путем проб и ошибок. Это вы, а не мы – являетесь чудом самодисциплины. Да, в жизни каждого из нас были сложные периоды, моменты напряженной борьбы и великих сомнений, но в какую бы передрягу мы не попали, мы были уверены, что несгибаемая сила князей защитит нас. Легко быть смелым и сильным, когда за тобой такие покровители, легко получать жизненный опыт и шлифовать грани сознания, - сказал я.
- Возможно, но мои наблюдения показывают, что человеку ничего не дается в жизни

просто так. У всего есть своя причина и свое следствие. И если вы сейчас находитесь в столь благоприятном положении, то тому обязана быть своя причина. Тем не менее, вы ответили на мой вопрос, благодарю.
Этот человек продолжал поражать меня все больше и больше, иной раз я искренне удивлялся, как в человеке может одновременно сочетаться мужество, острый ум и необычайная наблюдательность.
- Позвольте поинтересоваться вашими увлечениями, - обратился я к сыщику.
- Пожалуйста.
- Вы, должно быть, дивно играете в шахматы?
Мужчина рассмеялся.
- Не то, чтобы «дивно», но люблю иногда подвигать фигуры по доске, а что? Вы желаете партию?
- Всенепременно. Это было бы большим открытием для меня, сыграть с таким острым умом как вы.
- Дмитрий, если вы будете продолжать в том же духе, - улыбнулся сыщик, - то я, верно, раздуюсь не хуже пузыря от чувства собственной важности.
- Извините, я привык говорить людям то, что думаю, особенно если они этого заслуживают.
- Что ж, в таком случае вот вам прекрасная возможность пообщаться с новыми людьми, мы подъезжаем.
И в самом деле, мы были практически на месте – не высокий двухэтажный, но весьма широкий дом предстал перед нами. Мы рассчитались с извозчиком и направились к дому. На пороге нас встретил мужчина из прислуги, поинтересовался, как нас представить, услышав фамилию Федора, предложил нам подождать в холле хозяина дома.
Внутреннее убранство дома сказало, в основном, о двух вещах: первое – что хозяин был богат, и второе – неразборчив. Такого обилия всевозможной дорогостоящей утвари я не видывал уже давненько, притом расположено все это богатство было совершенно беспорядочно и создавало резкое ощущение дисгармонии. Вскоре нас почтил своим визитом хозяин дома – Пегасов Тимур Васильевич, человек тучный, низкого роста, постоянно опирающийся на трость с золотой рукояткой, очевидно, его правая нога была повреждена, потому как он прихрамывал на нее, на распухших пальцах красовались дорогие перстни, пожалуй, единственное, что могло очаровать в этом человеке при первом знакомстве, так это глаза – ясные, голубые, свободные и добрые глаза, такими глазами должен обладать священнослужитель, утешающий отчаявшихся.
Между тем хозяин дома раскрыл руки для объятий, в которые поспешил заключить Орлова, выглядело это так, будто они были старинными друзьями и не виделись лет двадцать. Интересно было то, что в этом жесте Пегасов не проявил лицемерия, он искренне радовался гостю. Федор, судя по всему, знал об этой привычке Тимура встречать гостей, ответил на объятие хозяина, сказал, что рад встрече, а затем представил ему нас. Когда Пегасов услышал мою фамилию, его глаза округлились, он переспросил, уж не сын ли я того самого Николая Строганова, что был здесь в юности, услышав утвердительный ответ еще больше удивился, затем нахмурился и сказал:
- Вы знаете, мой дорогой друг, ваш отец – великолепный человек, я искренне дорожу этим знакомством. Ваш отец перед самым отъездом дал слово, что еще навестит меня, но вот, я вижу перед собой вас – его сына, а его самого – нет. Значит ли это, что мне более не придется увидеть моего давнего друга?
- Зная своего отца, могу вас уверить, что он сдержит данное слово, но, думаю, произойдет это не раньше чем через два года, как раз к этому времени он должен прибыть сюда, чтобы, так сказать, оценить результаты моего обучения.
Хозяин улыбнулся, тихо пробормотал «два года – уже что-то конкретное», и пригласил нас в зал, где собралось, навскидку сказать, человек десять-пятнадцать. Орлов посоветовал нам быть наблюдательными, а сам отправился к небольшой группе мужчин,

что-то напряженно обсуждающих. Пегасов обратился ко мне:
- Не сочтите за дерзость, но где вы обучаетесь? Уверен – сын Николая учиться у самых лучших учителей университета.
- Вы правы, меня учат самые лучшие Учителя, каких я и не мог себе вообразить.
Мужчина улыбнулся, очевидно, его порадовала собственная догадливость, я же решил оставить все как есть, потому что не желал раскрывать перед ним свое ученичество у князей.
- Понимаю вас, Дмитрий, ученые мужи – удивительные люди, подумать только, видишь ты человека, и не знаешь, что он – ученый, а между тем в его голове, может быть, рождается совершенно феноменальное открытие. Открытие, которое даже вообразить себе сложно в самых смелых фантазиях.
И в этих словах Тимура не было фальши, вообще от него веяло правдивостью, чем-то теплым, добрым и мягким, поэтому я никак не мог взять в толк, от чего он так растолстел. Также меня поразило то, с каким глубоким уважением он относится к ученым, возможно, он и сам когда-то мечтал им стать.
- Так уж устроены люди, проходят мимо самого удивительного чуда, погруженные в свои личные дела. Лишь редкий человек скопит в себе достаточно смелости, чтобы поднять голову и смотреть на мир широко, охватить своей мыслью десятки, а может сотни, тысячи людей, создать что-нибудь для них, для всеобщего блага.
Улыбка Пегасова стала еще шире.
- Вы знаете, даже если Николай по каким-то причинам не приедет, я прощу ему, потому что вы – точная его копия: те же мысли, тот же взгляд на мир, такая же богатырская фигура. Вы – чудотворец, Дмитрий, только что вы перенесли меня в то далекое время, когда мы общались с вашим отцом. Эх, знали бы вы, как мне его не хватало…Он один умел понять человека, если о чем-то говорил или что-то обещал, то можно было быть уверенным, что это – чистая правда.
Мужчина погружался в воспоминания, видимо, он был очень эмоциональным и ранимым человеком, заметив, как он бросает мимолетные презрительные взгляды в адрес некоторых гостей, я решился задать такой вопрос:
- Тимур Васильевич, вы как будто не очень рады своим нынешним друзьям?
Пегасов подошел ко мне поближе, едва заметно оглянулся по сторонам, наклонился и почти в самое ухо сказал:
- Разве это – друзья? Дмитрий, большая часть этих людей – волки, переодетые овцами, - затем он выпрямился и уже нормальным голосом добавил, - не желаете ли осмотреть мой дивный сад, быть может, я не сумею удивить вас чем-либо в плане оформления, но вот некоторыми новыми видами деревьев – пожалуй рискну.
Я обменялся взглядами с Настей и Кириллом, они поняли мое желание и мысленно уверили меня, что на их наблюдательность можно положиться.
- С радостью принимаю ваше предложение, уверен, вы не ограничились экземплярами растительного мира лишь этого района планеты, а привезли в свою сокровищницу целый лес из-за морей.
Волна удивления пробежала по лицу Пегасова, очевидно, я попал в самую точку. Через мгновение мужчина принял обычный облик.
- Как же вы напоминаете мне Николая – он тоже любил ошарашить меня своей необычайной догадливостью, полагаю, это у вас семейное, - шутил Тимур.
- Да, должно быть так, - поддерживал шутку я.
Вскоре мы вышли из дома, несколько мгновений, и мы уже шагали по чудеснейшему саду, Пегасов слукавил, когда сказал, что не сможет удивить меня оформлением – той любви и заботы, с которой был обработан этот уголок земли, я не мог и вообразить в сердце Тимура. Мы уходили вглубь сада, хозяин показывал на особо примечательные, по его мнению, экземпляры, называл их и давал краткую характеристику. Очевидно, Пегасов полагал, что все остальные деревья, цветы, кустарники я и так знаю, видимо они росли в

той полосе, откуда я родом, но, к собственному стыду, я не знал и половины тех монументов природы, мимо которых мы проходили.
- Ваш сад прекрасен, уверен, только человек с чистым сердцем мог взрастить такое великолепие.
Эта фраза попала глубоко в Душу Тимуру, он остановился, оперся левой рукой на ствол дерева, по кружившим вокруг него мыслям я понял, что, воспетой мною, чистотой сердца он обязан моему отцу. Наконец мужчина повернулся ко мне, лицо его было мрачно, словно он кого-то похоронил.
- Чистые сердца тоже разными бывают, Дмитрий, одно не только чисто само, но и в других умеет развить чистоту, влить силу, другое умеет лишь себя содержать в чистоте, но поднять других к себе не в силах, а иное, - мужчина едва заметно проглотил слюну, - со временем угасает, потому как вокруг него лишь ложь, лесть и лицемерие. Эти гнусные сорняки оплетают и губят сердце не хуже, чем сорняки на грядке убивают цветы.
Мы медленно зашагали дальше, но теперь Тимур значительно сильнее опирался на трость.
- Вы имеете ввиду, что некоторые ваши знакомые отягчают вашу жизнь?
- Да, именно так..., - мужчина замялся, - я знал вашего отца, поэтому уверен, что вам можно доверить мысли, которые мне бы не хотелось обнародовать.
- Вы можете на меня положиться в этом вопросе. Все что вы сочтете нужным скрыть, будет скрыто и мной.
- Николай остался в моей памяти ярким, чистым человеком, с ним было приятно разговаривать, работать, приятно находится в его обществе. Он не кривил Душой, но был тактичен, если он видел во мне слабость или недостаток, он всегда умел сказать об этом, сказать так, чтобы не вызвать бурю обиды и протеста, сказать просто, легко, словно шутку. Если же он видел что-то хорошее, что, по его мнению, следовало бы развить, он и об этом говорил с той же легкостью и простотой. Со временем я научился ценить эти качества в людях. Общение с правдивым человеком – все равно, что глоток чистой родниковой воды. Теперь же меня окружают, в большинстве своем, проныры, лжецы, лицемеры и льстецы, - мужчина улыбнулся, - подумать только, они даже не понимают в чем разница между комплиментом и лестью, говорят, мол, грань между ними очень тонкая и ее не различить. Конечно, для них эту грань ни за что не различить, потому что Души их схоронены под неподъемными слоями эгоизма. Комплимент исходит из Души, от сердца человека, а лесть – порождение эгоизма. Поначалу я пытался разговаривать с некоторыми из них, что-то доказывать, взывать к чистоте, но… - Пегасов махнул рукой, словно отрекался от чего-то, - В этих людях, мало того, что нет чистоты, в них полно словоблудия и изворотливости. На словах они готовы доказать тебе что угодно, любые понятия и слова смешать, разорвать в клочья все то чистое, что есть в тебе, выставить себя белыми, мягкими и пушистыми, а тебя – грязным злодеем. И вы знаете, что случилось? Я устал, я просто устал бороться с этой ложью. Теперь меня внутренне выворачивает, если приходится общаться с очередным лжецом и лицемером, готовым очернить все что угодно, лишь бы выставить себя повыгоднее, хотя бы перед самим собой. Мне не хватает тех людей, которые бы видели вещи вглубь, которым ясно, что является прародителем лицемерия и лести, которые умеют различать порывы Души от козней эгоизма. Ваш отец умел это делать, Федор Яковлевич – еще один замечательный и правдивый человек, есть еще несколько хороших людей, но основная масса – суть лжецы. А ложь – как тернии для Души, попав в нее единожды – выйдешь с порезом, увязнув в ней по уши – выберешься израненным.
Мужчина окончил речь, пристально вглядываясь в мои глаза, казалось, он искал там понимания и, судя по выражению лица, нашел.
- Вы правы, ложь – страшная ноша, если она внутри, и колкий бич, если она вокруг. Но можем ли мы судить людей за то, что они не видят тех оков эгоизма, в которые себя заковали? Да, люди склонны лгать, выставляя себя в выгодном свете, склонны лицемерить и льстить, добиваясь мимолетных целей. Поступая так, люди считают, что выковывают

себе счастье, а на самом деле клетку. Но разве лучше будет жизнь, если все правдивые, светлые люди отвернутся от них, оставят лживую массу наедине с собой? Вы поступали очень смело и благородно, что пытались сломить лживый стержень в ваших знакомых. Но вы угасли, угасли вовсе не потому, что устали, а потому что ощутили себя одиноким на этой войне. Уверен, вы и думать забывали про усталость, когда мой отец был здесь, все неудачи, все безрезультатные на первый взгляд разговоры с лжецами казались вам мелкой ерундой, ведь рядом с вами был друг, которому вы могли доверить мысли, мечты, тайны, поделиться планами, который вас понимал и принимал таким, какой вы есть. Но жизнь повернулась так, что Николаю пришлось уехать, в вашем сердце погасла часть огня, все вокруг потеряло привычные краски и радость. И в этот самый момент ложь, как ядовитая змея, вошла в ваш дом в форме новых друзей. Уверен, вы бы и рады повыгонять половину из них вон из дома, а в будущем и на порог не пускать, но с одними вы связаны делами, с другими родственными нитями, а знакомства с третьими просто требует социальное положение. Выходит, вы оказались в клетке, клетке социального долга, мнимых друзей, фальши и обмана. Единственное место, где вы находили отдушину все эти годы – был этот дивный сад. Природа не умеет лгать, она и есть правда, она и есть Истина, поэтому вы спасались здесь, среди первородной Истины. Уверен, были такие моменты, когда вам не хотелось покидать сад и возвращаться в дом, вам виделось, будто дом окутан паутиной лжи, а сад – сияет светом. Так же мне стало ясным, от чего у вас в доме столь много дорогих вещей, расположенных безо всякого вкуса. Их раскладывали не вы, но вашими руками общественное мнение. И за это, за все это, вы ненавидите общественные устои жизни, моду, надоедливых гостей, свой дом, наконец. Вы ненавидите их не потому, что они есть, что они таковы, а потому, что эти позиции вы сдали под давлением общественности. В них вы ненавидите собственную слабость в этих вопросах. Быть может, я поступаю слишком дерзко, что говорю вам все это при первой же встрече, за что прошу прощенья, но по-другому я не мог.

Мужчина едва удержал слезу, очевидно, я сорвал с его сердца все старые раны, которые день за днем, капля за каплей, отравляли ему жизнь.

- Дмитрий, вы истинно сын своего отца, даже не зная вашей фамилии, но услышав эту речь, я бы спросил вас об отце. Мне до сих пор не ясно, как это делаете вы, как это делал ваш отец, но вы угадали все, абсолютно все, до мельчайших деталей. Мне остается лишь добавить, что я потерял жену два года назад, ее забрала болезнь, врачи так не смогли определить какая именно. Ее забрала болезнь, так говорят врачи, а я знаю, что она, будучи нежной и чистой Душой просто не смогла жить больше в этом паучьем гнезде. Мой сын сейчас в Европе, учится в одном из лучших университетов, он примерно вашего возраста, я был бы счастлив, если бы вы познакомились, но не знаю точно, когда он навестит меня. Эти горы драгоценного хлама, коим завален мой дом, мне и самому надоели до глубины Души. И знаете что? Вы правы, я обставлю свой дом так, как сам того хочу, а не как того требует общество. Еще вы сказали интересную вещь, будто я ненавижу самого себя из-за проявленной слабости. Это – точь-в-точь позиция вашего отца, видеть корень причины в самом человеке, и не давать ему повода перекладывать свои проступки на плечи «смятенной толпы». Мы имели с ним не одну беседу по этому поводу, он убедил меня в том, что его позиция более продуктивна, поэтому я сейчас не стану опровергать ваши слова, искать причины вовне, но постараюсь отыскать те заусенцы в себе, что мешают жить. Должен сказать, я искренне рад, что встретил вас сегодня, и буду еще более рад, если вы примите мою дружбу. Пусть я далеко не ваших лет, быть может, не так остро схватываю новое, как когда-то, но я имею богатый жизненный опыт, объездил множество стран, думаю, мы оба выиграем от этой дружбы.

- Я с радостью принимаю ваше предложение, но вовсе не потому, что вы можете быть полезным мне, а потому, что вы – правдивый и сердечный человек.

Пегасов улыбнулся, его глаза засияли счастьем, мы обменялись рукопожатием, как это водится среди друзей. Вдруг мужчина схватился за голову, его глаза быстро заметались по

сторонам.
- Дмитрий, что же я за человек такой, похитил вас у ваших друзей под предлогом показать редкие виды растений, а на деле для того, чтобы поговорить о своих трудностях жизни, и я еще так яростно проклинал эгоизм, когда сам – образец бестактности!
- На этот счет будьте спокойны, мои друзья весьма догадливы и едва ли потеряли меня. Однако, нам бы не мешало вернуться в дом, Федор Яковлевич, быть может, уже узнал все, что необходимо.
- Кстати, не расскажете ли мне, в чем причина вашего визита? Я, конечно, рад, но, все же, хотелось бы узнать.
- Вы, верно, слышали о смерти господина Шальнова?
- Еще бы, весь деловой круг этого города слышал. Значит, он расследует это дело, - мужчина нахмурился, его брови сдвинулись, уголки губ опустились.
- Вас это беспокоит.
- И да, и нет. Дело в том, что господин Шальнов, как бы это сказать, был не самым приятным человеком. Понимаю, о покойниках плохо нельзя, поэтому вдаваться в подробности не стану. А беспокоит меня вот какой вопрос: что я чувствую по отношению к господину Шальнову и его убийце. С одной стороны я против такого рода насилия, а с другой, ох, простите меня Дмитрий, в городе одним негодяем меньше стало. Я уверен, что господин Орлов рано или поздно, скорее всего рано, изловит убийцу и заставит ответить по всей строгости закона, вот только заслуживает ли он того – я не знаю. Господина Шальнова я знал, а вот убийцу – нет, потому мое сердце и не может определиться с выбором чувств.
- А если б вы могли выбирать, то как бы решили: чтобы убийца был схвачен или нет?
- Разумеется, чтобы был схвачен и наказан, в этом нет никаких колебаний, за такого рода проступок надлежит отвечать, но, если бы я решал, я не знаю, что бы я чувствовал к убийце: презрение или уважение… А вы, я имею ввиду ваша юная тройка, какое вы имеете отношение к этому? Федор Яковлевич рекомендовал вас, как своих коллег, но не может же быть, чтобы…
- Очень даже может, мы трудимся вместе с ним над этим делом.
- Странно, очень странно, вы, верно, обладаете не только острым умом, но и обширными связями, раз сумели устроиться в компаньоны к такому человеку, - Тимур вопросительно смотрел на меня.
Мы все еще были в саду, посторонних ушей не было, и я решил рассказать мужчине про князей.
- Видите ли в чем дело, нашими Учителями, коих вы сначала видели в обличии ученых, являются князья, их, бесспорно, можно назвать учеными, но… - я остановился, потому что Пегасов застыл на месте не хуже монумента, - Что с вами?
- Этим меня всегда поражал ваш отец. Он мог держать себя свободно в любом обществе, даже в обществе князей, разговаривать с ними на любые темы и даже шутить, а я… Меня приклеивал к полу один только взгляд этих людей. Когда они смотрят тебе в глаза, кажется, будто всю Душу в тебе вычитывают, все о тебе знают, даже то, что ты и сам не ведаешь.
- Да, поначалу это и меня поражало, но со временем привыкаешь ко всему.
- Наверное, я понимаю, почему вы не назвали князей в гостиной, среди оравы «голодных» ушей, и тем больше ценю, что вы открыли это мне наедине. Уверяю, эту вашу тайну я никому не выдам, - мужчина широко улыбнулся, - теперь я понимаю, почему Федор Яковлевич принял вас к себе, с такими покровителями вас бы впустили и не в такие кабинеты, и не к таким людям.
Мы продолжили путь к особняку. Тимур, чувствовалось, был искренне рад, я бы даже сказал, мальчишески рад, что мы обменялись с ним тайнами, теперь каждый из нас знает друг о друге что-то, чего не знают другие. Не скрою, и меня захватили детские чувства, когда мы с другом обменивались самыми сокровенными тайнами, а потом хранили их, как

самое драгоценное сокровище.
- Тимур Васильевич, вы не против, если я задам немного личный вопрос?
- Говорите смело, мы ведь теперь друзья, - отвечал довольный мужчина.
- Что случилось с вами, что вы набрали столько лишнего веса? Уверен, раньше вы были стройны и с лихвой оправдывали фамилию.
Пегасов рассмеялся.
- А ведь вы правы, я, в самом деле, раньше был строен, силен ногами и руками, верите или нет, но я даже мог составить конкуренцию в фехтовании вашему отцу. Но, когда он уехал и ложь накрыла мой дом… Не знаю, может быть случилось так, что ненависть слишком долго скапливалась во мне. В Душе я по-прежнему «союзник ветра», - мужчина улыбнулся, - так называл меня ваш отец.
Мы вернулись в дом, вошли в зал, наше появление заметили многие, но решили не подавать виду и продолжить свои дела. Пегасов направился к Федору, о чем-то беседовавшим с мужчиной высокого роста, лет тридцати-тридцати пяти, худым, с черными волосами, смуглой кожей, карими глазами. Вернувшись в общество Кирилла и Насти, я поинтересовался обстановкой.
- Наш друг сейчас беседует с Аркадием Юрьевичем Гритковым, он занимается драгоценными камнями и металлами, скорее всего, долгое время он жил не в России, потому как имеет забавный акцент, особо выделяя букву «о», - пояснила Настя, - Вот этот мужчина, - она указала на человека сорока лет, слегка полноватого, с серыми глазами, светло-русыми волосами, - Роман Алексеевич Смельцов, приятный человек, дворянин, надо сказать, хорошо владеет словом, тактичен. Но самый интересный гость - Немеров Григорий Евлампиевич – находится почти в самом конце зала, вон там, видишь, - на этот раз мне указали на мужчину со смуглой кожей, плотно сбитого, с черными волосами, карими глазами, около сорока лет, среднего роста, с трубкой для курения в руках, - Довольно интересный человек. Он, вне всяких сомнений, занимался или занимается спортом, вероятно боксом, об этом говорят своеобразно сбитые кулаки и телосложение, так же можно заключить, что он не брезгует использовать хамство в обращении с людьми, много курит, что, кстати говоря, может быть следствием волнения. Впрочем, на внутреннее волнение этого человека указывают и бесконтрольные движения рук. Общая картина, на первый взгляд, складывается следующая: здесь собрались довольно значимые для делового мира этого города, люди, разумеется, они прекрасно осведомлены о смерти Шальнова, - пока Настя говорила, я, совершенно позабыв про всякие манеры, бесцеремонно разглядывал Немерова и, естественно, в конечном итоге наткнулся на его вопросительно-раздраженный взгляд, я улыбнулся, он ответил мне едва заметной ухмылкой и отвернулся в сторону своего собеседника, - Дима, не стоит так играть на нервах этого человека. Пока что нам не следует давать ему лишний повод думать, будто он под подозрением, - я повернулся к друзьям, постарался скопировать некоторые манеры Немерова, чем вызвал улыбку своих собеседников, - По мнению Орлова, которое он огласил еще по пути сюда и которое подтвердилось впоследствии, некоторые присутствующие здесь лица решают, как поделить образовавшийся вакуум на рынке города. Вкратце это все, Федор не велел нам много разговаривать, в особенности о нашем деле. А что у тебя?
- Должен сказать, Тимур – замечательный человек, оказалось, он знал моего отца, поведал мне множество интересных фактов из прошлого, свой взгляд на мир и отношение к подобным собраниям, но об этом он просил меня никому не рассказывать, поэтому, к сожалению, я не могу нарушить просьбу и рассказывать дальше.
Друзья понимающе кивнули, мы замолчали и принялись наблюдать, правда, делая вид, будто бы мы продолжаем беседу – едва ли кто-нибудь в этом обществе будет столь внимателен к ближнему своему, чтобы заметить, что он молчит и наблюдает, а не хитрит, отстаивая свои интересы. Мое внимание вновь привлек Григорий, к сожалению, на таком расстоянии я не мог разглядеть всех деталей, но кое-что все же открылось: он не носил

обручального или свадебного кольца, слушая собеседника, делал глубокие затяжки, а произнося речь, старался проговаривать каждое слово, говорил властно и уверенно, правой рукой, в которой держал трубку, совершал медленные круговые движения, словно крутил ручку мясорубки или маленького колодца, время от времени он указывал кончиком трубки в сторону собеседника, после этого, обычно, следовал вопрос, ставящий человека в затруднительное положение. Во время разговора он любил смотреть человеку прямо в глаза, кончики его туфель были направлены соответственно – на собеседника. Довольно скоро я сделал вывод, что он хорошо чувствует людей, и знает где, когда и куда надо надавить, чтобы получить желаемый результат, также был очевиден и тот факт, что его уважают и, скорее всего, побаиваются.
Окончив разговор, Немеров не спеша, медленно и важно вышагивая, будто поставил сегодня на счастливую лошадь, направился к нам. Угадать его мысли было несложно – он планировал воспользоваться нашей молодостью и выведать мнение Орлова по поводу недавнего происшествия. Подойдя к нам, он довольно улыбнулся, особенно пристально посмотрел на Настю, вернее «осмотрел» ее как «товар», чем вызвал во мне желание проверить его боксерский навык на практике, отдал нам самый малозначительный из поклонов и сказал:
- Добрый день, господа, добрый день, очаровательная принцесса, простите, что нарушаю ваш разговор, но от вашей троицы невозможно оторвать взгляд, хоть я и старался. Немеров Григорий Евлампиевич, к вашим услугам.
В ответ мы представились. Мужчина открыто проявлял повышенное внимание к Насте, но держал себя в рамках приличия.
- Дивно, как дивно, что столь юные люди стремятся к общению с сильными мира сего, - Григорий усмехнулся, как бы уличив самого себя в нескромности, - Однако, раньше я вас нигде не видел, вы недавно в городе?
- Мы, - начал я, - прибыли в этот город в разное время, но с одной целью – обучение.
- А-а, - протянул мужчина, - теперь понимаю, вы, верно, еще студенты. Что ж, тем более похвально, что вы не шатаетесь без дела, а состоите на службе у Федора Яковлевича. Вы знаете, я даже вам завидую, если в своей юности я сумел бы заполучить такого опытного учителя, то, кто знает, кем бы я был сейчас. Но… жизнь есть жизнь, время было, был свой шанс, а теперь уж и время не то и шансы другие. Однако, я замечтался, прошу прощенья, - он хитро посмотрел на нас, остановил взор на мне, - Вы, Дмитрий Николаевич, верно, занимаетесь спортом, я бы даже рискнул предположить, что боксом, не так ли?
- Вы правы, я развиваюсь в направлении боевых искусств, - про то, что я обучен бить не только кулаками, я предпочел скрыть от этого человека.
- Полезное, очень полезное дело, - собеседник затянулся, затем переместил трубку из правого уголка рта в левый, - Хотя бы раз в жизни, а может и не раз, поможет. Даже если вам и драться не придется. Бокс развивает в человеке уверенность, а это многого стоит.
- Вы так рассуждаете, будто сами занимались боксом.
- О да, занимался, и, черт возьми, должен вам сказать, что у меня здорово получалось, но… теперь я уже, - мужчина усмехнулся, - староват для этого. Так, время от времени постучу по груше, повспоминаю былые деньки. Да, спорт – хорошая вещь. Кстати, я вижу, что вы носите шпаги, притом закреплены они так, словно вы совершенно натурально готовы пустить их в бой, а не напоказ, как это можно видеть среди богатых людей, желающих подчеркнуть свой статус. Вы еще и фехтовальщики?
- В каком-то роде да, в последнее время в городе неспокойно, нужно быть готовым ко всему.
- Это верно, это верно Дмитрий Николаевич, а вы, верно, знаете, над чем сейчас работает господин Орлов? Это страшное, дерзкое преступление – убит в собственном доме. Виктор Анатольевич был мне знаком, бывало время, мы не ладили с ним, но он всегда нравился мне как собеседник: он умел отстоять свою точку зрения, умел смотреть прямо в глаза, был сильным человеком и вдруг… его не стало. Надеюсь, закон настигнет злодеев.

Кстати, вы не знаете, кто бы мог совершить это коварство?
- Версий много, - неожиданно для Немерова раздался голос Федора, сыщик слышал эту реплику Григория и ждал момента, чтобы вступить в разговор, - видите ли, господин Шальнов давал деньги в долг не только надежным клиентам, но и сомнительным личностям, может, случилось так, будто один из должников, ориентировочно из нижней части города, не смог скопить нужной суммы в срок и решился на дерзкое преступление.
Немеров быстро оправился от удивления и ответил:
- Да, да, ведь я ему еще говорил: «Виктор, не веди дела с «нижними», они или мать родную продадут, или тебя прирежут», а он мне отмахивался, вроде, кто б из них осмелился. Вот, видимо, осмелились.
- Да уж, что за город…
- Да…
- К сожалению, нам уже пора, приятно было повидаться.
- И я был рад встрече, - ответил мужчина, потом перевел взгляд на нас, впился глазами в Настю, - и новым знакомствам.
Мы попрощались с Немеровым, попрощались с хозяином дома и, по предложению Федора, отправились в ресторан пообедать.
- Как вам этот дом, мои юные соратники?
- Дом, судя по всему, весьма гостеприимен, - шутил Кирилл, - хозяин тоже. Мне сложно судить об увиденном, потому как отец никогда не брал меня на подобные мероприятия.
- Хорошо, тогда я поделюсь наблюдениями, - мужчина устроился поудобнее, немного наклонился вперед, - господин Немеров, вне всяких сомнений, сегодня утром был в доме убитого, более того, он весьма близко общался с госпожой Шальновой, это я заключил по запаху духов, оставшихся на нем. Существует, конечно вероятность, что это была другая женщина с такими же духами, но едва ли это так. Думаю, в ближайшее время в доме Шальновых побывает большая часть увиденных нами господ, чтобы засвидетельствовать свое почтение к убитому. Общение с гостями господина Пегасова дало противоречивые сведения: кто-то уверяет, будто Шальнов в последнее время был не в себе, кто-то намекает на то, что он был в ссоре с какой-то преступной шайкой, были и еще версии, но про господина Немерова не сказал никто. Сам Григорий Евлампиевич сегодня заметно нервничал, наконец, когда его нервы не выдержали, и он направился к вам, тут я и понял, что сомнений о его причастности к делу быть не может. Однако, вам следует быть осторожнее, общаясь с ним, он чуть было не выведал того, зачем направлялся.
- Мы бы ему едва ли сказали больше вашего, - ответил я.
- Не уверен, Дмитрий, господин Немеров – хороший манипулятор, он вывел вас из психического равновесия еще до начала разговора, проявив повышенный интерес к Анастасии, уверен, если бы он совершил еще одно неверное действие, мы бы наблюдали драку. Но ему это не было нужно, он натянул ваши нервы в струну, расслабил разговорами о спорте, а потом перешел к интересующему вопросу. Ему не нужно было, чтобы вы проговорили словами, что подозреваете его, он бы увидел это по мимике, жестам, другим признакам. Ведь если человек выведен из равновесия, то он совершает гораздо больше необдуманных действий.
- Вы правы, я действительно не вполне удержал себя в руках.
- Далее, я рекомендую вам сейчас же оставить мысль о поединке с этим человеком, он может показаться вам неповоротливым, старым, он даже может сам говорить об этом, но помните, он – опасный человек, не важно, кто из вас более сильный боец, не рассчитывайте на честный бой. Таких людей как Григорий Евлампиевич следует брать наверняка, не оставляя им и малейшего шанса на спасенье. Теперь у нас есть подозреваемый, есть его адрес, но мы не знаем точного мотива преступления, не знаем исполнителей, не знаем, кто в этом еще задействован. Словом, нам еще есть над чем поработать. Сегодня, если вы желаете, можете ознакомиться с показаниями свидетелей в моем кабинете, если же нет, то иных поручений для вас нет.

Мы направились в кабинет сыщика, ознакомились со свидетельскими показаниями: ничего нового, по существу дела, мы не обнаружили, к сожалению, мало кто из свидетелей видел нападавших, а те, что видели, принимали их за прохожих, за кого угодно, и не уделяли этим наблюдениям большого внимания. Откровенно говоря, вниманием это назвать вообще сложно, потому как свидетели, в большинстве своем, даже не помнят, чтобы у предполагаемых преступников было закрыто лицо. Однако, любопытные детали, все же, попались: так например, один из старожилов, не обремененный заработком, делами и суетой, но страдающий от недосыпания в силу возраста, в день происшествия, проснулся, как обычно, в четыре часа утра, далее он подробно описывает распорядок действий. Примечательным выступает следующий момент его рассказа: примерно во время совершения убийства, он подошел к окну и увидел богатый экипаж у дома Шальновых, свидетель решил понаблюдать за ним, потому как кучер заметно нервничал, а дома у старожила особых дел уже давно не было. Через какое-то время к дому направился молодой человек, по приметам совпадавший с Трапенко, едва переступив порог дома, он выбежал оттуда словно ошпаренный, следом за ним погнались двое, другие два преступника забрались в экипаж и вскоре скрылись. Их лиц свидетель не помнит, так как они были сокрыты: у троих из нападавших - специальной тканевой повязкой, у четвертого – воротом плаща.
Завтра мы должны будем направиться в «Клюв», Орлов сказал, что ждать нам от этого визита особо нечего, скорее всего, Немеров велел своим сподвижникам не высовываться какое-то время, да и сам будет держать дистанцию. По мнению Федора, мы должны заявиться туда завтра, официально, как полицейские, расспросить трактирщика, поговорить с посетителями, в общем, разыграть комедию, чтобы Немеров думал, будто мы ищем преступника в бедных районах города. Примерно через две недели напряжение, по представлению Орлова, должно спасть, преступники начнут возвращаться к привычному распорядку дня, а через месяц в «Клюве» появимся мы, но уже не как полицейские, а как бедняки, желающие пропить последние деньги.
- А чем же мы будем заниматься весь этот месяц? – поинтересовался я.
- Дмитрий, будьте уверены, в этом городе полицейский без работы не останется: драки, грабежи, разбойные нападения, семейные ссоры, шантаж… всего и не скажешь. Так как завтра наш визит в «Клюв» намечен на вечернее время, то днем у нас будет прекрасная возможность пронаблюдать что-нибудь из черной изнанки жизни этого города.
Мы попрощались с сыщиком и отправились в имение князей. Михаил отлучился в город по делам, а вот Алексей и Гавриил, после обеда, медленно прогуливались по саду. Решив не прерывать их беседы, мы устроились на одной из любимых скамеек, той самой, где нам не раз приходилось беседовать с вопрошающими.
К счастью, сегодня вопрошающим был Давид, этот неугомонный и любознательный человек не успокоился до тех пор, пока не выведал у нас все детали дела, задумался ненадолго, а затем сказал:
- Все-таки, думаю, Федор зря так оттягивает сроки, неужели нельзя надавить на этого Немерова, чтобы получить признание. Хотя, я, наверное, мало понимаю в этих делах, я ведь не сыщик. С другой стороны я рад, что теперь на улицах города целый месяц будут трудиться такие бесстрашные полицейские.
- Да уж, можно подумать, что ты сам – последний трус, - смеялся я, - еще вперед нас любого негодяя на обе лопатки свалишь.
- Скажешь тоже, я вообще – воплощение Доброты и Миролюбия, муху зазря не трону, - отшучивался Давид, - А вот твой коварный левый хук уж точно кого угодно свалит.
- Тебя же не свалил, а пропускал ты его частенько.
- Так это все потому, что князья рядом были, и ты не решался высвободить свою истинную природу наружу, а тут – улица, ни князей, ни управы на тебя. Тут преступникам самое время прятаться, иначе – все.
- Тебя послушать, так я прям – беспощадный человек, но я-то получил свой навык боя от

князей и Ярослава, через мирные тренировки, а вот где его получал ты – вопрос совсем иной.
- Ты не поверишь, - сиял улыбкой мужчина, - по книжкам занимался, никого не трогал.
- Добрый день юные сыщики, - прервал нас голос Гавриила, - вижу, вы никак не решите, кто же из вас более милостив в бою, что ж, это можно проверить на тренировке, для которой, кстати, самое время.
Делать нечего, в тренировочном бою, как и рекомендовал князь, я встал с Давидом. В целом тренировка прошла как обычно, за тем лишь исключением, что Алексею разбили нос, кровотечение было недолгим, но весьма неприятным, как это обычно и бывает при разбитом носе.
После тренировки Алексей поведал нам о своих первых впечатлениях от университета. Разумеется, юноша, проживший несколько лет в отдаленной деревне, был несказанно рад тому, что вновь вернулся в среду сверстников, в целом, лекции показались ему интересными, но иногда оторванными от жизни.
Дальнейший день и вечер прошли как обычно: тренировки, разговоры, шутки, смех.
На следующее утро наша полицейская тройка отправилась к Орлову. Федор уже ожидал нас в кабинете, вернее, не только нас: он беседовал с какой-то женщиной лет сорока-сорока пяти, неряшливо одетой, с красным распухшим лицом; сама женщина была невысокого роста, худощава, с впалыми мутными глазами и спутанными волосами, довершали картину следы побоев и острый запах спиртного.
Не нужно быть великим прорицателем, чтобы понять, о чем рассказывала эта несчастная: этой ночью в их доме был, так сказать, «праздник зеленого змея», по словам женщины стало ясно, что они с супругом, очевидно человеком столь же высокой морали и социального положения, пригласили еще двух друзей – мужчин. Посередине ночи горячительные напитки настолько овладели людьми, что те, превратившись в двуногих агрессивных животных, начали ссорится. В итоге два друга напали на супруга этой женщины, когда она попыталась вмешаться в драку – перепало и ей, переволновавшись за жизнь и здоровье мужа, но обладая чувством самосохранения, она поспешила в полицейский участок, где застала дежурного, после пришел Орлов, быстро сообразив, что к чему, решил сам заняться этим делом. Мотив Федора тоже был понятен – он хотел показать нам жизнь не только верхней части города.
Выслушав показания, сыщик оставил женщину в участке, уверив, что вскоре вся оставшаяся компания будет доставлена сюда, а сам направился к выходу, мы последовали за ним.
Вскоре мы уже ехали в экипаже к месту ночной потасовки.
- Что вы можете сказать мне об этой женщине? – спросил Федор.
Мы рассказали ему все, что успели пронаблюдать, чем весьма порадовали сыщика.
- Вижу, вы делаете поразительные успехи, от себя могу добавить, что, скорее всего, драку затеял именно ее муж. Причина может быть самой незначительной, пьяному человеку много не надо. Кстати, пьяные люди, в большинстве своем, делятся на две категории: добрые, влюбленные в мир или же злые, агрессивные.
- Кстати, о пьянстве, как вы считаете, почему люди пьют алкогольные напитки? – поинтересовался Кирилл.
- Думаю, тут нет никакого фокуса, все просто и, в то же время, грустно: человек, как существо, способное на адаптацию, привыкает к тем негативным последствиям, которые приносит алкоголь, и не замечает их, или же считает их чем-то вроде «в порядке вещей», а вот обойтись без тех положительных вещей, которые дает алкоголь, человек уже не может. По большому счету происходит привыкание, как к наркотику.
- А в чем же заключаются положительные стороны? Вы меня откровенно удивили этой фразой.
- Вот представьте, что у вас почти нет денег, а те, что есть, приходится тяжело зарабатывать, вы не получили образования, да и не вполне способны на него. В вас нет

веры в свои силы, в то, что ваша жизнь когда-нибудь изменится к лучшему, вокруг такие же люди, как и вы. Вам совершенно нечем занять себя, когда вы находитесь наедине с самим собой, ваше сознание только-только начало постигать физическое тело, к эмоциям и мыслям вы относитесь как к хаосу. Разумеется, вам хочется уйти от всего этого, сбросить с головы груз совести, непонятных ощущений, повествующих о том, что человек способен на гораздо большее. Поэтому, чтобы забыться, расслабить не только тело, но мысли, и эмоции, получить некую разрядку, вы напиваетесь. Да, в этом процессе много негативных сторон, да, они стократ перекрывают положительные стороны, но это вовсе не значит, что расслабление, само по себе, не является чем-то негативным. Каждый человек проходит свой круг испытаний, у каждого из нас они разные, но в чем-то испытания все равно сходятся, например, в том, что каждому следует научиться владеть телом, эмоциями, мыслью, ну и, как следствие, побеждать одну за другой собственные страсти. Да, с моего нынешнего положения, пьянство – это шаг назад, без всяких оправданий, но для людей, живущих лишь телом, пьянство, может быть, и не является слишком тяжелым грехом.

- Вы знаете, я бы ожидал услышать подобную речь от философа-церковника, но никак не от вас.

- Не важно, кто об этом скажет, так представляется мне истинное положение дел в жизни, конечно же, в моей картине мира пробелов значительно больше, чем разведанных участков, но уж если я берусь за разведку новых знаний, то делаю это основательно, можете мне поверить. Быть может, философу-церковнику эти знания открылись другим путем, нежели мне, но, если и я и он – два разных человека, скажем об одном и том же, то это уже серьезный знак, над которым стоит задуматься.

По правде сказать, Федор меня поразил – он проработал сыщиком всю жизнь, каждый день сталкивался с самыми черными сторонами человеческой натуры, но не только не заржавел сам, не только не покрылся чернью и злобой, но сумел развить в себе уважение к всякому человеку, даже к законченному пьянице. Конечно, если бы я до этого не прожил три года с князьями, я бы едва ли смог оценить этот подвиг человеческого Духа, но теперь, когда мне это под силу, меня поражает поистине богатырская сила Духа Федора.

Через какое-то время мы прибыли на место, оказалось, прозорливый Орлов, прислал сюда четверых полицейских сразу же, после обращения женщины, эти полицейские уже давно успокоили веселую компанию и принялись расспрашивать соседей о постояльцах этого деревянного одноэтажного дома. Дом, мало того, что был из дерева, вдобавок и выглядел совершенно неважно: покосившееся крыльцо, едва державшиеся ставни, хлипкий забор, бедное убранство двора, едва ли составляющее десяток кур.

Орлов поприветствовал полицейского, коротко осведомился о происшедшем, узнал, что задержанные находятся внутри дома – проследовал туда, а мы, разумеется, за ним.

В дом нам представилась следующая картина: беспорядочно разбросаны вещи, следы крови на полу, осколки стекла, кухонный нож, отброшенный в угол комнаты, опрокинуты несколько стульев… в общем обстановка красноречива говорила о том, что здесь случилось этой ночью.

В комнате было двое полицейских, они расспрашивали троих задержанных мужчин: надо сказать весьма протрезвевших, очевидно, стресс встречи с полицией сыграл свою роль, с обездвиженными руками, расположенными на единственной скамейке в доме.

Несложно было отгадать, кто был супругом той женщины: мужчины примерно одинаковой комплекции, едва ли кто-нибудь из них проявил труд изучить хотя бы один вид боевой науки, поэтому их шансы в драке были примерно равны, значит, супругом является тот, на ком следы насилия наиболее видны. Однако, нельзя было не заметить, что голова одного из двух нападавших перевязана, из чего можно предположить, что именно об эту голову разбилась бутылка. Думаю, на столе она стояла ближе всего к хозяину дома. Далее, кулаки мужчин не выглядели набитыми, укрепленными, как это обычно бывает у тех, кто занимается рукопашным боем, значит, при хорошем попадании в кость другого

человека кулак должен был получить повреждения, скорее всего, до крови, но и этих признаков не было на руках мужчин, отсюда можно заключить, что или они били в мягкие области, избегая костей, или дрались предметами, о том, что в итоге хозяина дома добивали ногами, можно было угадать, еще не войдя в эту комнату.
Из череды сумбурных, разбавленных нецензурными высказываниями в адрес друг друга, пояснений мужчин, нарисовалась следующая картина: примерно посередине «праздника» хозяин дома имел неосторожность сказать гостям, что они проявляют жадность и неуважение к нему в высшей степени. Выражалось это, по мнению оратора, в том, что гости часто посещают его дом, но никогда не приносят огненных напитков с собой, но всегда с радостью угощаются напитками хозяина. Гости, в свою очередь, посчитали его хамом, да еще и невнимательным, потому что они частенько приносят нечто съестное к столу. В ответ хозяин дома подробно рассказал, что он думает о гостях, а так же об их родителях, женах и «щедрых» подношениях к столу. Такое красноречие раздосадовало гостей, и они решили переубедить хозяина, заведомо решив, что на словесные убеждения он не поддастся, они сразу приступили к физическим уговорам. В пылу диалога вмешалась жена, за что и была награждена несколькими увесистыми аргументами.
По правде сказать, мне было немного противно смотреть на этих людей, а вот Орлов, взору которого, уверен, не раз и не два представлялись подобные картины, был абсолютно спокоен, никакие эмоции вроде симпатии или антипатии к этим лицам он не выражал своим видом и, вероятно, не испытывал их внутри. Он был похож на беспристрастного судью, холодно и неумолимо анализирующего информацию. В какой-то момент мне казалось, словно его ментальное тело охватывает весь этот дом, анализируя все, что только может вызвать интерес.
Наконец, Федор уточнил все, что его интересовало, велел доставить эту веселую компанию в полицейское управление, а сам, разумеется, вместе с нами, отправился в городскую больницу.
- Федор Яковлевич, - обратился я.
- Да, Дмитрий, что вы хотели?
- Вы столь задумчивы с тех пор, как перешагнули порог дома этих «веселых» людей, что в мою голову невольно закрадывается мысль, будто вы ухватили какую-то связь между этой пьяной дракой и убийством господина Шальнова.
Мужчина удивленно посмотрел на меня, потом окинул взором всех нас, улыбнулся и ответил:
- Пожалуй, мне пора перестать удивляться вашим талантам. Да, я размышляю как раз об этом. И знаете, что кажется мне подозрительным?
- Полагаю, вы сейчас думаете о деньгах, но как это все связано, я не знаю.
- Подозрительны тут сразу несколько вещей: во-первых, происшествие случилось в нижней части города, как раз здесь мы предполагали местонахождение троих преступников, во-вторых, угощение, предоставленное гостями, было, откровенно говоря, им не по карману. Едва ли они копили деньги, чтобы угостить своего друга, скорее всего, им неожиданно повезло, быть может, им вернули старый долг, или же они совершили нападение на кого-нибудь с целью ограбления. Если они ограбили кого-то, на что они вполне способны по складу характеров, то ниточка теряется, если же они получили от кого-то возврат долга, или, что еще хуже, «подарок» в денежном выражении, то мы обретаем нить, слабую, конечно, но все же нить, идущую из дома Шальновых. Поэтому сейчас мы направляемся в больницу, мне стало известно, что поздним вечером позапрошлого дня было совершено ограбление с применением силы.
- Ваша расчетливость не перестает меня поражать, но одной вещи я так и не понял из ваших слов. Почему вы считаете, будто «подарок» гораздо хуже, нежели возврат долга, и даже нападение?
- Видите ли в чем дело, Дмитрий, я подозреваю, что шайка господина Немерова таким образом может набирать новых участников. Путем нехитрых уловок, на которые бы

обязательно попались эти двое, численность шайки увеличилась бы.
- Но зачем такому влиятельному человеку как Григорий Евлампиевич подбирать под себя столь не озадаченный интеллектом «материал»?
- Во-первых, деньги если и передавались, то уж точно не самим господином Немеровым, а одним из его сообщников. Во-вторых, те условия, на которых бы могли взять этих двух в банду, были бы такими, что едва ли внесли новую статью расходов в общие финансовые потоки группировки. В-третьих, подобный «материал» очень легко подставить под удар, обделывая какое-нибудь прибыльное мероприятие.
- Верно. Но тогда возникает другой вопрос, зачем господин Немеров решился на столь рисковый шаг, как подкуп этих двух людей сразу после события в доме Шальновых?
- А он и не решался, он лишь вознаградил тех троих сообщников, что были с ним, а затем уже кто-то из них совершил подкуп, думаю, он действовал в рамках указанной стратегии развития банды.
Через некоторое время мы добрались до больницы, отыскали пострадавшего от нападения человека, им оказался довольно молодой мужчина, немногим старше меня, худощавый, высокий, вероятно студент. Учитывая черты лица, глаза и мимику можно было с уверенностью заключить, что он обладает научным складом ума, трусоват, в глубине мечтаний считает себя великим и непобедимым героем, однако, за всю жизнь едва ли пару раз поднимал руки для драки.
Федор умел расположить к себе человека, попавшего в столь неприятную ситуацию, вскоре мужчина попривык к нам, осмелел и рассказал, как все было в тот злополучный вечер. Опуская детали происшествия, можно заключить, что на него напали вовсе не те люди, которых мы видели сегодня – приметы совершенно не совпадали. Разумеется, мы не сбежали от него, как только получили интересующие нас сведения, поэтому у меня было время рассмотреть пострадавшего получше, оценить его мировоззрение, попытаться понять причины и следствия его жизни.
По моим наблюдениям, он был далеко не глупым человеком, скорее всего, постигал точные науки, однако, его голову, помимо формул и чисел, занимали и другие аспекты жизни, один из них – нападения незнакомых людей с целью грабежа. Он вовсе не мечтал об этом, он боялся и ненавидел подобные ситуации, в воображении рисуя картины, как он вдруг обрел неимоверную силу и один победил всех ночных обидчиков. В глубине сердца он конечно же знал, что труслив, что сила вдруг из ниоткуда не возьмется, что его мышцы нуждаются в регулярных тренировках. Он едва ли задумывался о том, что удар, даже самый простой прямой удар нужно ставить, что большие мышцы вовсе не гарантируют человеку сильный, резкий, взрывной удар. Однако, справедливости ради, стоит отметить, что его правая рука была разбита в кровь, вернее одна из костяшек правой руки, значит, он все-таки попытался дать отпор обидчикам. Просматривая хронологию минувшего события, восполняя пробелы своего ясновидения из рассказа самого мужчины, я увидел примерно следующую причину его поражения: он боялся, его страх начал подниматься снежным комом в сердце еще в тот момент, когда он только увидел нападавших, когда же нападение началось, его кулак осуществил то, о чем он так красочно мечтал, однако, удар не отбросил противника на дюжину метров, даже не припечатал в ближайшую стену дома, у негодяя лишь встряхнуло голову, что его только обозлило. Не привыкший к открытой агрессии, обладая трусливым сердцем, мужчина полностью впустил в себя все те потоки разрушающего негатива, что лились к нему от нападавших. Вообще, я думаю, что в бою это имеет решающее значение: если твое сердце тверже камня, и ничья воля, ничьи мысли и эмоции не могут захлестнуть его, то ты, в большинстве случаев, победишь, но если твое сердце трясется, как лист на ветру, оно, тем самым, впускает в себя все то, чего оно так боится, оно просто не знает как противостоять тому, что его так пугает, поэтому сдает эмоциональный план человека совершенно без боя. Не нужно быть темным оккультистом или большим мудрецом, чтобы знать, что труса победить очень легко. Следующий аспект страха, в подобных ситуациях, заключается в том, что страх, порожденный в сердце,

спускается в живот, ища опоры в центре тела, но если и этот «орган» оказался неразвитым, то страх поражает и его, лишая человека равновесия, подкашивая ноги. Это и случилось с данным мужчиной, он испугался, воля нападавших влилась в его тело, ему стало невыносимо тяжело от страха оказывать достойное сопротивление, поэтому его легко одолели и забрали деньги.
Вообще, страх проходит красной полосой по всему жизненному пути этого человека, он сам понимает, что это – существенный недостаток, пытается перебороть его, но пока что не нашел нужного ключа. Каждому человеку внутри себя противно, когда страх настигает его, многие мечтают быть образцами храбрости и мощи. Решив, что было бы жестоко оставить несчастного без совета, я, дождавшись, когда Федор договорит с ним, подошел, сел у койки, наклонился, заглянул в его испуганные зеленые глаза и сказал:
- Сейчас вы думаете, будто весь мир нацелен против вас, будто Сама Жизнь специально убивает всякую вашу попытку развить в себе смелость, - пока я это говорил, глаза пострадавшего значительно увеличивались от удивления, ведь он об этом ни слова не сказал, - Но это вовсе не так. В тот злополучный вечер вы шли в столь поздний час по столь неблагоприятному району в том числе и с целью проверить свою храбрость. Вы полагали, будто подобные «подвиги» развивают вас. Но, увы, мой друг, это не так. Прежде чем обвинять Жизнь в несправедливости, ответьте себе на один вопрос: знаете ли вы, что такое страх, откуда он берется, когда исчезает? Если бы вы знали, то страх более не мучил бы вас. Поэтому, если сочтете нужным, используйте мой совет в этом отношении: страх – это сердечный паук, плетущий свои сети вокруг тех вещей, к которым мы более всего привязаны, или к тем, о которых нам ничего не известно. Иногда, в драке, люди боятся повреждений тела, боятся боли, но чаще всего люди боятся нарушения устоявшегося состояния собственного сердца, боятся не самих ударов, а той агрессии, что исходит от соперника. Уверен, это именно ваш случай. Вы, вероятно, полагаете, что мир был бы прекраснее, если бы в нем не было агрессии, разрушения и прочего «зла», но разве это так? Баланс природы построен на создании и разрушении, для того, чтобы создать нечто новое, часто нужно откинуть старое, ненужное. Агрессия бывает в разных формах, бывает открытой и примитивной, бывает скрытой, целенаправленной и грандиозной по своей силе, правда в этом случае она едва ли сможет называться агрессией, в общепринятом значении этого слова. Не стоит создавать в своем мозгу таблицы с двумя графами «добро» и «зло» и записывать туда все явления жизни. Одна и та же агрессия может быть оценена по-разному, если на нее смотрят разные существа. Сейчас я не стану приводить вам множество примеров и доказывать что-либо, вы и сами можете это сделать, если только пожелаете рассмотреть подобную точку зрения, единственное, что я хочу сказать вам на прощанье – научитесь принимать агрессию, дайте ей место в вашем мире, постарайтесь понять ее. И когда она перестанет быть для вас загадкой, когда она не будет более пугать устои вашего внутреннего мира – вы научитесь справляться с ней, - мужчина был, очевидно, не согласен со мной, желал опровергнуть едва ли не все мои слова, но нам было время уходить, я не дал ему начать спор, добавив, - К сожалению, нам уже пора, скорейшего вам выздоровления.
Орлов сказал, что до вечера мы ему не нужны, а вот часов в восемь он будет ожидать нас возле полицейского управления. Мы попрощались с ним до вечера и направились в имение.
Еще около часа пострадавший мужчина не мог успокоиться и посылал мне едкие мысли, громя мою теорию по всем фронтам, лежа на больничной койке. Но, когда, наконец-то, вся ярость из него вышла, мужчина начал анализировать полученные данные более взвешенно и, полагаю, нашел нечто полезное для себя.
В имение мы вернулись довольно рано, до обеда. Едва мы переступили за изгородь, как повстречались с сердечным взглядом Михаила, ожидавшего нас. Лишь на мгновение взглянув в эти дивные глаза, я понял, что князь обо всем прекрасно осведомлен и, казалось, готов отсыпать с десяток шуток каждому из нас по поводу наших потуг в

освоении ремесла сыщика.
- Как проходят ваши трудовые будни? – поинтересовался князь, приближаясь к нам.
Мы поделились своими впечатлениями.
- Что ж, замечательно. Надо полагать, сегодня вы направляетесь в «Клюв»?
- Да, - ответил я, удивляться догадливости Михаила я уже давно перестал.
- В таком случае, будьте столь внимательны и устремите свои умы на мужчину в красной потрепанной рубахе, с овальным, почти круглым лицом, по цвету схожим с рубашкой, он будет сидеть за одним из центральных столиков заведения. Уверен, предоставленных примет будет вам достаточно.
- Михаил, ты же не хотел вмешиваться в это дело.
- Верно, а я и не собираюсь, сейчас я вовсе не указываю вам на убийцу, а лишь прошу быть внимательнее к человеку, уверен, он многому вас сумеет научить.
- В таком случае благодарю за совет, уверен, он нам пригодится, и прошу прощенья, что подверг твое прежнее слово сомнению.
Михаил улыбнулся, в следующее мгновение он высоко поднял нос, всем своим видом изображая гордеца, и сказал:
- Только меч рассудит нас!
Вдоволь посмеявшись, мы отправились тренироваться к озеру. Михаил на этот раз учил нас обращаться со шпагой, раз уж мы обзавелись таким видом оружия, правда сам он шутил над нами по этому поводу, полагая, что нам шпаги в ближайшее время совершенно не понадобятся.
Мы весьма интересно провели время до вечера, а ближе к назначенному сроку отправились к полицейскому управлению. Федор уже ожидал нас, поэтому мы, практически без остановки, направились в «Клюв». Практически, потому что бедный извозчик, услышав пункт назначения, посмотрел на нас, хорошо одетых людей, явно способных позволить себе приличный ресторан, с таким откровенным удивлением, что оставить этот взгляд без комментария было невозможно.
- Любезный друг, - начал Федор, - вы не воображайте, будто нас укусила странная муха, лучше вспомните, что вы заехали за мной к полицейскому управлению, а значит можно предположить, что мы трудимся на благо добропорядочных граждан, в это скверное заведение нас ведет лишь долг службы, не более того.
Извозчик засмеялся, упрекая себя в недогадливости, и погнал лошадей.
- Итак, друзья, я допросил тех двух щедрых гостей, они уверяют, что им вернули долг, сделал это Семен Анатольевич Репухов, как меня уверяли, замечательный человек, с доброй Душой и чистым сердцем. Так же они сказали, будто бы день тому назад он заявился в «Клюв» и тут же рассказал всем своим друзьям, то есть всему «народонаселению» трактира, что накануне нашел кошелек, набитый деньгами под завязку, поэтому теперь он отдает все свои долги, угощает всех, а завтра – начинает новую жизнь. Видимо, его очень любят или боятся в тех краях, потому что деньги у него никто не выкрал. Что вы думаете по этому поводу? – Орлов улыбнулся, откинулся на спинку сидения и начал медленно перебирать пальцами правой руки.
- Думаю, что господин Репухов едва ли причастен к убийству господина Шальнова, - сказал я.
Улыбка сыщика стала еще шире.
- Интересно, от чего вы так решили?
- Уверен, что человек способный на убийство, тем более столь влиятельного человека, не стал бы вести себя так вызывающе глупо, заваливаться в трактир, зная, что его полицейские проверят одним из первых. Почему одним из первых – потому что было совершено убийство одного из завсегдатаев этого трактира, господина Трапенко. Уверен, преступники не глупы, и хорошо осведомлены о вас, вашем послужном списке и вашей репутации, поэтому надеяться на удачу они не будут. Потом, преступников, как мы знаем, было трое, господин Немеров пока не в счет, он живет вовсе не в нижней части города, да

и вообще невозможно представить его в этой роли, а в трактир вошел один «разбогатевший» Семен. Даже если предположить, что кто-то из преступников был столь самонадеян, то не вяжется следующее – зачем ему занимать деньги у посетителей «Клюва», а сразу после убийства господина Шальнова их отдавать? Но эти логические доводы лишь тень того предчувствия, что овладело мной, едва вы заговорили об этом деле.
- Каково же ваше предчувствие? - уже серьезно спросил Федор.
- Что нас всеми силами пытаются запутать, что господин Репухов – лишь жертва, выбранная преступниками для отвлечения внимания, что господин Немеров не так прост, как хочет казаться, и вполне способен просчитывать наши ходы.
- Что ж, Дмитрий, ваша проницательность похвальна, однако, мы должны проверить и эту версию, даже если она ложная, мы узнаем, откуда пришли деньги к Семену Анатольевичу.
- А как думаете вы по этому вопросу?
- Думаю, что господин Немеров в самое ближайшее время покинет город, задержать мы его не можем, нет никаких серьезных оснований, но отлучиться на длительный период он не сможет, иначе его место в городе поделят меж собой другие «участники игры». И, как мне не прискорбно это произносить, но в моем окружении в управлении есть предатель. Господин Немеров, вне всяких сомнений, человек умный и проницательный, но слишком уж он догадлив, словно знает все мои ходы. Уверен, кто-то сообщил ему, кого я рассматриваю в качестве первого подозреваемого. Знать бы только, кто совершил столь непростительную измену, - мужчина приложил изумруд к подбородку, слегка прикрыл правый глаз и погрузился в раздумья, через какое-то время сказал, - на такой дерзкий проступок было способно лишь три человека, вернее эти трое знали все мои ходы и имели неограниченный доступ к моему рабочему месту, свидетельским показаниям, вобщем всему материалу: мой заместитель и два ведущих сыщика, все они – мои друзья, что еще более прискорбно.
- И что вы планируете делать?
- Вычислить предателя. И вы мне в этом поможете, - мы выразили свою готовность, - Сделаем так, я, уже после того, как Немеров покинет город, каждому из этой тройки дам информацию относительно своих дальнейших действий, информация будет разниться. Поэтому, даже если сам предатель не отправиться отправлять телеграмму, а пошлет кого-нибудь, то по содержанию текста мы легко определим негодяя. Ваша роль в этом деле довольно интересна – вам будет необходимо проследить за этой тройкой. Вы их не знаете, они вас – тоже, в ближайшее время я не стану вас знакомить.
- Хорошо, а каков план действий на этот вечер?
- Мы войдем в «Клюв», представимся трактирщику полицейскими, зададим те вопросы, которые от нас ждут. Уверен, что трактирщик играет на стороне преступников и уже научен ими, как и что нужно отвечать на вопросы полиции. Так же мы будем очень наблюдательны и постараемся приметить все, что может оказаться полезным.
За разговором мы не заметили, как мелькнуло время, как мы оказались у трактира. Рассчитавшись с извозчиком, мы, было, хотели войти внутрь, но он окликнул нас:
- Господа, места здесь глухие, люди недобрые, я виноват перед вами, поэтому прикажите ожидать вас рядом с трактиром, все лучше, чем ночью возвращаться домой пешком через весь город.
Федор резко развернулся к мужчине, в его сердце загорелся какой-то новый огонек.
- Как вас зовут, любезнейший?
- Петр Семенович Кузнецов, к вашим услугам.
Сыщик подошел к мужчине, пожал его крепкую сильную руку, представляясь:
- Федор Яковлевич Орлов, сыщик. Вы знаете, в силу моей специальности, редкому человеку удается удивить меня, но вам это удалось, я едва ли припомню такую доброту от любого иного кучера, - Федор осмотрелся по сторонам, указал рукой на смежную улицу, - Ждите нас там, мы задержимся в трактире не больше получаса.

- Слушаюсь, - и кучер направил лошадей к указанному месту.
- Федор Яковлевич, - обратилась Настя, - а как вы знаете, что этот кучер не заодно с нашими врагами?
- За столько лет работы сыщиком я уже научился видеть людей.
Настя улыбнулась.
- Нет, Федор Яковлевич, вы это чувствуете, конечно, ваш ум превосходно работает, подмечает такие тонкие детали, которые обычный человек никогда бы и не заметил, но в данном случае вы приняли решение на основе чувства, интуиции, если изволите.
- Да уж, - выдохнул сыщик с улыбкой, - видимо я не смогу спрятать от вас не только свои мысли, но и свои чувства. Что ж, юные волшебники, надеюсь, ваши способности помогут нам в трактире.
Мы вошли в это одноэтажное, дурно пахнущее здание, внутри оно было организованно весьма незатейливо: прямоугольные столы расставлены безо всякой симметрии, стол-стойка, за которой находится трактирщик, расположена у стены, противоположной к входу, вполне приличное, для такого места, освещение и, конечно же, множество народа. Голоса, чаще пьяные, слышались одновременно из разных уголков зала.
Наше появление мало кому было интересно, насторожились лишь пару человек да трактирщик, к нему-то мы и направились. Пока Федор беседовал с этим человеком, мы, словно сговорившись, выискивали человека, удовлетворявшего описанию Михаила, вскоре он был найден – мужчина в красной потрепанной рубахе, с овальным красным лицом, за одним из центральных столиков. Вокруг него собралась компания из трех человек: двух женщин и одного мужчины, он травил какие-то байки, чем веселил всю компанию и сам веселился от Души.
Какое-то время я никак не мог взять в толк, чему нам следует научиться у этого человека, но вдруг, будто озарение, меня посетила мысль: он ведь яркий лидер, среди всего этого народа, он силен, весел, у него много друзей, с точки зрения данного контингента, он имел абсолютно верное мировоззрение, иными словами, в рамках этого общества, он был идеалом. Переложив эту картину на свою жизнь, я понял, еще и еще раз понял, что предела совершенству нет, если ты кому-то кажешься идеалом, то, будь уверен, есть и те, кто видит все твои ошибки и, тот объем работы, который тебе предстоит совершить в ближайшее время. И если ты кого считаешь непогрешимым идеалом то будь уверен, и он для кого-то является лишь учеником, делающим свои робкие шаги в этой жизни. Всех людей соединяет единая Сила Жизни, все мы бываем в положении учителя и ученика, и, по большому счету, все мы равны. А Михаил, титан, каких мало, еще и еще раз напоминает нам об этом. Из данного примера я понял также и то, каким должно быть смирение в человеке, каких высот Смирения достиг князь.
- Значит, странных посетителей вы не наблюдали в последние несколько дней? – интересовался Федор.
- Все посетители немного странные, кто-то любит подраться, кто-то посплетничать, кто-то предпочитает интересные коктейли.
- Нас интересует странность в плане богатства. Вы, я так понимаю, давно работаете здесь, и знаете всех наперечет, предполагаете вероятные суммы дохода и способ заработка. Вот и скажите, не появлялась ли у кого из здесь сидящих внушительная сумма денег?
- Извините, что-то не припомню, - трактирщик нагло лгал, более того, вымогал деньги за информацию, показывая жестом правой руки, что, мол, если ему дать немного «аргументов», то он и вспомнить чего-нибудь.
- Думаю, вашу память освежит фамилия Репухов, а если нет, то я заботливо предоставлю вам отдельную комнату для отдыха от столь напряженной работы и таблетку для памяти.
Лицо мужчины вытянулось, едва ли он ожидал такой поворот событий, однако, в следующее мгновение он вновь натянул маску всевластного слащавого хитреца.
- Вы правы, эта фамилия восстановила мою память, теперь я точно помню, что буквально на днях здесь появлялся Семен Анатольевич, вернул своим друзьям долги, заказал

угощенье всем, сам хорошо погулял и отправился домой. Он уверял нас, что деньги нашел в кошельке, а кошелек на улице. Друзья еще шутили, уж не убил ли он кого, ведь такие деньги просто так на дороге не валяются, - в этом месте трактирщик немного приглушил голос и наклонился к нам, как бы давая понять, что это, по его мнению, важная информация, - А вообще он человек со странностями, постоянно брал в долг, притом не только у честных работников, но и, - трактирщик наклонился совсем близко, и почти в ухо Орлову прошептал, - у некоего господина Шальнова, это очень влиятельный человек, я уж опасаюсь говорить об этом, но… как знать, как знать, кто помог господину Шальнову покинуть этот мир, - далее обычным голосом, - так что вот. Больше, пожалуй, мне нечего сказать.
- Вы нам очень поможете, если назовете адрес этого человека.
Трактирщик посмотрел прямо в глаза Федору, словно вступал с ним в какой-то сговор, что-то быстро написал на клочке бумаги, взял в эту руку стакан с водой и, протягивая сыщику, сказал:
- К сожалению, я не могу предоставить вам эту информацию, вы ведь понимаете, не все посетители этого заведения желают, чтобы их семьи знали о, так сказать, их страсти к веселым беседам.
Орлов принял стакан, незаметно перехватил бумагу и тут же спрятал ее в манжете, затем переложил в карман.
- Ваши действия существенно осложняют ход расследования, и, если нам не удастся разыскать этого человека самим, мы будем вынуждены вернуться.
- Что ж, надеюсь, что этого не произойдет, но если не так, то я буду раз вновь принимать вас в этом заведении.
- Кстати, вместе с господином Репуховым не было замечено близких друзей, скажем таких, которым он мог бы доверить даже самую страшную тайну?
- Как вам сказать, сударь, пожалуй нет, - трактирщик наклонился поближе и шепотом сказал, - за исключением троих мужчин, один из них, вроде как, был прилично одет, но, уверен, все из того же класса людей, странные люди, я их здесь прежде не видел, потому не могу сказать ничего определенного, на вид обычные, без особых примет, - далее обычным голосом, - К сожалению, я не могу ответить и на этот вопрос.
- Что у вас за привычка, чего не хватись, решительно ничего «нет».
Мы уже давно поняли, что Федор решил подыгрывать актерскому таланту трактирщика, поэтому вели себя соответственно.
- Неужели это запрещено законом?
- Ваше остроумие здесь совсем некстати, пойдемте друзья, вижу, нам здесь не рады.
Едва мы вышли из трактира, как стали невольными свидетелями следующей сцены: двое мужчин, откровенно пьяных, выясняли отношения на повышенных тонах и, вскоре, дошли до рукоприкладства. Не думаю, что они знали о присутствии полицейских, что их заботило мнение окружающих вообще.
- Вот, пожалуйста, можете пронаблюдать стиль драки пьяного человека, но через некоторое время мы будем обязаны их утихомирить, так что фокусируйтесь усерднее.
А наблюдать было что: мужчины, едва удерживаясь на ногах, держали руки сжатыми в кулаки на уровне плеч или чуть ниже, вначале они покружили так, будто боевые петухи, а затем один из буянов решился на атаку – шагнул вперед с одновременным ударом правой рукой. Траекторию этого удара можно представить, если вы хоть раз видели, как человек, налив пол ведра воды, крутит его рукой вокруг плеча, не позволяя воде вылиться. Однако, учитывая всю «могучую» стратегическую силу этого удара, он настиг свою цель, поразив мужчину прямо в челюсть слева, тот отшатнулся, запутался в ногах, едва не упал, но собрался с силами и нанес похожий, размашистый удар, который, к моему несказанному удивлению, тоже настиг цель.
Федор громко свистнул в свисток.
- Что тут происходит!? Сейчас же в управление поедем! – сыщик говорил грозно, но

внутри у него скопилось столько юморных искорок, что они заразили нас всех.
А вот мужчинам было не до смеха, не на шутку перепугавшись неожиданного появления полицейских, они ринулись бежать. Хотя, слово «ринулись» тут едва ли подходит: спотыкаясь, падая на землю, наспех поднимаясь и снова падая, двое несчастных убегали от закона, который, к слову сказать, и не думал их преследовать. Страх мужчин был столь велик, что остаток своего пути к спасению они преодолели на четвереньках.
Но свисток Федора перепугал не только их, к нам, заливающимся хохотом, подлетел экипаж, под водительством перепуганного Кузнецова.
- Мой друг, я напугал вас, - обратился Орлов к кучеру, - вы уж извините, но я должен был разнять драку. Вы, верно, подумали, что мы попали в жуткую передрягу.
- Да, подумал. Дважды за день моя догадливость подводит меня, что ж, будет мне уроком. Итак, куда изволите-с.
Ох уж мне эти «-с», но, ничего не поделать, что называется «въелось в кровь» целому народу. Мы сперва назвали адрес дома Федора, а потом извозчик должен был завести нас в имение. Едва расслышав адреса, бедный мужчина, и без того не страдавший сутулостью, теперь и вовсе вытянулся в струну и, было, хотел спрыгнуть с насиженного места, чтобы открыть нам дверь, но Орлов его остановил.
- Сидите, друг, не все богатые люди беспомощны, не все требуют, чтобы перед ними выслуживались. Вы – хороший человек, этого у вас не отнять. Привычки вашего поведения, несомненно, в большинстве случаев, позволят вам заработать дополнительные средства, но с нами, будьте любезны, держите себя просто и легко.
- Слушаюсь.
Мы разместились в экипаже, кучер погнал лошадей.
- Как я и предполагал, этот трактирщик получил подробные инструкции касательно прихода полиции, мне печально сознавать, что информация о количестве преступников просочилась даже в это место. Данный факт говорит о том, что преступники сотрудничают с предателем-полицейским уже давно, им не потребовалось ни минуты, чтобы убеждать его, подкупать и так далее, все, что было известно нам, тут же стало известно и нашим врагам. Итак, коллеги, с этой минуты ни слова о господине Немерове в присутствии посторонних людей. В категорию посторонних попадают все, кроме нас четырех, - мы согласились, - Далее, вы заметили, с каким упорством этот человек убеждал нас, будто Семен Анатольевич и есть убийца?
- Сложно было не заметить, - ответил Кирилл, - Можно было подумать, будто он специально для такого дела закончил школу актерского мастерства.
- Однако, он предоставил нам и правдивую информацию, например, адрес несчастного «счастливчика» господина Репухова.
- Что вы планируете делать дальше?
- Для начала я дождусь, когда господин Немеров покинет город и доберется до места назначения, потом, развернув активную деятельность по поимке преступников, я планирую договориться с судьей и четырьмя невиновными людьми, чтобы разыграть грандиозный арест убийц и их судебное наказание. Об этом непременно телеграфирует наш предатель, который к тому времени должен быть раскрыт. Как только господин Немеров появляется в городе, мы берем и его и сообщников.
- Да, но как вы планируете поймать сообщников?
- Очень просто, думаю, они сами обнаружат себя. Вожак сбежал, упряжь ослабла, а такие люди не могут долго держать себя в руках самостоятельно.
- Но вы, тем не менее, планируете посетить Семена, не так ли?
- Планирую, более того, я почти уверен, что он будет нам самым преданным помощником.
- Почему?
- У этого человека, должно быть, честное сердце.
- Вы вновь полагаетесь на интуицию? – спросила Настя.
- Лишь отчасти, в основном я решил так потому, что этот человек, найдя богатство, не

исчез с ним, позабыв про долги и расплату, напротив, он вернул все долги, угостил друзей, а завтра, уверен, он пожелает прямо с утра навестить господина Шальнова, чтобы вернуть последний долг, поэтому, нам следует либо застать его дома рано утром, либо ожидать у дома Шальновых.
- Но почему вы так уверены в этом? Почему он не мог сделать этого сегодня, или, например, послезавтра?
- Сегодня он выветривал запах праздника и подыскивал себе приличную одежду, которую, скорее всего, уже купил, это, своего рода, знак самоуважения. Ведь теперь он – богач, и не может позволить себе показаться на людях в тряпье. А до послезавтра ждать ему не позволить его совесть.
- Что ж, хорошо. Но не будет ли опасным подвергать самого господина Репухова и троих его друзей такой авантюре, как участие в судебном процессе, пусть и подставном, против господина Немерова?
- Почти наверняка будет, но ведь господин Немеров уже «насолил» Семену, подставив его под удар полиции. Думаю, он согласится отплатить той же монетой своему обидчику. И потом, мы сумеем позаботиться об этих людях, обыграем все так, будто бы они и ни при чем. Вроде как всплыли неожиданные доказательства их невиновности, и тут же обнаружились доказательства виновности истинных злодеев.
- Да, интересное мероприятие, а вы осуществляли подобное прежде?
- Нет, думаю, нет, лишь отдаленно напоминающее.
- Федор Яковлевич, - обратился я, - за те малочисленные дни, что мы знакомы, я заметил, что вы почти безошибочно угадываете внутренний мир встречного, и, в то же время, полагаетесь больше на логику и рассуждения, нежели на интуицию, вы бы не могли поделиться профессиональным секретом и поведать несколько отличительных признаков, по которым вы характеризуете людей?
- Разумеется, я расскажу вам, но, - мужчина улыбнулся, - к сожалению, вы не сможете поведать мне, как раскрываете информацию с помощью интуиции.
- Как знать, может быть, мы сумеем помочь вам в развитии этого качества.
- В таком случае, вот мои наблюдения: прежде всего, следует обращать внимание на фигуру человека, в иные моменты это может быть не так просто сделать, потому что люди носят одежду, часто скрывающую истинное положение дел. Также дополнительные сложности с этим возникают зимой. Поэтому сперва научитесь безошибочно определять фигуру человека в теплое время года, или же в каком-нибудь помещении, затем, это очень важно, научитесь соотносить фигуру с лицом. Довольно скоро вы заметите, что округлые, лоснящиеся лица, скорее всего, принадлежат людям с тучной комплекцией, худые, с проступающими лицевыми костями – худым и так далее. По большому счету, заметить это довольно просто. А теперь более подробно о характеристике людских фигур: тучное, обремененное большим количеством лишнего жира, тело почти всегда принадлежит обидчивому человеку. Я говорю «почти всегда» лишь потому, что не видел всех людей на планете, но из тех, что видел – исключения не знаю. Такой человек вовсе не сидит дома и не дуется на весь белый свет, он общается с другими людьми, может даже прослыть весельчаком, славным малым, заботливым родителем, но это – лишь те маски, которые воспринимает общество. Между тем, в глубине такого человека идет постоянный поиск причины, из-за которой можно было бы слепить обиду. Образно выражаясь, обида этого человека превращается в жир, и он вынужден таскать с собой это «богатство», пока не изменится его внутренняя природа. Далее, нередко можно встретить людей с маленьким, даже худым, но скользким телом, вернее даже так – от них исходит ощущение, за которые люди обычно навешивают ярлык «скользкий тип». Удел этих людей – страх, они стремятся ускользнуть из-под фокуса внимания других людей. Такие люди готовы сносить самые невероятные пинки «судьбы» лишь потому, что не желают ни с чем бороться, им страшно. Следующий тип – это, вновь, худой человек, но он уже не вызывает скользкого ощущения, он, будто бы, немощен и просит помощи. Бич таких людей –

неуверенность, а раз они не уверены в своих силах, то постоянно нуждаются в том, чтобы их кто-нибудь поддержал, помог. Они считают, что сами не в состоянии справиться со своими трудностями, - по мере того, как Федор описывал свои наблюдения, передо мной вставали картины из прошлого, из школы, соотнеся их с услышанным, я обнаружил весьма значительные сходства, - Еще один тип худощавых людей – это, если можно так сказать, борцы. Часто, они имеют сухое, но жилистое тело, прямой и твердый взгляд. Основная идея таких людей – несогласие с чем-либо в жизни. Они вырабатывают в своих головах «идеальную» модель мира и, окрестив все другие модели неверными, строго следуют ей, а если встречают жизненную ситуацию, ярко противоречащую их модели мира – начинают бороться с ней. Надо сказать, такие люди довольно эмоциональны, бывают желчны и мстительны. Другой тип – это люди-диктаторы, им все и везде нужно контролировать. Они довольно хорошо развиты физически, часто бывают лидерами. Вообще, это их конек – показать всем, что они настоящие лидеры. Такие люди желают знать все обо всем, чтобы держать близких, друзей, коллег под своим жестким контролем. Иногда разговор с таким человеком похож на допрос. Следующий, довольно интересный тип – «людей-карликов». Карлики – это весьма условно, просто они часто очень маленького роста. Обычно, этот тип присущ только мужчинам, но иногда встречаются и женщины с подобными чертами характера. Так вот, эти люди озлоблены на весь мир, озлоблены и боятся одновременно. Но, как и маленькие собачки, он предпочитают маскировать свой страх под оглушительным «лаем». Нередко такие мужчины оказываются в преступной среде, притом играют там роль катализаторов, разжигают гнев в людях, подбивают на непотребные дела. Следующей отличительной чертой таких людей является глубокий отпечаток, если можно так сказать, наглости на лице. И наконец, тип благородного человека, к сожалению, я знаю лишь троих людей этого типа – их Светлость князь Михаил, князь Гавриил и княгиня Мария. Вы, ровно как и любой другой человек, попавший в близкое общение с князьями, перенимаете характерные черты этого типа, но в вас все еще живо нечто и от других. Разумеется, это лишь условная типология, вообще я считаю, что делить людей на классы, типы и тому подобное – не верно, но для объяснения своей позиции я использую именно этот термин.
- Согласен с вами, в таком деле как характеристика человека, любая типология лишь помогает подогнать личность в установленные кем-то рамки, а вот придутся они впору или нет – уже никого не волнует. Но, раз вы понимаете это, значит, у вас есть и гораздо более тонкие наблюдения, исходя из которых, вы наверняка заключаете о личности человека, некие наблюдения, совершив которые вы не смотрите на человека как на объект, принадлежащий какому-то «типу», а именно как на индивидуальную личность.
- Вы знаете, я, пожалуй, вынужден создать еще один тип человека – человек догадливый, - мы засмеялись, - Разумеется, я не ограничиваюсь этой типологией, ведь она опирается лишь на форму тела, а ведь еще есть такие немаловажные детали как: выражение глаз, форма руки, ногтей, ушей, носа… Все, даже самые мельчайшие детали должны быть учтены при рассмотрении человека. Так же не стоит забывать о том, что каждый человек двигается, говорит, выстраивает свой день с присущими ему индивидуальными особенностями, - мужчина посмотрел в окно, - Уважаемые догадайцы, я бы с удовольствием поговорил с вам еще, но мы подъезжаем к первому пункту назначения – моему дому, посему прощаюсь с вами до завтра. Кстати, завтра рекомендую вам быть готовым к подвигам уже в шесть часов утра.
Мы попрощались с сыщиком, он вышел, рассчитался с кучером, сказал ему пару фраз и направился к дому, экипаж же двинулся дальше.
- Должен сказать, Федор – удивительный человек, - начал я, - если бы не его жесткая позиция по поводу Души, интуиции и других подобных вещей, то я бы был убежден, что он – ясновидящий.
- Возможно, так оно и есть, - сказала Настя, - Ведь «ясновидящий» - этот тот, кто ясно видит мир. Конечно, всем нам еще далеко до объективного видения всего Мироздания, но,

в самом обыденном понимании Федор и есть ясновидящий. Думаю, он пользуется и интуицией, и на счет Души его позиция не так уж тверда, просто он привык опираться на нечто ощутимое и, надо заметить, такая позиция оказалась весьма эффективной. Но, чтобы говорить об этом более определенно, нам следует дождаться встречи с Федором.
Далее мы поделились впечатлениями от наблюдений за человеком, указанным князем, наблюдения были схожи, а вот выводы разошлись, зато теперь каждый из нас стал богаче на две иных точки зрения по данному вопросу.
Довольно скоро мы добрались до имения, рассчитались с извозчиком, пожелали ему всего наилучшего и отправились в дом. Гавриил с Марией организовали нам маленький ужин, затем мы решили немного прогуляться, чтобы не укладываться спать с наполненным желудком.
Мы шли по тропинке к озеру и вдруг, невесть откуда, появился Михаил. Вообще он это умел, несмотря на свои внушительные размеры, подкрасться даже посреди скошенного поля.
- Добрый вечер, люди-догадайцы, - улыбался князь, - что скажете о посещении трактира?
- Думаю, в сравнении с твоим внезапным появлением, впечатления от трактира – просто мелочь, - отшутился я, - А вообще, довольно скверное место, пропитано запахом алкоголя, гнили и сотней других «ароматов». Люди, в основном, сосредоточены на себе, основной мотив разговоров – доказать собственную точку зрения, это же – основной мотив для драки. Трактирщик – великолепный актер, однако Орлов его переиграл. В целом место не из приятных, хотя можно сделать интересные наблюдения.
- Верно, наблюдения – это главное в вашем деле, - абсолютно серьезно добавил Михаил.
Не знаю, что такого было в его словах, но мы вдруг стали серьезны и я был уверен, что каждый из нас вдруг понял нечто новое в вопросе внимания и наблюдения.
Князь исчез так же внезапно, как и появился: ни шелеста кустов, ни хруста веток, ни шума шагов – ничего. Мы не придали этому большого значения, потому как уже привыкли к подобного рода «фокусам» со стороны князей.
Еще немного погуляв, мы отправились спать, а наутро, ровно в шесть часов, покинули дом, вышли за изгородь с целью нанять экипаж, однако, прозорливый сыщик разыграл нас – перед нами уже стоял экипаж, кучером был Петр, приветствующий нас, а в самом экипаже уже сидел довольный Федор, и жестом приглашал нас располагаться.
Не знаю как у ребят, но на моем лице было откровенное удивление, что весьма позабавило сыщика. Лошади начали свой путь.
- Коллеги, - шутливым тоном начал Орлов, - надеюсь, вы выспались?
- Да, спасибо, прекрасно, а вот вы, верно, целый час не могли уснуть, рисуя себе картины нашего удивления этим утром, - ответил я.
Теперь был наш черед потешаться – вся хитрость слетела с лица сыщика, глаза округлились, рот так и остался приоткрытым.
- Ладно, Дмитрий, один – один, пока ничья, - старался отшутиться Орлов.
- Надо понимать, вы желаете продолжения?
- Разумеется.
- Учтите, нас трое.
- Тем лучше, значит вы быстрее раскроете все мои шутки, а также козни преступников.
- Это верно, но, видите ли, я полагаю, что вы не меньше нас пользуетесь интуицией, - сказала Настя.
- Отчего же вы так решили?
- Вы многое пытаетесь объяснить с точки зрения логики, но, как бы то ни было, ключевые решения принимаются вами с помощью интуитивного чувствования, так например вы почувствовали вчера Петра Семеновича, раскрыли связь между трактирщиком, предателем и Немеровым, знали когда следует посетить господина Репухова. Вы, конечно, можете сказать, что все это было результатом логических умозаключений, но вы не скажете этого, потому как знаете, что в этих заключениях была и интуиция.

- Я решительно не понимаю, зачем вам пытаться убеждать меня в том, что интуиция играет столь значительную роль в моих заключениях. Да, бывает и так, что я знаю что, где и когда случится, без всяких на то логических обоснований, но, я считаю, что это – профессиональное чутье. Может быть, мое эмоциональное и мыслительное тела настолько интегрировались в систему этого города, что какая-то информация приходит к ним напрямую, в обход логике.
- А что тогда, по-вашему, есть интуиция? Если вы получаете знания напрямую, в обход органов чувств и даже логическому мышлению.
- Думаю, под интуицией вы имеете ввиду не только получение информации об эмоциях и мыслях, вы соединяете это понятие с Душой.
- Да, но вы говорили, что не чувствуете Души определенно, поэтому едва ли можете утверждать, что не получаете никакой информации на этом уровне.
- Что ж, называть это можно как угодно, но пока я не чувствую того, что вы называете Душой, я не берусь утверждать, что обладаю интуицией во всех ее аспектах.
- Хорошо, Федор Яковлевич, но если бы вы вдруг решили уйти в колдуны и одурманивать людям головы, то вас бы без преувеличений назвали бы ясновидящим.
- Вы так думаете, - заулыбался сыщик, - Да, уж эту «касту» я очень ясно вижу, - Федор несколько откинулся назад, изобразил глупое напряженное лицо и сказал таинственным голосом, - В вашем будущем сплошной мрак, в год красной обезьяны черная змея оказывается под созвездием скорпиона – на вас печать зла, снять ее может только отвар лягушачьих лапок, растертых докрасна о кошелек, наполненный вашими деньгами.
Вдоволь посмеявшись, мы продолжили разговор.
Путь был не близкий – в другой конец города, поэтому встреча в столь ранний час была оправдана. Не знаю, интуиция ли это или Федор все просчитал, но, когда мы подъехали к дому и постучали в дверь, нам открыл уже облаченный в элегантный костюм, готовый выпорхнуть из нищеты и долгов, мужчина среднего роста, полноватый, с добрыми голубыми глазами, светлыми редкими волосами. Увидев на пороге целую «делегацию» хорошо одетых людей с трезвыми лицами, мужчина немного опешил, и робко спросил:
- Чем могу быть полезен?
В его голове мелькнула мысль, что один из нас потерял тот самый кошелек, а теперь мы пришли его возвращать, каким-то образом узнав его адрес. Эта мысль повеселила меня, и я решил немного разыграть несчастного.
- Семен Анатольевич, неужто вы всерьез думаете, что мы явились к вам в столь ранний час, чтобы истребовать кошелек назад? Он даже нам не принадлежит, а здесь мы совершенно по другому делу.
Мужчина настолько растерялся, что не сумел подобрать слова для ответа, наша юная тройка улыбалась, а Федор цыкнул языком, немного опустил голову, словно признавая свое поражение, и сказал шепотом:
- Два – один, - далее обычным голосом к мужчине, - Семен Анатольевич, мы служим этому городу в качестве полицейских, и, если вы не против, мы бы хотели переговорить с вами, - увидев, что мужчину охватил испуг другого плана, добавил, - Будьте спокойны, мы ни в чем вас не подозреваем, но ваше содействие окажет городу неоценимую услугу.
Репухов немного успокоился, но по-прежнему не понимал, кто мы и зачем приехали.
- Прошу, проходите, располагайтесь, я сейчас приготовлю чай, но, не знаю бы это сказать, вобщем я спешу.
- Господин Шальнов мертв, - пояснил сыщик.
Эта новость превратила Семена в мраморную статую: он побледнел, застыл на месте, единственное, что выдавало в нем жизнь – дергающаяся нижняя губа. Мы с Кириллом взяли его под руки, усадили на стул, подали стакан с водой, к счастью разыскать и то и другое было просто. Мужчина машинально выпил воду, поставил стакан, но руки от него не отрывал. Насколько я мог понять состояние этого человека, он переживал за то, что не может теперь вернуть долг. Надо сказать, я не ожидал, что в человеке из нижнего района

города может жить такое чувство долга и чести. Наконец, Репухов заговорил:
- Как мертв?
- Убит в собственном доме несколько дней назад, вы, верно, хотели вернуть ему долг, из найденных вами средств.
- Вы… да кто вы? – мужчина крепче сжал стакан, думаю, он был бы рад, если бы в руке сейчас оказался нож, - Приезжаете раним утром, знаете наперед все, что я подумаю и сделаю, что я находил… Да, я нашел кошелек, нашел, не отрицаю, но что же в этом такого? Может ведь повезти бедному человеку хоть раз в жизни или нет?
- Поверьте, вам не о чем беспокоится, и везение тут ни причем, мы сделаем так: вы сейчас успокоитесь, а мы вам все расскажем.
- Что ж, хорошо, - мужчина уселся на стуле поудобнее, отпустил стакан, пригладил волос. Надо сказать, костюм, которым он, должно быть, гордился, на нем совершенно не сидел, очевидно, он не имел никакой возможности привыкнуть к подобного рода одежде, - я готов.
Орлов подробно рассказал ему о том, какая связь прослеживается между убийством Шальнова, подброшенным кошельком и им; разумеется, имя Немерова было сокрыто от этого человека.
- Выходит, это меня, как крысу поймали? На сыр приманили, вот, мол, тебе кошелек, а только я голову сунул, так и хлоп! А трактирщик – подлец негодный – на меня вам кивнул, ну я из него весь дух вытрясу!
Семен был готов совершить самый настоящий акт возмездия, но Федор его осадил:
- Вот это как раз последнее, что вам следует делать.
- Это еще почему? Ведь он предал меня!
- Предал, оклеветал, желал, чтобы вас посадили в тюрьму, но если вы сейчас устроите ему встряску, то его хозяин и истинный виновник преступления поймет, что мы стягиваем кольцо у его шеи и вырвется за пределы нашей власти, поэтому нам нужно действовать умнее.
Далее сыщик поведал Семену об идее с подставным судебным процессом.
- Вы так неожиданно ворвались в мою жизнь, внесли столько новых сведений, простите, но я не готов ответить вам сейчас. У вас честные глаза, ваши коллеги тоже мне приятны, но жизнь научила меня не доверять людям, во всяком случае, малознакомым. Вы сказали, что из полиции, значит, здесь бывали часто и вас должен кто-нибудь знать. Разумеется, в первую очередь я осведомлюсь у тех людей, что рассказали вам, как я вернул им долг.
- Да, я понимаю вас, но, прошу вас, постарайтесь принять решение в ближайшие две недели. Если оно будет положительным, то у нас будет еще месяц или около того, чтобы найти трех надежных людей, умеющих держать язык за зубами.
Репухов кивнул, но промолчал.
- Что ж, нам пора, принимайте решение, да, и еще одно, если желаете обмануть тех, кто вас подставил, сегодня же расскажите друзьям, будто в вашем доме были полицейские, задавали вопросы о смерти господина Шальнова, намекали на вашу причастность и вообще вы уверены, что полиция подозревает именно вас.
- Это будет несложно сделать.
Уже в дверях меня озарила мысль.
- Семен Анатольевич, позвольте взглянуть на тот самый кошелек, - сказал я, в глазах мужчины мелькнул вопрос-подозрение, я улыбнулся, - нет, деньги можете оставить себе, переложить их в другое место, но сам предмет может быть серьезным доказательством.
- А-а, - протянул мужчина, - да, пожалуйста, - и скрылся в глубине дома, через какое-то время он вышел с пустым кошельком, надо сказать довольно солидных размеров, кожаным, дорогостоящим, - можете забрать, все равно он теперь будет мне напоминать мышеловку с сыром.
Мы попрощались с Семеном, устроились в экипаже и покатили в управление.
- Дмитрий, - обратился Орлов, - при всем уважении, скажите, зачем вы так сразу

огорошили бедного человека своим талантом чтения мыслей, он, несчастный, не знал где себе место найти. И зачем вам кошелек? Едва ли на нем есть инициалы или нечто подобное.
- Озадачил я несчастного, может и напрасно, но зато его отпустила мысль, что мы пришли отнимать деньги. Кошелек может и не содержать внешних отличительных признаков, но он побывал в руках убийцы или подставного лица, значит, на нем остался его информационный след.
- Несомненно, но как это нам поможет?
- Думаю, мы сможем опознать человека по этому следу.
- Это было бы неоценимой помощью в раскрытии дела.
- Кстати о деле, когда, вы полагаете, господин Немеров покинет город?
- Думаю, он покинул его этим утром, как только получил вести от трактирщика.
- Вы в этом уверены, или собираетесь убедиться?
- Уверен, но убедиться не помешает. Мы, может, заедем к господину Пегасову, он ведь часто принимает у себя гостей, наверняка знает, кто когда приехал и куда уехал. Господин Немеров вряд ли уехал тихо, думаю, он сказал об этом деловым людям, чтобы информация таким образом дошла до нас, чтобы проанализировать последовательность наших действий. А информацию об этом он получит от своего, - мужчина откашлялся, - агента в полиции. Кстати, в управлении мы вслух говорим о том, что подозреваем господина Репухова.
- Да, но если мы заедем к Тимуру Васильевичу все вместе, то это может вызвать определенные подозрения, быть может, было бы лучше, если я навестил его один? Мы ведь теперь с ним друзья.
- Верно, так было бы лучше, но вы уверены, что сумеете узнать интересующую нас информацию так, чтобы никто ничего не заподозрил?
- Думаю, что да.
- В таком случае я доверяю вам это дело.
- Благодарю.
Положив кошелек на ладонь я, неосознанно, будто бы это было отработанным действием из моего прошлого, как бы взвесил его, таким образом мне стала доступна информация об эмоциях, которые переживали люди, держа в руках этот кошелек, затем накрыл его другой ладонью, закрыл глаза, сосредоточился на этом предмете и… «Ночь, нижний район города, узкий переулок, проход меж двумя домами, два мужских голоса.
- А поумнее ничего не могли придумать? Почему мы должны делиться своей добычей ради того, чтобы замести следы? Нас и так не найдут, - говорил один хриплым голосом.
- Тебе что, жадность все мозги выела? За дело взялся когтистый, а ты ведь его знаешь, уж если вцепится, то добьет до конца, так что лучше для всех нас, слышишь? Для тебя тоже! Чтобы он не смог вцепиться в нас. Но, если ты такой гений – давай, придумай новый план. Ну? Что молчишь как Архимед утопленный? – сказал другой, низкого роста, с примечательным посвистыванием в голосе.
- А ты не смей со мной так говорить, не дорос еще!
- Долг! Свинья недорезанная, еще раз пошутишь о моем росте – все кости переломаю.
- Ишь ты, разошелся, - в голосе зашевелилась злая ирония, - борец-недоучка, а допрыгнешь?
Раздалась довольно непристойная реплика, после которой мужчина вцепился в руками в своего обидчика, завязалась борьба.
- Ей, кретины! Совсем с ума посходили? – раздался третий голос, принадлежал он мужчине среднего роста, стоявшему через проулок.
- Он первый начал! – осведомлял низкорослый.
- Да мне хоть десятый, угомонились быстро, если Хук узнает, как вы относитесь к его поручению… сами знаете.
- Не больно-то и напугал своим Хуком, - сказал низкорослый, отходя от обидчика.

- Ну да, не напугал, а чего ж ты сразу завернулся? – продолжал подзуживать хриплый.
- И ты пасть закрой, он уже идет, приготовились, - сказал третий.
Действительно вдали переулка показался мужчина, полноват, среднего роста. Он шел, взирая по сторонам опустевшими глазами, казалось, за каждым углом каждого дома он видел только горечь прожитых лет, глядя по сторонам, он видел себя, свою жизнь, ему не было дела до жизни других людей.
- Я не понимаю, - шепотом сказал низкорослый, - неужели он настолько пьян, что не заметит кошелек на земле? Неужели мы должны натянуть веревку, чтобы он споткнулся и впечатался носом в него?
- Много ты понимаешь, малец, - ответил шепотом хриплый, - Люди здесь носят столько горя в себе, что они и лошадь могут не заметить.
Мужчина все шел и шел, наконец, когда он добрался до нужного места, заговорщики переглянулись и с силой натянули веревку. Не заметив преграды, мужчина споткнулся и упал. Он сказал довольно много откровенных и коротких слов, проклиная жизнь, судьбу и камень, об который он, должно быть, споткнулся, но все проклятия улетучились, едва он заметил, что в двадцати сантиметрах от головы лежит кошелек – дорогой, тугой, явно не пустой, кошелек.
Мужчина схватил его, притянул к себе, осмотрелся по сторонам, видел ли кто его находку – никого нет. Зашел в проулок меж домами, достал кошелек, раскрыл его и…»
Мы почти подъехали к управлению, Федор сошел, сказал, чтобы мы прибыли к нему, как только будет информация от Пегасова. Мы поехали в имение.
- Что ты видел? – спросила Настя.
Я подробно рассказал друзьям о видении.
- Что ж, уже кое-что, как думаешь, ты сможешь узнать фигуры или голоса этих людей, если встретишь их вживую? – спросил Кирилл.
- Почти уверен.
- Хорошо… Кстати, друзья, может вы мне скажете, зачем Немерову было приходить к Шальнову в день убийства? Чтобы тот открыл дверь? Вздор. Уверен, преступники могли пробраться в дом и сами, подкараулить его ночью, в переулке, да что угодно сделать.
- Может быть, он не хотел его убивать, просто вынудить отказаться от своих планов, поэтому они и спустились в винный погреб, чтобы обсудить дела за бокалом-другим вина. Когда же стало ясно, что Шальнов не уступит, преступники сделали свое дело, - сказал я.
- Почему тогда нельзя было просто припугнуть его, показать нож, сказать что его жизнь зависит от этого решения?
- Потому что Шальнов тоже не промах – собрал бы своих товарищей и еще не ясно кто кого одолел бы.
- Да… Что же такое должно случиться с человеком, чтобы собственная жадность стала для него важнее, чем жизнь другого человека? – спросил как бы в пространство Кирилл.
- Он должен уснуть, - таким же отстраненным голосом ответил я.
Добравшись в имение к обеду, мы были весьма рады, потому как проголодались значительно. К удивлению, Михаила не было и в этот раз. Уже после трапезы, прогуливаясь по саду, я спросил у князя:
- Гавриил, не подскажешь, где найти Михаила?
Князь улыбнулся такой Душевной улыбкой, какой улыбаются родители, когда слышат от детей нечто наивное и умиляющее.
- Он в одной из отдаленных деревень, ты о ней не знаешь и едва ли узнаешь в ближайшее время.
- Отдаленных? Значит, идти туда нужно довольно долго?
- Да, идти туда очень долго.
- Но, как же, ведь еще вчера ночью мы беседовали с ним после чаепития. Значит, он ушел сегодня?
- Нет, вчера утром.

- Стало быть, он еще в пути?
- Нет, он уже на месте.
- Подожди, я ничего не понимаю, - остановился я в растерянности, лгать князь мне не мог, вообще такая мысль не входила в мою голову, но состыковать получаемые от него сведения я тоже не мог.
- Дима, кто тебе сказал, что он собирается идти туда пешком? Он перенес свое тело туда, вот и все. А вчера ночью он перенес его сюда на некоторое время, чтобы дать вам указания.
Эти слова поразили меня, помню, я раньше читал о таком явлении, как телепортация, даже думал, что верю в его существование, но, как оказалось, не верил… до сего момента. Подумать только, Михаил перенес себя сюда на пару мгновений, чтобы сказать «будьте внимательнее»!? Да уж, мне его не понять, во всяком случае, пока.
- И часто он так... переносится?
Гавриил лишь улыбнулся, похлопал меня по плечу, затем добавил:
- Тренировка скоро, собери внимание.
Все, с этого момента я решил допускать, хотя бы теоретически, абсолютно все: что князья – посланники небес, что Солнце – сгусток светлых чувств, что все люди могут летать…
Тренировка прошла довольно интенсивно, Алексей все глубже и глубже проникал в суть боевых искусств, за маской которых ему откроется Искусство Мира. Не могу сказать, что оно открылось мне, но я стараюсь. Во всяком случае, меня тренируют лучшие из лучших, великие Учителя. Алексей, должно быть, многое переосмыслил за то время, пока был в деревне. Уверен, раньше он бы ни за что не поверил, что достичь величия Духа можно через вот такие ежедневные тренировки. Вообще теперь он вовсе не напоминал тот класс людей, что решительно отрицают всякий физический труд, называя его примитивным, а боевые искусства – жестокими и ненужными. Думаю, на самом деле эти люди просто попали во власть собственной лени, потому придумывают подобные оправдания. Ведь лень – это всегда та или иная степень омертвения существа. Это просто понять, если вы чем-то не пользуетесь – это атрофируется. Если вам лень пользоваться логическим мышлением или интуицией – вы их разрушите.
Окончив тренировку, я переоделся, предупредил друзей, что направляюсь к Пегасову, попросил их приятно провести время в мое отсутствие и уехал.
Тимур был так рад моему появлению, что даже отчитал слугу, который столь «нерасторопно» оповестил хозяина о дорогом госте. Слуга внимательно посмотрел на меня, в этом взгляде не было ненависти или других подобных чувств, он лишь старался запомнить внешность того человека, вниманием которого так дорожит хозяин.
Мы поздоровались с Тимуром за руку.
- Как же я рад вас видеть! Не желаете ли чего-нибудь?
- Да, я бы с удовольствием прогулялся по вашему дивному саду.
- Да, вы правы, сегодня замечательный день для прогулок, но перед тем, как мы покинем дом, осмотритесь по сторонам, - Пегасов сиял улыбкой, широко расставил руки, словно демонстрируя свое творение.
Очевидно, он не шутил, когда высказал решимость менять облик дома – теперь не было безобразных нагромождений дорогих вещей, все было расставлено с великим вкусом, из чего я еще раз понял, что сердце этого человека носит в себе силу творить в Красоте.
- Вы меня поразили! Редко встретишь такой тонкий вкус среди людей.
- И это еще не все, Дмитрий. Теперь я решил, что каждый день буду тренироваться. Да, я теперь много гуляю по саду, вот и сейчас как раз собирался. А, раз уж так случилось, что вы приехали и пожелали осмотреть мой сад еще раз – это мне двойне приятнее.
- Искренне рад за вас, всегда приятно знать, что человек начинает радоваться жизни.
Мы вышли в сад, на этот раз энергии Пегасова не было предела, он был готов назвать мне каждую травинку, растущую в его святая святых. Это несколько мешало разговору, но, откровенно говоря, мне было приятнее радоваться вместе с ним, чем выведывать

информацию.
- А где же ваши настойчивые друзья-гости? Вы упразднили и их?
- Упразднил, - мужчина засмеялся, - Да, можно и так сказать, теперь я принимаю гостей в больших количествах лишь однажды в неделю.
- Что ж, может кто из них тоже спортом займется.
- Вы полагаете? – мужчину откровенно смешили мои замечания, - Однако, должен сказать, что некоторые из них уже давно и серьезно занимаются разными видами спорта.
- Довольно интересно, кто же это?
Среди прочих фамилий, Пегасов назвал Немерова и его увлечение.
- Правда? Господин Немеров занимается боксом? А он сказал мне, будто уже давно бросил это дело и лишь иногда демонстрирует свое мастерство боксерской груше. Я ведь и сам занимаюсь рукопашным боем, поэтому мне было бы интересно пообщаться с, так сказать, ветераном.
- Это Григорий Евлампиевич конечно слукавил, что бросил бокс, он – человек жесткий и может дать фору любому молодому боксеру. Но встретиться с ним вы не сможете, во всяком случае, пока что.
- Отчего же?
- Он уехал, да, нынче утром зашел ко мне, сказал, что отбывает по делам в центр страны, просил, мол, если кто его будет искать, чтобы я осведомил о его отъезде.
- Что ж, жаль, а он не уточнил насколько?
- К сожалению, нет, сказал, что дело трудное, и он не знает, когда закончит.
- Да… И куда только не забрасывают людей дела.
- Верно. А какое дело забросило вас в этот город?
- Отец рекомендовал князей, как своих близких друзей, сказал, что пять лет подле них гораздо лучше, чем пять лет в университете.
- Это он точно сказал. Их Светлость, кажется, знают абсолютно все… Кстати, вы ведь упражняетесь в фехтовании?
- Да, уроки дают сами князья.
- Что ж, тогда, пожалуй, вам нет равных в этом деле. Но, насколько я помню, князья предпочитали мечи всех мастей и размеров, а у вас на боку шпага, - мужчина вопросительно посмотрел на меня.
- Верно, так и есть, это уж мы трое, вы нас видели вместе с господином Орловым, решили, что по городу лучше всего передвигаться не с мечом, а со шпагой.
- Ясно, ясно… Эх, вспомнить бы молодость, да вот нога не дает.
- А от чего она так изменилась?
- Видите ли, когда лишний вес начинает давить к земле, - Тимур улыбнулся, - поскользнуться на ступеньке и ушибить ногу – пустяковое дело.
- А врачи?
- А что врачи? Будто я понимаю в их замудреных терминах. Единственное, что они мне сказали человеческим языком – нога останется такой до конца жизни и посоветовали прикупить трость, - мужчина поднял трость и покачал ей в воздухе.
- Интересная позиция, но князья уверяют, что любой недуг можно победить.
Тимур посмотрел на меня, как на наивного юнца, видимо ему было больно вспоминать, как он умел «порхать» на здоровых ногах.
- Вы зря так смотрите на этот вопрос, ведь на моих глазах они поставили на ноги инвалида. Ему нужна была не трость, ему были необходимы костыли для передвижения, - эти слова сразили Пегасова, он даже побледнел немного, - Именно так. Более того, вы видели этого инвалида, это – Кирилл, тот юноша из нашей юной тройки сыщиков. Вы когда-нибудь могли подумать, будто он не мог ходить с раннего детства?
- Мне нечего сказать, это, это… Это чудо.
- Нет, это сила знания. И вы знаете, чем исцелили юношу?
- Какими-нибудь редкими лекарствами?

- Он исцелился от собственной веры. Да, да, его просто убедили в том, что его ноги здоровы. Вернее не так, он сам убедил себя в этом.
- Как же это ему удалось, ведь он не знал, что такое здоровые ноги с детства? Он ведь смирился с этим.
- Но он знал, что такое здоровые ноги на примере всех остальных людей вокруг. И когда князья сказали, что нужно делать для оздоровления, он набросился на эти советы как тигр.
- И что же нужно делать? – в глазах мужчины засветилась надежда.
- Во-первых – забыть все, что сказали врачи. Во-вторых – поверить в то, что нога станет здоровой, ведь, по большому счету, она до сих пор больна лишь потому, что вы в это верите. В-третьих – концентрировать внимание на ноге так часто, как это возможно, представлять в воображении, что она уже здорова. Это очень важно, радоваться исцелению прежде, чем оно наступило – это значительно ускоряет процесс. В-четвертых – больше гулять, чтобы по ноге циркулировала кровь.
- Что ж, не сложные указания. Запомнить их куда проще, чем заучить названия мазей, которые советуют врачи.
- Только, прошу вас, отнеситесь к каждому из этих пунктов в высшей степени серьезно.
- За это можете быть спокойны, ваш отец научил меня внимательно слушать дельные вещи. Поэтому я внимательно слушаю хороших людей, а бесполезную болтовню отсеиваю.
- В таком случае, я спокоен.
- Это хорошо. Кстати, Дмитрий, о спокойствии в нашем городе, как продвигается ваше дело?
- Мы ищем убийцу, предположительно он скрывается в нижнем квартале города.
- И как?
- Есть некоторые догадки, но определенно сказать пока невозможно.
- Догадки… А как вы их получили? Вы не подумайте, мне просто всегда было интересно, как работают сыщики.
- Мы отправились в нижнюю часть города, отыскали там заведение под названием «Клюв», поговорили с трактирщиком, он указал нам на одного человека, но, как мы подозреваем, он не причастен к этому делу. А вообще, встречаемся с людьми, задаем вопросы, примечаем интересные вещи, стараемся охватить всех и все своим вниманием.
- Посещение подобных заведений – занятие не из приятных, вы правы, куда только дело не закинет человека.
- Верно, зато есть над чем поразмыслить, что понаблюдать. Например, пьяную драку.
- Это да, драки в таких местах не редкость. И как же вы поступили? Вы ведь – полицейские.
- Как? Да очень просто – разогнали буянов.
Мы проговорили с Тимуром довольно долго, говорили обо всем: о полиции, о фехтовании, об отце, вообще о людях. Прощаясь со мной, мужчина выразил искреннее желание увидеться снова.
Выходя из гостеприимного дома, я заметил двух мужчин на противоположной части улицы, они, вроде как, беседовали меж собой, но чутье подсказывало, что они здесь не просто так. Наконец, я поймал взгляд одного из них, худого, загорелого, среднего роста, мужчины. Этот взгляд расставил все на свои места, потому что такими глазами смотрят или на заклятого врага, или когда в Душе беспросветная ненависть. Сомнений не оставалось, они следят: или за мной, или за Пегасовым. Поразмыслив немного, я решил, что слежка идет за Тимуром.
Разыскав извозчика, я велел отправиться в полицейское управление.
Федор был у себя в кабинете и метал ножи в мишень, когда я вошел, он остановился, осмотрел меня, направился к мишени вынимать ножи, через плечо спросил:
- Как успехи?
Закрыв за собой дверь, я обратил внимание, что ножи, вонзившись в мишень, обозначили

вершины почти идеального треугольника.
Далее я рассказал ему все то, что касалось отъезда Немерова.
- Хорошо сработано. Теперь, когда мы знаем, где наш «друг», можно заняться вычислением неверных.
- С чего планируете начать?
- Примерно представляя место назначения нашего «друга», я могу сказать, что он будет там не раньше чем через пять-шесть дней. За это время я успею поработать над парой теорий, а вы, мои бесстрашные помощники, окунетесь с головой в мир ночной романтики этого города.
- Уверен, новые наблюдения пойдут только на пользу.
- Лишь в том случае, если у вас доброе сердце, иначе вы можете озлобиться на весь мир, как это часто бывает с моими коллегами.
- Приму во внимание этот совет. А теперь, если вы не против, я предлагаю поупражняться в шахматах.
- Так вы не забыли свое желание, - улыбнулся сыщик, - В таком случае я с радостью приму ваш вызов.
«Ого, «вызов», видимо Федор всерьез решил соревноваться с нами, может быть уже давно никто не мог составить ему конкуренции и теперь он радуется достойным «противникам» - размышлял я, наблюдая, как сыщик расставляет фигуры на доску.
- Какими предпочитаете?
- Белыми, - машинально ответил я.
- Белыми, так белыми.
Мы устроились за столом Федора друг напротив друга, он пододвинул доску, и мы начали игру. За шахматы я не садился с тех пор, как прибыл сюда, но как ходят фигуры – помнил, поэтому уверенно сделал первый ход, Орлов задумался ненадолго и ответил. Шахматы не были моим «козырем», но в школе я играл довольно неплохо, иногда играл дома с папой, но это было бесполезным занятием. Вернее полезным, но итог был всегда один. Федор играл хорошо, это было ясно сразу, его отточенный до блеска ум был способен концентрироваться на предстоящей задаче, полностью исключив все вокруг. Наблюдая за ним, я четко осознал, что мой ум далеко не так идеально отшлифован. Казалось, тысячи мыслей проносились в голове сыщика. Разумеется, я старался использовать преимущественно логику, но развитую чувствительность уже в карман не спрятать, поэтому я знал все планы соперника, пару раз я подловил Орлова, сделав удачный ход только потому, что он подумал «только бы Дмитрий не походил этим слоном» и так далее. В общем, как мне не было стыдно, самые дельные советы по поводу партии я получил не от собственного ума, а от ума Федора. Еще и еще раз я поражался силе и выдержке этого человека. Да, он начинал проигрывать, он откровенно не понимал, откуда в юном человеке такой острый ум, через какое-то время он решил, что я просто читаю его мысли, он пробовал всевозможные способы, чтобы сбить меня с нужного хода, он сражался до конца, не показывая ни волнения, не высказывая никаких замечаний по поводу моего таланта, он был истинным воином. Доиграв эту партию я понял – Федор никогда не сдается, он ищет новые пути, совершенствует себя, изучает новые науки, делает что угодно, но не сдается.
- Дмитрий, вы меня удивили, я побит и побит весьма молодым умом, как знать, может быть я стал стар, а может вы – истинный титан мысли. В любом случае вы победили, а победителей не судят.
- Эта партия научила мне очень многому, даже не могу передать словами. Вы – живой пример стойкости Духа и несгибаемой решимости сражаться до конца. Должен признаться, я победил лишь потому, что знал все ваши мысли. Вы уж простите мне, но однажды открыв в себе этот дар, я так увлекся им, что теперь не ведаю, как приглушить его. Я искренне считаю, что мой ум проиграл вам эту партию, выиграли ее вы сами.
- Не важно, Дмитрий, кто победил: ваш ум или ваша интуиция, вы вложились в игру

целиком, мы не уславливались перед партией о том, что можно, а чего нельзя использовать. Я обрушил на вас всю мощь своего ума и был бит вашей интуицией, это лишний раз доказывает, что я заблуждался, что мне необходимо пересмотреть свой взгляд на мир и начать свое развитие в этой области. Вы тоже дали мне очень многое этой партией. Мы играли на равных, мы оба использовали все то, что имели внутри.
- Мне довольно редко доводилось встречать людей, способных принять свое поражение от человека, которого они считали в чем-то слабее себя. Должен сказать – вы уникальны. Ведь я, - я улыбнулся, - вовсе не умел принимать поражений, особенно когда меня превзошла в фехтовании, кто бы вы думали? Настя!
Сыщик рассмеялся, потом спросил:
- Вы серьезно?
- Абсолютно!
- Да… сюрприз на сюрпризе, вы только и делаете, что ставите меня в логические тупики. Кого из вас князья желают отлить? Сверх людей?
- О нет, князья считают, что все те способности, которые нынче считаются чудесными, на самом деле являются естественными для любого человека. Но человечество настолько отклонилось от естественного пути развития, что, со временем, утратило и естественные способности.
- Не берусь спорить, я не специалист в вопросах эволюции всего человечества, возможно, это так, как говорят князья.
Федор собрал фигуры, убрал на место шахматы, еще раз поблагодарил за партию и сказал, что ожидает нас завтра ближе к вечеру, если мы желаем посмотреть на ночную жизнь города, если же нет – то можем бороться с беззаконьем так, как сочтем нужным.
Попрощавшись с сыщиком, я отправился в имение.
Ужин вот-вот прошел, к счастью я не был голоден, тем более меня утешала мысль, что вечером все равно будет вкусный чай в приятной компании. Друзья прогуливались среди деревьев в компании Гавриила и Марии.
Вообще эта пара вызывала во мне только восторг, сами по себе князь или княгиня – уже являлись примером безмерной Божественной Силы, но когда они шли рядом… Это нужно было видеть, чтобы понять. В голове невольно возникала мысль «вот какой должна быть Любовь».
Когда я присоединился к компании, Гавриил повернулся ко мне, хитро-хитро посмотрел в глаза и сказал:
- Е два на е четыре уже не в моде?
Мне стало немного стыдно, но я нашелся что сказать.
- Это была честная игра, мы не заключали специальных условий относительно наших способностей.
Шутку князя могла оценить лишь Мария, Настя, думаю, догадывалась о чем идет речь, а вот бедные Кирилл, Алексей и Давид выражали искреннее удивление.
- Ты все сделал верно, Дмитрий, теперь человек всерьез задумается о собственном мировоззрении, - мы отошли немного в сторону, - Тебя смутила моя шутка, но если бы ты сам четко разбирался в мотивах собственных действий, в том, что велит тебе твое сердце, ты бы твердо ответил мне, что преследовал лишь благородную цель, желал помочь человеку увидеть новые грани этого мира. Нет ничего постыдного в том, чтобы пользоваться здоровыми глазами для зрения, даже если у всех вокруг очки. Сегодня ты многое понял о том, что такое цельность, как человек может полностью отдать всего себя одной задаче, на этой же основе развей и укрепи в себе цельность ума и сердца человека. Пусть более веления твоего сердца не будут постыдными для тебя.
- Благодарю, Гавриил, но этот разговор еще раз показывает, как я неловок в своих суждениях, когда рядом нет кого-либо из вас.
- Если ты так думаешь, то считай, что обнаружил еще одно поле для труда.
Невыразимая волна благодарности захлестнула меня, и я обнял этого Великого человека,

еще и еще раз убеждаясь, что его сердце может успокоить и придать сил любому из нас – людей земли.
Когда мы вернулись к остальным, Мария уже поведала ребятам о моем, так сказать, «подвиге», поэтому меня встретили понимающие глаза.
Мы погуляли по саду, я рассказал о желании Федора показать нам ночную жизнь города.
- И как вы на это смотрите? – спросил Гавриил.
- Я только за.
- Я тоже, - поддержала меня Настя.
- Куда же я без друзей? – сказал Кирилл.
- Славно. В таком случае вы не откажете мне в небольшой просьбе?
- Тебе стоит лишь попросить.
- Завтра я составлю вам список мест и время, в которое их стоит посетить. Надо полагать, вы имеете свободных пять дней, все эти дни, опять же, если вы не против, я займу вас.
- С удовольствием! Кстати, а что это будут за места?
- Уверен, в этих местах, в указанное время, будут происходить не самые лучшие поступки, а вы, оказавшись там, сумеете их предотвратить. Я знаю слово своего брата и не дам вам подсказок о вашем основном деле, но в остальном мои действия ничем не скованы.
- Стоит ли тут думать, если мы получаем благословение на это задание от вас.
Мы согласились, Гавриил улыбнулся, хитро посмотрел на Кирилла.
- Вот и чудно, а теперь, переодевайтесь, и мы отправимся в спортзал гостиницы, поработаем над техникой ударов ногами.
Мы отправились переодеваться, я догадывался, что наша техника не идеальна, но чтобы для ее тренировки нужен был зал…
Добравшись до спортзала, я был несколько удивлен, а может это моя память сыграла со мной шутку, но я не помнил здесь такой большой боксерской груши и застеленного для борьбы пола.
Вскоре в зал вошел Гавриил в спортивном костюме, к виду этого титана я все никак не мог окончательно привыкнуть, казалось бы, что он вошел так просто, словно делал это каждый день, но не оставил равнодушным никого, особенно тех редких постояльцев, что решили потренироваться этим вечером. Уверен, все они – богатые и знатные люди, потому что иные просто не смогут позволить себе проживание в этой гостинице.
Однако, князь, будто и не замечая того эффекта, который произвел на «благодарных зрителей», подошел к груше, деловито осмотрел ее сверху донизу.
- Что застыли, - улыбнулся Гавриил, - встаем и разминаемся.
Было ясно, что фраза князя адресовалась к нам, но, на удивление, этому совету последовали все посетители зала, их оказалось трое мужчин. Гавриил и бровью не повел, заметив, что мужчины присоединились к нам, я решил последовать его примеру.
Разогрев все тело, мы приступили к основной цели нашего занятия, Гавриил начал с основ, видимо желая угодить вновь испеченной публике.
- Прямой проникающий удар ногой. Бьется из основной стойки, - князь на секунду застыл в основной стойке, затем повернулся к груше, - Итак, если вы предпочитаете ставить левую ногу вперед в сражении, тогда запоминайте, как наносится удар правой, то есть задней ногой, если наоборот, то, соответственно, левой. Я показываю на примере левосторонней стойки. Вы разворачиваете ступню передней ноги, - Гавриил повернул ступню градусов на восемьдесят или семьдесят в сторону от себя, - в этот момент вы чувствуете натяжение мышц в области таза, это самое подходящее время, чтобы нанести удар. Вы поднимаете заднюю ногу, сгибаете ее в колене и… - он поднял правую ногу и с такой силой ударил по мешку, что тот – бедняга – перегнулся в месте удара, благо, я уже был знаком с бесподобным выбиванием дверей в исполнении Гавриила, но у незнакомой публики этот удар вызвал нечто вроде шока, - Если же вы решили бить передней ногой, то следует делать так, - продолжал князь, делая вид, будто никто не застыл на месте, как оловянный солдатик, - немного шагнуть задней ногой вперед и чуть-чуть в сторону, опять

же повернуть ступню, поднять переднюю ногу и… - раздался второй удар, не уступавший первому, - Пока все, если есть вопросы – задавайте.
У нас вопросов не было, но те трое мужчин разразились бурными аплодисментами.
- Господа, это лишнее, - ответил Гавриил и подошел к ним.
Мы принялись за отработку удара. Добрый человек Давид, оказалось, знал, как нужно наносить этот удар, поэтому любезно нам все еще раз показал. Уверен, Михаил, когда демонстрировал это движение, демонстрировал его правильно, а вот моя невнимательность не позволила запомнить всех нюансов, оказавшихся, как выяснилось, весьма существенными.
Князь переговорил с мужчинами, те поблагодарили его и продолжили свои тренировки.
- Друзья, выполняя этот удар очень важно беречь пальцы ног, для безопасности можно наносить его пяткой, - учил Давид.
Гавриил вернулся к нам, понаблюдал за тренировкой, когда же мы, более-менее, освоили это движение на должном уровне, он решил показать нам боковой удар. Техника этого удара задействовала схожий принцип. Мне повезло, что ударная поверхность ног для этого движения уже была подготовлена, или, как это еще называется, «набита», поэтому стесняться в силе и скорости нанесения удара не приходилось. Когда Гавриил показывал удар, меня посетила мысль «ведь таким ударом можно и убить». Князь, в самом деле, бил с такой силой, будто желал повалить бизона. После демонстрации он подошел ко мне и сказал:
- Да, Дима, можно, поэтому всегда соизмеряй силу по ситуации, в которой оказался. Чем больше Силы получает человек, тем меньше ему дозволено совершать ошибок. Поэтому истинное Искусство не дается в форме «голых» техник для повышения Силы, но всегда с философией и новой системой взглядов на мир. Можно сказать, что Духовное перерождение непременно должно сопровождать становление Силы в человеке.
После отработки этих и нескольких других ударов ногами, мы перешли к технике борьбы. Бороться я, по правде сказать, не очень люблю, мне больше по нутру ударная техника, но, князья уверяют, что невозможно стать хорошим бойцом, не освоив борьбы. Поэтому я нашел интересные, для себя, моменты в борьбе, посмотрел на это искусство с другой стороны и в результате получил вполне положительное внутреннее отношение к борьбе. Прежде всего, борьба пленила меня тем, что учит человека чувствовать не только свое равновесие, но и баланс массы противника. Обладая этим чувством, можно довольно точно предсказывать, куда в следующий момент будет давить или тянуть противник. А еще борьба замечательно развивает все группы мышц, особенно предплечья.
По окончанию тренировки мы отправились в дом, сменили наряд и вышли в сад отдохнуть среди деревьев и свежего воздуха.
- Эх, друзья, я вам даже завидую, - выдохнул Алексей.
- От чего же?
- Завтра вы получите задание от князя, отправитесь ночью навстречу неизведанному, совершите нечто хорошее…
Юноша откровенно хотел напроситься к нам в компанию.
- Тебе же утром на учебу, не выспишься.
- Завтра да, но суббота и воскресенье у меня свободны.
- В таком случае разговаривай с Гавриилом, если он позволит…
- Хорошо, я спрошусь у него.
Алексея, видимо, так сильно взбудоражила мысль о предстоящем возможном приключении, что его невозможно было переговорить – он рассказывал и рассказывал без остановки о жизни студента, изливая таким образом свое нетерпение перед предстоящим разговором. Уверен, эту ночь Леша спал плохо, ему рисовались картины, где Свет побеждает тьму, хорошие люди – плохих людей, он – преступников.
На следующее утро Алексей отправился в университет, мы же отправились к Орлову. Он не ждал нас утром, но был приятно удивлен таким вниманием. Мы обрисовали ему

ситуацию по поводу следующих пяти дней, сыщик был удивлен неожиданной инициативой князя, но свое согласие дал, намекнув, что даже у полицейских бывают выходные дни.
- У полицейских – да, у Жизни – нет, - ответил я, - Мы будем только рады выполнить порученные нам задания.
- В таком случае жду вас в среду с подробным отчетом о «героических подвигах», - шутил сыщик.
- В этом можете не сомневаться: будут и среда, и подвиги, и героизм.
Мы еще немного поговорили и покинули кабинет Федора. Денек обещал быть пасмурным, во всяком случае, туча уже «захватила» небо. В такое ненастье мы решили, что лучшим прибежищем станет церковь и отправились проведать старого друга.
Пятница, утро, «тяжелое» небо, посетителей в церкви было немного. Мы без труда отыскали Романа, он был очень рад видеть нас, также охотно познакомился с Кириллом, мы вышли из храма прогуляться, поговорить.
- Как жизнь, Роман?
- Живу не жалуюсь, постигаю новое внутри и вовне. К нам приходит множество людей, у каждого свои тяготы, каждому хочется доброго слова, понимания и утешения, мы стараемся давать людям это. А как вы? Что нового?
Хоть Роман и не подал виду, я сердцем чувствовал, что ему чрезвычайно интересна жизнь за пределами храма, приключения, азарт и подвиги.
- Мы – замечательно, вот недавно устроились в местное управление полиции к сыщику Орлову Федору Яковлевичу, теперь расследуем одно «острое» дело.
- Правда?! Расскажите!
Мы осмотрелись по сторонам, вроде бы никого рядом не было, лишь мелкая морось начинала накрапывать.
- Прости Рома, мы не вправе об этом говорить. В конечном счете, этот разговор может подставить под удар не только нас, но и тебя.
- Друзья… - юный священник немного побледнел, - куда вы опять влезли?
Рома был хорошим другом и искренне переживал за нас, но эта реакция… в общем я еле сумел удержать смех.
- В этом мире множество разных профессий, множество хороших и не очень людей. В данный момент наша профессия связана с не самыми хорошими, в социальном срезе, людьми. Но, уверяю тебя, здесь не о чем беспокоиться, мы хорошо подготовлены, а Федор – лучший в этом городе сыщик, тем более – мы вооружены.
- Наверное, это то, чему мне стоит у тебя поучиться, Дима – уверенности.
- Возможно, но у нас еще и хорошие Наставники.
- Верно… Что еще в мире происходит?
- Алексея помнишь?
- Алексея… Какого? Алексея Степановича?
- Да, его.
- Помню, как не помнить!
- Так вот, он в городе, в университет поступил.
Роман буквально расцвел от удовольствия за успех друга, вообще доброта всегда была его отличительным качеством.
- Рад за него!
Далее мы поговорили о том, какую науку выбрал юноша, каковы его первые впечатления и так далее. На прощанье Роман еще раз поблагодарил нас за визит, высказал удовольствие от нового знакомства и просил передать самый теплый привет Леше.
Мы прибыли в имение, пошел легкий дождь. Тренировка у озера от этого стала невозможной, поэтому мы вновь отправились в гостиницу удивлять постояльцев. К счастью, нервы постояльцев остались целыми, потому как по утрам у них не было привычки посещать спортзал.

Невозмутимый Гавриил решил научить нас комбинировать удары руками и ногами, притом делал он это с таким видом, словно не собирался послать нас сегодня на задание в ночной город, где, возможно, эти знания будут как раз кстати.
Надо признать, у него здорово получалось комбинировать удары, чего нельзя было сказать про меня – я, то и дело, терял равновесие, путался в последовательности, а в результате вся серия ударов теряла всякую силу и эффект неожиданности.
Гавриил мне объяснил, что мои неудачи от того, что я не имею четкой картины всего маневра, но если мне удастся в мыслях представить комбинацию, прочувствовать ее своим телом – вот тогда результат будет гораздо лучше. Что ж, я попробовал – действительно, это значительно помогло, теперь комбинация хотя бы напоминала единое движение, а не серию разрозненных маневров.
После тренировки мы переоделись и отправились на прогулку, князь предоставил нам список ожидаемых происшествий в грядущие пять дней. Фокус в том, что на каждый день было записано по четыре-пять событий, временные промежутки между ними довольно коротки, а некоторые и вовсе происходят почти единовременно. Даже если бы мы разделились, то все равно бы не успели охватить всего.
- Гавриил, я не знаю, возможно ли это для нас.
- А в чем дело, - улыбался князь.
- Тут заданий больше, чем нас.
- А разве вы обязаны быть во всех этих местах сразу?
- Но, как же тогда мы решим эти задачи, если нас там не будет?
Дождь не переставал, капли методично бились о зонт. Я чувствовал, что решение лежит на поверхности, чувствовал, что Гавриил хочет, чтобы мы его нашли, но… у меня идей не было.
- Мы можем обратиться к Федору, он ведь может направить людей в указанные места, а мы на каждый день выберем себе по одному делу, с которыми мы сумеем справиться, - предложила Настя.
Князь остался доволен таким решением, Кирилл был в восторге, а мне было немного стыдно за свою недогадливость.
После обеда Гавриил отправился по делам в город, мы устроились в моей комнате, дождь стучал в окно крыльями влаги и ветра. Рассмотрев список заданий, мы решили так: сегодня мы встречаемся с мужчиной на окраине города, который, по неизвестным пока причинам, решил свести счеты с жизнью, завтра – радуем своим появлением компанию разбойников, мечтающих позаимствовать чужие богатства, послезавтра – разбираемся с какими-то сектантами, пожелавшими принести жертву своим богам, в понедельник – посещаем нечистого на руку пророка, вычищающего имущество других людей с помощью гипнотического внушения, а напоследок – помогаем женщине справиться со страшными ночными видениями.
Должен признать, не совсем то, на что я рассчитывал, в какой-то момент мне казалось, что Гавриил даст нам задания типа «прогнать разбойников» или «предотвратить кражу», а тут… Даже не представляю, как мы явимся этой женщине и скажем «добрый вечер, мы прогоним ваши злые сны». Но не искушенный в эзотерике полицейский вообще вряд ли возьмется за подобное дело, посчитав его сумасшедшим бредом.
Вскоре пришел Алексей – тот еще прозорливец – прихватил с собой зонт с утра, поэтому дождь не сильно испортил ему наряд. Он усердно искал князя, когда же узнал, что его нет дома, разыскал нас. В нем все еще гудело волнение перед предстоящим разговором и возможностью поучаствовать в борьбе с преступностью.
- Леша, не стоит так переживать, - начал я, - князь наверняка знает о твоем желании, и если ты до сих пор не получил ответа, значит так будет лучше для тебя. И я, кажется, знаю почему.
- Почему?
- Ты волнуешься, откровенно говоря – ты весь издергался. А такой человек мало чем

сможет нам помочь в намеченных делах. Если ты собрался, пусть и на короткий срок, нести на улицы города порядок и спокойствие, то, для начала, обрети их в себе.
- Да, я все понимаю, но ничего не могу с собой поделать, ведь я в подобной ситуации впервые.
- Тем более, учись вырабатывать в себе стойкость к неожиданностям, к тому, что для тебя в новинку.
- Постараюсь…
Чтобы помочь другу отвлечь мысли от борьбы с преступностью, я задал ему вопрос о университете:
- Итак, неделя студенческой жизни позади, может подведем итоги этого периода?
И тут юношу понесло, «подводить итоги» ему очень понравилось, поэтому итоги были подведены под все: положение в группе, взаимоотношения учащихся между собой и с преподавателями, ораторские способности преподавателей, разнообразность дисциплин, нагрузка и так далее.
Друзья поняли, зачем я дернул Алексея за «больную пружину» и сами начали подливать «масло в огонь», разжигая его рассказы новыми вопросами.
Ближе к ужину вернулся Гавриил, не знаю что случилось, может быть мрак непогоды, дождь и молния сыграли на моих нервах, но мне показалось, будто Гавриил сосредоточен и решителен как никогда. Те потоки Силы, что исходили от него, заставили меня пятиться назад, и лишь когда он улыбнулся, я понял, что все опасения были напрасными.
- Что, юные сыщики, готовы к подвигам?
- Готовы, - ответили мы в один голос.
Князь улыбнулся и направился в свою комнату, Алексей пошел за ним.
- Гавриил.
- Да.
- Ты не будешь против, если я с ребятами потружусь хотя бы на выходных?
Князь подошел к юноше, заглянул ему в глаза.
- А ты уверен, что желаешь этого? Что представляешь все то, с чем тебе придется столкнуться?
- Желаю – да, но вот представить, увы, я не в силах, ведь я еще не сталкивался с подобными ситуациями.
- Что ж, хорошо, сегодня ребята справятся сами, а вот завтра, если ты не передумаешь, можешь отправиться с ними, ты получишь… хороший жизненный опыт, но едва ли захочешь в ближайшее время повторить свою просьбу.
- Спасибо, Гавриил!
Алексей не понял последней фразы князя, но был искренне рад, что хоть один день он сможет участвовать в деле вместе с нами.
Мы поужинали, собрались в дорогу и отправились в полицейское управление. Федор уже почти собирался уходить. Мы изложили ему суть просьбы.
- Да… Будь это любой другой человек, я бы взял его под стражу не моргнув и глазом, но князь Гавриил… Конечно же, я пошлю людей по этим адресам в указанное время, но все это выглядит очень странно.
- Почему?
- Если бы это был не князь, я бы подумал, что человек – довольно осведомленный в преступных делах бандит и просто желает устранить конкурирующие структуры подобными точечными ударами. Но, зная их Светлость, я просто не понимаю, откуда он все это знает?
- Вспомните, вы точно так же не знали, откуда нам было известно об убийстве Трапенко, - напомнила Настя.
- Да, да, верно, поэтому-то я и принимаю ваши сведения. Хорошо, сделаем так, если нынче ночью все места и время совпадут с вашим списком – то я продолжу действовать по нему и в оставшиеся четыре дня.

- Договорились.
- А в среду вы расскажете мне, как у вас получается вытворять подобные фокусы. А иначе я чувствую себя слепым орудием в руках невидимого хозяина.
- Хорошо, Федор Яковлевич, мы постараемся.
Попрощавшись с сыщиком, мы отправились к указанному месту на окраине города, отпустили извозчика, чтобы не привлекать внимания и направились прямиком в лес. Судя по бумагам Гавриила, несчастный должен прибыть сюда один, достать из сумки веревку, зайти поглубже в лес, найти подходящее дерево и сделать нечто необратимое.
Дождь и не думал ослабевать, хорошо, что мы оделись во влагоустойчивые плащи и прихватили с собой зонты. Правда, сидеть грибной полянкой – идея не из лучших, поэтому мы забрались поглубже в лес, свернули зонты и стали ждать.
Пока мы ожидали, я размышлял над словами Федора. Да, он, можно сказать, был слепым орудием, но разве мы в лучшем положении? Вот сейчас мы спасаем мужчину от самоубийства, мы вряд ли видели его до сегодняшнего дня, и, может быть, вряд ли увидим потом. Да, мы делаем хорошее дело, но не знаем ни причин ни следствий. Конечно, это наша вина, что наше сознание столь ограничено и не в состоянии увидеть всей картины, но как, порой, хочется увидеть больше, чем ведаешь сейчас.
Наконец послышались шаги: без зонта, в рубахе и штанах на голое тело, с поникшей головой, в сторону леса шагал мужчина лет тридцати-тридцати трех, среднего роста, с темными волосами. В его руках была сумка, в ней, предположительно, веревка. Нас он не заметил, хотя, думаю, он вообще мало чего замечал, поэтому мы спокойно, особо не стараясь скрыться, следовали за ним.
Мужчина зашел вглубь леса, остановился перед молодым, но достаточно прочным деревом, осмотрел его от корней до кроны, тяжело-тяжело выдохнул, опустил голову, еле заметно покачал ей, бросил на землю сумку, сам развернулся, присел на корни дерева и только в этот момент увидел нас.
Довольно странные чувства одолели мужчину: он был испуган неожиданностью, зол на нас, безразличен к жизни и слишком уставший, чтобы все это выплеснуть наружу.
- Вы! Вы кто такие?
Гавриил пометил, что его зовут Коваль Игорь Степанович, значит, имя уже можно использовать как неожиданное оружие.
- Какая ночь, Игорь Степанович… - начала Настя.
Оружие сработало, мужчина был удивлен пуще прежнего. Однако, он неверно истолковал наше появление, решив, что мы – нечто вроде лесных духов или вестников смерти, поэтому судорожно схватился за ближайшую ветку, чтобы, на всякий случай, суметь отбиться.
- Я вас предупреждаю! Еще шаг и я, и…
Но предупреждать было уже поздно, мы слишком долго наблюдали его, поэтому успели прочесть всего до дна.
- Если вы решили, что я – дух или вестник смерти, то ветка вас не спасет, если верите, что мы люди – то и в этом случае вы проигрываете нам, потому как в численном меньшинстве. Но одно вы сделали верно – вы схватились за единственную возможность спасти собственную жизнь, хотя за мгновение до этого решили покончить с собой.
Удивление, поразившее Игоря, полностью перенеслось на его лицо – широко открытые глаза, полуоткрытый рот, отсутствие всякого понимания в глазах.
Решив развить «театральный номерок», я тихонько исчез в кустах, обошел мужчину с боку и тот самый момент, когда удивление лишило его возможности что-либо отвечать – выбрался из «укрытия» медленными уверенными шагами, чинно раздвигая ветки, он повернулся в мою сторону.
- Жизнь дается человеку не для того, чтобы обрывать ее ножом или подвешивать на деревьях. Иногда нектар жизни становится горек и невыносим, но делают его таковым не люди вокруг и даже не обстоятельства непреодолимой силы, делает его таковым сам

человек. Вы думаете, что во всех ваших бедах виновен шарлатан-волшебник, опутавший вас обманом, использовавший свои гипнотические силы, чтобы разорить все ваши сбережения, но разве это так? Кто понуждал вас идти к нему, кто заставлял верить, или может вам угрожали оружием в случае неповиновения? Нет, вы сами выбрали свой путь. Вы хотите сказать, что наблюдали все своим мозгом, но не могли совладать с телом, находились словно в туманном сне? Да, это так, но если бы вы, за свои тридцать лет потрудились развить в себе сколь-нибудь приличную силу сознания, то гипноз не возымел бы действия.

Суть моей задумки тут же подхватил Кирилл – подкрался к мужчине с другой стороны и, едва я закончил речь, вышел столь же эффектной походкой со словами:

- И в чем же вы видели решение ситуации? В самоубийстве! Вы решили наложить на себя руки – поступить как трус и слабак, хотя всю жизнь мнили себя сильным и волевым человеком. Вы даже не пытались бороться, не искали путей борьбы с гипнозом. Вы думали покончить с собой в городе, но там это было бы слишком заметно, вы не могли позволить себе, чтобы ваши близкие сказали о вас «повесился из-за шарлатана», вы решили, пусть лучше считают пропавшим без вести. И тут вы приняли поистине эгоистическое решение – сделать это в лесу. Вы не подумали ни о жене, ни о сынишке, которые видели, как вы чахнете, знали причину, но не могли предположить, что за планы вынашивает ваша голова. Ваша жена смогла бы воспитать сына, ей было бы очень тяжело, но она бы пересилила все, единственное, чего она не смогла бы дать ребенку – тот аспект Силы, который может передать лишь отец.

- Но самая страшная истина для вас заключается в том, что самоубийство не избавит от страданий, - продолжила Настя, - Вы знакомы с учениями о карме и перерождении, но вы не знаете, что Душа, перед тем как переродиться, живет в более тонком мире и, если она исполнена ненависти к своей жизни в частности и Жизни Единой, то ей, уж можете поверить, приходится крайне тяжело. Запомните это.

Мы переглянулись и стали медленно отходить назад, скрываясь в чаще леса, когда мы скрылись из поля зрения мужчины – быстро сменили свое месторасположения и, как оказалось, не напрасно. Игорь с полминуты сидел на корне дерева как статуя, затем вдруг сорвался с места, ринулся к кустам, из которых вышел я, осмотрелся вокруг – никого, к кустам Кирилла – никого, повертев испуганными глазами по сторонам, он схватился за сумку, наспех расстегнул ее.

- Запомни… - протяжно сказали мы из разных уголков леса, словно сговорившись.

Это было последней каплей: мужчина с криком бросил сумку и устремился в сторону города. Думаю, он решил, будто мы – духи и угрожаем ему, возможно, мы нанесли ему психологическую травму, но теперь он вряд ли захочет поднимать на себя руку.

Мы вернулись в имение, было далеко за полночь, поэтому мы сразу решили лечь отдыхать.

Утро порадовало нас дивным свежим воздухом, который обычно бывает после дождя. Порадовавшись прекращению осадков, а следовательно возобновлению тренировок у озера, мы позавтракали и отправились на прогулку. Гавриил не упустил случая пошутить над нашим «театральным номером», сказал, что теперь этот человек, даже если окажется один посреди океана, доплывет до берега, но не подумает сдаваться. Давид – тот вообще был в восторге от такого подхода к подобному заданию, лишь Алексей считал, что мы поступили слишком жестоко, он даже осведомился у князя, можно ли было решить эту задачу иначе?

- Разумеется, возможно, решений была масса, но друзья решили так, нанесли человеку удар. Скорее всего, ближайшие две недели он будет злоупотреблять алкоголем, поссорится с близкими, но в дальнейшем выправится, употребление алкоголя снизит до разумных пределов, вернет жену, ребенка, работу и уважение друзей, раз и навсегда заречется накладывать на себя руки и ходить по колдунам. Ты опасаешься, как бы этот мужчина не сошел с ума – и верно, многие бы не выдержали такой «театральный

номерок», но Игорь – крепкий человек, он выдержит, в этом друзья не прогадали. Алексей успокоился, извинился перед нами за то, что посчитал наше поведение слишком жестоким.
Далее мы рассказали Гавриилу о нашем разговоре с Орловым по поводу составленного списка преступлений, князь рассмеялся и сказал, что мы многое потеряли от того, что не видели лицо Федора в тот момент, когда все указанные события сбылись.
В остальном день прошел по «летнему» графику: тренировка-трапеза-отдых-тренировка. Думаю, далеко не всем людям пришелся бы по Душе такой распорядок дня, но нас он вполне устраивал: мы все любили боевые искусства, поэтому уделяли ему время с удовольствием.
Вечер же выдался весьма интересным – неугомонный Алексей не мог усидеть на месте, прокручивал в голове и на словах самые разнообразные сценарии будущего события, мы же сохраняли спокойствие, хорошо представляя себе ту «аудиторию», с которой предстоит общаться.
Так или иначе, подошло время отправляться в путь, мы наняли извозчика, указали место, уверили заботливого старичка, что нам именно туда и что опасностей мы не страшимся, и поехали. Наш пункт назначения находился в средней части города, один из темных переулков, ведущих с дороги во двор домов.
Бедняга Алексей старался держаться спокойно, но тот пожар мыслей, что бушевал в нем, было невозможно скрыть от нас. Юноша, к сожалению, был далек в своих мыслях от настоящей драки: полагал, что все негодяи замрут в изумлении в то время, когда он сойдется в эпической битве с одним из бандитов, а когда он, сокрушительными по силе ударами, сразит своего оппонента, вот тогда и наступит очередь прочих злоумышленников. Потом он вдруг решил, что вся банда нападет на него одного, и тут великий герой применит ошеломляющий удар ногой с боку, подкосив тем самым не менее трех-четырех злодеев.
- Леша, - окликнул его я.
- Что? – ответил тот не сразу, с трудом выбравшись из джунглей собственных фантазий.
- Сейчас лучшее, о чем ты можешь позаботиться – о боевом настрое. Постарайся сохранить ясность рассудка. Эмоции могут в тебе кипеть, помогая выделять адреналин в кровь, но голова должна быть холодна, расчетлива и спокойна. Если ты потеряешь голову, то можешь распрощаться со всей тактикой и стратегией боя, которую выучил у князей, ты просто не вспомнишь ее в экстремальной ситуации. Вдохни и выдохни спокойно, отбрось все картины битвы, что крутятся в твоей голове, сконцентрируйся на ощущении Силы в себе.
- Я… я постараюсь.
Да, с ним еще работать и работать, в бытовой размеренной жизни он вполне владеет своими мыслями, но перед лицом неизвестности – теряет всякий контроль. Картины боя его не покинули, он постарался сфокусироваться на Силе, но получилось, мягко говоря, не очень.
Мы прибыли на место, осмотрелись, во дворе, в переулке и на улице не было никого, кто бы мог подпадать под определение разбойника. Двор – самый обычный двор города: деревья, лавочки, беседка, в общем все на месте, переулок, как и водится, темный, мрачный, с тяжелой энергетикой, видимо, эта банда уже не первый раз промышляет здесь, единственное, что радует в таких местах – сильный ветер за счет сужения «коридора».
Осмотрев место грядущих событий, мы вышли на улицу, перешли через дорогу, отыскали ближайшую лавочку и оккупировали ее. Вскоре возле переулка показалось два человека, к ним, минут через пять, присоединились еще трое. Они обсудили что-то, затем двое остались рядом с местом встречи, один дежурил у входа в переулок, а двое скрылись в глубине.
Сумерки постепенно сдавали позиции перед ночной темнотой, прохожих на улицах становилось все меньше, Алексей становился все более взволнован.

Разбойники, наконец-то, дождались момента, когда мимо них проходил всего один человек. Дежуривший у входа окликнул его, тот остановился, тут же среагировали двое, стоявшие рядом и затолкали прохожего в переулок.
- Пора, - выдохнул я, уже представляя развитие и исход ситуации.
Мы двинулись к переулку. Чем ближе мы подходили, тем отчетливее слышались слова диалога. В основном они сводились к требованию отдать деньги и другие ценные предметы.
Когда же мы завернули за угол переулка, то нам представилась следующая картина: пятеро откровенных юнцов - думаю, один или двое из них еще доучиваются последний год в школе, остальные – ближе к нашему возрасту – довольно незаурядного телосложения, правда, парочка из них были плотными ребятами, но едва ли это были мышцы, окружили несчастного мужчину, прижали к стене и различными способами старались получить желанные богатства.
- Эй! – крикнул я, участники драмы повернулись, - Что же вы так опустились? Думаете прожить грабежом?
В мой адрес полетели весьма нелестные отзывы, угрозы и просто нецензурная брань, но подходить никто не решался. Зато решились мы, это сработало как красная тряпка на быка. Со всей злости ударив несчастную жертву в лицо, юноша отпустил мужчину, остальная банда сфокусировалась вокруг, как я понял, вожака и ринулась на нас. Перерезать этих юнцов я не собирался, поэтому шпагу не вытащил, думаю, они ее даже не заметили. В их навыке боя я был уверен, вернее в отсутствии этого навыка. Атака заключалась в том, что они разбежались и, кто как придумал, нанесли первый удар с использованием инерции тела. Были и такие, что решили подпрыгнуть, и ударить ногой в воздухе, но, надо ли говорить, что до такого удара даже профессионалам нужно дорасти, а тут… в общем цирк да и только.
На меня накинулся юноша, крепко сжимающий некое подобие ножа в руке. В качестве своей первой атаки он использовал колющий удар в грудь. Удар был не сложным, траектория просчитывалась просто, я немного сместился влево, схватил его правую кисть с оружием левой рукой, с силой потянул его по ходу следования удара, сам резко развернул бедра в эту же сторону – он упал на одно колено, но нож не выронил, тогда я схватил кисть второй рукой, мощно развернул таз обратно, добавив к этому движению давление на кисть вниз и в бок. Бедняга взвыл от боли, нож вылетел, кисть хрустнула. Не давая ему опомниться, я схватил несчастного за макушку и, кстати, за это мне было потом стыдно, с размаху ударил коленом в лицо – тот отключился.
Оглянувшись по сторонам, я заметил, что Настя зафиксировала своего обидчика на земле в какой-то луже, Кирилл ловко подцепил кулаком в челюсть одного – отправив его в нокаут, и планомерно переходил ко второму, а вот Алексей был прижат к стене градом весьма корявых ударов, медленно пятился назад, не рискуя наносить удары в ответ, я поспешил к нему.
Пока я спешил, бедняга успел получить сильный удар с правой руки в глаз. Обозначив свое положение параллельно стене, я сместил левую ступню, как показывал князь, и нанес серьезный прямой удар правой ногой. Юноша с силой припечатался к стене, удар пришелся в район печени, через мгновение он начал заваливаться в сторону, то есть на меня, за что и был «награжден» ударом локтя в голову.
Алексей раскрыл руки, увидел меня, улыбнулся.
- Уже все? – спросил он.
- Да, стой, не двигайся, - я подошел к нему, осмотрел левый глаз, юноша получил рассечение брови, и, разумеется, фингал, который проявится спустя некоторое время, - крепко же тебе попало, вот держи.
Подав Леше платок, я велел ему закрыть рану и не отпускать, пока не доберемся до имения. Тем временем Кирилл угомонил второго озорника, поэтому в итоге у нас был лишь один бандит, способный вести диалог, остальные были в глубочайшем нокауте.

Мы подняли его с земли, осмотревшись по сторонам, юноша понял, что положение его плачевно и начал что-то бормотать, выпрашивая пощады себе. Уверив его, что, если он будет вести себя смирно, то не пострадает, мы вывели бывшего грабителя из переулка на улицу, довели до «нашей» лавочки, усадили, начали разговаривать:
- Как тебя зовут? – спросил я.
- Павел.
- Меня Дмитрий. Павел, ты знаешь, что грабить людей – нехорошо?
- Знаю.
- Зачем грабишь?
- Денег хочу.
- А на работу пойти?
- Да я еще в школе учусь.
- Так учись, постигай науки, или тебе не интересно?
Юноша смотрел на меня глазами, выражающими лишь одну мысль: «Как бы отсюда поскорее скрыться?» но это не особенно действовало на меня.
- Интересно, - он, видимо, посчитал, что я хочу услышать ложь вместо правды.
- Нет, Павел, тебе не интересно, не нужно лгать, тем более полицейским.
Эта новость была для него шоком, в какой-то момент он даже решил, что я его обманываю, тогда я продемонстрировал свои документы и значок. Такой поворот событий и вовсе выбил юношу из колеи, теперь в его голове завертелись картины о тюрьме.
- Думаешь, мы собираемся посадить вас в тюрьму? Нет, вовсе нет, если только вы не задумаете повторить эту печальную практику грабежа, - юноша поспешил заверить меня сотней-другой обещаний, - Павел, не имей привычки перебивать человека, особенно когда тебе говорят нечто важное касательно твоей дальнейшей жизни, - бедолага покорно склонил голову, - Итак, я верю, что ты осознал все свои ошибки и собрался исправлять свое поведение, также я верю, что ты понял, что ожидает вашу компанию в случае рецидива. Теперь перед тобой стоит куда более сложная задача – убедить в этом четверых друзей, которые вот-вот очнутся. И, еще одно, у одного из них, предположительно, сломана кисть – отведите его к врачу так скоро, как только сможете, а пока следует обездвижить конечность, например, закрепить руку в неподвижном положении примотав ее к короткой палке. Все запомнил?
- Да, все.
- Повтори, что ты запомнил.
Павел все повторил.
- Хорошо, теперь иди ищи что-нибудь прямое и твердое, да, кстати, когда будете привязывать, то делайте поверх одежды и даже не пытайтесь ничего вправить назад сами.
Юноша счастливо выдохнул, обретя свободу, и устремился прочь от нас. Нам же предстояло найти экипаж и отправится в имение.
Сделать это было не трудно, мы устроились на сиденьях, указали пункт назначения и помчали по ночному городу.
Настя сидела как ни в чем не бывало, вроде бы это не она недавно «топила» человека в луже, хотя, к слову сказать, она была гораздо гуманнее Кирилла и меня, Кирилл рассматривал разбитые в кровь кулаки, справедливости ради следует сказать, что разбиты они были не сильно, меня заботила судьба того парня, который получил удар ногой, Алексей держал платок у брови, его глаз начал потихоньку опухать.
Бедняга был поглощен собственной, неожиданно объявившейся, трусостью, он полагал, что теперь мы отвернемся от него.
- Ну, друг, как тебе первое боевое крещенье? – спросил я.
Леша посмотрел на меня немного удивленно, он не ждал, что мы будем с ним разговаривать после случившегося, а если и соизволим, то только ради того, чтобы обвинить его в трусости.
- Весьма неприятные ощущения, даже не от того, что мне разбили бровь, а от того, что я

струсил.
- Мало ли что происходит с человеком, когда он впервые попадает в переделку, и потом, ты ведь не убежал, ты мужественно держал удары, отвлек одного из нападавших на себя – это тоже польза для общего дела. Но если ты уверен, что обнаружил трусость, то радуйся, потому что теперь ты знаешь, где она находится, и можешь ее исправить, превратить в храбрость.
- Да, верно, но как это сделать?
- Дело в том, - вступила Настя, - что страх подобных низменных вещей, как, например, драка, повреждение тела, открытая агрессия и прочее, возникает в человеке только тогда, когда нижние лепестки его сердечного центра закрыты. Если ты постараешься почувствовать их, то ощутишь боль в нижней части сердца физического. Чувствуешь?
- Да.
- А также ты чувствуешь, как в этой части сердца все шатко, все нестабильно и хрупко?
- Да.
- Теперь сфокусируй внимание сильнее и начни развивать в себе силу тех аспектов Любви, что спали в тебе до сих пор. И, пожалуйста, перестань думать, будто из-за твоего сегодняшнего поведения мы станем как-то хуже к тебе относиться – это, право, не по-дружески.
Алексей едва сдержал слезы.
- Спасибо, друзья, я постараюсь.
И юноша умолк до самого имения. В доме ему была оказана помощь, рана промыта и перевязана. Мы устроились пить чай, княгини не было с нами, зато был Гавриил, князь весело смотрел на нас, угощал редкими вкусностями и расспрашивал о прошедшем деле:
- Вижу, без пострадавших не обошлось, - шутил Гавриил.
- Алексея можно смело можно причислить к самым добрым и гуманным людям, а еще наградить за смелость вызвать гнев противника на себя, - отшучивался я.
- Это верно, гуманность сегодня не помешала бы, - князь переключился на меня.
- Да, мне до сих пор стыдно за те удары, что я нанес, но, даже не знаю как объяснить, может быть это мышечная память, может еще что-то, знаю только одно, движения выполнялись почти автоматически.
- Мышечная память – это, конечно, хорошо, но любой автоматизм должен быть оправдан. С другой стороны, уверен, что теперь эти люди семь раз подумают, прежде чем грабить кого-нибудь. Тем не менее, сегодня каждый из вас выучил собственный урок.
- Точно, - сказал Алексей, - а еще я понял смысл твоей фразы вчера, касательно того, что я не захочу в ближайшее время участвовать в решении этих поручений. Ведь я, и в самом деле, больше не хочу. Я понял, что должен еще много тренироваться, прежде чем браться за подобные дела.
Мы еще немного поговорили и отправились на отдых.
Следующее утро выдалось чудесным: солнце, легкий ветер, серебряная роса на траве и листьях, казалось, будто лето вернулось. Позавтракав, мы погуляли по саду, а затем начали тренировку. Сегодня Алексей упражнялся с тройным усердием, за что и снискал наши комплименты и шутки. Его левая часть лица значительно опухла, фингал светил не хуже солнца. Гавриил назначил ему какие-то компрессы, смоченные специальным составом, потому «ранение» заживало значительно быстрее, чем обычно.
Любопытный Давид не замедлил расспросить нас о «подвиге» во всех деталях, пожалел, что его не было рядом, но утешился тем, что все мы вернулись без серьезных ранений.
День прошел по прежнему графику. Разрабатывая план борьбы с сектантами, которые, видимо, просто мечтали пожертвовать своему идолу – древнему демону – трех петухов, притом сделать это нужно было обязательно рядом с кладбищем, в полночь, на поляне, покрытой травой, мы решили, что это – ни кто иной, как подростки, начитавшиеся дурманящей литературы, и меры к ним следует применить соответствующие.
Итак, дождавшись ночи, мы отыскали извозчика, разбудили его, сказали, что нам срочно

нужно прибыть на кладбище, улыбнулись его осуждающему и непонимающему взгляду, забрались внутрь и покатили к месту.
И почему именно на кладбище, почему в полночь? Да, я определенно чего-то не понимаю в этих темных обрядах. Конечно, не сложно было предположить причины такого выбора, но, на мой взгляд, результат вовсе не окупает затраченных усилий. Однако, молодых оккультистов можно понять, они ведь таким образом выражают протест против традиционной религии, против родителей и устоев морали. Видимо, возраст у них такой – быть в оппозиции ко всему общепринятому. Конечно, я и сам был не в восторге от общепринятых взглядов на мир и человека, но, по крайней мере, я их не отрицал, вернее так: мое мировоззрение было значительно шире, чем эти взгляды.
Мы осмотрели место: поляна рядом с кладбищем, вокруг немного деревьев, кусты, тихо, мрачно – в общем, идеальное место для засады, особенно ночью. Было решено напугать «колдунов», тем более что для нашего «актерского трио» это не первый «номер». Мы рассредоточились по местам и начали ожидать начала представления.
Начало обозначилось довольно скоро: объявилась, как мы и ожидали, группа подростков, разодетых в такие причудливые одежды, что им в самую пору сейчас быть на карнавале, принесли с собой три мешка с кукарекующим содержимым, и, конечно же, ритуальную чашу и ритуальный нож, вязанку дров. Заводилой среди них был юноша, не выделявшийся какими-то физическими данными, но имевший существенный авторитет среди ребят, это было видно по тому, как все беспрекословно выполняют его команды. Юному командиру нравилась его роль, он даже несколько раз специально отдал лишние распоряжения, только ради того, чтобы еще раз насладиться собственной властью. Костер был разведен и, наконец, все шестеро «колдунов», из которых, к слову сказать, трое девушек, встали согласно «великому канону тьмы», возвели руки к небу, заговорили на каком-то непонятном языке, громче всех взывал и размахивал руками, разумеется, «магистр». Наконец, время песнопений кончилось, и настала пора пролить кровь.
Один из ребят достал первого петуха, девушка поднесла чашу…
Неожиданно для «колдунов» раздался лязг стали, словно меч вытащили из ножен, притом вытащили его очень медленно, ребята переглянулись, все стихло, они, было, продолжили, теперь захрустели ветки, будто их кто-то специально ломал. Они, судя по всему, решили, что это – благоприятный знак, мол, так демон показывает, что он их слышит, поэтому решили продолжить.
Будучи не вправе допустить смерть бедной птицы, я взял ветку и кинул в ребят, с прицелом в «магистра», однако с метанием предметов у меня, как оказалось, не очень, и ветка угодила в живот юноши, несущего петуха.
Тут ребята уже призадумались, «магистр», чтобы поддержать свой авторитет и сбавить вспыхнувшее волнение, сказал, что это все – проделки хулиганов, и что он сейчас их прогонит, и в самом деле направился в мою сторону.
Предвидя подобный ход развития событий, я аккуратно лег на правую сторону спины, поджал ноги и затаился в ожидании юноши. Не сложно было понять, что он пойдет именно по той тропинке, на которой я его караулил, ведь других тропинок просто не было, кусты были плотными.
И вот, облаченный в ритуальную черную мантию, с ножом в руке и страхом в глазах, юноша шагнул в пугающую неизвестность лесной чащи, не успел он скрыться из поля зрения друзей, как вдруг получил два удара: один по ступням спереди, второй по коленям сзади. Такой неожиданный поворот событий обрушил его на землю лицом вниз и сильно напугал, пытаясь подняться, он начал кричать, видимо считал, что к нему прибудет помощь, однако, в ответ на его крик из куста вылезла, перепачканная в земле, рука и схватила его за шею, в глубине куста сверкнули яростью глаза демона. Юноша на силу отбился от руки, кое-как поднялся на ноги и бросился наутек. Впечатленные его испуганными криками, ребята последовали его примеру, оставив на поляне бедного петуха, два мешка, чашу и костер.

Мы вышли из укрытий, я чуть позже остальных, потому что искал нож.
- Дима, что ты там с ним такого сотворил, он кричал, будто его режут, - поинтересовался Кирилл.
- Ничего особенного, сбил его с ног и немножко схватил за шею испачканной в земле рукой.
Друзья рассмеялись.
- А пачкать-то было зачем?
- Ну как, вдруг он решит, что я восстал из могилы, мы ведь на кладбище, а пока, значит, я откапывался – испачкал руки.
- Да ты актер.
- Все мы – актеры, но до этих профессионалов нам еще расти и расти, они вон как подготовились: нож, петухи, чаша, даже костер забыли потушить – до чего вошли в роль.
- Это верно, а нам остается лишь учиться у «мастеров» и убирать реквизит.
Мы затушили костер, отпустили птиц, забрали чашу, нож и отправились в имение.
Гавриил ожидал нас с готовым горячим чаем, не зная, что делать с чашей и ножом, мы передали их князю, он сказал, что позаботится об этих вещах. Завтра нам предстояло посетить проворовавшегося гипнотизера, благо, делать это нужно было днем, и находился он в средней части города, а не в лесу на кладбище.
Утром, после завтрака, мы, как обычно, пошли прогуляться по саду. Давид, с неиссякаемой энергией любопытствовал о прошедшем деле, охотно комментировал рассказ, а кульминационное удовольствие он получил от подробностей про перепачканную в земле руку и реакцию «магистра». Но, посмеявшись, чтобы не потерять славу доброго человека, сказал:
- Вы эдак всех людей в городе заиками сделаете, хотя я, право, не знаю лучшего решения этой ситуации. Если бы вы их просто прогнали – они бы не утратили интерес к подобным ритуалам, а теперь они надолго забудут эти фокусы, неприятно только, что нашим оружием в этом деле является страх.
- Согласен, страх – не самый лучший союзник, но порой сознание человека настолько закрыто для чего-то Светлого, что приходиться пробиваться к нему подобными способами. Точно так же жизнь пробивается к закрытому сознанию человека через травмы, ночные нападения, прочие несчастья. Если человек не в состоянии возвысить сознание настолько, чтобы с великой силой переживать осознание Гармонии и Света, тогда ему дается то сильное переживание, какое он может вместить, потому что сильное переживание всегда ведет к изменениям в мировоззрении. Может быть, таким людям как князья не вызвало бы сложности переломить сознание этих молодых ребят простым разговором, но, к сожалению, мы пока не в состоянии сравниться с ними.
- Учитывая твое красноречие, полагаю, что ты лукавишь, - шутил Давид.
- Что, что?! – подхватил шутку я, - Вы оскорбили мою честь! Лишь меч рассудит нас!
- О, извольте.
В самом деле, тренировка вскоре началась. Спарринг с Давидом – всегда интересное занятие: если в повседневности он весел, много шутит и разыгрывает, то в битве – суров, точен, силен и не прощает ошибок. Думаю, вот этот второй Давид-воин и есть истинный, а первый – лишь роль, которую он играет в обществе.
Редкий случай, на сегодняшней тренировке Кириллу попало по пальцу – мы уже давно фехтовали без перчаток, поэтому удар был ощутимым и даже немного разорвал кожу – друг отдохнул пару минут и снова взялся за оружие. Не знаю, что было причиной такого события: может он устал, не выспался, а может просто расслабился и посчитал себя неуязвимым.
После тренировки мы немного погуляли, затем пообедали и отправились к горе-пророку. Сей «мастер» расположился в одной из квартир четырехэтажного дома. Рядом с дверью стояла лавочка, на ней сидел довольно молодой мужчина, видимо, ожидал своей очереди, мы устроились рядом.

Мужчина ближе к тридцати годам, худой, темноволосый, был не рад нашему соседству, но явно этого не показывал. Вообще, думаю, он относился к тому типу людей, которые только и мечтают, чтобы скрыться в темный потаенный угол, где бы их никто никогда не смог найти, а если им приходится сносить на себе чье-то внимание, то это для них сродни пытке. Худые, длинные пальцы со слегка сплюснутыми подушечками могли свидетельствовать о том, что мужчина усердно упражняется в игре на пианино. Одет ожидающий был в довольно дорогой костюм, но сидел он на мужчине, прямо скажем, неважно: будто бы на размер или два больше. Однако, ногти чистые, руки никогда не знали боксерского мешка, высохших капель на ботинках и штанинах было совсем мало, значит либо он проявил верх аккуратности в маневрировании между лужами, либо доехал, наняв извозчика. Маленький подбородок, овальное лицо, плавные брови – я сделал вывод, что этому человеку не помешало бы развить в себе волю.
В скором времени дверь гипнотизера открылась, вышла женщина лет сорока, полноватая, с восторженно-потерянными глазами.
- Следующий, - произнес слащавый женский голос.
Мужчина воспринял это приглашение, как спасение от нашего внимания и исчез в глубине комнаты, дверь закрылась.
Пока страждущему «вычищали мозг», а заодно и кошелек, от разных ненужностей, мы решали, кто же пойдет на прием. Друзья решили, что лучше меня кандидата нет, потому что я уже бывал в подобных комнатах, а тут ведь не просто шарлатан, но еще и гипнотизер. А я – так и вовсе всегда был готов повеселиться, вобщем решение было единогласным.
Мужчина вышел из комнаты с тем же выражением глаз, что и женщина, тот же слащавый голос завлекал клиента, я вошел, за мной закрылась дверь.
На этот раз комната была хорошо освещена огнем, окна, как и водится, скрыты под плотным покровом штор, острый запах каких-то благовоний, словно хозяину не нравится свежий воздух осени, опять же, «театральная» бутафория в виде камешков, кристалликов, каких-то побрякушек и прочей ерунды. Венчал эту картину мужчина в расшитой мантии за столом, женщина – его ассистентка – проводила меня к столу, усадила в кресло, а сама удалилась в другую комнату, видимо, чтобы не мешать нашей беседе.
Меня поприветствовали, я ответил взаимностью. Повисла небольшая пауза, думаю, мужчина выжидал время, чтобы произвести на меня какое-то загадочное впечатление, а я, тем временем, хорошенько его рассмотрел: ему было чуть больше сорока, из под черно-золотого капюшона выбилась прядь черно-седых волос, приятной внешности, с орлиными бровями, немного выпученными глазами – видимо, он был близорук, или от усердного развития гипнотического взгляда – орлиным, опять же, носом, аккуратным ртом и твердым, прямоугольным подбородком. На руках красовались кольца и перстни, а так же вздувшиеся вены, думаю, он, прежде чем стать колдуном, очень много трудился физически.
- Итак, что привело вас ко мне? – голос мужчины пытался звучать загадочно.
- Молния, - сказал я, решив пошутить по полной программе, прикинувшись богатым безумцем.
Такой ответ поразил мужчину, в самом деле, как молния, с его лица даже слетела маска загадочности, правда случилось это лишь на миг, колдун быстро вспомнил, что ясновидящим полагается знать будущее, настоящее и прошлое, вновь одел надменность и невозмутимым голосом продолжил:
- Что же вы увидели в этом явлении природы? Как оно натолкнуло вас на мысль прийти сюда?
- Дело в том, что когда я стоял перед окном в спальной на втором этаже особняка, увидел, как молния низвергает свою мощь на землю, озаряя светом все вокруг – тут же понял, что и человеческое сознание должно быть просветленным.
Детали про особняк я добавил не случайно, в глазах гипнотизера загорелась искорка,

жаждавшая наживы.
- Вы абсолютно правы, каждый человек заслуживает просвещения, вы верно истолковали знак судьбы.
- Так это был знак судьбы?
- Конечно! Я даже осмелюсь предположить, что… - мужчина изобразил волнение в глазах, будто бы он и сам верил в то, что говорит.
- Что?
- Вы – избранный.
Нет, я себе поражаюсь в такие моменты, и как я мог сдержать смех? Не подавая виду, я утвердительно кивнул головой, вроде как соглашаясь со своей избранностью. Мужчина решил, что его трюк сработал, поэтому перешел к решительным действиям.
- Это большая честь для меня, встречать у себя избранника Жизни. Но, постойте, вам ведь грозит опасность, вот смотрите!
Он бросил на стол горсть каких-то костей, подозреваю что куриных, провел над ними правой рукой. Наверно, это должно было как-то повлиять на меня и, должен признать, повлияло – я был готов взорваться от смеха. Однако нет, я сдержался, но если он сейчас начнет размахивать перьями павлина – это меня добьет совершенно определенно.
- Вы видите! Кости легли на север, а лопатка на запад!
«И что мне теперь, под стол залезть и кричать уйдите демоны?» - подумал я про себя, друзья в коридоре засмеялись, как я понял – они прочли эту мысль.
- И что это значит?
- Это значит, что на вас надвигается беда. Силы тьмы пытаются испортить вашу карму. Вы, должно быть, уже сталкивались с предвестниками этих сил.
- О да, не так давно мне пришлось повстречать грабителей в переулке.
- Вот, вот видите! Хорошо, что остались живы.
«Хорошо, что они остались живы, особенно тот, которому в печень ногой попало» - подумал я.
- Верно, хорошо, что все остались живы.
- Так вот, - мужчина подошел поближе ко мне, заглянул в глаза, сфокусировал свой взгляд на моем правом зрачке, - вам совершенно необходимо заручится поддержкой могущественного помощника…
Дальше он пытался меня загипнотизировать, благо, князья рассказали, как с этим бороться, поэтому я сидел, смотрел ему в глаза, а сам вспоминал Михаила. Неожиданно, слух пропал, ум стал необыкновенно ясен, мысли стали мелькать быстрее молний, я словно знал все, все было мне под силу. «Смотри» - шепнул мне голос князя, и я увидел, как в соседней комнате женщина, которая провожала меня до кресла, записывает все, о чем мы тут говорим, каким-то невероятным образом я узнал, что эти данные потом используются для давления на клиентов и отнимания денег, так же я, опять же неведомо как узнал, где хранятся все предыдущие материалы-компроматы.
Видимо, пока длилось мое видение, тело и впрямь приняло вид загипнотизированного, поэтому колдун смело перешел в активную фазу:
- Вам придется взять все свои сбережения и передать их в надежное место, в наш тайник, мы сможем встретиться с вами сегодня в полночь. Верьте мне, вот смотрите, - мужчина поднес мне к лицу свою руку, - убедитесь сами, у меня на руке пять пальцев, я всегда говорю правду.
- Лжешь, собака, четыре! – сказал я, должен признаться, меня даже немного возмутила наглость этого подлеца.
Мужчина растерялся, его лицо вытянулось и побледнело, он судорожно посмотрел на свою руку, проверяя количество пальцев.
Опять же, сознаюсь, во мне возникло желание всыпать ему так, чтобы он позабыл этот скверный промысел. Но, решив, что это говорит во мне гнев, я решил пойти другим путем.

- И многих вы так обманули?
- Я… что… но как?
- А так! - я продемонстрировал мужчине свой значок, - Вы и ваша помощница пройдете со мной и пусть она прихватит все те компроматы, что уже успела записать на других людей.
Мужчина стоял в нерешительности, он метался между мыслями: подчиниться мне, наброситься на меня или кинуться бежать. К сожалению, он выбрал последний вариант.
- Кирилл, задержать! – успел крикнуть я.
Дверь распахнулась, в следующее мгновение друзья вбежали в комнату, Кирилл нацелил свою шпагу прямо в сердце беглецу.
- Что ж, придется его связать, а то буйный слишком, - предложил я, затем посмотрел на дверь в соседнюю комнату, - Скоро буду.
Гипнотизер пустыми глазами наблюдал, как я пересекаю комнату, как открываю дверь, как его сотрудница, почуяв опасность, клялась, что расскажет все и про всех, отдаст все материалы, лишь бы только ее не посадили.
- Этак нам понадобиться целая карета, - сказала Настя, - Вернусь, как найму подходящую.
- Верно, мы последим за волшебниками.
Настя ушла, мы усадили горе-гипнотизеров на диван, связали руки мужчине какой-то побрякушкой, имеющий в своей основе веревку.
- Послушайте, признаю, вы победили, но зачем же все так усугублять? Мы богаты и готовы поделиться, - сказал мужчина разбитым голосом.
- Ах вы готовы поделиться? – начал я, - Чем? Крадеными деньгами? Да вы хоть знаете, что в субботу из-за вас чуть не повесился человек? Что вы разрушили его жизнь? И это лишь один человек, а скольких вы обманули? И к чему вас это привело? Запомните, хорошенько запомните, краденые, кровавые и лживые деньги никогда не приносят радости и счастья. Знаю, вы злы, вы не понимаете, как мне удалось уйти от ваших чар, но этого я вам не скажу, по крайней мере до тех пор, пока не буду уверен, что вы бросите это мерзкое дело.
- Да что вы понимаете в жизни, в страдании, в заработке? Сколько вам лет вообще? Уверен, у вас богатые родители, пристроившие своих дитяток на хорошую работу, обеспечившие вас всем. А я… Я трудился с детства от зари до зари: сперва на полях, потом в мануфактурах, а вы знаете, какие там условия труда? Да откуда вам… - мужчина махнул на нас рукой, - Или вы думаете, что у меня вены на руках повздувались от хорошей жизни? Конечно, я согласился, когда мне предложили хорошую жизнь лишь в обмен на то, что я буду внушать людям всякую ерунду, меня научили простейшим приемам гипноза, купили квартиру, дали хороший процент от каждой удачной жертвы. Вы думаете, мне нравилось грабить людей? Нет! Но пуще этого я не хотел возвращаться к прежней жизни.
- И поэтому вы решили, что лучше будет сгубить десятки, а может и сотни других жизней? Вы, как палач, который, желая избежать пыток, сам взял кнут и нож, сам пытает других. Вы говорите, что вам не нравилось грабить людей? Так было лишь в первые дни, потом вам это стало приносить удовольствие. Хотите скажу почему? Потому что вы видели, что грабите богатых, обеспеченных, вы мстили им за то, что их детство было, как вам казалось, много лучше вашего. Что их жизнь проходит в достатке. Вы пытаетесь надавить на жалось, изобразить из себя жертву обстоятельств, а сами, вы только представьте это со стороны, сами пытаетесь загипнотизировать моего друга, внушить ему броситься на меня. И после этого вы ждете, что я буду верить вам? Вы думаете только о себе, и ради личного блага готовы перешагнуть через убийство.
Мужчина тяжело опустил голову на руки, я на всякий случай следил, не вздумает ли он зубами развязать веревку, к счастью – он не вздумал.
- Вы знаете, я не стану отпираться, мне уже ясно, что вы видите человека насквозь, но скажите, откуда у вас такая власть?
- Вы еще не видели истинной власти, я лишь делаю первые шаги в самопознании, если вы

когда-нибудь решите заняться этой величайшей наукой – начните с книг (я назвал книги Кости).
Вскоре появилась Настя, мы доставили колдунов в участок, Федора тревожить не стали, потому передали эту парочку в руки ближайшего полицейского, объяснив кто мы, в чем подозрение и бумажные материалы.
Прибыли в имение, поделились впечатлениями с Давидом, Алексей все еще носил следы драки, но, надо сказать, компрессы значительно облегчили процесс восстановления. На тренировках юноша использовал лишь мечи, на время прекратив участие в спаррингах, думаю, он опасался попадания в болезненную зону.
В общем день прошел как обычно, ближе к ночи мы разошлись по комнатам.
Этим утром, после завтрака и прогулки, Гавриил решил потренировать нас отнимать оружие или разоружать противника. Мы, конечно, изучали это, но больше концентрировались на самом бое, поэтому теперь, если можно так сказать, восполняли пробелы.
После тренировки мы обдумывали сегодняшнее дело, ведь нам предстояло войти в дом к незнакомой женщине, да еще и убедить ее в том, что мы можем справиться с ее ночными видениями. Мы, конечно, знали, как ее зовут – Галина Альбертовна – однако это довольно скромный козырь.
Отобедав, мы решили навестить ее, чтобы не вваливаться ночью. Галина жила в средней части города, в квартире одного из трехэтажных домов, если быть точнее – на втором этаже, в конце коридора.
Дома ее не оказалось, мы расспросили соседей, оказалось, что она работает в одном ресторане в верхней части города, а ее муж на какой-то мануфактуре, вроде бы кузнецом.
Что ж, мы отправились в ресторан, разыскали Галину, она оказалась работником обслуживающего персонала. Мы попросили ее уделить нам некоторое время, она согласилась, но сначала ей нужно было отнеси заказ, мы устроились за свободный столик, заказали четыре чашки чая и немного съестного. Вскоре подошла Галина, мы усадили ее за столик, угостили чаем. К слову сказать, она оказалась молодой, около двадцати семи лет, женщиной, довольно привлекательной внешности, светлые волосы, голубые глаза, правильные черты лица, аккуратные руки, стройная фигура, немного смущали мешки под глазами, словно она недосыпала.
- Мне очень приятно, что такие представительные люди заинтересовались мной, но позвольте узнать почему? – обратилась женщина.
- Видите ли, мы, если можно так сказать, заботимся о том, чтобы люди в этом городе могли спать спокойно по ночам, - сказал я, наблюдая за реакцией женщины, и был прав, едва я упомянул про сон, как она непроизвольно сжала грудь, как бы стараясь защитить сердце, - По ходу нашей деятельности нам приходилось сталкиваться со всякими вещами: ночные грабители, мошенники, аферисты, убийцы… Но иногда приходится расправляться с вещами, не укладывающимися в сознание простого обывателя: разные ночные визитеры, - женщина вздрогнула, - духи, и прочая нечисть, скрывающаяся во тьме.
- С чего вы взяли, что ко мне является нечисть по ночам? – выпалила женщина, не дав мне завершить речь.
- Разве я это сказал? Насколько я помню, мой рассказ был в целом о нашей деятельности, это вы прервали его приняли на свой счет. Логичней было бы спросить у вас: кто же является к вам по ночам?
Женщина смотрела на меня с подозрением, пару раз взглянула в сторону, желая уйти.
- Галина Альбертовна, если вы сейчас решите уйти, я не стану вас задерживать, но подумайте, кто поможет вам справиться с этой напастью? Все это время вы считали ненормальной себя, когда вы рассказали о своих видениях мужу – он решил, что вы переутомились на работе. А теперь мы перед вами, предлагаем помощь, и что делаете вы? Вы пытаетесь казаться «нормальной», сделать вид, будто мы втроем сошли с ума. Но зачем? И вы и мы прекрасно знаем, как обстоит ситуация на самом деле. И, прошу вас, не

пытайтесь лгать ни мне ни себе. Вот, например, сейчас вы удивлены, как я все это узнал и полагаете, что мы повидали его прежде, даже, в глубине Души, подозреваете, что он нас и подослал к вам. Тогда ответьте мне, эти ваши мысли тоже открыл нам ваш муж?
Лицо женщины вытянулось, она смотрела на меня, совершенно не понимая ни кто я, ни чего я хочу. Будто молния, меня пронзило воспоминание о нашем Величайшем Учителе – Михаиле, и я осознал, еще и еще раз осознал, что провожу эту встречу от ума, перекладывая и расставляя по полочкам факты в жизни этого человека, но не умею подать ему тепло своего сердца, я поблагодарил Учителя за помощь и от всей Души решил раскрыть свое сердце этой женщине. Лучики Любви потекли к ней потоком от нас троих, пробивая себе путь через тяжелую ауру горя, наконец, лучики коснулись сердца Галины и… она заплакала.
- Что вы, не плачьте, все хорошо, вот, возьмите, - я подал ей платок, женщина взяла его правой рукой, а левой сжала мою руку.
- Сударь, кто вы? Я в жизни не сжимала столь дивной руки, вы словно вливаете в меня силы, какую-то новую уверенность и спокойствие.
- Меня зовут Дмитрий, это Анастасия и Кирилл, не спрашивайте наших отчеств, обращайтесь по именам. И если вы чувствуете, как в вас входит сила, то будьте уверены, что это не только моя сила, но сила нас троих и наших друзей. Это долго объяснять, если вам будет суждено познать эту сторону жизни, то вы когда-нибудь встретите человека, похожего на нас. Вы можете не отпускать мою руку, но расскажите все в деталях о вашем визитере.
Теперь женщина смотрела на нас, как на что-то Божественное, смахнула слезу и начала рассказ:
- Все началось лет пять назад, тогда я еще не была знакома с Августином, мне было двадцать два года, и мы с подругами решили погадать. Ну, вы знаете, это простое гадание на жениха, на судьбу, на все подряд, нас тогда сильно привлекало все необычное. И вот, ночь, зима, мы собрались в моей квартире, оставили только минимальное освещение, гадали на воске, потом на блюдечке, а потом… - женщина опустила голову, проглотила комок слез, подступающих к горлу, - потом Ирка предложила погадать с зеркалом, вызвать духа, и мы вызвали… Что сказать, он нас до смерти перепугал, я недели две ночевала у подруг, но домой не совалась. Потом все-таки решилась. Зашла в квартиру днем – никого не было, только следы от наших гаданий. Я немного успокоилась, все прибрала, но чем темнее становилось, тем сильнее меня одолевал страх, я зажгла все, что только может давать свет, занавесила зеркало и только так решилась спать. Первый месяц все было хорошо, никто и ничто не преследовали меня, мне даже стало казаться, что нам все привиделось, как вдруг… - Галина всхлипнула, - одной ночью я проснулась от странных звуков, будто кто-то дышит прямо в ухо, мне было страшно повернуть голову, очень страшно, но я сделала это, повернула голову – никого, все прекратилось. Только я начала засыпать – раздались шаги, скрип пола, будто кто-то ходит в глубине комнаты. Я наспех зажгла свечу и увидела исчезающий во тьме силуэт. Это был мужчина, во всяком случае, я так думаю. Высокий, широкоплечий, с чудовищными красными глазами – это был не тот дух, которого мы вызвали через зеркало, но, не знаю, как это объяснить, я уверена, что он как-то связан с тем ритуалом. С тех пор он приходил почти каждую ночь, поначалу молчал и исчезал при свете огня, но потом… - женщина заплакала, на нас стали огладываться.
Увидев страшную картину, хранившуюся в сознании Галины, я попросил ее не продолжать, суть этой картины, если выбрать выражения помягче, сводилась к тому, что Галина была не безразлична этому существу как женщина мужчине.
Попросив друзей вывести женщину на свежий воздух, я разыскал заведующего этим рестораном, сказал ему, что из полиции и что на сегодня вынужден забрать Галину, потому как она оказалась очень важным свидетелем, предупреждая вопрос заведующего, сказал, что остальная информация не подлежит огласке в интересах следствия.

- Галина Альбертовна, - обратился я, устраиваясь рядом с ней на скамейку, - сегодня у вас выходной, ваш начальник любезно предоставил вам отдых сегодня. Правда, для этого я сказал ему, что мы – труженики правопорядка и вы нужны нам как свидетель. Вы ведь являетесь свидетелем тех событий, что описываете. Так же я сказал, что в интересах расследования мы не разглашаем никакой информации касательно этого дела, поэтому и вы, когда он будет интересоваться, скажите, что строгие блюстители порядка строго-настрого запретили говорить об этом деле.
- Дмитрий, - сказала женщина сквозь слезы и взяла меня за руку, - вы – чудо.
На этот раз за руку она меня взяла, как мне думалось, зря, ведь до сего момента это была лишь Настина привилегия, я извиняющимися глазами посмотрел на Наставницу, она улыбнулась и шутливо погрозила пальцем.
- Итак, что происходило потом?
- После того, как он впервые…?
- Да, после того, как он проявил к вам больше внимания.
- Он стал появляться все чаще и чаще, для того, чтобы хоть как-то защитить себя, я вышла замуж, но это лишь усугубило все дело – ведь теперь я не могу просто так пойти ночевать к подругам, муж спит крепко, а этот призрак умеет насылать на меня паралич, что я ни крикнуть ни шевельнуться не могу, - женщина опять заплакала.
- Вы перепробовали все средства, обили пороги всех гадалок, но ничего не помогло, так?
- Да, верно, я же не знала, что есть специалисты вроде вас, и уж тем более не ведала, где вас найти. По правде сказать, от этих гадалок стало только хуже, они все в один голос заявили, что на мне смертельное проклятие, и что они с этим связываться не собираются.
- Теперь вопрос довольно щепетильный, возможно ли организовать вечер и ночь так, чтобы ваш муж не находился в квартире, или, по крайней мере, не мешал.
- Дайте подумать… Неудобно говорить, но он не прочь выпить, я бы могла сказать ему, что мы с подругами сегодня решили посплетничать вечерком, поэтому он может с друзьями отдохнуть – да, он придет под утро пьяный до последней степени, с цветами и извинениями, опять я буду терпеть всю эту пьяную дурь, но, по крайней мере, если все получится, я буду спать спокойно.
Надо сказать, пьянство мужа меня озаботило куда сильнее, чем разгулявшийся демон, погрузившись в глубокие думы, я разработал один, довольно интересный план.
- Дмитрий? Вы расстроены?
- Нет, напротив, думаю, мы сумеем побороть и вашего призрака и «зеленого змея».
Друзья уже знали мой план, Настя его поддерживала, а вот Кирилл смотрел на меня, будто на сумасшедшего.
- Не знаю, как у вас это получится, разве только если вы – Ангел, - в глазах женщины загорелась надежда.
- О нет, разве Ангел ходит по земле как человек? Мы – такие же люди как вы, только знаем нечто такое, чего неизвестно вам. Итак, в какое время нам лучше подъехать к вам?
- Думаю, часов в восемь, а может в девять. Я дам вам знак, подойду к окну и сделаю свечой крест, - вдруг женщина остановилась, с выражением полного удивления посмотрела на меня, - Так вы знаете, где я живу?
- Разумеется.
- Но, как?
- Это – наша работа. Однако, не стоит терять времени, вам лучше отправиться домой и приготовится к сегодняшнему вечеру, нам тоже есть чем заняться до девяти вечера.
Галине не хотелось нас покидать, но и трусость свою она показывать не хотела, поэтому попрощалась с нами и направилась домой, мы тоже поехали в имение.
- Дмитрий, полагаешь, что идея с пьянством мужа сработает? – обратился Кирилл.
- А почему нет. Если я правильно представил этого человека, то он обязан бояться всякой нечисти, хоть и храбрится на людях.
- Да, но мы снова используем страх.

- Верно, но если и вовсе изнежить человека заботой, то он не станет бесстрашным, вспомни, в какие передряги отправляли нас князья, редкий человек бы не испугался. Чтобы закалить нас, они использовали как раскаленный огонь, так и молот и наковальню. Мы не погубим этого мужчину подобным маневром, после мы можем постараться объяснить ему вред пьянства, а может это сделает жена. Так или иначе, но, я уверен, он столкнулся бы с темными сущностями, например, перебрав в трактире.
- Возможно, я еще слишком лично все воспринимаю, но мне этого пока не понять.
- Для меня тут все просто – мы, если можно так казать, «малой кровью» изничтожаем пагубную страсть человека, пока она не поглотила его полностью. А если поглотит, то крови мало уже не будет. Последствия этой страсти проявятся и в этом и следующих воплощениях: человек будет привязываться к алкоголю, едва попробовав его на вкус. Если же мы будем следовать моему плану, то мужчина получит усиление страха касательно нечисти, но очистится от алкоголя. Усиленный страх пройдет гораздо скорее, нежели вековое рабство алкоголя.
- Что ж, я вижу логику в твоих словах, давай попробуем.
- А теперь, может быть, поразмыслим над тем, как победить это существо? – сказала Настя.
- А что здесь сложного? – спросил я.
- Сложность в том, что нам не нужно его ликвидировать, если мы собрались действовать по предложенному плану.
- Значит, нам нужно поймать его и выдвинуть ультиматум, заставить его дать слово.
- Что толку от этого слова? – возразил Кирилл, - Демон, или кто он там, крайне лживое существо.
- Все так, но если он не сдержит слово, то мы сможем использовать этот информационный канал, чтобы найти и прикончить его, - пояснил я, - И демон это знает, хорошо знает.
- В качестве ловушки предлагаю следующее: нам следует окружить его, если точнее – образовать треугольник: мы – как вершины, он – в центре, затем, по часовой стрелке будем передавать друг другу все то Светлое, что есть в нас, таким образом, мы создадим вихрь – некую сферу Света, сквозь которую этому существу не пройти. И еще, я думаю, что он использует зеркало для того, чтобы войти в плотный мир, мы бы могли вспомнить сакральную геометрию и начертить на зеркале такой символ, который просто не впустит его обратно в зеркало, а можно просто сдержать его волей.
- Мне больше по Душе сдержать его волей, - сказал я.
- Мне тоже, тем более что я не знаю сакральной геометрии и, пуще того, не представляю, как мы успеем нарисовать на зеркале что-либо, прежде чем демон уйдет. Ведь, если мы начертим символы до появления нечисти, то он и выбраться не сможет, - отозвался Кирилл.
- Хорошо, значит, действуем через волю, - подытожила Настя.
Мы добрались до имения, поупражнялись в передаче энергии друг другу, как предложила Настя, немного перекусили, чтобы голод не одолевал нас и, в то же время, пищеварительные процессы не перетягивали на себя значительную часть энергии. Алексей и Давид с интересом расспросили нас о грядущем деле, выразили приятные напутствия, но свою помощь не предложили: Давид – потому что занят работой, Алексей – потому что ему хватило.
Ближе к девяти мы собрались в путь, наняли извозчика, добрались до места, устроились под окнами Галины. Минут через десять она выглянула в окно, увидела нас, улыбнулась, но для порядку все равно сделала условный жест свечой.
Мы поднялись на второй этаж, вошли в квартиру, закрыли дверь. Женщина смотрела на нас, как на нечто невероятное, думаю, она до сих пор не верила, что мы существуем, что сегодня все может закончиться.
Бегло оглядев квартиру я понял, что она состоит из кухни, ванной, зала и спальной комнат, убранство довольно бедное, а может мне так кажется, потому что я привык к

роскоши в княжеском имении, но все вещи расставлены так, что создают атмосферу уюта. Пол кое-где был немного влажным, да и небольшие разводы от влаги говорили о том, что Галина организовала генеральную уборку в миниатюре перед нашим приходом.
Настя увела женщину в спальную, насколько я понял из начала разговора, Наставница планировала поведать Галине наш грандиозный план. Тем временем мы с Кириллом решили более подробно изучить «место преступления». Зеркало находилось в зале – огромное, почти в человеческий рост – перед ним, выполняя функцию подставки, стоял небольшой комод, на комоде лежали расчески, ножницы, нитки, иголки, какие-то шкатулки и прочие аксессуары подобных пейзажей. Разумеется, больше всего нас интересовало зеркало, внимательно осмотрев его, мы обнаружили на нем какие-то рисунки, как наклеенные, так и начертанные на самом зеркале, конечно же, находились они с обратной стороны. Хоть я и не силен во всех этих символах, но сразу понял, для чего они были нужны. На ощупь зеркало было холодным, носило отпечаток тяжелой энергии.
Вскоре к нам присоединились прекрасные дамы, Галина старалась казаться веселой, но ее волнение было очевидно.
- Галина Альбертовна, что у вас на зеркале за рисунки? – поинтересовался я.
- Они должны были отгонять злых духов, я их в книгах нашла.
- Надо полагать, вы уже знакомы с нашим планом и своей ролью в нем?
- Да, но я даже не представляю, как это все должно сработать.
- Для вас сейчас главная задача – сохранять спокойствие.
Мы направились на кухню, хозяйка решила угостить нас чаем.
- Спокойствие – это прекрасно, но, боюсь, я уже позабыла, что это такое. И потом, вам легко говорить, вы ведь с этим сталкиваетесь постоянно, а я…
- Вы сталкиваетесь с этим вот уже пять лет. Возможно, вы не знали, как противостоять подобным вторжениям, но если сегодня вы без страха загляните в глаза этого существа – вы приобретете гораздо больше, чем просто избавление от ночных визитов.
- Вы полагаете, я обрету спокойствие?
- Гораздо лучше – вы обретете уверенность.
- В чем?
- В себе, в своих силах, вы поймете, что этих существ не стоит бояться.
- Ах, Дмитрий, если все было так просто, как вы говорите…
- Все гораздо проще, просто я еще настолько несовершенен, что вынужден использовать такие длинные комбинации.
- Вы недооцениваете себя.
- Я сказал так не потому, что желал покрасоваться скромностью, а потому, что видел людей, подобных звездам, они Светят каждый день, каждое мгновение, Светят всем людям с одинаковой Силой. Нередко я слышал, как их называют Полубогами, Ангелами, Святыми, они же настаивают на том, чтобы их считали людьми, такими же, как мы с вами.
- Мне сложно представить тех людей, о которых вы сейчас говорите. И потом где они должны жить? В горах или в тайге? Среди естественной природы?
- Они чудесно вписываются как в тайгу, так и в горы и города.
- Вы хотите сказать, будто в нашем городе есть такие люди?
- Есть.
- Кто они? Вы можете меня с ними познакомить или хотя бы дозволить взглянуть на них?
- Это - князья.
Женщина тут же сбавила свой пыл, погрустнела, опустила голову.
- Что случилось?
- Раз так, то мне едва ли светит знакомство с ними.
- Отчего же?
- Кто они, а кто я… Они богаты, о их, так или иначе, знает каждый в городе, о них ходит множество легенд, а я… Как-то раз я видела одного из них: огромного, с широкими

плечами, черными волосами и таким лицом, как будто с него недавно икону писали. И что вы думаете – я замерла на месте, будучи не в силах пошевелиться или говорить, он посмотрел мне в глаза, и от этого взгляда в Душе все словно перевернулось, будто бы он видел меня насквозь, потом улыбнулся и исчез.
- Вы видели князя Гавриила.
- Да, наверное. Поэтому я не хочу застыть как столб, если бы вы решили нас познакомить. Ведь я себе этого никогда не прощу.
- Почему же вы обязательно должны застыть, держите себя уверенно, поговорите с ними о делах в мире, они – большие знатоки подобных вещей и сумеют рассказать вам много интересого.
- Вы что, я не сумею решиться на такое.
Ночь постепенно разливала темные чернила по улицам, мы зажгли свечи в спальной, остальные комнаты оставили во мраке. Галину уложили в постель, Настя осталась в ее комнате, Кирилл засел в засаде на кухне, а я – за ширмой, которая была у входа в зал и скрывала полочку с обувью. Мы решили не разговаривать до тех пор, пока все не кончится, чтобы не спугнуть нашего «устрашителя».
Прождали мы его не меньше получаса, у меня даже затекли ноги, поэтому пришлось устроить себе сиденье из коврика для ног. Сперва в воздухе пронеслось нечто зловещее, затем хрустнул комод у зеркала, немного качнулось само зеркало и, словно туман, из зеркала вылился негодяйский негодяй. Выглядел он довольно стандартно: ростом с меня, в черной одежде, с темно-бледной кожей и, вроде бы, красными глазами. Для пущего эффекта он слегка развел руки в сторону и издал звук, как будто бы медленно выдыхает через открытый рот, только очень громко, Галина невольно вскрикнула, благодаря чему демон и не подумал озадачиться собственной безопасностью.
Мы ждать не стали, едва он отошел от зеркала, как мы вышли из укрытия. Должен сказать, я был этому несказанно рад – все-таки ютиться на коврике не самое приятное занятие. Бедолага поначалу не понял, что происходит, решил напугать нас, когда он сообразил, что этот номер не проходит – решил убежать, но путь уже был отрезан, мы замкнули контур сферы Света. Поначалу он рычал как зверь, кидался на сферу, пытаясь еще раз запугать нас, но теперь эти попытки, помимо неудачи, приносили ему еще и боль. Галина, совершенно остолбеневшая от такого действа, сидела на кровати неподвижно, как будто под гипнозом.
- Галина Альбертовна, будьте так любезны, подойдите ко мне, - сказал я.
Женщина не хотела этого делать, но деваться было некуда. Она подошла, спряталась за моей спиной.
- А теперь перестаньте бояться и взгляните в лицо тому, кто мучил вас все это время.
- Но…
- Сомнения потом, сейчас – действие!
Она вышла из-за спины, трясясь от страха, с трудом подняла глаза на демона, увидела его обессиленным в центре нашего треугольника. Он поднял глаза, увидел женщину, улыбнулся, покачал головой, как бы осуждая ее действия, обвиняя в том, что она сдала его нам. И тут в Галине перещелкнулась основополагающая в этом деле мысль: эти существа обладают интеллектом, чувствами, телом, при этом они хорошо изучили человеческую психологию, а вовсе не являются безумными мучителями людскими, действующими скверно потому, что они не ведают других способов общения. Галину, как и многих людей, пугало безумство, оно пугало ее и в бешеных животных, потерявших всякий контроль, потому бросающихся на каждого встречного, и в людях, дошедших до безумия, потому творивших всякий беспредел, и в подобных существах. Но если животных и людей она встречала в жизни постоянно, знала что есть как безумные, так и нормальные, то о природе подобных существ она судила по вот этому экземпляру, а он довольно скоро прочел все страхи женщины и решил ими воспользоваться, притворившись безумным негодяем. Теперь Галина испытывала презрение к этому существу, возможно даже гнев.

- Гневом делу не поможешь, лучше всего простить этого субъекта и отпустить из своей жизни, иначе гнев и ненависть привяжут тебя к нему на долгие годы, - сказала Настя.
Женщина смотрела ему прямо в глаза, демон тоже не отводил взгляд, наконец, она сказала тихим и уверенным голосом:
- Уходи, я больше не желаю тебя видеть.
Существо склонило голову в знак смиренья, Галина вернулась в спальную.
- У нас есть выбор, господин ночной визитер: или ты сейчас прекращаешь свое существование, или прекращаешь безобразничать и оказываешь нам маленькую услугу, - сказал я.
- Значит, выбора у меня нет, говори.
- Под утро сюда явится пьяный мужчина, тебе нужно будет убедительно объяснить ему, что алкоголь – это зло, и если он не прекратит пить, то его ожидают очень неприятные последствия.
- И это все?
- Да, после этого ты покинешь эту семью и перестанешь приносить людям неприятности.
- Сделаю, даю слово.
- Тогда иди.
Мы отпустили существо, он влез обратно в зеркало. Тут же из спальной выбежала Галина, на ее лице сияла улыбка, она выглядела так, будто нашла драгоценный клад.
- Друзья! Я все поняла, не знаю, как теперь вас благодарить?!
- Главное – что вы все поняли, приобрели уверенность, - сказала Настя.
Мы устроились на кухне, за чашкой чая Галина в деталях рассказала нам все свои переживания, все свои мысли, мы старались направить ее энергию в русло саморазвития.
Неожиданно я услышал голос Гавриила, он просил нас выйти на улицу, а квартиру проветрить.
- Друзья, у меня прекрасная идея – может нам немного прогуляться, все равно квартиру нужно проветрить, как бы сквозняков не было.
Настя поняла истинную причину моего неожиданного предложения, Кирилл посмотрел вопросительно, а Галине было все равно куда идти, лишь бы мы были рядом.
Мы скоро собрались, открыли окна, закрыли квартиру и вышли во двор, было тихо, тепло и мирно, по небу бежали редкие облака, светила луна – это в самом деле была приятная ночь для прогулок.
- А вот и вы, добрый вечер, - раздался из-за спины хорошо знакомый нам, но непривычный для Галины, голос Гавриила.
Мы обернулись. В лучах лунного света, сияя Светом и Добротой, стоял великан князь, одно его появление сделало весь пейзаж не просто приятным, а даже сказочным. Еще недавно такая смелая, теперь Галина, верно, превратилась в статую. Я был уверен, что князя здесь не было, когда мы выходили, значит, он перенес себя сюда, но сделал это за нашими спинами, чтобы поберечь нашу, еще не окрепшую перед подобными способностями, психику. Он начал медленно подходить, в его руках я заметил книгу и белый конверт с их, князей, дивной печатью.
- Добрый вечер, Галина Альбертовна.
Женщина продолжала молчать, ее словно охватил гипноз или чудное виденье.
- Вы не рады моему появлению?
Эти слова князя вывели ее из длительного ступора.
- О Боже, нет, конечно же нет, я рада, ваша Светлость, - ответила женщина немного путаясь, судя по тому, как она сказала слово «светлость», можно было догадаться, что видит она сейчас не только плотное тело князя.
- И я очень рад нашему знакомству, и, в честь этой встречи, осмелюсь предложить вам подарок, - Гавриил протянул женщине книгу с конвертом.
Галина приняла подарок, будто принимала благословение, когда ее глаза оторвались от книги и конверта и вновь устремились на князя, она встретилась с ним взглядом и

застыла.
- В Жизни все Прекрасно, чувствуйте это каждый миг, - сказал князь отцовским голосом, я понял, что эти слова Галина не забудет уже никогда, - Вернитесь домой, закройте окна и отдыхайте, завтра вас ждет новая жизнь, только не переживайте, когда ваш муж утром закричит, глядя в зеркало. Счастья вам в дальнейшем пути.
Гавриил еще раз улыбнулся женщине, затем повернулся к нам и мы покинули двор, а Галина простояла на одном месте минут пять, а может десять, потом тихим-тихим шепотом, словно боялась спугнуть атмосферу сказки, сказала:
- И вам…
Она бродила по двору минут тридцать, снова и снова восстанавливая в памяти встречу с князем: вот здесь он стоял, вот так падал свет луны, затем он пошел, сказал вот эти слова, посмотрел вот так… Ей не хотелось покидать этот двор, не хотелось нарушать ощущения сказки, но время брало свое, в последний раз вдохнув воздух, в котором, как ей казалось, еще витает запах Гавриила, она вошла в подъезд, поднялась на второй этаж, отперла квартиру, с улыбкой посмотрела в зеркало, в котором теперь не было ничего, кроме отражения, закрыла все окна и спокойно легла спать, спрятав подарок подальше от ревнивых глаз мужа. Впервые за пять лет она спала спокойно, будучи абсолютно уверенной в себе, в своей безопасности, в том, что Бог существует, раз существуют Ангелы, воплощенные на земле. Ей приснился Гавриил, она, почему то, в этом сне была маленькой девочкой, а князь – все тем же великаном. Он поднял ее на руки и долго-долго разговаривал с ней…
Сон прервался стуком в дверь, Галине было очень досадно, что она не запомнила ни слова из разговора во сне, но после общения с князем, не могла испытывать злость, даже на пьяного, похожего на раненое животное, мужа.
- Дрогггоая, я пришшшш… - раздалось из зала.
Вряд ли передвижение на четырех конечностях можно называть пришел, однако, муж считал именно так. Раздался противненький смешок, после фраза:
- А у меня для тебя сюртп… стюпр… подарок, во!
Галина лежала молча, не обращая внимания на лингвистические потуги мужа, она еще была во власти образа Гавриила. Время от времени из зала доносились звуки и слова, красноречиво говорившие о том, что Августин пытается переодеться и принять вертикальное положение. Когда же ему это удалось и он посмотрел в зеркало…
Раздался пронзительный крик, мужчина брякнулся на пол, в миг протрезвел, побледнел и еле слышно прошептал:
- Понял.
И побежал в ванную – смыть с себя запах трактира, вычищать зубы, словно приводить себя в человеческий вид. А потом, со слезами и извинениями пошел к жене, уверяя, что больше он пить не будет, и упрашивая ее выкинуть это «старое, некрасивое зеркало»…
Утром в среду мы, как и было оговорено, предстали перед Орловым. Федор был весьма доволен, и вскоре он посвятил нас в причины своего веселья:
- Друзья, данные, предоставленные князем Гавриилом, оказались верны на все сто, нет, на двести процентов! Взяв тех негодяев, что он указал, мы словно зацепились за конец клубка, и теперь планомерно распутываем по цепочке весь преступный мир этого города. У меня нет слов! Передайте его Светлости мой поклон и благодарность, побольше бы таких людей как он – и Земля вообще не знала бы горя. Однако, как вы помните, у нас есть неоконченное дело. Я решил, что смогу сегодня указать вам на трех своих друзей, которых я подозреваю в предательстве, далее уже каждый из вас сам решит, кто за кем будет присматривать.
Далее Федор описал подозреваемых и сказал, где можно на них посмотреть в живую, ими были: Николай Миронович Купчин – замещал Орлова в управлении, во время отсутствия, старый друг и соратник, около сорока пяти лет, среднего роста, стройный, великолепно развит физически, с серыми глазами, светлыми волосами и волевым лицом. Эдуард

Викторович Синко – ведущий сыщик, рост чуть выше среднего, возраст около тридцати восьми, маленькие карие глаза постоянно бегают, худощав, оставляет впечатление скользкого типа. Михаил Романович Громов – ведущий сыщик, оправдывает свою фамилию громовым голосом, высок, около сорока лет, ясные синие глаза, орлиный нос, густые брови, крепкое телосложение.
По мне так сразу можно было хватать Синко и вытрясать из него признание, потому что остальные друзья Орлова, в моем восприятии, были эталонами чести и смелости в общечеловеческом понимании этих категорий. Однако, этот лис вряд ли сознается вот так с пустого места, нужны хоть какие-нибудь доказательства, которые он не сможет внятно объяснить, которые бы указали на него.
Наша дальнейшая работа сводилась к тому, что мы изучили распорядок дня этих людей, держали их в поле видимости и, время от времени, занимались мелкими делами, чтобы не светиться в управлении. Между тем, примерно через неделю с нами приключился довольно курьезный случай…
Среда, обед, мы уже имели серьезные подозрения против господина Синко, поэтому бросили трепать нервы двум другим полицейским, теперь мы собирали доказательства против этого Эдуарда Викторовича. После обеда он, обычно, восседал в участке до самого вечера, а по утрам оставлял кое-какую корреспонденцию на почте, которую забирал какой-то нищий пьяница, договорившись с почтальоном, объяснив ему суть ситуации, мы могли рассчитывать на то, что вся корреспонденция будет переписана и передана нам, поэтому мы совершенно спокойно находились в имении и готовились к тренировке.
Алексей вернулся из университета, но не один, ему, что называется, «на хвост упали» две женщины в возрасте около тридцати-тридцати пяти лет.
- Друзья, прошу меня простить, я ничего не мог поделать, эти дамы каким-то образом прознали, что вы мне знакомы, и, как я не пытался, совершенно никакими средствами не сумел отговорить их от визита, - извинился Леша.
- Ничего, мы поговорим с гостьями, - ответила Настя.
Гостьями оказались женщины типично фанатичной внешности: немного полноваты, в очках, с полным отсутствием свободной мысли в глазах, скользкие по ощущениям, но свято уверенные в истинности своих убеждений.
- Здравствуйте, люди добрые, - сказала одна из них, мягким голоском, видимо она желала, чтобы он был похож на голос человека, познавшего Величие Духа, но выходило у нее паршивенько.
«Ну, блин… началось», - вырвалась из меня мысль.
Мы поприветствовали гостей.
- Скажите, вас не удивляет, как легко мы вас нашли, - сказала друга, скрыто упиваясь ожиданием нашего удивления, он, видимо, думала, что мы настолько глупы, что даже не догадаемся задать себе такой вопрос.
Хоть Алексей уже в деталях объяснил причину, по которой мы наблюдаем этих особ, видимо они пропустили речь Леши мимо ушей, я решил заглянуть поглубже и увидел, что их подослал к нам некий мужчина, судя по дорогой ритуальной одежде можно было предположить, что он – глава какого-нибудь оккультного ордена, скорее всего именно того, который занимался разграблением людей через лжепророка, которого мы недавно изловили. Уверен, друзья увидели то же самое, но сразу шокировать таких «духовных» людей не стали.
Довольные своим маневром, женщины решили, что огорошили нас столь неожиданным вопросом, поэтому перешли к решительным действиям.
- Вы, должно быть, знаете, что грядут перемены и лишь избранные Богом агнцы спасутся в это тяжелое время.
Пока они удивляли нас этой фразой, я успел понять, что Гавриил не просто так от безделья наслал нас на лжепророка, видимо он затевает придушить этот культ, поэтому я охотно поверил, что для них грядут перемены, и лишь избранные Богом оккультисты

спасутся.
- Да, знаем, более того, я это чувствую, - отозвался я, друзья уже знали мою мысль, но мы старались держаться серьезно, чтобы не засмеяться раньше времени.
- Замечательно! – обрадовались женщины, полагая, что мы уже у них в лапах, ведь их главной целью было завербовать нас в культ, - Таким понимающим людям как вы просто необходимо спастись, чтобы увидеть зарю нового света!
- А, разрешите уточнить, когда случиться мировой коллапс? – поинтересовался Кирилл.
Женщины осеклись, с трудом соображая, что вера в их слова не так уж крепка.
- Скоро, очень скоро.
- Ну так… Когда? Завтра, через месяц, через дюжину лет?
- Об этом ведает только Бог.
- Так вы же – Его избранники, неужто Он вам не открыл?
- Нет, это сокрыто от всех, чтобы люди всегда были готовы, ибо сказано, что человек не знает ни день ни час, когда придут…
- Подождите, а зачем Богу так стращать людей? И вдобавок не говорить конечной даты? Это садизм какой-то.
Женщины откровенно не понимали, где допустили промашку в своей блестящей заманиловке.
- Нельзя так говорить о Боге, Он Всемогущ, Вездесущ…
- О, замечательно, значит, Он есть и здесь, может сейчас спросите у Него, когда все будет?
- Нет, мы…
- Почему?
- Здесь не священное место, такие откровения даются лишь Святым людям в Святых местах.
- Подождите, если Бог Вездесущ, значит, Он есть и здесь, а Бог Свят? Конечно, Свят, значит, здесь – самое что ни на есть Святое место, а вы – его избранники, кому как не вам нести Его Слово и держать с Ним совет?
Кирилл поставил бедных женщин в тупик, а что такие люди делают, когда их ставят в тупик? Правильно – лезут в книжечку, этакая маленькая инструкция о том, как загадить мозги всякому встречному-поперечному.
- Вот, вот! – обрадовались женщины, - Бог указал знамения, предшествующие катастрофе, - далее зачитали отрывок из «Откровения Иоанна Богослова», странное дело вообще, Библия вроде одна, а толкователей разных – хоть в цирк собирай.
- И что, вы видите где-нибудь вестников Апокалипсиса? Или вы видели зверя, одна голова которого была повреждена и исцелилась? Где все эти знамения в нашей реальности?
Тут женщины поняли, что дело гиблое.
- Глаза имеющий да увидит, имеющий уши да услышит, - надменно сказали они, укоряя нас в неверии.
- Что ж, раз вы видящие, кстати очки вам не очень идут, и слышащие, то без труда найдете выход.
Женщины разобидились на нас и ушли. Бедняга Алексей залился таким безудержным хохотом, что привлек внимание князя, княгини и Давида.
- Итак, друзья, что думаете об этом визите? – поинтересовался я.
- Возможно, в ближайшем будущем нас ждут и другие встречи, но несколько иного плана – с угрозами, - предположила Настя.
- От чего же? – Поинтересовался Кирилл.
- Потому что мы, по всей видимости, нанесли удар по денежному кошельку одного из местных культов, и, для предотвращения нашей следующей атаки, культ попробует нас запугать. А эти женщины приходили, планируя нас завербовать в ряды культа, но, думаю, сам глава этой организации не рассчитывал на столь легкую победу, и прислал женщин к нам для разведки ситуации.
Так и случилось, через пару дней, когда мы возвращались с почтового управления, нам

преградили путь к извозчику трое зрелых крепких мужчин.
- Дмитрий, Анастасия и Кирилл? – спросил один из них.
- Все верно, чем обязаны? – в свою очередь поинтересовался я.
- Вы знаете, мы и наши друзья просто в восторге от вашей работы – теперь мы знаем, что ночные улицы стали спокойнее.
- Благодарю за лестный отзыв.
- О нет, это вовсе не лесть, это правда. Однако, город все еще опасен, все еще есть преступники, скрывающиеся в ночи. Поэтому у нас к вам будет большая просьба – сконцентрируйте все свои усилия на этих негодяях, не стоит распыляться на каких-то колдунов и шарлатанов, ведь вам по плечу гораздо более сложные задачи и враги.
- Еще раз благодарю, что вы так цените наш труд. И знаете что? Вы правы – пора бы нам закончить с мелкими колдунами, а взяться за тех, кто ими управляет.
Такой ответ мужчину явно не порадовал, ведь он пытался дать нам понять, чтобы мы оставили культ в покое. Он на мгновение опустил взгляд влево-вниз, тихо цыкнул языком.
- Что ж, благородная цель, но, думаю, это будет слишком опасно даже для вас, никогда не знаешь, что бывает, когда замахиваешься на такую «добычу», она ведь может и укусить как ножом в ребро.
- В таком случае, мы будем осторожнее с «зубами» этой «добычи».
Повисла пауза, мы пристально смотрели друг другу в глаза, откровенно говоря, я подумывал схватиться за шпагу при малейшем резком движении с их стороны. Однако, резких движений не последовало, мужчина прекрасно понял, что я хотел сказать, так же он сообразил, что я прекрасно понял его.
- Удачи вам, сыщики, - сказал мужчина и ушел вместе с сопровождающими.
Мы направились к извозчику, бедняга, почему-то, заметно нервничал, хоть и старался сидеть смирно. Мы подошли к нему, я заглянул мужчине в глаза и спросил:
- У вас все в порядке?
Он смотрел на меня красными, готовыми прослезиться, глазами.
- Да, не обращайте внимания…
В его мыслях постоянно крутилась одна и та же картина, и связана она была со змеей, будто бы змея кого-то убивает. Мы переглянулись с друзьями, атмосфера была напряженной.
- Она внутри, - тихо сказала Настя.
- Сидите не двигаясь, все обойдется, - сказал я извозчику.
Мы с Кириллом достали шпаги. Народ, спешивший этим утром по своим делам, недоумевал, что вообще происходит, но никто не вмешивался в процесс, другим плюсом было то, что праздных наблюдателей почти не было, а те, что были – стояли далеко.
- Сейчас я открою дверцу и, если она кинется, бей, - предложил я, в ответ друг кивнул головой.
Осторожно подцепив дверь шпагой, я начал медленно ее открывать. Змея была в ярости, видимо ее разозлили, прежде чем подбросить к нам, поэтому резко бросилась к открывшейся двери, шипя и угрожающей извиваясь, начала свой спуск на землю. В этот-то момент ее и подловил Кирилл, перерубив гада на пополам, а затем, для верности, отрубив ей голову.
К сожалению, в змеях я был не силен, конечно, я мог отличить ужа от кобры и питона от черной мамбы, но на этом, думаю, познания и заканчивались.
- Да, и что ж это за зверь такой? – поинтересовался я как бы в пустоту.
- Это гадюка, - ответил извозчик, сдерживая слезы.
- Кстати, любезнейший, вы не подскажите, как такое могло случиться, чтобы в ваш экипаж забралась змея?
- Это все они, они! – мужчина указывал куда-то в сторону, но там уже давно никого не было.
- А если подробнее?

- Эти двое, были в черной такой одежде. Один, значит, плотный, среднего роста, а второй – маленький, сухой, значит, с мешком. Вот мне первый, значит, и говорит: «Ты, - говорит, - жить хочешь?» Ну, я, конечно, отвечаю, мол, хочу, значит. А он и говорит: «Тогда сиди смирно и не дергайся, к тебе скоро подойдут вон те трое ребят, с которыми сейчас беседуют и попросят отвезти, соглашайся, а мы пока подложим им сюрприз». И тут второй, сухой-то этот, как ударит по мешку – там все зашипело, ну, думаю, змею держит, он еще и еще ударил, взбесил гадину, а потом развязал мешок и закинул мне в экипаж, значит. А первый, значит, и говорит, мол, коли сделаешь – наградим, а коли нет – умрешь и ты и семья твоя. А я, значит, пытался его отговорить, молил всякими словами, чтобы не губил он жизни людям, да разве к таким людям, злым, значит, достучишься?
- И вы позволили им подложить змею, но не смогли предупредить нас словом?
- Я знаю, я виноват, но не судите меня, молодой господин, разве я мог пожертвовать семьей?
- В мешке была только одна змея?
- Не знаю, думаю, что одна, потому что, значит, извивалась как одна.
Кирилл, тем временем, проверил шпагой все уголки экипажа и подтвердил, что гадюка была одна.
- Если вы хотите, чтобы эти люди больше никому не навредили – опишите их так точно, как только сможете, все детали важны.
- Плотный, первый, значит, был весь такой важный, лет тридцать ему было, смотрит на тебя эдак голову слегка наклонив, вроде как с дурачком разговаривает. Еще он так губой верхней делает, как будто приподнимает, а в это время нижнюю губу пожимает, и получается, значит, такое гневное лицо. А еще у него руки белые и, и, и все. А вот второй, худой, значит, такой весь скользкий, как змея сам, с такими глазами мелкими и злыми, вроде как змея на кролика смотрит, аж дрожь пробирает, на руке, на левой вроде, перстень у него был, с зеленым камешком, значит. И так он двигался, как будто фокусы со змеями показывает. Вот, значит, все, что помню.
- Хорошо, теперь слушайте внимательно – сегодня вы возьмете всю свою семью и уедете куда-нибудь подальше, желательно за город, возвращайтесь дня через два-три, но прежде чем войти в дом, убедитесь, нет ли там змей.
- Сделаю, молодой господин.
Мы отпустили мужчину, нашли еще одного извозчика, на всякий случай осмотрели экипаж на наличие змей, и поехали к имению. Вместо тренировки мы поговорили с Гавриилом, он сказал, что этими заклинателями змей следует покончить и рекомендовал задержать их сегодня, а в понедельник, когда вернется извозчик – вызвать его в полицейское управление для опознания. На вопрос, как же мы найдем этих людей, князь просто протянул бумагу с адресом и распорядком дня заклинателей.
Мы выбрали вечернее время для нанесения удара, потому как в это время все змеи находятся в безопасных стеклянных хранилищах и не угрожают свалиться нам на головы в самый неподходящий момент.
Что ж, решено – сделано, вот и вечер, вот мы прибыли по адресу. Оказалось, заклинатели жили в разных одноэтажных домах, но, когда выходили «на дело», то пользовались квартирой в одном из двухэтажных домов. Эта квартира была у них, своего рода, террариумом.
Мы осторожно пробрались на второй этаж, нашли нужную квартиру, прислушались, что происходит внутри. А внутри заклинатели спорили: сейчас отравить извозчика, видевшего их лица, или попозже, чтобы не было видно прямой связи между преступлениями.
- Да что ты понимаешь?! Если его не прикончить сейчас, то он наверняка сообщит в полицию, как только вернется!
- Ну, сообщит, и что дальше? Да он онемел от страха, он вряд ли запомнил, что нас было двое, уж не говоря о том, чтобы называть приметы! И потом, как нас найдут? В чем обвинят? Мы живем в разных домах, магистр сказал, что обеспечит нам алиби. И вообще,

полиция может подумать, что старик тронулся, просто к нему в экипаж забралась змея, а он, не желая признавать свою невнимательность, выдумал какой-то шантаж. А если убить его сейчас – то четко будет прослеживаться нить, ведущая к заклинателям змей.
- Ты хоть сам-то в это веришь? Не запомнил, алиби, тронулся… Это ты тронулся, если думаешь, что все так просто. В таких делах нельзя полагаться на авось.
К сожалению, нам пришлось прервать этот колоритный разговор – мы постучали в дверь, и, изобразив соседей, попросили буянов говорить потише, присовокупив к этому угрозу обратиться в полицию – мы достигли своего: один из бандитов подбежал к двери, резко ее открыл и… тут же был встречен клинком шпаги, нацеленным в грудь. Кирилл, не убирая шпаги, вытащил мужчину в коридор, а я, тем временем, ворвался в комнату и захватил ничего не понимающего сообщника. Кирилл ввел первого в квартиру, дверь закрыли.
Как мы и ожидали, все змеи находились в стеклянных домиках, потому опасности не представляли. Заклинателей мы усадили на два стула посредине комнаты спиной к спине со связанными руками. Они были откровенно удивлены, увидев нас здесь, тем более полным составом.
- Итак, господа, что вы хотите нам рассказать? У вас такой удивленный вид, что же вас так удивило? – интересовался Кирилл.
- Мы не понимаем, как вы вообще позволили себе ворваться в чужой дом, связать его хозяев и еще задавать такие мерзкие вопросы. Конечно, мы удивлены вашим хамством и неожиданным вторжением.
- Хорошо, я поясню: сегодня утром вы подбросили нам в экипаж гадюку, предварительно разозлив ее, кстати, это были именно вы, - Кирилл указал на худого мужчину, - а вот вы, - указал на другого, - запугивали бедного старика, угрожали ему расправой, да не абы какой, а расправой над всей семьей. Потом вы удалились, полагая, что ускользнули от нашего внимания, а теперь вынашиваете план устранения извозчика.
- Вы больны, у вас воспаленное воображение.
- Отпираться – не самый лучший способ, тем более, что вас и вашу змею видели не только мы, да, господа, вас опознали.
- Тогда почему вы не ведете нас в полицейское управление, если мы виновны? Зачем нас связывать?
- Чтобы вы не выпустили своих ядовитых друзей, а в управление вы еще успеете. Однако, может, настало время и вам сказать слово? Например, рассказать, кто и с какой целью вас направил против нас?
- Я вам еще раз отвечаю – вы во власти иллюзии, мы – мирные фокусники.
- Неужели в вас умерла последняя крупица совести? Неужели вы готовы убить ради денег, ради того, чтобы выглядеть чистым перед законом? Неужели чистота внешняя для вас важнее чистоты внутренней?
- Вы решили читать нам проповеди?
- Простите, как вас зовут?
- Константин, а его – Виталий, - ответил плотный мужчина.
- Так вот, Константин, вы помните, как в детстве вас обидел один дерзкий забияка: он отнял у вас игрушки, а когда вы попытались вернуть их – избил вас, - мужчина повесил голову, - вы помните, что вы тогда ему сказали в след, что пообещали себе? – мужчина продолжал молчать, - Вы поклялись ему отомстить, стать борцом со всякой несправедливостью, какая только встречается в этом мире. Вы даже думали идти на службу в полицию. Конечно, все это – лишь детская мечта, но она вполне могла осуществиться, если бы в юношеском возрасте вы не увлеклись «магией». Вы собирались с друзьями, вычитывали всякие невероятные рецепты, полученные из разных источников: списанные из старых книг, основанные на поверьях, услышанные от кого-то… Но однажды, вам попала в руки книга – серьезная книга – в которой говорилось о управлении змеями. Вы просидели над ней всю ночь, будто пьяный, а через неделю уже обзавелись первым ужиком. Поначалу это была забава – вы пугали девушек своим ужом. Дальше

больше. Я не стану пересказывать всю историю вашей жизни, все те обряды, что вы совершили в угоду «змеиным богам». Итог всего этого вы знаете – вы стали лжецом и убийцей, стоило вам получить чуть больше силы, чем у большинства, как вы тут же стали в сто раз злее того забияки, отнявшего у вас игрушки.
Мужчина был печален, разбит, поражен в самое больное место своей натуры.
- Как вы узнали это? Ведь, когда я был ребенком, вас и на свете не было.
- Это мой маленький секрет. А теперь, может быть, вы расскажете о мотивах вашего преступления?
- Если мы расскажем – нам не сдобровать.
- Вы в опасности в любом случае, даже если ускользнете от наказания по закону.
- Его зовут Захар, но он больше известен как великий магистр Милтевимор, даже не спрашивайте, я не знаю, откуда он взял это имя. Он – глава ордена «Сияющий восход». Умный мужик, даже организовал свою религию, как постоянный, бесперебойный источник дохода, с другой стороны он проворачивает серьезную «магию» в ордене, тоже набирает туда людей, зацикливает их на собственный эгрегор и… - мужчина посмотрел на нас, увидел, что мы прекрасно понимаем все то, о чем он говорит, и продолжил, - и забирает их силы. Конечно, чтобы сразу никто не понял, что происходит, он ввел некую систему обучения: те, кто дольше в ордене и успели получить кое-какие «награды», обучают молодых элементарным приемам. В общем, он хорошо обставлен: с одной стороны деньгами, с другой – энергией. Когда вы ликвидировали его «золотую корову» - этого гипнотизера, то нам пришел приказ – принять боевую готовность. А дальше вы знаете. Конечно, я дам вам адрес его дома, но не надейтесь, что вы его там застанете. Дело в том, что он постоянно перемещается, я не знаю, с какой целью он это делает, но за все эти годы еще никому не удавалось его выследить.
- Мы постараемся, а теперь будьте любезны адрес.
Мужчина продиктовал адрес, Кирилл записал. Мы опять же, вынуждены были искать извозчика с вместительным экипажем и только после удачи в этом – везти преступников в управление.
Выходные прошли довольно спокойно: мы тренировались, много гуляли и разговаривали. А в понедельник, опять же по указке князя, разыскали дом извозчика, подождали его, уверили, что бандиты схвачены, что теперь он многим обяжет нас, если проследует с нами в управление для опознания лиц подозреваемых. Извозчик с радостью согласился и сам отвез нас к управлению.
Покончив с этим делом, мы отправились в имение, поупражнялись в фехтовании на шпагах и отправились на прогулку.
- Друзья, как вы думаете, каков будет следующий шаг этого магистра? – спросил Кирилл.
- Возможно, нам предстоит повстречаться с теми тремя мужчинами, которых мы видели у почтового управления, - начала Настя, - но у меня такое ощущение, будто бы это – не единственная угроза.
- Надеюсь, что этой скрытой угрозой не станут очередные проповедники, - шутил я.
- Если так случится, то в этот раз вести диалог с ними будешь ты, - поддерживал мою шутку Кирилл, - А вообще, я тоже чувствую нечто подобное, будто надвигается неприятность, но не могу понять откуда.
- Раз уж зашла речь об этом, то я полагаю, что эта беда коснется нас, но, каким-то образом, ляжет на плечи Федора, - сказал я.
- Интересная у нас жизнь, друзья, - начал Кирилл, - все вокруг стремительно вертится, люди, события, угрозы и сюрпризы. Помню, раньше мне было несложно сфокусироваться перед встречей, настроится на человека, а теперь я будто распыляюсь в делах дня, может быть, слишком много событий происходит, и я не успеваю их осознать. Определенно, я чувствую, что становлюсь сильнее и опытнее, но, к сожалению, не могу достичь той внутренней глубинной сосредоточенности при каждой встрече дня, как мне это удавалось раньше.

- У меня схожая ситуация, - продолжил я, - только во мне живет ощущения не распыления, а недостатка внимания к деталям. Выходит так, слово я улавливаю суть ситуации, но упускаю те вещи, которые кажутся малозначительными. Уверен, если мы уделим этим аспектам больше внимания, то сумеем уделять каждой встрече и каждому событию гораздо больше внимания, чем сейчас. В этом плане меня часто поражал Федор: как он умеет все детали собрать в уме в одну цепочку, составить целую картину.
- Думаю, вы на этом не остановитесь, - отозвалась Настя, - чем дальше идешь, чем яснее видишь, что предела развитию нет, тем яснее сознаешь свое место во Вселенной.
Мы продолжили разговор о развитии, затем пообедали и… как то ни странно, почувствовали себя не очень хорошо. Выбрались на свежий воздух – ничего не переменилось. Отравление исключалось, потому что: во-первых, в доме князей всегда готовили отлично, а во-вторых желудок сигналов не подавал. Через минуту я вспомнил, что подобные ощущения испытываешь, когда заболеваешь какой-нибудь инфекцией, гриппом например. Ощущение, как будто вокруг тебя витает нечто болезненное, готовое ворваться внутрь твоей атмосферы. У друзей ощущения были похожими.
Воспользовавшись развитой чувствительностью, мы поняли, что это – вторжение извне, или, другими словами, проклятье. Обидчика долго искать не пришлось – это был некий колдун, подручный Захару. Определив источник недомогания, мы рассеяли его чары, и здоровье сразу наладилось. Видимо, мы серьезно связали себя с этим культом, потому что навести проклятье на человека в княжеском доме без подобных связей, думаю, просто невозможно. Мы проследили цепочку и выяснили, что связь тянется как через заклинателей змей, так и через гипнотизера.
Вдруг, словно молния, меня поразила мысль: «Федор! Как себя чувствует Федор?!» Умом я понимал, что он к этому культу не относится, во всяком случае, нам он не рассказывал об этом, а вот сердце чувствовало, что он в огромной опасности. Друзья, видимо, уже настолько научились читать состояние каждого из нашей тройки, что стали чем-то вроде единого целого. Они без слов все поняли, собрались, и мы помчали в полицейское управление.
Там Федора не оказалось, нам сказали, что он почувствовал себя нехорошо и отбыл домой. Благо, мы знали, где он живет, и помчались туда.
Мы постучали в дверь, нам открыл слуга, сказал, что хозяин болен, мы убедили его, что являемся хорошими знакомыми Орлова, а еще знаем, как его вылечить. Нас впустили. Федор отдыхал в зале на диване, увидев нас, улыбнулся и сказал что сегодня, к сожалению, он не сможет нам помочь. Мы подошли к нему поближе.
- Позвольте угадаю, примерно сорок минут назад вы почувствовали себя плохо, будто бы заболеваете гриппом, сказали в управлении, что больны и вернулись в дом. Но, вот странная вещь, вы не чувствуете, что поднялась температура, что болит живот, вам просто вдруг катастрофически не хватает сил? – сказал я.
- Верно, мой интуитивный друг. Даже не буду спрашивать, как ты это узнал.
- Как раз сейчас можно было бы и спросить. Дело в том, что сорок минут назад все мы трое почувствовали то же самое, но нам повезло гораздо больше вашего. Мы были в доме князей – а туда не всякая зараза проберется, и мы воспользовались своими развитыми способностями, чтобы развеять эту напасть. Правда, мы развеяли ее еще до того, как она проникла в тело, в вашем случае заражение уже произошло.
- Минутку, что еще за заражение? Как это вообще связано? Вы, я и болезнь?
- Мы считаем, что эта болезнь ни что иное как проклятье, притом насланное с завидным мастерством.
- Проклятье… это что-то вроде вредоносной ментальной программы, насильно внедренной в человека?
- Да, а откуда вы знаете?
- Я прожил уже немало, у меня было время подумать о многом в этом мире. Так, каким образом оно связано?

- Дело в том, что мы, по указу Гавриила, работаем над одним орденом под названием «Сияющий восход», их лидер – Захар, более известен как магистр Милтевимор. Не так давно мы схватили гипнотизера, обворовывающего людей, а на прошлой неделе были пойманы заклинатели змей, пытающиеся покончить с нами при помощи гадюки. Так же нас предупреждали люди этого магистра, что если мы не оставим этого дела, то нам несдобровать. Вы когда-нибудь занимались этим орденом?
- Они попадались мне несколько раз, но это были лишь разрозненные правонарушения. Скажем так, это скорее выглядело как нарушения закона человеком, состоявшим в ордене, а не нарушение закона орденом при помощи подставного человека. Да и было это давно.
- Тогда странно, от чего же пострадали вы… Хорошо, мы разберемся с этим, а пока позвольте мы возьмем вас за руки.
- Зачем?
- Там узнаете, просто позвольте и расслабьтесь.
- Хорошо.
Сыщик устроился поудобнее, подал нам руки, Настя взяла его за левую, я за правую, а Кирилл замкнул кольцо, взяв меня и Настю за свободные руки. Все-таки приятно, когда друзья без слов понимают, что ты хочешь сделать. Мы попытались очистить энергетические поля Федора, думаю, у нас это получилось, единственное, до чего мы не сумели добраться – мысли сыщика, где и укрылся остаток этого наваждения.
Мы отпустили руки, Федор открыл глаза.
- Ох, вы и колдуны! У меня даже голова закружилась, потом как будто что-то вытянули из меня и… все, я снова полон сил, вот только голова немного болит.
- Это от того, что мы не сумели окончательно победить заразу, - сказала Настя, - какая-то ее часть осталась в ваших мыслях, но, думаю, это вы сумеете сделать и без нашей помощи, а пока вам лучше отдохнуть. Во всяком случае, сегодняшний день.
- Что ж, я попытаюсь закончить начатое вами, будьте спокойны, сегодня я устрою себе отдых, но завтра утром уже буду в управлении.
- Хорошо, а мы займемся этим колдуном.
Мы отказались от предложенного чая, и сам хозяин дома проводил нас до порога, чем сильно удивил слугу.
Добравшись до имения, мы пытались понять, как один и тот же колдун может точить зуб одновременно и на нас и на Федора, в то время как сыщик не доставлял ордену сильных неудобств. А решение этой загадки дожидалось нас на почте – утром мы забрали переписанную корреспонденцию и с удивлением прочли сообщение, датированное этим утром:
«Господин, Коготь жив и здоров. Вчера, как вы и предполагали, он занемог и отбыл домой, но сегодня утром он свеж и бодр, уверяет, что вчера он подхватил какой-то насморк, но день отдыха поставил его на ноги. В остальном все по прежнему, Коготь топчется на месте, ищет подступы к Репухову. Ваш друг Глаз.»
- Выходит, Немеров причастен к этому проклятью, - сказал я, когда мы уже ехали обратно в имение.
- И, скорее всего, он в городе, - сказала Настя.
- Как? – спросили мы с Кириллом в один голос.
- Друзья, нам должно быть стыдно, более того, мы ослушались Учителя.
- Как?! – опять же в один голос.
- Мы позабыли, как Михаил сказал нам, что убийца «настолько убежден в собственной безнаказанности, что никуда и не пытается убежать». Помните?
- Да, да, припоминаю! – сказал я.
- И я тоже, - отозвался Кирилл.
- Сколько помню князей – они никогда не ошибались, тем более в таком деле, как предсказывание поведения человека. А теперь вспомните, когда мы просматривали по информационным полям целевого адресата этих писем, то увидели плотно сбитого

старичка, когда мы просматривали колдуна, то этот же старичок мелькнул и там. Попробуйте убрать у этого старичка бороду, усы, бедную одежду, клюку, одеть его в дорогой костюм, кто получается? – сказала Настя.
- Настя, ты – гений! – воскликнул я.
- Что же нам теперь делать? – спросил Кирилл.
- Искать этого старичка, но, делать это нужно осторожно, чтобы никто ничего не заподозрил, но это вторая задача, первая задача – колдун, ведь Немеров сегодня узнает о провале операции и спросит с колдуна за недоработку.
- Да, но как найти колдуна в целом городе? Обычно в таких делах нам помогали князья, просто называли адрес и человека, - сказал Кирилл.
- Верно, но в этом деле Гавриил нам помогать не станет, ведь он знает, что Михаил не желал вмешиваться в это дело, поручив его целиком нам.
- Друзья, предлагаю объехать все колдовские закутки и расспросить там всех, кого только можно на предмет проклятий. Этого колдуна мы видели, поэтому узнаем сразу, если встретим.
- Что ж… - Кирилл высунулся из экипажа, извинился перед кучером и попросил отвезти нас к одному, довольно известному месту сбора колдунов этого города, - Еще раз хочу уточнить, вы думаете, что Немеров, так сказать, заплатил колдуну за то, чтобы проклясть нас?
- Скорее всего, - ответил я.
- Да… иногда поражаешься, на что способны пойти люди, лишь бы спасти свои личные интересы.
Вскоре мы добрались до места, не то, чтобы об этом заведении знали многие в городе, но среди колдовской публики оно пользовалось популярностью. Располагалось оно в квартире на первом этаже одного из домов и включало в себя: книжный магазин, магазин разных побрякушек, чаев и масел, а так же можно было погадать у «опытных ясновидцев» в тридцать пятом колене.
Внутри нас поджидал резкий запах каких-то благовоний, три-четыре заинтересованных покупателя, продавец и гадалка, «замурованная» в специальной комнатке. Дождавшись, когда продавец освободится, мы подошли к ней и спросили, не знает ли она о колдуне мужчине среднего роста, с карими глазами, темными волосами, сам худой, жилистый, около тридцати пяти лет.
- Под ваше описание может подойти слишком много людей, - ответила продавец.
- Видите ли, он особенный – настоящий профессионал, - уточнил Кирилл.
- Послушали бы вы разговоры в этом магазине, здесь чуть ли не каждый – профессионал, - улыбнулась женщина, - а на деле… Не дотягивают.
- Этот как раз дотягивает.
- А в чем собственно дело, может быть наша прорицательница сможет разрешить ваши сложности?
- Дело в том, что на нашего друга навели нечто вроде проклятия, - после этих слов женщина улыбнулась, она, скорее всего, не верила ни в какие потусторонние и посюсторонние силы, а просто зарабатывала себе на жизнь, - и нам сообщили, что вот этот человек сумеет справиться, к сожалению, информатор, - под «информатором» Кирилл, конечно же, имел ввиду наши видения, - сообщил лишь описание внешности.
- Так, проклятья, проклятья.., спросите у нашей гадалки, она таких людей лучше знает.
Что ж, по обычаю к гадалке пошел я, внутри ее комнаты царила атмосфера «таинственности», то есть было темно, горели свечи, и на меня смотрела странно одетая женщина.
- Я чувствую, ваша Душа ищет ответа, - начала она.
- Как вы верно чувствуете, мне и в самом деле не помешал бы ответ.
- Нет тайн для ясновидящих, - загадочно оповестила гадалка.
- Вот и замечательно, в таком случае скажите, вы не знаете, где можно найти… - и я

описал ей образ мужчины.
Видимо, такая задача оказалась не из простых даже для «ясновидящей».
- Вполне может быть, что вам нужен Лорантир – самый могущественный маг в этом городе.
- И где мне его найти?
Гадалка дала адрес.
Этот «маг», судя по всему, был широко известен в городе, поэтому на прием к нему ходили строго по записи в отведенные часы, да и стоило это весьма дорого, поэтому мы решили нагрянуть к нему после рабочего будня, который у него заканчивался в четыре часа дня.
Теперь с чувством выполненного долга можно было отправиться в имение и наградить себя обедом.
После обеда мы немного погуляли, подумали на тему разных проклятий и наваждений, а потом поехали к магу. К слову сказать, жил он в верхней части города во вполне приличном двухэтажном доме. Время подходило к четырем часам, вскоре из дома ушел последний посетитель, через пару минут у двери стояли мы и требовали внимания.
Нам открыл сам хозяин дома – это было видно по атрибутике на одежде – осмотрел нас с ног до головы, улыбнулся и сказал:
- Вы кого-то ищете?
Мы тоже осмотрели мужчину – это был не тот колдун, что нужен нам, хотя бы потому, что глаза у него были серые и волос светлый, но сам факт, что он догадался, был уже интересен.
- Верно, а как вы догадались? – спросил я.
- Вы ведь знали, к кому идете, этот вопрос излишен, - с оттенком гордости ответил мужчина.
- Да, верно, знали. Мы ищем… - и я описал объект наших поисков.
- Что ж, раз так, то отчего же не записались ко мне на прием? Мой рабочий день уже закончился.
- Поэтому, самое время принять горячую ванну, потом выпить черный кофе с двумя ложками меда, а в качестве развлечения поупражняться в жонглировании яблоками? – сказал я.
Мужчина откровенно удивился.
- Как вы узнали?
- Наше преимущество в том, что вы о нас ничего не знаете, не знаете, кто к вам пришел, - в свою очередь отшутился я.
- Да, видимо, не знаю. И кто же мог так подробно рассказать вам мои привычки?
- Вы сами, вы же только об этом и мечтали, когда закрывали дверь за последним посетителем.
- Подождите, вы пытаетесь мне сказать, что вы умеете читать мысли?
- А вы нет? Вы же догадались, что ищем кого-то.
Мужчина посмотрел на нас заинтересованно, с его лица спала маска «загадочности», наконец, он сухо сказал:
- Прошу, заходите.
Мы зашли, убранство дома было весьма богатым, расстановка вещей была выполнена со вкусом, видимо, этот мужчина и правда продвинулся в самосовершенствовании. Мы проследовали в зал, расположились на диване и кресле, хозяин сел напротив нас.
- Итак, господа, я готов сделать вам предложение, от которого вы будете не в силах отказаться.
- Извините, мы не собираемся торговать талантом и совестью, а так же поступать к вам в ученики, - сказала Настя.
Мужчину эта фраза немного разозлила:
- Вы хоть понимаете от чего отказываетесь? Я вовсе не каждому встречному предлагаю

работать с собой, да еще и принять в ученики.
- Нам, конечно, приятно, что вы оценили наши силы так высоко, но мы уже, используя вашу терминологию, «поступили в ученики» к другим людям.
- Позвольте узнать к кому?
- К князьям.
Мужчина повесил голову, пару мгновений сидел неподвижно, затем поднял глаза и сказал:
- Тогда не понимаю, что вы хотите от меня?
- Чтобы вы сказали, где искать нужного нам человека.
- Неужели князья не способны решить этой задачи?
- Способны, но мы учимся искать людей сами.
Мужчина встал, походил по комнате, взял яблоко, подошел к окну, подкинул яблоко в воздух.
- Ладно, - сказал он, подхватив яблоко, - я помогу вам, но в благодарность вы ответите на мой вопрос.
- Смотря каким будет этот вопрос.
- К какому ордену причислены князья? Я знаю, что они сильны, что их возможности часто лежат за гранью понимания, поэтому я хочу знать, где можно получить такую подготовку.
- Насколько я знаю, ни к какому.
- Как так?
- Мне не ведомо, откуда они черпают Знания и Силу, как вы сказали, это за гранью понимания, но они всегда учили нас брать силу и знания в себе. Говорили, что собственное сердце может рассказать очень многое, если оно открыто.
- Что ж, вы ответили на мой вопрос… Хоть я и ожидал услышать нечто другое, я сдержу слово и помогу вам. Вам нужен Демид, или Петр Григорьевич Игнатов, он работает на орден «Сияющий восход», вот его адрес, - мужчина написал адрес на бумаге и передал нам, - но если вы цените свое здоровье, то вам лучше не показываться ему на глаза, он – опасный человек.
- От чего же вы решили, что он опасен, - поинтересовался Кирилл.
- От того, что я уже давно вращаюсь в колдовской середе этого города, и сам видел, как он, наслав проклятье, сгубил нескольких людей. Разумеется, полиция так ничего и не поняла, посчитав, что люди умерли от неожиданного сердечного приступа или острой болезни. Но я знал и Демида, и этих людей, и степень их здоровья, и их ссоры с Петром… В общем у меня есть основания для таких предположений.
- Что ж, спасибо за информацию, простите, что побеспокоили вас, - сказал я, мы засобирались уходить.
- Вы точно не желаете со мной работать?
- Точно.
- В таком случае, не смею больше вас задерживать.
Мужчина проводил нас до двери. Довольно скоро мы разыскали извозчика, указали ему адрес и направились на, так сказать, переговоры. Любезный Лорантир написал нам два адреса: первый – адрес дома, второй – адрес квартиры. Сейчас мы направлялись по второму пункту назначения, потому как были уверены, что компрометировать себя наличием колдовских побрякушек в доме он не станет, тем более если повинен в смерти нескольких людей. И потом – это было похоже на заклинателей змей от ордена, те тоже пользовались подставной квартирой.
Мы прибыли к указанному дому, квартира находилась на третьем этаже. Преодолев лестницы и подобравшись к двери, мы прислушались к происходящему за ней. Было тихо, лишь отдаленный, еле слышный шепот нарушал тишину, из квартиры шел запах паленой травы или близкий к нему.
Не сложно было догадаться, что колдун отрабатывает недавний промах – то есть устраняет нас с Орловым. Кирилл и я переглянулись, Настя отошла немного в сторону, мы

жестами условились, в какое место двери будет бить каждый из нас, я на пальцах отсчитал от трех до одного и мы ударили. Дверь оказалось довольно хлипкой, поэтому легко поддалась натиску, распахнулась и с треском врезалась в шкаф.
Мы ворвались в комнату, мужчина стоял над столом, на столе лежали какие-то фигурки, свечи, фигурные железки и прочая атрибутика, увидев нас, мужчина с силой замахнулся ножом, но удар был нацелен не на нас, а в одну из фигурок.
Время на раздумья не было, я вцепился в руку с ножом, мужчина все пытался заколоть что-то, судя по всему, очень важное на столе, приложил к этому процессу силы второй руки, сильно стиснул зубы и зарычал от напряжения, я же, в свою очередь, старался оттянуть нож от стола и при этом не получить ножевое ранение. Кирилл решил, что лучше всего будет применить сворачивание шеи, разумеется, только для достижения контроля над ситуацией, а не для ликвидации преступника. Он зашел за спину колдуна, ребром кисти надавил ему на участок между челюстью и лицевой костью, когда голова мужчины повернулась, сжал руки в замок и повалил его на пол. Далее я зафиксировал кисть с ножом правой рукой, а левой, ребром ладони, ударил в основание большого пальца, нож вылетел, далее кисть была вывернута, мужчина зафиксирован на полу, Кирилл заламывал ему вторую руку. Весь этот процесс сопровождался столь большим количеством громких звуков, что, не мудрено, у дверей собрались «болельщики», которым Настя объясняла, что мы из полиции и проводим задержание опасного преступника. Жильцы довольно скоро поверили ее словам, когда увидели значок, интерьер комнаты и нож в руках своего соседа. Вскоре Настя убедила жильцов разойтись, закрыла дверь и направилась к нам.
- Петр Григорьевич Игнатов или Демид, если ваш пыл убавился, мы можем беседовать сидя, но если вы предпримете попытку нападения, мы будем беседовать с вами так, как сейчас, - сказал я.
- Конечно, сидя лучше, тем более что вы мне все руки повыкручивали… - мы отпустили руки, - звери, - зло ответил мужчина, поднимаясь.
Теперь у нас была возможность получше рассмотреть квартиру: совершенно обычная квартира, если не считать стола, на котором были в изобилии представлены всяческие парашочки, амулетики, камни, свечи, четыре фигуры, вылепленные из черного воска, ножи, иголки… в общем целый склад-миниатюра.
Мы усадили мужчину на диван, сами сели по бокам от него, Настя устроилась в кресле.
- Итак, может быть, вы поведаете нам, чем это вы тут занимались? И почему так спешили пронзить ножом одну из фигур на столе? – спросил я.
- Ничего я вам не скажу, кто вы вообще такие? – раздраженно отвечал колдун.
- Мы… Во-первых: мы – это те люди, которых вы уже второй день пытаетесь проклясть, во-вторых: полицейские, в-третьих: не уважаем лгунов.
Мужчина удивился, увидев своих вчерашних жертв в столь бойком расположении Духа и тела. В его голове завертелись мысли примерно следующего содержания: «Как же так? Неужели вчера сорвались все четыре проклятья?!»
- Вы правы, у вас сорвались все четыре проклятья, - ответила Настя.
- Хорошо, пусть вы умеете читать мысли и знаете кто я, но на суде этого будет недостаточно, вы не сможете доказать моей вины, а я всегда смогу добраться до вас.
- Все ваши соседи видели убранство вашей комнаты, потом, вы хоть знаете, кто такой господин Орлов? Это – управляющий всеми полицейскими города. Вы думаете, ему очень нравится, что вы заставили его болеть вчера? Но даже если мы допустим, что вы выкрутились и избежали суда, вы думаете, вас ждет более сладкая участь? Провалив заказ, который вам дал… кстати, вы хоть знаете, кто вам его дал? Вы подставили себя под удар преступного мира, теперь лишь дело времени, когда лихой человек с ножом погостит у вас ночью, - сказал я.
- И вот этим бредом вы пытаетесь запугать меня? Нет, я не знаю ни Орлова, ни своего заказчика, мне платят – я делаю, без лишних вопросов.
- Неужели вас устраивает такая жизнь? Убивать людей за деньги. Купаться в роскоши,

зная, что где-то из-за вас страдает человек, страдает целая семья. И вас не заботит, что Жизнь воздаст вам за эти деяния?
- Мальчик, - мужчина рассмеялся, - ты мне еще морали почитай. Да что ты понимаешь в Жизни, в заработке, в страданиях, в воздаянии наконец? Жизнь – это полная свобода. А те, кто уверяет, что несут груз темной или светлой кармы – лгуны и фантазеры. Или может вы думаете, что первые, кто пытается обвинить меня? Да над вами посмеются, когда услышат, в чем вы меня подозреваете. Вы разыскали меня вовсе не потому, что Великая Жизнь так решила, а потому, что у вас голова еще способна работать. Я не знаю, как вам удалось вчера избежать удара, но, можете быть уверены, следующий раз я буду точен.
- Вы так уверенно говорите, будто бы знаете, что мы предоставим вам возможность осуществить задуманное, - сказал Кирилл.
- А что? – нагло спросил мужчина, - Что вы можете сделать?
- Примерно следующее…
Кирилл захватил кисть мужчины, снял с его указательного пальца золотой перстень с топазом, встал с дивана и направился к окну, мужчина пытался последовать за ним, но я его удержал. Кирилл открыл окно, деловито посмотрел на перстень, потом замахнулся и…
- Постой! Верни перстень, я все скажу! – закричал мужчина.
- Хорошо, я верну его вам, когда мы получим все ответы. Итак, вернемся к началу, чем это вы тут занимались? И почему так спешили пронзить ножом одну из фигур на столе?
- Я проводил один из обрядов, направленный на синхронизацию человека с восковой фигурой. Это делается чаще для того, чтобы нанести увечья или же убить человека. Пронзить фигуру я спешил, потому что мой заказчик был в ярости, узнав о провале, пришел ко мне сегодня после обеда и закатил такую сцену… В общем, как мне стало ясно, его, прежде всего, интересовало убийство Орлова, а вы шли как приятный сувенир. Вот и я силился выполнить заказ, хотя бы основную цель – Орлова. Вы, наверно, думаете, почему я не кинулся на вас, ведь вы могли оказаться ворами, - мужчина усмехнулся, - Вы не могли быть ворами хотя бы потому, что привлекли своим вторжением слишком большое внимание соседей и вообще люди воровской среды выглядят совершенно иначе. Учитывая, что у меня уже был опыт общения с полицией, я сразу узнал ваше истинное положение в обществе. Потом, даже если бы я пронзил фигуру Орлова и вы доказали, что в это же самое время у него отказало сердце, вы бы все равно не сумели вписать этот факт в обвинение на суде, потому как прямой связи, для официальной науки здесь нет, а я скажу, что просто игрался с воском, вот такое у меня странное увлечение – вылепливать фигурки, а потом их резать, может я скульптор в Душе.
- Опишите заказчика.
- Старик, седой, рост средний, глаза – не помню, темного цвета, довольно дерзок, имеет плотное телосложение, возможно бывший спортсмен.
- И это все? Может какие-нибудь тонкости? Ощущения от него?
- Тонкости… Одет невзрачно, я бы подумал что нищий, пока не увидел деньги, что он готов отдать за выполнение дела. Ощущение – старик да старик, но когда злится, кажется, будто бы готов пронзить тебя насквозь глазами, даже я, уж сколько людей повидал, а все равно немного встряхнулся.
- Запах табака?
- Да, сильный.
- Что ж, если вас это повеселит, то я немного расскажу вам о вашем визитере. Он не так давно совершил убийство, и не абы кого, а влиятельного человека в этом городе. Господин Орлов лично взялся за это дело, мы – ему помогаем. Вот поэтому вас и просили оказать столь низкую услугу. Но знаете что самое неприятное для вас? Думаю, этот старик расправится с вами, едва вы останетесь без защиты.
- Да не боюсь я его. Уж я-то справлюсь со старым человеком.
- Какое отношение вы имеете к ордену «Сияющий восход»?
- И тут раскопали да? Прямое отношение, я их «цербер», если можно так сказать.

- И как вам такое отношение? Приятно сознавать себя цербером?
- Вот же… - мужчина зло посмотрел на Кирилла, - Какой ты прям умный! Где бы деться! Уж приятнее, чем нищим на улице.
- Значит, неприятно, но вы готовы мириться с этим ради благосостояния, - подвел Кирилл, не обращая внимания на выпады мужчины.
- А ты бы что делал, если бы единственным твоим талантом было колдовство, притом направленное на уничтожение?
- Направил бы талант в созидательное русло, а сам занялся бы мирной профессией.
- Да, я уж вижу, как вы занимаетесь «мирной» профессией! Чуть руки мне не выломали!
- Поступая таким образом, мы сохранили четыре жизни и ни одной не взяли, разве нет? Мы действовали так, как того требовала ситуация, не допуская излишнего насилия, ваши руки здоровы, у вас целы все кости, все суставы на месте. Вообще мы стараемся нести мир и покой на улицы этого города.
- Вы думаете, что делаете такое правильное дело, да? Но вам неведомо, что на улице, среди «воров и преступников», как вы их, верно, называете, есть люди, которым просто нечего есть, которые погибают от голода и холода. Они бы и рады никогда не перешагивать закона, но нужда толкает их на преступление, - мужчина все пытался подцепить нас хоть чем-нибудь, это старый, покрывшийся грибком, трюк темных оккультистов, однако, Кирилл, решил ему подыграть.
- Вы можете быть спокойны, мы прекрасно осведомлены о материальном достатке разных слоев населения, в том числе и о тех несчастных, о которых вы так сердечно отзываетесь. Поверьте, такие преступники – самое безвредное явление зла на улицах этого города, куда опаснее грабители от безделья или же убийцы ради социального положения. Если человека и в самом деле загнала нужда пищи, то он совершает преступление находясь, как минимум в полусознательном состоянии, потому как им движет еще и инстинкт, в то время как сытый, довольный и обеспеченный мерзавец может совершать преступления даже ради увеселения. В жизни не так уж часто встречаются ситуации, когда человеку действительно не осталось выбора, кроме как перешагнуть черту закона. Часто человек не видит или не хочет других способов самообеспечения.
Мужчина постепенно входил в состояние бешенства и, судя по всему, решил пойти ва-банк: сперва он грубо обругал Кирилла, потом меня, потом высказал свои смелые догадки на счет того, чем мы втроем занимаемся, когда нам никто не мешает, наговорил уйму пакостей про Настю. Мы сидели и спокойно наблюдали за представлением, при этом, однако, не теряя бдительности. Мужчину «рвало на части», в какой-то момент он вскочил с дивана, начал громко орать, указывать на нас руками, выкрикивая неимоверные непристойности, желая, чтобы хоть что-то проникло внутрь наших оболочек. Но все было напрасно. К отчаянию мужчины, он не заметил, что стоит в центре треугольника, умозрительными вершинами которого являемся мы трое: из этого треугольника весь его негатив не мог выбраться наружу, не мог проникнуть ни в кого из нас, поэтому с грохотом обрушился на самого оратора.
Петр схватился за сердце и тяжело рухнул на пол, он был почти без сознания, глубоко с хрипом дышал, глаза его были «потерянными», вскоре они закатились наверх. Мы с Кириллом подошли к нему, пытаясь помочь, а Настя пошла на повторные переговоры с соседями, которые, услышав выступление Демида, пришли нас спасать.
- Вот это называется карма, Петр, - сказал я почти шепотом, - только процесс воздаяния произошел гораздо быстрее, чем обычно.
- Верните перстень, вы обещали, - еле слышно сказал мужчина.
- Вы ответили не на все наши вопросы, мы вернем его, как и обещали, после того, как с вами предметно побеседуют в полицейском управлении.
Мужчина, было, хотел обвинить нас во лжи, изворотливости и прочих «прелестях», но был слишком слаб для этого, потому просто замычал от боли и закрыл глаза.
Настя повторно успокоила жильцов дома. Вскоре мы вынесли бессознательное тело Петра

из дома, нашли извозчика, который охотно согласился отвезти нас, решив, что мы перевозим пьяного до последней степени товарища.
- Да, видимо придется привыкнуть к тому, что люди вот так, до последнего борются за свою правду жизни, даже если они – последние убийцы, - сказал Кирилл.
- Это распространенное явление, - ответила Настя, - Но, чем больше в человеке правдивости и трезвой аналитической мысли, тем реже случаются подобные сцены.
- Что бы вы понимали… - буркнуло бессознательное тело Демида, чем рассмешило нас.
Мы добрались до управления, к счастью Орлов был еще здесь. Кирилл пошел обрисовывать ситуацию Федору, а мы с Настей остались сторожить тело мужчины, размещенное на лавочке рядом со зданием. Минуты через три-четыре вернулся Кирилл в сопровождении Федора и еще двух мужчин.
Орлов внимательно осмотрел Петра, прощупал его пульс, проверил зрачки и отдал приказ:
- Сопроводить в камеру, предоставить врача и покой.
Двое полицейских принялись за дело, вскоре их уже и не было видно. Федор присел на лавочку рядом с нами, улыбнулся и сказал:
- Значит, это и есть тот грозный колдун?
- Он самый, - начал я, - мы задержали его в тот момент, когда он уже был готов пронзить восковые фигурки.
- Восковые фигурки? И что с того?
Мы подробно обрисовали Федору ситуацию и примерно объяснили механизм, по которому повреждения на фигурке могут сказаться на здоровье человека.
- Вы знаете, мне и правда было немного не по себе в последнее время, как будто надвигается беда, видимо, так отражалась деятельность этого человека. Однако, мы не можем отправить его в тюрьму, суд ни за что не поверит в эти рассказы о колдовстве. Единственный шанс – чтобы он сознался сам.
- Да, но пока он у нас, мы можем узнать много полезной информации о заказчике, о лидере ордена, о его местах пребывания, интересах… в общем много чего.
- Мы это обязательно сделаем, но, может быть, вы мне расскажете, каким образом здесь замешан этот перстень? Кирилл сказал, что с его помощью вы развязали язык этому человеку.
- Думаю, этот перстень является неким символом власти для Петра, возможно, он был подарен ему кем-то более высоким по социальному и в особенности «колдовскому» статусу. Перстень, чувствуется, заряжен весьма сильным человеком, сам Демид так зарядить его не смог бы. Поэтому он так и дорожит этой вещью, ведь без нее Петр мало что может совершить.
- И вы пообещали ему ее отдать?
- Да, но строго после того, как мы получим ответы на все наши вопросы.
- Допустим, мы их получим. Но после возвращения перстня и освобождения из под стражи Петр захочет отомстить, у него будет и оружие и свобода и эффект неожиданности. Мы, как будто, подписываем себе приговор этим.
- Не беспокойтесь об этом, уверен, что силу перстня мы нейтрализуем или же нам поможет князь.
Федор улыбнулся, мы еще немного поговорили, сыщик пообещал, что продержит Петра в заключении неделю и выпустит лишь в следующую среду. Затем мы отправились в имение, где нас уже ожидал Гавриил.
- Добрый вечер, мои юные сыщики, каков успех сегодня?
- Сегодня мы обезвредили зло настроенного колдуна, сдали его в управление и отняли у него перстень, - рапортовал Кирилл.
- Позвольте взглянуть на сию добычу.
Кирилл протянул князю перстень, Гавриил аккуратно взял его, в миг с лица гиганта слетела улыбка, появилась всепоглощающая сосредоточенность. Откровенно не понимая, что происходит, я стоял как вкопанный, наблюдая за всем действом. В какой-то момент

мне показалось, что рядом с Гавриилом появился Михаил, между ними промелькнули какие-то молнии, после Михаил улыбнулся, кивнул головой, и видение пропало.
- Вы, верно, пообещали вернуть эту вещицу?
- Да.
- В таком случае, ее нужно обезвредить, я верну перстень завтра утром, - сказал Гавриил и удалился, весь вечер мы его не видели.
На следующее утро князь вернул перстень, теперь это было обычное ювелирное украшение, ощущение сильного зачарования и вовсе исчезло. Гавриил отказался рассказывать нам о тех силах, что создали этот предмет, добавив, что на наши головы и так свалились нешуточные угрозы.
Неделя прошла спокойно и плодотворно: мы продолжали следить за перепиской Синко, Федор добыл из Демида всю необходимую информацию, я погостил у Пегасова, мы навестили Костю и Олю, погостили у Кристины, Марины и Елизаветы, проведали Екатерину Петровну вместе с ее мужем Виктором Владимировичем, посетили чудесный дом-сам Марины Алексеевны… в общем объехали почти всех друзей и знакомых.
И вот наступил октябрь… Утро, немного прохладно, среда, как и обещал Федор, сегодня он выпускает Петра Григорьевича Игнатова – таким было полное имя Демида – на свободу, если можно так сказать, ведь в тюрьму он так и не попал. Мы встретили мужчину на крыльце, он улыбнулся, вряд ли он был рад видеть нас, скорее, он улыбался тому, что скоро получит обратно перстень.
Мы, как и обещали, вернули ему драгоценность, Петр одел его, закрыл глаза, глубоко вдохнул, видимо, ожидая прилива сил и власти, но их не последовало, он вдохнул еще раз – тот же эффект.
- Это не тот перстень! – возмущался мужчина.
- Это именно он, - ответил я.
Петр, было, собирался опять впасть в бешенство, но, вспомнив, чем ему это обернулось последний раз, стих.
- Мой перстень давал мне ощущение силы и власти, а это – не он, такой же, но не тот самый, - уже спокойным голосом пояснил Демид.
- Это тот самый перстень, Петр, просто мы сняли с него все те темные заклятия, с помощью которых вы губили и свою и чужие Души.
- Что ж… - мужчина зло поджал губы, сдвинул брови, впился в меня глазами и шепотом сказал, - Я хочу, чтобы вы раз и навсегда запомнили, вы – лжецы.
Это звучало как проклятье, но, к горю Петра, я был знаком с той техникой внушения, какую он сейчас пытался применить.
- Петр, я знаю этот прием, - улыбнулся я, мужчина раздосадовано прорычал, - Мы не лгали вам, мы вернули вам тот же самый перстень, именно это мы обещали, но мы ни слова не сказали о том, что не будем трогать зачарование этого предмета, и вы ни слова не упомянули об этом.
- Вроде как у меня был выбор: вломились ко мне в дом, скрутили, ограбили…
- Спасли четырех человек, очистили перстень, ничего не взяли. И потом, вы были уверены, что мы не разглядим зачарованности этой вещи.
- Все, мне надоело с вами спорить. Надеюсь, что мы больше с вами никогда не увидимся!
- Если вы бросите свое ремесло, то очень может быть.
Демид ушел в ярости, он хотел бы нам отомстить, но без перстня он не сможет наслать на нас и элементарной простуды или головной боли, уж не говоря о тех картинах, которые он ежедневно рисовал, сидя в камере.
Вскоре мы встретили Орлова, он был весел, полон сил и, казалось, сбросил лет пятнадцать.
- Ну-с, как пообщались с этим господином?
- Он на нас в обиде, - пояснил Кирилл.
- Не удивительно, думаю, он успел обидеться на все полицейское управление, - сыщик

улыбнулся, - как думаете, это можно причислить к проклятью?
- Теоретически – да, практически – ему еще долго нужно тренироваться, чтобы суметь наслать такие чары на все управление, - пояснила Настя.
- Вот и славно… Друзья! – Федор торжественно и в то же время вопросительно смотрел на нас, застыв в не менее торжественной позе.
- Барабанная дробь! Цветы юбиляру! – сказал я, сыщик рассмеялся.
- Почти, Дима, почти. Как вы относитесь к театральным постановкам?
Теперь рассмеялись мы, вспоминая наши ночные выступления.
- Замечательно, мы даже имеем кое-какой опыт в этом.
- Да вы что, в таком случае сегодня вечером мы продемонстрируем свое мастерство в хорошо знакомом вам заведении.
- Репухову не скрыться! – подытожил Кирилл, давая понять Федору, что мы ухватили его мысль.
- Это верно. Значит, дело обстоит так: место встречи – у моего дома, там мы принимаем вид порядочных выпивох, шпаги вам придется оставить в имении, и катим развлекаться. Время встречи – семь с половиной часов.
- Устроим.
- Вот и славно, а пока – отдохните, наберитесь сил, - Федор глазами показал, что набрать сил нам следует подальше от управления.
Что ж, мы были рады «набраться сил» на тренировке. Гавриил сегодня весь день посвятил тренировке рукопашного боя, различным захватам, ударам по болевым точкам и так далее. Конечно, я был рад всем новым знаниям, но меня несколько смущала фраза, которая сегодня частенько сопровождала приемы: «Не рассчитаешь силу – человек умрет». Однако, у этой фразы есть и свой плюс – сразу возникает неодолимое желание взвешивать силу точнее, чем самые точные весы.
День прошел довольно весело: мы примеряли на себя маски различных пьяниц, пытаясь выглядеть правдоподобно, но часто вызывали откровенный смех как друг у друга, так и «сердитых судей» - Давида и Алексея.
Как бы то ни было, к указанному сроку мы были у порога Орлова, нас встретил старый, бородатый мужчина в лохмотьях, понять, что это Федор, можно было лишь по глазам. Мы оценили актерский талант и качество реквизита сыщика, дружно посмеялись над теми комическими этюдами, что Федор выкинул, встречая нас, и прошли вглубь дома. Орлов выдал маскарадные наряды и нам, переодевшись в которые, мы с трудом узнавали друг друга. Мне досталась роль небритого пьяницы с выбитым левым глазом, Настя играла роль моей спутницы, а Кирилл с Федором – наши друзья.
Совершенно сконфуженный извозчик, ожидавший нас, поначалу и не поверил, что перед ним те же самые люди и было собирался прогнать нас подальше от экипажа. Когда же он оценил весь масштаб перевоплощения – залился смехом. На наше счастье извозчиком вновь оказался Кузнецов. Доставив нас до места, он любезно согласился подождать до конца мероприятия.
Итак, снова «Клюв», снова «чарующий аромат», снова пьяные люди, громкие разговоры, мелкие стычки. Мы заняли свободный столик, Федор заказал какую-то вонючую ерунду, на которую и смотреть-то было противно, но для маскировки она была необходима. План был следующим: нам следовало найти человека-левшу, подходившего под описание соседа Трапенко, если же нет, то Орлов сделает «жест благотворительности» и угостит всех, потому что у него «сегодня счастливый день».
- Господа, смотрим внимательно, - напомнил Федор, - если заприметите того старика, что «оформлял заказ» на наши головы – сразу сообщайте.
Мы принялись наблюдать. Конечно, тяжело было не пуститься в размышления на тему пьянства и путей человеческих, но дело было важнее в данном случае. Через какое-то время Настя толкнула меня ногой под столом, я посмотрел на нее, она указала глазами на одного мужчину, я осторожно осмотрел его: крепко сложенный мужчина среднего роста,

около тридцати лет, черноволосый, в разговоре он больше жестикулировал левой рукой. Вскоре вся наша компания наблюдала этого человека. Он разговаривал с худощавым человеком среднего роста, довольно старым, почти полностью поседевшим. Расположились они в одном из дальних углов помещения, пили, ели, активно бороздили глазами толпу, вероятно, они кого-то ждали. Минут через двадцать к ним подошел весьма неприятного вида пьяница, передал что-то, как я полагаю записку, и удалился, после чего эти двое собрались, жестом попрощались с трактирщиком и вышли. Мы последовали за ними.

На наше счастье эти господа были достаточно пьяны, чтобы не заметить слежку, поэтому привели нас прямо к своему дому – обычному, на первый взгляд, деревянному дому с покосившимся забором.

- Возьмем их сейчас? – спросил Кирилл.

- Нет, еще рано, лучше я завтра наведаюсь сюда и постараюсь найти ту записку, что была им передана, - ответит Федор.

- А чем завтра лучше, чем сейчас?

- Завтра днем, думаю, их не будет дома.

- Так вы планируете вломиться в закрытый дом?

- Кирилл, вы так смотрите на меня, будто не вы неделю назад выставили дверь квартиры господина Игнатова.

- Хорошо, а нам что делать?

- Нести покой в сердца горожан, - улыбнулся сыщик.

Мы направились обратно к извозчику, идти нам было не меньше получаса, воздух свежий и слегка прохладный, редкие тучи на небе не мешали любоваться звездами… наверно в такие вечера рождаются шедевры искусства.

Однако, эту идиллию нарушила сцена, невольными свидетелями которой мы стали: дом, как и водится в этих краях, деревянный, одноэтажный, тусклый огонек освещает комнаты, но вдруг в ночном свете, через окно, сверкнула сталь. В доме явно что-то происходило, что-то зловещее. Мы подобрались поближе к окну и увидели, как трое мужчин, не то чтобы крепко сбитых, но довольно крупных для пьяниц, захватили в плен все семейство: мужчину, женщину и ребенка лет трех-четырех. Один нападавший «караулил» женщину с ребенком, другой поставил хозяина дома на колени и наступил на его ноги сзади, а третий вел «высокоинтеллектуальный» разговор, суть которого сводилась к тому, что мужчина не заплатил каких-то денег, и теперь, если он в течение недели не сыщет средства – они расправятся с его семьей, а его заберут на пожизненные принудительные трудовые подвиги.

Ситуация, прямо скажем, неприятная, но я, наверно, не смогу передать ту боль, что шевельнулась в Федоре: красной молнией в его сознании промелькнули все страшные события его прошлого, семья, тот вечер, нападение, дом, утрата близких, лица убийц… Даже не знаю, откуда в этом человеке взялось столько мощи, скорости и ярости: Орлов устремился к крыльцу, выбил дверь ногой, благо она открывалась внутрь, а руками уже нащупывал в рукавах метательные ножи.

Мы, конечно же, устремились за ним, но все, что мы успели застать – двое нападавших на полу сгибаются от боли, третий сидит на полу, обеими руками пытается отвести левую руку сыщика, впившуюся в горло, и с животным ужасом смотрит на правую руку, в которой сверкает нож. Ребенок громко плачет, женщина уже готова к нему присоединиться, мужчина смотрит на нас так, будто увидел вестников Апокалипсиса и не знает, радоваться ему или бежать подальше.

Настя нежно положила одну руку Федору на шею, другой обхватила кисть с ножом.

- Федор, что с вами? Отпустите человека, ведь вы его задушите, будьте спокойны, мы всех преступников сейчас же обезвредим и доставим в управление, - сказала Настя мягким успокаивающим голосом.

У сыщика в глазах забегали здравые мысли, он осмотрелся по сторонам, отшвырнул от

себя перепуганного бандита, поднялся и скомандовал:
- Этих связать и ждать меня, буду с извозчиком, - а после этих слов вышел в дверь.
Думаю, Федор решил таким образом развеяться, иначе он бы прикончил кого-нибудь из этих троих.
- Как вас зовут? – спросил я мужчину, все еще пребывающего на полу.
- Сергей, - дрожащим голосом ответил тот.
- Так вот, Сергей, - я подал ему руку и поднял с пола, - у вас имеется три мотка веревки, а так же таз с водой и чем перевязать раны?
Мужчина все еще с ужасом смотрел на нас и на бандитов, испуганно кивнул в знак согласия.
- Замечательно, сейчас вы, демонстрируя своему ребенку пример мужества и выдержки даже в экстремальных ситуациях, уведете семью в другу комнату, доставите все эти вещи сюда, поможете нам с этими господами, а заодно расскажете, что здесь происходило. Если вы еще не догадались – мы полицейские, на внешний вид внимания не обращайте, это для маскировки.
Сергей более-менее проникся мыслью о мужестве, постарался сделать серьезное лицо, подошел к жене, погладил ребенка по голове, отвел их в другую комнату.
Тем временем мы осмотрели раны преступников: одному безжалостная сталь пронзила кисть, некогда державшую нож, и плечо, второму нож вонзился в левый бок, а третий, которого едва не задушили, получил не глубокое, но обширное рассечение от левого плеча до правого бока. Действовать нужно было быстро, мы поторопили Сергея со сбором материалов, сами в это время расположили раненых в большой комнате, освободили раненные участки от одежды, вскоре подоспел и хозяин дома с запасами. Он, конечно же, первым делом хотел связать негодяев, но мы ему не дали, вместо этого велели светить как следует, чтобы обработка раны была более удобной.
К счастью, Настя умела перевязывать раны, останавливать кровотечения, вынимать острые предметы из тела, поэтому мы выполняли роль ее послушных помощников и, одновременно, учеников.
Тяжелее всего досталось мужчине, что «поймал» нож боком. Настя сказала, что жизненно важные органы не задеты, но он может потерять много крови, поэтому с него и следует начать.
Пока мы перевязывали раненых, Сергей изложил нам свою версию происшедшего: по его словам эти люди решили, что владеют этой улицей, а потому имеют право взимать мзду за проживание здесь, разумеется, сильных и влиятельных людей этих мест они не трогали, а «простым смертным» доставалось регулярно.
Закончив с ранеными, мы принялись дожидаться Федора, чтобы скоротать время и разрядить напряжение хозяина дома, мы решили поговорить с ним. Поначалу разговор вязался слабо, но со временем Сергей осмелел, освоился и сам начал задавать направление для беседы.
Наконец, появился Орлов, думаю, что еще перед домом он имел прежний вид, но войдя в комнату принял облик стального и беспощадного судьи: грозные брови, жесткое лицо, острые как меч глаза.
- Друзья, вы хорошо постарались, теперь помогите сопроводить этих бандитов в экипаж.
- Куда мы доставим их? – поинтересовался Кирилл.
- В управление.
- Они ранены…
- Так пусть ими займется наш врач, зря что ли он получает жалование.
Решимость Федора была абсолютной, он ни за что не согласился бы упустить этих троих.
Мы принялись транспортировать мужчин, один из которых, казалось, потерял сознание.
Уже на улице мы обнаружили, что экипажей два. Поначалу мы думали разделить бандитов на два экипажа, но Орлов велел всех поместить в одну кабинку. Когда дело было сделано, Федор подошел к хозяину дома, пристально посмотрел тому в глаза и сказал уже

мягким, понимающим голосом:
- Эту ночь отдыхайте, успокойте жену и ребенка, а завтра с утра приходите в полицейское управление, там вы покончите с беспределом этих людей.
Мы вышли на улицу, сыщик еще что-то сказал Сергею, пожал ему руку и вышел к нам.
- Простите, друзья, что сегодня вы стали свидетелями столь жестокой сцены, завтра, если вы пожелаете, я объяснюсь, а сейчас мне есть что сказать этим господам, вы поезжайте в свободном экипаже за нами.
Разумеется, мы были не против, но вот двое преступников, что еще оставались в сознании, были откровенно перепуганы перспективой путешествия в одном, так сказать, «номере» с таким «зверем», как Орлов.
- Видимо, Федор до сих пор тяжело переживает ту страшную ночь, - сказал Кирилл, когда мы уже ехали к управлению.
- Его можно понять, ведь подобное происшествие – глубочайшее потрясение для человека, - отозвался я, - Но ситуация интересна еще и тем, насколько меняется сознание людей. Например, тех трех бандитов, ведь они полагали, что могут совершать любые деяния безнаказанно, а теперь их уверенность, и сила и мнимая власть растоптаны, теперь им следует искать новые точки, на которых будет строиться их дальнейшая жизнь.
- Ты полагаешь, они способны измениться после этой ночи?
- Полагаю.
- Что ж, может быть, может быть, но я в этом не уверен, вдруг они из тех людей, что наступают на одни и те же грабли раз по десять, прежде чем сообразят что к чему.
- Не думаю, - сказала Настя, - Они скорее похожи на заигравшихся ребят, чем на матерых преступников, которым трудно изменить свои привычки. Однажды они попробовали грабеж, и так все совпало, что возмездие сразу же не обрушилось на их головы, они попробовали еще раз и еще и вот уже опьяненные своей безнаказанностью, они вломились в дом к Сергею, когда же они повстречались с ножами Федора, то осознали, что игра окончена, что они совершали довольно низкие дела, и что теперь им придется отвечать.
Прибыв в управление, мы сопроводили мужчин в их новое временное жилище, Орлов отдал распоряжения касательно этого дела и мы направились к нему домой, там вернули «театральный реквизит», попрощались, и отбыли в имение.
Утром, после завтрака мы направились в управление, Федор рассказал нам историю своего прошлого, мы ему посочувствовали, затем поговорили о судьбе этих троих. Вскоре прибыл Сергей и Орлов нас отпустил, вернее, направил нести «мир и покой» в город.
Нам было чем заняться: Демид сообщил все адреса домов и квартир, в которых им был замечен Захар, поэтому мы решили покататься по городу и осмотреть будущее поле труда.
Ближе к ужину мы вернулись в имение, посидели немного на скамейке в саду, расспросили Алексея про первый месяц студенческой жизни. Потом ужин, легкая прогулка и сон.
Утром мы прибыли в управление, где, сияющий не хуже солнечного луча, Орлов, вручил нам жалование, поблагодарил за отличную службу, предложил прогуляться.
- Коллеги, - начал Федор уже на улице, - я думаю, что этим вечером нам следует навестить нашего горячо любимого колдуна Демида.
- Вы полагаете, он найдет нашу компанию приятной? – полюбопытствовала Настя.
- Не то слово, думаю, он будет искренне рад нашему появлению.
- Вы считаете, что… все произойдет сегодня?
- Уверен, не зря же я вчера днем «прибирался» в известном нам доме.
- Так значит, у Демида будут еще гости, помимо нас?
- Да, думаю, еще двое.
- И когда мы идем в гости?
- В одиннадцать вечера. А встречаемся в десять часов двадцать минут у имения князей – оттуда быстрее добираться.
- Позвольте нескромный вопрос, - отозвался Кирилл.

- Прошу.
- А как вы справлялись раньше? Когда мы не служили у вас?
- Мой друг, - сыщик улыбнулся, - Вы уже видели, насколько быстро и точно я умею посылать свои ножи, с вами же у нас больше шансов захватить преступников здоровыми.
Мы зашли выпить чашечку чего-нибудь горячего в один из ресторанов и, так распорядилась Жизнь, что это был тот самый ресторан, в котором работала Галина. Сравнить ее внутреннюю вспышку Радости можно, пожалуй, с мгновенным вспыхиванием костра, с ударом молнии в дерево.
Она подошла, поприветствовала нас, мы познакомили ее с Федором, усадили за наш столик. Конечно, я еще не силен в амурных делах, но мне показалось, что между ней и Орловым что-то проскочило, какая-то невидимая искорка. Откровенно говоря, я полагал, что трагедия Федора не позволит более никому проникнуть в его сердце, потому как оно было закрыто на стальной замок от всех посторонних глаз, но теперь, когда его старая рана вновь взбудоражена недавними событиями, когда он сам поведал историю той страшной ночи… В нем что-то переменилось, возможно, он даже приоткрыл дверцу в свое сердце, оставил маленькую щель, и теперь сквозь эту щель в его сердце попала Галина.
Однако, у искорки была и оборотная сторона – женщина начала болтать без умолку, благодаря нас за свое спасенье, чем удивила сыщика – Орлов не знал, какими делами занимались мы те пять дней, когда он ловил негодяев по совету Гавриила – про мужа ничего не сказала, вроде как его и не было.
Когда же мы все-таки сумели вырваться из словесного плена на свежий воздух, Федор хитро посмотрел на нас и спросил:
- Может мне хоть кто-нибудь внятно объяснить, за что вас так горячо благодарила эта прекрасная дама?
Что делать, мы рассказали ему историю с демоном. Орлов молча слушал, уточнял некоторые детали, а в завершении нашего рассказа подытожил:
- Да… С вашим появлением в моей жизни, то и дело, случаются невероятные истории, но еще больше невероятного мне приходится слышать от вас… Демон, зеркало, треугольник… Да… С этим нужно разбираться.
- Вам это кажется странным, - спросил Кирилл.
- Мне это не ясно до конца, значит – нужно разбираться. Но, прошу вас, только не подумайте, что мне это неприятно, или что меня начало тяготить ваше общество, напротив, вы вносите в мою жизнь новую свежую струю событий и открытий, а я всегда рад новым знаниям.
Еще немного пообщавшись, мы разошлись с сыщиком и отправились в имение, Гавриил отбыл в город по делам, поэтому тренировку начали без него, благо уровень знаний уже позволял самим сообразить где, как и над чем следует поработать.
Вообще, тренировки под руководством князей заслуживают отдельной благодарности: не смотря на то, что мы тренируемся всю неделю и часто больше одного раза в день – никто из нас не выматывается до последней степени, мы не трудимся на износ, мы, как бы это вернее сказать, легко разминаемся, потом спарринги, техника, другие упражнения… И в процессе всего этого внутри организма запускается какой-то едва уловимый процесс, активирующий рост и развитие тела, укрепление эмоций и совершенствование ментальной стабильности. Может быть, успех такой системы тренировок был еще и в том, что князья всегда умели сделать тренировку интересной, мотивировать нас, полностью включить все наши силы в процесс.
День прошел довольно спокойно, мы много гуляли, размышляли о предстоящем деле, Алексей забавлял нас рассказами о том, как студенты пытаются хитрить, выполняя контрольные задания, как сердится преподаватель, рассказал, что его ребята наградили ореолом всеведения, потому как Леша, мало того что был честен, трудолюбив и умен, так еще и усердно тренировался у Федора, а сейчас у Гавриила.

- Вообще интересное ощущение: когда я нахожусь в среде однокурсников, то чувствую себя большим, исполненным силы и знания, но стоит мне вступить на территорию имения или, пуще того, встретить князей или княгиню, так я тут же теряю все эти ощущения и начинаю чувствовать себя маленьким несмышленым ребенком, вы же для меня – как старшекурсники, то есть мы учимся как бы в одном университете, но я только приступил к обучению, а вы скоро закончите. Скоро перестанете быть студентами и станете преподавателями, - поведал Алексей.
- Думаю, все мы испытываем подобные перемены в ощущениях, - начала Настя, - но этот опыт лишь помогает понять, куда нам следует двигаться дальше, чего достигать, на кого равняться. Уверена, есть и такие существа, рядом с которыми князья чувствуют себя так же, как ты рядом с ними, хотя мне сложно представить такое Могущество. Однако, подобные наблюдения указывают любому трезвомыслящему человеку на одну очень интересную вещь – встречая кого-либо, ты, твоя Душа, уже точно знает, в чем, где и как встречный достиг больше твоего, а в чем меньшего. Если только человек сумеет полностью избавиться от лжи в себе – ему будет просто видеть истинную суть других людей. Притом Знание Души – вещь настолько сильная, что ее невозможно перекрыть никакими умственными фантазиями окончательно. Человек может накладывать на себя разные иллюзии слой за слоем, но в критической ситуации, когда ценится действие, а не словоблудие – все встает на свои места, проявляется именно Знание, а не фантазерские домыслы.
- Что ж, если смотреть на человека таким образом, то мне предстоит огромная работа, прежде чем я смогу участвовать в драке с пользой для вас.
Бедняга, он все еще не мог окончательно простить себе той минуты трусости.
- Леша, разве стоит держать в своем сердце тот осадок, что оставила драка? Не важно, как ты себя проявил тогда. Сейчас для тебя это не важно, ты уже знаешь, что и где тебе следует развить, чтобы страх отступил от тебя. Тебе не нужно разрабатывать в уме схему драки, высчитывая наилучшие варианты своих действий – Жизнь многообразна, на все ситуации не придумать шаблонов. Вместо этого постарайся развить в себе навык: умение быстро и точно ориентироваться в ситуации. Даже если взять драку для примера, ты ведь понимаешь, для того чтобы нанести удар, человеку нужно раскрыть свою защиту хотя бы в одном месте, и если ты так натренируешь свое сознание, чтобы уметь предугадывать, видеть этот момент и это место, то разве тебе нужны будут десятки или сотни «схем сражения»? Нет, ты будешь открыт и спокоен во время нападения, потому что уверен – какой бы ход не выбрал противник, ты всегда сумеешь его предугадать и отразить.
- Да, но для этого ведь нужно долго и усердно тренироваться.
- Тренироваться следует постоянно, каждое мгновение своей жизни, при наилучшем варианте, человек познает что-то новое, постоянно обменивается информацией с миром. Обмен информации – очень важен для каждого из нас. Если ты одинаково хорошо посылаешь и принимаешь информацию, то ты находишься в Гармонии с Миром, и чем больше поток этой информации, тем крепче Гармония. Однако, часто случается так, что человек любит только посылать информацию и совершенно отказывается видеть даже элементарные вещи – это и есть природа эгоизма: видеть и навязывать лишь свою картину мира и образ восприятия. Эгоизм мешает полноценному обмену, блокирует потоки информации от Вселенной, сосредотачивается на исходящих потоках. Как результат – отсутствие Гармонии, Радости, удовлетворенности жизнью, полное или значительное непонимание мировых процессов.
- Ты так об этом говоришь, словно достичь этих высот все равно, что щелкнуть пальцами. Все, вроде бы, так просто, рядом, почти в руках, но, в то же время, все очень сложно, и даже не знаешь, с какого краю подступить. Но, если человек полностью открыт, если Жизнь без препятствий проходит через него, разве он не перестает быть самим собой? И потом, не повредит ли это телу – такие огромные потоки энергии пропускать через себя?
- Представь себе кровеносный сосуд, по нему течет кровь, переносит нужные вещества по

организму, так? А теперь представь, что стенки сосуда начали сжиматься, и в конечном итоге закупорились и кровь больше не проходит. В итоге организм чувствует дискомфорт, стенки сосуда тоже – в убытке все. Вообще, есть очень простой способ проверять жизнеспособность теорий – их, всего-то, нужно мысленно распространить не весь мир, в нашем примере – на весь организм. Разумеется, что организм не выживет, если все сосуды закупорятся. Человек не перестает быть самим собой, он лишь смиряет свое эго, не убивает его, не изничтожает, а смиряет, делает послушным.
- Верно, смирить эго, об этом мне много говорили Федор, правда, поначалу я понимал эти разговоры своеобразно, пытался именно уничтожить эго в себе, но, как вы можете догадаться, терпел неудачу раз за разом. Лишь спустя какое-то время я понял, что невозможно уничтожить часть себя, даже крохотную, возможно ее видоизменить, задать ей новый вектор. Одно время у меня в голове даже было такое представление о человеке, как о совокупности векторов, куда направлена большая масса их, туда человек и движется, независимо от его мыслей и желаний двигаться в другие стороны. Так я научился принимать свои агрессию, ненависть, обиду и прочие вещи, перевоплощая их впоследствии в более полезные и красивые качества.
- Но, как же быть с теми ситуациями, когда человек теряет кого-нибудь из близких, к примеру, и в его сердце поселяется боль и «пустота»? – спросил Кирилл.
- И в этом случае нет никакого исключения – человек просто заменяет те чувства любви и привязанности, что он испытывал к человеку, на боль. Человеку кажется, что в каком-то из участков его сердца пусто, но на самом деле там или боль, или зарубцевавшаяся рана. Человек был и есть целостным существом, когда это осознают все люди – мы шагнем в эпоху новой жизни.
Мы проговорили довольно долго, затем тренировки, прочие дела и, наконец, настал срок нам выходить на «ночное дежурство». Мы вышли из имения точно в срок, Гавриил составил нам компанию, Федор уже ожидал с экипажем.
- Ваша Светлость! Добрый вечер! Чем обязан такой высокой чести? – приветствовал сыщик князя.
- Добрый вечер, Федор Яковлевич. Смотрю, вы теперь – ночной похититель, - улыбался князь.
- Грешен, грешен, кстати, хочу лично поблагодарить вас за тот список злодеяний, по которому действовали мои люди. Представляете себе – все дела в списке попали в точку, мы поймали ровно всех! Вы, поистине, великий человек.
- Благодарю, однако, и вы многое совершили для этого города, да, очень многое… Друзья, вы не против, если мы поговорим с Федором Яковлевичем наедине? – обратился князь к нам.
Разумеется, мы были не против, поэтому поспешили забраться в экипаж.
- Странно, неужели князь от нас что-то скрывает, - сказал Кирилл.
- Конечно, раз попросил нас удалиться, но, уверен, так будет лучше для всех, - ответил я.
Вскоре вернулся Федор, бледный как смерть и суровый, как недавно ночью, сухо скомандовал кучеру и мы помчали.
- Все в порядке? – полюбопытствовал я.
- Да, думаю можно так сказать, - ответил сыщик, даже не взглянув в мою сторону, его мысли, что странно, были сокрыты от меня сейчас.
В руках Орлов сжимал какой-то предмет, на груди, через приоткрытое пальто, был виден какой-то кулон. Не знаю, что нужно сказать человеку, чтобы вот так взволновать.
Когда мы уже почти подъехали к дому колдуна, Федор вскрикнул, схватился за сердце, раздался звон, будто сломалось что-то стальное. Оказалось, в руках сыщик держал флакон с жидкостью, которую он без промедления выпил, а в следующее мгновение сорвал с себя разбитый стальной кулон.
- Скорее в дом, их двое, они на первом этаже, Кирилл, обходи дом с левой стороны, - прохрипел Федор.

Без слов было ясно, что с Орловым случилось что-то страшное, но ослушаться его слов мы не смели.
Мое сознание все еще страдало одной неприятной особенностью в экстремальные моменты – начинало быстро-быстро прогонять разные мысли через голову, но полезных среди них было немного. Судя по всему, Настю этот «недуг» не беспокоил, она тут же определила, что окно справа от двери вскрыто и влезла туда, я пробрался вслед за ней, Кирилл побежал по своему заданию. Мы, как могли, спешили добраться до Демида: дом был не освещен, вещи разбросаны весьма беспорядочно, что осложняло продвижение, наконец, свет из-под двери был замечен в одной из дальних комнат, находилась она слева, с противоположной от входа, стороны дома. Из-за двери послышался разговор, крик, удар… рев, хрип, шум падающего тела. Разбежавшись, я высадил дверь, и нашим глазам открылась следующая сцена: Демид на полу, истекает кровью, держится руками за бок, возле него стояло два человека вполне прилично одетых, не похожих на убийц Шальнова, но со схожими чертами наглости и безнаказанности на лице, у одного из них в руках красовался огромный нож.
Увидев нас, преступники, было, приготовились к сражению, мы обнажили шпаги, тот, что с ножом, схватил стул, швырнул в мою сторону и тут же сам ринулся в бой. Видимо, он ожидал, что стул парализует мою реакцию, но вышло по-другому: я увернулся от стула и подцепил шпагой кисть нападавшего, тот выронил нож, немного потерял координацию, тут же получил рукоятью шпаги в челюсть и отключился. Тем временем второй бросился прочь из дома, Настя погналась за ним. Мужчина с разбегу выбил окно, наверняка, изрезался стеклом и упал на землю за домом, где его уже поджидал Кирилл, вскоре, используя методы конвоирования, друг привел беглеца обратно к месту преступления.
- Проведаю Федора, - сказала Настя и направилась к выходу, - заодно попробую собрать хоть что-нибудь для обработки раны Петра.
- А мы пока обезвредим бандитов, - отозвался я, завязывая узел на руках отключившегося негодяя.
Вскоре мы связали подручными средствами и второго, затем подошли к Демиду, тот был еще в сознании, зажимал рукой рану и издавал характерный стон.
- Петр, вы меня слышите, - обратился я к мужчине, - это Дмитрий, тот самый полицейский.
Мужчина открыл глаза, посмотрел на меня, ехидно улыбнулся, как бы желая сказать, что мы оказались непростительно медлительными и вновь зажмурился.
- Скоро Настя обработает вашу рану, держитесь.
В ответ Петр лишь тяжело выдохнул.
- Дима, смотри-ка сюда, - позвал Кирилл, указывая на стол.
А на столе, который, к слову сказать, мало чем отличался от стола в квартире, по середине, конечно же, лежала восковые фигурки, но на этот раз нож, все-таки, вошел в грудь одной из них, как я догадался, это была фигурка Федора.
Пока мы анализировали «столовые принадлежности» колдуна, один из преступников – тот, что ловко прыгает в окна, - решил потихоньку сбежать. Кирилл заметил этот маневр, схватил со стола книгу по оккультизму и прицельно швырнул ее в беглеца – попал острым углом в спину, мужчина вскрикнул, обернулся и остановился.
- Господа, поверьте, нам очень не хочется связывать вам еще и ноги, но, если вы продолжите вести себя подобным образом, мы это сделаем, - сказал Кирилл.
Бывший беглец покорно вернулся на прежнее место.
- Дима, помоги мне, - позвала Настя, видимо она уже проведала Федора, и теперь собирала вещи для обработки ран.
- Постережешь? – спросил я Кирилла.
- Конечно, тут книжек на всех хватит.
Как я и предполагал, Настя была на кухне, собирался пригодные материалы, но я не ожидал увидеть здесь Орлова, бледного, державшегося за сердце, но самостоятельно

стоявшего на ногах. Пока я интересовался самочувствием сыщика, мои руки заполнялись вещами с неимоверной скоростью. Федор уверил меня, что чувствует себя вполне сносно, у него кончилась острая боль, теперь его мучает лишь усталость.
Мы вернулись в комнату, где Кирилл уже вовсю допрашивал бандитов. Орлов присоединился к допросу, а я помогал Насте с обработкой раны. Когда же мы закончили, Настя сказала, что мы должны без промедления доставить Петра в больницу.
- Что ж, тогда езжайте, кучер ожидает кого-либо из нас, я с ним договорился, а мы с Кириллом еще поболтаем с этими господами.
- Надеюсь, они доберутся до полицейского управления живыми, - пошутил я, намекая на метательные ножи Федора.
Однако, шутка моя показалась совсем неуместной бандитам, да и сам я понял, что пошутил излишне жестоко. Но, слово сказал – не вернешь, мы повели Петра в экипаж, вернее я тащил его на плечах, а добравшись, разместили его на свободных двух сиденьях, сами устроились напротив него.
Оказалось, в доме Демида Настя нашла внушительное количество лекарств, что в значительной степени облегчило страдания мужчины. Мы ехали быстро, но без сильной тряски, Петр немного успокоился, кровотечение остановилось, ему по-прежнему было больно двигаться, но разговаривать он мог.
- Не думал, что скажу вам эти слова, но спасибо, - прохрипел мужчина.
- Кого вам следует благодарить, так это господина Орлова – он выяснил, что сегодня на вас будет нападение, притом с риском для себя, а перед тем, как отправиться в ваш дом, ему пришла информация о том, что вы нанесете ему очередной удар, но и в этом случае он не отступился. Даже зная, что вы собираетесь убить его, он спешил к вам на помощь, - ответил я.
Демид замолчал, проглотил слюну, долго думал, потом снял перстень со своей руки и протянул нам со словами:
- Вот, держите, это мой подарок господину Орлову. Еще ни разу в жизни никто не относился ко мне по-человечески, просто, все всегда чего-то хотели от меня, пытались использовать, затуманить голову… А тут… Совершенно чужой человек, мало того, тот, кто знает, что я желаю убить его, мчит сквозь ночную мглу спасать мою жизнь… Я много читал о том, что такое Доброта, Честь, Бескорыстие, Любовь, но еще ни разу не встречал человека, обладающего этими качествами, поэтому посмеивался над людьми, стремящимися к развитию этих аспектов в себе, а теперь…
- Вам лучше отдохнуть, Петр, - сказала Настя, положив мужчине руку на лоб.
- Да, мне есть о чем подумать и помолчать.
- Вот и славно.
Подвиг Духа Федора пробудил в этом человеке массу светлых, давно забытых переживаний, зажгли искру Чистоты, и теперь он перерождался внутренне, обретал новые, еще неведомые ему богатства.
Через какое-то время мы добрались до больницы, я сбегал за врачами, к счастью дежурная смена честно несла свою службу, мы сопроводили Демида в палату, попрощались и, если можно так сказать, передали на руки врачей.
Следующим нашим шагом было вернуться в имение, где нас уже ожидал Кирилл.
- Как съездили? – полюбопытствовал он.
- Хорошо, Петр жив, даже пытался разговаривать, передал Федору подарок – тот самый перстень – думаю, он больше не захочет становиться на путь темного оккультизма, - ответил я, - А вы чего добились?
- Ну, «добились» - было бы слишком жестоко, - пошутил Кирилл, - мы узнали, что эти люди посланы неким Долгом – одним из бандитов шайки Немерова – разумеется, за приличную плату. Зовут их Стас и Фома. Федор чувствует себя нормально, настроение у него хорошее, шутит, живо соображает, значит, беда прошла стороной. А еще он пояснил, почему князь передал ему информацию о проклятии без нашего присутствия – потому что

Гавриил знал, что мы попытаемся отвести удар и, разумеется, распределим его между собой, а такой маневр подвел бы на грань срыва всю операцию.
- Что ж, значит, так было нужно. Федор не сказал, когда завтра встречаемся?
- Сказал, он надеется, что мы доберемся до управления в девять с половиной, а потом поедем к Репухову.
- Зачем?
- Не уточнил.
- Хорошо, значит, завтра узнаем, а теперь пора бы нам отдохнуть.
И мы разошлись по комнатам.
Следующим утром, мы, как и было назначено, прибыли к полицейскому управлению, встретились с Орловым и покатили в нижнюю часть города.
- Федор Яковлевич, - обратился я, - вы беретесь угадать, что случилось с Демидом?
- Так, дайте подумать… Вообще я думал, что он сейчас находится в больнице и исцеляет телесные недуги, но раз вы спросили… Видимо есть что-то еще. Может быть, он поблагодарил вас? – предположил сыщик.
- Верно, поблагодарил, но фокус его чувств сошелся на вас: он преподносит вам подарок – тот самый перстень, что мы забрали у него для получения информации. Его вдохновил ваш подвиг Духа, чистый порыв бескорыстия ради спасения своего врага. Думаю, он всерьез решил порвать с орденом и с контрактами на смерть.
Федор крепко задумался, начал перебирать пальцами в воздухе, наконец, сказал:
- Как только Петр поправится – ему нужно будет срочно уезжать из города, хотя бы на пару месяцев, а лучше до тех пор, пока орден не будет уничтожен.
- Вы полагаете? – спросил Кирилл.
- Да. Если он принял серьезное решение, то ордену он более не нужен, скорее даже опасен, как обладатель лишней информации о темных делах ордена, а господину Немерову он и так уже как кость в горле. В общем, неприятное это дело – находиться между молотом и наковальней.
- Да, верно, неприятное ощущение. Стало быть, мы сегодня навещаем Демида?
- В свете новых данных – да, навещаем.
- А что вы планируете сказать господину Репухову?
- Планирую извиниться за суматоху и сказать, что весь маскарад с судом отменяется, ведь Немеров здесь, его не нужно выманивать из центра России.
- Что ж, замечательно, значит ему не придется рисковать собой и друзьями. Да… А с чего вы взяли, что он сейчас дома?
- Думаю, он все-таки устроился на работу, поэтому в субботу утром он отдыхает от трудовых будней.
- Хорошо, раз услуги Семена Анатольевича нам больше не нужны, то с помощью чего мы будем ловить господина Немерова?
- Очень просто – через его бандитов. Двоих мы уже поймали, место проживания других знаем.
- А вы не думаете, что господин Немеров, однажды взявшись за дело – в данном случае за устранение вас и, возможно, нас – постарается довести его до конца?
- Разумеется, думаю, что смогу предсказать точный день этого события, но для этого необходимо, чтобы случились определенные вещи.
- Какие?
- Например, арест одного из потенциально опасных для господина Немерова бандитов.
Скоротав путь разговором, мы добрались до дома Репухова, постучали в дверь, нам открыл хозяин дома, открыл не сразу, видимо Федор был пророчески прав на счет работы и отдыха в субботу. Мы поприветствовали Семена, он ответил тем же, пригласил нас в дом. Оказалось, он успел жениться, во всяком случае с ним теперь жила милая черноволосая женщина средних лет.
- Итак, господа полицейские, я готов, скажите, что нужно делать?

- Дело в том, - начал Орлов, - что делать уже ничего не нужно, мы нашли способ поимки преступника без вашей помощи, а значит и вас под удар ставить незачем.
- Даже и не знаю, что сказать, с какого-то времени мне даже понравилась идея проучить негодяев, это рисовалось мне чем-то вроде подвига. Понимаете в чем дело, я ведь за всю жизнь не совершил ничего по-настоящему крупного, значимого для всех.
- Извините, но вы довольно узко понимаете, что такое «большое дело». Во-первых: вы очень помогли нам уже тем, что были готовы принять ношу подставного актера, а во-вторых: вы уже подаете замечательный пример своим соседям тем, что бросили пить, устроились на работу, начали заново строить семью. Если вы и дальше будете так действовать, то, заразив своим примером остальных, предотвратите появление огромного числа уличных воришек, грабителей и других бандитов, а если еще взять во внимание, что вы отучите от спиртного какую-то часть населения, то, пожалуй, совершите такое огромное дело, до которого нам расти и расти.
- Да уж, мне и в голову не приходило смотреть на вещи под таким углом… Раз так, то я готов совершить этот подвиг, пусть даже он займет целую жизнь.
- Позвольте нескромный вопрос? – полюбопытствовал Кирилл.
- Пожалуйста.
- Что так перевернуло вас? Прошел всего месяц, а от вас прежнего остались лишь бесконечно добрые глаза.
- Когда я нашел деньги, вернул долги и повстречал вас, я понял, что жизнь – это не только череда боли и пьянства. Вы сказали, что я могу сыграть роль в поимке преступника, этим вы внедрили в мою голову мысль, что есть на свете дела, в которых ты лично можешь быть не заинтересован, но ты совершаешь их потому, что они будут полезны другим. Так я почувствовал радость от помощи своему ближнему, впервые, без оттенков личного интереса, верите или нет, я даже не желал мести, просто хотел совершить что-то значимое для всего города. С тех пор я понял, что надо что-то менять в своей жизни, менять окончательно и резко. И вот теперь вы видите, к чему я пришел.
- Что ж, мы рады за вас, - сказал Федор, - Желаем вам и дальше так держать. А нам, пожалуй, пора заглянуть еще в одно место.
- Жаль вас отпускать так скоро, но, все понимаю, служба есть служба. Успехов вам в делах.
Мы попрощались с Семеном и отправились в больницу.
- Федор Яковлевич, - обратилась Настя, - вы все называли нас колдунами, а ведь оказалось, что самый большой колдун – это вы.
- Почему вы так решили?
- Как же почему, потому что вы сумели перевернуть мировоззрение двух зрелых людей, притом за короткие сроки, а это – нешуточное дело.
- В защиту своей чести могу сказать, что не имел в мыслях цели переворачивать чью бы то ни было жизнь и мировоззрение. И вообще, я верю, что человек меняет мировоззрение только когда сам готов к этому, а что послужило катализатором процесса – не так уж важно, я в этом случае, если вам будет угодно, был орудием в руках Жизни.
- Вы, конечно, верно сказали, что лишь по готовности самого человека происходят изменения в его жизни. Но не стоит уменьшать и роль того самого катализатора, даже самому талантливому спортсмену нужен тренер. Это, а так же тот факт, что вы, как сами утверждаете, даже и не помышляли менять чье бы то ни было мировоззрение, лишний раз подтверждает Духовную природу всего Мира, хотим мы этого или не хотим, ведаем или нет, но для кого-то мы являемся учителем, а кому-то учениками, мы вовлечены во всеобщий процесс Жизни.
- Может быть и так, а может быть мы все связаны в единое целое лишь потому, что материя, как плотная, так и тонкая, в совокупности является одним объемом, ее невозможно ни прибавить ни убавить, лишь изменить состояние. Возможно, в данном случае я и сыграл значительную роль в жизни этих двух людей, но ведь это капля в море

людских жизней.
- А вы повспоминайте, каждый раз, когда человеку нужна помощь, подсказка от Жизни, он ее получает, и уже его дело, брать подсказку на вооружение или нет. Этот закон Жизни не поддается прямому логическому анализу, потому что он имеет Духовную природу.
- Что ж, я понял вашу позицию, сам по-прежнему считаю, что эти процессы имеют под собой здравое логическое объяснение. Безусловно, в мире множество вещей, которых я не в состоянии постичь умом, я не исключаю существование Души и прочих вещей, но, пока у меня не будет четкого опыта, запечатленного в сознании, никакие слова меня не переубедят.
- Разве вы не обрели опыт, когда пытались представить себя без жизни?
- Вы об этом забавном упражнении… Да, обрел, но этот опыт больше похож на разрозненные проблески, как морские брызги, и никак не складывается в единую картину.
Добравшись до больницы, мы направились к бывшему колдуну, врачи, было, не хотели нас пускать, но узнав Орлова, меня и Настю – согласились. Демид не спал, когда мы зашли – улыбнулся. После приветствия он не замедлил спросить:
- Федор Яковлевич, как ваше сердце?
- Спасибо, хорошо.
- Да… - протянул мужчина, уставившись в потолок, затем вновь перевел глаза на нас, - вы, должно быть, Святой, раз выдержали такой удар. Даже не знаю, как мне просить у вас прощенья, ведь я желал вашей смерти.
- Не вы один желали ее, успокойтесь. И потом, я вовсе не Святой, но в эту ночь мне, верно, помогали Высшие Силы.
- Скажите, вам передали мой подарок?
- Да, разумеется, - Федор достал из кармана перстень.
- Хорошо… Надевать его или нет – ваше дело, но если бы вы согласились носить его, я знал бы, что прощен вами, тем более, что он – не просто украшение. Ваши друзья, хотя я не думаю, что их сил хватило бы на такое, уничтожили все темные заклятия с этого перстня, взамен наложив заклинание защиты невиданной силы, даже мне не удалось уничтожить его. Поэтому, если вы будете носить его, то больше никакой наговор не коснется вас.
- В таком случае… - Орлов одел перстень на средней палец правой руки, - я прощаю вас, но лишь с одним условием.
- Каким?
- Если хотите остаться в живых – покидайте город, как только сможете. Уверен, теперь у вас есть множество недоброжелателей.
- Это я уже понял, - улыбнулся Демид, указывая на перевязанный бок, - К счастью, у меня есть где спрятаться. В связи с этим, у меня будет к вам просьба…
- Слушаю.
- Когда я доберусь до места, то пришлю вам письмо от лица Святослава Игнатьевича Ленро, в нем сообщу, как со мной связаться. Так вот, прошу вас, сообщите мне, как только покончите с этим мерзким стариком и Захаром Милтевимором.
- Можете на меня положиться.
- Еще, я хочу, чтобы вы знали, вы – живое воплощение всех тех высоких Духовных качеств, о которых я так много читал, к которым стремятся чуть ли не все начинающие колдуны. Они знали о важности этих качеств, стремились, мечтали о них, а вы… Не читали, не стремились, вы просто жили ими – это и есть отличительный признак истинного Мудреца.
- Вы, верно, сговорились и решили сегодня меня захвалить, - отшучивался Федор, - И потом, мне до Мудреца еще очень и очень далеко.
- Пусть так, но меня вы научили многому. А теперь я хочу рассказать об ордене…
- Внимательно вас слушаем.
- Как вам, наверняка, известно, Захар является главой сразу двух серьезных организаций:

религиозной секты и ордена «Сияющий восход». Секта обеспечивает довольно стабильный приток денежных средств, требует минимум затрат, и вдобавок сама себя поддерживает. Суть такого феномена в глупости прихожан, наивно полагающих, что пожертвования, систематическое повторение заученных текстов и «благодать», которой «озаряет» всех ведущий службу помогут им достичь высшего Духовного совершенства. Что могу сказать, мне не было стыдно, что часть денег, на которые я жил, поступала из этой «кормушки», ведь за лень и глупость нужно платить, - мужчина улыбнулся, затем откашлялся и продолжил, - А еще фанатики-сектанты – страшное оружие, вернее бесстрашное, потому что согласны делать что угодно, лишь бы услышать в свой адрес «угодный Богу». Гораздо интереснее дела обстоят с орденом: сюда Захар набирает людей, чаще юнцов, обладающих кое-какими способностями от рожденья, внушает им, что теперь-то начнется настоящее обучение магии, записывает их в ученики, прикрепляет к группам учеников наставников… в общем целая образовательная система. Денег с ордена приходит, прямо скажем, мало, за то орден дает невероятное количество энергии. Дело в том, что обряд посвящения новичка в орден включает в себя такой обязательный пункт, который, естественно, не сообщается самому подопытному, как подключение к общему эгрегору ордена, - Петр увидел удивление в глазах Федора и добавил, - что это такое, вам подробно расскажут ваши юные друзья, а пока скажу, что это некий тонкоматериальный резервуар, обладающий некими, если можно так сказать, зачатками сознания, подвластный одному или нескольким людям. С помощью эгрегора можно собрать энергию с большого числа людей и направить ее на свои нужды. Собственно, только из-за эгрегора Захар и обладает таким могуществом, сам по себе он мало чего умеет. Итак, юнцов подключают к эгрегору, после этого ребят обычно немного мутит: у кого-то болит голова, кто-то простужается – легкие недомогания. Затем новичкам предлагают выбрать направление, которым они хотят заниматься, традиционно это: светлая, серая и темная магия, так же стихии, гадания и некромантия. По правде сказать, там классификация много шире, просто я не запомнил весь этот бред. После выбора новичков посвящают в желанное направление магии, а суть этого посвящения проста – подселить энергетического управляющего, этакого паразита, питающегося за счет человека и, время от времени, внушающего человеку нужные для ордена мысли. Постепенно люди вязнут в этой системе, когда Захар видит, что человек завяз довольно крепко – назначает его наставником и поручает вести молодую «паству». А еще вы должны знать, что Захар очень скрытен и не доверяет практически никому.

Мы уточнили еще кое-какие детали, попрощались с Петром и направились к управлению.

- Что ж, коллеги, мы замечательно с вами потрудились, а посему сегодня и вообще в ближайшую неделю можете быть свободны от визитов в управление. Занимайтесь тем, чем сочтете нужным. То есть я отпускаю вас на вольную службу до… тринадцатого числа, это как раз будет понедельник, - сказал Федор.

- Это, конечно, отрадно, но позвольте узнать, чем займетесь в это время вы? – поинтересовался я.

- Продвину дело с бандой Немерова.

- Без нас?

- Разве вам интересна вся эта бумажная волокита? Думаю, нет, и потом, так будет лучше, уж поверьте.

- Раз вы так считаете, то, конечно, пусть так и будет.

- Замечательно.

- Скажите, какое обвинение можно будет выдвинуть Захару, когда мы его поймаем, - полюбопытствовал Кирилл.

- Мы уже поймали гипнотизера, который ворует с помощью своего таланта и заклинателей змей, что пытались убить вас. Уверен, на вооружении этого человека есть и другие, так сказать, верные помощники. Если нам удастся доказать, что эти люди действовали по приказу Захара – считайте, что дело сделано. Но почему вы так уверены,

что поймаете его?
- Потому что мы взялись за это дело, и потом, куда он денется?
Орлов рассмеялся.
- Кирилл, вы так сильно сейчас напомнили мне меня же… Надеюсь, что поймаем.
- Но, почему вы сомневаетесь?
- Таких людей как господин Немеров и, как же его, Милтевимор, нельзя недооценивать. Даже когда тебе кажется, что они у тебя в руках, что деться им некуда – не позволяй себе расслабиться ни на секунду. Даже если ты всю жизнь развивал в себе талант сыщика, упражнял внимание и проницательность, даже тогда не спеши радоваться, потому что они всю жизнь развивали изворотливость, хитрость, обман и чувство удачного момента. Ты – будто змеелов, пока ты собран, змея просто опасна, но если ты зазевался – змея смертельна. Жизнь научила меня, что внимание не должно ослабевать ни на секунду.
- Да, думаю, вы правы, внимание следует тренировать постоянно.
Добравшись до управления, мы попрощались с Федором и отправились в имение.
Неделя прошла превосходно: мы навестили друзей, зашли в университет к Алексею, оценили обстановку в его группе. Оказалось, Леша пользовался весьма серьезным авторитетом, был популярен и влиятелен, самому юноше такое положение дел было в новинку, а вот окружающим, кажется, вовсе не приходилось привыкать к лести, выспрашиванию и прочим проделкам, присущим хитрым и старым псам, чтобы получить желаемые листочки с готовыми ответами и решениями.
Вообще, я не уважал людей, ленящихся думать, и использующих чужую голову при первой возможности, но мой «праведный гнев» оборвался, едва я вспомнил, как Гавриил дал нам листок с поручениями, где все было подробно расписано. Разумеется, между поручениями князя и готовым заданием есть большая разница, но на этом примере я лишний раз убедился, что по-прежнему продолжаю судить людей.
Леша представил нас некоторым своим друзьям, надо сказать прекрасные ребята. Кирилл сразу завоевал расположение девушек, казалось, что в друге их пленяло все: шпага с рукоятью в виде льва, развитое тело, твердый уверенный взгляд, голос, жесты, а так же тот факт, что рядом с ним не было самой Красивой девушке на свете – Насти. Кирилл, не привыкший к такому обильному вниманию девушек, немного смутился, но заметили это, думаю, только мы с Наставницей. Не желая мешать нашему юному Казанове, мы отошли чуть в сторону, вскоре к нам присоединился и Алексей.
- Леша, такими темпами Кирилл отвоюет у тебя всех поклонниц, - шутил я.
- Знаешь, я не уверен, что они способны на сколь-нибудь серьезные чувства. Подумай сам, им сейчас по восемнадцать лет, они все еще думают, будто стоит им построить глазки, мило улыбнуться и сердце любого мужчины в их руках, в то время как сами увлекаются лишь частью от целого. Можно сказать, что они еще не способны Любить человека, они способны влюбиться в какие-то его черты или вовсе в маску, что носит человек в обществе. Только проучившись здесь, я понял, в чем разница между Любовью и влюбленностью. Далеко не всегда эти два состояния приходят одно за другим, часто бывает так, что влюбленность проходит, не достигнув Любви, или же Любовь приходит, не размениваясь на влюбленность.
- Как странно, от чего же ты считаешь, что человек в восемнадцать лет не способен на серьезные чувства?
- Человек, конечно же, способен, но, по моим наблюдениям, большинство людей не пользуются этой способностью в этом возрасте. Хотя… чего там делить, не каждый взрослый способен на цельное чувство, потому что цельное чувство подразумевает, что человек охватывается им полностью. Если Любить, то всего человека, со всеми его качествами, а не выбирать, что тебе по вкусу, а что – нет. Тем более, я не считаю, что это неправильно, может быть, как раз так все и должно быть – юное сердце потому и юно, что не испытало еще истинных потрясений.
- Да ты – философ, мой друг и весьма наблюдательный человек.

- Благодарю, но я едва ли сравнюсь с вами.
- Дима, Настя?! – послышался голос сзади, мы повернулись.
К нам шел Эдуард, он дружески поприветствовал Алексея, скромно пожал руку Насте и уж совсем по-братски обнял меня, будто мы не виделись лет двадцать.
- Эдуард, здравствуй, как поживаешь? – спросил я.
- Да я то в порядке, а вы как? У-у… Оружие зачем вам? Не иначе в полицию записались, - шутил друг.
Мы смотрели на него абсолютно серьезно, улыбка сошла с его лица, мы посмотрели на Лешу.
- Друзья, я ничего не рассказывал.
Мы вновь перевели взгляд на Эдди, тот совершенно стер веселие с лица, сменил его удивлением, наконец сказал:
- Вот же… Да… Ребята, когда проберетесь в царскую семью – срочно скажите мне.
- Прости, друг, но про службу в полиции мы не вправе рассказывать, даже тебе.
- Понимаю, понимаю, тем более в таком людном месте. Да… А у меня все по-прежнему: учеба, книги, кстати, чего хотел рассказать – на днях записался в один занимательный орден, там вправду магии учат.
- «Сияющий восход»?
- Да уж, вас не удивить.
- И как тебе?
- Замечательно, я уже инициирован, выбрал направление, которым буду заниматься – магия Света разумеется. А еще в ордене служит одна женщина – она там вроде как старший наставник – проводит занятия-семинары по углехождению каждый месяц, не желаете?
- Нет, и вообще… - Настя сжала мою руку, не дав мне закончить фразу.
- Зачем же сразу так резко, - обратилась она ко мне, далее к Эдди, - мы подумаем, спасибо за приглашение.
- Да не за что, - ответил слегка сконфуженный Эдуард, видимо его поразила моя реакция, - кстати, я туда езжу не просто так, а как специалист по ясновидению. Не так давно я открыл в себе талант к видению ауры, поэтому теперь зарабатываю на этом вполне приличные деньги.
- А кто-нибудь еще из наших общих знакомых принимает в этом участие?
- Помните Кристину Станиславовну? Вот она, правда на углехождение она еще не решилась, сказала что определиться ближе к зиме.
- И как, нравится тебе в ордене?
- Еще бы! После инициации я сразу почувствовал изменение состояния сознания, даже голова кружилась! – Эдуард, видимо, считал эти явления верными признаками развития.
- А в чем заключается процесс инициации?
- Это слишком личное, чтобы рассказывать в университете.
Мы еще немного поговорили, затем настало время студентам идти на занятия, а мы отправились в имение.
- Настя, почему ты решила, что лучше будет оставить Эдуарда в неведении касательно деятельности ордена? – спросил я.
- Потому что мы, с помощью нашего друга, можем добраться до высокопоставленных членов этой организации, а может быть и до Захара. Если же мы вытянем его сейчас, то утратим важную нить для раскрытия этого дела.
- Хорошо, что, в таком случае, нам делать?
- Прежде всего, мы закончим все дела с Немеровым, а уж потом возьмемся за орден всерьез, сейчас будем собирать информацию.
На этом мы и порешили…
Наконец настал понедельник тринадцатое число, мы прибыли в управление к Орлову, он приветствовал нас, как старых друзей, предложил располагаться в его кабинете. По всему

было видно, что Федор чем-то весьма доволен, сперва я подумал, что причина радости в успехе с раскрытием дела, но впоследствии, понаблюдав за эмоциональным фоном и мыслями сыщика, пришел к выводу, что в нем играет еще и радость личного, не связанного с работой, характера.
- Друзья, дела идут просто превосходно! На прошлой неделе мы взяли того самого Долга, о котором говорили Стас и Фома, им оказался Шилов Сергей Константинович – худощавый, жилистый, среднего роста, довольно стар, около пятидесяти пяти-шестидесяти лет, зеленые газа, черный волос, левый глаз плохо видит, слегка сутуловат, груб, судя по всему, жаден, обладает хриплым голосом, а так же в наши руки попался некий Свист или Свистко Павел Семенович – мужчина низкого роста, около тридцати семи лет, крепко сбит, шрам на тыльной стороне кисти левой руки, голубые глаза, темно-русые волосы, немного присвистывает при разговоре, за что, думаю, и получил такое прозвище. К сожалению, третий господин, известный под прозвищем Ныра, ушел от нас, продемонстрировав небывалые акробатические способности, а так же великолепные силу и ловкость. Уверен, что именно он и убил господина Трапенко, а потом спустился, используя архитектуру дома. Эти двое пока молчат, но их нервы натянуты до предела, нужно еще немного, какая-нибудь незначительная деталь, чтобы окончательно осудить их. Разумеется, им уже не открутиться от того, что они подговорили Стаса и Фому совершить нападение на Демида, поэтому из управления их никто не выпустит.
- А что с нашим воинственным стариком?
- Вот об этом я и хочу с вами поговорить. На данный момент вы располагаете материалом, достаточным для того, чтобы обличить господина Синко?
- Вполне, правда, могут потребоваться показания сотрудников почты.
- Замечательно, в таком случае попрошу вас предоставить мне эти материалы в ближайшее время, сегодня я их проработаю, а завтра нанесу удар.
Мы пропутешествовали в имение и обратно, Федор бегло просмотрел документы, похвалил нас за отлично выполненное поручение, затем обозначил нам небольшой участок города, сказал, что там была замечена деятельность группы разбойников, вымогающих кошельки у населения, и попросил разобраться с этим сегодня.
Решив нанести визит разбойникам ближе к вечеру, мы отправились в имение.
- Друзья, мне кажется, Федор от нас что-то скрывает, - сказал Кирилл.
- Верно, скрывает. Думаю, ему грозит беда, и он решил таким образом защитить нас, - предположил я.
- И что же мы будем делать?
- Сделаем так, как сказал Федор, у меня нет ощущения, что сегодня с ним случится что-нибудь серьезное, уверен, он прекрасно осведомлен о планах своих врагов и уже успел к ним подготовиться.
Дождавшись вечера, мы отправились указанный район, выследили «страшных грабителей», оказавшихся школьниками и студентами, их было всего трое, их оружием были голые руки и наглое слово. Не вдаваясь в подробности, мы убедили ребят вернуться к мирному существованию, поговорили с ними о жизни человека в городе и взаимосвязи между причинами и следствиями поступков. Ребята все поняли, обещали исправиться и мы разошлись.
Следующим утром мы навестили Орлова, он был немного мрачен, но здоров и полон сил.
- Федор Яковлевич, как прошел вечер? – полюбопытствовал я.
Сыщик улыбнулся.
- Вы не поверите, Дмитрий, ко мне приходили гости, но, увы, меня не было дома, я как раз прогуливался рядом вместе с дюжиной коллег. Мы решили, что лучше будет повстречаться с непрошеным гостем и изловили его. Как вы думаете, кем он оказался?
- Нашим другом – акробатом.
- Верно! Он, к сожалению, не был рад встрече со мной, особенно находясь в окружении полицейских, а еще он прихватил с собой кинжал, только не смог объяснить, зачем он ему

понадобился. Итак, наш акробат - Литвинов Петр Арсеньевич, мужчина, крепкого телосложения, среднего роста, около тридцати лет, черные волосы, левша. Детали нашего с ним общения я поведаю вам позже, а теперь, прошу меня извинить, но меня ожидает мой давний знакомый – господин Синко, уверен, он просто мечтает побеседовать со мной о тех письмах, что так старательно писал. Кстати, служащие почтового управления тоже здесь, думаю, и они будут рады повидать своего постоянного клиента. Поэтому, друзья, будьте так любезны, полюбуйтесь пейзажами города, или поймайте какого-нибудь негодяя, пока мы тут будем вести беседу.
- Последний вопрос, Федор Яковлевич, - сказал Кирилл.
- Прошу вас.
- От чего вы так печальны сегодня?
Орлов тяжело выдохнул, опустил глаза, покачал головой, как будто что-то решая, затем повернулся к нам и сказал:
- Ничего-то от вас не скроешь… А вы как думаете, Кирилл Романович, легко это – сознавать, что твой давний друг предал тебя, что с его подачи в твой дом влез убийца с кинжалом, что он променял тебя на деньги и дорогие подарки? А теперь мне предстоит обличить его во всем этом, отправить в суд, а затем в тюрьму… Причин быть печальным сегодня у меня больше чем достаточно.
- Извините меня, Федор Яковлевич, не подумал.
- Ничего, ничего, все в порядке. Человеку не дано знать все обо всем, а теперь ступайте.
Мы покинули полицейское управление, устроились на лавочке рядом со зданием.
- Что будем делать? – спросил я.
- Можем попробовать… - начала Настя, но закончить ей не дали.
- Доброго здоровья, цветущая юность, - раздался громовой голос Михаила Романовича, ведущего сыщика и близкого друга Орлова.
- Доброе утро, - отозвались мы и уступили мужчине место между нами.
- Ну, что, как здоровье, как кровь молодая?
- Спасибо, прекрасно, хотя, глядя на вас, я все больше убеждаюсь, что молодость в сорок лет только начинается, - отшутился я, мужчина рассмеялся.
- Так ведь… тренировки, физкультура по утрам – помогает, знаете ли. А вы как? Спортом-то увлечены?
- Разумеется: фехтование, бой голыми руками.
- Что ж, и бегать умеете? – улыбался мужчина.
- Конечно.
- Тогда послушайте, что я вам скажу, - Михаил наклонился, с его лица пропали все искорки юмора, голос перешел на шепот, мы придвинулись к нему, - Вот это, - мужчина достал из кармана маленькую записку, - было в кармане Литвинова в момент задержания. Федор Яковлевич прочел ее, как вы сами можете убедиться, здесь содержится текст, суть которого сводится к тому, что нашего общего друга следует убить, далее указаны точный адрес и время, подпись – буква «Х». Федор сказал сохранить эту бумагу, вроде как на суде пригодится, а я так думаю – что вы сумеете по этой бумаге найти и самого автора.
- От чего вы так уверены? – спросил я, желая скрыть наши возможности от Громова.
- Дмитрий Николаевич, я ведь не абы чем тут всю жизнь занимаюсь, - шутил мужчина, - делайте свою магию, или что там у вас, а потом мы отправимся на поиски.
- Мы?
- А вы как думали, что я отпущу столь красивых и юных людей одних задерживать опаснейшего преступника?
- Волнения напрасны, мы умеем постоять за себя.
- Споры тоже напрасны… - мужчина наклонил голову, цыкнул языком, - Это дело все нервы Федору измотало, уж поверьте мне, я его давно знаю. И теперь, когда появился шанс покончить со всем этим, помочь моему другу… В общем даже не думайте, что я отпущу вас одних, это дело слишком личное для меня.

- Что ж, - улыбнулся я, - будь по-вашему, а сейчас самое время для магии!
По правде сказать, время для магии наступило минуты на две позже, потому что друзьям, да, впрочем, и мне, эта фраза показалась слишком смешной, Громов лишь улыбался, окрестив нас комическим трио.
По ощущениям автор письма должен был находиться в нижней части города, но вот где точно – сказать было сложно.
- У вас карта города есть?
- Есть, нужна?
- Да, было бы замечательно.
- Пятиминутная готовность, - сказал сыщик и направился в управление, вскоре вернулся с картой, - вот и она.
- Замечательно.
С картой отслеживать ощущения было гораздо удобнее, в конце концов, мы трое сошлись в своих ощущениях на одном и том же доме в нижней части города. Рассказали об этом Михаилу Романовичу.
- В таком случае, чего же мы ждем – поехали.
Он разыскал извозчика, объяснил ему адрес, и вскоре мы уже держали путь в нижнюю часть города.
- Позвольте спросить, - обратился Кирилл, - давно ли вы знаете Федора Яковлевича?
- Еще с детства, в одну школу ходили, правда, он старше меня на пару лет.
- А каким он был тогда, в юности?
- О, это был человек-солнце, радостный, веселый, умный, затейливый. Уже тогда он проявлял великую силу своего ума, телом был не особенно силен, а вот Духом… попробуй только кто-нибудь тронь его – спуску не давал никому. Хотя к нему никто особенно и не приставал. Потом он выучился на сыщика, думаю, что благодаря его примеру я пошел в этом же направлении, стал ловить негодяев… Вообще его цепкий и острый ум поражал всех, даже старых, опытных сыщиков. Федор – это талант, он умеет увидеть такие тонкие связи между вещами и событиями, что иногда приходится думать, будто он волшебник какой-то.
- Думаю, тоже самое он бы мог сказать и о вас.
- О нет, я вовсе не такой. Мой ум не многим острее, чем у большинства, а своим положением в управлении я обязан выслугой лет и, как выражается наш друг, «безумными поступками». Видите ли, у меня с детства притуплено чувство страха и опасности, поэтому я смело бросался в такие опасные круговороты событий, что теперь и сам удивляюсь, как жив оставался… Правда, и этот мой поступок Федор, скорее всего, назовет «безумным».
Михаил Романович – человек необычайно редких качеств, в чем я еще раз убедился, он сумел соединить в себе такие качества как смелость, бесстрашие и правдивость. Мне было искренне радостно, что у Федора есть такие друзья.
Мы разговорились с Громовым, за беседой не заметили, как мелькнуло время и улицы, и вот мы стоим рядом с указанным домом, деревянным, одноэтажным, с прогнившим забором, покосившейся крышей и грязными окнами. Определенно, это был именно тот дом, что мы видели, но сейчас он был пуст. Михаил еще раз уточнил у нас дом по карте, затем вздохнул и сказал, что придется устраивать засаду. Видно было, что засады этот человек с огненной натурой не любил, но делать было нечего. Настя и я перешли улицу и устроились близ домов под деревьями, Михаил и Кирилл проникли во двор и схоронились где-то там. К счастью долго ждать не пришлось, вскоре показался старенький, сгорбленный дедушка, вот только плечи у него были неестественно прямыми и широкими для такого возраста. Мы насторожились, едва он вошел внутрь – мы начали подходить к забору и, как оказалось, не напрасно.
Сперва раздался голос Немерова, громко и весьма нецензурными словами оповестивший нас о том, что он удивлен и недоволен наблюдать засаду у себя во дворе, затем что-то

упало, возможно, завалилась часть сложенных поленьев, следом раздался крик Громова, исходя из опыта могу заключить, что так люди кричат от боли, далее какая-то возня, звуки ударов, затем тишина, звук упавшего тела, лязг метала об ножны.
Мы ворвались во двор и увидели следующую картину: напротив входа в дом стоит Немеров, с покосившейся накладной бородой, в разлезшейся одежде, со шпагой нашего друга, с разбитой левой бровью, справа лежит Громов, слева – Кирилл, возле Михаила, как я и предполагал, лежали разбросанные поленья.
- А вот и остаток команды, - ехидно сказал Григорий, направляя шпагу на нас, - и что? Что будем делать? Биться будем? Вон, ваши двое уже попытали счастье. О-о, понимаю, с такими, как я не может быть разговоров, да? Но честь-то у вас есть все равно, не так ли, Дмитрий? Ну что, решим наш давний спор здесь и сейчас, голыми руками?
Во мне закипело желание оставить шпагу и убедить этого наглеца, что он вовсе не лучший боец в городе, но, памятуя слова Орлова и созерцая два нокаутированных тела, я решил, что в данном случае чувствам поддаваться не стоит.
- Если бы вы хотели решить все голыми руками, то не брали бы в руки шпагу, вы – трус, и боитесь сражаться на шпагах с нами, потому что знаете свою слабость в этом.
- Значит, я – трус, а вы – нет, так? Или почему вы не желаете биться на кулаки? Так никого не придется убивать, а шпага… она может и вонзиться в юную плоть, знаете ли.
Пока Немеров говорил, он пытался подобраться к краю забора, его мотивы и желания были понятны, мы начали обходить его с двух сторон. Когда мужчина понял, что ему не удастся подействовать на мою гордость и уговорить на бой без оружия, а так же его план побега с перепрыгиванием забора разоблачен, он рассвирепел.
- Ну, щенки, - далее он сказал довольно скверные слова и ринулся вперед, полагая, что, раз мы разошлись и окружаем его с разных сторон, то центр безопасен.
Напрасно он так решил: мы одновременно сделали выпады в его сторону, и если мою шпагу он отбил, то Насте удалось зацепить ногу беглеца, тот закричал, развернулся и я вступил с ним в бой. Откровенно говоря, на шпагах он – никакой боец, практически сразу у меня была возможность пронзить его, но, раз уж ситуация позволяет, я решил обезоружить противника, что и сделал вскоре, подцепив шпагой его руку.
Шпага Кирилла упала на землю, Немеров с ненавистью смотрел на меня, зажимал рану на правой руке. Настя принялась приводить в чувство друзей.
- Ну что, как себя чувствуешь, герой? – кипел злостью мужчина, - Каково это – резать живого человека? Каково разрушать его жизнь?
- Кому бы говорить, а вам бы молчать, Григорий Евлампиевич или Хук, как вам, наверное, больше нравится. Вы погубили Шальнова, затем ваши люди избавились от Трапенко, ставшего невольным свидетелем ваших злодеяний. Потом вы содержите трактир, разлагающий в людях все человеческое, высокое, все то, за что человек собственно и зовется человеком. Но и на этом вы не остановились, вы наняли Демида, чтобы он убрал нас «чисто», без зацепок и претензий на убийство, а когда ему не удалось, вы решили убить и его. Потерпев неудачу и здесь, вы решили подослать к Федору того самого убийцу-акробата, но и тут вам не повезло. Так кто же из нас разрушает жизни людей?
- Ты слишком много знаешь, смотри, как бы от знаний голова не отвалилась. К тому же я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь, тебе придется доказать все эти обвинения в суде.
- Можешь не переживать, мы докажем, - громыхнул Михаил, - а пока, вот, примерь-ка, - и сыщик надел на Немерова стальные кандалы.
Мы вошли в дом, там мне пришлось перевязывать раны этого человека. Громов тщетно пытался вытянуть из Григория хоть слово признания. Осознав безрезультатность своих усилий, Михаил решил осмотреть дом на предмет вещественных доказательств, нашел кое-какие бумаги, среди них было и последнее письмо от Синко.
Покончив с обработкой ран, мы разыскали извозчика и отправились обратно в полицейское управление. Там нам сообщили, что Орлов искал нас, а, не обнаружив,

рассердился, топнул ногой и помчался в нижнюю часть города, прихватив с собой дюжины две полицейских.
Громов хитро улыбнулся, провел нас в кабинет Федора, отперев дверь своим ключом, усадил в центре комнаты Немерова, мы же устроились на свободных диванах. Орлова мы ждали часа два, за это время Григорий планомерно ввинчивал нам в мозг мысль, что задержали его безо всякой причины, использовали грубую силу, что он вообще не понимает в чем его вина и требует немедленно его отпустить.
Через два часа объявился Федор, ворвался в свой кабинет в весьма свирепом настроении. Одного лишь взгляда на его лицо было понятно, что причиной всему – любовь и привязанность к другу детства Михаилу и нам. Сыщик решил, что мы отправились ловить Немерова, также он знал, что Григорий – человек чрезвычайно опасный и неизвестно как все могло закончиться.
Разумеется, сперва он увидел Немерова на стуле посреди комнаты, это несколько сбавило злости в нем, он вывел Григория, приказал проводить его в камеру, и уже для порядка решил отчитать нас и друга:
- Михаил, ты вообще понимаешь, что делаешь? Ладно, у тебя навязчивая тяга к неприятностям с детства, но ребят ты зачем с собой потянул? Знаю, ты хотел сделать мне приятно – сделал, правда, но зачем такой ценой? Что, нельзя было меня дождаться и вместе поехать? – на все вопросы Федора, Громов лишь улыбался, наконец, проблеск улыбки мелькнул и на устах Орлова, - А ну тебя, какой был в детстве, такой и сейчас остался. А вы, - Федор повернулся к нам, но мы были готовы к этому и успели состроить невинные-невинные глаза, - Да что такое, слово в горле застряло, что вы на меня смотрите такими невинными глазами? Ух, банда!
Федор немного походил по комнате, мы давились от смеха, Громов – тоже, наконец, Орлов сел в свое кресло, посмотрел на нас и спросил:
- Что?
После этого мы вчетвером взорвались смехом.
- Да что такое? – переспросил Федор, а потом и сам залился смехом.
В этом смехе было все: и радость от оконченного дела, и счастье, что друзья рядом, и облегченье, что все близкие люди живы, что опасность их миновала, и прощенье, и благодарность. Едва смех начал стихать, Михаил добавил «масла в огонь» спародировав голос Федора:
- Ух, бандит такой!
Это заразило нас на еще одну волну смеха.
- Ой, все, хватит, - сказал Федор, вытирая слезы, - как прошла операция.
Мы рассказали ему все в деталях: первую часть рассказывали Кирилл с Громовым, а вторую мы с Настей. Оказалось, когда Немеров вошел и направился к дому, Михаил решил его удивить внезапным появлением, на что преступник отреагировал бранью, которая настолько ошеломила сыщика, что он даже зацепил поленницу. В это время Григорий сблизил дистанцию и нанес точный хук в челюсть. Пока он был занят челюстью Громова, Кирилл успел подбежать и нанести точный удар в бровь преступника, Немеров быстро отошел после удара, собрался в стойку, тут же получил удар ногой под колено, но на ногах устоял и начал работать руками. Далее, как говорит Кирилл, преступник удачно нырнул, ударил в живот, а когда руки юноши опустились – с силой ударил правый прямой в подбородок, после этого Кирилл ничего не помнит, его следующее воспоминание – Настя приводит его в чувство, а Громов закрепляет кандалы на Григории. Далее следовал наш рассказ.
- Так значит, герои дня: Анастасия и Дмитрий, - улыбнулся Федор, что ж, похвально, похвально… Скажите, Дмитрий, вам ведь хотелось оставить шпагу и сразиться с Немеровым в рукопашной схватке?
- Верно, хотелось, но я вспомнил ваши слова, что с такими людьми следует быть осторожнее, а еще раньше вы говорили мне, чтобы я оставил мысль сражаться на кулаках

с этим человеком.
- Вот, вот, учись, Михаил, человек послушал хороший совет, благодаря чему ты сегодня остался жив.
- Тут ты прав, как хорошо, что у нас есть ты, - шутил Громов.
- Да ну тебя, - заулыбался Орлов, - с тобой решительно невозможно вести серьезный разговор.
Вскоре мы попрощались с Федором и отправились в имение. Гавриил поздравил нас с успешно выполненным делом, осмотрел челюсть Кирилла, уверил нас, что она в порядке. Тренироваться мы сегодня не хотели, а Гавриил и не настаивал, вместо тренировки мы решили погулять по саду, поговорить с князем.
- Вот уже и середина октября, а Михаила все нет и нет, - сказал я, хитро глядя на Гавриила.
- К сожалению, я не могу сейчас сказать вам, где он и когда вернется, единственное, чем могу вас утешить, это то, что он жив, здоров, полон сил и занят делом. Настанет время, и он вам сам расскажет, где был и что делал.
- Хорошо, подождем его возвращения, а пока можно вопрос?
- Конечно.
- Трудясь вместе с Орловым, мы повидали разных людей: грабителей и убийц, трусов, обманщиков и даже колдунов. Но все они, как один, крепко держались за свои интересы, свое эго, готовы были совершить любую мерзость ради личной выгоды. Скажи, почему так происходит? Почему люди готовы убивать себе подобных ради денег, украшений, богатства?
- Об эгоизме и сердцах людей ты и так знаешь достаточно, поэтому я скажу просто – человек ценит, прежде всего, то, что он чувствует, что наполнено его мыслями. Если человек привязан к своему дому, то ему может доставить физическую боль полное или частичное его уничтожение, если человек привязан к гордыне, авторитету в обществе, то он будет тяжело страдать, если его прилюдно унизят. Да вы и сами видели, как Демид согласился ответить на любые вопросы, только бы вы оставили ему перстень. А так как редкий человек внимателен к ближнему своему, пытается почувствовать и понять, то не мудрено, что люди готовы причинять друг другу боль. Они просто не понимают, не ощущают себя частью Единой Жизни.
- Выходит, человек как бы распространяет свое «я» на внешний мир, на различные предметы, как плотные, так и тонкие. Поразительно, как многогранны возможности человеческой Души.
- Возможности человеческой Души в самом деле необъятны, так будем же пользоваться ими во благо, - сказал Гавриил, и меня пробрала мелкая дрожь, на мгновение я увидел, будто в его глазах проносится Жизнь всей Вселенной.

Глава 5.

Дело Немерова. Поездка на угли. Орден раскрывает свое лицо. Михаил возвращается.

Остаток октября прошел довольно спокойно, мы собирали информацию об ордене, Немеров продолжал утверждать, что не причастен ни к каким преступлениям, Федор медленно, но верно затягивал вокруг него петлю из неопровержимых доказательств и планировал в начале ноября начинать судебный процесс.
Время от времени мы занимались поручениями от Федора или Гавриила. За себя могу сказать, что стал гораздо гуманнее себя вести при задержании преступников. Кирилл значительно развил в себе внимание к деталям и не раз удивлял нас своим новым талантом. Настя, казалось, день ото дня становилась все Красивее и Милее, или может быть я Любил ее все сильнее.
Как оказалось, сердце опытного стального сыщика растаяло под воздействием чар Галины, Федор преобразился, теперь его ежедневный туалет можно было смело рекомендовать к любому параду или званому вечеру, сам мужчина словно помолодел, прибавил юношеской удали. Между тем Галина разошлась со своим мужем, к слову сказать, бросившему алкогольное самоуничтожение. Мы верно рассчитали, что демон заставит его распрощаться со стаканом, но мы не учли, что та энергия, которую он топил в тяжелом вине, теперь ищет другие пути для выхода, и она их нашла в агрессии… Он стал раздражителен, его злило буквально все, а так как среди своего окружения Августин был самым сильным мужчиной, то и повлиять на него никто не мог. В итоге пришлось вмешаться Федору, это случилось как раз перед окончательным расставанием Галины с мужем. Не буду вдаваться в подробности, скажу так, зная, каким яростным бывает Орлов в иные моменты, хорошо, что остался жив и, после продолжительного лечения, надеюсь, здоров. Полностью понимаю Федора в этой ситуации и не могу упрекнуть в поступке, потому что поднимать руку на женщину – это последняя ступень, до которой может опуститься мужчина в семье.
Мы постепенно сдружились с Громовым и Купчиным. Правда, Николай Миронович сперва смотрел на нас несколько свысока, но, после рассказов Федора и Михаила, изменил свое мнение, а впоследствии удивлялся нашими способностями к тонкому ощущению человека.
Вообще Громов и Купчин были очень похожими: оба могли претендовать на образец чести и смелости, оба не могли терпеть взяточников. И если уж ловили кого-нибудь из полицейских на этом, то, не глядя на чины и заслуги, безжалостно его разоблачали. После такой «казни», даже зная, что тюремного наказания не последует, человек больше никогда и ничего не смел брать в качестве взятки. Внешне сыщики выглядели замечательно, и легко могли бы дать фору любому юнцу, правда, Купчин был сложен помощнее Громова. Также Николай Миронович отличался от своего друга и характером – был более спокоен и расчетлив. Оба сыщика были счастливы в семейной жизни, у обоих было по два ребенка, только у Громова были оба мальчика, а у Купчина – девочка и мальчик.
Ноябрь встретил нас свежей прохладой, мы начали сближаться с Эдуардом, договорились, что в этом месяце поедем с ним на семинар углехождения в качестве наблюдателей, а посему никому и ничего платить не будем, к слову сказать, семинар стоил довольно приличную сумму. Как раз в ноябре решилась на «подвиг» и Кристина, с той лишь разницей, что она хотела полностью участвовать в процессе углехождения, все мероприятие было запланировано на пятнадцатое число, то есть на субботу.
Ближе к концу первой рабочей недели ноября состоялся суд над Немеровым и пойманными участниками его банды, они были признаны виновными и приговорены к наказанию. В этот момент я совершенно четко ощутил на себе, что происходит с человеком, когда его кто-то смертельно ненавидит. Суд закончил слушание, дело было

закрытым.
Не то, чтобы я испытывал радость от того, что мы отправили этих людей в тюрьму, но в сердце словно перевернулась какая-то старая, исписанная страница, как будто кончился долгий-долгий день. Федор был доволен, он искренне полагал, что преступникам самое место в заточении.
Следующая неделя прошла весьма продуктивно в плане тренировок и очень спокойно в плане нашей службы: город находился в относительном миролюбии, время от времени мы выходили, чтобы патрулировать улицы, но это больше походило на вечерние прогулки.
Так или иначе, мы приблизились к пятнадцатому числу, уже утром, в девять часов, Эдуард собирался заехать за нами, но обо всем по порядку, итак…
Утро в эту субботу выдалось весьма пасмурным, по обыкновению я вспоминаю все Светлое и Чистое, что только успело скопиться в сердце, посылаю Любовь всем своим знакомым, особенно тем, кому, по ощущениям, она в этот день окажется нужнее. Затем утренний туалет, завтрак, веселый разговор с князем, и вот мы у входа в имение ожидаем друга. Он немного задержался, приехал в весьма вместительном экипаже. Мы отряхнули плащи от капель дождя и забрались внутрь. На улице повсюду лужи, слякоть, дождь, небо плотно затянуто серыми низкими тучами. Однако, погодная обстановка на настроении никак не сказалась.
Наш первый пункт назначения – забрать Ирину – женщину художницу лет сорока-сорока пяти, для этого мы довольно долго петляли по улицам, потому что ее дом располагался на холме. Беглый взгляд на женщину сказал, что настроение у нее, мягко говоря «не очень», а если быть более прямым, то плохое. Далее мы заехали за нашей старой знакомой – Кристиной. Следующее место нашего назначения – дом Никиты и Татьяны, женщина была дальней родственницей Эдди. Их дом находится на выезде из города почти в лесу, очень красивый дом и вокруг тихо, хотя это может быть только в субботу утром так. Эдуард идет в гости к родственникам, нас же он просит побыть в этом живописном месте, подышать лесным воздухом. У ворот вскоре показался Никита, впустил гостя и через пару мгновений они скрылись в доме.
Мы же, чтобы скоротать время, решили занять себя беседой со старой знакомой, а так же более плотно узнать Ирину. Оказалось, женщина тоже способна видеть свечение человека, при этом она обладает даром художника, потому может вполне точно перенести увиденное на холст. Кристина рассказывает о студенческой жизни, хвастается успехами, делится волнениями по поводу углехождения. Женщинам было интересно узнать о нашей службе, но, к их сожалению, мы ограничились рассказами о самых мелких и незначительных делах, опустив детали.
Эдди пропал в гостях на целый час, женщины уже начали замерзать и забрались в экипаж. Наконец, после часа ожидания, показался Эдуард, его провожал Никита. Он сел в кабинку, я поинтересовался, границы какого государства они так долго передвигали? Друг ответил, что они обсуждали вопросы веры и фанатизма относительно религии. Женщинам было поначалу немного неприятно, что он вот так оставил нас в холодном лесу на час, но, поняв глубину и важность обсуждаемой темы, это «немного» сошло совершенно на «нет».
И вот мы едем на угли к Стрижевой Марине Вячеславовне. Она их проводит в, так сказать, доме отдыха или санатории под названием «Геркулес», это находится за городом в лесном массиве. Через какое-то время, мы свернули с главной дороги налево, затем долго и очень хитро петляли между всевозможными домами и домиками, домами отдыха, хуторами, пока, наконец, не приехали к, огороженному забором, комплексу зданий из камня, выкрашенного в желтый цвет. Здания располагались на склоне горы, поэтому со стороны складывалось впечатление, будто они стоят «лесенкой», одни выше, другие ниже. Возле некоторых зданий стояли экипажи, людей почти не было видно, тучи все так же серо и тяжело висели над землей. Наше здание было на самом верху склона, представляло из себя двухэтажную постройку из, все того же, желтого камня, стиль постройки весьма обычный для таких заведений, то есть просто, со вкусом и на века. Рядом со зданием

были: разные площадки для детских игр, футбольное поле, различные лесенки, турники, столбы и прочие всевозможные предметы детской радости. Вокруг природа: высокие старые деревья, источающие скрытую мудрость, кое-где еще зеленая трава, небольшие пригорочки, тропочки, и сильный, очень сильный и холодный ветер.
Итак, мы подъехали к входу, экипаж остановился – начали выгружаться, мы ведь приехали не с пустыми руками, а привезли с собой холсты, краски, кисти, мольберт… У входа копошились с необычно большими ведрами, двое мужчин – оба с усами, один из них в старой, потертой военной форме, другой – одет по простому, в серый свитер и такого же цвета штаны – Эдди им крикнул:
- Здоров, мужики!
Они ответили приветствием, стало ясно, что Эдуарда они знают. Пока мы собирали наше художественное богатство, Андрей пошел к мужчинам, ему на встречу вышел высокий человек в оранжевой рубахе, черных штанах, с длинными черными волосами и очень упитанной комплекции, во мне даже зародилось чувство неприятия, и только в следующий момент я понял, что это и есть Стрижева. Она дружелюбно приветствовала Эдди, как старого хорошего знакомого, но первое время во мне оставалось чувство неприятия, сказать прямо, я больше наблюдал, чем действовал. Внешне Марина была довольно высока для женщины, вес, думаю, переваливал за сто килограмм, притом переваливал солидно. Но не это внешнее мне так сильно отталкивало, а внутреннее, что я сумел во всей «красе» пронаблюдать после.
Как бы то ни было, мы взяли вещи, и пошли следом за Эдуардом и Мариной. В помещении было крайне мало мебели, а та, что была, казалось, осталась еще со времен какой-нибудь войны, сразу в «холле» если можно так назвать комнату после входной двери, стоял старый, пошарпанный стол, на нем красовалась картина с изображением разноцветной многоугольной звезды. Стены дома были выкрашены в желтый цвет, краска местами слезла, раскрывая то, что раньше стены были синими, полы были покрыты старыми, темно-красными досками. Как оказалось, помимо Марины и тех двух мужчин, в доме проживало еще человек двенадцать-тринадцать – они проходили программу голодания, насколько я знаю, рассчитанную на четыре дня. Кто-то из голодающих принял на эти четверо суток обет молчания. Позже я узнал, что голодающие – преимущественно состоятельные люди: директора, жены директоров, притом довольно крупных мануфактур и заведений нашего города. Основная масса голодающих – женщины, их общество разбавлял всего один мужчина, тот самый в военной форме. Мы застали их за проведением утренних процедур, они чистили зубы, умывались, в общем, утро и его суета. Сам по себе дом, как только входишь внутрь, оставляет ощущение грязи, какого-то сильного негатива и многих прочих неприятных вещей.
Разумеется, погода и первое впечатление не сумели испортить нашего настроения, я чувствовал себя сильно, центр работал, ноги исправно вжимались в землю, слившись с Гавриилом мысленно и ощущениями, я буквально физически ощущал, как из моего существа исходит Мощь, та сила, что доступна лишь в моменты Гармонии и Мира. Едва начались наши визуальные отношения с обитателями дома, как была замечена интересная особенность – все они скукоживались, сжимались в комок от моего присутствия и взгляда, даже мужчины чувствовали себя слабо и неловко, это было видно, и очень хорошо чувствовалось. Не зная, что именно во мне действовало на всех обитателей дома таким образом, решил, что это моя, обостренная за последнее время, Сила. Внутренне порадовавшись своим успехам в развитии, я и не подумал убавить свое давление и свечение, что поначалу могло показаться эгоистично, но впоследствии оправдалось, что-то внутреннее, какая-то глубинная Мудрость Души подсказывала мне основные аспекты поведения.
Как бы то ни было, Эдуард познакомил нас со Стрижевой, с мужчиной в сером свитере, после мы пошли в выделенную нам угловую комнату на первом этаже, там оставили экипировку художника, пошли за столом, чтобы удобнее было работать с рисунками.

Стол находился на втором этаже, нас туда повел «серый», извиняюсь за такое вот описание человека, мужчина. Стол был небольшой, более походил на одноместную парту школьника. Вначале мужчина хотел нести стол вдвоем, но я ему сказал, чтобы он опустил свой край, сам поднял стол и дотащил его до места. К слову сказать, стол был не тяжелый, но тащить его вместе с этим человеком мне не хотелось. Хотя, по правде сказать, и с другим человеком я бы все равно потащил его один, потому как он был легок. Увидев, что я хорошо справляюсь с мебельным передвижением, «серый» скрылся в лабиринте комнат.
Итак, мы впятером - Эдуард, Ирина, Настя, Кирилл и я – начали располагаться в комнате, распаковывать художественные приспособления, устанавливать что надо на стол, устанавливать мольберт, в общем создавать рабочее место. Кристина же присоединилась к группе голодающих, чтобы подготовить себя к углехождению. Убранство нашей комнаты состояло из пяти кроватей, расположенных полукругом, пары тумбочек и одного шкафа, разумеется, сюда приплюсовались вновь принесенные вещи, в числе которых оказались и дрова, потому как погода была холодная, а комната, видимо, уже давно не протапливалась.
Атмосфера дома по-прежнему старалась давить на нас, по лицам нашей компании, я понял, что чувствуют это все. Более всех страдала от атмосферы Ирина, в ней, в добавок ко всему, копошились старые воспоминания, связанные с Стрижевой, по ее состоянию было понятно, что эти воспоминания далеко не из приятных, Эдуард старался держаться, но и ему было неприятно здесь находиться.
Едва мы успели расположиться, как к нам заглянула Марина, и пригласила всех пройти в «холл» для лекции. Эдуард шел на лекцию, прикидывая, что и как сказать, листок с текстом он с собой не брал, да и сложность была не в запоминании материала – материал он знал хорошо – сложность была в том, что ему хотелось донести основную мысль написанной лекции до Стрижевой, но как это сделать – он не знал. Мысль лекции была проста и весьма логична, но, как это часто бывает с эзотериками, особенно с теми, кто считает себя «гуру», собравшиеся люди только «хотели» быть Духовными, но менять себя глубинно, изменить свою суть, заглянуть в Душу – этого они не то чтобы не хотели, они не предполагали о таком пути развития, даже если много раз о нем слышали, их сознание просто не принимало информацию. Разговор с такими людьми о Духовности обычно похож на битву между лбом одного человека и монолитной стеной, несложно догадаться, что лбом стену пробивать неприятно.
Когда наша пятерка оказалась в «холле», то нас уже ожидали голодающие, расположившиеся полукругом на диванчиках, креслах и стульчиках, так же полукругом стояли перед ними столы, на столах были белые скатерти с незамысловатым рисунком цветов, почти перед каждым «искателем» стояла чашечка, в которой горела маленькая свечка, так же активно по комнате распространялись и разные благовония.
Мы встали в ряд, напротив «амфитеатра», Стрижева нас представила, от нее мы узнали, что являемся друзьями Кости, который, оказывается, написал три книги по бессмертию, которые она, к слову сказать, не читала. В общем, проведя предварительный хвалебный разговор с голодающими, она попросила их поприветствовать гостей, люди похлопали, мы присели у окон, практически спиной к выходу, Стрижева села напротив нас, завершая полукруг с другой стороны, Эдуард сел на стул посередине, началась лекция.
Вначале друг говорил о самом процессе видения ауры, о своем таланте, какие, так сказать, «показатели» он может измерить, какая статистика, когда у него открылся этот дар и прочее. Стрижева же все время вставляла свои замечания, при том в довольно интересной манере: по ходу слов лектора, она поднимала руку, как в школе, и говорила «я дополню» и тут же дополняла – активно рассказывала о том, какой ошеломляющий эффект оказывает углехождение на ауру людей, показывала рисунки аур, много раз упомянула, что у нее белая аура, хотя мы трое легко читали ее желто-оранжевую ауру. Голос этого человека был неприятен, в этом голосе слышались отголоски былого курения, раздражения и многих нелицеприятных качеств Души. Между тем, Марина активно хвалила себя в

любом подходящем и неподходящем моменте лекции, усердно доказывала, что углехождение – прямой путь к очищению и просветлению и что этим надо заниматься регулярно, каждый месяц.
Потоки корысти, какой-то агрессии, раздражения, насмешек и прочей пакости лились на Эдди от молчаливых зрителей и говорливой «кураторши», хотя внешне все старались держать себя в рамках самой теплой дружбы и приветливости. Сообразив, что друга сейчас накачают до критической степени, я решил прикрывать его собой, заодно захватить в свое поле и Ирину, моему примеру последовали и друзья. От таких действий Ирина заулыбалась, а друг ожил.
Так или иначе, но Эдуард осветил все возможности касательно анализа ауры и перешел собственно к лекции. Разговор пошел о гордыни и об обидчивости. В моменте обидчивости Эдди спросил зал: «Скажите, кто из вас обидчивый?» Тишина, ни одной руки не поднялось. И если бы одна старенькая женщина не проявила честность, то зал так бы и просидел в выжидательной позиции. Когда же эта старенькая женщина сказала: «я обидчивая» и подняла руку, в след за ней поднялись еще семь рук. К этому моменту подошла, куда-то выбегавшая, Стрижева, и друг спросил у нее: «Марина, ты обидчивая?» Марина задумалась, так глубоко… Насколько она вообще могла глубоко думать. Но милосердный лектор упростил задачу ее сознанию и поставил вопрос прямее: «Просто скажи, нет или да?» На что Марина, уже не думая, сказала твердое «нет». По лицам этих людей можно было прочесть многое, очень многое, но вот говорить им об этом многом означало биться головой о стену. Вернувшаяся «гуру» тут же живо включилась в лекцию, продолжая хвалебные речи. На этот момент во мне жило твердое знание, что у нее сознание шестнадцатилетнего ребенка, это было видно во всем: в манере говорить, шутить, перебивать, хвастать, щеголять чужими мыслями из книг и так далее. В какой-то момент лекции Эдуард заговорил про агрессию и для примера сделал следующее: со словами «вот если сделать человеку пакость» он встал, подошел ко мне и с размаху ударил по коленке, я не знал, что он так сделает, но питать к другу злость у меня не было ни в мыслях ни в сердце, потому я остался совершенно спокоен, ни один мускул лица не дрогнул. В принципе мне было чем заняться поважнее – прикрыть близких людей. Удар был сильный, его было слышно во всей комнате, голодающие с удивлением и ожиданием смотрели на меня, кто-то шепнул «у него даже лицо не изменилось». Мне было все равно на их реакцию и пересуды, решив про себя «пусть шепчутся», я продолжал дело. Через какое-то время лекция закончилась.
Стрижева погнала людей отмачивать руки в ванночках, как я полагаю, соленых, чтобы укрепить ногти, а может еще зачем, мы же вернулись в свою комнату. Во мне было легкое напряжение, поэтому было принято решение пройтись по улице, надев плащ, я вышел из помещения. На улице по-прежнему буянил сильный ветер, но с ним мне было куда приятнее и спокойнее, чем с голодающими. Прогулявшись до стальных лесенок и турников, я немного вспомнил детство, забрался на лесенки, посидел там, потом сходил к футбольному полю, посидел на трибуне, приводил себя в порядок. Неожиданно мое внимание привлекло большое дерево близь поля, к нему и направился. Приложив правую руку к мощному стволу сразу почувствовал облегчение, могучую силу природы, казалось, что это дерево знает что-то об этом месте, знает что-то такое, что лучше бы и не знать и не встречать. Какая-то Мудрая печаль лежала в недрах этого гиганта. Постояв у природного Мудреца еще какое-то время, я отправился разведывать окрестности дальше, обошел вокруг дома, как оказалось, в дом существовало два входа с противоположных сторон. На противоположной стороне, возле второго входа, который был закрыт на замок, стояли чьи-то две кареты. Пройдя чуть дальше, увидел качели, присел, покачался, старые механизмы поскрипывали, ветер сильно дул в спину, настырно пытаясь забраться за пазуху или вообще куда-нибудь. Идти внутрь не хотелось, но ветер был холоден, мерзнуть тоже не хотелось, да и ребята остались внутри – пошел к ним. С первого раза это не удалось, входная дверь была закрыта, погулял еще немного – ее открыли, я пробрался в

наши апартаменты. Чуть-чуть согрелся, посмотрел на друзей и понял, что им бы тоже очень хотелось прогуляться, лишь бы не сидеть в этом доме. Прочитав это, я тут же предложил им прогулку, Настя и Кирилл охотно согласились, Эдуард сказал, что ему тоже хочется, но он не может, потому что надо работать – скоро с процедур придут голодающие «мерить» ауру, Ирина тоже была занята. Мы пошли гулять втроем. Пока мы гуляли, голодающие проводили процедуру обливания холодной водой, с криками, с кряками – все как положено. Стрижева нас предупредила, что нас будут смущать голые женские тела, но что я сказал, что это вряд ли, и мы проложили маршрут прогулки так, чтобы никто никого не смущал. Мы поговорили по поводу предстоящего угольного действа, поразмышляли на тему природы, обменялись впечатлениями о ведущей и голодающих, затем решили вернуться. Дверь снова была закрыта, мы подошли к нашему окну, сказать Эдди, чтобы открыл дверь, но он был занят, и, к слову сказать, его помощь не понадобилось, о двери догадался позаботиться какой-то другой человек, и мы вернулись в комнату.

А там уже во всю кипела работа – голодающие «мерили» ауру, выслушивали мнения Ирины и Эдуарда, консультировались… Процесс был построен вот так: Два, реже один или три, голодающих человека сидели в нашей комнате, Эдди просматривал поле человека, описывал его, разговаривал с клиентом, Ирина занималась художественной работой, когда же человек получал от нее изображение своей ауры и задавал вопросы - рассказывала людям что и как у них, исходя из описания Эдуарда и своих наблюдений. Голодающие усердно внимали словам, будто на них сыплют манну небесную, при том сами крайне туго в этом всем разбирались. Мы расположились рядом с друзьями, стараясь не мешать процессу.

Время тянулось, люди приходили часто не только за изображениями, но и за полным устным описанием своего поля, а этот процесс на одного человека занимает минут двадцать. Атмосфера дома по-прежнему нас не любила, осознав, что дом вряд ли изменит свое отношение к нам, Настя, Кирилл и я решили добавить хотя бы в нашу комнату чего-нибудь Светлого, что было в сердцах. Наконец люди кончились, мы, оставив Ирину с холстами и рисунками, отправились в близлежащие хутора, чтобы раздобыть чего-нибудь к обеду.

По пути я сказал Эдуарду, чтобы он перед людьми в лекциях, особенно перед такими людьми, не раскрывал свои негативные качества Души, поясняя такой вывод тем, что это лишь усиливает его отрицательные аспекты. Еще немного поговорив о том, что стоит и чего не стоит говорить на лекциях, мы подошли к хутору – обычному, одноэтажному, деревенскому домику. Запаслись там продовольствием и отправились в сторону желтых домиков «Геркулеса», по дороге решили перекусить где-нибудь под деревьями, но только не в самом здании. Во время обеда мы разговорились о дальнейшем сотрудничестве с Эдди и Стрижевой, никому не хотелось продолжения этих отношений, мы сказали, что увидели все, что нам хотелось и больше не собираемся посещать это место, Эдуард, оказалось, и сам думал больше сюда не ездить. Затем он спросил:

- Дима, а ты почувствовал реакцию зала, когда я ударил тебя по коленке?

- Нет. Не уделял особого внимание залу.

- Там такая волна агрессии была. Каждый поставил себя на твое место, и подумал, как бы он мне всыпал за такое! Там даже одна женщина сказала, что она бы это сделала.

Выслушав наблюдения Эдуарда, я согласился, его слова только подтверждали мои догадки.

Окончив трапезу, мы отправились назад, дверь снова была закрыта, но на этот раз был открыт запасной, вернее второй вход, которым мы и воспользовались. Потихоньку подъезжали люди, желающие пробежаться по углям или, если проще, угольщики.

Не обращая внимания на их суету, мы прошли в отведенную нам комнату, где обнаружили нагруженную и печальную Ирину. Пока нас не было, к ней пришла Нина – в прошлом она трудилась вместе с Эдуардом, а потом ее сманила Стрижева. Девушку

мучила совесть за свой поступок, Ирина ей пыталась донести мысль, что уже все нормально, но сердечную рану совести в Нины это не залечило. В общем, обнаружив нашего верного сторожа в миноре, мы передали ей обед, Эдди прилег на кровать, мы рассредоточились по комнате.
Не нужно было быть гением или всевидящим, чтобы увидеть, как тяжело женщине. На вопрос: «Вижу, настроение вам изрядно подпортили?» Ирина было хотела возразить, сказать что уже давно привыкла к этим выездам и вообще к работе со Стрижевой, но, посмотрев мне в глаза, не стала продолжать. Она хотела поговорить о чем-то высоком, вырваться из атмосферы этого негостеприимного дома. Она пыталась заводить темы про развитие, но, видимо, атмосфера этого дома не давала высказаться. Одна из тем, которую женщина начала в помещении, была такой: Ирина поинтересовалась, что за практики мы выполняем. Интерес к этому в ней возник еще в тот момент, когда мы остановились в лесу возле дома Никиты и Татьяны. Не вдаваясь в подробности, мы сказали, что у нас Могущественные Учителя. Она сказала, что от нас шел сильный поток энергии, что ей тоже перепала энергия и за это она нам «благодарствует», к тому же это помогло ей не замерзнуть в течение часа. Также отметила, что, когда мы прогуливались по лесу, то моя и Настина ауры как бы слились в единое, а над ними раскрылся лотос с ребенком, что ей очень понравилось. Поначалу Ирина, очевидно, полагала, что мы не знаем о тех потоках, которые через нас проходят, но несколько фраз, отражающих наше понимание внутренних процессов, происходящих с человеком, переменили ее мнение. Оценив ситуацию, Настя и я предложили Ирине прогулку, на что она охотно согласилась, не смотря на сильный ливень за окном.
Выходили мы через второй выход, и там нас ожидал небольшой сюрприз: «серый» мужчина, стоя на крыльце под козырьком, глядя на ливень, совершал вращательные движения тазом, сходные с сексуальными и одновременно движущимися по элипсообразной орбите, поднял руки немного вверх, издавал какие-то звуки радости, имитируя таким образом звуки бури «у-у у-у у-у!» Быстро смекнув, что он выполняет какую-то свою практику, мы решили удалиться и подождать, пока он закончит. Выйти через первый вход было невозможно с точки зрения такта – там Стрижева читала лекцию угольщикам. Однако, долго ждать не пришлось, мужчина, увидев нас, опомнился, прекратил свое общение с бурей и сказал, что он представлял себе, или из себя, смерч, чтобы всю эту погоду унесло подальше. Не став разбираться в хитростях его практики, мы выбрались на улицу.
Ирина рассказала, что она какое-то время работала со Стрижевой, по-моему два года, за это время она много чего натерпелась, для нее приезжать к Марине – сущая пытка, как я понял, они довольно сильно поссорились, теперь же держатся в рамках внешней вежливости, но внутри друг к другу ничего хорошего не питают, что было заметно еще на лекции, когда Ирина сухо и почти строго прерывала болтовню Стрижевой, говоря: «дай ты сказать человеку», - то есть Эдуарду. За время прогулки мы рассказали утомленной спутнице о плоскостях сознания, о подвижной природе Любви, о начальном аспекте Силы – устойчивости, о влиянии мыслей читающего на книгу, которую он читает и о других вещах. Ирина слушала, размышляла, поддерживала разговор, активно приводила свои примеры и, в общем, ощущалась как слитая с нашем энергетическим полем.
Посвежевшая женщина и мы направились обратно в здание, ливень был сильный. Сперва мы немного разошлись во мнениях, из какого же входа мы вышли, было все-таки решено идти туда, куда указывали мы с Настей. Видимо, женщина настолько устала от атмосферы дома, что память отказывалась запомнить даже такие вещи.
Во втором «холле» нас встретил «серый», что-то вроде досады мелькнуло в его глазах, очевидно от того, что мы стали непрошенными свидетелями его практики. Пройдя мимо него, мы отправились в нашу комнату. Теперь в миноре лежал Эдуард и загадочно смотрел в потолок, видимо атмосфера помещения давила и на него, Кирилл же героически выносил давление этого места и старался поддерживать комнату в относительной чистоте.

Ирина решила пообедать, дружественно предлагая поделиться с нами, быстро решив, что ей сейчас силы нужнее, мы отказались.
Эта прогулка разрушила какие-то перегородки, которые обычно стоят между чужими людьми, теперь Ирина легко доверяла свои мысли и ощущения, полагаю, в ней даже не было мысли, что это может быть как-то грязно использовано против нее, так бывает, когда происходит встреча с честным человеком, люди сами не знают почему, но доверяют такому человеку свои тайны, мысли, ощущения, и даже не думают, что их могут не понять или насмехаться над их переживаниями. И это верное чувство в людях помогает найти им действенный совет от понимающего человека. Насколько мы честны и чисты – о том Жизнь ведает, но ситуация была именно такой. Мы еще немного поговорили с Ириной, она сказала, что что-то в ней прояснилось от разговора.
Сняв плащ, я стряхнул с него остатки воды и немного посушил возле печи, следующим надо было вытаскивать Эдди, сам не знаю, почему и откуда, возможно интуиция или же Учитель, но что-то мне подсказывало схему действий. Через какое-то время, я и друг пошли прогуляться, выходили все через тот же второй выход, на этот раз никто смерчи не изображал. Немного побродив по улице, мы сели в экипаж, немного поговорили, Эдуард понял, что мы втроем пытаемся поддерживать положительную атмосферу в комнате, и что ему с Ириной хорошо было бы присоединиться к нам, потому что в таких делах нужны совместные действия. Вскоре мы вернулись.
Эдуард начал говорить с Ириной о работе, мы же рассредоточились по комнате: я у входа, Кирилл посередине, Настя у окна, чтобы образовать собой небольшой буфер. Разные мысли хотели подступиться ко мне, но всех сильнее была мыль о Гаврииле, от одной мысли о нем, все грязное блекло, засыхало и скукоживалось.
Ирина сказала, что Стрижева уже прибегала сказать, чтобы мы потише скрипели дверями и разговаривали, а то мешаем ей вести лекцию. Уже много раз к нам приходила мысль, что на таком ливне никаких углей не будет, и что надо ехать домой, но оказалось, что эти хитрецы заготовили специальную горючую смесь, и что с горючим топливом загорятся любые дрова в любую погоду. Это означало, что нам придется сидеть здесь до глубокой ночи. Такая перспектива в иных условиях могла бы показаться мрачной, но тут времени на огорчение и все мелкое не было, я отчетливо понимал, что надо действовать сейчас, а все рассуждения и философия – потом.
Архитектура дома была такова, что дверь нашей комнаты находилась как раз напротив стены «холла» где сейчас Стрижева читала лекцию. Радость от слияния с Гавриилом нарастала, в свою очередь нарастало и негативное влияние от лекции Марины, которая плавно перетекала в слияние интеллектов людей в инертную массу, управление этой массой с притягиванием не самых лучших и светлых энергий. Хотя едва ли сама лектор понимала, что она делает, она сильно напоминала инструмент, через который кто-то действует. В нашей комнате было весело: я по-прежнему сидел буфером у двери, отсекая всю грязь, которая активно лезла в единственное относительно чистое место дома, Эдуард начал шутить с Ириной, мы же чувствовали приближение чего-то большого, темного и весьма опасного, поэтому заранее начали готовить себя к напряженной борьбе.
Тут забежала Стрижева, попросила нас «не ржать как кони» и какое-то время посидеть тихо, потому что она сейчас будет проводить медитацию. Немного повеселило нас слово «медитация», но внутри по прежнему все оставались спокойными и готовыми к чему-то сильному, как затишье перед бурей.
Началась медитация, вначале ребята шутили по поводу текста медитации, у нас снова было весело, мы тихонько начали обсуждать веды. Ситуация резко поменялась, когда у медитирующих заиграла музыка, мой позвоночник вытянуло в струну, по нему забегал словно электрический ток. На кровати напротив сидела Ирина, она говорила по поводу играющей музыки. Эдуард вновь принял положение лежа на кровати напротив Кирилла, пятая кровать, что была у окна, оставалась занятой Настей, защищающей нас от «вторжения» через окна.

По интуитивному посылу я отставил левую ногу так, чтобы прямая, выходившая из колена, отсекала бы весь поток негатива, идущий из двери на кровать Ирины, на это же колено я положил руку, еще раз прочувствовал ток в позвоночнике, сконцентрировался на Гавриеле, битва началась.
Наш друг по-прежнему лежал лицом вверх, и нужно было как-то его поднять. Между тем наш музыкальный тонкий слух еле выдерживал те извращения, которые мы слышали: такую музыку даже на похоронах было бы слишком грустно включать – это был демонизм, и демоническая музыка. Озвучив мнение о демонической музыке, и сказав о том, что Стрижева своей лекцией и своими внушениями просто убивает людей, записывая в них программы самоподавления и разрушения, связывая их с демоническим миром, я попросил Эдуарда сесть рядом. Мой неунывающий друг, видимо, еще хотел шутить, не до конца осознав всю серьезность ситуации. После фразы, что втянутое в демонические сферы сознание сильно страдает, Эдди припомнил, что он здесь был уже несколько раз, но всегда, до сего дня, Стрижева проводила свои медитации на втором этаже, и он не слышал тех программ и ту музыку, которой сейчас зомбировали людей.
После этого упрашивать его не пришлось, он сел рядом, я подержал его за руку, стараясь передать Силы. Была высказана идея забраться в экипаж, но ее мы тут же развенчали, потому что это означало покинуть наше наспех состроенное укрепление и пойти через кишащее болото демонических сущностей, которые, как мотыльки на свет, слетелись на эту медитацию, овладевая умами людей. Итак, мы решили остаться в комнате.
Давление продолжалось, расширив свою ауру до размеров комнаты, я чувствовал, как со стороны лекции некая сила пытается проникнуть к нам, а каждое наше слово, каждая мысль о демонах делала эти попытки сильнее. Осознав это, я сказал всем выкинуть из голов любые негативные мысли. Ребята замолчали, не знаю точно, Ирина принялась записывать что-то в дневник, Настя прекрасно справлялась с «обороной» окон, Кирилл вообще вольготно чувствовал себя в середине комнаты, с Эдуардом было чуть тяжелее, его мысль рвалась, что-то негативное так и хотело заговорить его устами в эту ночь, поэтому было сказано: «Если не можешь сказать что-то хорошее, то молчи».
Когда я решил, что Эдди хоть в какой-то степени представляет из себя активную силу – усадил его рядом с Ириной, образуя им дополнительный буфер, потому как напор со стороны медитирующих усилился. Он, было, просился остаться на месте, но, узнав, что я сажу его возле двери не из-за Ирины – успокоился и сел. Ирина писала, интересовалась на счет Силы, я сказал ей, что попозже – когда она закончит дневник - покажем ей одно весьма действенное упражнение для развития центра, она согласилась.
В какой-то момент медитирующие хором начали петь мантру, на сколько я понял, это была мантра «АУМ», но на деле, когда они тянули букву «а» было четкое, совершенно ясное ощущение, что они проваливаются вниз, сравнить можно или с падением или с моментом, когда уши закладывает, выли они, как воют бесята, покорные, исполнительные, подчиненные более сильному хозяину.
Этот нырок вниз сказался и на нас. Обложив по краям нашу общую ауру, тонкоматериальные сущности резко начали тянуть и нас вниз, не знаю как ребята, но я чувствовал это ясно и со всех сил тянул вверх. Первая тяжба осталась за нами, мантра окончилась, нас перестали тянуть, но давление продолжалось и усиливалось. Складывалось ощущение, что тьма сомкнулась вокруг нас и ищет любой повод, любую брешь в защите, чтобы проникнуть. Какое-то время шла медитация вновь с использованием фраз-внушений и их хоровое повторение, хор бесят был очень послушен, к медитирующим уже слетелось огромное число темных сущностей, и края этому потоку не было видно. В какой-то момент опять запели мантру, но на этот раз тактику поведения сущностей мы знали, потому гораздо легче, чем в первый раз, было оказывать им сопротивление.
Медитация продолжалось довольно долго, потом людей повели на угли, им надо было пройти как раз мимо нашего окна, сама процедура углей располагалась чуть в стороне от

окна, но все же довольно близко, чтобы слышать музыку и голоса людей. Когда раздались первые шаги за окном. Кирилл показал нам жестом, что хочет пересесть к окну, мы с Настей одобрили такое решение, ведь этим поступком он давал Насте передохнуть.
На улице играла уже другая разлагающая музыка, с использованием ударных инструментов. Напор со стороны двери ослаб, мы продолжали держать оборону. Вскоре я посоветовал Эдуарду вспомнить все самое Светлое и Чистое, что он знает в жизни, а еще держать спину прямо. В дальнейшем достаточно было показать развернутую ладонь, чтобы напомнить об этом.
Через какое-то время Кирилл дал понять, что его грызут со спины, тут стало понятно, что это не ему надо было сесть у окна, а мне, ему же надо было занять мое место. Мы поменялись местами, действительно, давление со стороны окна было очень сильным. Кирилл сел на мое место, я попросил его сесть так же, как сидел я, он согласился. После этого мы продолжили единить и укреплять нашу общую ауру, для этого мы раскрыли ладони и направили их друг на друга таким образом, чтобы энергия могла свободно циркулировать. В свою очередь мне пришлось расставить широко руки, чтобы закрыть и стороны окна, положить их – правую на край кровати, левую на тумбочку. Система замкнулась, оборона выдерживала. У нас было немного времени, Настя решила поменяться местами с Кириллом, а он тем временем мог бы отдохнуть и показать Ирине то самое упражнение для развития центра. Процесс этот был занимательный, веселый, сопровождался шутками, смехом и вообще хорошим настроением. Эдуард все хотел узнать, чем я его таким «накачал», что он такой довольный.
Руки начинали отсыхать, их надо было снять с расставленной позиции и хотя бы потереть, что я и сделал, после же упер их в бедра, расставил локти и таким образом держал окно. Около костра вновь завыли хором, но на этот раз не было даже и попытки рвануть нас в какую-либо сторону. Сущности решили действовать тонко, стараясь подкинуть мне мысли гордости и прочей ерунды, отбросив эту шелуху от себя, еще сильнее сконцентрировался на Гаврииле.
Когда у Ирины начало более-менее получатся, она села на прежнее место, Кирилл же сел в центре комнаты. Только теперь я заметил, как увеличиваются глаза Ирины, когда она смотрит в окно, очевидно, ей было до крайности неприятно видеть столько тьмы вокруг, но Духом она держалась. Эдуард, приняв условленную позицию, шутил, что чувствует в себе энергию, но точно не свою, что я использую его как провод для энергии, и что на большее он, видимо, не годится. Ирина добавляла ему оптимизма, говоря «хорошо, что хоть на это годишься» и правда, я проводил энергию через Эдуарда, Ирину же просто накрыл аурой как колпаком, интуитивно зная, что ее включать в дело обороны нельзя, так как она имеет сильную отрицательную связь со Стрижевой. Чувствуя настроение людей, я сказал:
- Когда будем уезжать, надо уезжать с мыслью, что мы едем в Свет, а не что мы уезжаем от тьмы.
Ребята закачали головами, Настя добавила:
- А еще лучше с мыслью, что ты уже в Свете.
Тут прозорливость Наставницы меня приятно порадовала, и я охотно согласился с ее вариантом действий.
В какой-то момент угольщики сильно активировались, переставив приоритеты, я попросил Настю и Кирилла последить за ситуацией в комнате, а сам повернулся лицом к окну, как бы отшибая все попытки проникновения. В таком положении мы и находились, пока процедура углей не кончилась.
После Ирина взяла в руки кисти, приготовилась к работе, Эдуард пересел за стол, а мы активно прикрывали «работников». Как мы и предсказывали, к нам в комнату сбежались все десять человек, которые хотели рисунок ауры. Вернее сбежались семь, остальным трем просто не хватило места на свободных кроватях, потому эти трое стояли под дверью. Энергетика от людей была не очень, да и вид у одержимых был, прямо скажем, не очень.

Тяжелее всех теперь было Ирине, на этот промежуток времени ее защита несколько ослабла, и вдобавок ей нужно было консультировать угольщиков. Хорошо, что они просили только рисунок, без подробного устного объяснения.
Когда же все угольщики ушли, к нам зашла Стрижева, разумеется, хотела «измерить» ауру после углей. Или что-то изменило мое сознание, или что-то изменило ее, но теперь она ясно рисовалась мне этаким мелким вожаков бесят, даже внешнее сходство было значительным. Марина жаждала, чтобы у нее была белая аура, но неподкупный Эдуард «выдал» лишь правдивые ответы – на тот момент ее аура была зеленой, ее это явно не устроило, и она попросила подождать, пока она расслабится. Ну что ж, мы подождали, она долго сидела, расслаблялась, много и часто зевала, но выше голубой ауры ее состояние не улучшилось. Через пятнадцать минут безрезультатных попыток, она попросила нарисовать ей голубую ауру, привела к нам «серого» и еще одного мужчину, чтобы они тоже «измерили» ауру. К досаде Стрижевой, у второго мужчины аура оказалась темно-синей, и она активно пыталась замаскировать свое негодование, уверяя мужчину тем, какие у них похожие ауры и выцеливала те аспекты, которые у нее выше, чем у него. Наконец хоть как-то убедив саму себя в превосходстве, Стрижева и мужчины нас оставили.
Мы собрали вещи, упаковали художественные принадлежности и приготовились выходить из нашего оборонительного пункта. Тут вновь забежала Стрижева, на этот раз узнать о судьбе следующего месяца. Она спросила у Эдуарда, поедем ли мы трое в следующий раз к ней, чтобы читать лекции, на что я ответил, что не поедем, она пыталась что-то возразить, но Эдди сказал, что она и сама сумеет все рассказать. Стрижеву такой вариант не устраивал, но и мне предъявить требования она не могла, смотреть в ее, как я полагал, полные требовательной злобы, глаза я не хотел. Однако пауза затянулась, я начал поворачиваться в ее сторону, и, какое странное совпадение, ровно в этот момент она повернулась и скрылась в дверном проеме.
К нам присоединилась Кристина, и мы двинулись ко второму выходу, вернее ребята двинулись, я понес стол обратно. Спускаясь со второго этажа, увидел, что Стрижева на прощание обнимает Эдуарда, в то же мгновение во мне родилась мысль-желание избежать этого элемента «вежливости». Настроенный таким образом, я двинулся к нашей группе и, к моему счастью, Стрижева просто улыбнулась и попрощалась, то же самое сделал и я.
Мы выбрались из помещения, на улице шел дождь, было настолько темно, что дальше десяти метров уже не было ничего видно. Успешно добравшись до Экипажа, мы погрузили электронику, расселись, приготовились ехать.
По дороге Ирина рассказала еще некоторые факты о ее работе с Мариной, мы немножко поговорили. Сильный снег сменил дождь, ехали медленно. Тихонько добрались до дома Ирины, попрощались и поехали к имению, а добравшись, попрощались с Эдуардом, Кристиной и пошли в дом.
По прибытию нас встретил Гавриил, порекомендовал всем принять ванну, выпить горячего чая и отправляться отдыхать. Так мы и сделали.
Утром мы легко позавтракали, немного погуляли по саду, легко-легко потренировались, снова уделили внимание природе, прогулкам и разговорам, красочно описывая Давиду и Алексею вчерашний день, а после обеда наведались в гости к Эдуарду. Оказалось, юноша с утра успел скататься к Ирине, и теперь почти без сил еле передвигает ноги по дому, жалуется на боль в голове. Произошло так от того, что женщина выполнила далеко не все советы, которые мы давали этой ночью для защиты от темной силы, а Эдди не сумел предвидеть это, вот и разделил с Ириной участь болеющих. Однако, он старался держаться, не забыл усадить нас за стол и предложить угощенья, а узнав, что мы недавно обедали, попросил выпить с ним по чашечке чая.
- Да, теперь я куда лучше понимаю, от чего мне каждый раз было так плохо после работы на углехождении. А я-то думал, что это у меня от переутомления, - сказал Эдуард.
- И как ты решил теперь? Поедешь в следующем месяце к Стрижевой? – спросил я.

- Нет, пропало всякое желание… Друзья, ответьте мне на один вопрос.
- Какой?
- Если вам удалось сдержать натиск тьмы, то почему вы не могли ликвидировать всех тех сущностей, что осаждали нас?
- Поступив таким образом, мы бы оставили тебя и Ирину без защиты, атмосфера комнаты была бы окончательно испорчена и потом, нас было слишком мало по сравнению с ними.
- Да уж. Кстати, как вы думаете, от чего люди, прошедшие ритуал углехождения, так активны и полны сил?
- Если человека до отказа накачать любой энергией и изменить ему сознание в сторону этой же энергии, то он и будет чувствовать себя полным сил. В данном случае людей наполнили сам знаешь чем.
- Теперь понятно, почему люди, прошедшие эту процедуру, чаще попадают в переделки.
- Да, это логично, но откуда тебе это известно?
- Марина рассказала, у нее эти истории были как самые козырные доказательства силы и полезности хождений по углям. Она рассказывала несчастные случаи, а потом добавляла, что люди, благодаря ее ритуалу, восстанавливали тело гораздо быстрее, чем обычно, а сам факт несчастья, видимо, списывался на случайность, карму и прочее.
- И никто не задался вопросом – почему, собственно, люди попадают в неприятности?
- Может и задался, вот только вслух не спросил никто.
- Понятно. А как ты познакомился с этой женщиной?
- Через орден, она там занимает довольно видное место, вроде как «гуру» и плюс деньги хорошие приносит ордену. Интересно, а сам глава ордена знает, чем занимается Марина на самом деле, как вы думаете?
- Думаю, знает, а может даже и поощряет, не просто так ведь она стала «гуру».
- Но как же так, он провозглашает такие правильные и Светлые идеалы, еще мой наставник рассказывал мне об этом. Неужели вы думаете, что он может так лицемерно обманывать людей?
Очевидно, для Эдди Захар был довольно весомым авторитетом.
- Дело не в том, лицемерно он это делает или нет, - начала Настя, - а в его отношении к ордену и людям, скорее всего он смотрит на эти вещи, как на способы личного продвижения и обогащения.
- Нет, я в это не верю.
- Хорошо, тогда расскажи нам побольше об ордене, может быть мы ошибаемся.
- Во-первых: в ордене обучение бесплатное, но чтобы стать учеником, нужно доказать свои способности к тонкоматериальным наукам, платные в ордене, разве что, зачарованные предметы, но ведь никто не заставляет их покупать. Во-вторых: наставники ордена сразу же предоставляют тебе действующие практики и полезные знания, посвящают тебя в выбранный класс магии. И в-третьих: большинство людей, что я там видел – замечательные и открытые ребята.
- Кроме этого, орден оказывает платные услуги, например, через ту же Стрижеву, а цены этих услуг… в общем сам знаешь. Ведь она даже у тебя взяла часть заработанных денег, потому, что ты пользовался ее, так сказать, «паствой». На счет необязательных покупок – существуют разные способы управления человеком, самый эффективный из них – бессистемный, то есть человеку кажется, что он свободен, но на самом деле он, с большой степенью вероятности, сделает именно то, что тебе нужно. По поводу наставников и действующих практик: уверена, ты знаешь, что большинство новичков, проходящих посвящение, испытывают разного рода неудобства: головную боль, недомогание, слабость. Примерно то же самое происходит и в тот момент, когда человека посвящают, как ты говоришь, в выбранный класс магии. Дело в том, что в этот момент тебя замыкают на эгрегор ордена и всего лишь. Затем в энергетические поля человека внедряется сущность, способная подкидывать нужные ордену мысли в нужный момент – своего рода вяло текущая одержимость. Большинство людей и правда замечательные ребята, но это до

тех пор, пока они находятся на стадии новичков, с еще свежими головами.
- Что-то уж слишком мрачно. Разумеется, я доверяю вашему мнению, но мне необходимо убедиться во всем самому, вы уж простите, такая у меня натура.
- В таком случае убеждайся, только не сегодня и не завтра – отдохни немного.
- Хорошо.
Мы еще немного поговорили, попрощались и отправились в гости к Кристине, а прибыв на место, обнаружили, что у нее в гостях уже сидят Марина и Лиза – старые подруги. Полагаю, они часто собирались вместе, ведь жили они в одном строении, да и квартиры были рядом, но на этот раз поводом для встречи послужило хождение по углям Кристины. Дверь открыла Лиза, узнала нас, заулыбалась, впустила в квартиру со словами: «А вот и остальные участники рассказа». Забравшись в квартиру, нам представилась следующая картина: Кристина сидела на диване, довольно бледная, со всеми признаками недомогания, рядом с ней обосновалась Марина, перед ними на столике красовался аккуратный чайничек и кружки.
Девушка посмотрела на нас, первой ее реакцией была лютая злоба, это читалось в глазах, затем злобу сменило удивление, видимо Кристина сама от себя не ожидала такой ярости, а следующим было привычное дружеское приветствие.
- Вижу, утомили тебя угли? – поинтересовался я.
- Не то слово, Дима, сама не знаю, что происходит: ночью, после пробежки по углям я чувствовала себя очень свежо и бодро, была полна сил, а теперь болит решительно все. Неужели эта практика углехождения так сильна, что доводит такого слабого человека как я до изнеможения?
- Думаю, само по себе углехождение здесь ни при чем, - ответила Настя, и жестом попросила Марину позволить ей сесть рядом с Кристиной, та согласилась.
Настя какое-то время внимательно смотрела на девушку, затем взяла ее за руку.
- Что она делает? – шепотом спросила меня Лиза.
- Думаю, что снимает недомогание, - также шепотом ответил я.
От прикосновения Кристине стало заметно хуже, словно что-то злое и неугомонное пробудилось в ее груди, ее глаза налились злостью, начались резкие неконтролируемые движения головой. Тут я понял, что может понадобиться помощь, подошел к девушке, положил свои руки на ее виски. И без того изумленные поведением своей подруги девушки вовсе потеряли всякое понимание ситуации, когда у Кристины начались бесконтрольные движения руками и ногами, благо догадливый Кирилл успел убрать столик с чаем, иначе он бы уже был на полу.
В какой момент мне казалось, что Кристина берет верх над сущностью-одержителем, но продлилось это недолго, нельзя сказать, что девушка не боролась с ним, просто в ней еще не было необходимых качеств, чтобы справиться. Минуту или две продолжалась борьба, после которой Кристина широко открыла рот, испуская какой-то черный едва заметный пар, когда же последнее облако покинуло ее тело, девушка облегченно вздохнула, удивленными глазами осмотрела все вокруг.
Руками она нащупала мои ладони на висках, подняла голову, посмотрела мне в глаза недоумевающим взглядом. Не знаю, что за эти две минуты пережила девушка, но едва ли ее сознание анализировало происходящие вокруг действия. Когда я убрал руки, Кристина посмотрела на подруг, видимо желая получить от них хоть какое-то объяснение, но в глазах подруг было гораздо больше удивления, чем в ее.
- Что со мной было? - наконец спросила девушка, метаясь глазами от одного лица к другому.
- А что ты помнишь сама? – спросила Настя.
- Помню, мы сидели втроем, обсуждали углехождение, потом пришли вы, и во мне пробудилось сильное, необузданное желание прогнать вас, дикая злоба, это удивило меня, ведь к вам я всегда относилась хорошо и не было ни единой причины менять это отношение. Потом ты села рядом, взяла меня за руку, и я словно провалилась во тьму, это

было похоже на потерю сознания, только не до конца: я сознавала то, что происходит внутри меня, но абсолютно лишилась восприятия окружающего мира. Потом я увидела какую-то страшную картинку, отвратительное лицо неведомого существа, затем это существо пыталось схватить меня, напасть каким-либо способом, но ему не удавалось приблизиться ко мне. Надо ли говорить, что мне было очень страшно, но потом меня посетила мысль, что этот уродец ничего не может мне сделать, и я перестала бояться, в следующее мгновение я очнулась.
- Теперь все хорошо? Тело не болит?
- Теперь я просто устала. Так что со мной было? Почему Марина и Лиза до сих пор смотрят на меня такими удивленными глазами? Почему столик с чаем отодвинут?
- Это последствия посещения дома отдыха «Геркулес». Дело в том, что в процессе подготовки людей к углехождению в них были подселены довольно нелицеприятные сущности, в чем ты уже сумела убедиться. Столик отодвинул Кирилл, чтобы ты его не опрокинула ногами, а подруги, наверное, сами тебе все расскажут.
И верно, мы отошли от Кристины, в следующий момент к ней с обеих сторон подсели подруги, рассказывая свои переживания, делясь впечатлениями. Посчитав, что не стоит мешать дружеской беседе, мы решили удалиться. На прощанье посоветовали девушкам ни под каким предлогом не посещать подобные мероприятия, держаться подальше от ордена и поухаживать за Кристиной. Нас, было, хотели задержать, предлагая хотя бы угощенье в качестве благодарности, но мы вежливо отказались и удалились в имение.
Там мы поговорили с друзьями по поводу подобных «оздоровительных» практик и решили, так сказать, внедриться в орден, чтобы изнутри понять его структуру, а может быть даже и выйти на Захара. Гавриил же посоветовал для начала пообщаться с наставником Эдуарда.
Что ж, до наставника нам удастся добраться, в лучшем случае, во вторник, потому что сегодня и завтра Эдди будет отдыхать. Чтобы занять образовавшееся время, мы решили поупражняться в осознании и контроле внутренней энергии. Получалось весьма успешно и довольно весело, потому как ощущения энергии у каждого свои и было крайне любопытно узнать, каким образом ощущает другой человек свои силы.
Разумеется, это все весело и Радостно, когда ты ощущаешь и понимаешь то, что делаешь, совсем другая ситуация постигает тех людей, что еще не развили в себе подобных талантов. С трудом представляю себе, какого это – совсем не ощущать тонкую материю, хотя наверняка есть люди, для которых подобные ощущения – нечто вроде подарка судьбы.
- Дмитрий, о чем ты задумался? – спросил меня Кирилл.
- О том, как, должно быть, тяжело человеку, обладающему теоретическим знанием о тонких энергиях, не обладать возможностью их ощутить.
- Не может же быть так, чтобы человек совсем ничего из разряда тонких материй не ощущал. Любой человек ведь может почувствовать радость, грусть, Любовь, агрессию наконец, также любой человек способен мыслить, пусть не всегда своими мыслями, но все же.
- Да, ты, конечно, прав, любой человек умеет все это, загвоздка в том, что он относит подобные переживания сугубо к материальной сфере и объясняет функционированием мозга. Даже если человек в теории знает о тонкой материи, но не ощущает ее, то, можно почти с гарантией сказать, что он уже выдумал себе целую кипу образов о том, как эта материя должна ощущаться.
- Мне доводилось видеть подобных людей, - включилась в разговор Настя, - Часто их положение усугубляется тем, что вокруг есть люди, у которых процесс ощущения не вызывает никаких затруднений. Сознавая разницу между собой и чувствительными друзьями, человек начинает придумывать всевозможные способы, чтобы добиться нужного эффекта, а в результате лишь загоняет себя в еще более жесткие рамки, вместо того, чтобы расслабиться и позволить ощущениям захватить себя. Чаще всего сложность

не в том, что их тонкие тела не способны к восприятию, а в том, что их разум сознательно или подсознательно блокирует этот процесс. Когда же пытаешься помочь человеку, объясняешь самые элементарные принципы самосознания, то натыкаешься на огромную стену надуманных границ и условностей. Удивительная закономерность – чем меньше человек знает в какой-то области, тем жестче и разветвленнее его теоретическое «понимание».
- Но, неужели это так сложно – отпустить надуманные границы и просто позволить себе ощущать мир более широко? – интересовался Кирилл.
- Если смотреть на ситуацию со стороны, то нет, а если изнутри самого человека… Тут ведь дело вот в чем – человек успевает привыкнуть к своей ограниченной чувствительности, или, если точнее, к умственным рамкам восприятия, и для него эти рамки, со временем, становятся важнее самой цели, ради которой они создавались. То есть человек может ровным счетом ничего не достичь в самосознании и ощущении тонких планов, но при этом может «учить» других этому, а еще хвастаться тем, что он выполняет огромную кучу практик, направленных на развитие. В итоге цель подменяется средством, человек демонстрирует всем начищенные до блеска орудия достижения цели, но саму цель он так и не берет.
- Да уж, хотя, если представить, что свои умственные рамки и графики тренировок он чувствует, то становится понятно, почему они для человека оказываются гораздо более ценными, чем то, чего он не ощущает.
Мы продолжили упражняться, посвятив эти два дня в основном развитию внутренней силы. Во вторник утром мы отправились в университет, разыскали Эдуарда, осведомились о самочувствии, узнали, что в орден он сможет отвести нас лишь после обеда – как раз после окончания занятий, мы согласились подождать и решили зайти к Всеволоду.
К счастью дедушка был в университете, в своем кабинете, свободен от срочных дел. Всеволод охотно принял нас, справился о наших делах, расспросил про князей… в общем удовольствие от встречи получили и мы и он.
Скоротав время с замечательным человеком, мы решили подождать друга рядом с входом в здание, минут через двадцать он показался на крыльце, улыбнулся нам, подошел, поделился впечатлениями о последней лекции, и мы направились в убежище ордена.
Орден обосновался в верхней части города в одном из трехэтажных особняков. Забор, вид внутреннего двора, архитектура дома говорили о том, что с денежным обеспечением у ордена все в порядке.
Проникнув внутрь, мы поняли, что и здесь богатство украсило интерьер. Помимо изящной отделки и предметов роскоши, дом был наполнен людьми, большинство из них – юноши и девушки, начиная с четырнадцати лет. Эдуард хорошо ориентировался в этом здании, поэтому довольно скоро сыскал своего наставника, представил нас друг другу и удалился.
Мужчина лет двадцати семи, среднего роста, обладающий стройной фигурой, карими глазами и темными волосами, предложил нам устраиваться в его кабинете, вернее комнате, оборудованной под кабинет.
- Итак, господа, чем обязан? – начал мужчина немного высокомерным голосом, думаю, ему уже много раз приходилось разговаривать с людьми, которых приводят его ученики.
- Анисим Клементьевич, - обратился я, - мы заинтересовались деятельностью ордена «Сияющий восход», поэтому, если не сложно, просветите нас в вопросах его деятельности.
Мужчина решил, что мы – еще одна группа страждущих, и начал издалека:
- Наш орден занимается вещами необычными, вещами неизведанными и загадочными, мы раскрываем тайны мироздания, разрушаем мифы науки, мы помогаем людям лучше понять их истинную природу, раскрыть способности, проникнуть в глубины сознания, избавиться от страхов и сомнений. Мы всегда рады новым людям в наших рядах, но принимаем мы не всех, у нас есть ряд упражнений, которые должен пройти ученик, венцом испытаний становится подписание документа, заверяющего ваше желание

принимать участие в делах нашего ордена. Если вы пройдете вступительные испытания, то мы предоставим вам широкий выбор специализаций, из которых вы сможете выбрать более близкую вашей Душе. Специализации самые разные: можно развиваться в сторону света, можно быть серым наемником, можно развивать тьму, стихии, некромантию, спиритизм, демонологию, ритуализм, руны, карты, гадания… в общем очень много всего. Наш орден обладает замечательным составом наставников – больших специалистов практически во всех областях магии. Вдобавок ко всему, обучение у нас бесплатное. Вы спросите, на что мы существуем? Очень просто – орден оказывает платные услуги сторонним людям, например: гадания, привороты, отвороты, заговор воды, зачарование предметов, составление рун, продажа различных магических предметов и так далее. Если наши ученики быстро и четко усваивают предоставляемый материал, то у них есть все шансы стать специалистами, и уже от лица ордена предоставлять свои услуги. А теперь, если у вас есть вопросы, я вас слушаю, - мужчина откинулся на кресле, очевидно ожидая вопроса «где нам расписаться?» или чего-то в этом духе.
- Вы сказали, что ученик считается зачисленным лишь в том случае, когда он подпишет какой-то документ, не уточните его содержание? – поинтересовался Кирилл.
Анисим улыбнулся, в его глазах пробежала мысль «дотошные», далее он открыл выдвижной ящик стола, достал листок и протянул его нам.
- Собственно говоря, этот документ, как видите, является рисунком, а не текстом.
Рисунок представлял из себя два круга разного радиуса, в пространстве между радиусами были начертаны какие-то символы, я даже не мог примерно предположить из какого языка они взяты, в меньшую окружность была вписана гексограмма.
- Позвольте узнать, что здесь начертано, и что вообще с этим рисунком нужно делать?
- Все просто, вот это, - мужчина указал на одну из надписей, - имя человека в мире, вот это – имя после крещения, вот это – истинное имя. Когда все это будет заполнено, человеку следует самому придумать и произнести клятву ордену и, в знак скрепления союза, приложить надрезанный палец раной в центр вот этой семиугольной звезды.
- И все это происходит в присутствии…
- Только вас, после вы приносите скрепленный кровью договор нам и все – вы в ордене.
- Превосходно. Но разве у вас нет никакой процедуры посвящения?
- О, да я вижу, Эдуард вас подготовил, - улыбнулся мужчина, - Да, есть такой обряд, мы инициируем учеников в неофиты – начальную ступень Духовного совершенствования. В процессе этого обряда над неофитом читают специальные тексты, потом включают в поле ордена, чтобы была защита от различных негативных влияний.
- Включают в поле, то есть подключают к эгрегору ордена, так?
- Примерно да, так.
- И к чему это обязывает ученика?
- К чему вы клоните? – улыбка уже слетела с лица мужчины.
- Анисим Клементьевич, я буду с вами откровенен, подключение к эгрегору служит для того, чтобы использовать вновь поступивший «материал» в качестве энергетических доноров, именно поэтому у большинства людей поначалу встречаются различные боли и недомогания, затем, когда вы посвящаете их в специализацию, то лишь пристегиваете к их информационным полям существо-паразита, обладающего способностью внушать нужные ордену мысли. Потом, само разделение на магию света, тьмы, стихии, мертвых, живых, кривых и рябых – отдает знатным детством, собственно это и объясняет такую популярность вашего ордена среди молодых не окрепших умов. Далее, не знаю, известно вам или нет, но весь орден служит целям одного человека – Захара, или, как вы его величаете, магистра Мильтевимора. Но я вижу, что вы и не думаете мне верить, не думаете даже проверять то, о чем я вам сказал, единственное, о чем вы сейчас думаете, так это о том «как бы поставить на место этого наглеца», я угадал? – сказал Кирилл.
Мужчина слегка удивился прозорливости друга, опять напялил улыбку и ответил:
- Ваши обвинения беспочвенны, может быть, вы и угадали мою мысль, но любой другой

человек на моем месте подумал бы также, поэтому не ожидайте, что произвели впечатление на меня.
- Значит, беспочвенны, - начал я, - Вы когда-нибудь слышали о Демиде или о заклинателях змей – Константине и Виталии?
- Допустим, и что?
- Готов поспорить, что уже давненько не встречались с ними.
- У них полно дел, они ведь – мастера.
- Заклинатели уже сидят в тюрьме, а Демид исчез из города, хотите знать почему?
- Поразите меня, - надменно сказал Анисим.
- Потому что они были «помазаны» вашим магистром, чтобы уничтожить нас. На счет Демида, справедливости ради, стоит сказать, что ему заплатили еще и со стороны.
- Уничтожить вас? – мужчина рассмеялся, - Да кому вы нужны? Тем более, чтобы сам магистр отдавал приказ…
- А нужны мы ему стали после того, как отправили в заключение вашего гипнотизера, обворовавшего не одну дюжину состоятельных людей.
- Не знаю, откуда вы получаете эту информацию, но уверен, что вы блефуете. Как вы – дети, могли наворотить столько дел?
- Мы не многим моложе вас, и потом, если вы еще не догадались, мы – полицейские.
- С какой стати я должен вам… - мы достали значки и предъявили мужчине, тот переменился в лице и уже серьезным голосом закончил фразу – верить?.. Что ж, вы не лжете, вы – полицейские, возможно, вы и имели отношение ко всем этим делам, но с чего вдруг я должен поверить, что мастера – были ворами и прочими негодяями и заслужили тюремное заключение.
- А вы проверьте, все хорошенько проверьте, вы ведь – наставник, вам открыто больше, чем ученикам.
- Хорошо, допустим, я проверю, но как вы знаете, что я не сообщу о вас мастерам? Не боитесь их гнева?
- Ваши мастера уже пытались обрушить на нас свой гнев, как видите, ожидаемого результата это не принесло. И потом, если вы упомянете о нашей с вами беседе, то сами в первую очередь попадете под подозрение.
Мужчина понимал, что я говорю дельные вещи, но соглашаться со мной он не желал, во всяком случае, показывать это внешне, тем более, что мы принесли ему серьезные знания, потрясшие привычную ему картину мира и теперь Анисиму было крайне неприятно находиться с нами в одном помещении.
- Думаю, наша беседа на сегодня окончена, Анисим Клементьевич, все доброго вам, - сказал я.
- Пожалуй, тут я с вами соглашусь, - мужчина, наконец-то, улыбнулся, пожал мне и Кириллу руки, отдал поклон Насте и проводил до двери.
За дверью нас уже ожидал Эдди, чтобы скоротать время ожидания, он беседовал с юношей лет восемнадцати, ростом выше среднего, телосложением худощав.
- Друзья, знакомьтесь, Емельян Осипович Назаров – замечательный человек, ученик в ордене. Емельян – это мои близкие друзья: Анастасия Владимировна, Дмитрий Николаевич и Кирилл Романович, прекрасные люди, обладают острым умом и великолепно осведомлены в области эзотерики, в том числе и по поводу разного рода орденов.
Не успел Эдуард договорить, как Анисим заприметил своего ученика и «вызвал» на беседу.
- Прошу меня простить, - извинился друг и вошел в кабинет наставника, закрыв за собой дверь.
Мы же предложили Емельяну прогуляться и рассказать нам свои впечатления об ордене.
- Мне в принципе все нравится, очень рад, что вступил в орден, ребята здесь хорошие, понимающие, вот только один мой знакомый говорит, что ерунда это все, - видимо,

юноше хотелось рассказать о своем знакомом, поэтому мы спросили об этом.
Юноша сделал пару шагов в молчании, очевидно припоминая факты и подбирая слова, потом заговорил:
- Его зовут Семен, он сказал: «Объяснить сейчас что-нибудь я вряд ли смогу. Тебе запудрили мозг обещаниями силы, но ты забыл, что без Любви любая "магия" ничтожна. Ситуация для тебя действительно может стать опасной. Если не веришь мне, обратись к Косте, он живет (адрес)». Еще он сказал, что Костя – специалист по разным культам и орденам, вот и вас мне рекомендовали, как специалистов, может поможете разобраться?
- В таком случае расскажи ситуацию более конкретно, - сказал я.
Мы постепенно вышли из здания, обосновавшись на лавочке чуть в стороне от входа.
Наш с Семеном разговор выглядел примерно так:
«- Привет, я в орден вступил. Теперь меня учат.
- Привет, поздравляю. И чему же учат?
- Магии, видение развивать, лечить, потом боевая пойдет, самый большой плюс, то что в стихии качают, я выбрал свет, потом жизнь, наверное, возьму.
- А пафосно вращать чудо-посохом и насылать заклинания десятого уровня не учат? Лучше бы вступил в орден, где учат играть на гитаре - явно полезнее.
- Нет... В этом ордене все нормально, делу учат, без всяких премудростей и прочего, посох то создать можно и так, просто зачаровать его, и будет что-то полезное. А так большой плюс - в стихиях прокачка идет большая, ну и много таких же учеников, как и я.
- На самом деле смешно. Ты же читал (название книги Кости) - там хорошо написано про такого рода ордена и чему там "учат". Точку зрения Кости на данный вопрос я разделяю. Обучаясь в ордене, реальной силы ты вряд ли добьёшься.
- Я еще не осознал этого.
- Даже если так, то проверить несложно: узнай, чего добились "учителя" этого ордена. Только требуй не слова, а реальный результат.
- У нас учитель хороший, всего пятнадцать лет, видящий, серый маг, подчистил меня и тому подобное, он меня и подключил к эгрегору, кода я выбрал свет, потом через день меня мутить стало, он просмотрел меня, сказал сущность поймал, убрал – полегчало. Когда начнем лечение изучать - буду лечить свою руку, точно поможет.
- Интересно, как это серый маг может подключить к эгрегору Света?
- Ну, он прокачан в свет пятого уровня и тьму пятого уровня, плюс Ци, которая не даёт свету поглотить тьму или наоборот, вот, и имеет контакт со стихией, он меня и подключил в свет, сказал мне, что я тоже серый, но я не хочу им быть. Сам магистр прокачан в двадцать уровней стихии вроде, тоже нормальный человек, даже заклятия ищет всем, что кому подходит ну и лечит, если что, учеников, если попросят, конечно. Меня вот учитель почистил, я не мог - грязный был.
- Хорошо, буду говорить напрямую. Заранее приношу свои извинения за резкость. Попробуй спокойно принять и осмыслить то, что я скажу. Первое: такого бреда, как то, что тебе наговорили твои "учителя", мне читать давно не приходилось. Второе: реальной силы можно достичь только развиваясь самостоятельно либо под руководством настоящего, знающего Учителя, который не будет сразу запудривать тебе мозг разговорами про стихии, посох и боевую магию, да ещё и подключать к какому-то сомнительному эгрегору, а поможет тебе развить Любовь, такт, самообладание и простое отношение к Жизни, без которых настоящее развитие невозможно. Третье: послушай моего совета – пока не поздно, постарайся побыстрей порвать все связи с этим орденом, если не хочешь превратиться в очередного донора, из которого будут безвозмездно выкачивать энергию и деньги.
- Почему ты думаешь, что всё так плохо, там вроде учат, некоторые ученики уже поднялись выше, имеют успех, всем помогают, никакого поклонения нет, бунтовщиков нет, ну и никого не держат, все могут уйти, будут проблемы только когда поднимешься выше, там нужно присягу давать типа клятвы, только сильнее намного, а так все

нормальные люди. Я из-за этого вступил, так тоже никому не доверяю. Вот адрес (адрес здания, в котором мы только что были), можешь сам сходить и все проверить.
- Объяснить сейчас что-нибудь я вряд ли смогу. Тебе запудрили мозг обещаниями силы, но ты забыл, что без Любви любая "магия" ничтожна. Ситуация для тебя действительно может стать опасной. Если не веришь мне, обратись к Косте.»
- Так, теперь понятнее, а можно узнать, чем колдун стихии пятого уровня отличается от колдуна шестого?- поинтересовался я.
- Ну, наверно, типа в силе, я же ученик только... Меня в свет качают, даже вроде еще... До уровня пятого... Как он сказал тридцать пять дней. Прошло всего пять дней, как сразу началась прокачка - чувствовал что-то в анахате, странные ощущения были, потом болела голова на второй день, мутило, глаза «лопались», он сказал, что я сущность поймал плюс прокачка и снес её, стало сразу легче, удивило так.
- Не любое изменение в теле и ощущениях является развитием. Можно тренироваться рукопашному бою в зале и получать навыки, а можно лихо получить по голове на улице и "прокачать" только шишку. Разбираться ведь надо в том, что с тобой делают. Если я правильно вижу, сквозь весь разговор прослеживается мысль, что в тебе что-то изменилось, и тебя это захватило, явилось как бы подтверждением истинности слов ордена.
- Ну да, я стал замечать изменения, я нащупал плотные энергии с первого раза, до этого сидел, а толку… А тут попробовал и бац, так четко вышло, плюс когда меня качали в стихию "свет" он убил сущность. Да, и ученики и учителя - все позитивные, а тех, кто грубит - сразу выгоняют. Плюс в ордене забота - наставник, так бы ни за что я не вступил. Я сам не доверяю орденам всяким, видя в них сектантов и прочих, все боятся, что им начнут управлять как рабом.
- Откровенно говоря, сама формулировка "качать в стихию свет" в лучшем случае заставляет улыбнуться и отдает детством, а если точнее – детскими играми в колдунов. Дело очень простое, я не стану отговаривать тебя, подбирать аргументы и так далее. Если хочется – делай, жизнь твоя - тебе решать. Вообще, не имею привычки решать за других людей, скорее я агитирую за то, чтобы человек научился самостоятельно оценивать ситуацию, ощущения, внутренние переживания. Так что думай, внимательно изучи "устав" этого ордена, что он требует от тебя, к чему обязывает. Для примера: всего за один вечер можно научить человека владеть энергией Ци на примитивном уровне, например: лежать на двух стульях используя как опору голень и верх плечей, при этом держать на себе вес раза в два больше себя.
- Тут, наверное, играет еще большая роль вера, может за счёт неё дурят всех, может мы не правы, мне сказали, что вы и Костя в этом разбираетесь, и я прочёл его книги, которые очень понравились, или просто все-таки мы мало знаем… Голова лопнет, так трудно найти истинный путь, которого, видимо, нет.
- Истинный путь есть, только он не в орденах с клятвами и уровнями прокачки, он в тебе. Представляешь, даже ходить никуда не надо.
- Но откуда можно быть уверенным, что ты идешь по правильному пути... И после смерти ты действительно нашел правильный путь, и не придется снова рождаться, искать что-то, одного раза хватает, чтоб возненавидеть мир, в котором столько грязи. Только в некоторых частях мира, видимо, есть что-то хорошее и остались хорошие люди, а не полузвери, которые достают всех подряд и жаждут скопить денег себе, мир катится ко всем чертям.
- Тебя смущает смерть и перерождение? Ради этого ты вступил в орден? Вообще, в чем ты видишь для себя путь, каким он должен быть, в твоем представлении? Мир катится по извилистой дороге, так давайте вместе делать его лучше.
- Ну да, можно сказать и так, чтоб найти правильный путь, как в книге, дочитать до последней страницы, а не отбросить ее куда-то там, чтоб потом снова родиться и снова начать ее читать. Вдруг я уже не буду думать об этом, шанс тут такой вышел, чтоб

разгадать тайну. Я прочел книги Кости и хочу стать таким же, как главные герои.
- Вообще, если немного серьезнее посмотреть на те процессы, что ты описал из ордена: к чему именно тебя подключили? Эгрегор света? А как он работает? Что вообще такое "эгрегор" ты знаешь? А если не знаешь наверняка, то как ты определишь, что тебя подключили именно туда, куда хотелось? Потом, что это за классификация по уровням? Как отличить один уровень от другого? Как себя ведут люди в ордене и, что куда важнее, как они себя чувствуют? Что значит "поймать сущность"? И вообще, от чего она смогла к тебе пробраться? Через какой канал? Да вопросов масса… По большому счету с этим орденом несколько вариантов, исходя из того, что ты нам рассказал: или это просто собрание людей, любящих сказки про колдунов, развивших кое-какую чувствительность, слабо себе представляющие комплексный процесс развития. Но сами по себе они веселые, позитивные и приятные. Или они сами не знают, чего делают, а посему находятся под дистанционным управлением. Или их глава все прекрасно знает и просто использует орден в своих целях.
- Не знаю, не знаю... из-за этого не говорил Семену, зная, что он скажет, что я попал не туда. Мастера, заметно, что они опытные, но я вижу, что в них нет такой большой Любви как в книгах Кости. Они могут сделать приворот, не сдержать эмоции. Как они, конечно, я не хочу быть, приворот всё равно не сделаю, все эти гадости и прочее. Видимо, все-таки, они - маги, не такие уж "чистые", но друзей не бросают, можно сказать обычные люди: могут и злиться и так далее.
- Вот, ожидания подтверждаются, скорее всего эти люди поставили во главу угла Силу, и усердно ее развивают. Да, на данном этапе они продвинулись, прямо скажем, не шибко далеко, но сама основа их пути - темная, потому что слепое развитие Силы через волевое усилие - это путь подчиненного и подчиняющего, то есть хозяина и раба, а это и есть путь тьмы. С чего я взял, что они не шибко продвинулись – да потому что уважающий себя темный не станет страдать такой ерундой, как приворот, или, если уж ему надо, сделает это настолько умно, что узнает об этом лишь он и ближайшие соратники. Плюс к этому, мастера совершенно не разбираются в причинно-следственных связях. Человек, хотя бы немного владеющий этой информацией просто не будет делать приворот, да и злость свою поубавит.
- Ну, я видел у магистра услуги, что меня не порадовало: привороты и прочее разное… Скорее всего, чтоб просто заработать денег и не работать. Ну, может и вправду они только прокачены в магии, что очень чувствуется. Сейчас собираюсь спросить, почему такие услуги у него, разозлится, наверное, и после всего сказанного возникает вопрос – почему именно Любовь есть истинный путь?
- Это хороший вопрос, на него можно отвечать долго и развернуто, а можно кратко: Любовь пронизывает все аспекты жизни, какой бы процесс человеческой деятельности ты не взял – везде присутствует Любовь. Разумеется, процесс состоит и из других составляющих, но эти составляющие меняются от процесса к процессу, а Любовь остается всегда. А если так, то, постигнув природу Любви, ты сможешь постигнуть природу любого процесса.
- Может быть и так, но я сейчас не могу твердо быть уверенным в этом.
Тут кто-то из ордена позвал Емельяна, он попрощался с нами, поблагодарил за беседу и удалился.
- Итак, друзья, как вам видится деятельность ордена? – спросил я.
- В общем именно так, как мы и ожидали: основной «материал» составляют молодые люди, система развития напоминает какую-то детскую игру, основная цель создания ордена – аккумуляция юной энергии для целей руководства, - отозвалась Настя.
- Мне основная масса людей понравилась – активные молодые ребята, во всяком случае интересуются чем-то новым, а не проживают юность в безделии, - сказал Кирилл.
Мы отправились в имение, было решено подождать новых вестей от Эдуарда.
Новых вестей пришлось ждать до первого декабря, то есть почти две недели. Это время

мы употребили для службы с Орловым, для тренировок, сбора информации об ордене, посещения друзей и сотни других мелких дел.
Встретившись с Эдуардом в понедельник первого декабря, узнали, что его наставник решил уходить из ордена, потому как понял, что орден использует энергию его участников для подпитки магистра. Еще друг сказал, что зря не послушался нас сразу, и что сожалеет об этом. Мы успокоили, сказали, что вовсе не виним его в дружеской неверности и попросили отвести к наставнику, оказалось, он еще находится в здании ордена.
Мы вошли уже в знакомый кабинет, его богатое убранство не изменилось, но поубавилось вещей, судя по всему, относящихся к личным вещам наставника. На этот раз мы удостоились искренней улыбки и радостного приветствия.
- Как ваши дела, Анисим Клементьевич? – поинтересовался я.
- Да как вам сказать, в голове прояснилось, но теперь с ордена уходить нужно, новый способ заработка искать… Но вы не подумайте, будто я сожалею об этом или, того хуже, виню вас в этом, наоборот, мне бы следовало благодарить вас за предоставленную информацию. Признаюсь честно, мне было до мерзости неприятно, когда выяснилось, что большинство людей в ордене представляют из себя энергетическую пищу для магистра. Теперь мы с магистром поссорились, я ухожу, пытаюсь увести отсюда и своих учеников.
- А не было ли в ваш адрес сказано каких-либо угроз от лица магистра или его подручных?
- Были, еще как были, сперва он обещался меня проклясть, что, кстати, ему частично удалось, а потом подослал ко мне каких-то крепких ребят, которые ясно дали понять, что мне не следует уводить за собой учеников, иначе я могу оказаться в больнице или обрести просвещение в виде вечного покоя.
- А вот это уже серьезно. И давно вы беседовали с этими людьми?
- Нет, буквально в эти выходные.
- И все равно решили выводить учеников из ордена?
- А я не могу поступить иначе, я их сюда затащил, мне их и вывести, иначе я буду хуже, чем убийца. Как я смогу жить с этим грузом? Никак.
- Раньше где-нибудь встречались с этими людьми? Может, видели рядом с Захаром?
- Да, видел, но тогда не придал этому большого значения.
- В таком случае нам нужен ваш адрес, распорядок дня и ваша вера в наши способности в борьбе с преступниками.
Мужчина назвал адрес, примерный распорядок и уверил нас, что полагается на нас, потому что больше не на кого.
- Мы сделаем так: сейчас вы заканчиваете дела в этом кабинете, встречаетесь с нами у выхода из здания, мы едем в полицейское управление, там вы подробно все рассказываете, и мы начинаем официальное расследование деятельности ордена.
- Хорошо.
Мы вышли из кабинета, вышли из здания, устроились на лавочке. Вскоре мы были замечены Емельяном и стали «заложниками» его наблюдений:
- Доброго дня.
- Здравствуй.
- Ухожу я из ордена, сам же учитель наш ушел оттуда, ему его наставник подсказал, помог понять, что там магистр мутит, потащив за собой учеников, а магистр, узнав, любезно слил на него негатив и сказал всем, якобы он свихнулся, чтоб с ним не общались. Выходит так, что ученики ходят в донорах, а прокачка в стихии - лажа, это сложный процесс, а он это делал за секунды. Магистр научил нашего учителя подключать студентов в стихии, теперь он понял, что этот эгрегор качает всё, ерунда полная, я бы сразу и не поверил, если б не оказалось, что он знаком с моим другом, и они также знакомы с одной девушкой, которая помогла уйти из ордена и подчистила его от грязи, вот такие дела. Теперь я тоже ухожу.

- Все правильно, как мы тебе с Семеном говорили. А на вопросы они отвечать не хотели?
- Так я если начну у магистра это спрашивать, и на меня сольют всякую гадость, надо по-тихому валить.
- Вот же мстительное существо. Понятно. Тогда, конечно, уходи тихо. Кстати, замечательный материал для книги, обязательно Косте расскажем.
- Да, а то потом сидеть чиститься… Так, блин, я заметил по его услугам, что он точно не великий добряк: приворот, проклятья там какие-то… Конечно, скажите Косте, теперь хоть меньше всех будет тянуть в ордена.
- Точно.
- А так и вправду ничего особо не заметно, что он там мутит по-тихому.
- Да просто процентов девяносто девять всех орденов построено по этому принципу, тут особо сильно мозг напрягать не надо, при условии, что раньше сталкивался с орденами. Вот, тебе - наука, нам – статистика, а Косте – материал в книгу.
- Ну, а я тоже не доверяю им, просто друг предложил, сказал вроде всё нормально, пока сам вчера не понял, что не всё там нормально.
- Да вы вообще молодцы в этом плане, вовремя спохватились.
- Даже если так, ну всё равно же проклятье всякое может легко достать.
- Если так думать, то достанет.
- Да, а то потом придется чистится в лучшем случае не одну недельку.
- Теперь глава, он же магистр, воюет со своим мировым злом, которого не существует. Победил там всех и стал там чуть ли не властелином мира, спас мир одним словом, живет в одних иллюзиях.
- Да он - великий человек, - шутил я, - но все это бесполезно, чтобы прокачаться до последнего уровня надо победить мировое зло тысячу раз, так что у него все впереди.
- Точно. А теперь глава воюет с наставником, что учеников из ордена уводит, пока что словесно. А еще с друзьями этого наставника, вызывает на бой, кидается словами.
- О, это опасное дело - с таким великим человеком воевать, он же может в своем сознании всякие непристойности с ними сделать.
- Я пока тихо сижу в нейтралитете, смотрю на всё это.
- По мне так проще вызвать на бой по-настоящему, на мечах например, ну или рукопашный бой.
- А вот что интересно, у него по идее силы тоже есть неслабые. Но... видать валенок, раз в иллюзиях живет.
- Вообще на счет спорта, есть у нас один знакомый - мастерски метает ножи, всю жизнь с преступностью сражается, ну, одним словом боец. Ему около сорока. Вот это сила, я понимаю, в плане энергетики тоже.
- Ну, да, вот еще... Там всё по рангам, ученик, адепт, младшая ложа, старшая ложа. До этого из старшей ложи ушло много людей, причина не известна, видимо что-то узнали.
- Это уже совсем серьезно: младшая ложа пыталась подковырнуть старшую ложу вилкой, да двухъярусная кровать оказалась слишком высока.
- Очень, - улыбнулся юноша, - всё равно любопытно, как во всём этом он сам, магистр смог подняться на неплохой уровень?
- За счет учеников, и двух ложек.
- Вампирил, думаешь, вовсю.
- Еще как.
- Там же грязи много.
- А ему чистой не надо, кстати, если бы вы у него брали, то сами стали бы гораздо грязнее - это так, догадка.
- Ну, меня точно вампирил - гад такой.
- Тем более, а чем ты, для него, отличаешься от других?
- Так спрашивал, у кого-то прилив сил был, чакры выворачивались, а у кого-то, как и у меня, слабость. Не всем досталось, в общем.

- Скорее всем по-разному.
- Да, странно, некоторые хорошо развились за короткий срок, но много кто ушел. В общем там детектив такой – страх.
- Еще бы, раз такие люди там, мир спасают.
- У магистра даже любимчик есть... Ух... обязательно в книгу нужно написать! Ну, невозможно просто, собачка на поводке, всё тявкает! Цирк.
- И как зовут этого «зверя»?
- Зулфон, да ну его, лизоблюд прям! Слушать его разговоры желания нет совсем.
- Ага, значит, Зулфон, а по-русски это там какой-нибудь Саша или Вова?
- Да, типа того, смех да и только, школьник он. Ходил даже как-то с табличкой "за орден всех порву!"
- Конечно, всех порвет, сильный человек, а если надо будет рвать кого-нибудь в другой части города? Поедет?
- А то как же, поводок-то шею давит. Только вы Косте скажите, чтобы он как-нибудь завуалировано писал об этом ордене, а то ведь такие вот «собачки» достанут потом.
- Точно, такие сильные люди ведь умеют ментальные проклятия всякие насылать.
- Еще бы, только держись! Вот еще, из личного опыта.
- Давай.
- Для новичков, думаю, будет полезно. Недавно одного начинающего чернокнижника покалечил неосознанно, потом только узнал через третьего человека, что было. Сам удивлен сильно, видящий просмотрел и вышли на меня, что я его покалечил, после небольшой перепалки, у меня в общем злость кипела, бурлила, и как обычно само собой фантазия играет, как ему я, так сказать, порю муладхару и прочие чакры, и был момент как я ему руку вывернул, ну потом вроде нормально, успокоился. А через часа два-три как раз узнаю, что это чернокнижник просит видящего, чтоб его посмотрели, плохо ему якобы, и рука жутко болит, этот видящий говорит, что канал там перебит в руке или порван, ну, что-то такое и начал искать. Сначала мой возраст написал, потом и имя. Через час только и до меня дошло, что это я и вправду его потрепал. Жуть.
- Бывает такое, самое рядовое явление в жизни. Правда, с этим лучше поосторожнее.
- Так я не знал, что так жестко могу.
- Так же можно и хорошего желать, если внутри Радость кипит.
- Теперь понятно, почему нужен самоконтроль. В магии особенно, так ведь и убить можно.
- Можно. Но не нужно.
- Ну да, просто убьешь, а сам и знать не будешь, что это ты… Так вот, а потом я научился закрывать блоки в ауре и убивать сущностей в себе, тоже в шоке был что справился. Подруга смотрела до и после - вроде ничего такого не умею.
- Да в этом ничего сложного нет.
- Ну, выходит что так, просто если сам не видишь, то трудно сказать.
- Сложно – это, например, победить себя, вот тебе вроде хочется какую-нибудь пакость сделать, а ты раз, и побеждаешь это в себе.
- Это как у Кости в книге.
- Точно.
- Это магистру в самый раз почитать надо, самоконтроля у него вообще нет.
- С магистром мы разобрались - ему нужен поединок, желательно кулачный.
- Да он здоровый так-то, занимается похоже. Это если только кто-нибудь будет посильнее… да и толку-то? Он будет еще злее после этого.
- Здоровый, еще не значит непобедимый, на крайний случай можно под здорового нырнуть и ударить в печень.
- Это похоже не на выяснение отношений, а на реальный бой больше.
- Так ведь можно все сделать цивильно, например: бить не в полную силу, обозначить ему, что "печень ваша бита, сударь" и все. Тем более, можно в боксерских перчатках.

- Теперь ясно. А вы сами-то как, еще не перебили весь астрал?
- Конечно, каждый день этим занимаемся. Всех! Раз по двадцать в день.
- Это правильно, магистра в сторонку, наши победят!.. А еще такой вопрос, вообще есть стихии? А то больше на бред похоже.
- Стихии, как я понимаю, это огонь, вода, воздух, земля, уверен, что есть.
- Ну, это да, а как насчёт тьмы света хаоса, некро и многих других?
- Может для кого-то это и стихии, но я их такими не считаю.
- А для тебя они что?
- Для меня "тьма, свет, хаос, некро..." - размышлизмы некой группы людей, считающей себя достаточно умной, чтобы "изобрести" новые стихии. Просто продукт человеческой фантазии.
Так вот что странно - они с ними работают и получается, знакомая с тьмой работает, её как раз прокачал во тьму магистр, аджна стала работать лучше, видит лучше и теперь работает только с тьмой… И выходит, странно всё это. Вернее, не знакомая, а друг уже, ей можно верить на все сто процентов.
- Это она думает, что работает с тьмой, на самом деле третий глаз просто развила. Вот например, поднимаешь ты гирю в спортивном зале, и вдруг тебе в голову вступило, и ты начал поднимать ее не как все, а по новой методике, и все, теперь ты не просто гиревик, а гиревик по новой методике.
- Может, может, но так получается, что он там ей какой-то энергии дал, навряд ли хорошей. Хорошо, что меня оборвали от эгрегора. А то что-нибудь уже сделали бы умники эти.
- На счет подруги и приема энергии, это уже ее выбор.
- Верно… А еще меня их практики вообще удивляют. Для чернокнижников это вообще, сплошной юмор, надо же такое придумать!
- Юмор продлевает жизнь, вот они и живут так долго.
- Вот, например, оцените сами: когда тебе хорошо или плохо, нужно говорить: «Я маг. Я иду путём тьмы». А потом составить задумчивую кислую мину. Или вот еще, если идёшь и вдруг чувствуешь, что сзади тебя кто-то идёт, то надо резко развернуться, вытянув вперёд правую руку с оттопыренными большим, указательным пальцами и мизинцем, и уверенно и громко произнести что-то вроде: «Я иду путём света, изыди!»
- Надо будет запомнить метод.
- Да, чернокнижники на высоте. А вот еще: чернокнижник, которого я потрепал, он меня удивляет – ноет вечно, что он несчастный такой, блин, а свои практики в упор похоже не видит, там всё идет для закапывания всех чувств, практики такие же смешные, типа "я не могу любить" и похожая бредовая, в том же духе – вечно ходишь и говоришь вот эту фразу как мантру, пока не подавишь в себе чувства. Чего ходить ныть-то, если сам всё и губишь? Удивляюсь.
- А боль чувствовать он тоже не может? А то это легко лечится.
- Да боль чувствует, чернокнижникам надо убивать эмоции свои, ну и любовь, типа работа с демонами, эмоции тут только в минус.
- Тогда все понятно, в таком случае, извиняюсь, и обесплодить их надо, чтобы они влечения не испытывали, а то ведь тоже минус. А что, логично же.
Юноша рассмеялся.
- Это точно, ладно, я же начал о практиках. В ордене полная чушь, начальные практики блин, боевые, защита, жертвенные круги, не работают они вообще.
- Ух ты, а что это за звери такие? Расскажи подробнее.
- Это делаешь круг вокруг себя, в виде защиты, рисуешь мелом там или еще чем, чтоб во время работы тебя не тревожили. Если я в магии полный ноль, например, зачем мне всё это, ладно хоть про чакры и про тонкие тела рассказали. А то есть тут один человек лет четырнадцать, ходит вампирит, блин, через камень людей, то погоду меняет… Знаете, как он себя зовет? Князь тьмы!

- Князь тьмы? Так его же главный магистр победил, или нет?
- Нет, теперь он у нас будет князем, ибо вампирить через камень дано не каждому. Вот где сила – в камнях, запомните! За всё это время столько чудиков встретил, прям плавают в иллюзиях, говорят какие великие, а сами неужто не видят? Смешно до коликов, но все-таки такого человека сейчас сложно вытащить из этого болота. Магистра уж точно: начнешь спорить с ним, он обольет негативом, потом сам рад не будешь.
- А зачем им видеть, они ведь все такие классные в иллюзиях, побеждают всех одной левой... А тут ты со своими «Открой глаза, там солнышко светит».
- Да, скажешь такое и ты в грязи. И подруга уходить не хочет, дошла до младшей ложи, теперь хочет в старшую, узнать, что творится там. Шпионы мы, видящие даже не видят.
- По секрету, есть гораздо более сильное колдунство, например: рукопашный бой и фехтование на природе.
- Тут же только концентрация, ловкость, ну и физическая сила.
- Нет, далеко нет, тут хорошо развивается Дух, особенно если освоил азы боя.
- Мне с этим сложно, я один, большую часть своей жизни.
- Бывает, но все может измениться.
- Раньше учителя хотел, теперь, вроде, понимаю лучше самому всё делать, а то все учителя сами ничего не умеют, да и дают делать чушь всякую, а те, кто умеют - не берут потому что знают, что такое ответственность.
- Это точно, ответственность – дело серьезное.
- Ладно, буду шпионить дальше, может еще что-нибудь полезное для вас и для Кости найду.
- Будем весьма признательны.
Мы попрощались, Емельян скрылся в дверях ордена. Через какое-то время вышел Анисим с саквояжем, кивнул нам, и мы направились в полицейское управление. Федор внешне был спокоен, пока мы докладывали о проделанной работе и представляли Анисима в качестве главного свидетеля, но когда бывший наставник удалился с полицейским, чтобы записать показания, Орлов просто взорвался от радости.
- Друзья, вы меня поразили! Это ж нужно было так лихо расколоть такую мощную организацию! Ай, да молодцы!
- Справедливости ради должна сказать, - начала Настя, - что поговорить прежде всего с этим человеком нас надоумил князь Гавриил.
- Ну, что тут скажешь, я не знаю, откуда он умеет так тонко и далеко видеть мир, но это ни в коем разе не умаляет вашей заслуги, говорили с ним вы, а не их Светлость.
- Как вы полагаете, этому человеку угрожает опасность?
- Почти наверняка, не волнуйтесь, в ближайшее время он будет под охраной.
- А еще мы кое-что узнали об ордене из, так сказать, уст ученика.
Далее мы рассказали Федору наши беседы с Емельяном, сыщик внимательно выслушал, потом сказал:
- Уверен, что Захар и тот магистр, о котором вам поведал юноша – разные люди. Захар не может быть одновременно гением скрытности и глупцом одновременно. Тем более я знаю, что он недавно объявился в городе, а в рассказе юноши фигурирует один тот же магистр в разные временные интервалы. Однако, я полагаю, что Анисим знал истинного главу ордена и имел объяснения именно с ним.
- Стало быть, вы считаете, что Захар использует подставное лицо, выдающее себя за него в ордене?
- Я бы именно так и сделал, зачем мне тратить свое время на общение с малолетними колдунами, да и безопаснее так.
Далее мы немного поговорили с Федором о личной жизни, он не стал скрывать от нас, что совершенно серьезно рассматривает Галину Альбертовну в роли своей будущей жены, она, как утверждает сыщик, тоже рада такой перспективе. После мы отправились в имение.

Зимняя погода вносила свои коррективы в тренировочный процесс: теперь все рукопашные тренировки проходили в спортивном зале гостиницы, к нам, через какое-то время, стали подключаться и постояльцы, надо сказать весьма известные и состоятельные люди. Фехтовали мы по-прежнему на свежем воздухе, с тем лишь условием, что если ты разогрелся, то или иди в имение, или продолжай тренировку, чтобы холод не сделал своего болезненного дела.
Раскол ордена продвигался полным ходом, Федор полностью избавил нас от всех прочих обязанностей, оставил заниматься орденом и Захаром. В его глазах появлялись искорки соревновательного азарта, когда он представлял, как доберется до магистра.
Благополучно мы дожили до четверга, то есть до четвертого декабря, утро выдалось морозным, почти безоблачным и свежим. На тренировке князь начал нас морально готовить к закаливанию, намекая на то, что озеро скоро хорошенько замерзнет.
После обеда нас троих посетило одно и то же ощущение – будто с Анисимом должна приключиться беда, и не когда-нибудь, а именно сегодня. К нам подошел Гавриил, заглянул каждому в глаза, улыбнулся и сказал:
- И каким вы видите то бедствие, что должно приключиться с вашим подопечным?
- Скорее всего, на него будет организованно нападение, - сказал Кирилл.
- Логично, тем более, что информация об этом у вас была, а что-нибудь еще, более подробно.
- В нападении будут участвовать те трое, что однажды задержали нас близ почтового управления, - сказал я.
- Так, а теперь самое главное – время и место.
- Вечером в доме Анисима, - ответила Настя.
- Если точнее, в девять часов, тридцать две минуты будет совершено это злодеяние, если вы не попытаетесь остановить этих негодяев.
- В таком случае, мы будем в доме Анисима в девять часов, - сказал Кирилл.
- Что ж, пусть будет так.
Конечно, мы начали готовиться к вечеру, но волнения не было вообще, видимо мы уже настолько привыкли к опасности, что перестали на нее реагировать. День прошел спокойно, мы уделили больше времени владению шпагами на тренировке, поговорили друг с другом и с друзьями по поводу предстоящего дела, Давид с Алексеем пожелали нам удачи, всяческих успехов и осторожности, которая никогда не повредит.
И вот настал вечер, мы подъехали к дому Анисима, полицейский, дежуривший в холле дома, узнал нас и впустил. Бывший наставник был рад нашему визиту, предложил выпить чая.
- Анисим, выслушайте нас очень внимательно, минут через двадцать-тридцать у вас будут гости, едва ли вы им обрадуетесь, поэтому схоронитесь где-нибудь, например, в какой-нибудь комнате, в которую есть только один вход, возьмите с собой какое-нибудь оружие на всякий случай и сидите тихо.
- Друзья, я ведь не трус какой-нибудь в конце концов, я буду сражаться!
- Поверьте, нам очень отрадно, что вы полны смелости и отваги, это редкие качества, но помимо них, скажите, вы владеете каким-нибудь видом оружия?
- Ну… В детстве я играл с деревянными мечами, в юности две недели учился фехтованию на шашках.
- В таком случае вам просто необходимо схорониться в безопасном месте, даже с точки зрения тактики боя.
- Это еще почему?
- Если вы заберетесь в комнату с единственным входом, то его будет гораздо проще удержать, отбиваться в дверном проеме от одного противника, чем от нескольких в любой другой комнате.
- Хорошо, на втором этаже есть маленькая кладовая, дверь в нее сыскать довольно сложно даже тем, кто бывал в этом доме много раз, спрячусь там. В качестве оружия возьму меч

со стены, еще отец мой им владел.
- Замечательно, а теперь не теряйте ни мгновения.
Мужчина ушел на второй этаж, и вскоре послышались звуки лязга стали и закрывающейся двери.
- Господа, при всем уважении к вам… - обратился полицейский, - может быть, вы посвятите меня в суть дела?
- Как вас зовут? – спросил я.
- Борис Митрофанович, - представился полицейский, мужчина лет двадцати пяти, высокий, худой, с ясными серыми глазами, русыми волосами.
- Как у вас с боевыми навыками, Борис?
- Полагаю, что хорошо, нас ведь обучают перед тем как направить на борьбу с преступностью.
- Замечательно, что у вас есть при себе?
- Шпага.
- В таком случае сейчас мы поднимемся на второй этаж и будем вчетвером караулить гостей.
- А с чего вы, собственно, взяли, что они будут именно сегодня, именно в это время? Конечно, я знаю, что вы принимали непосредственное участие при поимке Немерова, что господин Орлов вам безмерно доверяет, ровно как и господа Громов и Купчин. Но все же, поделитесь, так сказать, секретом.
- Мы так чувствуем.
- И это все? Весь переполох потому, что вы почувствовали что-то там?
- По большому счету – да.
- В таком случае я не собираюсь участвовать в этом маскараде, можете устраивать засаду на кого угодно на втором этаже и играть в прятки с господином Витко, который уже схоронился в своей кладовой.
- Это ваше окончательное решение?
- Да.
- Что ж, ваш выбор.
Мы поднялись на второй этаж, обосновались в комнате рядом с лестницей.
- Дима, ты что? А если этого Бориса покалечат, пока будут влезать в дом? – спросил Кирилл.
- Не думаю, нет такого чувства.
- Настя, а ты как думаешь?
- Уверена, что все закончится хорошо, но роли Бориса во всем этом завидовать не приходится.
- Так значит, он пострадает?
- Больше морально, чем физически.
- Что ж, надеюсь ему это пойдет на пользу.
Потянулись минуты ожидания.
В какой-то момент послышался звук бьющегося стекла, следом за ним резкий и мощный удар в дверь, затем было слышно, как кто-то влез в окно, крик Бориса, затем дверь открыли, раздались грубые мужские голоса.
Исходя из содержания бесед преступников, можно было понять, что один из них караулит полицейского, а другие два обыскивают первый этаж. Наконец эта процедура закончилась и двое «сыщиков» решили подняться наверх.
Едва они оказались на втором этаже и отвернулись к нам спиной – было принято решение атаковать. Совесть, конечно, немного кольнула, за то, что мы наносим удар в спину, зато так было бы безопаснее и вернее всего обезоружить противника.
К сожалению, соперники вовремя повернулись к нам лицом, а в руках у них были закаленные, сверкающие в свете свечей, одноручные мечи. Что тут сказать, шпага против меча – не лучший вариант, остается надеяться только на скорость. Завязалась драка,

мужчины на удивление хорошо владели оружием, плюс ко всему, благодаря весу своих мечей, они легко пробивали любой из наших блоков, поэтому приходилось много уворачиваться, чем мы сильно мешали друг другу, поэтому постепенно отступили в более просторную залу.
К этому времени на второй этаж успел подняться и третий бандит, удерживая Бориса, приставив к его шее лезвие меча.
- Ну что, допрыгались? Бросайте шпаги, или этот сейчас умрет! – проревел третий, что держал полицейского.
- Друзья, не хотелось бы демонстрировать недоверие к вам, но, собственно, где же обещанный хороший конец? – поинтересовался Кирилл.
Вдруг из темноты к третьему бандиту приблизилась фигура гиганта, затем мощный удар по голове и бандит лежит, в следующий момент гигант вышел на свет и… я не поверил своим глазам: одетый в какую-то медвежью шкуру, в тяжелых валенках, теплых штанах, которые носят обычно крестьяне зимой и причудливой шапке, перед нами показался Михаил. Преступники тут же повернулись лицом к новой угрозе. Накинулись они на князя одновременно, но это – занятие бесполезное, тут я был уверен абсолютно. Вскоре мои ожидания подтвердились. В результате один из нападавших получил сильнейший удар локтем в лицо и потерял сознание, а вот второму и вовсе не повезло – ему выбили кисть, да так, что он ей пошевелить не мог, упал на пол и взвыл от боли.
Михаил протянул мощные руки к сидящему на полу Борису, поднял его на воздух, заглянул в глаза… Картина была просто невообразимой, если бы шкура медведя была бы целой, и если бы князь одел ее полностью, то можно было бы сказать, что полицейского поднял в воздух огромный бурый медведь. В этот момент я понял, как сильно соскучился по спокойному Могуществу этого человека, как сильно Любил его всем сердцем.
Под взглядом князя полицейский успокоился, его нога перестала дергаться, Михаил поставил его на пол, велел связать бандитов, чем тот и занялся, наконец, Учитель шагнул в нашу сторону.
- Друзья, даже если вы чувствуете, что помощь близко, не стоит бросать человека, в данном случае Бориса, на произвол случая, он бы выучил те же уроки доверия ощущениям других людей, если бы был здесь, с вами, на втором этаже, - говорил, улыбаясь, князь.
Мы молча, не сговариваясь, даже не переглядываясь, бросились к Любимому Учителю, и обняли его с трех сторон, он рассмеялся.
- Ах вы хитрецы, - шутил князь, - Анисим, выходи!
Анисим вышел, казалось, из шкафа, увидел медведя, душащего нас троих, вскрикнул и выронил оружие из рук.
- Что за дьявол?! – закричал мужчина.
- Князь Михаил к вашим услугам, - поклонился Учитель вместе с нами.
- Как это? Не может быть! Князь? Князь! Ох, простите меня, ваша Светлость!
- Мне не за что тебя прощать, Анисим, это ты сослужил мне хорошую службу, сам того не ведая.
- Каким образом?
- Образом твоих недавних действий в ордене.
С появлением Михаила в доме, казалось, стало светлее и теплее, Борис суетился, обезвреживая преступников, Анисим оценивал ущерб от вторжения: в частности разбитое окно и след от удара на двери, Кирилл пошел искать два экипажа: на шесть и четыре места.
- Дима, Настя, сейчас вы отвезете этих людей в управление, сдадите дежурному и оставите записку Федору, обязательно укажите в ней обстоятельства, при которых был захвачен пленник, образ их действия и оружие, Анисима, лучше всего, будет оставить в управлении до завтра, Борис сумеет о себе позаботиться самостоятельно. После возвращайтесь в имение, нам есть о чем поговорить, - сказал князь и направился к выходу

из дома.
Вскоре вернулся Кирилл, мы сопроводили преступников в большой экипаж, сами сели в него же, Борис с Анисимом сели к другому извозчику, и мы поехали. В управлении преступников довольно скоро оформили, мы оставили записку Федору, оповестили дежурного, что Анисиму лучше всего будет переночевать здесь и отправились в имение на встречу с Михаилом…

Глава 6.

Где «пропадал» Михаил. Зима, лед и озеро. «Чудесные» методики ордена. Неуловимый Захар.

Князья встречали нас горячим чаем и дружеской атмосферой. Михаил уже успел переодеться, приняв привычный вид, чему я был только рад, потому что в медвежьей шкуре он напоминал средневекового варвара, только топора не хватало. Мы расположились за столом, согрелись горячим чаем.
- Прежде всего, друзья, - начал Михаил, - хочу поблагодарить вас за неоценимую помощь в нашей борьбе. Знаю, вы не совсем понимаете, о чем сейчас я говорю, и зачем, собственно, мне понадобилось удалиться из имения. Так вот, слушайте… Далеко на севере от этого прекрасного края существует несколько деревень, жители в которых занимаются, в основном, охотой, рыбной ловлей и земледелием. Школ, полиции, гостиниц, больниц и прочих прелестей цивилизации там нет, есть лишь почтовое управление. Детей обучают старцы, повествуя о том, как правильно загнать зверя, поймать рыбу, сшить сеть, заточить стрелу, изготовить лук, как что выращивать, как ухаживать за животными и так далее. Если случиться в деревне какое-нибудь происшествие, то во всем обязан разобраться староста, определить и наказать виновных, самое суровое наказание – изгнание. В тех далеких краях оно почти гарантированно означает смерть. Если кто заболеет в деревне, то ему на помощь приходит знахарь, и знахарка, лечат травами, заговорами и прочими народными методами, знахарство в таких деревнях передается по наследству. К гостям из «внешнего мира» жители этих деревень относятся настороженно: лучшее, на что можно рассчитывать гостю – выпить воды из ладошек хозяина дома и небольшой кусок хлеба. Среди этих деревень есть одна, особенная, в этой деревне живут исключительно темные оккультисты, преимущественно высоких рангов, негостеприимные обычаи окрестных деревень – их заслуга. Вот в этот далекий край я и отправился. Цель такого путешествия – один из жителей привилегированной, так сказать, деревни, он был непосредственно связан с Немеровым и с Локановым – это фамилия Захара Нестеровича. Не буду вдаваться в детали, но для того, чтобы получить возможность подобраться к этому оккультисту, мне было необходимо, чтобы кто-либо, в данном случае вы, устранил Немерова и ослабил Локанова, что вы и сделали. Далее я имел довольно длинную и насыщенную беседу с оккультистом, в результате которой он решил, что скорее умрет во тьме и останется таким же погрязшим в собственных желаниях, страстях и погоне за властью, чем оставить темный путь и начнет свое восхождение к чистому сердцу.
- Но, как же так? Разве он не воспринял твоих слов, не оценил убеждений? – спросил Кирилл.
- Для этого было сделано многое, очень многое, действовал я не один, но, несмотря на это, он выбрал тьму, вернее не смог от нее отказаться.
- Разве это возможно, чтобы человек, поняв всю губительность тьмы, не возжелал оставить ее?
- Друзья, этот человек являл собой существо настолько темное, что вам было бы вредно даже размышлять о его природе, поэтому я попрошу вас избегать мыслей об этом человеке, имя которого я сознательно скрыл от вас.
- Пусть будет так, - начал я, далее шутливым тоном, - А откуда у тебя шкура медведя? Строгие жители отказали в тренировке, поэтому было принято решение размяться со зверем?
- Ох, и фантазер ты – Дима, - улыбался князь, - Шкурой меня наградили благодарные жители тех деревень. Ты ведь не думаешь, что я все это время бездействовал, пока вы раскалывали орден и гонялись за Немеровым? Это время было употреблено на

разрушение кое-каких устоев тех мест, теперь жители деревни знают, как это замечательно – иметь друзей и уметь Любить.
- Хорошо, а что же теперь делать с Захаром?
- Как что, выслеживать, конечно. Человек он умный, изворотливый, вам будет интересно побороться с ним.
Вскоре мы закончили беседу, еще раз порадовались возвращению Михаила и отправились на покой.
На следующее утро небо затянулось тучами, угрожая снегом и похолоданием.
Позавтракав, мы отправились в управление, встретились с Федором, вернее стали свидетелями сцены: Орлов отчитывал Бориса Митрофановича за неразумное поведение. Слова сыщик говорил довольно мягкие, да и сурового лица на нем не было, но, судя по виду полицейского, ему было бы гораздо лучше, если бы на него накричали, наказали денежно, но только не такая беседа.
- А вот и главные герой вчерашнего представления, - заметив нас, сказал Федор, - заходите, заходите, мы тут как раз беседуем по поводу доверия между сыщиками и полицейскими.
- Федор Яковлевич, я, все-таки, не понимаю, почему я должен был довериться слепым ощущениям ваших коллег? – оправдывался Борис.
- Благодаря этим, как вы изволили выразиться, «слепым ощущениям» мы поймали господина Немерова, спасли несколько жизней, раскрыли множество других, менее крупных дел. С тех пор, как Анастасия, Кирилл и Дмитрий сотрудничают со мной, у меня не появилось ни одной причины не доверять им, вы понимаете, ни одной. Если вы располагаете более совершенным методом прогнозирования грядущих событий, нежели мои друзья и коллеги, то прошу, поделитесь вашим открытием, - мужчина в ответ промолчал, в его глазах ясно читалась мысль-желание «поскорее бы отсюда уйти», - Насколько я понимаю, вы не располагаете таким методом. В таком случае у меня к вам большая просьба – если вы получаете информацию от данных трех господ, будьте любезны принять ее к сведению.
- Я понял вас, впредь буду поступать так, как вы мне указали, разрешите идти?
- Идите.
Мужчина удалился из кабинета сыщика.
- Ну-с, господа, чем вы порадуете меня сегодня? Хотя один ваш визит – уже радость для меня.
- Благодарю за столь теплые слова, - начал я, - но вы переоценили наши возможности. Это князь Михаил – главный герой вчерашнего вечера.
- Как? Значит их Светлость прибыли? Как давно?
- Вчера вечером. Мы сами увидели его впервые после отъезда лишь в доме Анисима.
- Понятно, так вот кого наш доблестный полицейский назвал «человеком в медвежьей шкуре». Их Светлость и правда были в шкуре?
- Да, зрелище было непередаваемое, если бы князю дать топор да позвать художника, то лучшего натурщика для изображения варвара и представить себе нельзя.
- Воображаю, - смеялся Федор, - преступники, верно, попадали от одного только вида князя Михаила.
- К сожалению для них – нет, за что и были «награждены» успокаивающими прикосновениями.
- Да уж, «награда» что надо, один из них вряд ли в ближайшее время сможет ложку поднять, разве что левой рукой.
- Кстати, об этой троице… Связь между ними и Захаром установлена?
- Если не брать во внимание показания господина Витко, то нет. Эти господа отказываются с нами разговаривать, уверяют, что их незаконно задержали и избили, потом доставили сюда и «нарекли» преступниками, вроде как мы желаем списать на них нераскрытое дело.

- Однако, дерзкие ребята, в доме они были замечены с оружием в руках, по меньшей мере, пятью людьми, Анисим их видел уже обезвреженными, но он с полной уверенность может заявить, что это они ему угрожали, и что их в своем доме он видеть не желал.
- Разумеется, Дмитрий, разумеется, это я вам сказал, чтобы, так сказать, осветить одну из сторон нашей службы.
- Это верно, службу нужно знать, даже такие случаи изворотливости. Но мы к вам по другому вопросу, в общем-то.
- Слушаю.
- Как вы посоветуете выслеживать Захара?
- О, друзья, это – крепкий орешек. Сложность заключается в том, что он никому не доверяет, а посему мы, даже если поймаем всех его приближенных, не сумеем получить достоверной информации относительно его местоположения. Поэтому можем попытаться расставить патрули близь известных нам его явочных пунктов, а господина Витко попросим подробно описать магистра, пусть с ним поработает художник. Но, может быть, нам удастся раздобыть личную вещь Захара и передать вам, тогда дело пойдет быстрее.
- Да, это было бы замечательно. А мы тем временем постараемся найти что-нибудь изнутри.
- Что ж, дерзайте, только, коллеги, личная просьба – будьте предельно осторожны, я дорожу каждым своим сотрудником, а такими молодыми и талантливыми – в особенности.
- Мы ценим вашу заботу, Федор Яковлевич, будьте уверены, мы сделаем все возможное, чтобы доставлять вам только радостные вести в этом отношении.
Попрощавшись с сыщиком, мы отправились в имение, поупражнялись в фехтовании, пообедали и отправились к Эдуарду, а уж вместе с ним в орден. Там мы долго не задержались: Эдди взял какие-то документы, довольно солидную стопку, и, довольный собой, предвкушая ситуацию, пригласил нас к себе в гости.
В гостях у друга мы принялись разбирать документы, ими оказались «секретные» методики ордена. Заранее скажу, давно уже не помню, чтобы мы столько смеялись, но все же, обо всем по порядку…
Начали мы с ритуалов, совершаемых на пасху, вот один из них:
«Против винолюбия.
Чтобы отчитать человека от любви к хмельному, на Пасху режут кулич на двенадцать частей, которые потом кладут на двенадцать могил с таким же именем, как и у больного. Перед каждой могилой кланяются и читают специальный заговор:
«Христос Воскресе!
Ты, покойник, не встаешь, вина не пьешь.
Так и по веку не вставай, вина не пей,
И рабу Божьему (имя) пить не давай.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».
Далее поставить двенадцать свечей в храме (храмах) за упокой двенадцать умерших, ставя каждую свечу проговаривать фамилию и просить прощение за оказанное беспокойство. Также поставить двенадцать свечей за здравие человека, которому помогаете. Лучше сделать все в день Пасхи, но можно и в ближайшие три дня».
Не то, чтобы я любил алкоголизм и уважал страсть к спиртному, но подобные методы борьбы с ним – уж слишком дерзко по отношению к ушедшим из воплощения. И потом я совершенно не понимал, причем тут вообще Иисус? Как Великий Учитель связан с этим обрядом некромантии? Зачем на развоплощенную Душу налагать запрет к последующему воплощению? Видимо, «колдуны» ордена до сих пор в человеке видят лишь физическую составляющую, раз считают, что упокоенная Душа не сможет встать и выпить вина, воплотившись очередной раз. Что ж, ладно, следующим был:
«Ритуал для обретения богатства.
Заранее, накануне Пасхи, приготовьте горстку мелочи. В Великий Четверг, готовясь к

проведению обряда, закройте все двери и позаботьтесь о том, чтобы в квартире или доме никого не было, и никто не смог помешать. Налейте в тазик воды и бросьте туда мелочь. Затем прочитайте заговор над тазом тридцать три раза: уж постарайтесь набраться терпения - оно окупится. Читать надо, сцепив мизинцы.
«Вода ты, вода,
Все тебя пьют, все тебя любят.
Все святят тебя в Крещенье,
Прошу я у тебя, вода, прощенья:
Матушка чиста вода, прости,
Матушка-вода, помоги.
Как тебя много в озере, реке,
В ручье, в океане,
В каждом людском стакане,
Так бы и у меня было много денег:
И в понедельник, и во вторник,
И в среду, и в четверг, и в пятницу,
И в субботу, и в воскресенье.
Как много воды,
Так чтоб и мне, Божьей рабе (имя),
Много добра, злата и серебра.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».
Затем этой водой вымойте стол, затем - окна, двери и, в последнюю очередь, полы в своей квартире, но не как обычно, а задом наперёд - от порога в комнату».
Неужели люди во все это верят? Наверное, это просто модно – привязать свои корыстные желания к стихии воды, а в конце, для верности, вспомнить и храмовые строки? Ладно, допустим человек все это сделал, использовал воду для мытья дома, а с мелочью что делать? Она ведь тоже заговоренная получается. В общем, этот обряд не отличился особой логикой. Следующий обряд опять же был направлен на удовлетворение низменных желаний, а если точнее – плотского влечения, да вот он:
«Заговор, чтобы замуж выйти.
На Пасху поцелуйте девять пасхальных яиц и проговорите при этом приворот на любовь:
«Как люди любят Святую Пасху,
ценят и помнят материнскую ласку,
Так бы и меня мужчины и парни
сильней сильного любили, пуще пущего ценили.
Табунами за мной, Божьей рабой (имя), ходили.
Христос воскрес, а ко мне - женихи.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».
Мы просто не могли удержаться от озорных фантазий на тему одинокой женщины, за которой, вдруг, начали ходить мужчины табуном. Во-первых: если это случится, то они передерутся из-за своей «дамы сердца». Во-вторых: причем тут опять Иисус и Троица? Я глубоко уважаю Великих Учителей, потому не поддерживаю людей, прибегающих к помощи Великих всякий раз, когда им прижмет удовлетворить очередную свою страсть. В-третьих: в табуне могут оказаться мужчины с такими внешними и внутренними данными, что сама жаждущая будет не рада.
В пасхальном разделе было еще очень много разных заговоров, я не буду приводить их все, лучше плавно перейдем к разделу «присушка мужчины на женщину», итак, первый обряд:
«Приворот на воду.
Потребуется: Два ваших изображения, желательно в полный рост. Соединяем изображения, лицевыми сторонами, и красными нитками начинаем обматывать изображения по часовой стрелке, читая заговор:

'Царь каспийский, повелитель мутной воды и болотной лягушки, силы твоей трясины, славою твоею меченной. Беру на себя силу соединить себя раба Божьего (имя) с рабой Божьей (имя). Грубостью веков и тусклостью времен в глубоком пламени воды, в великом сверкании звезд. Да будет (имя девушки) соединена с (ваше имя). Как Вода соединена с почвой нерушимо и неразделима. Да будем мы вместе, во всех времена и в веки вечные. Да славится сила твоя. О, великий царь каспийский. Да славится твоим именем мое (ваше имя) сила, да будет так, исполнена воля моя, во все времена в веки вечные. Да будет так!'.
Текст читаем три раза. Теперь ваши изображения, обмотанные, нитками заливаем, восковой свечой, с обеих сторон, читая этот же заговор, непрестанно, пока заливаете. Бросаем в текучую воду, привязав камень».
Что могу сказать, мы опять покатывались от хохота, Кирилл сказал, что если бы он был царем каспийским, то уж точно бы не стал содействовать в совершении такой просьбы. Эдуард предположил, что составителю этого заговора было совершенно не важно, что думает по этому поводу сам царь каспийский, просто под перо попалось звучное словосочетание. Среди прочих приворотов-присушек были и откровенно пошлые, оглашать которые и рука-то не поднимается, поэтому мы плавно переходим на описание раздела «Как заставить написать или прийти», так вот:
«Вызов, чтобы любимый пришел.
Ровно в одиннадцать тридцать вечера остаетесь в комнате одна/один. Предварительно из комнаты убираете все, что связано с церковью (кресты, иконы, молитвы...).
Форточка открыта. Свет погашен (для освещения можно использовать лишь одну свечку). На пол стелите черную тряпку (любую, можно предмет одежды). Раздеваетесь, оставляете на себе только одну рубашку.
Никаких заколок, украшений, колец, часов, на теле ничего быть не должно. Волосы распущены. Становитесь на эту тряпку босыми ногами, под каждую пятку кладете по белой монете (одинакового достоинства). Ставите перед собой образ вызываемого (просто представьте его), задумываете его имя, потом три раза читаете:
«Выйду я из дверей, не благословясь, из ворот, не перекрестясь, пойду в чисто поле, за чистым полем стоит зеленая роща. В этой зеленой роще есть большое дерево – осина, а у нее есть зеленая вершина. На ее зеленой вершине сидит самый большой и старший черт. Черт-батюшка, помоги мне, сослужи мне службу большую. Вызови девяносто девять твоих бесенят и пошли их к красному молодцу/девице (имя). Пусть возьмут его/ее сердце, вынут у него/нее душу, тоской пересушат грудь. Душу и сердце принесут ко мне, (имя)».
На следующий день деньги разменять на мелочь (только не в своем кошельке) и отдать нищим (минимум двум разным людям, они должны просить, просто предложить им нельзя, если сидят молча и понятно, что ждут подаяния, это значит просят).
Вызов повторять с интервалом несколько дней до результата. Обычно требуется сделать два раза».
Надо же, что-то новенькое, теперь содействие должен оказать какой-то черт, неведомо зачем обосновавшийся на осине. И опять же, что делать с черной тряпкой после ритуала? Продолжать использовать дальше для подобных дел? Наверное, так, потому что сложно представить, чтобы человек резал хлеб, например, ритуальным ножом. Далее, зачем колдуну нужно тело объекта своей любви? Тело – потому что сердце и Душу из него должны вынуть бесенята. И, самое интересное – вряд ли «старший черт» станет работать за ласковое слово, наверняка потребует компенсацию за свои труды, а в обряде об этом ничего не сказано, ровно как во всех подобных обрядах не сказано ни слова об ответственности за их проведение. Далее приведу еще одно умопомрачительное заклятье:
«Чтобы любимый пришел.
Этот обряд проводится на растущую луну.
Нужно: белая свеча, красный карандаш, лоскут красной ткани, красная лента, новая игла, белый лист бумаги, и любую вещь любимого.
Проведение обряда:

Застилаем стол. Устанавливаем белую свечу в подсвечник. Зажигаем. Мысленно сосредотачиваемся на образе любимого человека, его глаза, губы, как двигается, как говорит, обнимает вас. Просматриваем его минут двадцать-тридцать.
Берем белый лист бумаги формата, мысленно делим его пополам, в одной стороне пишем свое имя красным карандашом, в другой его имя. Берем иглу, колем указательный палец правой руки, и капните по капле на свое имя и на его имя. Затем кровью рисуйте (тяните) круг вокруг написанных имен. Складываем лист пополам, чтобы написанные имена совместились. Сложите ткань, таким образом, чтобы получился небольшой мешок. Положите туда лист с написанными именами, и любую вещь любимого. Используйте ленту, чтобы связать закрытую мешок. Похороните мешок в чистой земле (запомните, где вы закопали). Когда будете засыпать мешок землей, повторяйте слова:
«Быть наша судьба, быть наша судьба, торопите моего возлюбленного ко мне, не ждать» - три раза.
Как только он пришел, выкапываете мешок и сжигаете все.
Но если изделие от любимого вам дорого, то вы можете не сжигать, а принести домой, поместить в чашку, засыпать солью, и держать в течение трех дней. Это почистит изделие».
Меня стал разбирать интерес, кто придумывает все эти обряды? Да и зачем? Хорошо, допустим, что обряды сработают и вот к женщине пришел желанный мужчина, и что дальше? Это ведь не он пришел, его заставили, получается так. А если заставили, значит, подавили его волю и свободу выбора. Неужели какой-нибудь женщине нужен мужчина без воли и инициативы? Механизм всех этих манипуляций довольно прост и незатейлив, поэтому человек, разбирающийся в эзотерике, сумеет легко преодолеть такое вот наваждение, зато колдуну достанется сполна. В общем, этот раздел подарил нам много смеха, теперь же плавно перейдем к разделу «Заговоры от бед, печалей и неприятностей». В этом разделе были представлены довольно занимательные методики, например, был дан совет: «В темную полночь пойти в поле и трижды прочитать заговор. После этого вернуться домой и ни с кем не разговаривать до утра». Это, должно быть, просто невероятно трудно, ведь когда ночью домой приходишь с поля, так сильно со всеми поговорить хочется, аж деваться некуда, ну да ладно, далее нам советуют: «Утром, с первыми лучами солнца, пойти на то же самое место и вновь трижды прочитать заговор. Окуривать себя и свое жилище ладаном в течение трех дней». К счастью, не специалист по «окуриванию», но думаю, что если три дня беспросветно курить, то в какой-то момент может показаться, что небо розовое, радужные бабочки отламывают кусочки Солнца и носят их вам, а все беды и несчастья спрятались под шкаф. Но, в таком случае, зачем читать заговор, если человеку и так хорошо будет? И чего тут только не было: заговор от всего плохого, от грусти, от врагов, от соседей, от зависти, на острый ум…
В общем, пробыли мы в гостях у Эдуарда до вечера, но так и не перебрали всех методик, чего там только не было, самое веселое, конечно же, методики развития для некромантов – вот что нужно в цирке показывать.
Вдоволь насмеявшись, мы попрощались с другом и поехали домой. Нужно сказать, помимо смеха и прекрасного настроения, мы поняли, чем завлекают людей в такие ордена, на что нацелены ритуалы, за какие страсти цепляются наставники подобных обществ.
Прибыв в имение, поужинали, все еще посмеиваясь от воспоминаний «великих колдовских методик». Затем отправились на прогулку, а потом в гостиницу на тренировку. После занятий, во время прогулки, Михаил подошел к нам и сказал:
- Друзья, помимо того, что изученные вами заговоры и обряды доставляют массу веселья, они еще и могут оказаться действующими, не все, разумеется, но все же. Дело в том, что подобными способами люди пытаются обрести счастье уже очень давно, поэтому такая модель-поведение имеет под собой весьма сильный эгрегор. Действие подобных обрядов нацелено, как вы верно заметили, на плотную материю. Для человека гораздо лучше, если

обряд не сработает, потому что в противном случае ему придется расплачиваться своим энергетическим потенциалом с эгрегором. А теперь я поведаю вам тонкости функционирования этих обрядов…
И князь рассказал тонкости, зная которые можно довольно просто и без лишних действий достигнуть любого эффекта, описанного в обрядах, с тем лишь исключением, что из дома выходить не нужно, а так же отпадает необходимость в прочих сомнительных действиях. После этого разговора мы лучше поняли, как ощущает себя человек под воздействием наваждений, как с ними бороться и еще много чего.
В целом декабрь прошел довольно тихо, так как мы теперь занимались исключительно орденом, то не принимали участия в борьбе с прочими преступными элементами. Выследить Захара – занятие непростое, несмотря на то, что он наверняка находится в городе, след его постоянно терялся, вдобавок ко всему он, как оказалось, был довольно умелым эзотериком – в отличие от своего подставного магистра, единственным навыком которого было доводить себя до состояния бешенства в надежде запугать кого-нибудь – и умело скрывал информационные следы. Дело двигалось медленно, мы постепенно определили те места, где магистр появляется наиболее часто, но как только в этих местах устраивались засады – он, будто чуя, переставал там появляться.
Алексей успешно учился, насилу отмахиваясь от неожиданных всплесков дружбы его одногруппников. Притом забавная закономерность: оказалось, что размеры дружбы прямо пропорциональны приближению всевозможных контрольных и экзаменов. Какое-то время Лешу расспрашивали девушки касательно его друга – Кирилла, на что друг уклончиво отвечал, что не имеет морального права освещать личную жизнь друга, тем более «за глаза», чем только подогрел интерес.
Пегасов каждый раз искреннее радовался нашим визитам, каждый раз не забывал подчеркнуть, как он рад, что теперь в городе появились такие сыщики, как мы. Мы же в свою очередь отрицали подобные заявления, уверяя, что истинным сыщиком является Орлов, а мы лишь его ученики в этом интереснейшем и полном опасностей ремесле. К слову сказать, Тимур Васильевич поправил здоровье ног благодаря личному примеру Кирилла, заметно похудел и давал нам недвусмысленные намеки, что, когда он войдет в форму, то с удовольствием скрестит с нами мечи.
Костя был весьма рад получить от нас дополнительный материал касательно ордена, сказал, что использует его в новой книге. В целом он жил мирно, без происшествий, единственное – его часто тревожили читатели, расспрашивая о разных «сверхъестественных» вещах, задавая вопросы, слушая и споря.
В течение месяца мы посетили, думаю, всех наших знакомых и друзей, приятно побеседовали, а при случае пытались разузнать новую информацию об ордене.
Погода в декабре была морозной, снега было немного, зато в обилии сильные ветры, озеро постепенно замерзло до необходимого уровня и мы начали процесс закаливания.
Итак, наступил январь. За что люблю зимний пейзаж и зимнюю погоду, так это за чистый свежий и бодрящий воздух, белый сверкающий серебром покров на земле и какое-то особое состояние мыслей: более собранное и острое. Еще зимой очень удобно упражняться в контроле плотного тела: его внутренним температурным режимом, взаимодействием с воздухом при перепаде температуры и, конечно же, во время окунания в ледяную воду. Вообще закаливание в том виде, в котором мы его практикуем, награждает нас многими несомненными плюсами в плане самоконтроля и, разумеется, дарит уйму счастливых моментов, например, после того, как мы выбираемся на берег, кровь приливает к остывшим участком тела и через пару минут можно спокойно бегать по снегу, при этом чувствуя себя превосходно и тепло.
Фехтование зимой раскрывает новые грани выносливости, потому что в холодное время года организму нужно не только получить воздух из внешней среды, но еще и прогреть его. Фехтовать становится значительно сложнее, зато начинаешь лучше понимать необходимость технически правильного выполнения движений, потому как они требуют

гораздо меньшей затраты сил, а следовательно и выносливости.
Зима – это время, как я его называю, «скрытой Любви»: Природа продолжает Любить человека и плоды этой Любви можно ощутить повсюду, хотя бы в той же ледяной воде, но если вы вправду желаете их ощутить, то вам придется проникнуть через небольшую преграду, если можно так сказать, «пройти проверку» собственной Любви к Природе.
А еще зимой существует такое замечательное развлечение как игра в снежки, признаюсь сразу, в те моменты, когда мой снежок настигал цель в особо сложных условиях, то я воображал, будто сам Федор учил меня искусству метать предметы. Разумеется, это замечательное занятие не обошло стороной нашего старого друга Романа Александровича, которого мы, на этот раз, хитростью выманили из храма и вовлекли в «конфликт». Поначалу друг пытался образумить нас, затем сообщил, будто бы он был уверен, что мы уже выросли из того возраста, когда играют в снежки, ну а потом… Потом он продемонстрировал такое умение в снежном ремесле, что мы даже «обвинили» его в скрытых тренировках. Снежки пошли ему на пользу: друг скинул маску омертвения, порозовел, и бессчетное количество раз одарил нас своей дивной улыбкой.
Со стороны Захара, вернее его подручных, на нас с завидной регулярностью пытались наложить все, что только можно, правда, безрезультатно. Тем временем орден трещал по всем швам. Благодаря деятельности руководства ордена большинство учеников считали нас троих – главными «раскольниками» этой организации, за что и не любили. Однако, в этой сфере тоже велась работа – наиболее сообразительные и трезвомыслящие ученики и наставники ордена активно продвигали мысль о том, что орден был основан на принципах вампиризма, а мы трое выступили, так сказать, в роли благодетелей. В общем, для всех хорошим не будешь, ведь люди умудряются обидеться даже на Ангелов, хотя сами Их сознательно не видели. Спустя какое-то время большинство учеников начало сомневаться касательной нашей виновности, и ситуация приняла следующий вид: по одну сторону баррикад наши союзники, по другу – наши ненавистники, а между ними сомневающийся люд. Разумеется, долго эти две группировки не могли существовать под одной крышей, а так как право на владение домом было за Захаром, а, следовательно, за нашими противниками, то второй группе пришлось покинуть дом и обосноваться в другом строении – доме поменьше.
Ситуация дошла до того, что дружественные лидеры движения предложили нам возглавить новый орден, люди уже есть, опыт обучения учеников наработан. Возглавлять орден не было никакого желания, да и Захара нужно было ловить, поэтому мы попросили избавить нас от такой чести. Наши сторонники огорчились, а немного поразмыслив, предложили нам, что они сами возглавят орден, но за советами будут обращаться к нам, мы согласились. Лидерами дружественного нам движения были: Катарина Тарасовна Шичко – женщина лет тридцати двух, слегка полновата, низкого роста, русые волосы, голубые глаза. Савелий Игнатьевич Абдулов – мужчина лет тридцати, строен, среднего роста, карие глаза, темные волосы. Ринат Павлович Высокий – мужчина, около двадцати пяти лет, высокого роста, худощав, немного сутул, карие глаза, темные волосы. А лидером наших оппонентов стал Корней Фадеевич Курнов – мужчина лет тридцати пяти, серые глаза, среднего роста, слега полноват, русые волосы.
Первый совет, который мы дали касательно нового ордена – обязательно включить в программу физические упражнения, например, освоить хатха-йогу, а вот обряды и прочие заговоры постепенно свести на нет.
Эти события сказались на поведении Захара, он проявил неосторожность и в субботу десятого января оставил личную вещь – шарф – в одном из своих укрытий, затем полицейские доставили это «вещественное доказательство» к Орлову, а он уже передал нам.
- Федор Яковлевич, не желаете ли принять участие в процессе задержания? – поинтересовался я.
- А вы уже знаете место расположения преступника?

- Еще нет.
- Сперва узнайте, может быть, он уже вне пределов нашей досягаемости.
Мы обзавелись картой города, взяли шарф и приступили к поиску, наши ощущения сошлись на том, что Захар находится в одном довольно богатом особняке нашего города, правда он не был обозначен никем из допрашиваемых, как место укрытия магистра. Мы указали Орлову на дом, сыщик рассмеялся.
- Друзья, вы знаете, что это дом Аркадия Юрьевича Гриткова? Он проходил у нас свидетелем по делу Господина Немерова.
- Да, да, припоминаю, он еще занимается драгоценными камнями и металлами, - сказал Кирилл.
- Верно, это он. Вы полагаете, что нам следует наведаться к нему?
- Вполне, - ответила Настя.
- В таком случае – поехали.
Мы собрали вещи, вышли из управления и отправились в путь.
- Господа, я готов признать существование Души, а также духовную природу Любви, - заявил Орлов улыбаясь.
- Насколько я могу понимать ваше заявление – тут не обошлось без женщины? – поинтересовался я.
- Предлагаю опустить эту деталь, мой юный прозорливец.
- Как вам будет угодно.
- Замечательно. А теперь, может быть, расскажете принцип вашей чудесной работы?
- Прежде чем рассказать принцип, - начала Настя, - позвольте предоставить вам вводную информацию, для общего понимания такого явления как интуиция?
- Пожалуйста.
- Основной этап – получение информации. Уверена, вы прекрасно знаете, что информация, получаемая нами через физические органы чувств – далеко не весь ее спектр. Взяв в руки личную вещь человека, можно, например, почувствовать те эмоции, которые переживал человек, почувствовать мысли. Большинство людей не умеют этого делать потому, что не владеют в должной мере собственными эмоциями и мыслями, или же сознательно блокируют эти возможности лишь тем, что убеждены в их отсутствии. Если же человек сумеет так натренировать сознание, чтобы четко определять источник приходящих мыслей, то для него не составит труда определить, какая мысль пришла к нему, например, от владельца шарфа.
- В общих чертах я вас понял, теперь буду практиковаться в этом.
- Федор Яковлевич.
- Да.
- Мы очень рады за вас и ваше открытие.
- Благодарю, я тоже рад, что рядом со мной оказались такие замечательные люди.
Вскоре мы подъехали к дому Гриткова, подошли к двери и постучались, нам открыл мужчина лет сорока, ростом ниже среднего, полноват, с голубыми глазами, носит короткую темную бороду. Пока Федор объяснял, что нам нужен хозяин дома, меня будто магнитом притягивало к этому голубоглазому слуге. В какой-то момент он посмотрел мне в глаза, его рот нервно дрогнул, тут я понял, что это и есть Захар.
- Подождите секундочку, я позову хозяина, - сказал мужчина и, было, собрался удалиться.
- Это он! – сказал я.
Мужчина побежал, но далеко уйти он не сумел – буквально в конце холла мы с Кириллом уже нагнали его и уложили на пол.
- Что тут происходит! Как вы смеете врываться в мой дом! – раздался голос Гриткова.
- Здесь происходит задержание весьма опасного преступника, а вы, Аркадий Юрьевич, можете быть обвинены в его сокрытии, - пояснил Орлов.
- Что это еще значит?! Вы вообще кто?! – хозяин спустился со второго этажа, внимательно разглядел нас, затем Федора, наконец улыбнулся и сменил тон разговора, - А, вот теперь я

вас узнал, господин Орлов, как вы говорите, сокрытие? Уверяю вас, у меня и в мыслях не было скрывать преступника. Этот человек недавно устроился ко мне на должность слуги, трудился исправно, правда, часто отлучался к больной маме, ну, вы же понимаете, как я мог не отпустить человека ввиду таких сведений.
- В таком случае, если вы нам все подробно расскажете, мы, скорее всего, снимем с вас всякие подозрения, а вот нового слугу вам придется подыскивать вновь.
Далее мы доставили Гриткова и Локанова в управление, начался нудный процесс по сбору и предъявлению доказательств вины Захара, от участия в котором Федор нас освободил, поэтому мы интересовались процессом в качестве сторонних наблюдателей.
К двадцать шестому числу все было окончено, виновный наказан, а дело закрыто. За это время мы плотно взялись за мелкие грабежи и нападения, рассказали Федору о том, что нам предложили возглавить орден. Сыщик от Души посмеялся, а потом сказать, что в этом случае нам придется выслеживать самих себя.

Глава 7.

Война орденов. Нежданная известность. Зарядка против наговора.

После вынесения приговора господину Локанову, мы сфокусировали внимание на таких делах, как тренировки, встречи с друзьями, работа с молодыми преступниками и «собственном» ордене, который уже обзавелся названием «Путь троицы», оппоненты назвали себя «Родной чертог». А Федор, как и обещал, отправил письмо Демиду, сообщая об участи Захара и Немерова.
К слову сказать, Эдуард, Емельян и Анисим без колебаний вступили в «наш» орден, хотя мы их туда не приглашали, как, впрочем, и никого другого. Костя просто прыгал от счастья, получая от нас все новые и новые данные о развитии событий.
По правде сказать, мы планировали в ближайшее время окончательно откреститься от ордена, но Михаил подсказал, что было бы разумнее направить людей по пути совершенствования, раз уж нас об этом просят.
- Это же огромная ответственность, - сказал Кирилл.
- Разумеется.
- Мы полностью доверяем тебе, Михаил, но у нас совершенно нет опыта в организации подобных орденов, - сказал я.
- А я вам помогу, надо же вам набираться опыта и в этой сфере.
Далее князь описал те ходы, благодаря которым мы должны были вывести новоиспеченный орден на совершенно новую ступень, но обо всем по порядку.
На следующий день мы прибыли в дом ордена, разыскали Савелия Игнатьевича Абдулова – в данное время он являлся руководителем, а Катарина и Ринат – его ближайшими помощниками. Мужчина обрадовался нашему визиту, предложил сперва вина, узнав, что мы не пьем алкоголь, заменил вино чаем.
- Итак, господа, вы приняли решение касательно ордена? Вы с нами? – интересовался Савелий.
- Приняли, - начал я, - мы собираемся довольно плотно следить за деятельностью ордена, направлять его развитие, давать советы, может быть даже излагать какие-то мысли в лекционной форме, но официальным лидером останетесь вы.
- В таком случае, для вас мы создадим специальную категорию членства, как для лиц неприкасаемых, особой важности. А теперь, раз вы принесли такую радостную весть, позвольте изложить вам суть моих размышлений?
- Пожалуйста.
- Вы прекрасно знаете, что подавляющее большинство наших учеников в прошлом состояли в ордене «Сияющий восход». Так вот, на данном этапе нам не хватает наставников, чтобы заполнить потребность учеников в знаниях. Ведь среди учеников есть и стихийники, и приверженцы света, тьмы, некромантии, ритуалистики, заговоров, гаданий, наемники… да что я вам говорю, вы и сами все знаете лучше меня. Потом, нам не хватает денежного обеспечения, мы, конечно, пытаемся решить этот вопрос за счет предоставления различных услуг, но этого явно не хватает. Далее, мы утратили ценнейшие материалы, хранившиеся в библиотеке старого ордена, потому нуждаемся в новых методиках обучения.
- Вам не нужны наставники, чтобы преподавать эту загадочную и витиеватую систему стихий, заговоров и прочего, - начала Настя, - Эту систему вообще надлежит упразднить. Вместо нее вы будете преподавать совершенствование физического тела, а так же навыки управления эмоциями и мыслями. Вас как раз трое вместе с помощниками, вот вы этим и займитесь: Ринат будет преподавать ментальные науки, кстати, оповестите его о необходимости изучения раджа-йоги, Катарина – управление эмоциями, а вы – хатха-йогу. На счет денежного обеспечения – вы можете проводить открытые занятия йогой и

брать за это деньги, как за занятия в спортивном клубе. С членов ордена тоже может быть взята плата, но лишь с тем условием, что она будет направлена на поддержание и развитие ордена, а не на личное обогащение. Подсчитайте месячные затраты ордена, зарплатные ожидания наставников, представьте эти расчеты на «суд» учеников и вместе решите, желают ли они поддерживать орден или нет. Если полученную сумму поделить на всех учеников, то получится не такая уж и большая нагрузка. Следующее – прекращайте оказывать услуги в сфере приворотов, отворотов, заговоров и прочей подобной тематики, они утянут вас на дно, как утянули «Сияющий восход». Методики обучения мы вам принесли и, если вы не против, мы немедленно приступим к их рассмотрению.
Мужчина был удивлен таким поворотом событий и не сразу нашелся что сказать, когда же его язык вновь обрел дар речи, нам пришлось довольно долго разъяснять ему, почему выбран именно такой курс развития ордена, а уж затем мы приступили к рассмотрению методик.
- Итак, Савелий Игнатьевич, если у вас вопросов больше не осталось, то нам пора прощаться, - сказал Кирилл.
- Пожалуй, да, я уяснил все, что вы хотели мне передать и вполне со всем согласен, теперь мне остается убедить в этом своих помощников, а с их помощью наших учеников.
Попрощавшись, мы вышли из ордена, благо в лицо нас еще мало кто знал, поэтому сложностей с выходом не возникло.
- Ну, друзья, какие чувства вас наполняют? – поинтересовался уже по дороге в имение Кирилл.
- Чувствую, что нам придется очень много общаться с эзотериками всех сортов и мастей, - ответил я.
- А также ощущается груз ответственности, взятый нами этим решением, - добавила Настя.
- А я сейчас подумал о своем отце, ведь он хотел поручить нам какое-нибудь совместное дело, интересно, какого будет его удивление, когда он узнает, что оно у нас уже есть? – мечтал Кирилл.
В имении нас уже ожидали Алексей с Давидом – эти затейники придумали шутить над нами, предлагая свои кандидатуры на вступление в наш орден. Решив им подыграть, мы сделали вид, будто являемся очень требовательными господами и абы кого не берем в орден, поэтому придумали озорникам ряд испытаний, которые необходимо преодолеть, чтобы оказаться достойными. В итоге не ясно было, кто кого разыграл, но весело было всем.
На следующий день мы долго и много путешествовали с Федором по городу – выслеживали очередного грабителя. Поиски увенчались успехом лишь вечером, когда мы отыскали мужчину в его доме в нижней части города. Разумеется, он считал нас плохими, не понимающими его глубокой сердечной драмы, а еще он был уверен, что абсолютно все состоятельные люди – злы, жадны, лживы и лицемерны. Почему? Да потому что его друзья – нормальные и замечательные люди – бедные, нет никого, кто бы выбился в богачи. Глядя на этого мужчину, можно предположить, что нормальные люди, по его мнению, обязаны пить много алкоголя, ругаться нецензурными словами, периодически забывать о гигиене и совершать другие подобные действия.
В четверг мы, так сказать, решили заняться шпионажем и узнать, чем же промышляет орден «Родной чертог», благо и там нас знали далеко не все, поэтому особо маскироваться не пришлось. Подобравшись к зданию ордена, мы устроились на лавочке у входа, подозвали ближайшего юношу, поприветствовали его и начали интересоваться под видом страждущих падаванов.
- Вы уже давно занимаетесь всякой магией? – начал Кирилл.
- Да вот уже месяца два как. В ордене, знаете ли, в то время был раскол, некоторые сумасшедшие решили, будто орден забирает силы людей для собственных нужд, а следовательно орден плохой и из него нужно уходить. А всему виной эти трое негодяев!

Это все они! Развалили орден! Но ничего, как видите, мы еще живы, и живем довольно хорошо, - ответил юноша, видимо он был истинным фанатом «Родного чертога», раз так бурно описывал наши «злодеяния».
- Надо же, целых два месяца, вы, наверно, уже многое успели познать?
- Да. Откровенно говоря, я даже в какой-то степени рад, что орден разделился, теперь сразу ясно, кто предатель, а кто ценил и ценит свое дело. Теперь мы развиваем только практическую сторону магии, не увлекаемся умозрительной философией. Совершенно определенно мы постигаем науки: заклятий, заговоров, проклятий, гипноза, манипуляции сознанием других людей, вуду, ритуальная магия, ну и гадания разные там – это для девушек.
- Внушительный перечень, и что, есть успехи?
- Конечно! Вот недавно проклял свою учительницу по математике, так она заболела и контрольную отменили! – этим «подвигом» юноша, видимо, очень гордился.
- Надо же, да вы с такой силой можете и большие дела совершать, наверное? Ваш орден не думает отыграть свои позиции?
- Как же не думает, еще как думает! Мы просто уничтожим этот «Путь троицы»! У них ведь нет ни одного порядочного преподавателя проклятий и заговоров, а без этих знаний они – ничто.
- Вижу, вы настроены серьезно, а как можно к вам записаться?
- Не записаться, - рассмеялся юноша, - а вступить, пройдя процесс инициации.
- И как же вступить?
- Вы должны принести в жертву ордену какую-нибудь личную вещь – лучше всего кровь, конечно, но после раскола в ордене появились сомневающиеся, - это слово юноша сказал с презрением, - которым, видите ли, жалко капельки крови ради ордена. Затем взять на себя три обета: верности ордену, братский обет и обет взаимоподдержки.
- Как интересно, а не расскажете поподробнее?
- Да тут и рассказывать нечего, сперва вы, если вы нормальные люди, а не какие-нибудь сомневающиеся трусы, приносите в жертву ордену свою кровь, заключая контракт на листе бумаги, затем даете обеты. Первый обет означает, - юноша вытянулся в струну, как обычно делают школьники, когда рассказывают стишок, - что вы клянетесь оставаться верным ордену и его руководству, второй обет гласит, что вы клянетесь поддерживать свои братьев и сестер по ордену, а третий указывает, что благосостояние членов ордена должно быть примерно равным, а значит те, у кого богатства больше, вынуждены отдать излишки в орден, а далее руководство разделит их между братьями.
- Довольно серьезная организация, как же вы в столь юном возрасте проявили такую решимость и сознательность?
- Наше поколение гораздо сообразительнее, нежели более старшие. Они только и знают, как гоняться за деньгами, не видят ничего Духовного, а мы – обладающие истинным знанием – всегда будем находиться над толпой бездумной и вершить судьбу мира.
- К сожалению, нам пора, благодарим за информативную беседу, вы очень многим с нами поделились. Удачи вам.
- И вам всего хорошего, - юношу просто распирало от гордости, потому он не понял даже явных шуток в вопросах.
- Друзья, - обратился я по дороге в имение, - нам, как оказалось, объявляют войну, что будем делать?
- Предоставим нашим врагам воевать с собственной тенью, - ответила Настя.
- Они, ведь, могут обидеться от такого невнимания к собственной персоне.
- Что ж делать, пусть лучше обижаются, чем подставляют молодых людей под удары.
- А мы разве не подставляем людей под удар, если будем игнорировать их выпады?
- Нет, все, что будет наслано, скорее всего, прибудет прямо к нам, а обратный удар, в таком случае, придется на их лидера, господина Курнова.
Вот так мы оказались втянуты в войну между орденами. К слову сказать, нас война не

сильно беспокоила, гораздо сильнее мы заботились о курсе развития ордена, направляя его в сторону здорового образа жизни и высокой морали. До начала следующей недели, то есть до второго февраля, мы, в основном, занимались составлением лекций для выступлений в ордене.
В понедельник мы объявились в ордене, осведомились о делах у Абдулова: оказалось, что перестановка приоритетов переставила и ученический состав – ушли молодые и желающие быстро и бесплатно научиться насылать проклятья на учителей математики, зато пришли более зрелые люди, ищущие здоровья и внутренней гармонии – в общем, орден обретал стабильность и думающую аудиторию. Бедняга Савелий Игнатьевич, обязанный нами к хатха-йоге, еще сильнее подтянул и без того стройную фигуру, движения стали более гибкими и плавными. К нашему удивлению, оказалось, что официальные руководители ордена выполняют лишь свои функции преподавания, и думать не мечтают о том, чтобы поучиться у своего коллеги. Так, например Савелий и не думал, что ему было бы полезно послушать лекции Рината и Катарины, а они, в свою очередь, и не помышляли ходить на лекции друг к другу и к Абдулову. Еще раз объяснив мужчине всю важность и необходимость комплексного развития, мы попросили его предупредить учеников, что завтра в восемь вечера будут проводиться лекции в нашем исполнении. Савелий обрадовался и уверил, что на эти лекции придут не только ученики, но и весь преподавательский состав.
После мы заехали к Федору, получили жалование, благодарности за отличную службу, а так же теплую дружескую беседу. Сыщик никак не мог взять в толк, где источник нашей неистощимой энергии – целый день тренировки, скитания по городу, управление орденом, да еще и закаливание вдобавок. Мы же пытались убедить его, что главный двигатель человеческого существа – внутренний мир. Если внутренний мир человека целен и един с Душевными порывами, то человек не расточает силы на сторонние увлечения, не мечется из стороны в сторону, а значит, обладает большей концентрацией, силой, и, если угодно, инерцией движения.
Далее мы отправились в имение и посвятили оставшееся время тренировкам и шлифовке лекций, а вечером следующего дня прибыли к зданию ордена, чтобы читать лекции.
С небес спускался свежий игривый снег, закручиваясь спиралями в воздухе, танцуя одному ему ведомый вальс, особое очарование добавляла опустившаяся тьма, как бы подчеркивая белизну снега своей чернотой. Мы выбрались из экипажа, рассчитались с извозчиком и направились к входу. Там нас встретил Ринат, поблагодарил за визит и проводил в зал, где должна была проводиться лекция. Народу собралось, можно сказать, много, хотя, может быть, так кажется из-за того, что зал дома не предназначен для того, чтобы вмещать в себя большие количества людей.
На нас внимания никто не обращал, зато все уважительно здоровались с Ринатом. Бегло осмотрев собравшихся, я с сожалением понял, что большинство тех моментов, что мы сегодня собрались доносить до умов людей, будут не услышаны и не поняты. Нет, я не хочу сказать, что люди были откровенно глупы, скорее наоборот, они слишком много «знали» в теории и слишком далеко стояли от практики.
Наконец, на импровизированную сцену вышел Абдулов, сказал вступительную речь, долго и со вкусом расхваливал нас, народ понимающе кивал, в Душе предполагая, что мы трое – некое подобие божества. Когда же речь окончилась, зал разразился бурными овациями, как бы пригашая своих «героев» на сцену.
Какого же было удивление толпы, когда на сцене оказались не три жителя Олимпа, и даже не Анубис и Ра, даже не эльфы и не драконы, даже не священники, даже не седовласые старики, а молодые люди… В общем от зала чувствовалась острая ненависть и презрение, будто бы их нагло обманули, будто бы кто-то им обещал, что сейчас сюда спустится Зевс. Так оно часто и бывает – человеку проще любить и лелеять образ своего кумира, чем самого кумира. К нашему счастью, мы и не желали становиться кумирами, потому потеряли, прямо скажем, немного. Что ж, нужно было начинать лекцию, и начал ее я:

- Добрый вечер, друзья. Вы, верно, собрались здесь сегодня, чтобы увидеть чудо, увидеть людей необычных, способных на подвиг и разоблачение ордена «Сияющий восход». Желали увидеть полубогов или, на худой конец, святых старцев, а увидели нас. Вы еще не знаете, кто мы, как и зачем мы встали против «Сияющего восхода» и его бывшего лидера, единственное, что вы знаете наверняка – это наши имена, да и то до сих пор гадаете, кто говорит с вами: Кирилл или Дмитрий… - я выдержал паузу, зал окончательно замолчал, никто не решался вслух высказать свои предположения, - С вами сейчас разговаривает Дмитрий, - после этих слов из разных уголков зала раздались возгласы типа «я так и знал!», - Но скажите, разве отсутствие знаний дает вам повод встречать нас ненавистью, или может вы чувствуете, что вас обманули, должны были подать Зевса на блюде, а подали нас и без гарнира? Даже если так, разве это повод быть неучтивыми и думать про людей: «О, еще молоко на губах не обсохло, а уже лезет учить!» - сказал я и пристально посмотрел на женщину лет сорока, испускавшую эту мысль, от чего она поперхнулась слюной и сильно покраснела, ее ближайшие соседи это заметили, - А если разумного повода нет, значит, есть неразумный, а именно эгоизм и отрицание. Подумайте сами, разве можно построить дом, или хотя бы сколотить собачью будку, начиная дело с отрицания? Вот представьте, вы взяли доски, пилу, молоток и гвозди, но вместо того, чтобы приняться за дело, вы внушили себе, что у вас ничего не получится, как вы думаете, что будет в итоге? Даже если вы сколотите будку, то она будет неровной и едва ли пригодной для собаки, а ваши руки будут изранены неточными ударами молотка, поколоты гвоздями и так далее. Если человек утверждает – он кладет кирпич в фундамент дома, если отрицает – вынимает кирпич из фундамента. Так скажите, сможет ли человек построить дом, если он все время сомневается между утверждением и отрицанием? Разумеется, нет. Так же и вы сегодня, начали нашу встречу с отрицания, не дав нам даже возможности сказать слово. Вы не оценивали наши знания или ту информацию, что мы собираемся вам передать, единственное, что вы сделали – сравнили нас с образом в вашей голове, и в тот момент, когда голова решила, что образ с нами не сходится – вы начали отрицать. Сейчас я вовсе не осуждаю вас за отрицание, но предупреждаю, что оно очень опасно в любом начинании. И если вам еще придется встречаться с незнакомыми людьми – никогда не начинайте встречу в отрицании, иначе вы пропустите мимо ушей те полезные зерна, которые, возможно, желал подать вам человек, - после этих слов люди несколько оживились, кто-то почувствовал вину, а кто-то злость, но равнодушных не осталось, - Другой капкан, что поджидает большинство людей – агрессия с обидой. Когда человек делает или говорит что-то, с чем вы не согласны, то большинство реагирует именно так – нападает или обижается. Но, пожалуй, самый въедливый проступок людей, считающих себя Духовными или знающими, является безмерная болтливость, особенно, когда они желают доказать свою позицию. Стоит понимать, что разговор, сам по себе, служит для обмена мнениями, какой-то информацией, а вот болтливость «духовного» служит лишь одной цели – доказать его собственную значимость, пусть только перед самим собой. Такой человек может часами доказывать вам какую-то одну мысль, ему откровенно не интересно ваше мнение по этому поводу, а менее всего ему интересно как вы себя чувствуете, разговаривая с ним. Хорошо вам или нет, желаете вы вести этот разговор или нет, в настроении вы или нет – им все равно. Опасайтесь споров с такими людьми, которые, к слову сказать, могут уверять вас, что они вовсе не спорят, а просто излагают свое мнение, в момент такого «изложения» они становятся хищниками, а вы можете стать жертвой и в одностороннем порядке «поделиться» с ними своими силами. Но пуще всего опасайтесь сами стать подобными болтунами, мертвыми, безжизненными на практике, но большими, влиятельными и сильными в теории. Помните, теория нужна, чтобы ее применять практически, для удобства жизни, и ни для чего больше. Теория ради теории – пустая и вредная трата времени, у всего должно быть свое применение, - после этой речи люди задумались, агрессивных уже не было, я передал слово Кириллу.
- Вот и настала моя очередь поприветствовать вас, дорогие друзья, и поговорить с вами о

самосовершенствовании. Дмитрий много говорил о том, чего не следовало бы делать человеку, желающему развить себя, а я скажу о том, что следует для этого совершить. Прежде всего, следует развить в себе правдивость, то есть абсолютно честную и точную оценку самого себя. Вы можете не признаваться друзьям, можете держать подальше от чужих глаз и ушей свои переживания и мысли, но внутри, наедине с самим собой вы должны четко знать, что вот это ваше действие называется вот так, а вот это – вот так. Если у вас не будет абсолютной честности хотя бы с самим собой – вы не сумеете продвинуться на пути развития. Почему же честность так важна? Постепенно вы научитесь тонко ощущать окружающую природу, эмоции и мысли других людей и вот тут, если вы были правдивы к себе, вы сумеете отличить, где истинные ощущения, а где - ваша фантазия. К фантазиям склонны почти все люди, когда осваивают новое и неизведанное для них поприще. Часто случается так, что недостаток знания мы компенсируем воображением. Например, не знаем мы ровным счетом ничего в фехтовании, и после первого занятия с мастером воображаем, что фехтование – это просто, что любого противника можно поймать простыми приемами или выпадами, рожденными вашим воображением. Но приходит время спарринга, и вы понимаете, что выдуманный вами прием, мягко говоря, не работает. Усердно тренируясь, вы нарабатываете опыт и начинаете понимать, где в ваших мыслях были откровенные фантазии, а где – здравые зерна. Поэтому, еще и еще раз повторяю, будьте правдивы. Следующий аспект, который, несомненно, поможет вам в пути – внимание. Силу внимания часто недооценивают, за то каждый знает, что сила сосредоточения – великая вещь. Так вот, сосредоточения без внимания не бывает, так же без развитого внимания не бывает хорошей памяти. Например, художник замечательно запоминает пейзажи и лица, почему? Потому что он внимателен к ним, его мозг устроен так, чтобы подмечать самые мелкие детали, то же самое и в других областях. Будьте предельно внимательны к себе и к другим людям, и вы увидите, каким глубоким, оказывается, является этот мир. При этом внимание – такая вещь, которую можно развивать хоть круглые сутки: вот вы прошли мимо дома, скажите, что стояло на подоконнике третьего по счету окна? Или какой человек только что прошел мимо вас, вы запомнили? Тренируйтесь усердно, и многие вещи, которые раньше вам казались чудесными, покажутся вам естественными и повседневными. И еще одна вещь, которую хотелось бы подчеркнуть – действуйте сейчас, живите настоящим. Если вы будете маскировать свою лень под воспоминания о прошлом и размышления о будущем, вместо того, чтобы действовать – вы не добьетесь успеха. Помните, вчера и завтра развития нет: вчера уже прошло, а завтра никогда не наступит. Вы спросите почему? Потому что вы живете сейчас, в данный момент времени, в данном пространстве, так и действуйте соразмерно тому, где и когда вы живете. Теперь, я надеюсь, вы используете все свое внимание, сконцентрируете мысли на том мгновении, что зовется «сейчас» и выслушаете моего большого друга и во многом Наставника – Анастасию, - Кирилл отступил в сторону, Настя вышла вперед.

Настю зал встретил аплодисментами: кто-то был вдохновлен нашими с Кириллом речами, кто-то отдавал дань уважения женщине, сумевшей стать Наставницей мужчине, а кто-то отдавал дань уважения Кириллу, сумевшему признать женщину «выше» себя прилюдно, в общем, причин у людей хватало.

- Это настоящая Радость – видеть вас всех здесь сегодня, - начала Настя, - Друзья уже успели многое сказать, на мою долю остается разговор о самой Светлой стороне развития, о том, как сотворить себя, чтобы Счастливых моментов в жизни было больше, чтобы в какой-то момент, жизнь состояла только из них. Но сперва спрошу, как вы думаете, где находится счастье? Уверена, многие из вас читали в книгах, что в себе, но все ли понимают это? А если вы считаете, что понимаете, то от чего же вы не Счастливы в каждое мгновение своей жизни? Счастье есть внутри каждого человека: оно, будто свеча, горит немеркнущим огнем в сердце каждого, не видим мы его лишь потому, что завалили в себе эту свечу различным «хламом» в виде обид, сомнений, иллюзорных фантазий,

жаждой власти и прочими мирскими ценностями, цена которым – деньги и пара, иногда десяток, лет. Случалось ли вам в какой-нибудь из дней прогуливаться по парку, или идти на свидание, или получить отличную оценку и испытывать при этом необычайный подъем, легкость, Гармонию со всем миром? А теперь подумайте, если сейчас взять и до мелочей повторить все детали материальной стороны события, испытаете ли вы такой же подъем? Скорее всего – нет. Потому что Счастье, даже в форме личной и эгоистичной, обладает Духовной природой, а Дух всегда новый, каждый день, каждую минуту и секунду Дух способен подарить вам новое ощущение Счастья. Люди не могут вывести формулу Счастья потому, что комбинацией материальных вещей его никак не достичь. С ощущением Счастья приходит ощущение раскрытия новых сил внутри себя, высвобождения новой, Светлой Силы. И опять же, эту Силу ощущал в себе каждый хотя бы раз в жизни, но от этого он не становился в одночасье великаном с широкими плечами и крепкими руками из-за ее Духовной природы. Но вы спросите, как же нам достичь подобного? В этом деле вашими верными помощниками станут Радость, Доброта, Гармония, Любовь и Сила. Научитесь ощущать эти аспекты как в себе, так и в других людях. Умение ощущать себя в другом человеке и окружающей природе – ключ к успеху. Дело в том, что мы разделены лишь в плотном мире, в Духовном мире мы составляем Единое целое, вот это Единство вам и необходимо осознать. Помните, для полного и четкого ощущения другого человека и природы нужно понимание. Необходимо стремиться к пониманию всех людей и всех процессов в мире. Если вы понимаете истинные мотивы действия человека, то ваша Любовь не сможет быть слепа, не сможет потакать порокам другого существа, вы просто не сможете действовать во вред вашему ближнему, даже если он, по незнанию, просит вас об этом. Понимая все процессы в мире, вы обретаете Великую Силу, потому что действуете в одном направлении с Самой Жизнью. Будьте терпеливы друг к другу и правдивы, остерегайтесь ошибок, а если совершили – спокойно разберите их, будьте внимательны и Добры.

На этом наше выступление закончилось, после завершающих слов Насти раздались бурные овации, но со «сцены» нас отпускать не желали, у людей скопилось множество вопросов. Отвечали мы на них долго, не без интереса и закончили собрание уже около десяти часов вечера. Когда же все разошлись, мы отдельно попрощались с официальными лидерами ордена, приняли от них благодарности и отправились в имение, там немного перекусили, прогулялись по саду и отправились на отдых.

Среда у нас была полностью занята с Федором, на этот раз в наших краях появился какой-то беглец, прятался в лесах… Поймать человека в лесу – дело не простое, особенно если не знаешь методов выслеживания и преследования в естественных условиях, в нашем случае все осложнялось зимой, холодом и снегом. В общем, ближе к пяти часам мы его поймали и доставили в управление. Если наша тройка была в состоянии стоять на ногах, то вот Орлов был совершенно без сил.

Утром следующего дня мы отправились, по наущению Михаила, к Вячеславу Григорьевичу – тому самому мастеру, что бросал вызов князю, а впоследствии открыл здесь школу фехтования.

Утром у Вячеслава тренировались дети, разумеется, он уже давно не был единственным преподавателем в своей школе – лучшие из его учеников согласились занимать должности учителей и вести разные по возрасту и направленности группы, сам же мастер давал уроки только ученикам, достигшим серьезных успехов во владении мечом и нынешним преподавателям школы. Мужчина был весьма рад нас увидеть, обнял как родных и пригласил к себе в рабочий кабинет.

- Ну-с, друзья, как ваши дела? Как поживают князья? Передавайте им мои самые теплые пожелания. Вижу, вы при шпагах.

- Дела у нас просто замечательно, жизнь несется вихрем, чередуя события, будто калейдоскоп, - ответила Настя, - У князей тоже все хорошо. А шпаги у нас не ради украшения – мы теперь служим в полиции, работаем лично с господином Орловым. А у

тебя как дела? Что нового в школе?
- У меня все просто превосходно! Школа набирает популярность, ученики совершенствуются. Да! Теперь у нас есть специальные «женские» занятия по стрельбе из лука. Вы спросите, почему «женские» - все очень просто, на эти тренировки записываются в основном женщины… Так вы говорите в полиции, и кем? И, простите, не знаком с господином Орловым, но уверен, что он – достойный человек.
- Мы рады таким успехам, Вячеслав! Пусть и дальше твоя школа процветает. В полиции мы работаем сыщиками, правда, на особых, так сказать, условиях, мы – что-то вроде запасного варианта. Благодаря повышенной чувствительности мы в состоянии знать такие факты, которые от прочих глаз сокрыты. Господин Орлов, или Федор Яковлевич в самом деле очень достойный человек, каких мало в наше время – он бесстрашен и расчетлив, умен и хладнокровен, истинный профессионал своего дела, а еще он мастерски метает ножи.
- Друзья, вы меня уже пленили этим Федором Яковлевичем: чтобы бесстрашие и хладнокровие сочетались в одном, так сказать, «флаконе» - это что-то уникальное. Непременно уговорите его прийти ко мне, я – большой ценитель человеческих судеб и качеств Души, посему повстречать такого человека для меня – лучше всякого праздника.
- Мы постараемся убедить господина Орлова, но не ждите его раньше выходных, он очень занят на службе, хотя в последнее время дел значительно поубавилось.
- В выходные, так в выходные, тем более тут недолго осталось ждать.
- Это верно, а теперь позволь вопрос несколько делового характера? – начал я.
- Я слушаю тебя, Дмитрий. Уж не желаешь ли ты преподавать фехтование в моей школе? Ученик князей – настоящая находка!
- К сожалению, не в этот раз, Вячеслав. Не так давно судьба наградила нас, так сказать, паствой и собственным орденом. Ты, верно, слышал историю с орденом «Сияющий рассвет»?
- Да вы полны сюрпризов, друзья! Нет, не слышал, но прошу посвятить меня в эту тайну.
И мы рассказали мужчине о минувших событиях.
- Да… Даже я бы не поверил, что вы способны такое провернуть… Друзья, мне стыдно, я недооценивал вас, простите меня.
- Нечего стыдиться и не за что прощать, ведь нам всегда готовы прийти на помощь князья, а имея такую защиту за спиной, каждый был бы смел и удачлив.
- Не будь так скромен, Дмитрий, ваш вклад в это дело просто огромен, и я уверен, что об этом вам сказали и князья, притом в числе первых.
- Тут ты прав, они сказали.
- Вот видишь.
- Что ж, верно, верно… Так вот, ввиду известных событий мы стали, в некотором роде, предводителями небольшой группы людей, а раз проклятиями, заговорами и выкапыванием червей из могил мы заниматься не собираемся, то мы решили так – пусть эти люди совершенствуют себя во всех сферах бытия: ментальной, эмоциональной и, конечно же физической, о Духовной я уж не говорю. Так вот, мы предлагаем тебе, так сказать, новую клиентскую базу.
- Это интересно, а на каких условиях.
- Условия таковы: членам ордена ты делаешь скидку в размере десяти процентов, и еще десять от оставшейся суммы зачисляете нам с каждого человека из ордена.
- Итого двадцать процентов?
- Девятнадцать.
- Как девятнадцать, ты же сказал десять, а потом еще десять?
- Очень просто, сейчас я все объясню. Допустим, у нас есть сто единиц чего угодно, так?
- Допустим.
- Мы отнимаем от них десять процентов, остается девяносто, так?
- Да.

- А теперь от девяноста отнимаешь еще десять процентов, получается сколько?
- Восемьдесят один… Да, действительно, девятнадцать. Ладно, друзья, были бы это не вы, а кто другой, я бы поторговался, но с вами я соглашусь сразу, тем более и в математике вы соображаете лучше меня, еще запутаете ненароком, - шутил мужчина, - Но запомните, если начинаете торговаться, то первой говорите цифру выгоднее той, на которую нацелены, чтобы у вас было место для маневра.
- Благодарим за совет.
- Теперь осталось уладить вот такой вопрос – как я узнаю, что ко мне пришел человек именно от вас, а не кто-нибудь с улицы, прослышавший про скидки?
- Видимо, нам придется придумать специальные удостоверения или справки, выдаваемые лишь официальным главой ордена.
- А этот глава… вы в нем уверены? Он не будет «торговать» этими справками?
- Он способен на многие вещи, но эту он не совершит по двум причинам: первая – он доверяет нашему слову и не желает от него отступать, даже когда сам лично не согласен, и вторая – у вас будут списки членов ордена, свежие, каждую неделю, поэтому вы всегда сможете сверить фамилию на справке с фамилией в списке.
- Замечательно… Кстати, вы сказали, что желаете сделать из ордена комплекс всеобщего оздоровления и развития, так?
- Совершенно верно.
- В таком случае у меня встречное предложение – пусть мои ученики посещают тренировки в вашем ордене на тех же условиях, что и ваши в моей школе.
- Что ж, это справедливо, но, прошу, информируйте об этом своих учеников хотя бы в понедельник, чтобы мы успели подготовить, так сказать, разделительную черту между членами и не членами ордена, сейчас ведь члены ордена платят только взнос, а занятия бесплатны.
- Хорошо, но будьте готовы, в понедельник я обязательно сообщу своим ребятам.
Мы еще пообсуждали детали нашего взаимовыгодного сотрудничества и разошлись, весьма довольные друг другом. Следующим нашим пунктом назначения был орден, там мы, перездоровавшись со всеми, кто только попадался на глаза, пробрались к Абдулову и выложили ему новый путь развития ордена.
- Савелий Игнатьевич, - начал я, - у нас сразу несколько приятных новостей, но для начала постарайтесь привыкнуть к мысли, что наш орден теперь будет еще и местом комплексного оздоровления и развития человека, с проведением платных занятий по йоге, медитации, управлению собой и так далее, - следующие минут тридцать мы подробно излагали Савелию, о чем мы договорились с Вячеславом, какие документы он должен подготовить и какие получить из школы фехтования, как разделить членов и не членов ордена, какие привилегии дает членство и так далее, наконец мы поделили прибыль, то есть чистый доход, за минусом себестоимости и прочих затрат, следующим образом: тридцать процентов лектору, а семьдесят – нам. Абдулов, было, желал истребовать преподавателям процент повыше, но так как арсенал аргументов у него был невелик, то он, в конечном итоге, согласился.
Далее мы поехали в управление, там узнали, что Орлов дома – поехали к нему в гости. Оказалось, что Федор так вчера набегался по сугробам, что теперь решил устроить себе, а главное - своим ногам, отдых.
- Федор Яковлевич, как ваше здоровьице? - поинтересовался Кирилл.
- Здоровьице прекрасно, вот только ноги очень болят, видимо давно уже не упражнялся в беге с преградами, - шутил сыщик.
- В таком случае у вас есть уникальная возможность поупражняться, притом не только в беге, но и в фехтовании, стрельбе из лука и еще много в чем.
- Каким это образом? Вы решили пригласить меня на тренировку и окончательно загонять?
- Нет, не мы, а Вячеслав Григорьевич – известный мастер меча – он не так давно открыл в

нашем городе школу фехтования.
- А отчего же он решил пригласить меня?
- Дело в том, что он – наш хороший друг, мы решили вести с ним совместные дела касательно нового ордена, заговорили о нашей службе, упомянули о вас и… Человек засиял, едва он услышал наши отзывы о вас – так тут же решил, что вы – человек уникальный и выдающийся, и что он многое потеряет, если не повидается с вами. Если желаете, то в выходные двери школы для вас откроются с особым рвением и желанием.
- Даже опасаюсь представлять, что такого вы рассказали этому человеку обо мне, - отшучивался Федор.
- Чистую правду, - улыбнулся я.
- Хорошо, друзья, если у меня будет время, желание, а главное – возможность, то я приду.
Далее мы немного поговорили про дела в управлении, о борьбе с преступностью и о жизни вообще, а потом отправились в имение. Там поведали Давиду и Алексею о своих планах и совершенных поступках, за что получили дружеское одобрение, пожелания всяческой удачи в новом деле, а так же удостоились звания «предприимчивых орденоносцев».
Ближе к вечеру мы трое и Гавриил мирно прогуливались по саду, хрустя серебристым снегом, беседовали о разных вещах, философствовали и смеялись, в какой-то момент князь попросил нас подойти к нему поближе, взять его за руки и сконцентрировать внимание на самом Светлом и Чистом, что есть в нас, а сам устремил твердый взгляд немного выше горизонта. Мы выполнили слова Гавриила, но я не понимал их назначения, разве нам угрожала опасность? Хотя, возможно, я не ощущал ее благодаря атмосфере Мира и Любви, источаемой князем.
Наконец, все мои загадки разрешились – на нас надвигался вихрь, огромный и быстрый вихрь темной энергии, в считанные мгновения интуиция сообщила, что этот вихрь есть порождение действий Корнея и его ордена. С человеческой точки зрения мужчину можно было понять: он потерял учителя в лице Захара, к которому был, судя по всему, сильно привязан, на его глазах развалился любимый орден, а может быть развалились и дружеские отношения с кем-нибудь, кто послушал нас, а не Локанова, а может и еще что-то – в общем, причин у человека хватало. Он желал нашей смерти, искренне желал, в его картине мира мы были людьми наихудшими, потерянными для общества, чести, морали и уж конечно эзотерики, а подобным действием он, можно сказать, совершает благородный жест, очищает планету от паразитических особей.
К сожалению Курнова, его мечте было не суждено сбыться – Гавриил усилил наше совокупное поле, сфокусировал энергию и… Такого я еще никогда не видел раньше: вихрь со смертельным проклятием отразился и полетел в обратную сторону, но не целиком, его будто растянуло в пространстве и во времени. Не знаю, как описать это явление, если представлять условно, то можно нарисовать такую картину: длинная-длинная трубочка, внутри которой равномерно распределилась жидкость, недавно находившаяся в ковше.
Поняв, что обратный удар будет тяжелым и мучительным для Корнея, что Гавриил сознательно распределил его по времени и пространству, дабы избежать смерти колдуна, я всеми силами посылал Любви и Мира Курнову, чтобы ему хватило сил пережить собственное же проклятие.
Вскоре опасность полностью миновала нас, князь сбросил твердость и сосредоточенность с лица, улыбнулся, мы пошли дальше.
- Сегодня вы совершили значительный шаг в своем развитии, - начал Гавриил, - Если человек способен искренне, всем сердцем Любить своего убийцу, значит он уже способен сознательно покидать границы личного восприятия и прикасаться к Божественному. Знаю, вы желаете узнать, что я сделал с проклятьем, почему разложил во времени и пространстве. Об этом еще не время знать вам, единственное, что я скажу, о чем вы и сами догадались – это было сделано ради спасения жизни самого проклинающего.

Гавриил сказал, что мы совершили нечто значительное в саморазвитии, но я чувствовал только новый прилив Радости и Мира в сердце, в какой-то момент мне показалось абсолютно естественным и логичным – посылать Любовь тому, кто желает совершать насилие, потому что так он вернее сможет понять разницу между злостью и Любовью. Мы еще долго гуляли, но никто из нас не обронил ни слова, нам было о чем подумать, что оценить и взвесить в себе и в мире.
До понедельника мы плотно занимались делами в ордене, определялись с членскими списками, занимались оповещением людей в ордене о возможности тренировок, проводили, так сказать, агитационную работу за здоровый и активный образ жизни. В воскресенье сходили с Федором к Вячеславу. Пока мужчины беседовали, мы решили потренироваться в одной из групп фехтования.
Занятия проходили в большой комнате, оборудованной для тренировок: мягкие полы, минимум мебели, широкий выбор не заточенного холодного оружия, кое-где на стенах видны сколы, скорее всего, это следы неточных ударов учеников. Вячеслав сказал своему старшему ученику, ведущему эти тренировки, что мы трое – его друзья, желаем потренироваться в группе, поэтому мы вполне законно заняли места учеников, когда тренировка началась, к слову сказать, учеников в группе было человек шестнадцать.
Начало тренировки проходило следующим образом: сперва мы бегали кругами по залу, прогревали тело, потом тренировали гибкость, чтобы не потянуть мышцы, все это заняло минут десять-пятнадцать. Затем мы уселись в ряд у одной из стен зала, преподаватель остался в центре, взял одноручный меч, подозвал к себе одного из учеников. Тот встал, взял схожий одноручный клинок и подошел к своему учителю.
Насколько я понял, в этой группе людей учили самым основам ведения боя, стойка, разумеется, фронтальная, захват рукояти меча жесткий, предплечье напряжено, ноги чуть согнуты. Преподаватель и ученик разыгрывали нападение – рубящий удар сверху в голову – и защиту – жесткий блок, образующий крест из клинков, затем уход в сторону бьющей руки противника, ошеломляющий удар свободной рукой в челюсть, далее разворот и удар мечом по спине или голове соперника. Ребята показали эту комбинацию пару раз, затем преподаватель предложил попробовать выполнить ее всем ученикам.
Благо, помещение было большое, так что волноваться за то, что тебя кто-нибудь заденет, не приходилось. Выбрав себе одноручные мечи, к слову сказать, великолепно сбалансированные для тренировочного оружия, мы разошлись по залу и выбрали партнеров из числа учеников, так как друг с другом мы сражаемся каждый день.
Мне в пару достался юноша лет восемнадцати-двадцати, жилистый, среднего роста и уверенный, что сейчас-то он покажет «новичку», как нужно вести бой. Мы поочередно нанесли друг другу по два удара, соответственно по два раза защитились, потом я предложил ему нападать все тем же ударом, в то время как я попробую отработать некоторые другие маневры. Не то, чтобы я желал покрасоваться навыками, просто не хотелось обмануть ожиданий Вячеслава.
Юноша слегка усмехнулся и начал атаку, кого же было его удивление, когда я провел атакующий клинок по касательной, а свой вывел к его шее, и все это в одно движение.
- Как ты это сделал, - интересовался юноша.
- Чтобы объяснить все тонкости приема потребуется довольно много времени, ты продолжай тренироваться, возможно, в будущем твой учитель откроет вам тайны этого движения, - ответил я.
- Жалко что ли? – почти обиженно прозвучало в ответ.
- Нет, долго и незачем.
Вся обида юноши прошла после того, как я защитился от этого же удара другим парированием с захватом шеи противника гардой меча, соперник обострил внимание и решил самостоятельно запомнить все, что я делаю. Далее была его очередь защищаться, он использовал прием учителя, отработал свою очередь и приготовился наблюдать. Что ж, я показал ему и другие варианты защиты, правда, каждый по разу, поэтому едва ли он

успел уловить их.
Преподаватель внимательно наблюдал за нами, но замечания не делал, возможно, его останавливал тот факт, что мы – друзья Вячеслава, а может он желал понаблюдать за новыми приемами.
Далее, по слову учителя, мы вновь расселись вдоль стены, был продемонстрирован другой прием – на этот раз защита от колющего удара в живот. После мы вновь разбились на пары и начали отрабатывать движение. Теперь уже мы втроем отрабатывали, так сказать, более продвинутую технику ведения боя, что, разумеется, было отмечено преподавателем. Затем, по тому же сценарию последовало обучение еще двум ударам-защитам, а после учитель обратился к ученикам со словом:
- Друзья, верите вы или нет, но сегодня в наши ряды попали три новых человека, я не могу сказать, что они – новички, они больше похожи на тайных агентов нашего мастера, засланных к нам для проверки качества преподавания. К сожалению, их тайна была раскрыта благодаря их безудержной страсти к искусству меча. И раз уж наши проверяющие раскрыты, прошу их выйти в центр комнаты и встать рядом со мной.
Мы подошли к мужчине, повернулись к ребятам.
- В нашу защиту могу сказать, - начал я, - что мы не являемся грозной проверкой. Так уж сегодня совпали события, что мы – друзья Вячеслава Григорьевича – вынуждены были подождать одного человека, а чтобы не терять времени, решили посетить тренировку.
- Что ж, теперь можно вздохнуть свободнее – проверка миновала, - шутил учитель, - Но раз уж вы здесь, может быть, покажете нам те ловкие приемы, которым вас обучил мастер?
Вряд ли мужчина знал, кто нас учит фехтованию, но так как князей можно без преувеличения назвать Мастерами, мы поправлять оратора не стали.
- Разумеется, но с оговоркой, что все будут предельно внимательны, иначе травм не избежать.
- За это можете не беспокоиться.
Быстро посовещавшись, мы решили показать защиту от режущего удара в живот. Демонстрировали его Кирилл и я, сам прием был не сложен, суть сводилась к тому, чтобы подложить свой меч под удар противника и провести клинок над собой, а в тот момент, когда меч обороняющегося выравнивается с торсом или же шеей нападающего – сделать выпад. Казалось бы такой простой прием, но на «зрителей» он произвел неизгладимое впечатление, в том числе и на преподавателя. Мы повторили прием несколько раз и предложили ребятам попробовать самим, когда ученики разбились на пары, к нам подошел учитель и сказал:
- А я думал, что знаю всех старших учеников и преподавателей в этой школе.
- Скорее всего, так и есть, - отозвалась Настя, - Мы не тренируемся в этой школе.
- Неужели мастер тренирует вас лично? – спросил совершенно удивленный и сбитый с толку мужчина.
- Да, лично, но наш Учитель – не Вячеслав.
- А кто же? – у преподавателя загорелись глаза.
- Об этом вам может сказать сам Вячеслав, если сочтет нужным, мы же не считаем себя вправе оглашать имена.
- Хорошо, хорошо, но хотя бы этот прием вы вправе мне показать?
- Разумеется, приготовьтесь нападать.
- На вас?!
- А что случилось?
- Вы же… Женщина, - смущенно проговорил преподаватель.
- Пусть вас это не смущает.
Последняя фраза не подействовала, мужчину до сих пор смущал факт различия полов, однако он принял боевую стойку, замахнулся и ударил, его меч провернулся, и следующий миг перед его шеей был клинок Насти.

- Еще раз, теперь нападайте медленно и запоминайте.
Мужчина кивнул в ответ и напал медленнее. Теперь прием был продемонстрирован во всех деталях: с обращением внимание на постановку стоп, перемещения, угол принятия удара и так далее.
Следующим мы показывали атакующее движение, затем еще пара приемов, а завершили тренировку спаррингами. Преподаватель хотел встать в пару с кем-нибудь из нас, но Кирилл отговорил его, уверяя, что мы еще сразимся с ним, но после того, как ученики уйдут, потому что учитель не должен потерять авторитет.
Пока были спарринги, мы вдоволь «нарубились» с учениками. Вообще, через бой очень легко можно понять природу человека, его Душу и мысли. Как показала практика, большинство ребят не напористы, также им заметно не хватает опыта, чтобы использовать в бою маневрирование и парирование, в спарринге они ограничиваются самыми простыми ударами и жесткими защитами.
Когда же занятия окончились и ученики вышли из зала, Кирилл подошел к учителю, оговорил детали спарринга, немного отошел, принял боевую стойку и пригласил мужчину жестом к началу боя.
Бой начался, мужчина выгодно отличался маневрированием от своих учеников, но меч до сих пор не чувствовал, потому частенько замирал в замысловатых позах, когда меч друга проносился в дерзких миллиметрах от его лица, торса, ног. В какой-то момент преподавателя разозлил тот факт, что он все время проигрывает и бой принял ожесточенный характер. Поняв настроение соперника, Кирилл вынудил его на атаку, перехватил руку с оружием, бросил через себя на пол, выбил меч, а свой клинок подвел к его груди. В этом положении их и застал Вячеслав.
Первой реакцией мастера был смех, искренний, озорной смех:
- Федор Яковлевич, полюбуйтесь! Все-таки я был прав – ребята не ограничились простой тренировкой.
Следом за Вячеславом вошел Орлов, оценил изюминку картины, сказал, что он ожидал от нас какого-нибудь подобного фокуса, тем временем Кирилл помог подняться преподавателю.
- Вячеслав Григорьевич, - обратился мужчина, - на самом деле ваши друзья ни в чем не виноваты, это я настоял на спарринге, в пылу боя потерял спокойствие, за что и был наказан. Ваши друзья – прекрасные инструкторы и еще более великие воины, я глубоко уважаю их не только как приближенных к вам, но и как отдельных людей. Единственной загадкой для меня остается их тренер, ваши друзья так и не открыли этой тайны, сказали, что вы вполне можете дать ответ, если пожелаете.
- Боюсь, мой друг, что я открою вам этот секрет еще не скоро, потому как их Учителя – люди Великие, занятые и безмерно Мудрые, я бы не желал, чтобы их имена попали в народ в этом новом качестве, привлекая зевак от безделья. Разумеется, вы – не зевака и не бездельник, но вы, мой друг, имеете несдержанность в словах и вполне можете выдать эту тайну.
- Я обещаю, что не выдам ни слова!
- Запомните, мой друг, никогда никому и ничего не обещайте, пока не научитесь видеть будущее так же, как свою ладонь. Как только вы обнаружите в себе талант к взвешенному общению – тогда и узнаете.
- Что ж, в таком случае я буду стараться, вы еще будете гордиться мной.
Вскоре мы покинули школу, по пути к дому Федор поделился впечатлениями о встрече:
- Интересный человек, этот Вячеслав Григорьевич, успел побывать во многих странах, много чего повидать, пронаблюдать обычаи разных народов, скрестить мечи с мастерами самых разных стилей и школ. В общем, человек поразил меня широтой кругозора и мировосприятия. Уверен, что от этой встречи мои Духовные богатства значительно увеличились. И еще одно – странное ощущение, но когда мы говорили, я четко понимал, что знаю этого человека уже очень давно, хотя вижусь с ним впервые.

- А вы не исключаете вероятности вашего близкого знакомства в одной из прошлых жизней? – поинтересовалась Настя.
- Видите ли, до сего дня я верил в вероятность прошлых и будущих жизней только теоретически, не имея прямого доказательства внутри себя, а теперь, судя по всему, доказательство нашлось. Теперь мне осталось проанализировать эти ощущения.
Мы поговорили на тему перерождения, рассказали о своем знакомстве с Вячеславом, попрощались с Федором возле его дома и отправились в имение.
В понедельник начался процесс взаимообмена клиентами между орденом и школой, без накладок не обошлось, но в целом все получилось на достойном уровне. Михаил похвалил нас за прекрасно выполненное дело – было очень приятно.
В остальном же неделя построилась следующим образом: в наш орден стали по одному тянуться люди из «Родного чертога», от них мы узнали, что глава ордена и его ближайшие соратники в последнее время сильно болеют, благодаря чему теряют авторитет в глазах учеников. Их этого же источника мы узнали, что в скором времени в наш оздоровительный центр попытаются проникнуть верные Корнею люди и выкрасть «тайные методики колдовства». Это событие было намечено в ночь с субботы на воскресенье. Служба с Федором на этой неделе была практически заморожена, потому как серьезных происшествий не было, а на мелкие дела мы отвлекались редко. Зато у нас было время посетить Пегасова, справиться о его здоровье, полюбоваться на сад. Не обошли мы вниманием и Костю, подбрасывая, как поленья в костер, новый материал для книги. Так же наведались к старым знакомым: Кристине, Марине и Лизе. Девушки слышали от Эдди о нашем ордене, искренне поддерживают такое начинание, но сами надолго охладели к разного рода орденам и колдунам после происшествия у Стрижевой.
Итак, наступила суббота, мы сошлись на ощущении, что в здание ордена попытаются проникнуть молодые, но амбициозные ученики Курнова, далее были размышления на тему «как бы их проучить раз и навсегда». Состряпав кое-какой план, мы прибыли в орден, рассказали обо всем Абдулову, мужчина долго смеялся, воображая осуществление плана, а потом вызвался помочь, мы согласились, лишние руки не помешают. Далее мы заехали к портному, накупили разных «театральных реквизитов» и вернулись в здание.
Занятия в ордене закончились еще в обед, поэтому в помещении было тихо, никто не мешал готовить «сцену». Первым делом мы обернули в разноцветную бумагу книгу по физическому воспитанию и написали на ней «тайные техники просветления», аккуратно положили ее на стол Савелию. Затем внимательно осмотрели здание, детально обдумали роль каждого из нас, перекроили реквизиты и стали ожидать вечера, а ближе к ночи разошлись по местам.
Итак, ночь, февраль, холодный ветер протяжно воет за окном, почти полная луна едва видна из-за наползающих туч, изрядно потоптанный снег уже не хрустит под ногами, тишина, и только редкий прохожий нарушает эту загадочную идиллию тьмы.
Наконец, у двери послышались шаги, три юных голоса спорили меж собой, решая, как им забраться внутрь, что делать, если там окажется сторож и так далее. Юноши волновались, вдобавок к этому было темно, а отмычкой пользоваться они не умели, поэтому с замком провозились довольно долго. В какой-то момент упрямый замок поддался, юноши зашли внутрь и закрыли дверь. Грабителями оказались ребята в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, оно и не удивительно, учитывая основную массу учеников Курнова, эти, скорее всего, были самыми старшими.
Юноши с опаской озирались по сторонам, вглядываясь во тьму комнат, словно ожидая нападения в любой момент.
- Вроде никого, - прошептал один из них.
Трио направилось на второй этаж, видимо, они были осведомлены о расположении комнат в ордене и прекрасно знали, какая из них принадлежит Савелию, на что, в принципе, мы и рассчитывали. Озираясь и трясясь от каждого шороха и скрипа, юноши добрались до комнаты Абдулова, подошли к его столу, а там – вот чудо – книжка с

«тайными техниками просветления»! Не раздумывая, они спрятали ее в небольшую сумку и направились, было к выходу, как вдруг…
Рядом с окнами комнаты пронеслась какая-то тень, затем с грохотом упало несколько предметов на пол, следом раздался скрежет металла. Юноши выбежали в коридор второго этажа, там они увидели, как дверь комнаты, что напротив лестницы, медленно, со скрипом, открывается, из-под двери выбивается ядовитый тусклый свет. В комнате Абдулова «полтергейст» все не утихал, поэтому ребята, преодолевая страх, направились к лестнице. Медленно, на цыпочках добравшись до комнаты со светом, они осторожно заглянули в нее, а там, за столом, в черном тряпье, закрывавшем все тело, сидело нечто и скрипело пером, юноши застыли от страха. Нечто медленно положило перо, встало со стула, взяло старый деревянный посох и повернулось к ребятам… У него не было лица, только тьма, и пальцев рук не было видно, и ног… будто злой дух заставил одежду висеть в воздухе и держать посох. Нечто бесшумно начало приближаться к ребятам, вытягивая вперед одежду в форме руки.
В этот момент из комнаты Савелия на «грабителей» покатилось… пустое ведро. Вот тут юноши не выдержали окончательно – не сговариваясь, они с криками и воплями побежали вниз по лестнице, но едва последний из них спустился, как его сзади схватил за плечи невыносимо жуткий мертвец, с зеленым лицом, бешеными черными глазами и холодными руками. Юноша подпрыгнул так высоко и взял такую ноту, что можно было без тени сомнения записывать его сразу в атлеты и музыканты. Ребята было ринулись к заветной двери, но и там путь им был отрезан таким же мерзким, только более крупным мертвецом. Итак, оказавшись меж двумя покойниками, планомерно надвигающимися на них, юноши впали в панику и врассыпную бросились бежать: не то, чтобы они далеко скрылись, но по комнате носились изрядно. Наконец, «дверной мертвец» отошел достаточно, чтобы мимо него можно было проскочить, и ребята, находившиеся тем временем в разных частях комнаты, бросились к двери, каждый из них ощутил на себе ледяное прикосновение «дверного покойника», от чего заметно прибавил в скорости. Вот так ночные гости убежали из ордена, позабыв запереть за собой дверь.
Закрыв дверь, я сорвал с себя эту прозрачную зеленую ткань и залился безудержным смехом, вскоре меня поддержали и друзья. После мы собрались в кабинете Абдулова, убрали по местам все то, что наполтергейстила Настя, размотали Кирилла, обвешанного черной тканью и устроились выпить чаю.
- Друзья, если честно, я думал, что подожгу себя, когда во всех этих лохмотьях пытался зажечь свечу, - поделился впечатлениями Кирилл.
- А я думал, что отморожу руки на ветру, да и высовывать их в форточку стоя на подоконнике в наряде мертвеца – то еще занятие, - добавил Савелий.
- Ничего, главное – все обошлось. А если посмотреть на вещи с другой стороны, вы представляете, через какие трудности прошли ребята, чтобы добыть это «чудо-пособие по просветлению»? Хоть им и страшно было, а книжку с собой унесли, - сказал я.
- А еще интересно, отчего в людях так прочно сидит вера во все темное, мрачное и злое? – начала Настя, - Ведь они и секунды не сомневались, что перед ними мертвец, злой дух, или вообще черное не пойми что, но наверняка очень злое. По какому каналу к людям поступает эта информация? Ведь каждый, буквально каждый хоть раз да слышал о подобной нечисти, а единожды услышав, верит в ее существование всю оставшуюся жизнь.
- Быть может, - отозвался я, - люди впитывают эти образы еще в детстве, из сказок например, или со слов родителей, пугающих детей невесть кем, лишь бы те не шастали ночью по дому, а смирно лежали в кровати. Конечно, со сказками человек впитывает и положительных героев, но в течение жизни у большинства людей укрепляется вера лишь в плохое и мрачное, светлому и чистому человек отводит слишком мало места в сознании, потому, например, человеку проще поверить в абсолютно грешного беса, чем в Святого или Ангела.

- Возможно, но в добавление к этому люди, думаю, приносят веру в этих существ из своих снов, - ответила Настя, - потому как притягивают в сон своими страхами, переживаниями и страстями весьма неприятных сущностей. А вот Ангела в сон призвать у большинства людей, к сожалению, не получается.
- А мне любопытно, - вступил Кирилл, - отчего люди считают, будто не сумеют справиться с нечистью? Допустим, что они встретили настоящее порождение тьмы, почему они сразу же верят, что не сумеют его победить?
- Большинство людей впадает в страх и при встрече с грабителем, - ответил я, - Видимо, это вопрос уверенности в себе и своих силах.
- Друзья, подождите, - начал Савелий, - разве вы всерьез верите, что существуют нечистые сущности?
Что тут поделаешь, мы рассказали Абдулову о своих, так сказать, аудиенциях с силами тьмы, чем сильно удивили мужчину, потом еще немного поговорили о психологии общей массы людей и разъехались по домам.
В понедельник мы рассмешили Федора до слез, рассказав историю с похищением книги по физическому воспитанию, сквозь слезы он шутил, будто это не юных грабителей нужно обвинять в воровстве, а нас в не гуманном издевательстве. Кроме шуток Орлов оценил педагогический ход, похвалил нашу находчивость и актерские таланты. Так же история принесла много веселья Алексею, а Давид так и вообще едва не свалился со скамьи.
Постепенно нас начали узнавать не только в ордене, но и на улице, притом совершенно незнакомые для нас люди – подходили, здоровались, узнавали о самочувствии, спрашивали совета.
Бедолага Курнов, получивший долгожданные «методы просветления» был вне себя от ярости, это ощущалось даже на значительном расстоянии. Думаю, он не поверил ни единому слову засланных ребят, решив, что они просто струсили хорошенько поискать в ящиках стола и схватили первую попавшуюся книжку, оказавшуюся, вдобавок ко всему, пустышкой. Орден «Родной чертог» начал распадаться, ученики ордена группами приходили к нашему ордену, вернее сказать оздоровительному центру. Правда, большинство из них так и не влились в ряды нашего центра, потому как их представление о магии и колдовстве сильно отличалось от того, чему учили в центре.
Ученики нашего центра, как и ожидалось, стали намного здоровее, подправили фигуры, научились хоть в какой-то степени владеть эмоциями и мыслями, постепенно постигали на практике чудотворное влияние Доброты и Любви на окружающий мир, чем и привлекли к себе внимание ближайших знакомых, стали этакими «образцами здоровой жизни», благодаря чему штат учеников еще расширился. Из-за увеличения числа страждущих, нам пришлось подыскать один из спортивных центров и арендовать помещения там для проведения общих занятий, частные консультации и занятия по углубленной программе с маленькими группами проводились в старом здании.
В конец обозлившийся Корней, окончательно утратив «паству», решился на дерзкий поступок – наслать на нас какое-то «невообразимо страшное» проклятье на крови, к счастью Михаил нас предупредил, поэтому мы успели прибыть к «колдуну» и душевно поговорить с ним, после чего мужчина отказался от идеи мщения и даже записался к нам в центр ближе к концу месяца. Постепенно в городе начал проявляться пласт людей, что активно тренируются, заботятся о здоровье, а также помогают, по мере возможности, близким и родным. Орлов шутил, что благодаря нам он скоро останется без работы. Так закончилась зима…

Глава 8.

Что заботит чародеев? Избыток внимания – пора писать учебники. Служба продолжается. Федор Яковлевич – Душа-человек.

Первые числа марта решительно ничем не переменили зимней стужи февраля, видимо, зима никак не хотела уходить из этих краев, цепляясь снегом и ветром за каждое деревце, каждую ветку или куст. Однако, невзирая на упрямство погоды, у нас было «жаркое» время, потому как страждущие и любопытные повалили к нам нескончаемым потоком, поэтому пришлось ограничить свое общение с людьми до трех часов в неделю – в качестве дня встреч и вопросов было выбрано воскресенье, а время – с девяти до двенадцати утра. Любопытных мы принимали втроем, если же человек желал поговорить с кем-то лично, то мы удовлетворяли эту просьбу и продолжали встречу уже вдвоем. Бывало и так, что у каждого из нас был свой собеседник, а было и так, что мы втроем отвечали на вопросы. Разумеется, местом встречи было здание центра, нам было бы неловко, да и самим не хотелось тянуть людей в имение князей, чьим гостеприимством мы и так пользуемся во всей полноте.
Далее расскажу лишь о некоторых таких беседах…
Беседа с господином, пожелавшим именовать себя Вольный началась сперва в рукописном виде – мы, для удобства, завели в ордене подборку тетрадей, посвященных разным вопросам, по сути эти тетради представляли собой общение в форме вопрос-ответ: человек мог записать интересующий вопрос в тетрадь соответствующей тематики, а тот, кто знал ответ на этот вопрос, мог вписать его далее по ходу тетради – эти тетради пользовались, надо сказать, заметной популярностью, но, как водится, в ордене находились и такие люди, которые не утруждали себя прочитывать исписанные страницы, они просто открывали тетрадь интересующей их темы и вписывали свой вопрос. Итак, наше общение началось со следующей записи Вольного:
«Подскажите, как выйти в астрал?
Я два часа лежал. Иной раз даже почти уснул.
Я думал о путешествии, как это будет выглядеть. Говорил себе, что ничего не боюсь, и что для меня это очень важно.
Потом я вдруг очень захотел повидать одного человека, меня начало немного трясти... Сначала раза два дернуло… Потом сильней и сильней.
В какой-то момент стало страшно что ли, от того что трясет. Я тут же это переборол, осознавая то, что мне это действительно необходимо, и что мне не важно, что может произойти.
В какой-то момент я чувствовал тошноту, но она быстро прошла. Дальше меня минут десять штормило, выворачивало так, что я чуть ли не взлетал. Грудь поднималась вверх, мотало во все стороны. Но преодолеть этот рубеж так и не получилось. Что нужно делать именно в этот момент?
Подскажите, пожалуйста, мне очень важно попасть в астрал. Очень».
По правде сказать, мы мечтали, что люди вроде Вольного оценят все прелести преподаваемых в ордене дисциплин, важность управления сознанием и телом, однако, мечте, видимо, было не суждено сбыться. Следующим очерк оставил юноша, пожелавший назвать себя Скоростной:
«Всем привет.
Сегодня пытался выйти в астрал, но что-то не получилось... Вроде все правильно... Лег поудобнее, закрыл глаза, полностью расслабился, ни о чем не думал...
Лежал я так минут двадцать, потом ощутил какую-то легкость в теле, которой никогда не было и начала болеть голова. Через минуту еще и тошнить начало. Потом головная боль прошла, и я просто уснул на полдня...

Скажите пожалуйста, может что не так делал?»
Твердо осознав, что от юных астральщиков нас не спасут даже нацеленные на комплексное развитие программы ордена, мы решили ответить, «клинопись» в тетради оставил я:
«Доброго времени суток.
Всем страждущим астральщикам в помощь осмелюсь дать рекомендацию. Перед тем, как куда-то зачем-то выходить, сделайте себе и своим нервам подарок - освойте первый урок Раджа-йоги, указанный в книге (написал название). Разумеется, выполнение этого урока не гарантирует вам выход в астрал - вернее, гарантирует, но это лишь в том случае, если вы его выполните до конца, но, как показала практика, люди обычно считают его выполненным до конца тогда, когда, по сути вещей, они и не начинали его - но определенный опыт вам принесет, и этот опыт будет полезен не только для путешествий, но и в повседневности.
Уточнение: Если, во время выполнения урока, вы вдруг почувствовали, что покидаете тело - это еще не повод наплевать на дальнейшее выполнение урока и постараться рвануть в столь желанный астрал.
Уточнение второе: Труд по подбору "техник выхода" полностью лежит на ваших плечах, также не принимаются просьбы типа "а расскажи, как оно там?!", "можно ли там сделать вот этакую загогулину?", "как ты выходишь?!!" и прочие подобные фразы. Ответы на эти вопросы лишь утолят длинноносое любопытство, но не принесут практического опыта.
Успехов!»
Не трудно было догадаться, что эти советы не найдут логического отклика в умах страждущих ребят, особенно если им от четырнадцати до восемнадцати лет. Мы буквально на следующий день получили письмо от одного из членов ордена, с просьбой дать ему желанные «техники выхода в астрал». Меня с определенного времени начал интересовать вопрос: «Каким участком мозга люди прочитывают адресованные им строки?» В общем, мы расценили эту просьбу как неуважение и попросили человека поискать в библиотеке ордена, на что нам пришел ответ, будто человек уже перерыл всю библиотеку и ничего там не нашел. Решив, что этому индивиду будет сложно стать сыщиком, мы отыскали нужные тексты сами и вручили страждущему. В оправдание за свою невнимательность он сказал, что не догадался воспользоваться алфавитным указателем. При этом остается загадкой, как он мог «перерыть всю библиотеку» не пользуясь указателем? Было решено простить нерадивого «сыщика», тем более что он на словах уже получил серьезный урок вежливости.
Как бы то ни было, следующим ответом товарища Вольного, был текст следующего содержания:
«Попробую еще раз задать вопрос по выходу в Астрал. Хотя опираясь на прежний опыт, наверное - зря. Так как никто мне так и не ответил. Но все же, может в этот раз повезет? Вот лежу я... расслабился. Меня потрясло - покрутило. Все. Чувствую - в невесомости я. Дальше начинаются проблемы.
Начинаю вылезать из тела в направлении головы.
Процесс начинается... я чувствую, как руки от меня как будто уезжают. Смолой себя тоже пару раз чувствовал, которую тянут... тянут...
Большим становился, маленьким… Аж ветерок по телу, особенно само чувство как из тебя что-то выходит - незабываемое. Но! У меня уже второй день подряд получается выйти только наполовину.
Объясню подробнее, вылезти из себя у меня получилось на сантиметров десять-пятнадцать. Видел свою левую руку, серая такая, непонятная. Рука моя обычная, была обычная, правда я ее видел в слабом освещении, как от огня ночью свет попадает, примерно так.
Помню, что увидел ее с закрытыми глазами, я лежал, вылезал из тела... и в какой-то момент мне стало очень интересно, а как это все выглядит? И тут я начал лицезреть себя.

То есть я лежу, лежит моя рука, над ней вторая. Одна нормальная, другая серая.
Но собственно на этом все и остановилось.
В невесомости поваляться в кровати конечно приятно, но мне хотелось бы полетать.
Хотя эти два раза, (сегодняшний и вчерашний опыт) я строго знал, что я вышел из тела, но при этом все еще нахожусь в нем. Выходили только руки (что я четко осознавал) причем вокруг них неслабый ветерок гулял, интересно было бы глянуть, на пламя свечи он воздействует или нет?
Попробовал я в этом состоянии открыть глаза, признаться честно слегка очумел.
Смотрел я на свое окно, дело происходило ночью, часа в два…
Окно, как и вся комната в ночи - черное, но если минуты две посмотреть в темноту, то окно начинает потихоньку виднеться (по понятным причинам), а так в комнате полная темнота.
Лежу, смотрю... тут окно начинает от меня стремительно удаляться! А комната в его месте сужаться. Само окно тоже сужаться, иной раз вовсе исчезает, трансформируется, видоизменяться, становится нормальным... И в общем много чего с ним происходило. (На окно я смотрел расфокусированным зрением.)
Но суть не в этом, суть в том, что на его фоне я видел непонятные для меня клубочки... то там... то сям. То над телом. (Черные, серые… по-разному, но из общего фона в любом случае было понятно). Потом я увидел паренька.
Он то появлялся, то исчезал... когда я пытался на нем сфокусировать взгляд.
Рукой помашет. Но вел он себя крайне не по земному, в плане того, что его действия…
Само передвижение вообще непонятным было с точки зрения физики что ли?! Как то все не так. Да, махал рукой, но как-то не по-людски.
Сложилось впечатление, что он надо мной прикалывался! Но я точно, верней не точно, а процентов на пятьдесят был уверен, что это Я! А те доли секунд, когда я был уверен на сто процентов, что это я, захватывало дух конкретно. (Но я почему-то думал, что дух захватывать должно от лицезрения своего спящего тела с потолка, а не лежа в кровати от наблюдения своего астрального двойника).
Но как я и мой ли это двойник? Если я лежу в кровати, осознаю себя там же в кровати, только лежащим вне тела, но лежал я точно так же как и тело, только руки не повторяли положения тела, они были выше.
Я пытался «вселиться» или переместиться, как там правильней будет сказать в этого паренька, когда начинал это делать, вокруг тела опять эти клубы вихревые... Парень исчезает, а я смотрю в сплошную темноту.
В первый раз, когда я его увидел, было страшно, но еще сильней было любопытно, что за ерунду я вижу? В конце концов, научился извлекать наслаждение из происходящего...
И как то все! Подскажите, пожалуйста:
- Как мне выйти из тела полностью?
- Что это за паренек?»
Вот так, тоже кстати частое явление среди астральщиков и прочих «великих» страждущих – им что-то привидится, а ты, по их мнению, должен знать, что все это означает, а если не знаешь, то ты – ерундовый человек, ничего не смыслишь в эзотерике. Желая намекнуть человеку, что его убеждения несколько ошибочны, мы, от моего лица, составили вот такой текст:
«Доброго времени суток всем любителям путешествий.
Дружище Вольный, должен заметить, Вы немного слукавили, я ответил Вам по вопросу выхода. Да, признаю, в том тексте я не обратился лично к Вам, но суть своей идеи изложил, думаю, достаточно точно, чтобы применить ее на практике (во всяком случае за уточнениями никто не обращался). Но Вы не отреагировали на этот совет: может, не заметили, а может, не понравился, и в этом Вы правы - это целиком Ваш выбор. Но Вы не точны, когда утверждаете, что Вам никто не ответил.
Откровенно говоря, не знаю точно, какой у Вас опыт общения с астральщиками (как

опытными, так и начинающими), но подозреваю, что не великий. Почему я так думаю? Вы ведь до сих пор не спроецировались (сейчас я вовсе не пытаюсь поставить под сомнение Ваши способности, у Вас обязательно все получится, есть цель - будут и средства). А мне довелось перевидать их массу, все они - люди интересные и уникальные, но, для простоты изложения их можно условно разделить на следующие категории:
- "Хочу, но не могу" - эти люди где-то краем уха/глаза узнали про астрал, узнали, что там можно летать, проходить сквозь стены и посещать всякие интересные места, тут же загорелись желанием туда попасть. Чаще всего это представители школьного возраста, весьма эмоциональны, склонны обвинять в своих неудачах кого угодно, только не себя, а вот все положительные заслуги записывают на свой счет быстрее скорости света. Как правило, их не интересуют разговоры на тему целостного развития человека (иногда, в знак вежливости, что тоже случается крайне редко, они выслушают совет, внешне согласятся, а внутри затаят крепкое бранное словечко и откланяются) ведь перед ними стоит куда более важная цель со знаменами "хочу!" в руках. В итоге большинство из них оставляет свою мечту "выйти в астрал" попутно клеймя позором и проклятиями всех тех, кто пытался им помочь.
- "Почти получилось" - это очень интересные люди, по большому счету от выхода их отделяет отсутствие целостного устремления в себе (т.е. мысленно, эмоционально и душевно человек должен быть нацелен на свою желанную цель). Однако, во время выхода в их сердцах и головах начинают возникать ненужные переживания и мысли, нацеленные вовсе не на проекцию. Таким образом, человек может выглянуть из тела, а затем благополучно сам себя затащить обратно. Разумеется, такие люди задают все тот же вопрос, что и "хочу" - как мне выйти, и что я делаю не так? Уважаемые путешественники, не поленитесь и проанализируйте все те эмоции и мысли, что "озаряют" Вас в кульминационный момент (а так же перед и после попытки выхода). Вы скажете - да как я могу анализировать что-то, когда мне сейчас следует осуществлять выход, и будете правы лишь в том случае, когда вам уже не нужно ничего анализировать и вы умеете целостно собираться в решающий момент. Те из Вас, кто знаком с учением Раджа-йоги прекрасно знают, что мыслительная деятельность ведется не только сознанием, но и подсознанием (может психологи и прочие знатоки человеческой натуры сейчас поспорили бы со мной по поводу терминологии, но суть процесса от этого не меняется), поэтому следует учитывать, что из подсознания может всплыть всякая бяка, притом в самый неподходящий момент. Что же делать? Научиться владеть собой.
- "Получилось!.. Блин, как бы мне обратно?" - эти люди еще примечательнее предыдущей категории. Они научились собираться в нужный момент, но не умеют владеть собой длительное время. Естественно, что со временем они наживают себе "врагов" в тонких мирах. Чаще всего - это воплощение их собственного страха, иногда - другие существа. Если со страхом более менее понятно (надеюсь, что этот процесс Вы прекрасно понимаете), то с существами дело интереснее - большинство людей привыкло, что окружающие слабо реагируют на их эмоции. Например: Вы на кого-то обиделись, или разозлились, скорее всего, объект Вашего негодования почувствует данные эманации, но, в большинстве случаев, не сможет соотнести причину и следствие. Совсем другое дело, когда вы попадаете в тонкий мир. Часто бывает так, что человек попросту забывает, что здесь работают несколько другие законы, нежели в физическом мире. Поэтому, если вы видите существо и думаете "вот урод!" и при этом испытываете отвращение - будьте уверены, что упомянутый вами "урод" это заметит и почувствует, притом он будет знать, кто его так "обласкал". Надеюсь, смысл понятен.
- "Эх, как же все просто оказалось" - это та категория, что умеет покидать тело по желанию. Такие люди редко помогают новичкам (во всяком случае в своей практике не встречал) именно выйти в астрал, они-то знают, какой путь вернее и безопаснее, но, как часто бывает, большинству людей надо много и сразу, а не "бесполезные" разговоры на тему целостного развития.

С наилучшими пожеланиями».
Признаюсь, скрипеть пером не совсем мой конек, но ради такого дела – просто нет другого выхода. Конечно же, мы уже и надеяться перестали, что эти тексты сумеют вразумить нашего любознательного друга. Так и оказалось, его следующий ответ был таким:
«Теперь я понимаю, почему я, вероятно, пропустил ваш ответ, а пропустил я его ровно потому, что он, как и этот текст, не несет в себе ответов на мои конкретно поставленные вопросы.
Что касается следующих ваших слов: «Часто бывает так, что человек попросту забывает, что здесь работают несколько другие законы…» - и так далее, то если это конкретно про мой случай, то никаких негативных эмоций у меня не возникало, я с нетерпением смотрел, что будет происходить дальше и только. Кстати, меня можно называть на «ты». У меня нет мании величия, великие этим не страдают».
Ай, какие же мы негодяи, разрываем мозг бедному юноше пустыми рассуждениями, никак не связанными с его «конкретными» вопросами, вернее с его безудержным желанием. Что ж, мы решили пояснить человеку, где был конкретный совет:
«Ждал ответа с подобным содержанием.
А разве не является ответом на твой вопрос "Подскажите, как выйти?" моя фраза "Перед тем, как куда-то зачем-то выходить, сделайте себе и своим нервам подарок - освойте первый урок Раджа-йоги…"?
Далее я говорю о том, что верное выполнение этого урока дает возможность выходить в астрал. А это - не что иное, как ответ на твой вопрос. Может быть, моя ошибка была в том, что в тетради не был опубликован этот урок во всей своей красе, но я, очевидно наивно, полагал, что люди сами в состоянии его отыскать среди бескрайних просторов нашей библиотеки».
Конечно же, такой короткий ответ, да еще и без «конкретных» советов типа: сведи глаза к переносице и прочитай тридцать раз мантру, не мог порадовать страждущего, поэтому мы удостоились получить ответ следующего содержания:
«Чтобы тебе было понятней, я приведу тебе такой пример.
То, что вы называете своим астральным двойником, и то, что он, это вы. Это не так.
У него есть свое имя, своя жизнь, свои взгляды на происходящее, и они не всегда совпадают с вашими. Пока мы с вами занимаемся привычными нам делами, они занимаются своими.
Если знать имя своей души, или души близкого вам человека, можно черпать знания, начиная от того, кто построил пирамиды, до вопросов по языкам. В их власти - владение всеми языками, которые когда-либо были на планете земля. Будущее, прошлое. Все. Высший разум.
В прошлом году в мире было три человека, способных на такое общение.
Много ты с этого получил?
Наверное, хотелось бы тебе конкретики добавить, что да как нужно делать, как общаться, да?
Вот и мне хотелось бы конкретики, и живого общения, а не посыл на книги и тому подобное».
Да уж, человек, очевидно, решил нас поразить своими познаниями, а заодно обиделся на предыдущий текст. Правда, ему про обиду говорить не нужно, ведь просветленные не страдают чувством обиды и манией величия. Поэтому мы ответили так:
«Уважаемый господин Вольный, в данном вопросе мне не нужна конкретика.
Причины на то две:
Первая – частично (в сравнении с тем что ты описал - совсем чуть-чуть) я владею той, если можно так выразиться, способностью, о которой ты упомянул. Использую ее в тех сферах, которые мне интересны. Правда, не согласен с тем, что я и мой астральный двойник - совершенно разные, так сказать, существа. Но в данном вопросе это особого

значения не имеет.
Вторая - даже если бы ты сейчас предоставил информацию, о которой я раньше даже краем уха не слышал, то я бы не кинулся на тебя с расспросами, с просьбой конкретики. Так или иначе, но ты описываешь свой опыт, он прекрасен и нужен тебе, но мне он может быть совершенно неприемлем. Поэтому, для начала, я стараюсь решить вопрос самостоятельно, слежу за тем, как реагирует тело, эмоции, мысли - так я понимаю каким путем можно развить в себе то, о чем услышал. Это много лучше, чем стараться переложить на себя, не думая, методику другого.
Для примера приведу спортивный зал с гирями: там множество различных людей, и у каждого своя методика. Одного "распирает" если он делает по двадцать повторов за подход, а у другого мышцы наиболее полно отзываются на разовые повторы (то есть за один подход от одного до трех повторов). И пока ты не поймешь, как устроено твое тело - особых успехов в тренировке ты не добьешься.
Практика показала, что гораздо более продуктивно натолкнуть человека на мысли, с помощью которых он сам осознает, как ему следует, в данном случае, выходить в астрал, нежели давать ему какую-нибудь ломовую методику, а потом наблюдать как у него медленно (или не очень) обрушивается сознание, или, если он был очень ленив, растет обида на тебя, твою методику и все вокруг».
Что можно было ожидать от Вольного после такого текста? Верно! Что, в принципе, и отражает его ответ:
«Ладно. Заканчиваем.
Тебе про Ивана, ты про болвана.
Я не люблю общаться с людьми, которые откровенно делают вид, что не понимают, что от них хотят, и маскируют это под совершенно отрешенными текстами.
Удачи всем».
Довольно интересный вывод сделал этот человек, можно было предположить две вещи – или он обиделся, или в самом деле не видит тех советов, что были даны. Наш ответ был следующим:
«Уважаемый господин Вольный, неужели ты всерьез думаешь, что мои тексты являются "совершенно отрешенными"? Мне очень скорбно, что ты так видишь эти ответы, и, если хочешь, я могу показать, где и как они связаны с твоими вопросами. Чтобы не «засорять» тетрадь, я могу это сделать через почтовую переписку. Потом, есть разница между тем, когда тебе сказали то, что ты хотел услышать, и то, что думает человек по этому вопросу. Ответ на твой вопрос был, ты с этим не спорил, сказал, что нет конкретики, я объяснил, почему выбрал именно такой стиль изложения. Что получаем в итоге? Оказывается, я писал совершенно отрешенные вещи.
Этот разговор и правда пора заканчивать, или же продолжать через личное общение. Единственное, о чем хочется попросить - ограничить себя в плане необоснованных выпадов».
После этого ответа к нам на воскресенье записался Вольный, очевидно, желал побеседовать на тему астрала. Не нужно быть ясновидящим, чтобы догадаться, как пройдет и чем закончится наша беседа, тем не менее, поговорить было необходимо, хотя бы для того, чтобы прояснить кое-какие моменты с этим человеком.
Итак, воскресенье, восьмое марта, мы прибыли в «пункт приема страждущих» и стали ожидать гостей. Ждать, к счастью, долго не пришлось, довольно скоро на пороге показался юноша с глубоким отпечатком гордости и напускной печали на лице, в Душе же он был веселым и жизнерадостным человеком, но эти качества были спрятаны в «дальний угол». Он поприветствовал нас, но общаться предпочел лично со мной, поэтому мы удалились к одному из диванов комнаты, находившихся в углу, расположились и начали беседу.
- Надо понимать, ты – Вольный?
- Так и есть.

- Хорошо, в таком случае, если есть темы, на которые хотел поговорить – пожалуйста.
- Прошу секунду, я сформулирую вопросы… Вот, недавно я писал про паренька у окна, можешь мне объяснить, что это было вообще?
- Да, могу сказать, что думаю по этому поводу.
- Буду благодарен.
- Учитывая, что в примере про конкретику ты привел данные об астральных двойниках, и что способных на общение с ними людей было трое, можно предположить, что в твоем сознании встреча с собственным астральным двойником каким-то образом ассоциируется с высокой степенью развития, вот твое желание и материализовалось в образе того, как ты выражаешься, паренька.
- Нет... Насчет общения, я говорил об общении не с астральными двойниками, я говорил про Души человека.
- Значит первый абзац твоего текста про астральных двойников никак не связан со вторым про Души?
- Нет, это не относилось к тому пареньку, это из другой оперы.
- Да, это я понимаю, но как тот паренек, так и это - оба относятся к тебе.
- Да ко мне.
- Поэтому я просто не исключаю, что могут быть связующие нити, может я ошибаюсь.
- Только я ведь за паренька спросил. Как он там оказался? И еще он был явно мужского пола. А с Душами - мужчинами, я не общался. И тут еще одно но - человек сам, со своей Душой общаться не может. Я уже точно не помню почему, какие-то запреты. Был только один случай такого общения, и то во сне. И то Душа проецируется во сне, как абсолютно незнакомый человек.
- Что ж, хорошо, но если ты описываешь, что почувствовал, будто это ты - значит эта сущность как-то связана с тобой, есть вероятность, что ты его и создал своими желаниями или чем угодно. На счет утверждения по поводу того, что человек не может общаться со своей Душой - не согласен. Кто тогда человек, если не Душа? Вернее так, что ты понимаешь под Душой тогда?
- Видишь ли, я не знаю, как тебе объяснить, что я понимаю под этим, я знаю что это. Поэтому тебе лучше спросить, что такое Душа.
- Тогда так вопрос построим, ты и Душа - это разное для тебя?
- И да и нет, но по факту – да. Так, например, мне двадцать лет почти, а моей Душе сто пятьдесят четыре года.
- А если ты и Душа - одно и то же, значит, ты можешь общаться с ней сколько угодно, без всяких там запретов.
- Тут еще вопрос в том, желает ли моя Душа этого. Вообще я почему сказал про тех людей в прошлом году.
- Опять разделение идет, ты и твоя Душа – одно, что хочешь ты, то хочет Душа. Да, расскажи, я не знаю, откуда такие данные.
- Потому что у них там есть свои запреты. И один из таких запретов - вмешиваться в человеческую жизнь запрещено. Да разделение, Душа очень далеко не всегда хочет того, что хочет человек.
- Скажем, у меня другая позиция по этому вопросу.
- Пускай, я доказывать ничего не хочу.
- А где находится Душа человека? Вот он живет, а где Душа? Просто интересно.
- Эх… - тяжело выдохнул юноша, как бы сознавая мою беспросветную глупость и неосведомленность, - частично в нас, частично на небе. Если какие-то Душевные переживания – хорошие и плохие – они перемещаются в нас, наблюдают, слушают, общаются с Душой человека, с которым общаешься ты, конечно при условии, что он тебе не враг, и ты его знаешь не первый день. Пока мы бодрствуем, они могут общаться через глаза наши, когда спим, я уже не знаю, как они встречаются. Но если люди в ссоре, например любимые, то есть мужчина и женщина, то их души не встретятся, так как барьер

в ссоре людей на них влияет таким образом.
- Примерно обрисовал себе твою позицию. Но, не будем об этом, а то получится спор. По астралу вопросы есть?
- По астралу есть - как сдвинуть точку сознания?
- Надо понимать это, как вопрос "как выйти и тела полностью" или "как выйти сознанием из области головы"? Просто уточняю.
- Из области головы.
- Довольно просто, нужно ввести тело в состояние транса, это когда физическое тело полностью отключено, тогда остается просто взлететь. Поначалу люди часто представляют, будто из их физического тела вылетает такой же астральный двойник, и этим самым зацепляются за плотное тело мыслью, результат - все наружу, голова внутри. Состояние транса можно описать примерно так - представь, ты лег спать, уснул, и вдруг в три часа ночи на улице шум, ты проснулся, подбежал к окну, а там уже все закончилось, ты опять лег и тело моментом провалилось в сон, а сознание еще функционирует - это примерно оно и есть, нужное состояние. Но если растревожить нервы ожиданием "вот, сейчас я попаду в транс!", то ничего не получится, нужно расслабиться.
- Кстати, почему во время попыток выхода всегда все по-разному? Так например, один раз было… Лежишь в кровати, а тебя подхватывает как будто ветер, и очень быстро тебя несет в бок. Ветра, конечно, нет, но ты осознаешь, что подхвачен им, и очень быстро он уносит куда-то. Или вот у меня было как-то, лежал себе спокойно, а меня как давай кружить, как пьяный когда ложишься, и вихри начинаются, вот так… Нельзя ли как-то, чтобы выбрать одно?
- Может в вихрь попал, энергия закрутилась на тебе.
- Забавно... Вот еще такой казус был, если мысленно представлять, что взлетаешь из себя, типа астральным двойником, почему-то, например, руки, торс, голова поднимаются без единого напряжения мышц… Это что? Полу левитация? Или как это объяснить?
- Это астральное тело сильно сцепилось с физическим, вот и тянет его за собой.
- Возможно ли это использовать для левитации?
- Да, возможно.
- Это единственный способ или есть еще?
- Уверен, что есть еще, но я их не знаю.
- Ну, я почему так и подумал, что меня занесло в сторону левитации, я это позже чуток понял. Но мне сейчас как вода нужен полноценный выход. Не для забавы и развлечений... А по стечению не самых лучших жизненных обстоятельств. Но все же, как мне достичь транса? Чтоб голова у меня наконец отлипла. Я было руки уже свои астральные видел... поднимал их медленно, а череп на месте у меня был. Тело астральное в себе слегка поворачивал, очень неудобно было лежать, такое чувство было, что лежишь скривившись.
- Можно упражняться в науке расслабления, можно попробовать проснуться часов в семь, походить, умыться холодной водой и опять лечь. Что поможет тебе - увидишь сам.
- Я по природе своей очень долго засыпаю, примерно с час наверное, а если я еще и встану и умоюсь, пиши пропало. Тебе знакомо понятие, трансклисирование?
- Нет, не знакомо.
- Синоним телепортации. Почему то там это называют этим словом. В теории мне говорили, как это они делают, но мне кажется для нас с нашим телом, это еще сложнее, чем левитация, как думаешь?
- Некоторые Ученые тоже до этого додумались, но не там, а здесь. До левитации тоже.
- Левитация... заманчиво, конечно, но пока этого делать никто не умет. Одно радует, что это вопрос веры, и только скептики уж точно не взлетят над головами, - эта мысль откровенно радовала юношу и награждала его улыбкой, - Поделись своей точной зрения насчет Души, интересно послушать.
- Думаю, что Душа, разум, эмоции и тело - составляют единое целое. Вопрос лишь в том, насколько человек умеет осознавать самого себя. На физическом уровне это выражается в

степени овладения мышечной массой, то есть чем больше мышц ты контролируешь, тем лучше. В эмоциях - степень владения эмоциями. Разум - мыслями. А Душа, по мере осознания, позволяет управлять устремлениями, мотивами, в общем, всем тем, что выше мысли и эмоций. Душа может получать гораздо больше информации, нежели физическое тело. Упрощенно можно сказать, что у нее больше органов чувств. Сложности с осознанием Души возникают потому, что человек не до конца разобрался с более примитивными "орудиями". Душа цельна, условно разделять ее могут противоположные мотивы, это может случиться, если человек носит в себе эгоизм.
- То есть ты не рассматриваешь Душу как отдельную не биологическую форму жизни?
- Как не биологическую - вполне, как отдельную, нет.
- Эмм, тут неточность. Что есть для тебя «отдельно»? Установи грань.
- В том то и дело, что жизнь едина, нет грани. Если существует физическое тело, то Душа, относящаяся к нему, не будет существовать отдельно от него. Отдельно, то есть опосредованно, не воспринимая и не реагируя на сигналы тела.
- Нет, тут ты конечно прав! Если у человека есть Душа, она будет реагировать в той или иной степени. Я просто утверждаю тебе, на своем собственном опыте, и не только, что позиция человека - позиция нашего разума, мозга - не всегда совпадает с точкой зрения Души на один и тот же вопрос.
- Надо понимать, твой опыт говорит о том, что Душа гораздо мудрее разума и имеет свое мнение по каждому вопросу, так?
- Конечно. Душа в любом случае имеет свою позицию, соглашается, так как у них запрет на вмешательство. Душа - это высший разум, который живет в нас.
- Для меня это просто недостаток самоосознания, то есть если человек разовьет сознание, то у него не будет таких двойных мнений между разумом и душой. Высшим разумом я называю Дух.
- Дух и Душа это одно и тоже, по их же словам.
- А по твоему мнению как?
- Я, пожалуй, соглашусь с ними, мне ли спорить с высшими силами?.. Не в этот раз.
- В тебе же тоже есть частичка высшего разума, почему бы нет?
- И что?
- Разберись в вопросе сам, вдруг информацию передали не верно, или исказилась во время передачи.
- Каким образом ее могли исказить? Я информацию получал в полном бодрствовании и слышал ушами.
- Вот, например, я говорю тебе цветок, что ты представляешь?
- Цветок.
- Какой именно?
- Но говоря о духе и душе, там была конкретика, это синонимы.
- Хорошо, понятно, для тебя это синонимы.
- А для тебя?
- Нет.
- Скажи как для тебя.
- Душа - это твое высшее проявление, а Дух - проявление высшего разума в тебе.
- Высший разум в нас и есть Душа или Дух. Наш разум - это то, чему нас в школе научили и дальше по жизни.
- Вот-вот, я и говорю, для тебя это так.
- Думаешь у всех по-разному?
- Вполне, почему бы нет, сколько не встречал народу, у всех что-нибудь да свое.
- Может быть… согласен. А насчет того, что ты говорил, совершенствоваться и попробовать общаться самому со своей Душой, и черпать знания напрямую в себя, так сказать. Я почти уверен, что девяносто девять процентов людей, кто это сможет, сойдут с ума. Я сам, было дело, чуть не сошел, поправлять ситуацию пришлось алкоголем... А

первый раз от общения тело все покрывалось потом. Так что, я думаю, до этого уровня люди дойдут еще очень не скоро.
- Едва ли, в критические моменты жизни каждый человек хотя бы раз осуществлял подобное.
- Что именно?
- Общение с Душой, если брать твои термины.
- Получал знания о вселенной разом?
- Если ты подразумеваешь это под общением с Душой, то да.
- А-а ты, наверное, сейчас говоришь а внутреннем голосе… Да вполне. Но это подсказка, а не общение.
- Ну и что, информация ведь пришла из Души, значит для каждого это доступно.
- Кстати, у Душ голоса другие, смех, разговор другой, не такой как у человека-обладателя. Все для всех доступно по большому счету. Вопрос в этой жизни или нет. Как думаешь, Душа бессмертна?
- Конечно.
- Тем не менее, они умирают.
- В этом мы тоже не сходимся.
- Нет, нет, я не об этом, они бессмертны – да, но умирают только по своему желанию. Но можно и иначе, я, например, очень расстроился, узнав, что моя умрет вместе со мной.
- Это кто же тебе такое сказал?
- Душа моей любимой.
- А сама любимая говорила чего-нибудь?
- Сама любимая во время разговора спит. Я всегда просил показывать ей веселые сны, пока я общаюсь, чтоб ей не было скучно. Ей показывали.
- А, вот оно как. А ты не пробовал самостоятельно представить себя мертвым? Вот мертвое физическое тело, вот эмоции умерли, вот мыслей нет и? Дальше получается? Представишь мертвой свою Душу? А кто тогда наблюдает за этой мертвой Душой со стороны? Ого, да это же ты, значит, ты еще жив, представляем еще, и еще. Хоть весь день, ничего не получится, невозможно представить себя мертвым. Эта информация о бессмертии заложена в каждой Душе.
- Человек когда умирает, остается жить не только его Душа, но и его разум.
- Конечно.
- Вот и думай. Кто может наблюдать.
- Представить разум мертвым можно.
- Блин я уже сам столько запретов нарушил, общаясь с тобой на эту тему… Вот ты спрашивал где живет Душа, да?
- Так не надо нарушать, я же не прошу нарушать.
- Уже поздно. Я просто надеюсь, ты не чернокнижник какой-нибудь, а нормальный адекватный человек. Или я ошибаюсь?
- А кто есть чернокнижник? Тот, кто читает высшую математику?
- Тот, кто черной магией занимается, - рассмеялся юноша.
- Ну, ты что, математика - это то еще колдунство, можно студента до красных пятен довести, а еще, если сказать проклятье типа "не зачет!" или "вам два!", - после этих слов смех юноши усилился, - А если серьезно - не делю магию на черную и белую, магия - это как средство достижения цели. От цели зависит, какой человек.
- А я делю и людей и магию. Есть хорошо, а есть плохо. Давай к астралу вернемся, у меня осталось пару вопросов.
- Давай. Отвечу и откланяюсь, сегодня на встречу собирались прийти многие люди.
- Значит, правильно ли я понял твой совет, лечь расслабиться и не думать о том, что что-то должно отделиться? И дождаться вибраций?
- Да, но при этом не уснуть.
- На спине я сколько не пытался уснуть - у меня не получалось. Физиология. У меня

вообще с уснуть проблемы. А если у меня опять барьер в голове будет? Как исправлять? О чем думать, на что настроиться?
- Значит ты не достаточно глубоко в трансе, думать как раз не надо, надо расслабиться сильнее.
- Проще ли будет достичь транса уставшим?
- Скорее нет, тело будет желать отдыха, ему нужны будут новые силы. А физическое тело, чаще всего, одно не устает.
- Тоже замечал, что даже думать об астрале уставшим каторге подобно.
- Хорошо, спасибо большое, буду пробовать!
- Хорошо. Удачи.
Юноша, было, собрался уходить, но неожиданно его дернула очередная мысль, он вновь присел на диван и сказал:
- Извини, еще раз отвлеку.
- Давай.
- То, о чем мы с тобой говорили, можешь в астрале на эту тему узнать? Сопоставим все для лицезрения единой верной картины? Есть с кем можно было бы это обсудить?
- Скажем, у меня другие пути получения информации, заведомо могу сказать, что та информация, которую я получу, будет отличаться от той, которую получишь ты.
- Почему.
- Считай, что интуиция.
- Почему она должна отличаться? Речь об информации, а не о точках зрения. Информация либо ложная, либо истинная.
- Потому что мы разные люди, к одной и той же цели можем идти разными путями.
- Это не ответ, ладно разберемся. Удачи!
- Точно, разберемся, удачи.
Вот такой у нас вышел разговор. Надо сказать, что гордость этого человека еще не достигла предельной планки, хоть он и сказал, что умеет общаться с Душой своей возлюбленной, а так же имел опыт общения со своей Душой, тем не менее, он допускает, что в мире есть еще два человека, способных на такое. Вообще, я четко стал сознавать, что мы – необычайные везунчики, потому что нам предстоит общаться с людьми «высочайшего уровня просветления».
К счастью, следующий наш собеседник еще не успел осознать себя выше всех людей мира, поэтому общение получилось приятным:
- Здравствуйте.
- Доброе утро.
- Я - начинающий эзотерик, в тетрадях вашего ордена обозначаю себя как Вектор.
- Это мы уже догадались, - улыбнулся Кирилл.
- Вот, от такого счастья забыл о чём хотел поговорить.
- В последнее время активно расспрашиваешь Семена.
- Ага, а вы такие наблюдательные, - улыбнулся юноша.
- Ну, как никак пытаемся следить за событиями внутри оздоровительного центра.
- А я не только его расспрашиваю, просто вопросы задаю, а он добрый, отвечает. А вот, вспомнил! Если не затруднит, можно один вопрос?
- Давай.
- Значит вижу я перед глазами, как бы поверх того что вижу, маленькие точечки. Они бегают по поверхности предметов, особенно относительно ярких, как небо например.
- Партизаны, не иначе.
- Да не говорите! Вот, и другие тоже видят, как я понял из текстов одной из тетрадей. А почему я и некоторые другие их видят, ещё с детства ?
- Причин может быть много, могу предположить вот что: это связано с кровяным давлением в глазах, если мы говорим о том, что ты их видишь именно глазами, и, закрывая глаза, они как бы находятся на "черноте", только меняют свою формо-цветовую

гамму, почему оно может происходить: ну тут много чего, можно человека испугать, что он увидит точки, но в данном случае, думаю, имеет место некоторый особый энергетический поток в голове, который и ведет за собой кровь, создавая аномальное кровяное давление в глазах. Возможно, с детства есть предрасположенность видеть нечто более тонкое, чем просто плотный план, это совершенно нормально, сейчас подрастает более развитое в этом отношении поколение. Так что, то что считалось не нормальным сорок лет назад - сейчас норма жизни.
- Вот не знаю почему, сейчас так весело стало.
- Ну, считай, что это случайное совпадение.
- Хорошо.
- Вот сейчас закрыл глаза, и точек почти не вижу... Только чуть-чуть. И они не бегают по всем глазам, а на месте стоят.
- Ну так, мы же их раскрыли, что они партизаны, ясное дело – перепугались.
- А вы их видите?
- Нет, мой партизаны все уже давно убежали.
- А раньше видели?
- Бывало.
- Уф, спасибо. Хотя бы я теперь знаю, что не схожу с ума… А вы можете читать мои мысли?
- Конечно, вот сейчас ты сидишь и думаешь, могу я или нет. Кстати, можешь обращаться ко мне на «ты», как и к любому из нас, - сказал Кирилл, мы поддержали его предложение.
- Ого! О класс! Какое число я сейчас "думаю"?
- Нет, в эти игры я не играю, фокусы тебе будут в цирке показывать.
- Ясно, спасибо. Скажи, сколько лет ты развивался до такого уровня?
- Вообще заниматься эзотерикой начал не так давно.
- А мне за сколько времени можно развиться духовно, и по способностям до твоего уровня?
- Тебе - это от тебя зависит. Как развиваться будешь.
- А как правильнее? Насколько я понял более приоритетная задача - духовное совершенствование, и параллельное выполнение практик? Вот таким способом хочу развиваться, и уже даже начал.
- Это ты молодец.
- Ой, спасибо. А ты же можешь определить мой духовный уровень, и уже потенциально раскрытые способности, и в соответствии с этим назвать примерное время необходимое для прокачки до твоего уровня?
- Нет конечно, простой пример: вот перед тобой спортсмен, способный, все задатки, и ты прикидываешь что через Х времени он будет мастер спорта, а он раз и бросил все псу под хвост, или же занялся другим видом спорта, или снизил нагрузки или... да мало ли что тут, все от человека зависит.
- А если предположить, что спортсмен будит ежедневно заниматься...
- Опять же, какие особенности его организма? Какой запас прочности? Одних "распирает" от таких режимов тренировок, а другие просто не выдерживают, белка в теле не хватает или еще чего.
- Ну, может быть ты как раз и определишь мой запас прочности, и другие параметры... В соответствии с ними уже назовешь примерное время...
- Конечно, вероятность есть, но ведь делать я этого все равно не буду, ведь это все равно, что дать необоснованную информацию.
- Ну пожалуйста. Хотя бы примерно... Тогда это будит стимулом мне к развитию.
- Вот-вот, ну я же не из вредности не говорю, опыт показывает, что такое людям лучше не говорить, поэтому да хоть сто раз пожалуйста - не скажу.
- Ладно, тогда другой вопрос: еще в школе одноклассник сделал мне "обряд похищения Души", мне тогда было интересно, что это такое, и как это без Души… Вобщем поводил

какие-то круги по моей руке... На одной я ничего не почувствовал, а на второй почувствовал как будто что то из руки выходит, продолжение какое-то... Поначалу не обратил на это внимание, а сейчас одумался... Почитал что это – будешь рабом тёмных... В общем жуть! Как от этого лечиться? Мне Дворянин уже давал рекомендации, но мне бы очень хотелось получить твой ответ, как главы ордена... Помоги пожалуйста. Сегодня обязуюсь больше не задавать вопросов.
- О, - Кирилл заулыбался, - от сего хитрого и "коварного" действа лечимся очень просто. В полночь выходишь на поляну в лесу, главное чтобы был один – а то в больницу или полицию увезут – творишь про себя молитву Царю Каспийскому, поднимаешь правую руку над головой, ладонь к небу, собираешь все свои силы и говоришь: "А пошло это все!" И бежишь оттуда, вообще зачем ты пришел ночью в лес на поляну? Только беги быстрее, а то санитары с белыми халатами - парни сильные. А вообще ерунда все это, не думаю, что одноклассник, то есть еще, грубо говоря, ребенок, не раскрыв в себе действительно весомых сил - нет я допускаю, конечно, что есть гении и вундеркинды, но все-таки не встречал еще, чтобы в столь юном возрасте такое уметь – мог похитить Душу, да и притом, какой абсурд, как он мог похитить твою Душу? Если он ее похитил, то кто тогда со нами общается сейчас? Тело? Или кто? Ну, абсурд же. Ты ведь живой, сидишь, разговариваешь. Все хорошо. Максимум что он сделал, так это мог скачать с тебя энергии немножко.
- Да, скорее всего, энергия это и была... Ну, такое чувство, что прям какая-то часть тела выходит, и идёт к нему... Скорее всего, это была энергия... А на всякий случай, если всё-таки похищена Душа, что делать? Я читал, что они делают связь порабощения, а потом после смерти Душа становится рабом... Хотя возможны манипуляции и при жизни... Я же тоже не хочу быть таким рабом как там пишут... Надо бы подстраховаться.
Тут мы рассмеялись.
- Ой, ты меня смехом со стула свалишь, точно. Это у детей в школе розыгрыш такой: паутинка называется, когда сам учился, тоже его делали, только "души" не похищали. Да успокойся ты, никто у тебя ничего не похищал.
- Да, да точно. Вот как паутина, что-то там водят по ладони а потом бац... А что это такое, и как работает? Паутина это эзотерический приём? Или так, шутка?
- Это детский розыгрыш. Можно еще "пронзание ладони". Сделай вот чего: одну ладонь держи на месте, например, левую, а другой, стало быть, правой, по часовой стрелке ее, то есть левую, потри хорошенько, а потом отогни указательный палец правой руки и направь его точно в центр левой ладони близко к коже, но не касаясь.
- Да, такое ощущение, что там что-то вращается... А «паутину» мне по-другому как-то делали, уже не помню точно как.
- Дело в том, что этот трюк и твоя «паутина» из одной и той же оперы – детских шалостей. Работают эти фокусы на простейших законах энергообмена, Душу так украсть невозможно.
- Спасибо тебе большое! Прям легче стало. А я так перепугался тогда. А потом я еще и в «Родном чертоге» слышал, как темные маги говорили, что "легче склонить ко тьме пару душ, и сразу обрести способности" и всякий бред в этом роде. Еще раз спасибо, сегодня больше не буду докучать вам своими вопросами.
- Удачи.
- И вам того же.
Юноша ушел, оставив приятное ощущение. Что-то из детства расшевелил он в нас, разумеется, мы и сами еще не могли в полной мере претендовать на звание «зрелых особей», но уже и детьми не являлись. Тем временем встречи продолжались, и наш следующий визитер размышлял о великой тайне памяти и воплощения:
- Подскажите пожалуйста, как можно вспомнить свои прошлые воплощения? Методики или еще что-нибудь. Я также хотел узнать, что вы знаете об Огненном Крещении?
- Очисти сознание от иллюзий, знаю понятие очень широкое, но оно подходит, развей

память, ведь иначе как человек вспомнит прошлые жизни, если его память не позволяет ему вспомнить то, что он делал, например, два года назад, и вперед. Огненное крещение, как я его понимаю, это когда Духу человека ничто не мешает изливать Свет в окружающий мир, то есть вся грязь, которая мешала это делать - сгорела.
- Как очистить сознание от иллюзий, если не знаешь, где есть иллюзия, а где ее нет.
- Вот это очень хороший вопрос. Чем больше узнаешь о мире, тем меньше иллюзий о нем остается в голове.
- Получается, я вспомню свои прошлые жизни только в старости? Узнать столько о мире в наше время, когда не знаешь, где правда, а где ложь – займет очень много времени.
- Возможно, и займет. Но если представить, что вот прямо сейчас тебе открылось знание своих прошлых жизней, то что случается дальше? Для чего сейчас нужно это знание, как его использовать? Или это есть конечная цель? Если человек не знает, где иллюзия, а где нет, то разве следует ему сказать, что на изучение этого вопроса уйдет слишком много времени, и как потаенное следствие, что это время уйдет на второстепенную цель познания мира, отодвигая на второй план главную цель - ознакомление с собственной историей? Или может есть мысль, что узнав свои прошлые жизни, человек лучше узнает себя, может и так, однако все, что человек наработал в прошлом, у него есть в данный момент. Неужели время, затраченное на изучение мира можно считать растраченным впустую? Или возможно ли сожалеть о полученном опыте познания мира, даже если на это ушло очень много времени? Очевидно, можно, если поставить перед собой иные цели. Природа мудра, все в этом мире происходит в свое время: в свое время распускается яблоня, происходит половое созревание особей, в свое время светит Солнце и замерзает вода. Попытки вмешаться в ход природы и диктовать ей свою волю ведут к катастрофам: экологическим, социальным, самым разным. То же и с человеком.
- Если человек вспомнит свои прошлые жизни, то ему не придется строить то, что уже построено - заново. Если я в прошлой жизни познавал мир, то зачем мне начинать все сначала, а не просто продолжить с того места, где я остановился. Получается, что я буду познавать мир при каждом воплощении, каждый раз начиная с одной и той же точки. Я хочу вспомнить только последнее свое воплощение, которое было перед этим. Знаю, что есть люди которые вспоминают свои воплощения не тратя на это всю жизнь. Я уверен, что ты тоже помнишь свои воплощения, так разве ты тратил на это десятки лет?
- Что у тебя на воспоминание уйдет вся жизнь - решил ты, я же просто сказал, что для этого нужно накопить знания в области распознавания иллюзорного от не иллюзорного. Совершенно не обязательно начинать все сначала. Опыт забыть невозможно, в этом я убедился в течении жизни. Единственное, что придется начинать сначала - это общеобразовательный процесс, не потому, что не знаешь, а потому что "так положено". Если уж тебе так важно вспомнить, то я поясню, почему следует убрать шелуху из сознания. Вот представь себе, копаешься ты в своих информационных полях, считываешь данные о прошлых воплощениях, подразумевается, что память у тебя функционирует уже хорошо, и тут видишь картину, как ты - большой и могучий король, вручаешь своему вассалу золотой кубок, а на самом деле ты был купцом средней руки и подал небольшое пожертвование бедняку – это самый банальный пример искривления информации. И подобных искривлений может быть масса. Так вот, чтобы их не было и нужно чистое сознание. А опыт Души никуда не девается и ничего сначала начинать в этом плане не надо, иначе процесса эволюции Души просто не было бы, посуди сам, где тут эволюция, если каждый раз как первый?
- Ты мне можешь помочь очистить сознание? Например, подсказками или прямым руководством к действию. Я просто не знаю как правильно или не правильно. Я надеюсь, что ты мне поможешь.
- В качестве помощи могу посоветовать изучить человеческую анатомию, это поможет избавится от многих иллюзий и откровенного незнания функций и взаимодействий органов, нервной системы и всего организма. Так же анатомия позволяет понять многие

эзотерические практики на более глубоком уровне. Далее крайне полезным является изучение психологии как отдельного индивида, так и масс. Это позволит лучше понимать процессы в обществе, процессы внутри своей психики и вообще очень полезное знание. А далее развитие способности проникать в информационные поля людей. Как это сделать человек сам догадывается, если делает это искренно из Доброты. Во всех других случаях, когда есть корыстный умысел, даже в том случае если человек свято верит, что он уж точно не носит корысти, но у него "почему-то" ничего не получается - вот такая вот локальная несправедливость всего мира по отношению к несчастному "святому", используются несколько другие способы вторжения в информационные поля, о которых я рассказывать не буду. Когда же сможешь вникать в информацию других людей, то тебе уже не составит труда прочесть и самого себя. Разумеется это лишь примерный план, не носящий ничего "обязательного" и "догматичного". И тем более ни к чему не обязывающий тебя, уверен, что ты в состоянии самостоятельно проанализировать свою жизнь и составить в сто раз лучший план для себя. Также, на всякий случай скажу, практика показывает, что говорю я это не зря - никого ничему учить не собираюсь в ближайшем будущем. Все что я предлагаю является советом, а не руководством.
Юноша попрощался и удалился, хотя, я думаю, он ожидал немного другой разговор. Не то, чтобы я не понимал стремления таких людей, ведь и сам когда-то мечтал выйти в астрал, вспомнить все и сразу, освоить левитацию и еще сотню других вещей, пока общество князей не вбило в мою голову кое-какое понимание процессов Жизни, но давать им ломовые техники, после которых человек, в лучшем случае останется неадекватным, а зачастую покончит с собой… Тут уж простите, не мой профиль. Да и потом, обиды все равно не избежать: не скажешь сейчас – обидится будучи в воплощении, скажешь сейчас, разрушив тем самым стабильность его сознания – обидится после воплощения, а если результат одинаков, то зачем совершать сознательную пакость по отношению к человеку.
Последним на сегодня визитером был еще один юноша, правда, постарше своих предшественников. Вообще, ситуация с посетителями сложилась довольно странная: обычно девушки быстрее выискивают всевозможные лазейки, рассказывают о них подругам, разумеется «по секрету», а в итоге все уже давно обо всем знают, в отличие от мужчин, в данном же случае все произошло, судя по всему, наоборот. Итак, наш визитер…
- Познакомился я давеча с интересной группой людей: лидеры считают Сефиротическую Магию единственным вариантом развития, не безосновательно - а на примере своего опыта, и, соответственно, привлекают адептов. Ведут одну группу развития, не бесплатно разумеется, но цена невысокая, помимо этого оказывают помощь - консультационную и удаленное воздействие, индивидуальные сеансы работы с кармой, энергетикой, психологией, в целом серьезный подход. Поскольку я набрел эту информацию не спроста - а задумавшись о смене своих проблемных алгоритмов поведения, что и является основным вектором совершенствования этих людей - подумываю присоединится к группе развития, занятия которой проводятся посредством лекционных занятий и переписки. Однако что-то мне определенно не нравиться, не могу понять что именно, то ли жесткая фиксация на идее, то ли специфический эгрегор... ну никак не могу сообразить.
- Хорошо, для начала расскажи поподробнее об этой сефиротической магии, - сказала Настя.
- Сефиротическая магия основывается на работе с деревом сефирот и его каналами или арканами - проводниками определенных человеческих качеств. Как описывает работу с каналами один из лидеров - настраиваются на глиф карты таро и происходит включение в канал с соответствующим изменением качеств сознания. Несколько замаялся я уже со своей отсутствующей мотивацией к чему-либо... не могу понять и выбрать, чем хочу заниматься. Потому и кажется, что не случайно на эту группу вышел. Собственно странным в мировоззрении ведущих группы кажутся две вещи: первая - жесткая фиксация во мнении, что сефиротическая магия - самый реальный и надежный путь, второе –

человек-ученик управляется эгрегорами, от которых и получает управляющий сигнал, все та же мотивация и прочие.
- Мое мнение на счет подобных вещей очень простое - отрицательное. Так как считаю, что истинные полноценные знания человек может обрести лишь сам, а если уж ему помогает учитель, то ему хорошо бы быть рядом физически, по крайней мере, до тех пор, пока ученик не в состоянии самостоятельно и постоянно пребывать в атмосфере учителя. Элементарный момент, как учитель путем лекционных занятий и уж тем более переписки научит тебя мудрости не применяя при этом личный пример в делах простого дня? К картам таро отношение еще отрицательнее, чем к подобным способам обучения.
Довольно интересный момент - как карта может наделять сознание какими-то качествами, как она может пребывать в канале и передавать через себя энергию? Вообще таро - это эгрегор, по которому, по крайней мере сейчас я так считаю, людям сливают далеко не первосортную информацию, и с помощью которого людьми управляют. Если угодно, то своеобразная религия - поклонение картам, которые наделяют всякими там благостями, - сказал я.
- Как я понял - вхождение в канал идет по настройке на глиф карты, это собственно и есть епархия эгрегоров. Тут они ничего не отрицают, однако дополняют что лучше ходить под крутым эгрегором сефиротической магии или наследием Атлантов, чем под мелкими и слабыми прочими эгрегорами. С другой стороны, есть определенный список людей которым они помогли- по крайней мере эти люди встали на ноги после довольно тяжелых физических и психических травм. Как пример – член вашего ордена Беркут. Ах да, есть у них еще один отрицательный момент- деление людей на касты по косвенным признакам бытия.
- Может им это и помогает и является полезным, правильным, верным и так далее и тому подобное, но есть люди, у которых и без карточных эгрегоров все замечательно. Потому не вижу причин, от чего бы у других людей была нужда вступать в данные разменные колоды.
- Знаешь, честно говоря я первый раз увидел группу людей-эзотериков с реальными результатами работы, это и подкупает.
- Реальные и напоказ - разные вещи.
- Вот здесь я и не могу понять что "реально", а что "напоказ". С одной стороны отзывы людей очень положительные, с другой стороны эта жесткая привязка и прочие мелкие неприятные моменты. Сегодня у них свободная лекция, можешь ради интереса послушать. Я там буду и постараюсь лично для себя определиться. В любом случае лучше пробовать и делать ошибки, чем сидеть на месте, чем я страдаю.
- Что именно они там совершают с людьми - не знаю, не возьмусь сказать, может они и есть волшебники алмазных гор, а может и нет. Лекцию их я слушать вряд ли буду, мне есть чем занять свои мысли и более того, есть цель и средства к ее достижению.
- Не секрет какая цель? Я же пока не определился ввиду личностных косяков, посижу на лекции. Кстати удачная метафора насчет волшебников алмазных гор.
- Цель, звучит, конечно, широко - приближение к Божественному. Более точно - самосовершенствование. Все становится куда проще, когда осознаешь собственную Душу.
- А что ты можешь сказать на счет проблем с мотивацией и самомотивацией? Это похоже на лень, отсутствие энергии к действию, если не она и есть. Огромнейшую кучу проблем уже схватил...
- На счет мотивации - тебе должно нравиться то, чем ты занимаешься, нравиться совершенствовать себя именно в этом ремесле. Вот мне нравится фехтование и единоборства, я их с удовольствием развиваю, лени в этих начинаниях не наблюдаю. А эзотерику сюда прикрутить - простое и приятное дело.
Юноша ушел, время, отведенное для бесед подошло к концу, и мы направились в имение. Во время послеобеденной прогулки мы заговорили о путях развития людей.
- Довольно интересно наблюдать за тем, как люди ставят себе цели на пути развития, -

начал Кирилл, - Ведь все, по большому счету, желают одного и того же – расширения сознания, тонкую чувствительность, сильные тела… Но один для этого желает общаться с собственной Душой, преодолевая какие-то запреты, другой – вспомнить прошлые жизни, третий – обрести мотивацию и так далее. Неужели невозможно выделить какие-нибудь общие принципы, используя которые любой человек сумел бы достичь истинного знания?
- Возможно, - ответила Настя, - более того, все уже выделено и размерено. Если ты не собираешься вращаться в среде городов и деревень, то тебе прямой путь к учениям йогов, если же наоборот – желаешь трудиться среди людских масс, то внимательнее прислушивайся к советам князей. Интересный момент в том, что все люди разные в своих проявлениях и желаниях, но Любить умеют все, во всяком случае изначально, поэтому Любовь может быть отправным пунктом развития для любого человека, на какой бы ступени развития он не стоял.
- Это верно, но, к сожалению, невозможно записать в книгу «нажми здесь, встань вот так и польется из тебя Любовь в семь потоков», - отозвался я, - Написанный текст может рассказывать о результатах деятельности Любви, о том, как хорошо человеку, пребывающему в Любви, даже почувствовать Любовь автора строк, но все это будет напрасно, если человек не вскроет свое сердце, не начнет сам источать Любовь. Вообще, я думаю, что человечество еще не скоро осознает бесценность Любви. Еще очень и очень долго будут ходить по Земле люди, читавшие и слышавшие о «чудесах» Любви, но не верящие в Любовь лишь потому, что сами не испытали Ее. Конечно, человек может думать, что он осознал всю важность Любви, но если он не применяет это знание в повседневности, то, разумеется, ничего он не осознал, а лишь дурачит себя.
- Да, - сказал Кирилл, - все заблуждения не вытравить из людских голов, да это и не нужно, гораздо эффективнее развивать в них что-нибудь истинно значимое, правдивое, как вы сказали, Любовь, тогда и заблуждения сами уйдут.
Мы еще о многом поговорили, конечно же, тренировались, посылали теплые пожелания друзьям, сливались в Гармонии с природой во время прогулок.
Понедельник у нас был занят с Федором, дело в том, что до управления дошла информация о буйной семейной ссоре в нижней части города, а так как серьезных дел сейчас мы с Орловым не вели, то решили развеяться и скататься к этим озорникам.
- Федор Яковлевич, – обратилась Настя, - Вы давно работаете в полиции, скажите, на какой основе возникают подобные ситуации в семье у людей?
- Практически всегда основой является алкоголь. Мне уже примерно представляется картина преступления: старый, местами прогнивший деревянный дом, немытые комнаты и печь, простая самодельная мебель, бедное убранство, стол, на нем бутылка, может быть, и не одна, кое-какие продукты для закуски, острый запах перегара и еще невесть чего. Обитатели: мать, отец, сын, гости были, но уже разбежались. Ситуация заключается в том, что сын с отцом повздорили, завязалась перепалка слов, затем драка, сын схватил нож со стола и ударил отца в живот, мужчина упал, согнулся, зажал рану руками, дальше крик, писк, обвинения, попытки помочь, промывание раны… Поверьте, если бы на столе не было алкоголя, то и драки бы не было, потому что алкоголь пробуждает в человеке животное. Вспомните, вы ведь еще ни разу не слышали в управлении, чтобы сын напился воды или наелся супа, и после этого зарезал отца или мать. Ведь не слышали, верно? Потому что суп и вода не превращают человека в зверя, не отключают способность трезво мыслить. Было бы в моей власти – запретил бы алкоголь по всему миру. Пусть люди живут спокойно, здоровыми и умными. Алкоголь ведь сильно влияет на здоровье и ум человека. Допускаю, сперва это не заметно, человек по молодости может пьянствовать хоть каждую неделю и оставаться лучшим учеником в университете, но со временем алкоголь берет свое. Обращали внимание, что у пьющих людей лица красные, почти бардовые? Это от того, что алкоголь заставляет капилляры лопаться в голове, закупоривает маленькие участки мозга кровяными тромбами. В итоге участки мозга отмирают и выходят из организма через мочеполовую систему. Вообще, я подробно

изучал этот вопрос, и могу с уверенностью сказать, что у человека нет необходимости принимать алкоголь, даже в малых количествах «для здоровья» или «для аппетита».
Что тут сказать, Федор оказался пророчески прав: мы застали именно ту картину, что он описал по пути к месту преступления. Более-менее протрезвевшая семья роилась над раненым мужчиной, переполненный чувством вины сын искал оправдания своему поступку. Пока Орлов осматривал помещение, беседовал с женщиной и ее мужем, мы решили поговорить с зачинщиком нашего путешествия. Сам зачинщик был невысок, довольно плотного телосложения, в основном из-за жира, потому как обмен веществ уже был нарушен, черноволосый, лет двадцати пяти, в глубине Души добрейший человек.
- Как тебя зовут? – спросил я.
- Фомой, ваша милость, - ответил испуганным голосом юноша.
Меня немного удивило обращение «ваша милость», может быть я был одет как «милость» или он просто опасался наказания за совершенное деяние.
- Фома, расскажи нам, как все было.
- Мы собрались вечером в воскресенье, нужно же отдыхать простому крестьянину, сели за стол…
- Мы – это кто? – уточнил Кирилл.
- Мамка, папка, я да двое друзей – мужчин: Витька и Степка с соседнего двора. Ну, мы выпили за трудовую неделю, за здоровье, за друзей… А потом папка сказал, будто я плохо работаю, что он зря меня кормит и так далее. Решил показать свою власть перед друзьями, вроде того, смотрите, как я сына выдрессировал, что ни скажу, со всем соглашается. А меня это сильно бесит, он это знает, и вот все равно решил себя показать. Ну, я сказал ему, что это – ложь. Он взбесился, начал орать, руками размахивать, тут я схватил нож и ударил его в живот.
- Неужели было необходимо бить ножом?
- Да я сам не знаю, что на меня нашло, так-то я не злой, а тут прям как вскипело все внутри.
- Хорошо, раз ты знаешь, что отец ведет себя вызывающе, когда выпьет, то зачем было садиться с ним за стол? Подождал бы, пока они выпьют все, что хотели да разойдутся. И отец цел и голова не болит.
- Как же так, ваша милость? А отдохнуть? Разве я не заслужил?
- А отдых без алкоголя разве немыслим?
- Как же без него? Это ведь наша история, отцы наши пили, и отцы отцов, значит и нам положено.
Юноша искренне отвечал на вопросы, но в голове у него вертелась лишь одна мысль – о наказании.
- Нет, Фома, исконно русские люди не почитали пьющих, вообще русский человек был чист, силен и остр умом. Пьянство постепенно насадили нам внешние силы, желавшие ослабить самый непокорный народ. Ослабить нужно было потому, что победить в сражении русских было невозможно. Подумай сам, что тебе ближе – Доброта и Любовь или ярость и гнев? Разве тебе приятно наносить вред людям, ты и так весь извелся от совести, после того как ударил отца, зато ты искренне радуешься, когда отец, мать и ты вместе трудитесь, когда поддерживаете друг друга.
- Ваша милость, мне, конечно же, противны ярость и гнев, и вы правильно сказали, что совесть меня съедает об отце. Я не образован и не знаю, как жили наши люди в давние времена, но как я могу пойти против устоявшейся традиции.
- Устоявшейся, а кто ее установил? Если тебе противны проявления этой традиции, если эта традиция заставляет людей резать друг друга, то зачем она нужна? Стало быть, традиция вредит народу, а значит, установлена вредителями или глупцами. Скажи, часто ли ты видел, что люди ссорятся, будучи пьяными?
- Да, очень часто, у нас это почти что каждый день.
- А чтобы трезвыми люди бились, видел?

- Видел, но редко, этим больше разбойники занимаются.
- Так почему бы тебе не показать пример своим друзьям и знакомым, пусть видят, как может жить человек без пьянства, пусть завидуют твоему здоровью, острому уму и доброму сердцу. Ты же сам видел, как люди превращаются в зверей под влиянием пьянства, ты и сам впал в ярость под влиянием алкоголя, ты хорошо знаешь все неприглядные стороны пьянства, так почему теперь тебе нужно сидеть и продолжать губить свою жизнь? Восстань, подай пример, подними забытую удаль в родном народе, пусть все знают, что пьянство – традиция насаженная вредителями, врагами народа русского.
- Складно вы говорите, ваша милость, да только что я – простой крестьянин – могу? Вот если бы какой-нибудь знатный господин обратился к народу…
- Народ не послушает знатного господина, потому что люди помыслят в сердцах своих: «Да что ты знаешь о нашей жизни? Пойди, поживи в нищете, вот там посмотрим, как ты запоешь. Поди, первый будешь пьянствовать!» Разве нет? Народ скорее послушает такого же человека, из каких состоит сам. Вопрос даже не в том, кому лучше сказать народу, а в том, имеешь ли ты возможность не сказать своим друзьям об этом, коль узнал и увидел пагубность пьянства? Кто ты будешь, если станешь бороться за народное здоровье – герой, а кто ты будешь, если, узнав правду, станешь скрывать ее от народа?
- Гадом последним, - в глазах юноши загорелись огни Любви к Родине, к народу, было видно, что он твердо решил бороться, - Ваша милость, как вы все умно говорите! Умел бы я так же – в миг бы всех уговорил и убедил. Но ничего, буду делать так, как умею, буду!.. – тут юноша поник, вспомнив про грядущее наказание.
К нам подошел Федор, уверен, он слышал наш разговор, но виду не подавал.
- Фома, ты хотел, чтобы тебе о пьянстве сказал знатный господин – вот перед тобой Федор Яковлевич Орлов, главный сыщик города и начальник всего полицейского управления, как, довольно тебе заслуг этого господина, чтобы считать его знатным?
Юноша, и без того сидевший прямо, в нервном напряжении, теперь вытянулся в струну, хотел, было отдать земной поклон, но Федор его удержал:
- Это лишнее, лишнее… - юноша остался на месте, но глаза поднимать не смел, - Посмотри мне в глаза, земляк, - разумеется, слово «земляк» Орлов сказал специально, но эффект, который всего одно слово произвело на человека, заставил меня задуматься о собственной неуклюжести в общении с людьми.
Фома поднял полные слез глаза и благоговейным трепетом смотрел на сыщика, знатного господина, поставившего себя наравне с ним – простым крестьянином.
- Ответь мне, раскаиваешься ли ты в содеянном?
- Раскаиваюсь, всем сердцем раскаиваюсь! – вскрикнул юноша, упал на колени и взял Орлова за руку.
- Тогда поднимись, - Федор помог юноше подняться, - и внимательно слушай: если твой отец простит тебе, то участь наказания тебя минует. Но ты, совершивший нападение пьяным, раз и навсегда отречешься от алкоголя. Потому что пьянство губит твое здоровье, твой ум и превращает в животное.
- Отрекусь! Уже отрекся! Мне, ваша милость, уже все объяснили, теперь я буду бороться за народ!
- Что ж, хорошо, тогда пошли на суд, и пусть отец решит судьбу сына.
Надо ли говорить, какое решение принял отец, протрезвевший, раненый, раскаявшийся в том, что довел сына до бешенства. Мы уехали, оставив в доме расстроенную женщину, раненого мужчину и будущего борца за народное здоровье.
- А вы молодцы, - начал Федор уже по дороге в управление, - Обычно все куда типичнее: раненый сгибается от боли, проклиная обидчика, обидчик, онемев от ужаса свершенного, сидит и бездумно смотрит то на тебя, то на жертву, а в глазах лишь боль и жажда вымолить прощенье.
- Если уж молодцы, - отозвался я, то уж точно не мы одни. Нам еще учиться и учиться у

вас искусству общения с людьми.
- Тут нечему учиться, Дмитрий. Большинство людей внутренне чувствуют, что все мы равны перед Жизнью, поэтому когда перед ними признаешь эту простую истину – в сердцах вспыхивает огонь, давно позабытый огонь Правды. Человек чувствует, что ты говоришь искренне, что ты говоришь правду и раскрывается к тебе всем сердцем, особенно если по условным устоям жизни ты выше, чем он. Люди любят правду, Дмитрий, любят понимание и Доброту, и, конечно же, Саму Любовь. Правду гораздо сложнее доносить до тех, кто, по условным общественным устоям выше тебя, тогда правда расценивается как попытка унизить человека, снять его с высот общества и поставить рядом с собой. В данном случае юноша оказался не только «ценителем правды», но и весьма умным человеком, это было видно из его манеры выражать мысли – четкая, ясная речь, законченные предложения, последовательность и логичность суждений.
- Спасибо за совет и наблюдения, я обязательно воспользуюсь ими.
- Не за что, Дима, не за что.
- Как вы думаете, Фома сможет бороться или сломается? – поинтересовался Кирилл.
- Думаю, что сможет. Сперва он возьмется за родителей, те, естественно, пошлют его подальше, потому как убеждены, что ребенок всегда глупее родителя. Огорченный этим обстоятельством, Фома начнет вести беседы с близкими друзьями, где будет иметь успех, а дальше покатится.
- Даже больше скажу, - вступила в разговор Настя, - Он повстречает Репухова, а вместе им будет куда легче действовать.
- Опять интуиция? – улыбнулся Федор.
- Опять она.
- Что ж, должен признать, что и я предполагал такой вариант развития событий, однако, считал его лишь вероятным, теперь же я понимаю, что он неизбежен. Когда вы сказали о Репухове, логический ум тут же выбрал в сознании нужные аргументы и факты, сводящие все к тому, что эти два человека, рано или поздно, встретятся. Интуиция, словно универсальная логика, в отличии от доступной нам логики, она обладает гораздо большим спектром информации, и на основе этих данных делает выводы, а уж потом подает их нам в виде готового решения.
- Если вам так приятнее, - смеялась Настя.
- Может быть, поделитесь с нами своими наблюдениями по поводу детей и родителей? – спросил Кирилл.
- Поделюсь, но что именно вас интересует? И потом, вас не смущает, что на данный момент детей у меня нет, - Федор на мгновение помрачнел, вспомнив картину из прошлого.
- Нет, не смущает. А интересуют те предрассудки, которые питают дети к родителям и наоборот.
- Дети, особенно если в семье один ребенок, очень требовательны к родителям. Часто они не понимают, на какие подвиги идут родители, чтобы раздобыть ребенку сладостей, игрушку и так далее. Так же дети не в состоянии понять картину мира взрослого, а взрослые уже позабыли, как они видели мир, когда были детьми – отсюда очень много споров в семье. Потом родители, бывает и такое нередко, сами того не сознавая, используют ребенка, как возможность прикоснуться к Чистоте, которую они сами уже давно потеряли. От ребенка требуют понимания, послушания и так далее. Сложность в том, что правыми себя считают обе стороны: дети – потому что они так чувствуют, так им подсказывает Мир, или же просто из эгоизма, из невозможности увидеть ничего вокруг, кроме своих желаний, а взрослые – из опыта прожитых лет и мировоззрения. К сожалению, родители часто забывают, что их опыт жизни – уникален, и второго такого человека просто нет на Земле, поэтому вложить свой опыт в ребенка – бесполезная затея, все равно у ребенка будет свой опыт, не похожий ни на чей другой. Сегодня мы лицезрели

предрассудок, заключающийся в том, что родитель верил, будто его сын – его собственность, а значит с ним можно обращаться как угодно. Сын, как любой нормальный человек, внутренне был против того, чтобы считать себя вещью и всячески этому противился. По большому счету конфликт-то вышел из-за отца: мужчина до сих пор не может признать в сыне человека, свободную, самостоятельную личность, с правом мыслить и вершить свою судьбу. На самом деле, это очень серьезная опасность, если родителю удастся убедить ребенка в своей недееспособности, то в зрелом возрасте мы получим или полностью аморфное существо, или человека с расстройством сознания. С другой стороны, если потакать ребенку во всех прихотях, то мы получим глупого, вредного и гордого человека. Вообще вопрос родителей и детей очень сложен, часто в таких делах нет однозначно правой и виноватой стороны, все в чем-то виноваты и в чем-то правы. Обычно, взаимная требовательность не дает людям понять друг друга, особенно связанных родственными узами.

После этой речи я еще раз вспыхнул Любовью к своему отцу, стремившемуся сделать из меня самостоятельного человека, а не амебу на поводке, как, наверное, мечтала мать.

В остальном день прошел по прежнему графику, так же и следующий.

В среду мы отправились в центр или орден, как его до сих пор называли его участники. Рядом с домом нашему взору открылась довольно интересная картина: двое юношей вели оживленную беседу, прислушавшись, мы поняли, что они спорят, при этом один несознательно выводит другого из спокойствия:

- Не понимаю, как ты можешь так рассуждать? Если бы ты читал хотя бы элементарный учебник биологии, то сразу бы догадался, что все люди устроены одинаково, - говорил несознательный агрессор.

Собеседнику такой тон явно не нравился, он, скорее всего, согласился бы с оппонентом, если бы тот не перешел на личности, косвенно обвиняя юношу в глупости и необразованности.

- Как же одинаково? У всех все по-разному! Вот например у меня волос одного цвета, у тебя другого, глаза у нас разного цвета, форма тела разная, внутренние органы работают по-разному, сердце стучит по-разному. Если смотреть на вещи как ты, то дорогой экипаж с бубенцами и деревенская кляча – тоже одинаковы!

- Что ж ты так мелко мыслишь? Хорошо, что мы – друзья, и я тебя знаю, иначе подумал бы, что у тебя заужено сознание.

- Значит у меня заужено сознание, по-твоему?

- Разве я так сказал? Я сказал, что если бы я тебя не знал, то подумал бы так.

- И что же означает эта твоя фраза про сознание? Ко мне она, конечно же, не относится, и оскорбить меня ей ты, конечно же, не хотел.

- Конечно, не хотел, я просто говорю, что так, как ты ведешь себя сейчас, обычно ведут себя люди с ограниченным сознанием, но это еще не означает, что у тебя оно ограничено.

- Ах, вот как! Значит, ты – весь такой мягкий и пушистый – вначале обзываешься, а потом говоришь, что это все вовсе не про меня.

- Ты знаешь, сейчас ты ведешь себя так, будто у тебя комплекс неполноценности.

- И сейчас, конечно же, это было не оскорбление, а, вроде как, сведения о том, что у большинства людей, которые так себя ведут, есть комплекс, да?!

- Да.

- Тогда меняй свою манеру общения, потому что я считаю ее лицемерной. Вот, скажу я тебе, мол, если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты тупой как пень.

- Учитывая интонацию и выражение твоего лица, я понимаю, что ты хочешь меня оскорбить.

- Ах, вот теперь как! Значит, когда я так говорю, то оскорбляю тебя, да?

- Да, ты просто не видишь себя со стороны.

- А ты, стало быть, видишь?

- Нет, но я общался со многими людьми и никто не реагирует, так как ты.

- Ну, понятно, значит, это у меня страшно не адекватное восприятие твоей белой и пушистой личности.
- Разве я так сказал? Я сказал…
- Хватит, достал уже выворачиваться! Если тебе больше нечего по делу сказать, то нам лучше попрощаться.
- Как нечего, конечно есть, что сказать. Если бы ты меня не перебил…
- Опять на личности переходишь?
- Нет, и не думал.
- И спорить не думал?
- Я вообще не спорю, а только объясняю свою точку зрения.
- И в процессе этого не переходишь на личности и не обзываешься, да?
- Конечно.
- Ну, великий гуру, все понятно. Знаешь что, я тоже общаюсь со многими людьми, но такая реакция у меня только на тебя.
- Это потому что ты не общаешься с ними достаточно глубоко.
- Ладно, глубокий ты наш, говори что хотел.
- Так вот, при попеременном дыхании через ноздри, тепло поднимается от копчика к солнечному сплетению, а не идет вверх по позвоночнику.
- Но если у меня оно идет именно по позвоночнику, что мне теперь, повесится?
- Нет, но следует обратить внимание на технику, может быть, ты что-то делаешь не так.
- А почему ты уверен, что сам все делаешь правильно?
- Потому что так написано в книге.
- Но книга не может учесть особенностей всех людей.
- Мы возвращаемся к тому, с чего начали, говорю же, люди все одинаковы.
- Ох, как же ты меня довел. Вот видишь ты воробья и сороку рядом – они что, одинаковы?
- По сути – да.
- Ух, ты как заговорил, «по сути», по сути все одинаковы, потому что состоят из одних и тех же мельчайших частиц, в каждом есть частичка Жизни и так далее. А в конкретном материальном мире они разные, и люди все разные, понимаешь, все! Нет одинаковых.
- Да как ты можешь такое говорить?
Не знаю, чем бы закончилась эта беседа, если бы мы не вмешались. Юноши тут же узнали нас, поприветствовали и замерли в ожидании.
- В чем вопрос? – спросила Настя.
- Он мне говорит, что все люди одинаковы, а я… - начал было оправдываться доведенный юноша.
- Нет, вопрос, из-за которого вообще начался разговор.
- Дело в том, что при дыхании попеременно ноздрями, у меня энергия от копчика проходит по позвоночнику вверх, а мне тут сказали, - юноша зло посмотрел на собеседника, - что она, оказывается, должна проходить в солнечное сплетение и нагревать его.
- Совершенно не обязательно. Более того, солнечное сплетение можно «нагреть» одной только сфокусированной на нем мыслью. А энергия вполне может подняться из копчика по позвоночнику, не затрагивая солнечное сплетение.
- Ага! Понял! – воскликнул обрадованный юноша, повернувшись к своему обидчику.
- А может и затрагивать, - добавила Настя.
- Так от чего же это зависит? – поинтересовался любитель споров.
Вообще от этого человека в данный момент было ощущение, словно он ищет способа, чтобы вступить в спор, колоть выпадами противника, доказывать свою правоту, показать книжные знания и опыт жизни.
- Это зависит от самого человека. Например, если вы верите, что бег по утрам оздоравливает организм, то так и будет, а если вы уверены, что бег по утрам способствует травмированию суставов и сухожилий – то для вас будет именно так. Вы сейчас желаете

поспорить, но вы ведь ни за что не согласитесь, что ваша Душа и Душа вашего друга – абсолютно одинаковы. А если так, то и все остальное у вас различно в этом плотном мире. Спросите почему? Потому что Душа – первоопределяющий фактор для построения тела, уж не говоря о том, какая энергия куда должна пойти.
Спорщики разошлись, а мы двинулись к Савелию, мужчина дал подробный отчет о деятельности центра, сам выглядел свежо и бодро.
- Господа магистры, - обратился он к нам, поначалу мы не желали звания «магистр», но Савелий настоял, уверяя, что хоть как-то называть нас нужно, а меньше чем на магистров он не согласен, - Хочу от всей Души поблагодарить вас за Корнея. Если бы не вы, он бы никогда не попал в наш центр, а теперь мы с ним – лучшие друзья, а еще он – самый трудолюбивый ученик, думаю, что с таким рвением он скоро станет преподавателем. А еще, у меня для вас сюрприз, - мужчина улыбнулся и начал потирать руки от нетерпения.
- Сюрприз, - улыбнулся я, - какой же?
- Извольте угадать, - с лица мужчины не сходила улыбка.
- Верно, вы прячете в соседней комнате Петра Григорьевича Игнатова.
От этих слов лицо Абдулова вытянулось, рискуя превратиться в вопросительный знак, мужчина еще не успел привыкнуть к нашей, как говорил Федор, «догадливости».
- Вижу, сюрприз не удался, - немного расстроенным голосом произнес Савелий.
- Зато удалась приятная встреча, - улыбнулась Настя, - Петр, выходите.
Демид в самом деле скоро показался, сияя улыбкой, приветствуя нас, как старых друзей.
- Вижу, вы хватки не потеряли, - шутил наш гость.
- Служба у нас такая, - отшучивались мы.
- Верно… Это верно…
Мужчина хотел сказать на счет преподавания, но не мог подобрать слов.
- Первые три недели можете трудиться в качестве преподавателя излюбленных вами направлений йоги, кроме заклятий, проклятий и прочей деструктивной деятельности. Если за три недели вы покажете хороший результат, то получите жалование и постоянное место приложения ваших преподавательских талантов, - ответил я.
Сперва мужчина удивился, но скоро собрался и сказал:
- Мне остается лишь спросить, когда я могу начинать?
- С понедельника, то есть с шестнадцатого числа, а пятого апреля, когда вы продемонстрируете свое мастерство, получите жалование и, так сказать, официальное назначение от Савелия.
- Ну, магистры, - удивлялся Абдулов.
- О, еще что, видели бы вы их в момент сражения… - поддержал Петр.
- Господа, - обратился, улыбаясь, Кирилл, - уверен, что равным вам в произношении хвалебных речей не сыскать во всем городе.
- О, так вы держитесь нас, мы вас мигом всему обучим, - поддержал шутку Демид.
- Да вы сегодня – Сама Доброта.
- От чего ж сегодня, я и раньше… и завтра, тоже…
- Вот и славно. Может быть, вы еще и от обеда не откажетесь? Здесь неподалеку есть замечательный ресторан.
- С удовольствием!
И мы впятером отправились обедать. За трапезой Петр поведал о своих приключениях после того, как покинул город. Мужчина признал, что за время работы на орден он совершенно оторвался от простого народа, и вообще смотрел на людей как на способ заработка, удовлетворения своих потребностей, но не более. Рассказал, как обрадовался известиям от Федора, как решил еще немного выждать времени, и как, наконец, добрался до города, навестил Орлова, а от него узнал о нашей деятельности.
Надо сказать, Игнатов сильно поменялся за это время, такие перемены можно было бы назвать чудесными: теперь он научился искренне проявлять Доброту, Любовь и другие Светлые качества, научился понимать простого человека, подавать помощь словом и

делом… В общем из него получится просто замечательный преподаватель в центре, особенно учитывая его многолетний опыт в области эзотерики.
В четверг мы заехали к Пегасову, радушный хозяин был готов исполнить любой наш каприз, и не только потому, что безмерно полюбил нас, а еще и от того, что мы пообещали сегодня дать ему тренировку, договорились сражаться на одноручных мечах для начала. Как же был счастлив мужчина, когда услышал и почувствовал первый удар мечей, когда он начал уклоняться и маневрировать, совершать обманные движения, атаковать и защищаться… К слову сказать, бился он просто замечательно, видимо отец хорошо его научил. Мы сражались по одному, потом двое на двое, один против двух, один против трех, тренировали оборону и нападение на объект – в данном случае беседку…
Когда же тренировка закончилась, Тимур выглядел уставшим, но безмерно довольным и помолодевшим лет на десять сразу. Разумеется, мужчина бы желал повторять тренировки ежедневно, но, понимая, что такая просьба была бы весьма эгоистичной, решил записаться в школу Вячеслава.
Вообще, встреча с Тимуром многое дала мне: так например, я понял, что далеко не все полные люди по сути своей ленивы и слабы, понял, что внешняя неряшливость может слететь в один миг, что человек, поверивший, просто поверивший в свои силы, способен исцелить любой недуг, а еще он подал пример истинной дружбы, когда даже через десятилетия друга помнят, любят и ждут.
В пятницу мы помогали Федору найти грабителя – отнявшего у прохожего кошелек, а теперь скрывающегося где-то в городе. Найти его было не сложно, потому как преступник совершал подобный проступок впервые, оставил тяжелый след паники на месте происшествия и не придумал ничего лучше, как спрятаться на одном из чердаков близлежащих домов. Орлов смеялся, будто с нами он скоро окончательно потеряет хватку и станет ленив, мы же уверяли сыщика, что хватку он потеряет только в одном случае – когда некого будет хватать этой самой хваткой.
Суббота прошла тихо и спокойно, а вот воскресенье подарило нам новый опыт общения со страждущими.
Первым нашим собеседником был уже знакомый Вектор, мы поприветствовали друг друга и начался диалог:
- Как поживаешь?
- Нормально, только вот настроение всё прыгает, нет мне покоя. Странно почему-то я был так уверен, что сегодня буду первым в очереди.
- Настроение - это часть тебя, притом подвластная тебе. Так что жалоба на самого себя.
- Это точно. Вот что со мной сегодня: утром проснулся, всё нормально, охота радоваться жизни. Бумажка на нитке сама по себе двигается, от одного моего взгляда... Немного с ней поиграл. Потом прочитал ещё одну главу из (название книги)... Стало ещё лучше, настроение улучшилось... Бумажка спонтанно во все стороны уже бегает, даже если я на неё не смотрю. И чувствую единение с ней... А потом захотелось спать, наверное ментальное истощение...
- Возможно и так.
- А сейчас вот не особо-то, думаю, и бумажка на месте, перед выходом проверял.
- Ну, бумажка - не индикатор прогресса.
- Это точно, - улыбнулся юноша, - Наверное, бумажка индикатор ментальных сил, которые летят во все стороны с таким вот напором, заставляя её двигаться. А не посоветуете, как сделать так, чтобы после обеда тоже энергия оставалась... Я даже и не хотел двигать эту бумажку... Спонтанно.
- Если на обед накушаться как поросенок, то энергия вся уйдет на переваривание пищи.
- Ясно. Но вот не хочу чтобы энергия от меня отлетала по кусочкам. А как прокачать именно ментальное тело? Я при дыхании визуализирую как энергия идёт в ментальное тело... Но не особо удачно.
- В шахматы у чемпиона выиграй, вот тебе и развитие.

- То есть, чем больше думаешь, тем больше энергии? Разве не наоборот?
- Ты когда-нибудь гирю поднимал?
- Нет. А что помогает?
- Сама концепция развития похожа, да и вообще спорт - полезное дело. А концепция такая, вот ты потренировался хорошо, у тебя мышцы болят, ты уже и ложку то поднять не можешь после тренировки, но систематически нагружая тело, через год ты станешь гораздо сильнее. Логику улавливаешь?
- Да. Спасибо. А энергию на способности со временем я буду брать из праны при дыхании? Ой, вот заметил ещё одно проявление эгоизма в себе... Какой страх.
- Да не забивай себе голову теорией, сейчас же все равно не получится.
- Ну кое-что, вроде, получается. Только после этого ментальное истощение наступает обычно, как я предполагаю. Когда пытаешься в астрал выйти, то знаешь, что нужно дышать, но обычно дышишь не задумываясь, не замечая этого, а тут... Нужно сознательно делать вдох и выдох. Думаю, что если выйти, то кто же за меня будет дышать в плотном теле?
- А тело не настолько глупое, как о нем часто думают.
- Понятно. Спасибо. А меня тут запугали, что на любовь тоже энергия уходит, и что потом истощение будет... Если так сильно любить... А при этом истощении злость и раздражение может легко проникнуть в сознание... И в результате этого получаются резкие перепады настроения как у меня... Это правда?
- Правда то, что ты не имеешь опыта-знания в самом себе, поэтому легко веришь во всякие небылицы и сказки. Если бы тебе после этого логически подумать про эту теорию, то получилось бы, что после раздражения человеку полагается испытывать приливы Радости и Любви. Ты такое в жизни видел хоть раз? Пусть будет тебе уроком внимательности это событие.
- Хорошо, я понял. Извините меня за излишнюю требовательность, раздражительность и не внимательность... Больше не буду сегодня ничего спрашивать.
- Это не упрек тебе, это желание помочь раскрытию твоих же сил сознания.
- Угу, спасибо за советы. Пусть это будет для меня уроком. До встречи.
- До встречи.

Следующим гостем, вернее гостьей, была женщина лет тридцати, после приветствия она начала свой рассказ:

- У меня такая ситуация: несколько лет меня мучают несознательные выходы в астрал. Я не изучала и не практиковала никогда никакие техники, все происходит спонтанно, обычно во время сна. Проблема в том, что меня всегда выталкивает в слои низшего астрала, там я вижу сущностей, которые, по всей видимости, питаются моим вселенским страхом.

Как не бояться не знаю, что с этим делать, если честно, тоже не понимаю. Очень хочется хорошо выспаться, но не получается. Почему со мной все это происходит, в чем причина и как от этого избавиться или, наоборот, нужно развивать?

Первый раз это появилось в семнадцать лет, я заканчивала школу, и через месяц должна была покинуть родительский дом. Я спала днем и услышала матерные слова, которые мне шептали на ухо, меня , так сказать, посылали подальше. Было, ясное дело, очень страшно, пошевелиться и повернуть голову в сторону происходящего не могла, тело было как каменное.

С тех пор это продолжается до сего возраста, сейчас мне двадцать девять. Иногда на какое-то время пропадало, но после рождения ребенка - ему сейчас пять лет - вернулось с удвоенной силой.

Обычно это происходит во время сна. Тело немеет, я просыпаюсь, но уже в другой реальности, это не сон, я это понимаю, так как я в полном сознании, вокруг кто-то ходит, вид у них очень страшный и неземной, но больше беспокоят демоны, созданные из вибраций воздуха. Они приходили несколько раз, я пыталась их перекрестить, но мне

держали руки и ноги, невероятно, но в эти моменты я как будто чувствовала свое тело. За столько лет уже научилась чувствовать момент, когда меня как будто кто-то вытягивает в астрал. Также научилась усилием воли возвращать себя обратно, поскольку не хочется видеть сущностей. Не знаю, как бороться со страхом. Каждый раз ложусь спать как будто перед пыткой.
Мне сказали, что раньше, в других воплощениях я сильно практиковала черную магию, и это мне вернулось в такой вот форме.
Рекомендовали просить прощения у своих астральных мучителей. Но как, если в эти минуты я от страха вряд ли вспомню, как меня зовут... Если вы знаете, чем можно это исправить, то буду бесконечно благодарна.
- Довольно рядовой и очень знакомый случай. Единственное оружие этих мучителей - это ваш страх. Приведу простой пример: темный подъезд, ночь, тихо... из подъезда выходит хрупкая девушка лет двадцати, ничего не подозревает, но потенциально опасается ночных прогулок, и тут из-за угла выскакиваете вы, предварительно одев на себя страшную маску и костюм ведьмы. Девушка немеет. Вы приближаетесь к ней и дергаете ее за ухо вниз, девушка падает на землю. Тоже самое произошло бы и с мужчиной весом сто тридцать килограмм, если его напугать. Но ведь не сложно догадаться, что днем, если вы покажетесь на улице в таком наряде, то вас не то чтобы не испугаются, а еще скажут куда и как надолго пойти. В чем мораль - страх дает мучителям подобную власть над вами.
В данной ситуации страшного много только на первый взгляд, на второй взгляд - вообще ничего, а на третий – сплошное веселье, и это не шутка, потому как настучать по мохнатой морде демона, думаю, найдется немало желающих, только дело в том, что к таким людям демоны не лезут. Так вот, вернемся к ситуации, что в ней страшного? Важно определить, чего вы боитесь? Какого-то действия с их стороны, слов или еще чего-нибудь? Кстати, как вы понимаете природу страха? Крайне серьезно подумайте над этими вопросами и ответьте. Зачем я все это спрашиваю? Да потому что люди часто сами не знают чего бояться, а когда узнают, то и весь страх пропадает.
Вся хитрость данного общения с вами заключается в том, что с мучителями вы будете сражаться самостоятельно. А теперь внимательно наблюдаем за процессами в своем организме: если внутри поднялся бунт, разочарование, упадок настроения или же страх, то это означает, что вы уже привыкли к мысли о том, что мучители сильнее - а это второй козырь мучителей. Поэтому ставим еще одну задачу перед собой - убить эту мысль. По секрету скажу, любой человек сильнее любого демона, черта, беса и любого другого ряженого клоуна - под демонами и пр. понимаю сущностей без физического тела, не наделенных Духом или Божественной Искрой, то есть как раз ваш случай. Как убить мысль? Очень просто, теперь вы будете утверждать, что вы сильнее всех этих клоунов. Ключевой момент именно в утверждении, а не в отрицании, если еще проще, то: фраза "я сильна, я могу, я умею...!" и так далее является утверждением, а вот фраза "я не боюсь, я не маленький, я не слабее их..." и так далее является неверной. Все очень просто, подсознание частичку "не" плохо воспринимает, то есть выходит, что такими словами человек внушает себе "я боюсь, я маленький, я слабее их..." Второй ключевой момент: когда будете ломать свои двенадцатилетние устои в мышлении, как можно ярче представляй именно свою победу, кстати, надеюсь, у вас победа не ассоциируется с "кровавой баней"? Именно победу, а не картины из своей памяти, как вам было когда-то страшно. Итак, основные моменты: первое - вдумчиво ответить на вопросы, второе - побороть мысль об их превосходстве в силе над вами, третье - утвердить в себе мысль, что вы сильнее всех этих паразитов.
Насчет того, что вы в других воплощениях практиковали черную магию... Не берусь говорить, что этого не было, все может быть, но давайте посмотрим на вещи трезвым логическим взглядом. Те, кто практикует "черную магию", а если точнее, использует силы природы в эгоистичных целях, что их выделяет из всей толпы людей и эзотериков? Прежде всего, сильная, непреклонная как сталь, воля. Далее, если человек практиковал

что-то подобное, то в следующем воплощении его будет тянуть к этой "черноте", опять заняться любимым делом, притом у него все будет получаться "как по маслу", потому что он это уже делал раньше. И, просто образ, разве мыслимо по-настоящему сильного темного мага запугать матерными словами под вечер?
- Вы довольно четко и понятно изложили всю суть. Совершенно согласна с вами, только вот как понять природу страха?
Чего я боюсь, если честно сама не понимаю, просто охватывает такой дикий ужас, что парализует сознание. Один раз моя рука непроизвольно оказалась на какой-то сущности происходящей из теплого мягкого пластилина, во всяком случае такое было ощущение. Это соприкосновение меня повергло просто в шок, хотя ничего ужасного не произошло. Я до сих пор помню это ощущение. Почему так пугает все неизвестное? Мне кажется, что природа страха кроется именно в этом. Но, к сожалению, осознание этого не освобождает от страха. Самовнушением попробую позаниматься, надеюсь, что это поможет обрести уверенность в своих силах.
- В таком случае дам еще одну "порцию" информации о страхе. Сразу выкладывать готовый анализ страха, с его причинами и следствиями, нет практической пользы, это обусловлено тем, что человек тогда учится побеждать страх, когда он делает это сам, а если берет готовое решение, то это... ну все равно, что в шпаргалку заглянуть, у одного примера вы ответ подсмотрели, а концепцию решения так и не поняли.
Так вот, добавочное "условие задачи": у особо ушлых сущностей, таких, как ваши ночные визитеры, имеется в запасе некоторый набор средств, с которыми возможно запугать человека до оцепенения. Например, они обладают способностью, если так будет проще, то механизмом, при помощи которого передают человеку, с высокой степенью концентрации, не его мысли и не его эмоции, это важный момент. Вот так невинно это выглядит на словах, а что это означает на деле? На деле: человек лежит, на него направляется концентрированный поток "энергии страха", условно назовем так, оказывается воздействие на мыслительный процесс, в кругу эзотериков еще можно встретить такую формулировку: "воздействие на ментальное тело", и все, человек лежит скованный страхом, и без возможности что-либо соображать. А пока он так лежит и вырабатывает фантастические объемы разного рода полезных, для этих ушлых сущностей, энергий, хитрые ребята ими, грубо говоря, питаются. Главная мысль здесь, что первоначальная волна страха, которая вводит вас в оцепенение - не ваша.
Теперь о природе страха, он бывает, опять же условное разделение: внешний и внутренний. Внешний - это когда человек страшится объектов внешнего мира. Внутренний - когда человек страшится своих внутренних переживаний и мыслей, бывает и так, что человек боится некоторых собственных мыслей. Простой пример: человек боится своего начальника. Почему боится? Потому что, например, начальник - человек жесткий, раздражительный и не очень добрый, может ни с того ни с сего взять да и уволить. То есть уже выходит, что человек боится не директора, а потерять работу. А почему боится потерять работу? Питаться будет не на что. То есть уже получается, что человек боится не потерять работу, а остаться без средств к существованию. И вся эта логическая цепочка храниться в подсознании человека, сам человек может ее знать, а может и не знать, но чувство страха перед директором вызывает в подсознании именно эту цепочку. Вот примерно такой анализ хорошо бы для самого себя сделать.
Мысль для раздумья - ведь эти паразиты за двенадцать лет так ничего с вами и не сделали, вы ведь сейчас живая перед нами. Какой отсюда следует вывод?
- Ну, тогда становится все понятнее. Потому что вид самих сущностей меня не настолько пугает. Насколько я понимаю, сущности принимают вид созданных человеком различных мыслеформ. Это подтверждает вид демона, который являлся ко мне. Таких демонов можно встретить в литературе, например - у Данте. Хотя бывают у них облачения, какие в голове трудно себе представить. Значит выход один: борьба со страхом, в том числе и не со своим. Спасибо за вашу помощь…

- Были рады помочь. Еще одна маленькая вещь, когда какое-либо качество убираешь из себя, то убирать его надо противоположным качеством. Т.е. если убираем страх, то развиваем смелость. Доводилось встречать такую вещь, что люди под борьбой понимают отрицание части себя, или себя целиком.
Мы попрощались и женщина ушла. В это утро были и другие визитеры, не обошлось и без «властелинов мира», вообще мы стали подозревать, что к нам приходят не только люди с центра, но и все, кому не лень.
Последним в этот день посетителем, была девушка лет двадцати, немного полновата, в очках, с глубоким отпечатком образованности на лице.
- Уважаемые магистры, - обратилась она, и тут я понял, что Савелий таки не удержался и окрестил нас этим «званием» прилюдно, - у меня такой вопрос: от чего зависит красота человеческого тела? Почему люди с развитым умом обычно не так красивы, как люди, не обремененные интеллектом?
- Как я вижу, - начал Кирилл, - ситуация обстоит следующим образом: не обремененные, как вы говорите, интеллектом люди красивы потому, что их внутренний мир не озабочен целым ворохом вопросов, на которые ищет ответа образованный человек, эти люди, будто часть природы, если угодно, то как животные, естественны и красивы, потому что энергия Жизни проходит через них естественно и свободно. Когда же человек начинает задумываться о разных вещах, заботиться вопросами дружбы и вражды, сути бытия, своего внутреннего мира, тогда субъективное восприятие реальности налагается на естественное течение энергии, изменяя ее потоки, а в результате – отклонения в мыслях, эмоциях и теле, разумеется. Но это вовсе не означает, что накапливать знания – плохо, ведь знания, рано или поздно, приводят к высшей Гармонии, а в этом состоянии человек становится не просто красив телом, а Красив Духом. Можете поверить, Красота Духа совершает с телом чудеса, делая его Божественно прекрасным.
- Но как же человеку дойти до такого уровня? – спросила девушка, немного покраснев, было ясно, что под словом «человек» она имеет ввиду себя.
- Думаю, - отозвался я, - вы желали иначе поставить вопрос, поэтому постараюсь ответить на него. Вы разумно поступаете, накапливая знания, но вы, к сожалению, не учитесь использовать их на практике – это ключевой момент, отделяющий Мудреца от умника. Если Мудрец говорит о Любви к Миру, то вы, наверняка, ощутите ее от него, если говорит о мирских вещах, то в вас не возникает и сомнений, что он способен совершить все то, о чем говорит. Так же вы весьма порядочно «запустили» свое сердце: вы сфокусировались на изучении различных наук, но владеть собой, владеть эмоциями и мыслями так и не научились. На самом деле это очень неприятная ситуация, грозящая человеку весьма скверным превращением в ослика, нагруженного книгами, не знающего ни радости, ни Света, потому как он погребен под грузом собственного мертвого знания. Прежде всего научитесь Любить Жизнь, научитесь Радоваться. Помните, изученье науки хорошо лишь когда приносит пользу, когда способствует развитию Гармонии в человеке. Это справедливо в том случае, если вы – не гений. Потому что гении настолько слились в одно целое со своей музой творчества, что уже и не мыслят себя без музыки, кистей и холстов, без пера, без науки… Гении испытывают истинную Гармонию, когда творят, срывая рисунок своего произведения с небес. Гении доходят до предела, до Божественности, в одном из своих качеств, а затем озаряют им весь свой Дух.
Девушка поблагодарила нас, попрощалась и вышла, на этом прием страждущих окончился.
Остаток дня и понедельник прошли по привычному графику, а вот во вторник после обеда Михаил намекнул, что нам было бы полезно прогуляться по лесу, а вернее взобраться на тот холм, на который мы с ним когда-то поднимались и созерцали величие необъятной тайги.
Не долго собираясь, мы поехали к окраине города, расплатились с кучером и отправились на вершину горы. Подъем оказался довольно веселым занятием, мы с Кириллом даже

пробовали фехтовать на старых обломках стволов деревьев, немного испачкались, но получили много-много удовольствия. Настя шутила над нами и рекомендовала следующий раз воспользоваться деревом целиком.
Когда мы, наконец, добрались до вершины, то застали на полянке юношу, погруженного в глубочайший минор, ему было лет семнадцать, сам худощав и темноволос, судя по ощущениям можно было предположить, что юноша задумал совершить прыжок с края обрыва, чтобы оставить в сознании последним воспоминанием о воплощении ощущение полета.
Мы переглянулись, обменялись мыслями, и я шагнул из кустов на поляну к юноше.
- Добрый день, юный господин. Вы тоже любите вид тайги? – начал я.
- Вы кто? – отшатнулся от меня юноша, моментально сменив мысли о суициде мыслями о возможном ограблении.
- Меня зовут Дмитрий, с этим местом меня связывают очень приятные воспоминания, и теперь я стою здесь и вспоминаю те дивные мгновения. А вы? Что в этом месте привлекает вас?
- Меня? Какое вам дело до меня? – юноша до сих пор опасался нападения с моей стороны, Любовь, которую я пытался пролить ему, юноша не воспринимал как поток, а лишь потихоньку впитывал через оболочку своих полей.
- До вас? О, мой друг, как же до вас не может быть дела? По чертам вашего лица можно заключить, что вы – образованный и умный человек, руки говорят о том, что вы из богатой семьи, одежда подтверждает это, а испачканные внизу брюки, измазанные туфли и немного порванный левый рукав говорят о том, что вы довольно редко путешествуете по природе в одиночестве. А еще, я думаю, вы пришли сюда, терзаемые сердечной травмой. Возможно, с вами приключилась неприятная история, и теперь вы погружены в печальные мысли.
- Допустим так, хоть я и не знаю, как вы узнали обо мне столько всего, но к вам-то какое это имеет отношение?
- Видите ли, мне приходилось встречаться с людьми, исполненными горя, и, могу сказать, ваше горе не так уж и велико.
- Да что знаете о моем горе! – прорвало юношу, дело сдвинулось с мертвой точки, - Что вы видели в жизни? Разве вы видели, как талант погибает незамеченным, как человека предают близкие и даже любимые… - на этом слове он запнулся.
- Если вам так интересно, то я, конечно, расскажу вам. Дело в том, что я уже некоторое время тружусь на благо города, тружусь как сыщик вместе со своими друзьями и Федором Яковлевичем Орловым, - по реакции юноши понял, что это имя ему ничего не говорит, - Поэтому, уж поверьте, мне приходилось видеть многое: как сын набрасывается на отца с ножом, как людей обворовывают, как с помощью хитрости отнимают имущество и жилище, как люди в порыве ярости и жадности совершают даже убийства…
- Вы – сыщик? – удивился юноша, - По вам и не скажешь.
- Думаю, вот этот значок может убедить вас окончательно, - я показал юноше значок.
- Невероятно! – юноша искренне удивлялся и радовался, - Вы не поверите, я всегда мечтал стать кем-нибудь вроде вас, сыщиком, полицейским, совершать всякие подвиги, спасать людей, но… теперь я сомневаюсь, стоит ли их спасать? Во всяком случае, не всех.
- Может быть, вы расскажете, что приключилось с вами, и тогда я постараюсь вам помочь.
- Со мной… Ой, простите пожалуйста, я так грубо говорил с вами, да еще и не представился… Меня зовут Игнат Викторович.
- Приятно познакомиться, Игнат Викторович, - сказал я, протянув руку, юноша ее пожал.
- Ох, - тяжело выдохнул Игнат, - даже не знаю с чего начать… В общем, мне вот уже два года как нравится одна юная особа. Поначалу я не подавал виду, не мог понять своего отношения к ней, когда же сомнений в том, что она стала для меня гораздо большим, чем просто знакомая, я решил действовать, но… не знал как. Все, что я планировал сказать ей, все, что я репетировал наедине, рассыпалось в прах от одного только ее взгляда, слова

казались неуместными, неточными и дерзкими, и я, сраженный собственным стеснением, был вынужден отступать снова и снова. Вы только представьте, какие муки сердца я пережил, я не находил себе места, родной дом казался пустым и безжизненным, жизнь была где-то там, рядом с ней… Ах, если бы люди только умели читать мысли друг друга, тогда она бы сразу поняла, как сильно мое чувство. За эти два года мне так и не удалось сказать своей принцессе всего того, о чем мечтал. И вот, совершенно недавно, я замечаю ее на улице в обществе другого, они шли рядом и о чем-то увлеченно разговаривали. Не знаю, что со мной произошло, но внутри все перевернулось, оборвалась какая-то струна в жизни. Стоя посреди улицы как истукан, я смотрел на эту пару и ровным счетом ничего не мог связать в голове, единственная мысль, что приходила на ум – меня предали. В таком состоянии я пришел домой, что-то съел, посмотрел на портрет дедушки, вспомнил его завет грядущим поколениям: «Оконченное дело стоит дороже, чем два, доведенных до половины». Решив, что раз уж я не сумел довести дело до конца, не сумел устроить свою жизнь, то и существовать мне незачем, взял экипаж, прибыл сюда, забрался на гору, долго бродил по поляне, вспоминая картины прошлого, и тут появились вы.
- Как же вы горячи, мой друг, разве можно заключать столь поспешные выводы из таких ненадежных фактов? Для начала скажите, есть ли у вашей избранницы брат, может быть, не родной, а двоюродный?
- К сожалению, я не располагаю информацией такого рода, но одна только вероятность подобного стечения обстоятельств уже наградила меня надеждой.
- Надежда, это хорошо, но Игнат Викторович, как вы предполагали, что ваша избранница узнает о ваших чувствах, если вы не разговаривали с ней об этом. Вернее, насколько я понимаю, вы вообще редко вели беседы с ней.
- Понимаете, я на знаю, как к ней подойти, с чего начать разговор, а вдруг ей не понравятся те темы, которые я предложу для обсуждения, а вдруг собьюсь, покраснею в самый ненужный момент и тогда уж верно для меня все будет потеряно.
- О нет, для вас все будет потеряно, если вы продолжите молчаливое обожание. Если это и вправду ваша избранница, ваша половинка в этом мире, то она обязательно поймет и разделит с вами большинство или все ваши увлечения. Еще я вижу, что вы очень тонкий человек и остро чувствуете окружающий мир, так поделитесь своими ощущениями с вашей избранницей. Глядя на вас легко представить, как вы сравниваете весну с летящим над морскими волнами пегасом.
Юноша покраснел.
- Как вы умеете столько узнать о человеке?
- Иначе я бы не был сыщиком, тем более помощником самого Федора Яковлевича Орлова.
- Кто же этот загадочный господин Орлов, вы уже дважды упомянули о нем.
- Он – самый лучший сыщик в этом городе, заведует полицейским управлением и при этом не сидит в теплом кабинете, отдавая приказы и поручения, а сам до сих пор выслеживает и ввергает в руки закона преступников.
- Что ж, я рад, что в нашем городе есть такие замечательные люди. Ах, если б и мне уметь так видеть людей, как вы…
- Вы знаете, в этом нет ничего сложного.
- Как?!
- Совершенно ничего сложного, но для этого нужны тренировки.
- Я готов к любым тренировкам, только откройте секрет!
- Весь секрет в силе вашего внимания к человеку. Видите ли, в чем дело – все мысли и чувства человека отражаются на его теле: какие-то явно проступают, какие-то едва заметны. Вы ведь наверняка отличите человека пребывающего в ярости от человека, пребывающего в радости?
- Конечно, отличу, но я не понимаю, как мысли могут отразиться на теле?
- Вот, например, сейчас вы подумали «Как хорошо было бы читать мысли всех людей, тогда все тайны станут доступны мне». Мой друг, использовать этот навык в корыстных

целях – недостойное вас занятие. Используйте этот навык прежде всего для того, чтобы понять любого человека: богатого или бедного, умного или необразованного – не важно. Сейчас вы вновь удивлены, с какой легкостью я прочел вашу мысль, и немного злитесь от того, что сами не владеете этим навыком. Поверьте, все придет: и навык и понимание людей, но для этого нужны тренировки. Начните с простого: внимательно наблюдайте за людьми, за их мимикой, жестами, взглядами, за всем, что попадает в ваше поле зрения. Со временем вы обнаружите довольно простые закономерности в поведении людей, проанализируете их, а потом понять мысли и намерения собеседника для вас уже не будет составлять труда.
- Вы так просто обо всем этом говорите… даже не знаю, получится ли у меня.
- Вы когда-нибудь занимались… ездой верхом?
- Занимался, именно ездой верхом.
- Вспомните, как сперва вам все казалось сложным и неприступным, но постепенно, с тренировками, к вам пришли и навыки. Так же и тут.
- Да, наверное, вы правы, но как же быть с моей избранницей?
- Наберитесь смелости и поговорите с ней наконец. Поверьте, это лучше, чем страдать от неведения и тоски.
- Дмитрий, должен сообщить, что сегодня вы спасли жизнь человеку, за что я вас искренне благодарю и, если вам когда-либо понадобиться моя помощь – я к вашим услугам, - далее юноша назвал адрес дома, принадлежащего, надо сказать, богатой и знатной семье.
Мы осторожно спустились с горы, Игнат то и дело норовил подвернуть себе ногу или споткнуться о торчащий корень дерева, поэтому приходилось его поддерживать. Друзья шли сзади, об этом я прекрасно знал, а вот юноша едва ли подозревал.
Уже в имении я все в подробностях рассказал друзьям, потому как Кирилл и Настя едва ли слышали весь разговор, а Алексей и Давид так и вовсе не принимали в «спасательной операции» никакого участия. После истории Леша пошутил, будто из-за Кирилла нам вскоре придется снимать с горы еще дюжину-другую влюбленных девушек.
Оценив масштаб шутки Алексея, мы решили завтра же наведаться в университет.
Утром в среду мы отправились в университет, чтобы, так сказать, разведать обстановку. Надо сказать, этим утром разведчиков из нас не получилось, потому что едва мы приблизились к группе Алексея, как один решительный юноша отделился от толпы и уверенными шагами направился к нам. Не трудно было догадаться, что его целью был Кирилл, а желанием – воспитание наглеца при помощи рукоприкладства. К сожалению, для юноши, Кирилл не только не испугался, но едва не засмеялся, прочитав мысли и намерения драчуна. Как только юноша подошел к нам на расстояние двух-трех метров – вся его злоба испарилась, она начал сомневаться в своем решении и в итоге стоял совершенно растерянный и смущенный, не в состоянии выговорить и слова.
Улыбнувшись, я кивнул Кириллу, друг подошел к юноше, наклонился к нему, потому как юноша был невысокого роста, и сказал:
- Друг, зачем же вы так враждебны ко мне? Разве я претендую на сердце вашей избранницы? До вчерашнего дня я и не предполагал, что мой краткосрочный визит в прошлом возымел такие последствия. Сегодня же я пришел, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, и вы меня многим обяжете, если раскроете перед вашей избранницей самые сокровенные чувства вашего сердца в ближайшем будущем. А теперь, прошу меня простить…
Мы прошли мимо решительного юноши, вклинились в группу Алексея. Уверен, в университете уже многие знали о нашем центре здоровья и развития, поэтому наши персоны вызвали повышенный интерес, особой популярностью, разумеется, пользовался Кирилл, потому как был без спутницы. За короткое время мы попали в окружение любознательных студентов, отвечая на разрозненные вопросы, наконец, друг решил взять слово:

- Прежде, чем вы начнете решать задачи личной жизни и семейного благополучия, позвольте я раскрою свой взгляд на этот вопрос, - начал Кирилл, вопросы и голоса стихли, - Любовь – это прекрасное чувство, чарующее состояние Души человека, оно легко, словно весенний ветер, и в то же время глубоко, как самая бездонная пропасть. Но, каким бы огромным и притягательным не казалось нам это чувство, мы, все же, часто умеем спутать его с увлеченностью отдельными качествами другого человека, физиологическим влечением, или же мы просто испытываем самые теплые чувства не к человеку, а лишь к его образу, сложившемуся в нашей голове. Представьте себе картину: два человека повстречались, влюбились и стали жить вместе, и тут оказывается, что ваша любимая половинка не такая, какой вы ее себе представляли. Что происходит дальше? Вы ведь любили образ в своей голове, а не реального человека. А дальше вы стараетесь сделать из этого живого человека подобие того образа, который вас когда-то пленил, и все бы ничего, но если ваши действия окажутся удачными, то в итоге вы получите уже не живого человека, а, прошу прощения за грубость, мертвого человека с маской тех качеств, которые вам было бы приятно на нем видеть. И получится, что вы будете любить не живого, а мертвого человека. Но это еще пол беды, вся беда заключается в том, что ваш любимый думает, вернее он или она уверен, что уж ему-то прекрасно известно, как вам будет лучше, поэтому и он или она начинает менять вас в «лучшую» сторону, выживая из ваших сердец те истинно живые качества, что делали вас человеком. В итоге, образно говоря, двое мертвых любят друг друга, но при этом их живая частичка испытывает острый дискомфорт, накапливает раздражение, затевает ссору со своим «мучителем» и вашим «любимым», подводя все дело к расставанию. Существует одна простая вещь, которую хорошо бы помнить в жизни – нельзя делать из живого человека искусственную куклу. Вы можете спросить, как же тогда развитие, совершенствование характера и прочие замечательные вещи? Отвечу: развитие, как вы уже знаете, это утверждение, если вы изо дня в день утверждаете и расширяете свою любовь к любимому человеку, если искренне желаете ему Добра и совершенствования, то вы будете указывать ему на те аспекты, которые в нем уже есть, которые вам нравятся, и которые он или она непременно разовьет еще сильнее в ответ на вашу любовь. И постепенно ваша любовь личная перерастет в Любовь Чистую, Божественную, если хотите. В этом весь секрет – указывайте человеку на те качества, которые в нем есть и которые вам бы хотелось в нем развить, а не на те, которые вас раздражают. Конечно, указывать на ошибки тоже стоит, но не так, чтобы это стало превалирующим над всем остальным. Обращайтесь с любимым так, как бы вы хотели, чтобы обращались с вами, и тогда вы создадите семью, где будут Любить два живых и Счастливых человека, а не два полумертвых лицемера.

Слова Кирилла произвели сильное впечатление на слушателей, уверен, вопросов созрело много, но начало занятий загнало всех в аудитории. Что ж, значит в выходные нас ожидает наплыв страждущих в виде студентов из группы Алексея.

Затем мы отправились в управление, Федора на месте не оказалось, он отправился на место преступления в среднюю часть города, узнав адрес, мы отправились к нему. На месте застали довольно интересную картину: некоторое количество крови на земле, несколько полицейских, Орлов беседует с каким-то юношей, сидя на лавочке. Юноша сильно нервничал, я бы даже предположил, что он испытал шок: его руки и мышцы лица до сих пор немного подрагивали, его взгляд был словно прикован к одной точке на земле, ворот рубашки порван, губы разбиты.

Осведомившись у полицейских, мы узнали, что ночью на этого юношу было совершено нападение, но он не растерялся, схватил с земли первую попавшуюся палку и дал отпор обидчикам, вот только со страху переусердствовал и теперь обидчики в больнице, а сам юноша напуган до последней степени и до сих пор не может поверить в случившееся. Осмотрев смельчака еще раз, можно было с уверенностью заключить, что испугало его не нападение, а собственные ответные действия. Такая «замороженность» случается, если в человеке вдруг вскрываются значительные энергетические резервы, будь то страх, ярость,

Любовь и Радость. Человека просто шокирует собственный внутренний мир, его глубина и мощь, сознание фокусируется на исследовании новых возможностей, оставляя во внешнем мире вот такое полуживое тело.
Думаю, Федор пытался оказать юноше психологическую помощь разговором, зная, как он умеет подобрать нужные слова в нужное время, мы решили не вмешиваться, а просто понаблюдать за сознанием смельчака. В мыслях юноши постоянно крутились картины этой ночи, он снова и снова проживал ситуацию, рассматривая ее под разными углами. В какой-то момент ему казалось, что было бы лучше, если бы его побили и ограбили, затем он вдруг решает, что было бы хорошо убежать, потом предполагает, что отпор все-таки был верным и обоснованным. Вдруг картина меняется, и он видит, как палка ударяется о лицо нападавшего, в этот момент юношу пробирает внутренний холод, и он начинает мечтать о том, чтобы палка ударилась хотя бы об плечо. Время от времени переполняющие юношу эмоции встречаются в животе все разом, и тогда он хватался руками за живот и немного нагибался вперед. Когда же юноше казалось, будто кровь несчастных на руках, он пытался ее убрать, потирая и почесывая руки.
Федор беседовал со смельчаком очень долго и, наконец, сумел вернуть его сознание в мир грубой материи. Очевидно, юноша ожидал, что его накажут, может быть, даже отправят в неволю, но нет, Орлов похлопал его по плечу, еще раз велел сохранять спокойствие и впредь быть более гуманным, даже по отношению к бандитам.
Мы поприветствовали Федора, обменялись парочкой общих фраз и отправились назад в управление.
- Вот так, друзья, молодой и неопытный отличник отделал двух крепких взрослых мужчин, - начал сыщик, - Как вы думаете на этот счет? Мне видится, что в Душе этот юноша – воин.
- То, что он воин – это точно, - отозвался я, - вот только воспитание он получил совсем не воинственное, думаю, он не занимался никакими боевыми искусствами направленно за все свои юные годы. Когда же случилось нападение, нахлынувший страх выключил привычные модели поведения и наш смельчак начал действовать так, как, возможно, привык в прошлых воплощениях.
- Интересное предположение. Вы правы, он действительно не занимался боевыми искусствами, но, как уверяет сам – всегда тянулся к ним, и лишь давление родителей удерживало его. Насчет именно страха не уверен, думаю, здесь сыграло свою роль нечто другое… Может быть, дух сражения в нем неожиданно проснулся, сметя все условные перегородки.
- Возможно, возможно… в таком случае агрессия нападавших послужила своеобразной искрой, от которой и разгорелось все это пламя. Кстати, сильно ли «обожглись» нападавшие?
- Весьма. В момент самой драки юноша, судя по всему, не испытывал ни капли жалости, поэтому наградил обидчиков путевкой в больницу и шрамами. Вообще, если бы я сам не видел нашего героя, то решил бы, что это дело рук какого-нибудь отставного офицера или отъявленного душегуба.
- И как вы считаете, кем был юноша в прошлой жизни? Офицером или душегубом?
- Как то ни странно, у меня не возникло ощущений ни первого ни второго. Повеяло… как бы не ошибиться… веком двенадцатым… этакой былинной силой. Может быть, он был дружинником при одном из русских князей. Примерно, как вы при княжеском дворе, - шутил Федор.
- Вы полагаете, что мы достойны такого звания?
- Вполне, почему бы и нет? Будь я князем – с радостью взял бы вас в свою дружину.
- Образно говоря, вы и так, своего рода, князь, у вас есть своя дружина, в которой мы и состоим.
- В таком случае я еще раз готов повторить, что я – счастливый человек.
- Это замечательно, но позвольте вопрос.

- Пожалуйста.
- Как вы полагаете, трудности и испытания в вашей жизни были напрасными или же сыграли свою роль в становлении вашего нынешнего счастья?
- До недавнего времени я благословлял все трудности своего пути кроме одной, думаю, вы уже догадались, о чем я говорю, но в один прекрасный день в сон ко мне пришла жена с ребенком, они сказали, что живут в дивном, легком и Радостном мире, что не винят меня в своей гибели и искренне желают, чтобы я перестал жить иллюзиями прошлого и вдохнул Жизнь полной грудью. В этом сне мы долго разговаривали, многое обсудили, и чувство тяжести, камня на сердце, ушло. Если бы не этот сон, я бы не допустил сближения с Галиной, даже если бы очень этого хотел. Поэтому ответ – да, трудности жизни помогли мне построить то счастливое время, что окружает меня теперь. Вообще, я убежден, что у Жизни не бывает случайностей, бывает лишь так, что человек не в состоянии понять причину и следствие. На этот счет меня уже долгое время преследует один и тот же образ: будто бы я карабкаюсь по скале, вершина которой сокрыта в облаках, и чтобы мне увидеть все возможные пути, которыми я бы мог пойти в прошлом, мне следует взобраться повыше и окинуть взглядом пройденный путь. И лишь оттуда – с более высокой точки – я вижу и понимаю, что выбрал самый логичный и приемлемый для себя маршрут в прошлом, вижу причины и последствия своего выбора. А так же, хоть я и сам не знаю, как это получается, но мне становятся ведомы частички той реальности, которая бы могла наступить, сделай я другой выбор. Проще говоря, я верю, что одновременно с нашим миром, нашей вероятной реальностью, существуют бесчисленные множества других, но фокус в том, что мы одновременно живем во всех этих реальностях, вся бесконечность возможностей и выборов – в нас самих. Таким образом, находясь здесь и сейчас можно выбрать, например, такую вероятностную реальность, в которой ты являешься, скажем, Мудрецом, и черпать знания у самого себя, а в итоге стать этим Мудрецом, перенестись в другую реальность или же перенести себя оттуда сюда. Я понимаю, друзья, что говорю путано и едва ли логично, но, думаю, вы меня поняли.
- Да, Федор Яковлевич, мы вас поняли, - отозвалась Настя, - мы уже вели беседы на подобные темы с князьями, в целом, я думаю, можно сказать, что их и ваша позиция схожи.
- Что ж, рад, очень рад, что сумел уловить движение мысли князей, поверьте, для меня это – большая честь. Однако, друзья, мы совсем позабыли о нашем смельчаке, как полагаете, что произойдет с ним в дальнейшем?
- Уверена, что теперь запреты родителей не сумеют удержать его от тренировок, скоро мы будем иметь удовольствие наблюдать этого юношу в числе учеников Вячеслава, а чуть позже – в числе преподавателей. Его дремлющие силы пробудятся, и в городе станет на одного богатыря больше.
- Вы полагаете, что сила может «пробудиться»? Вернее так – разве сила может «заснуть»?
- А как вы считаете, есть ли в человеке нечто постоянное, неизменное? Дух в расчет не берем.
- Не могу ответить на этот вопрос, еще не изучил все аспекты человеческого существа, но пока что практика показывает, что постоянного нет.
- И в этом великое благо – потому как возможность изменения открывает ворота для постоянного совершенствования. Сила, однажды освоенная Душой, не может быть уничтожена, но о ней могут позабыть, ей могут не пользоваться. И именно это состояние – когда аспектом Души не пользуются – я бы и назвала сонным. По этому поводу, кстати, часто возникают опасения у начинающих эзотериков, которые до паники бояться перерождения, потому как не уверены, что наработанный в этой жизни опыт и знания, перейдут в следующую. Но, к счастью, опыт сохраняется и накапливается. Разумеется, в каждом из нас есть опыт тех деяний, с которыми мы сейчас активно боремся, но этого не следует стыдиться, ровно как не следует и выносить напоказ. В большинстве случаев негативно окрашенный опыт, толкающий человека назад по социальным меркам, на

самом деле толкает человека вперед в Духовном развитии, весь фокус в том, чтобы осознать это и использовать для совершенствования. В особо редких случаях, когда человек сознательно или невольно чернит Душу, прислуживая темным силам, деяния ведут к разложению всего человеческого существа, закрывая сердцу возможность Радоваться и Любить. Постичь глубины природы Света и тьмы я, пока, не в силах, но практика жизни ясно и однозначно указала, какой путь ведет к Счастью, а какой к боли и вечному мучению.
- То есть вы полагаете, что существуют две великие силы – Свет и тьма?
- Не совсем так. Тьма – это неведение, а Свет – это знание, если говорить коротко. Довольно трудно представить себе абсолютно темное или абсолютно Светлое существо, например: среди завсегдатаев трактиров в нижней части города наверняка найдется пара-тройка людей, являющихся более светлыми или более темными, чем все остальные, но это еще не значит, что они достигли абсолютных значений в этих качествах. Поместите «светлого» пьяницу в общество Святых отцов, и он покажется вам до невозможности темным и необразованным, та же самая разница произойдет, если «темного» пьяницу посадить в одну камеру с самыми лютыми преступниками, по сравнению с ними он будет выглядеть вполне даже светлым, добрым и честным. Как вы сказали, в человеке есть все, и только он решает, что проявить через себя в мире.
- Возможно. Но я не совсем согласен с утверждением, будто человек сам решает, что ему проявить в этом мире через себя. Ведь существует великое множество факторов, влияющих на мнение человека: начиная от дуновения ветерка и заканчивая мощными энергоинформационными структурами, или, как их еще называют, эгрегорами. Потом, человек, живущий в глухой деревне, скорее всего, будет более добр, честен и открыт, нежели житель города. Вообще я заметил, что город, чаще всего, портит людей, вернее вскрывает в них самые низменные желания. А еще в мире существуют Мастера, способные обучить нас новым знаниям, их слова вполне могут повлиять на решение человека.
- Вы упускаете важную деталь: все, что окружает человека – и есть сам человек. Каков ваш внутренний мир, такого и ваше окружение. А на счет Мастеров и эгрегоров… Вот простой пример: допустим, перед нами ребенок пяти лет, станете ли вы читать ему курс высшей математики? Или, быть может, склонять к разбойному нападению? Полагаю, что нет, потому как толку вы не добьетесь ни первым и ни вторым действиями. А произойдет это потому, что внутренний мир ребенка не готов принять те знания, что вы подаете ему. Так же и здесь: если вас что-то искушает, или кто-то учит – значит, вы к этому готовы, хотя бы подсознательно, ваш внутренний мир готов. А если так, то именно вы, и никто другой, принимает решение.
- Подождите, вы сказали, отчего те или иные испытания выпадают на долю человека, но про решения вы так и не пояснили.
- Процесс принятия решения также определяется вашим внутренним миром, который находит отражение во внешнем окружении человека. И если извне к вам пришла подсказка, то можно сказать, что вы сами себе ее дали. Ведь, по большому счету, важно не слово, а то, как вы его восприняли. Вот вы – сыщик, вам скажут «грабеж», и вы тут же припомните дюжину грабежей, а скажите это же слово рядовому гражданину, так он представит себе нечто туманное.
- Что ж, хорошо, вы меня убедили. Однако, подобные знания налагают на человека очень большую ответственность, вернее не налагают, а раскрывают на нее глаза.
- И это хорошо, чем раньше человек поймет, что именно он отвечает за каждое свое действие, тем лучше.
Вскоре мы добрались до управления, там повстречались с Купчиным и Громовым, поговорили о текущих делах, немного пообщались с Федором и отправились в имение. До воскресенья Жизнь Радовала нас встречами с друзьями, тренировками, интересными разговорами и прочими дивными вещами. Утром в воскресенье мы прибыли в центр,

чтобы ответить на вопросы любознательных господ.
Первым визитером был юноша в возрасте около двадцати трех лет, худощавый, среднего роста, немного сутулый, с бегающими серыми глазами, звал он себя Беркут, тот самый юноша, которому помогла сефиротическая магия, мы поприветствовали друг друга и начали диалог:
- Откровенно говоря, не знаю с чего начать… Но попробую… Значит, некоторое время назад я повстречал очень умного человека, я бы даже сказал просветленного мастера. Так вот, мы долго и горячо беседовали с ним на разные темы, в конце концов, он убедил меня в том, что агрессия не является чем-то плохим, - юноша бросил эту фразу так, словно бросал нам вызов, думаю, он верил, что мы считаем агрессию чем-то плохим и сейчас же начнем спорить, - Но я помню, что в вашем ордене учат, будто агрессия, ненависть и злость – это плохие чувства и с ними необходимо бороться. Итак, я пришел за разъяснениями, - собеседник откинулся назад в кресле, полагая, что «прижал нас к ногтю», - скажите, кто же прав, вы или этот человек?
- Стало быть, вы поняли лекции наших преподавателей так, будто агрессия является плохой и никчемной эмоцией, не обратились за уточнениями к лектору, потому что согласились с его словами, а затем повстречали человека с противоположной точкой зрения, на ваш взгляд, и поверили ему? – поинтересовался Кирилл.
- Не совсем так, я никому до конца не верю, я предпочитаю основываться на логике и твердых фактах.
- Если вы любите логику и факты, то вам не обойтись без наблюдений за окружающим миром, а если вы наблюдательны, то почему же сами не сделаете выводы? Не дадите самостоятельный ответ на этот вопрос?
- Потому что я не располагаю достаточным объемом информации, чтобы вынести объективное решение.
- Значит, вы не уверены в своих данных, но полагаете, что необходимым объемом знаний обладаем мы?
- Не знаю, чем вы обладаете, но ведь вы учите людей, говорите, что им делать с агрессией, значит что-то смыслите в этом.
- А как вы проверите, правду вам сказали или обманули?
- Оставьте это мне, вы будете отвечать на вопрос или нет?
- Вы, наверное, удивитесь, если я скажу, что агрессия и вправду не является чем-то плохим на определенном этапе развития, как и любой другой аспект человеческого существа. Но позвольте, где вы слышали, чтобы преподаватели так говорили об агрессии? Мы лично прочитываем все лекционные материалы центра и смеем вас уверить, там нет таких строк. Допускаю, что вы так поняли фрагмент лекции об управлении эмоциями. Что ж, я поясню вам этот момент еще раз: человек – это целостное существо, и ему не следует бороться с самим собой, ему следует научиться управлять собой, постигать возможности своего тела, эмоций, мыслей. Если человек испытывает агрессию по поводу и без повода, то первым делом ему необходимо разобраться в причинах этого явления, а потом научиться управлять этой силой, но никак не подавлять самого себя. Сперва кажется, что грань между управлением и подавлением очень тонкая, поэтому, для лучшего понимания я приведу пример с государствами. Представьте, перед вами два государства, жили они жили, и вдруг одно из них вознамерилось захватить другое, но как это сделать? Напасть войсками, взять столицу, казнить правителя и посадить своего наместника? Можно, вот только народ будет недоволен, начнется партизанская война, тут и там будут вспыхивать восстания и в итоге государству-захватчику будет до крайней степени неудобно и убыточно поддерживать свою власть в порабощенной стране. Так что же делать? Есть другой путь – захватить государство экономически, политически, информационно, идеологически, другими словами загнать соседей в долги, навязать свой взгляд на мир и образ мыслить, тогда, со временем, два государства смогут слиться в одно без кровопролития и постоянной партизанской войны. Так же следует действовать и человеку,

вместо борьбы с собой – управление, самоконтроль.
- Да, это то, что я хотел услышать, спасибо вам за ответ.
Мы попрощались, и юноша ушел, следующими визитерами были девушки, заинтересованные Кириллом. Не вдаваясь в подробности скажу, что нам удалось убедить их жить полной жизнью и различать влюбленность и Любовь.
Далее, как из мешка, посыпались любители астрала и телекинеза… Странное дело, почему эти вещи так сильно привлекают людей в возрасте примерно от четырнадцати до двадцати лет? Истории у всех похожи друг на друга, словно с одного листа читают, а в коридоре передают его, как эстафету, следующему, содержание истории примерно следующее: «Я пробовал выйти, у меня закружилась голова, появилось давление во лбу… но дальше дело не пошло. Что делать?! Подскажите, может, я что-то не так делаю?!» Друзья, ну разве так можно? Вы же не спрашиваете «что я не так делаю?», когда у вас не получается оторвать от земли, скажем, сто пятьдесят килограмм. Все прекрасно понимают, что нужно тренировать себя, чтобы поднять такой вес. Как только материя чуть тоньше – все, понимание обнуляется. Складывается впечатление, будто процентов девяносто людей верят, что эмоциональное и ментальное тело вообще тренировать не нужно, что они уже умеют контролировать и мысли и эмоции как Будда, и что уже пора бы браться за техники левитации… Так вот, друзья, вы заблуждаетесь. Даже если вы считаете себя просветленным Учителем, гуру или, на худой конец, мастером-йогом, стоящим выше других людей, и в это же время поддаетесь на соблазны эмоций, не в состоянии управлять мыслями, фокусировать свое сознание на необходимых вам вещах, а не блуждать между прошлым, будущим и вероятным, то знайте – вам предстоит еще очень много работы.
Отдельного слова заслуживает то, как большинство астральщиков делит мир на потусторонний и посюсторонний. Мир един, нет разделения на «астральный мир» и «реальный мир», или для вас реальностью является только физический мир, а эмоции – уже что-то несуществующее? Как бы человек не изворачивался, пародируя ужа на сковороде, если он использует разделение на «реальный» и «астральный» миры, то он, в сердце своем, не верит в само существование «астрального мира», а следовательно не сумеет совершить проекцию, потому как в сознании есть четкая установка – «астрального мира не существует».
Следующая «каста» эзотериков, готовая проесть плешь кому угодно – это «господа без мотива». У них, видите ли, все есть, но нет мотива к жизни, ничем они не интересуются, ничего им не нужно, и они не знают, что с этим делать. Чаще всего, причина этой депрессии очень проста – господа без мотива в свое время прочли дюжину умных книжек, узнали, что все – есть иллюзия, решили что теперь они – Духовно озаренные люди, и им следует освободить себя от привязок к внешнему миру. Как освободить? Конечно же «медитациями»! Во время этих «медитаций» наши озаренные устраиваются поудобнее в какую-нибудь асану, начинают усердно размышлять над одной из прочитанных Духовных Истин… минуту, реже две, потом их мысли срываются на самые разные вещи, просидев без движения минут двадцать, созерцая компот из всевозможных мыслей, они прекращают «медитацию», потому как ноги затекли. Разумеется, они затекут, если сосредоточение мысли так и не было достигнуто. И вот так, день ото дня они записывают в себя ассоциативный ряд, принимающий примерно следующий вид: «Все едино, все едино, все едино… а интересно, что завтра делает Серега? Вернет он мне долг или нет? А Маринка… И почему она не смотрит на меня? Хотя я знаю, что нравлюсь ей… Пообедать бы… А что если на меня нападут двое? О! Да я их только так, одному – раз, другому – два!.. Только бы завтра дождя не было… Ой, так, о чем это я? Все едино, все едино… И почему я позавчера не взял зонт?..» А что это означает? А то, что в сознании человека откладывается четкая связь между Духовными Истинами и той кашей, которую наши «господа без мотивации» сами себе рассказывают. Но это еще пол беды, вторая часть заключается в том, что такими «медитациями» эти люди развивают в себе лень до неимоверных размеров, потому как во время созерцания вчерашнего борща убивают в

себе всякую возможность к напряженному труду. Есть, конечно, особые случаи отсутствия мотива, потому как человек видит вокруг себя только мрак и тьму. Разумеется, людям помогать можно и нужно, но лучшую помощь могут оказать лишь они сами, заглянув в свою Душу честными глазами.
В общем, окончив прием, мы твердо решили писать руководство, которое бы содержало ответы на самые распространенные вопросы эзотериков. Чем мы и занимались всю следующую неделю, отвлекаясь на службу, встречи, тренировки и беседы с друзьями.
К субботе наше руководство было готово и представлено на всеобщее обозрение в центре, который многие по старой памяти называли орденом. Чтобы руководство не разорвали прежде, чем оно проживет хотя бы первый день, мы посоветовали Абдулову поднапрячь преподавателей и переписать руководство в нескольких экземплярах, а оригинал сохранить.
В воскресенье, помимо вездесущих асральщиков, гениев развития и совсем уж рядовых гуру, мы вновь имели честь лицезреть Беркута, на этот раз он был мрачнее грозовой тучи, и практически с порога сообщил нам:
- На этой неделе я вновь общался с тем человеком, о котором рассказывал вам. Так вот, он разъяснил мне, что себя нужно принимать таким, какой ты есть, а не загонять в рамки придуманных правил и морального рабства!
- Интересно, а почему вы строите предложение так, будто мы вам велели загонять себя в рамки? – спросил я.
- А разве нет? Вы же говорили про управление эмоциями, которое основано на завоевании самого себя, но не силой, а хитростью, еще пример приводили с государствами, я все помню.
- К сожалению, вы очень своеобразно поняли наши слова и примеры. Мы не просили вас загонять себя в рамки или порабощать, мы говорили вам о том же, о чем вам сказал ваш знакомый.
- Опять вы отступаете? Услышали серьезные слова, поняли, что не в состоянии с ними спорить и поэтому решили убедить меня в том, что сами мне это говорили? Не выйдет!
- Прошу вас, сохраняйте спокойствие и держите себя в рамках приличия.
- Иначе что? Побьете меня? Как это низко и примитивно с вашей стороны, угрожать человеку физической расправой!
- Разве я вам угрожал? Вы сами предположили это, а затем сами же и осудили. А я лишь попросил вас держаться достойно.
- Не нужно выкручиваться, я знаю, о чем вы думали, когда говорили вашу «просьбу»! Если желаете удержать меня в рамках приличия, то, будьте любезны, объяснитесь! Почему вы позволяете себе обманывать людей? Почему вы сперва говорите мне одно, а сейчас делаете вид, будто и не говорили этих вещей вовсе?
- Дело в том, что человек устроен довольно интересным образом: если мы хотим передать ему свою мысль в точности такой, какой ее видим мы, то, скорее всего, мы потерпим фиаско. Почему? Потому что наше восприятие и восприятие человека – различны. Так случилось и с вами: мы говорили вам об одном, а вы поняли слова совершенно иначе. Для примера можно представить следующую картину: вы опускаете карандаш в стеклянную емкость с водой, в том месте, где карандаш пронзает водную гладь, со стороны, видно преломление, карандаш словно сгибается в этом месте, и в воде он кажется толще. В данном примере вода и воздух над водой – это два разных сознания, а карандаш – это мысль, которую одно сознание желает передать другому. Мы не виним вас за то, что вы своеобразно воспринимаете слова, каждый человек уникален и это восхитительно, но я попрошу вас впредь более внимательно следить за словами собеседника.
- То есть вы пытаетесь сказать, что я просто не так понял ваши слова? – спросил юноша, сбавив пыл.
- Верно.
- Хорошо, допускаю, но все равно, даже если так, почему вы не увидели, что ваши слова

не поняты?
- Потому что вы нам сказали, что это именно то, что вы хотели услышать. Да, согласен, что наши навыки общения не совершенны, но разве мы не имеем морального права на то, чтобы собеседник уделял нашему общению более внимания, чем он обычно уделяет, хотя бы по той простой причине, что центр занимается развитием человека, в том числе и такого аспекта как внимание.
- Что ж, я постараюсь уделять вашим словам больше внимания.
Юноша попрощался и ушел.
Окончив встречи, мы отправились в имение, пообедали и пошли прогуляться по саду, вдыхая аромат свежего весеннего воздуха. Михаил прогуливался с нами, занимая наши умы интересными мыслями:
- Ребята, как вы думаете, из чего состоят ваши плотные тела?
- Как из чего? – удивился Кирилл, - Кожа, мышцы, кости, сухожилия, органы… много всего.
- Хорошо, а из чего состоят, например, мышцы?
- Из мышечных волокон.
- А они из чего?
- Из клеток, а если продолжить мысль, то тела состоят из атомов.
- Хорошо, а что такое атом?
- Это весьма мелкая частица материи, я не говорю мельчайшая, потому как не уверен в этом.
- У атома есть ядро, а вокруг него вращаются электроны, само ядро состоит из протонов и нейтронов. Почти вся масса атома сосредоточена в ядре, в то время как радиус ядра многократно меньше радиуса атома. И тут возникает интересный вопрос: если между ядром и границей атома находятся только вращающиеся электроны, обладающие незначительной, относительно ядра, массой, то разве не являются наши тела, большей частью, пустыми, нежели наполненными и плотными?
Этими словами Михаил поставил нас в тупик, не знаю как друзьям, но мне такая мысль и в голову не приходила.
- Если продолжить тему, то станет ясно, что все мы – единое целое. Эта Великая Духовная Истинна справедлива не только в «духовном мире», как об этом привыкли думать «посвященные», эта Истинна справедлива везде и всегда… Позволю себе задать вам еще один вопрос, а затем оставлю наедине с новыми мыслями: ответьте сами себе, если частицы наших тел столь непостоянны, то почему мы способны долгое время поддерживать одну и ту же форму?
Князья это умели – сперва озадачат, что хоть в бочку лезь, Диогена вспоминая, а потом хлоп и откланяться, думай, мол, сам. И мы думали, долго думали, потому провели остаток дня почти в полном молчании.
В понедельник мы гостили у Тимура Васильевича, он, разумеется, не упустил возможности с нами потренироваться. Затем навестили Эдди, проведали Илью, он просил передавать самые теплые пожелания Орлову.
Во вторник Гавриил озадачил нас с утра вопросом:
- Как вы относитесь к смерти, друзья? – сказал князь, улыбаясь.
- Как к еще одной выдумке людских умов – с юмором, - ответила Настя.
- Тогда вам просто необходимо посетить в пятницу собрание общества поклонников смерти.
- В нашем городе есть такое общество? – спросил я.
- Разумеется, город большой, в нем много чего есть. Общество это еще молодо, охотно набирает новых членов, так что с разрешением на посещение собрания у вас сложностей не возникнет.
Необходимо – значит, необходимо. Среду и четверг мы провели довольно обыденно: поработали с Федором, позанимались делами центра, к слову сказать, приносящего

немалую прибыль, разведали место проведения собрания и в пятницу вечером объявились в нужном месте.
Культовым местом собраний и поклонений смерти была выбрана квартира одного из домов в средней части города. Привратник или, лучше сказать, дворецкий, карауливший вход в «святую обитель», поинтересовался целью нашего визита. Юноша, скрытый под черной мантией и капюшоном, желал напустить на себя серьезность, а на общество опустить завесу тайны и величия, но все рассеялось, едва он услышал, что мы желаем приобщиться этим вечером к их собранию. Как ребенок, он обрадовался новым членам собрания и охотно открыл нам дверь.
Итак, мы очутились в темной, с плотно зашторенными окнами, комнате, напоминавшей зал. В разных углах комнаты горели одинокие свечи, ближе к входу располагались стулья и скамейки, предоставляя «студентам» возможность сидя внимать «мудрые речи адепта смерти». Расположившись в дальнем ряду импровизированной аудитории, мы принялись осматривать окружающую обстановку, чего тут только не было: различные символы, какие-то руны, амулеты, прочие атрибуты «колдунства» - все сфокусировалось в этом зале, довершал картину череп, находящийся на столе лектора рядом со свечой, очевидно для того, чтобы его было лучше видно. Люди вокруг выглядели типичными фанатиками, выражение лица которых просто кричит: «Я познал нечто такое, чего вам всем никогда не постичь!» Возраст людей колебался от шестнадцати до сорока лет, среди учеников преобладали женщины. Люди тихонько перешептывались между собой, «адепты» шастали из комнаты в комнату, и вот, наконец вышел глава общества, поприветствовал всех, и лекция началась:
- Как мало в нашем бренном мире люди задумываются о смерти. Уверен, у каждого из вас немало знакомых, легкомысленно или даже шутливо относящихся к великому и священному богу смерти. Каждый человек в Душе боится смерти, но желает скрыть это, сделать вид, будто его смерть не коснется. Но стоит лишь этим глупцам открыть глаза пошире, как они увидят, что смерть окружает их повсюду: каждое мгновение в природе умирают живые существа, погибают бактерии, умирают люди. Только задумайтесь, каждое мгновение в этом мире пропитано смертью, ее величием и неотвратимой мощью. Как бы мы не старались, мы не в силах убежать от нее, никто не в силах. Так не лучше ли быть с ней в союзниках, нежели насмехаться над ней? Вы – блаженные прозревшие – увидели истину, увидели и приняли ее. Вы знаете, что любое рожденное существо непременно умрет. По сути своей рождение – это начало смерти. О, великий бог смерти, - лектор вознес руки к небесам, - дай нам время лицезреть тебя без мук и мудрость, чтобы осознать твое величие!..
Далее следовала получасовая лекция, наполненная подобными восклицаниями, рассуждениями на тему величия смерти и слепоты людей, наконец, настало время вопросов. Было видно, что «адепты» просят задавать вопросы «для галочки», потому что обычно их никто не задает. Вот и сейчас, на фразе «а теперь, если у вас есть вопросы, можете их задать» все начали собираться по домам, но не тут то было, у меня назрел вопрос:
- Если смерть так величественна, почему бы ей сразу не поглотить весь мир?
- О, я чую свежую неокрепшую Душу, - начал лектор.
- Замечательно, а что такое Душа? Вы ведь способны ее чувствовать и классифицировать по степени «окрепшести», значит, наверняка знаете, что это такое.
- Душа… - магистр замялся, - это та наша часть, которую бог смерти забирает себе после гибели нашего тела.
- Так, значит, умирает только наше тело, а Душа остается жива, но в плену у бога смерти?
- Нет, не в плену, бог смерти поглощает ее.
- Поглощает… выходит Душа только меняет форму существования, но остается жива, как часть бога смерти. И потом, кто порождает Души?
- Бог смерти поглощает Душу окончательно, она перестает существовать, существует

только бог смерти. А порождает Души обезумевший бог жизни, не способный осознать одну простую истину: все, что он сотворил рано или поздно будет поглощено богом смерти.
- Таким образом, вы не верите в возможность Души существовать после гибели плотного тела, верно?
- Верно.
- Тогда какой смысл всего вашего существования, вашей деятельности, ваших слов, если все это все равно будет поглощено?
- Мы открываем людям истину.
- А как вы знаете, что именно это – истина?
- Потому что это нас окружает, где бы мы не оказались. Люди умирают, если вы не знали.
- Вынужден вас расстроить, после смерти, как вам приятно называть этот процесс, тело вовсе не прекращает свое существование, оно активнейшим образом разлагается, оно действует. И «пожирает» его вовсе не бог смерти, а впитывает в себя природа, чтобы дать жизнь новым существам. В природе просто так ничего не исчезает и не появляется, у всего есть причина и следствие. Вы считаете, что бог смерти стирает Душу из этого мира окончательно, но сам-то он существует, живет, если угодно. Какой же он бог смерти после этого? Как может бог смерти быть живым? Это невозможно.
- Сразу видно, что вы не понимаете элементарных вещей. Бог смерти вездесущ!
- Раз он вездесущ, стало быть, вы успели хорошо пронаблюдать его природу, так объясните мне его природу. И потом, как он может быть вездесущ? Он что дает жизнь всем существам? Поддерживает их?
- Его природа сокрыта от нас. А вездесущ он, словно воздух вокруг нас, мы не видим его, но он есть, он постоянно с нами. Вы ведь знаете, что воздух необходим для дыхания каждому человеку, также и смерть – необходима всем без исключения.
- Вы хотите сказать, будто каждая Душа желает исчезнуть раз и навсегда?
- Вы опять ничего не поняли. Суть бога смерти сокрыта от нас. Он забирал жизни с момента ее появления. Жизнь появилась недавно во Вселенной, а смерть была всегда.
- Интересно, откуда же появилась жизнь в таком случае?
- Жизнь – это замедленный процесс умирания, возможно бог смерти так забавляется.
- А как же Бог Жизни? Он откуда взялся?
- И он был выделен из смерти, чтобы снова быть ею поглощенным.
- Вот уже как, стало быть смерть умеет выделять из себя Жизнь, и не просто Жизнь, а Бога Жизни.
- Не выделять, а замедлять процесс умирания.
- Позвольте узнать, что же умирало, и чей процесс замедлен, если изначально не было ничего кроме смерти?
- О, великий бог, прости этому человеку его близорукость, - магистр воззвал к небу, на меня уже начали откровенно злиться прочие слушатели, а Кирилл с Настей еле сдерживались от смеха, - Научи меня доносить твою истину до умов людских!
- Зачем вы так стараетесь, ведь вы верите, что все люди все равно сгинут навсегда.
- Так пусть они сгинут исполненные уважением и страхом перед богом смерти.
Еще немного «пободавшись» с этим индивидом, я решил закончить диалог, мы откланялись и ушли, сопровождаемые всеобщим презрением. Откровенно говоря, мне было неважно, что подумают про меня люди, главное, что семена сомнения посеяны в умах этих почитателей смерти, и, может быть, они поймут, как прекрасна Жизнь.
Следующим утром мы отправились в управление, а оттуда, вместе с Федором, поехали в нижнюю часть города, где, по сообщениям граждан, совершается злое и безжалостное преступление. Прибыв на место, мы увидели, что суть дела весьма проста: не совсем трезвый мужчина проявил агрессию, выставил свою жену и двоих детей из дома в эту субботнюю апрельскую ночь. К счастью, нашлись добрые люди, которые приютили изгоев и спасли от холода ночи. Конечно, ночь в апреле гораздо теплее, нежели зимой, но

все равно не так тепло, чтобы сохранить здоровье, особенно если ты никогда не закалял свой организм.
Ближе к утру мужчина протрезвел, осознал свою ошибку, но оказался гордецом и посему отказался впускать кого бы то ни было в дом.
- Друзья, я помню, вы интересовались вопросом, до чего может довести человека гордыня – вот, пожалуйста, я специально поехал на это дело с вами, чтобы показать еще одну грань человеческой злобы, - сказал Федор и направился к двери.
Сыщик постучал, в ответ раздались нелестные слова.
- Откройте дверь, будьте любезны.
Мужчина эмоционально пояснил Орлову, куда и как надолго ему следует отправиться.
- Зачем вы так грубо выражаетесь, ведь среди зрителей вашего неистового поведения есть и дети и женщины. Кроме того, я из полиции, прибыл узнать, по какому праву вы решили застудить свою семью, выставив их на улицу ночью?
Мужчина не менее красноречиво разъяснил, что ему все равно, кто слышит его слова, а так же высказал недоверие, по поводу фразы «я их полиции».
- Если вы не верите мне на слово, то вы можете открыть дверь и взглянуть на мое удостоверение. И, опять же, я вынужден просить вас перейти на литературный язык.
Разумеется, буян отказался открывать дверь, но при этом пригрозил Федору физической расправой.
- Как же вы собираетесь сделать это, если сидите взаперти? Тем более вы не видели моего лица.
Последовали совсем уж непристойные слова, обвиняющие Орлова во всех людских грехах, позабытым остался, наверное, лишь грех убийства Авеля.
Федор подозвал нас жестом.
- Друзья, судя по всему, нам придется брать дом силой, но, прошу вас, не разбивайте окон и не выставляйте дверь, потому как женщина и дети не сумеют их отремонтировать, а на помощь соседей я бы не стал рассчитывать, во всяком случае, на скорую помощь. Ночи еще холодные, сами знаете, так пусть эти несчастные ночуют в тепле. И еще, если придется применить силу к хозяину дома, сделайте это так, чтобы его дети этого не видели, потому как негоже маленькому ребенку видеть отца избитым – это очень глубокая психологическая травма.
За одну эту речь можно было окрестить Федора Учителем: столько Любви и сопереживания чужому горю редко можно встретить в одном человеке.
Мы осмотрели дом: окна плотно закрыты, дверь заперта, через трубу лезть, конечно же, никто не собирается. Решили осведомиться у хозяйки о замках в двери, все оказалось довольно просто: они – семья бедная, поэтому на замки у них денег нет, а дверь запирают на засов.
- Господа, - обратился к нам сыщик, - будьте любезны, пошумите у дальнего окна, а я пока отопру засов.
- Каким образом? – спросил Кирилл.
- Вот уже половину жизни я гоняюсь за бандитами и ворами, поэтому прекрасно знаю, как можно проникнуть в дом, не имея ключа.
Что ж, мы отправились шуметь, вскоре за окном послышался знакомый голос, грозные и неприличные слова, повелевающие нам отправляться вслед за Федором. Тем временем Орлов отпер дверь и вошел внутрь, раздались звуки борьбы, мы ринулись на помощь, когда ворвались в дом – обнаружили бунтаря на полу, рядом на одном из дверных проемов кровь. Вскоре Федор заковал руки несчастного и увел его подальше вглубь дома, семью и зевак мы пока внутрь не пускали.
Многие, осознав, что представление окончилось, разошлись по домам, минут через пятнадцать Орлов закончил беседовать с мужчиной, подошел к его жене, что-то тихо сказал ей на ухо, та кивнула и увела детей подальше. После этого маневра мы вывели мужчину с разбитым в кровь лицом, усадили в экипаж и направились в управление.

- За что вы его так? – спросил я уже после того, как мужчина был передан в руки младших чинов.
- На это было несколько причин: во-первых, он сам набросился на меня, во-вторых, у него был нож, а в-третьих подобных людей время от времени следует бить, как бы грубо это не звучало.
- От чего вы так считаете?
- От того, что я знаю, какой эффект оказывает крепкий удар на сознание зарвавшегося человека. Понимаете в чем дело: он долго время жил с женой и детьми, привык к тому, что он сильнее всех в своем окружении, особенно внутри собственного дома. Такие люди, чаще всего, робки и трусливы на работе, в общении с другими мужчинами, но истинные звери и тираны в своих домах. Когда в их сознании идея собственного могущества и вседозволенности зашкаливает, Жизнь обязательно посылает им напоминание, часто в виде хорошей трепки, после чего они, на какое-то время, начинают понимать, что и сами причиняют боль своим близким. Но после этого не наступает резкого перелома в сознании, потому как гордость не позволяет им, например, извиниться перед женой и детьми за свое поведение, они вновь впадают в иллюзию собственного могущества, пока не получат очередную порцию «воспитания». В данном конкретном случае я рассадил ему лицо лишь потому, что он собирался ударить меня ножом в грудь, я перехватил руку, вывернул кисть и резко развернул корпус, желая просто повалить смутьяна на землю, однако, я не рассчитал расстояние и силу, поэтому, вместо пола, мужчина повстречался с дверным проемом. Откровенно скажу вам, я не испытываю угрызений совести, потому как считаю мужчин, позволяющих себе поднимать руку на женщин и детей, недостойными звания «человек». К сожалению, тирания в семьях – очень распространенное явление. Более того, родители часто не воспринимают детей, как отдельных, уникальных и живых людей, они воспринимают детей, как собственность, с которой можно обращаться так, как им вздумается…
Раздался стук в дверь.
- Войдите.
В дверном проеме показался хорошо одетый мужчина, представился, осведомился, кто из нас господин Орлов, передал Федору конверт с княжеской печатью и откланялся.
- Вот так новости, - сказал сыщик, вертя конверт в руках, - Неужели их Светлость решили написать мне письмо? – Федор вопросительно обвел нас взглядом, но мы об этом ничего не знали, - Так-с, посмотрим… - Орлов достал бумагу, прочел ее, затем свернул, сияя от радости, - друзья, завтра я присоединюсь к вашему обществу примерно в два часа дня в княжеском имении.
Разумеется, мы были рады этой новости, но истинную Радость доставляло созерцание счастливого лица сыщика.
Воскресное утро выдалось весьма напряженным, мы, как обычно, принимали страждущих, среди них оказался и наш старый знакомый Беркут, которому опять «открыли великую истину», и снова он пришел за разъяснениями…
- Скажите, неужели вам доставляет удовольствие ходить от одного человека к другому, выслушивать их мнения по одному и тому же вопросу, а потом нагружать себя ненужными мыслями? – интересовался Кирилл.
- Почему это ненужными? И не доставляет мне никакого удовольствия ходить туда сюда, но раз вы не можете мне дать конкретных ответов, то я просто вынужден так поступать!
- Вы же говорили, что любите логику и факты, так почему бы вам самому не дать себе все ответы? Вот уже в третий раз вы приходите к нам с одной и той же ситуацией, суть которой сводится к тому, что вы трактуете слова так, как вам того хочется, а затем приписываете их нам и идете с обвинениями. Неужели вы не в состоянии мыслить самостоятельно?
- Я в состоянии мыслить лучше всех вас!
- Замечательно, так зачем же вы к нам пришли?

- Потому что вы, потому что вы… шарлатаны!
- Так вы любите ходить к шарлатанам?
- Это вы любите, а я выведу вас на чистую воду!
- Как же вы собираетесь это сделать?
- Ага, вот вы и признались, что вы – шарлатаны!
- С чего вы взяли? Я ничего не утверждал, просто уточнял вашу позицию.
- А-а-а! – юноша откровенно бесился, - Ну, лжец, ну я тебе сейчас покажу! – побагровев от ярости, Беркут сжал кулаки и сквозь зубы начал цедить слова, - Ты – лжец и обманщик, ваш орден ничего не дает для Духовного развития, вы только и умеете, что собирать деньги да выворачивать все слова наизнанку! Вы дурачили меня столько времени! Теперь я все понял, я вас ненавижу!
- По-вашему выходит, что понимание всего неминуемо связано с ненавистью?
- Да что ты за урод такой?! Сколько можно надо мной издеваться.
Кирилл встал со стула, приблизился к уже стоявшему Беркуту, заглянул ему в глаза и сказал:
- Вы довольно грубо себя ведете, если вы не смените манеру поведения, то будьте уверены, что наказание наступит.
Как и ожидалось, юноша оказался трусом, быстро сбавил свой пыл, отошел к двери, сказал, что больше никогда к нам не придет и удалился.
Кстати говоря, довольно распространенное явление, когда человек мечется между двух или более точек зрения, взвешивает, оценивает, спорит… но так и не может выработать собственную. Такие люди, как это не прискорбно звучит, большую часть времени не в состоянии мыслить самостоятельно, единственное, что им под силу – обдумывать чужие мысли и идеи.
В двенадцать визиты закончились, мы отправились в имение, пообедали, немного погуляли, а в два часа уже встречали Федора вместе с Галиной. Мы поприветствовали друг друга, затем Орлов сказал:
- Представляете себе, их Светлость – такие затейники! Оказалось, они отправили письмо с приглашением не только мне, но и Галине Альбертовне, я до последнего момента не знал об этом, и встретил эту прекрасную даму у входа в имение.
- И сделали мы это не случайно, - раздался голос Гавриила, невесть откуда взявшегося рядом с нами.
Князь поприветствовал гостей, вскоре прибыли Михаил и Мария, и мы веселой компанией отправились на прогулку.
- Прежде, чем мы затронем в разговоре ту тему, ради которой вы гостите у нас в одно время, позвольте задать вопрос, - обратился Михаил к Федору.
- Все, что вам будет угодно – спрашивайте.
- Довольны ли вы службой Анастасии, Дмитрия и Кирилла?
- Полагаю, вы знаете ответ, но я готов повторить его сотню раз – да, доволен. Более того, я многому научился сам, сотрудничая с вашими подопечными.
- Вы помните, с каким недоверием принимали их на службу?
- О да, мне до сих пор стыдно перед вами.
- Вам нечего стыдиться, но скажите, теперь вы более доверяете моим словам, чем раньше?
- Безусловно! Теперь я верю вам полностью.
Далее Михаил «похитил» Федора и Галину для разговора, мы не слышали слов, но в итоге влюбленная пара объявила, что у них скоро свадьба, и что мы все приглашены…
Свадьба была намечена на двадцать четвертое апреля, об этом Федор сообщил нам на неделе. Мы же, в течение недели занимались обыденными делами, постигали новые грани Духа в тренировках, медитациях и общении с людьми.
В воскресенье с утра на встречу снова пришел Беркут, извинился за свое поведение, но на этом его прогресс закончился, он снова обвинил нас в изворотливости и прочих грехах. Что ж, всему есть мера, этот человек исчерпал свою меру, поэтому был выставлен вон.

Очень странный человек, зачем ему потребовалось возвращаться к нам, если он все равно вышел на конфликт? Воистину, человеческое сознание многогранно. На его примере я понял, до какой степени может доходить леность мысли в человеке. К счастью, в этот день у нас были и адекватные визитеры, с вполне конкретными вопросами.
В целом апрель прошел плодотворно: доходы от деятельности центра позволили нам открыть несколько новых лекционных и тренировочных залов по городу, чтобы охватить все слои населения и сделать процесс путешествия на лекцию более коротким и приятным. Двадцать четвертого числа мы, как и было условлено, прибыли на свадьбу Федора и Галины. До чего же ярко эти двое светились Любовью в этот день! Благодаря князьям, привычные свадебные обряды были заменены старинными, я бы даже сказал древними, обрядами, проводившимися на Руси. К позору своему я не знал ни одного из них, поэтому восполнял пробелы в знаниях, наблюдая за влюбленными. На свадьбе было много гостей, много богатых и знатных людей, были люди и среднего и скромного достатка, но всех их объединяло одно – глубокий отпечаток интеллекта на лице. В этот день было произнесено множество поздравлений и пожеланий, не отставали и князья, шутками да прибаутками высказывающие глубокие и Мудрые вещи. Разошлись гости поздно, проводив молодоженов до дома.
В мае Федор редко появлялся в управлении, поэтому и у нас со службой стало совсем легко. Правда, иногда мы вели кое-какие дела с Купчиным и Громовым, преимущественно мелкие. Князья, видимо, решили в последней месяц весны сказать нам все то, что не сказали за весь год, от чего наши головы «трещали» под напором информации, а сердца и Души становились Светлее. Так, например Михаил, в одной из бесед, раскрыл передо мной огромную бездну труда, который стоит проделать, он сказал:
- Как вы думаете, что есть Любовь? Или почему следует любить других так же, как себя? Почему развитие неминуемо ассоциируется с единением, Гармонией со всеми и всем вокруг? Потому что все во Вселенной уже едино, даже с материальной точки зрения, вам не нужно «достигать» этого или «присоединяться» к Вселенной, вы уже часть Великой Жизни, в вас уже заложено все, что заложено во Вселенной. Ваше сознание чувствует себя единым только с окружающей природой или только этой планетой лишь потому, что вы сами не позволяете себе сознавать больше. Постарайтесь осознать до глубины материальную природу вещей, и вы твердо поймете, что единственной реальностью является Дух, а все остальное – игра вашего восприятия в мире иллюзий. В этом понимании вам поможет Любовь. Любовь – как универсальный способ познания самого себя и Вселенной, она дает твердый, ничем незаменимый Духовный опыт. И еще запомните, Истинная Любовь начинается там, где вы сумете Любить не только предметы внешнего мира, не только всех людей на Земле, но саму пустоту, вернее то, что вам сейчас кажется пустым.
Последним предложением Михаил окончательно запутал мой разум, поломав голову над его словами весь день, я сильно устал и лег в постель совершенно без сил, но, в тот момент, когда голова коснулась подушки, и мысли расслабились, меня озарило. Озарение шло не из головы, даже не из сердца, озарение источало мое истинное Я, и тут-то многое из слов князей стало понятным…
Приближалось лето, мы собирались отправиться к Ярославу в понедельник, первого июня. Чем для нас стал прошедший год? Мы получили опыт руководства центром, встретились лицом к лицу с преступным миром, обогатились новыми друзьями и, надеюсь, шагнули еще на одну ступеньку выше в своем развитии. Но этих ступеней бессчетное количество, поэтому нам пора отправляться в путь…